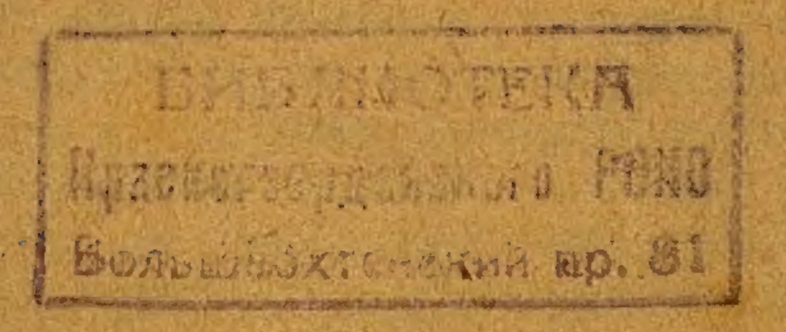
33(0)53
K22

6

Н. И. КАРѢЕВЪ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ



ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ, ПЕТРОГРАДЪ
Приложеніе къ журналу „НИВА" на 1918 г.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп. № 29.

ГЛАВА I.

Значеніе великой французской революціи и знакомства съ ея исторіей.

О великой французской революціи написано безчисленное множество большихъ и малыхъ книгъ, брошюръ и статей на разныхъ языкахъ, особенно, конечно, на французскомъ. Нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія объ этой революціи состоятъ изъ нѣсколькихъ томовъ, а для помѣщенія статей, въ которыхъ говорится о томъ или другомъ изъ ея исторіи, издаются особые журналы. Напечатано и продолжаетъ печататься неизмѣримое количество и разнаго сырого матеріала, т.-е. воспоминанія современниковъ, ихъ дѣловая и частная переписка, всякіе документы и пр. и пр. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени историки интересуются всѣмъ, что̀ касается французской революціи.

Бо̀льшая часть книгъ, брошюръ и статей о революціи и по содержанію своему, часто очень подробному и даже мелочному, а иногда и слишкомъ спеціальному, недоступна для такъ называемой большой публики, т.-е. для широкихъ читательскихъ массъ, но среди всей этой литературы есть и популярная, разсчитанная на удовлетвореніе любознательности именно большой публики. Великая французская революція представляетъ собою событіе первостепенной исторической важности, и отсюда понятно, почему надъ ея исторіей работало множество писателей, съ одной стороны, ученыхъ—съ другой—публицистовъ, а также почему сюжетами изъ этой исторіи пользовались многочисленные романисты, драматурги и живописцы для своихъ художественныхъ произведеній. Этотъ общій интересъ къ исторіи переворота, пережитаго Франціей въ концѣ XVIII вѣка, силенъ притомъ не только въ самой Франціи, но и въ другихъ странахъ, потому что событіе это имѣетъ значеніе не для однихъ французовъ. Доказательствомъ

этого можетъ служить то, что главные французскіе историческіе труды переводятся на другіе языки, и что на этихъ другихъ языкахъ много было написано о французской революціи какъ чисто-ученыхъ работъ, такъ и популярныхъ книгъ, брошюръ и статей.

Россія въ послѣднемъ отношеніи не составляетъ исключенія, хотя только за послѣдніе полвѣка у насъ сдѣлалось возможнымъ о революціи что-либо печатать. Уже во время самой революціи наложенъ былъ запретъ на печатаніе о ней извѣстій въ газетахъ, а потомъ и книги о ней часто не имѣли доступа въ Россію. Настоящая разработка исторіи революціи началась во Франціи лишь около 1825 года, т.-е. когда у насъ произошло подавленіе Николаемъ I декабрьскаго мятежа, цѣлью котораго было совершить революцію и въ Россіи: все царствованіе Николая I было временемъ строжайшей цензуры, охранявшей подданныхъ отъ всякой политической „заразы“. Лучшія въ этомъ отношеніи условія наступили только, да и то не сразу, при Александрѣ II, когда тоже, впрочемъ, наложенъ былъ запретъ на переводы нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ по исторіи революціи. Однако въ концѣ этого царствованія уже началась разработка разныхъ вопросовъ по исторіи революціи и русскими учеными.

Первая русская революція 1905 г. отмѣнила цензурныя стѣсненія, лежавшія на предметѣ, и въ то же время въ широкихъ кругахъ сильно повысился интересъ къ этому предмету, ибо наша революція 1905 г. была какъ бы повтореніемъ того, что̀ произошло во Франціи за сто шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1789 г. французы сбросили съ себя иго королевскаго самодержавія и сдѣлали попытку замѣны его конституціонною монархіей съ народнымъ представительствомъ. Этотъ новый порядокъ вещей продолжался во Франціи только три года. Въ 1792 г. во Франціи произошла отмѣна королевской власти и была провозглашена республика. Въ Россіи повторилось то же самое въ 1917 г., черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ первой революціи, и весьма естественно, что въ 1917 году интересъ къ французскимъ событіямъ конца XVIII в. долженъ былъ только усилиться. Переживая событія 1905—1917 годовъ, очень многіе искали и ищутъ указаній для того, что̀ о нихъ думать, въ исторіи французской революціи, находили сходства и отмѣчали различія. То, что революціонной Франціи пришлось вести войну съ нѣмцами, какъ и намъ съ 1914 года, еще болѣе сближаетъ наши событія начала XX вѣка съ французскими конца XVIII столѣтія.

Интересъ къ историческому прошлому можетъ быть вообще двоякаго рода: чисто-научный—съ одной стороны, и, такъ сказать, житейскій—съ другой. Источникъ перваго—любознательность, и съ этой точки зрѣнія наука можетъ одинаково интересоваться какъ тѣмъ, что̀ было во Франціи въ XIX вѣкѣ по Р. X., такъ и тѣмъ, что̀ было, напр., въ Египтѣ за XIX вѣковъ до Р. X., безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо практическимъ запросамъ жизни. Тутъ важно чистое знаніе того, что̀ есть, какъ оно есть, или того, что̀ было, какъ оно было знаніе фактовъ, безъ извлеченія изъ нихъ какого-либо наставленія или поученія. Въ этомъ смыслѣ „исторія пишется не для доказыванія чего-либо, а для разсказыванія" (historia scribitur ad narrandum, non ad probandum),—не для доказыванія, какъ нужно вести себя или что̀ дѣлать, но просто для удовлетворенія нашей потребности знать прошлое. Задача всякой науки—возвѣщать истину, а истина есть то, что̀ основано на фактахъ и согласно съ логикой, будетъ ли содержаніе этого знанія намъ пріятно или непріятно и можетъ ли оно или не можетъ приносить намъ непосредственную пользу. Такъ, напримѣръ, мы въ состояніи интересоваться тѣмъ, что̀ происходитъ въ далекихъ отъ земли небесныхъ сферахъ, причемъ ничѣмъ не задѣваются ни наши страсти ни наши интересы. Но именно такое отношеніе къ изучаемому въ любой наукѣ предмету только и способно приводить къ знанію того, что̀ есть, какъ оно есть, или что̀ было, какъ оно было.

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва *).

Только къ очень далекому, чуждому нашей жизни прошлому можетъ существовать такое спокойное и равнодушное отношеніе, холодное и безстрастное, но, чѣмъ ближе къ намъ то или другое прошлое, чѣмъ болѣе сплетается оно съ нашимъ настоящимъ, тѣмъ труднѣе относиться къ нему съ безразличіемъ ума, ищущаго только чистаго знанія. Чѣмъ далѣе отходитъ отъ насъ въ прошлое великая французская революція, тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлается возможнымъ чисто-научное къ ней отношеніе, и въ этомъ смыслѣ начало второго столѣтія послѣ революціи было ознаменовано приступомъ къ такому чисто-научному ея познанію.

Первые труды по исторіи революціи продиктованы были не столько одною любознательностью, сколько запросами

---

*) Пушкинъ, „Борисъ Годуновъ".

жизни, въ чемъ и состоитъ другое, житейское отношеніе къ прошлому. Во Франціи вся жизнь въ XIX в. сложилась подъ вліяніемъ революціи, и спокойное, равнодушное отношеніе къ ней, не вѣдающее ни жалости ни гнѣва (sine ira et studio), было и долго оставалось совершенно невозможнымъ. Книги писались или въ защиту революціи, или для ея порицанія, а въ изображеніе событій, въ изображеніе дѣятельности цѣлыхъ партій и отдѣльныхъ лицъ вносились пристрастія и предразсудки, симпатіи и антипатіи и т. п. Революцію или оправдывали, или ее обвиняли, къ ея дѣятелямъ проявляли сочувствіе и одобреніе или отвращеніе и осужденіе, смотря по принадлежности автора къ той или другой политической партіи. Въ революціонномъ прошломъ искали въ то же время или наставленій, или предостереженій, и сообразно съ этимъ истолковывали отдѣльныя событія и весь ея ходъ примѣнительно къ злобѣ своего дня, причемъ иныя рѣшенія историческихъ вопросовъ намѣчались не столько фактами и логикой, сколько интересами и страстями, подъ вліяніемъ которыхъ

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

При такомъ пониманіи дѣла исторія не столько разсказывала, сколько доказывала и ставила своею цѣлью въ большей мѣрѣ воздѣйствіе на будущее, нежели пониманіе прошлаго. „Исторія,—говорили древніе,—есть наставница жизни“ (historia est magistra vitae), и эту какъ-разъ точку зрѣнія раздѣляли авторы исторій французской революціи, пользовавшіеся ея изображеніемъ не столько для просвѣщенія, сколько для наставленія своихъ современниковъ.

Я далекъ отъ отрицанія взгляда на исторію, какъ на наставницу жизни, но нужно, чтобы наставленіе являлось слѣдствіемъ историческаго знанія, а не его цѣлью. Когда авторъ хочетъ своимъ произведеніемъ поучать, онъ все въ немъ подгоняетъ къ выполненію этой задачи, что̀ можетъ приводить къ слишкомъ иногда свободному обращенію и съ фактами и съ логикой, въ ущербъ научной истинѣ. Гораздо лучше не задаваться такою цѣлью, дабы, стремясь только къ истинѣ, историкъ давалъ въ ней самой нѣчто такое, что̀, помимо его намѣренія, приводило бы къ полезному наставленію. Добиваясь чистаго знанія, мы потомъ можемъ пользоваться этимъ знаніемъ для руководства нашимъ поведеніемъ въ жизни, и тѣмъ надежнѣе будетъ это руководительство, чѣмъ само знаніе будетъ независимѣе отъ того, что̀ диктуется намъ нашими желаніями и стремленіями, которымъ не слѣдуетъ вмѣшиваться туда, гдѣ дѣло идетъ о познаніи того, что̀ было,

какъ оно было, а не такъ, какъ намъ было бы желательнѣе и пріятнѣе или казалось бы полезнѣе, чтобы оно было.

Историческая наука, дѣйствительно, призвана къ тому, чтобы быть наставницей жизни, но для того, чтобы исторія этимъ могла быть, она не должна ставить себѣ непосредственно такую задачу, какъ и художественная басня имѣетъ свою цѣнность безъ вытекающаго изъ нея правоученія. Говорятъ, что исторія учитъ лишь одному тому, что, въ сущности, никого ничему не научаетъ. Къ сожалѣнію, для такого афоризма есть свое основаніе, но бѣда не въ томъ, что сама исторія будто вообще неспособна учить, а въ томъ, что люди изъ исторіи не хотятъ или не умѣютъ учиться; если же и случается, что у исторіи учатся, да пользы отъ этого не получается, то это бываетъ тогда, когда не столько хотятъ знать прошлое такимъ, какимъ оно было, сколько представляютъ его себѣ въ извѣстномъ смыслѣ, примѣнительно къ своимъ желаніямъ, упованіямъ и стремленіямъ. Пониманіе прошлаго можетъ быть и ошибочнымъ, въ зависимости отъ вторженія въ это пониманіе того, что̀ диктуется не фактами и логикой, а со стороны чувства и движеній воли, и если *такая* исторія дѣлается наставницей жизни, то жизнь отъ этого не выигрываетъ, а проигрываетъ.

Обозрѣвая поразительно-большую литературу по исторіи французской революціи, мы находимъ, что, чѣмъ раньше написана о ней книга, тѣмъ болѣе она проникнута интересами текущаго момента, чѣмъ позднѣе, наоборотъ, тѣмъ больше въ ней научнаго духа. Прежнія исторіи революціи были или ея апологіями, или инвективами противъ нея, т.-е. въ ихъ авторахъ чувствовались скорѣе то адвокаты, то прокуроры, одни—старавшіеся обѣлить, другіе—очернить революцію, нѣчто во всякомъ случаѣ доказывавшіе для назиданія своихъ читателей, тогда какъ, чѣмъ ближе подходимъ къ нашему времени, тѣмъ все больше и больше вносится въ исторію революціи чисто-изслѣдовательскаго духа, безпристрастной критики и все меньше проявляется желанія наставлять, поучать, назидать. Пусть каждый читатель самъ извлекаетъ для себя уроки изъ того, что̀ даетъ ему правдивая исторія, изображающая, что̀ было, какъ оно было. Съ запросами чистаго знанія къ прошлому подходятъ только одни настоящіе историки, у большой же публики преобладаетъ житейскій интересъ, но нужно, чтобы онъ удовлетворялся надлежащимъ въ научномъ отношеніи матеріаломъ, чтобы легенды, которыми обрастаютъ событія, не выдавались за факты, чтобы не обѣлялось то, что̀ само по себѣ черно, и не чернилос[ь] то, что̀ этого не

заслуживаетъ, чтобы не отводилось въ изображеніи прошлаго мѣста никакой идеализаціи и не привносилось въ пониманіе этого прошлаго того, чего въ немъ не было, хотя бы для настоящаго это и было выгодно.

За послѣднія десятилѣтія научный духъ въ изученіи революціи сдѣлалъ очень крупные успѣхи. Я имѣю въ виду здѣсь, во-первыхъ, обращеніе историковъ къ архивному матеріалу, долго пренебрегавшемуся прежними писателями, во-вторыхъ, болѣе тщательную, чѣмъ прежде, разработку подробностей, въ-третьихъ, постоянный критическій пересмотръ взглядовъ, высказывавшихся прежними историками, въ-четвертыхъ, расширеніе круга вопросовъ, изучаемыхъ въ исторіи революціи, которая раньше бралась почти исключительно съ политической стороны, а теперь берется и со сторонъ экономической, соціальной, религіозной, бытовой и т. п., и въ-пятыхъ, наконецъ, имѣю въ виду то, что все меньше и меньше въ исторіяхъ революціи проявляется узкая партійность. И въ новомъ своемъ аспектѣ, болѣе, чѣмъ прежде, научномъ, исторія французской революціи все-таки будетъ служить не одному просвѣщенію общества, но и его назиданію, тѣмъ болѣе плодотворному, что заботу о немъ теперешніе историки не ставятъ въ число своихъ обязанностей.

Знаніе исторіи французской революціи имѣетъ крупное общественное значеніе по одному тому, что ею открывается совершенно новый періодъ исторіи не только Франціи, но и всей Европы,—періодъ, въ которомъ мы всѣ теперь живемъ. Французская революція была стремленіемъ къ свободѣ и равноправію, къ свободѣ и въ смыслѣ обезпеченія естественныхъ правъ личности, и въ смыслѣ участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, къ равноправію въ смыслѣ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Старое государство порабощало личность и устраняло народъ отъ управленія, старое же общество состояло изъ отдѣльныхъ сословій, изъ которыхъ одни пользовались всякими привилегіями, а другія были лишены и элементарныхъ правъ.

Французская революція была началомъ цѣлаго ряда политическихъ движеній въ разныхъ странахъ для осуществленія въ жизни народовъ „правъ человѣка и гражданина", народнаго участія во власти и равенства всего населенія передъ закономъ. Такъ какъ „старый порядокъ" въ лицѣ своихъ представителей и защитниковъ не уступалъ передъ натискомъ со стороны силъ революціи, изъ-за осуществленія новыхъ принциповъ государственной и общественной жизни началась борьба, въ которой по временамъ и даже на очень большіе

сроки революціи терпѣли пораженія, и борьбу приходилось начинать сызнова.

Въ теченіе вѣка послѣ революціи 1789 г. Франція пережила еще три революціи. Первая республика въ этой странѣ была недолговѣчна. Въ 1799 г. надъ нею было совершено насиліе генераломъ Бонапартомъ, который вскорѣ послѣ того сдѣлался неограниченнымъ владыкой Франціи подъ именемъ Наполеона I, а по низложеніи его европейскими монархами, побѣдившими его въ войнѣ, на французскомъ престолѣ была возстановлена старая династія Бурбоновъ, низвергнутая революціей. Противъ этой династіи, „ничего не позабывшей и ничему не научившейся", въ 1830 г. вспыхнула вторая революція („іюльская"), вторично низложившая Бурбоновъ съ престола и передавшая королевскую власть представителю младшей ея, такъ называемой Орлеанской линіи, Людовику-Филиппу, который потомъ самъ былъ низвергнутъ третьей революціей („февральской"), бывшей въ 1848 году. Во Франціи тогда снова была введена республика, но и эта, „вторая", какъ ее называютъ, республика оказалась непрочной. Надъ нею въ 1851 г. было произведено военное насиліе племянникомъ Наполеона, Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ, сдѣлавшимся черезъ годъ полновластнымъ владыкой Франціи подъ именемъ Наполеона III. Конецъ этой власти (или „второй имперіи") былъ положенъ новой революціей, по общему счету четвертой („сентябрьской"), въ 1871 году, послѣ которой въ странѣ и установилась теперешняя „третья республика". Всѣ эти революціи 1830, 1848 и 1871 г. происходили подъ знаменемъ тѣхъ же, въ сущности, принциповъ свободы и равноправія, которые были провозглашены революціей 1789 г. Въ каждую изъ этихъ эпохъ то побѣдоносной революціи, то наступавшей реакціи французы всегда мысленно обращались къ своей „великой" революціи, пониманіе хода и результатовъ которой измѣнялось подъ вліяніемъ переживавшихся моментовъ, и революція 1789 г. для французовъ была все это время не только воспоминаніемъ прошлаго, но и дѣйственною силою политической жизни. Конечно, это вносило въ ея пониманіе много такого, что не пріобрѣтало потомъ прочнаго положенія въ чисто-научномъ ея изученіи, но въ то же время новыя событія ставили передъ историками новыя задачи для разрѣшенія. Одною изъ такихъ задачъ былъ отвѣтъ на вопросъ: почему французы, сдѣлавшіе такія героическія усилія, чтобы завоевать свободу, и пролившіе ради ея достиженія столь много крови, оказались не въ состояніи сразу упрочить у

себя свободные порядки и даже снова подпадали подъ господство неограниченной власти.

Революція 1789 г. наложила свою печать не на одну исторію Франціи съ конца XVIII вѣка. Она получила и великое общеевропейское значеніе. Черезъ три года послѣ начала революціи между Франціей, скоро превратившейся въ республику, и европейскими монархами началась война, получившая для французовъ значеніе борьбы не только за цѣлость и независимость государства, но и за всѣ тѣ пріобрѣтенія революціи, которыя состояли въ политической свободѣ, въ гражданскомъ равноправіи и во всѣхъ вообще учрежденіяхъ общественной жизни. Сначала французамъ пришлось только обороняться, но потомъ они перешли въ наступленіе, произвели завоеванія, расширившія границы ихъ государства до Рейна и Альпъ, а за этими предѣлами учредили въ завоеванныхъ областяхъ цѣлый рядъ маленькихъ республикъ, которыя были какъ бы дочерьми Франціи. Такъ революція вышла за предѣлы той страны, гдѣ сама возникла, и началось воздѣйствіе революціи на Европу, прежде всего испытанное Бельгіей, Голландіей, прирейнской Германіей, Швейцаріей и всей Италіей. Войны революціи, начавшіяся съ 1792 г., получили продолженіе и въ войнахъ Наполеона I, которыя содѣйствовали только распространенію новыхъ идей и порядковъ въ Европѣ. Правда, владыка Франціи въ это время наложилъ тяжелое иго на покоренные народы, но, когда они возстали противъ иноземнаго завоеванія, передовые люди всѣхъ этихъ націй сами становились подъ знамя многихъ идей, провозглашенныхъ революціей. Грандіозными событіями эпохи вся Европа была взбудоражена, и вотъ въ годы, послѣдовавшіе за паденіемъ первой имперіи во Франціи, въ разныхъ странахъ проявилось конституціонное движеніе, началась борьба за осуществленіе свободы и равенства. Въ 1820 году вспыхнула подъ начальствомъ военныхъ силъ революція въ Испаніи и въ Португаліи, въ Неаполѣ и въ Сициліи. Въ первую половину двадцатыхъ годовъ путемъ военнаго возстанія думали произвести революцію и многіе политическіе люди во Франціи. Къ этому же времени относится и та попытка низверженія самодержавія и уничтоженія крѣпостного права, которая была сдѣлана въ Россіи, но окончилась неудачей и сопровождалась казнями, каторгой и ссылкою участниковъ. Заговоръ русскихъ „декабристовъ“ 1825 г. былъ явленіемъ, аналогичнымъ съ тѣми заговорами, которые привели къ революціямъ въ Испаніи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ и вызвали нѣсколько неудачныхъ по-

пытокъ во Франціи въ первыя десять лѣтъ реставраціи Бурбоновъ.

Въ исторіи нашихъ декабристовъ мы имѣемъ первый примѣръ дѣйственнаго вліянія идей французской революціи на русское общество. Декабристы были первыми русскими образованными людьми, испытавшими на себѣ вліяніе французской политической литературы XVIII вѣка, примѣра великой революціи, произведенной французами, и того политическаго движенія, которое привело къ испанской, неаполитанской и другимъ революціямъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Послѣ подавленія военнаго мятежа на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 года, у насъ наступила тридцатилѣтняя реакція царствованія Николая I, но когда при его преемникѣ Александрѣ II началась такъ называемая „эпоха великихъ реформъ“, на преобразованіяхъ этого царствованія тоже сказалось вліяніе многихъ принциповъ революціи, а именно и въ отмѣнѣ крѣпостного права, и въ земскомъ самоуправленіи, и въ новомъ судѣ и т. д. Стремленія декабристовъ также возродились въ русскомъ обществѣ, и все наше „освободительное движеніе“, начавшееся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, входитъ всецѣло въ исторію тѣхъ политическихъ движеній, начало которымъ было положено великою французской революціей и которыя совершались во имя поставленныхъ ею цѣлей свободы и равноправія.

Но вернемся къ Западной Европѣ. Революціи двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, о которыхъ только-что было сказано, были подавлены. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ это сдѣлали австрійскія войска, въ Испаніи—французскія, но стоило только произойти во Франціи іюльской революціи 1830 года, какъ по ея примѣру произошли возстанія въ Бельгіи, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ Германіи, въ Польшѣ и кое-гдѣ въ Италіи. Вторая французская революція, такимъ образомъ, не осталась, какъ и первая, чисто-мѣстнымъ событіемъ, а получила значеніе и для исторіи другихъ странъ. Въ еще большей мѣрѣ это относится къ февральской революціи во Франціи, бывшей въ 1848 году. Этотъ годъ и слѣдующіе за нимъ были свидѣтелями революцій почти во всей Западной Европѣ. Кромѣ Франціи, революція въ этомъ году была въ Италіи, во второстепенныхъ государствахъ Германіи, въ Пруссіи, въ Австріи, причемъ въ этой послѣдней въ движеніи приняли участіе, кромѣ ея нѣмецкихъ подданныхъ, и другія національности, а именно и итальянцы, и мадьяры („венгерская революція“), и австрійскіе славяне, въ особенности чехи, равно какъ и поляки, соплеменники которыхъ поднялись рав-

нымъ образомъ и въ Пруссіи: не говорю уже о другихъ, менѣе важныхъ народностяхъ. Революція 1848 года глубоко потрясла всѣ эти страны. Франція во второй разъ сдѣлалась республикой; въ Италіи временно существовали республики въ Тосканѣ, въ Римѣ, въ Венеціи; Венгрія тоже сдѣлалась республикой; республиканскія возстанія были и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Но все это окончилось крахомъ. Вездѣ революціи были подавлены, и изъ тогдашнихъ конституцій сохранились только сардинская и прусская. Пятидесятые годы были временемъ самой мрачной реакціи. По широтѣ размаха европейская революція 1848 г. напоминаетъ великую революцію конца XVIII вѣка, но какъ тогда, такъ и теперь на родинѣ революціи, во Франціи, установился снова режимъ чисто-деспотической имперіи. Осуществленіе упованій и стремленій 1848 года, да и то болѣе постепенное и умѣренное, началось только въ слѣдующемъ десятилѣтіи.

Остановимся на этомъ моментѣ и не будемъ говорить о дальнѣйшемъ ходѣ событій, на которыхъ отразились лозунги предыдущихъ революцій, начиная съ великой. Неудача движенія 1848 года поставила передъ историками вопросъ о причинахъ этой неудачи *), вернувшій мысль и къ исходу, какой имѣла революція 1789 г. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки заключается въ объясненіи событій и общаго ихъ хода изъ причинъ, порождавшихъ первыя и опредѣлявшихъ послѣдній. Мыслить исторически значитъ мыслить по категоріи причинности. Чѣмъ далѣе отходимъ мы отъ эпохи французской революціи, тѣмъ все глубже и глубже историки стараются выяснить и опредѣлить ея причины путемъ болѣе пристальнаго изученія предшествовавшаго ей „стараго порядка". Но тотъ же самый принципъ сталъ примѣняться и къ изученію того исхода, какой имѣла революція. Задача исторіи „разсказывать, а не доказывать" не должна быть понята въ смыслѣ требованій простого повѣствованія о смѣнѣ однихъ событій другими: исторически разсказывать значитъ не только изображать прошлое, какъ оно было, но и объяснять, почему оно было такимъ, а не инымъ. Первая обязанность историка въ этомъ отношеніи—безпристрастіе, далекое отъ всякихъ поползновеній на какія-либо апологіи и желанія порицать во что бы то ни стало. Историкъ, дѣлающійся адвокатомъ той или другой политической партіи временъ революціи или какого-либо изъ ея дѣятелей,

---

*) Ср. мою брошюру „Почему окончилась неудачей европейская революція 1848 года?" (1917; изд. Партіи Народной Свободы).

равно какъ тотъ, который превращаетъ исторію въ обвинительный актъ противъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ группъ, не можетъ быть настоящимъ судьей событій.

Событія складываются подъ вліяніемъ стихійныхъ процессовъ—съ одной стороны, и сознательной, преднамѣренной и планомѣрной дѣятельности отдѣльныхъ людей и общественныхъ организацій—съ другой. Историку приходится судить, гдѣ дѣйствовала непреоборимая для людскихъ усилій сила и гдѣ то или другое вытекало изъ сознательныхъ намѣреній и стремленій дѣятелей и вождей. Люди могутъ ставить себѣ несбыточныя цѣли, а ставя себѣ цѣли достижимыя, не умѣть выбирать подходящія для ихъ осуществленія средства или оказываться не на высотѣ взятой на себя задачи. Поскольку событія опредѣляются поведеніемъ людей, въ нихъ участвующихъ, историкъ призванъ судить ихъ поступки, указывать на причины ихъ успѣховъ или неудачъ, отмѣчать ихъ ошибки, влекшія за собою пораженія.

Историки революціи всегда интересовались отдѣльными дѣятелями и цѣлыми партіями, отводя имъ много мѣста въ своихъ общихъ исторіяхъ или особыя монографіи, часто съ цѣлями, какъ уже было сказано выше, апологетическими и даже панегирическими, или, наоборотъ, инвективными, обвинительными, притомъ нерѣдко съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Читателей книгъ о революціи можетъ она интересовать не только по отношенію къ текущей политической жизни, но и по отношенію къ психикѣ героевъ и рядовыхъ дѣятелей революціи. Для такого психологическаго интереса великая революція даетъ необычайно обильный матеріалъ: эпоха выдвинула большое количество крупныхъ и некрупныхъ вождей, которые интересны не только въ качествѣ участниковъ событій, но и въ качествѣ характеровъ или типовъ съ чисто-психологической точки зрѣнія. Обиліе романовъ и драмъ изъ эпохи революціи съ вымышленными героями и происшествіями является доказательствомъ того, что исторіей революціи интересуются многіе не какъ чистые историки только, не какъ публицисты и рядовые граждане, ищущіе въ исторіи революціи тѣхъ или другихъ указаній для своей дѣятельности, но какъ любители художественныхъ произведеній, въ которыхъ изображаются интимныя человѣческія переживанія, будутъ ли то переживанія когда-то дѣйствительно жившихъ людей или персонажей, созданныхъ творческимъ воображеніемъ романиста или драматурга. Здѣсь интересъ къ эпохѣ отодвигается отъ изображенія и объясненія внѣшняго процесса, складывающагося изъ отдѣльныхъ событій, и направляется въ сторону того, что происходило во внутрен-

немъ мірѣ отдѣльныхъ людей или цѣлыхъ группъ, представителями которыхъ были эти отдѣльные люди. Въ подобнаго рода случаяхъ данный характеръ какого-либо Мирабо или Дантона, Робеспьера или Сенъ-Жюста, г-жи Роланъ или Шарлотты Кордэ можетъ быть центромъ изображенія, по отношенію къ которому эпоха и ея событія играютъ только роль общаго фона или рамы, ограничивающей картину. Это интересъ уже не историческій въ его чистомъ видѣ, не политическій, а психологическій и даже литературный, когда онъ можетъ удовлетворяться даже поэтическими вымыслами, пріуроченными къ эпохѣ.

Французская революція была богата не одними только фигурами, заслуживающими біографическаго интереса, но и драматизмомъ многихъ своихъ моментовъ, красочными эпизодами, поражающими воображеніе сценами и т. п. Это была цѣлая трагедія, которая именно этою своэю стороною всегда привлекала къ себѣ вниманіе романистовъ, драматурговъ, живописцевъ. Многихъ читателей всегда интересовала только эта казовая сторона революціи, исторія которой представлялась имъ не какъ наука, стремящаяся къ пониманію того, что̀ было, какъ и почему оно было, а какъ искусство, воспроизводящее образы для непосредственнаго созерцанія.

Интересъ къ внутреннимъ переживаніямъ людей революціонной эпохи, даже созданныхъ только творческимъ воображеніемъ въ романѣ или въ драмѣ, и интересъ къ дѣйствующимъ на воображеніе эпизодамъ и сценамъ, тоже, быть-можетъ, иногда бывавшимъ только простыми плодами авторской фантазіи,—вотъ еще одинъ источникъ того вниманія, которымъ окружена въ литературѣ и среди читателей эпоха французской революціи.

Настоящая книжка объ этой знаменательной эпохѣ выходитъ изъ-подъ пера человѣка науки, изъ-подъ пера историка, который болѣе сорока лѣтъ занимался ея изученіемъ, между прочимъ, и въ тиши архива, хранящаго оставленные ею документы. Свой взглядъ на задачу исторіи, какъ науки, по отношенію къ революціи я высказалъ на предыдущихъ страницахъ. Добавлю сказанное только однимъ еще соображеніемъ.

Бо̀льшая часть книгъ, брошюръ и статей по исторіи великой революціи написана, разумѣется, французами и притомъ часто первоклассными историками. Кому же скорѣе заниматься исторіей страны, какъ не тѣмъ, для кого страна является отечествомъ? Но въ данномъ случаѣ была и своя неблагопріятная сторона. Революція для французовъ является своимъ кровнымъ, національнымъ дѣломъ, которое, однако, уже тогда,

въ концѣ XVIII в., раздѣлило Францію на враждебныя однѣ къ другимъ партіи, вступившія даже въ кровавую борьбу не на животъ, а на смерть. Революціей было затронуто множество противоположныхъ интересовъ, поднято изъ глубины народнаго духа множество противоборствовавшихъ страстей. Потомки унаслѣдовали отъ предковъ, современниковъ революціи, многія ихъ предубѣжденія и страсти, раздѣленіе на партіи и т. п. и привычку относиться къ революціи не какъ къ предмету чисто-научнаго изученія, а какъ къ чему-то такому, что̀ нужно защищать или опровергать, чѣмъ слѣдуетъ пользоваться для доказательства извѣстныхъ политическихъ тезисовъ и изъ чего подобаетъ извлекать опредѣленное поученіе, какъ уже объ этомъ сказано выше. Мы, русскіе, не находимся въ такомъ отношеніи къ французской революціи. Какъ-никакъ, для насъ это—чужое прошлое, на которое мы можемъ смотрѣть, такъ сказать, со стороны, въ качествѣ незаинтересованныхъ въ партійныхъ распряхъ наблюдателей. Въ концѣ XVIII в. мы непосредственно происходившими во Франціи событіями совсѣмъ даже не были задѣты, чего, напримѣръ, нельзя сказать о нѣмцахъ, воевавшихъ съ французами съ 1792 года. Къ коалиціи противъ Франціи Россія примкнула только въ самомъ концѣ революціи, а потомъ мы имѣли дѣло уже не съ революціонной, а съ наполеоновской Франціей. Затѣмъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій исторія революціи была для насъ запретнымъ плодомъ, и мы знакомились съ нею по французскимъ книгамъ, которыя не могли оказывать на насъ такого вліянія, какое оказывали на французское общество. Поэтому и отношеніе наше къ революціи было болѣе отвлеченнымъ,— обстоятельство, необычайно благопріятствовавшее тому, чтобы, когда наступила пора начать самостоятельно работать въ этой области, самая работа эта получила болѣе научный характеръ.

Самостоятельные русскіе труды по исторіи французской революціи начали появляться не больше сорока лѣтъ тому назадъ, и это были изслѣдованія, не ставившія своею цѣлью доказательство какихъ-либо политическихъ тезисовъ. Главное вниманіе русскихъ изслѣдователей было даже направлено не на политическую сторону революціи, а на ея экономическія отношенія, т.-е. на предметъ, по самому существу своему болѣе приспособленный къ чисто-объективному обсужденію. Самое же существенноеэ—то то, что у насъ не создалось никакихъ прочныхъ и распространенныхъ общественныхъ традицій въ пониманіи событій и хода революціи,—традицій, которыя мѣшали бы свободѣ нашего научнаго суда, руководимаго только логикой и фактами.

Моя книга, которая лежитъ передъ читателемъ, задумана и исполнена въ этомъ научномъ духѣ, но я не забываю, что она будетъ въ рукахъ самой широкой публики, для которой многое, особенно интересное для ученыхъ, могло бы оказаться неинтереснымъ и мало даже понятнымъ безъ спеціальной подготовки. Я предвижу, что многіе возьмутся за чтеніе этой книги не ради спеціально-научнаго интереса, а въ связи съ переживаемымъ Россіей моментомъ, у котораго столь много аналогичнаго съ французской революціей, но я не ставлю своею задачею проводить какія-либо параллели и давать непосредственное политическое поученіе, думая, что главное—въ знаніи того, что̀ было, какъ оно было, почему такъ было и что̀ изъ этого вышло, а читатель уже самъ извлечетъ изъ своего знанія то, что̀ сочтетъ правильнымъ и нужнымъ извлечь для своего житейскаго обихода.

Далѣе, у французскихъ историковъ точка зрѣнія, съ которой они на нее смотрятъ, не можетъ не быть прежде всего національной. Какое значеніе принадлежитъ революціи въ судьбахъ Франціи,—вотъ вопросъ, положенный во главу угла всего зданія исторіографіи французской революціи, но мы, какъ иностранцы, можемъ особенно выдвинуть впередъ другой вопросъ — о значеніи революціи въ исторіи европейской цивилизаціи, къ исторіи водворенія началъ общественной справедливости въ жизни европейскихъ народовъ. Не судьба самой Франціи можетъ насъ здѣсь интересовать на первомъ мѣстѣ, а судьба,—хотя бы и въ той же Франціи, — свободы и равноправія, за которыя, между прочимъ, и въ нашемъ отечествѣ началась великая борьба. Вотъ тотъ жизненный интересъ къ исторіи революціи, который долженъ быть удовлетворенъ настоящей книжкой. Если читатель извлечетъ изъ нея что-либо для лучшаго пониманія и болѣе вѣрной оцѣнки переживаемаго нами времени, тѣмъ лучше для него, но авторъ, повторяю, хотѣлъ, чтобы такое наставленіе явилось лишь слѣдствіемъ полученнаго знанія, отнюдь не бывши его цѣлью.

Выше нарочно былъ данъ краткій очеркъ вліянія французской революціи на другія страны. Имъ я хотѣлъ вдвинуть эту революцію въ рамки европейской исторіи вообще, какъ событія не мѣстнаго только значенія. Во Франціи лишь раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, началось то переустройство самодержавнаго государства и сословнаго общества на началахъ свободы и равноправія, которое составляетъ важнѣйшую сторону политической и соціальной исторіи новѣйшаго времени. Въ моей книгѣ европейскому значенію французской революціи посвящена отдѣльная глава, безъ которой самое предста-

вленіе о революціи было бы неполно. Предѣломъ эпохи, далѣе котораго я, однако, не иду, является 1799 годъ, когда Наполеонъ низвергъ во Франціи республику и началъ свою завоевательную политику въ Европѣ

Полагая, что книга эта многихъ читателей впервые будетъ знакомить съ исторіей французской революціи, я стараюсь внести въ нее по возможности больше такого матеріала, который удовлетворялъ бы психологическій интересъ къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ революціи и знакомилъ бы читателя съ наиболѣе драматическими эпизодами этой столь ими богатой эпохи. Мнѣ хотѣлось бы, однако, чтобы среди читателей нашлось какъ можно болѣе такихъ, которые не считали бы свое знаніе исторіи революціи законченнымъ по прочтеніи настоящаго ея очерка, а, напротивъ, только почувствовали бы необходимость расширенія и углубленія этого своего знанія. На русскомъ языкѣ существуетъ достаточное количество какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ сочиненій, изъ коихъ читатель можетъ подробнѣе узнать о многомъ такомъ, что̀ или только кратко могло быть разсмотрѣно въ моемъ очеркѣ, или прямо по его краткости не нашло въ немъ мѣста.

ГЛАВА II.

Французская монархія въ XVIII вѣкѣ

Настоящее, сказалъ одинъ философъ, чревато будущимъ, и въ томъ же смыслѣ оно есть порожденіе прошедшаго. Такъ современная Франція вышла изъ революціи, а революція вышла изъ „стараго порядка“. Переворотъ, происшедшій во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, будетъ для насъ непонятенъ, если мы не познакомимся съ тѣмъ, что̀ въ ея исторіи принято называть „старымъ порядкомъ“. Революція была его разрушеніемъ, и прежде всего нужно знать, что̀ разрушилось, не забывая, что и сами-то разрушительныя силы были порожденіемъ того же стараго порядка. Наконецъ, самое созиданіе новаго происходило изъ матеріала, оставшагося наслѣдіемъ стараго порядка.

Начнемъ съ государственнаго устройства.

Какъ и вообще всѣ крупныя государства тогдашней Европы, Франція въ XVIII вѣкѣ была самодержавною, или абсолютною монархіей. Она находилась въ обладаніи династіи Бурбоновъ, вступившей на престолъ за двѣсти лѣтъ до революціи и бывшей только одною изъ линій княжеской фамиліи, которая получила королевскій титулъ еще въ концѣ

X в., т.-е. за восемь столѣтій до революціи. Извѣстно, что родоначальникомъ ея на престолѣ былъ Гюгъ Капетъ (откуда „Капетинги"), по имени котораго въ эпоху революціи французы называли низвергнутаго ими въ 1792 г. короля, Людовика XVI, тоже Капетомъ.

Предки Бурбоновъ постепенно собрали Францію изъ великаго множества герцогствъ и графствъ, на которыя раздѣлялась страна при началѣ династіи Капетинговъ, подобно тому, какъ у насъ великіе князья московскіе собирали Русь, подчиняя себѣ удѣльныя княжества. Въ этомъ дѣлѣ объединенія такъ называемыхъ феодальныхъ владѣній въ единное государство французскимъ королямъ помогало особое учрежденіе, которое существовало въ теченіе трехъ столѣтій (1302—1615) и съ которымъ нужно теперь же познакомиться, потому что это имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи революціи.

Во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ періоду абсолютной монархіи предшествовалъ періодъ монархіи сословной, когда рядомъ съ королемъ существовали государственныя собранія, состоявшія изъ представителей отдѣльныхъ сословій, на которыя распадалось населеніе страны. Въ Англіи такое собраніе получило названіе парламента и непрерывно существуетъ до настоящаго времени, превратившись изъ представительства сословнаго въ національное, т.-е. общенародное. У насъ нѣчто подобное существовало подъ названіемъ земскихъ соборовъ Московскаго государства съ середины XVI до конца XVII вѣка. Вотъ такое же учрежденіе было и во Франціи съ начала XIV до начала XVII вѣка и называлось по-французски „эта женеро" (états généraux), или, какъ у насъ принято говорить по нѣмецкому образцу, генеральные штаты. Переводится это названіе по-русски словами „государственные чины", причемъ чины значатъ сословія.

Во французскихъ генеральныхъ штатахъ были представлены три сословія, или чина. Первенствующее значеніе принадлежало духовенству, второе—дворянству, а представители всего остального народа носили названіе „тьерсъэта" (tiers-état), что въ буквальномъ переводѣ значитъ третье сословіе. Мы еще увидимъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою находились въ общественной жизни эти три сословія и какую роль сыграло въ революціи третье сословіе, а теперь остановимся на взаимныхъ отношеніяхъ королевской власти и генеральныхъ штатовъ.

Короли XIV вѣка сами начали созывать духовныхъ, дво-

рянъ и горожанъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи для того, чтобы съ ихъ помощью объединять страну въ дѣлѣ управленія ею. Каждое сословіе собиралось въ особомъ помѣщеніи и рѣшало отдѣльно отъ другихъ предложенныя ему для разсмотрѣнія дѣла по большинству голосовъ, и такимъ образомъ потомъ вопросъ окончательно рѣшался какъ бы тремя отдѣльными голосами: духовенства, дворянства и третьяго сословія. Французскимъ генеральнымъ штатамъ не удалось, однако, ограничить королевскую власть въ изданіи законовъ и въ наложеніи податей, какъ это сдѣлалъ англійскій парламентъ, да и собирались они не такъ часто, какъ послѣдній, а очень рѣдко, съ большими промежутками, потомъ и вовсе прекратились на два почти столѣтія. Именно, они не созывались съ начала XVII в. (1614 — 1615 г.) до 1789 г., когда послѣ такого долгаго перерыва были собраны, но на сей разъ объявили себя Національнымъ Собраніемъ и начали революцію.

Прекращеніе созыва генеральныхъ штатовъ было устраненіемъ общественныхъ силъ отъ государственныхъ дѣлъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ абсолютизмъ королевской власти достигъ высочайшей своей степени. Особенно характернымъ его представителемъ на престолѣ Франціи былъ „король-солнце“ Людовикъ XIV, задававшій общій тонъ другимъ тогдашнимъ государямъ. Людовику XIV приписываютъ знаменитое изреченіе: „государство—это я“. Если онъ, вѣроятно, никогда такихъ словъ и не говорилъ, то онъ такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ. Доподлинно уже извѣстно, что въ одномъ трактатѣ по государственному праву Франціи по его мысли была написана такая фраза: „нація не образуетъ во Франціи самостоятельнаго цѣлаго („тѣла“), ибо заключается цѣликомъ въ особѣ короля“. Такъ думало и большинство подданныхъ, а политическіе писатели эпохи доказывали это, ссылаясь на ученіе римскихъ юристовъ: „что̀ благоугодно государю, то имѣетъ силу закона, ибо на него, государя, народъ перенесъ всѣ свои права и всю свою державную власть“, въ особенности же ссылаясь на тексты Священнаго Писанія: „нѣсть власти аще не отъ Бога“ и т. п. Знаменитый проповѣдникъ середины XVII в., Боссюэтъ, въ своей книгѣ „Политика, извлеченная изъ Священнаго Писанія“, особенно развивалъ тезисъ о божественномъ происхожденіи королевской власти: король—это ставленникъ Бога на землѣ, Его на ней представитель и т. п.; онъ даже называлъ королей христами, такъ какъ по-гречески это слово значитъ помазанникъ,—и патетически восклицалъ: „короли! вы — боги!“. Въ такихъ идеяхъ

воспитывались и сами носители власти. Послѣ Людовика XIV царствовалъ его правнукъ Людовикъ XV, сдѣлавшійся королемъ еще въ ребяческомъ возрастѣ. Когда однажды его вывели на балконъ передъ собравшимся передъ нимъ народомъ, то воспитатель маленькаго короля, указывая ему на толпу, сказалъ, что все это принадлежитъ ему. Въ своемъ усердіи королевскіе слуги не знали никакой мѣры. Во время дипломатическихъ переговоровъ между французскимъ и англійскимъ правительствами въ началѣ XVIII в. одинъ представитель Франціи сказалъ уполномоченному Англіи, что его государь гораздо могущественнѣе англійскаго короля, такъ какъ ему принадлежитъ все достояніе его подданныхъ. „Какъ?—воскликнулъ англичанинъ,—но я не зналъ, господинъ аббатъ, что вы учились государственному праву въ Турціи!“

Громадное большинство націи раздѣляло взглядъ короля и повиновалось не только за страхъ, но и за совѣсть. Были, однако, люди, которые отвергали эту точку зрѣнія и учили, что монархія во Франціи не есть восточная деспотія, что у подданныхъ французскаго короля есть права, что королевская власть имѣетъ извѣстныя ограниченія, что въ государствѣ есть независимые отъ королевскаго произвола основные законы, и что существуетъ особое хранилище этихъ законовъ и правъ подданныхъ, каковымъ являются парламенты.

Въ дореволюціонной Франціи, дѣйствительно, существовало нѣсколько присутственныхъ мѣстъ, носившихъ названіе парламентовъ, изъ которыхъ самымъ важнымъ былъ парижскій. У этихъ учрежденій съ англійскимъ парламентомъ было только общее имъ названіе, возникшее еще въ XIII в. и значившее, такъ сказать, говорильня. Англійскій парламентъ былъ представительнымъ собраніемъ съ законодательною властью, французскіе же парламенты — судебными палатами для отдѣльныхъ областей страны. Эти палаты и разсматривали себя, какъ хранилища законовъ, призванныя умѣрять дѣйствіе королевской власти и слѣдить за законностью управленія. Члены парламентовъ и составляли собою категорію людей, среди которыхъ было политическое воззрѣніе, отвергавшее деспотическій характеръ королевской власти во Франціи. Изъ этой среды даже выходили цѣлыя сочиненія, гдѣ доказывалась правильность точки зрѣнія парламентовъ и формулировались основные законы и права подданныхъ. Время отъ времени парламенты даже вступали въ борьбу съ властью.

Намъ еще придется въ своемъ мѣстѣ говорить объ этой борьбѣ передъ самымъ взрывомъ революціи. Намъ нужно поэтому теперь же познакомиться съ тѣмъ, чѣмъ же были

эти парламенты, и пусть читатель это хорошенько запомнитъ, ибо безъ этого не пойметъ многаго въ исторіи эпохи, непосредственно предшествовавшей революціи.

Парламенты, какъ было сказано, являлись судебными палатами по нѣкоторымъ дѣламъ второй инстанціи (апелляціонными), по другимъ — первой инстанціи. Когда-то они, однако, были и административными учрежденіями, черезъ которыя королевская воля объявлялась представителямъ власти на мѣстахъ. Когда издавался какой-либо королевскій указъ (ордонансъ), онъ заносился въ парламентскій регистръ, какъ называлась особая для этого предназначенная книга, и мало-по-малу образовалось для парламентовъ право регистраціи. Могло случиться, что указъ впадалъ въ противорѣчіе съ другими законами или заключалъ въ себѣ какія-либо неудобства, могъ оказаться вреднымъ и т. п., и тогда парламентъ, не внося указъ въ регистръ, дѣлалъ по его поводу представленіе, или ремонстранцію, — другое право, которое образовалось у парламентовъ рядомъ съ правомъ регистраціи. Король могъ согласиться или не согласиться, а въ послѣднемъ случаѣ приказать парламенту зарегистрировать новый законъ, но по обычаю нужно было это совершать въ торжественной формѣ: король являлся лично въ засѣданіе въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ, придворныхъ и т. п., садился на сѣдалище, похожее на небольшой турецкій диванъ съ подушками, и диктовалъ свою волю, которой уже нельзя было сопротивляться. По названію, которое носило это сѣдалище, именно „ли-де-жюстисъ“ (lit de justice, т.-е. ложе правосудія), обозначалось и самое это торжественное засѣданіе. Мы увидимъ еще, что передъ самой революціей парижскій парламентъ пользовался обоими своими правами,— регистраціи и ремонстранціи, — и что противъ него королю приходилось прибѣгать къ ли-де-жюстисъ.

Людовикъ XIV отмѣнилъ-было, еще въ началѣ своего правленія, эти привилегіи парламентовъ, но послѣ его смерти онѣ были возстановлены, и парламенты въ XVIII в. неоднократно вступали въ борьбу съ властью, заявляя, что послѣ прекращенія созыва генеральныхъ штатовъ они заступаютъ ихъ мѣсто. Можно сказать, что фактически парламенты не ограничивали королевскую власть, а создавали въ ея дѣятельности помѣху, тормозили ее. Но какъ это могло быть въ абсолютной монархіи, что „королевскіе люди“, каковыми считали себя члены парламентовъ, творившіе судъ отъ имени короля, могли оказывать ему сопротивленіе? Дѣло объясняется вотъ какъ. Въ старину короли смотрѣли на свою власть, какъ на своего

рода видъ частной своей собственности, и продавали государственныя должности за деньги въ наслѣдственную собственность. Всѣ мѣста въ парламентахъ давнымъ-давно были проданы и находились въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ фамилій, составлявшихъ особый классъ судейскаго дворянства, носившаго названіе „ноблессъ-де-робъ“ (noblesse de robe) по носившимся судьями форменнымъ мантіямъ, или робамъ (краснаго цвѣта съ горностаевой оторочкой). Знаменитый политическій писатель XVIII в. Монтескьё, о которомъ будетъ еще рѣчь впереди, былъ, напримѣръ, членомъ парламента въ Бордо, получившимъ это званіе по духовному завѣщанію дяди, но потомъ продавшимъ его въ другія руки. Выходило, значитъ, что парламентаріи не были назначаемыми и смѣняемыми властью чиновниками, а являлись наслѣдственными обладателями своихъ мѣстъ, не подлежащими увольненію въ отставку. Вотъ это-то и позволяло имъ оказывать сопротивленіе власти. Правда, случалось и такъ, что власть не церемонилась съ ними, подвергала ихъ аресту и высылкѣ изъ Парижа, но ихъ должности оставались незамѣщенными, пока между сторонами не происходило примиреніе. Со своей стороны, парламентаріи могли устраивать забастовки и прекращать свою дѣятельность, что ставило правительство въ затруднительное положеніе.

На нашъ теперешній взглядъ, это все является очень страннымъ: слуги государства въ борьбѣ съ его главою, да еще такимъ, которому принадлежала неограниченная власть. Члены парламентовъ смотрѣли на себя, какъ на замѣну сословныхъ представителей, но они таковыми не были: они никѣмъ не выбирались, ни отъ кого въ населеніи никакихъ полномочій не получали, никого не представляли, кромѣ самихъ себя, и очень часто боролись съ властью, отстаивая разныя застарѣлыя несправедливости, въ видѣ привилегій, злоупотребленій и т. п.

Монархія и парламенты во Франціи вмѣстѣ выросли и вмѣстѣ во время революціи пали. На продажности должностей отразился старый взглядъ, по которому власть короля была частною его собственностью, доступною по частямъ отчужденію въ посторонія руки. Въ ней, въ этой власти, до самой революціи оставалось нѣчто противорѣчивое. Какъ абсолютный монархъ, король воплощалъ въ своей особѣ все государство, но, какъ потомокъ одного изъ феодальныхъ родовъ, онъ продолжалъ считать себя „первымъ дворяниномъ королевства“, т.-е. членомъ одного изъ его сословій. Съ этой точки зрѣнія власть была не исполненіемъ государственной функціи, а пользованіемъ нѣкоторою наслѣдственною собствен-

ностью. Видя въ себѣ перваго дворянина, король смотрѣлъ на себя, какъ на спеціальнаго охранителя дворянскихъ привилегій, но, въ сущности, въ такой же роли выступали и парламентаріи, эти „дворяне робы", имѣвшіе много общаго съ остальнымъ „дворянствомъ шпаги", потомками стараго военнаго сословія. Первые короли изъ династіи Капетинговъ были только „первыми между равными" среди другихъ феодальныхъ господъ Франціи, и это представленіе дожило, какъ мы видимъ, до конца стараго порядка.

Королевская власть собрала раздробленныя владѣнія герцоговъ, графовъ, маркизовъ и пр. и пр. въ единую Францію, которая стала управляться единою волею изъ центра. Я не буду останавливаться на центральныхъ учрежденіяхъ монархіи, въ которыхъ не было правильной организованности, такъ какъ тутъ все зависѣло отъ воли короля или отъ произвола какого-либо всесильнаго министра, а перейду къ тѣмъ органамъ власти, какія дѣйствовали на мѣстахъ. Представителями центральнаго правительства въ областяхъ въ средніе вѣка были бальяны и сенешалы, одни на сѣверѣ, другіе на югѣ, и Франція въ XVIII в. дѣлилась еще на бальяжи и сенешальства, сдѣлавшіяся избирательными округами во время выборовъ въ генеральные штаты 1789 года. Потомъ, въ XVI вѣкѣ, страна была раздѣлена на губернаторства, но въ XVIII в. губернаторы были уже просто придворными, только ѣздившими въ отпускъ въ управлявшіяся ими провинціи. Часто во Франціи старое не отмѣнялось, когда возникало новое, а новою, настоящею властью, органами правительства на мѣстахъ, въ отдѣльныхъ „женералитэ" (генеральствахъ) съ XVII в. были такъ называемые „интенданты полиціи, юстиціи и финансовъ" съ очень широкими полномочіями и сильною властью. Интендантовъ въ XVIII вѣкѣ недаромъ сравнивали съ сатрапами древняго Персидскаго царства или съ турецкими пашами, а русскій писатель Фонвизинъ, путешествовавшій во Франціи незадолго до революціи, называлъ интенданта воромъ, имѣющимъ полномочіе грабить провинцію. Эта послѣдняя характеристика невѣрна, и интенданты передъ революціей не были сплошь грабителями, но вѣрно то, что произволъ былъ у интендантовъ въ ходу и они во многомъ были подобны маленькимъ самодержцамъ. Среди нихъ могли быть и были недурные и даже хорошіе администраторы, въ родѣ хотя бы Тюрго, съ которымъ намъ придется подробнѣе познакомиться въ началѣ царствованія Людовика XVI.

Интенданты были главными орудіями административной

централизаціи во Франціи, приводившими все къ одному знаменателю. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что приведеніе всего къ одному знаменателю распространялось лишь на тѣ старыя отношенія, которыя были неудобны, стѣснительны, непріятны для самого правительства, а все остальное, что̀ было наслѣдіемъ прежнихъ временъ, хотя бы оно было завѣдомо вредно для страны и ея населенія, охранялось и поддерживалось. Власть и ея органы были чѣмъ-то самодовлѣющимъ, все остальное было не цѣлью, а средствомъ.

Въ былыя времена во Франціи существовало областное и городское самоуправленіе. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ были мѣстныя сословно-представительныя учрежденія, называвшіяся провинціальными штатами, такъ же, какъ и генеральные, дѣлившимися на три сословія. Кое-гдѣ эти „страны со штатами“ (pays d'états) еще продолжали во Франціи существовать, но бо̀льшая часть провинцій была лишена какихъ бы то ни было органовъ самоуправленія. Приблизительно то же самое приходится сказать и о городахъ, въ которыхъ правительство замѣнило выборныхъ мэровъ (городскихъ головъ) лицами по назначенію, или, вѣрнѣе говоря, король въ такихъ городахъ продавалъ должность мэра за деньги (вспомнимъ продажу мѣстъ въ парламентахъ), если только городъ не выкупалъ за деньги право имѣть выборнаго мэра. Господствующей системой въ управленіи государствомъ была административная опека, поставленная въ полную зависимость отъ бюрократическаго произвола. Интенданты слѣдили за тѣмъ, чтобы все склонялось передъ волею центральнаго правительства, и уничтожали всѣ остатки старинныхъ учрежденій, законовъ и обычаевъ, если они въ чемъ-либо стѣсняли дѣйствіе органовъ власти. Франція приводилась къ одному знаменателю передъ лицомъ монарха и его правительства и оставалась въ разныхъ отношеніяхъ разъединенной, если этимъ не затрогивались односторонне понятые интересы власти.

Каждая провинція жила своею особою жизнью. Въ странѣ не было общаго для всѣхъ свода гражданскихъ законовъ: его замѣняли сборники мѣстнаго права, извѣстные подъ названіемъ „кутюмъ“, т.-е. обычаевъ, хотя это на дѣлѣ было писаное право. Такихъ кутюмъ было очень много, потому что свое особое право было иногда у самыхъ маленькихъ территорій. Конечно, во многихъ пунктахъ эти сборники сходились, но были и рѣзкія различія. Напримѣръ, въ однихъ допускалось существованіе крѣпостного состоянія крестьянъ, въ другихъ не допускалось. Или еще: однѣ кутюмы признавали возможность совершенно свободной собственности на

землю, независимой отъ феодальныхъ господъ, другіе требовали, чтобы каждый землевладѣлецъ зависѣлъ отъ какого-нибудь такого „сеньёра“. Въ судебномъ раздѣленіи страны на бальяжи и сенешальства была невообразимая путаница, благодаря черезполосицѣ. Сплошь и рядомъ случалось, что въ какомъ-либо бальяжѣ отдѣльныя мѣстности зависѣли отъ сосѣднихъ бальяжей. Между отдѣльными провинціями или ихъ группами существовали таможенныя границы: взиманіе косвенныхъ налоговъ было на откупу у особыхъ компаній, и обложенные предметы нельзя было перевозить безпошлинно изъ одной области въ другую. Не было даже общихъ для всей Франціи мѣръ и вѣса и т. п. Правительственная власть отъ всего этого нисколько сама не страдала, но отсутствіе общихъ законовъ, одинаковыхъ мѣръ и вѣса, существованіе таможенныхъ границъ внутри государства, перепутанность судебныхъ округовъ и многое другое въ такомъ же родѣ, все это было крайне неудобно для населенія. Всѣ провинціи были уравнены передъ королевскою властью, которая, однако, оставляла неприкосновенными ихъ особность въ правахъ и привилегіяхъ. Можно сказать, что единой французской націи при старомъ порядкѣ не существовало: единая нація во Франціи создана была только революціей.

Многія учрежденія стараго порядка вообще были очень тягостны для населенія. Только-что упомянуто было объ откупной системѣ взиманія косвенныхъ налоговъ. Въ Франціи многіе предметы потребленія (соль, вино и т. д.) были обложены въ пользу казны большими пошлинами, которыя, однако, поступали съ населенія не прямо въ казну. Между обѣими сторонами стояли откупщики, которые цѣлыми компаніями пріобрѣтали у правительства право полученія этихъ пошлинъ, платя ему за это извѣстныя суммы денегъ и съ избыткомъ выбирая ихъ изъ кармановъ населенія. Благодаря этой системѣ, въ казну поступало меньше, чѣмъ платилъ народъ, а народъ платилъ больше, чѣмъ поступало въ казну, и въ барышахъ оказывались откупщики, наживавшіе на операціи большія богатства въ ущербъ и для населенія и для государства. Прибавлю, что взиманіе косвенныхъ налоговъ было сопряжено еще съ большими стѣсненіями и непріятностями для жителей. Напримѣръ, существовалъ соляной налогъ („габель“), по отношенію къ которому отдѣльныя провинціи были поставлены не въ одинаковое положеніе. Количество соли, которое *обязаны* были покупать обыватели, было неодинаковымъ, равно какъ и цѣны на соль: здѣсь можно было купить соли и больше и по болѣе дешевой цѣнѣ, а тамъ только въ

очень небольшомъ количествѣ и за болѣе высокую плату. Понятно, что населеніе часто нарушало эти правила, и, напримѣръ, возникали тайная торговля солью, вывозъ соли изъ одной провинціи въ другую и т. п., что подавало постоянные поводы къ домашнимъ обыскамъ, арестамъ, судебнымъ приговорамъ и т. д. Откупщики на свой счетъ содержали цѣлую армію конторщиковъ, досмотрщиковъ и пр., къ услугамъ которыхъ были и агенты государственной власти.

Тяжелая для населенія откупная система была невыгодна и для казны, но государственная власть находила ее удобной: хлопотъ было меньше, а главное—это то, что отъ откупной системы имѣли личную выгоду сами власть имущіе. При заключеніи договоровъ объ откупахъ вліятельныя лица, начиная съ министровъ, получали разныя „благодарности", коммиссіонныя, подарки и пр. и пр., такъ что у правящей бюрократіи были свои основанія сохранять такую вредную систему, какою были откупа. Въ числѣ лицъ, на долю которыхъ перепадали денежныя выгоды, были и придворные чины.

Вотъ тутъ мы подходимъ еще къ одному учрежденію стараго порядка, которое оказывало громадное и въ общемъ гибельное вліяніе на государственныя дѣла. Послѣдніе три короля стараго порядка имѣли пребываніе не въ Парижѣ, этой вѣковой столицѣ Франціи, а въ особой дворцовой резиденціи, Версалѣ, отстоящемъ отъ Парижа верстахъ въ 18. Это былъ городъ, центромъ котораго былъ колоссальный королевскій дворецъ, а около дворца былъ устроенъ грандіозный паркъ съ украшавшими его статуями, фонтанами, бесѣдками и т. п. Это было созданіе Людовика XIV, желавшаго устроить для себя подходящую обстановку подальше отъ народа, отъ толпы, для жизни исключительно среди своихъ приближенныхъ и слугъ. Французскіе короли давно уже стремились приручить къ себѣ дворянство, которое столько разъ обнаруживало свое непокорство, и стали заманивать его ко двору созданіемъ почетныхъ и хорошо оплачиваемыхъ должностей, раздачей разныхъ милостей и подарковъ, широкимъ гостепріимствомъ на королевскій счетъ, роскошными и веселыми празднествами. Королевской власти удалось достигнуть этой цѣли. Все, что было въ странѣ знатнаго, потомки феодальныхъ герцоговъ, графовъ, маркизовъ и т. п. потянулись въ Версаль и сдѣлались постоянными его жителями или долговременными гостями, проживая или въ самомъ дворцѣ, или въ особнякахъ („отеляхъ") около дворца, толпясь въ королевскихъ переднихъ, участвуя въ балахъ, маскарадахъ и другихъ увеселеніяхъ, добиваясь царственныхъ милостей, льстя сильнымъ міра и

угодничая передъ ними, а также занимаясь вѣчными интригами и сплетнями придворнаго быта.

Содержаніе такого двора стоило очень дорого. Деньги тратились безъ счета, и королевскимъ „милостямъ" не было конца: щедрою рукою король и королева раздавали придворнымъ пенсіи, подарки, награды, вспомоществованія, а изъ того, что ассигновалось на необходимыя нужды и постоянныя празднества, многое прилипало къ рукамъ лицъ, завѣдывавшихъ хозяйственною частью придворной жизни. Франція стараго порядка жила безъ правильнаго бюджета, т.-е. безъ закона о томъ, сколько денегъ должно было бы отпускаться на такіе-то и такіе-то расходы. Мало того, не существовало даже настоящей ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ. Эта часть управленія составляла государственную тайну, но и подъ ея покровомъ не было и въ помипѣ какого-либо твердо установленнаго плана и сколько-нибудь прочныхъ свѣдѣній о тратахъ. На государственную казну король смотрѣлъ, какъ на свою частную шкатулку. Не хватало денегъ—изобрѣтали новые налоги, заключали новые займы, хотя бы и на невыгодныхъ условіяхъ. При заключеніи займовъ сильнымъ міра также кое-что перепадало. Результатомъ такого хозяйничанья старой монархіи было полное разстройство финансовъ, вѣчная нехватка денегъ, дефициты.

Очень дорого обходясь государственной казнѣ и, значитъ, плательщикамъ налоговъ, т.-е. народу, версальскій дворъ, кромѣ того, составлялъ среду, въ которой только и жилъ и вращался тогдашній владыка Франціи. Все его времяпрепровожденіе представляло собою сплошной церемоніалъ: утромъ вставаніе и одѣваніе короля происходили съ соблюденіемъ особой обрядности и въ присутствіи тѣхъ или другихъ придворныхъ чиновъ; потомъ слѣдовали разные „выходы", аудіенціи, прогулки, развлеченія, трапезы и т. п., все по строгому этикету и на глазахъ у дворцовой публики; отхожденіе ко сну сопровождалось опять церемоніей. Прусскій король Фридрихъ II, познакомившись съ тѣмъ, какъ проводитъ свое время французскій король, сказалъ, что, будь онъ на его мѣстѣ, непремѣнно назначилъ бы особаго своего замѣстителя для исполненія всѣхъ этихъ штукъ. Въ Версалѣ Божіею милостью король Франціи и Наварры, продолжавшій смотрѣть на себя, какъ на перваго дворянина королевства, на самомъ дѣлѣ превратился, по выраженію одного историка, въ перваго придворнаго кавалера.

Такой „придворный король", оторванный отъ независимой общественной среды, изолировавшій себя отъ всякаго сопри-

косновенія съ народомъ, не могъ не смотрѣть на все глазами своихъ придворныхъ, не могъ не раздѣлять ихъ міросозерцанія, ихъ вожделѣній, ихъ стремленій. Дворъ въ собственномъ своемъ пониманіи былъ какимъ-то самодовлѣющимъ цѣлымъ съ королемъ, какъ своимъ центромъ, а вся Франція жила и работала какъ бы только для того, чтобы давать возможность двору пить, ѣсть и веселиться. Ко двору тяготѣла и вся привилегированная Франція: высшія духовныя лица часто не жили тамъ, гдѣ жить имъ подобало, и толклись среди версальскихъ царедворцевъ; здѣсь же занимали высшія придворныя должности или просто вращались безъ особаго дѣла представители самыхъ аристократическихъ фамилій; другіе составляли „военный домъ короля" съ привилегированной гвардіей; въ этихъ же кругахъ обдѣлывали свои дѣла всякіе финансисты, откупщики, банкиры. При Людовикѣ XIV даже литература и искусство были призваны служить украшеніемъ королевскаго трона.

Первымъ королемъ послѣ Людовика XIV, создавшаго версальскій дворъ, и слѣдовательно королемъ, вполнѣ воспитавшимся подъ его вліяніемъ, былъ Людовикъ XV. Вступивъ на престолъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ попалъ въ руки воспитателей, потворствовавшихъ всѣмъ его прихотямъ и разслаблявшихъ его душу. Ему, ребенку, внушалась мысль, что вся Франція есть его личное достояніе. Черезъ восемь лѣтъ, по тогдашнему закону королевскаго дома, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, черезъ еще три года, всего шестнадцати лѣтъ отъ роду, женился на дочери бывшаго польскаго короля Станислава Лещинскаго, но впослѣдствіи сталъ приближать къ себѣ ту или другую изъ придворныхъ дамъ, дѣлавшихся его офиціальными любовницами и вертѣвшихъ имъ, какъ имъ было угодно. Особенно въ этомъ отношеніи прославилась маркиза де-Помпадуръ, дѣятельно вмѣшивавшаяся въ политику. Лѣнивый и слабовольный, король допустилъ полное расхищеніе своей власти министрами и приближенными, занимаясь самъ придворными интригами, увеселеніями, охотою. На указанія относительно общаго разстройства дѣлъ онъ отвѣчалъ: „монархія еще продержится, а послѣ насъ хоть потопъ", т.-е. какъ бы: „на нашъ-де вѣкъ хватитъ, а потомъ хоть трава не расти". Когда во время голода въ странѣ ему показали кусокъ невозможнаго хлѣба, которымъ вынуждены были питаться крестьяне, онъ цинично замѣтилъ: „будь я на мѣстѣ моихъ подданныхъ, я давно сталъ бы бунтовать". Былъ у него и особый „королевскій секретъ": рядомъ съ офиціальными представителями Франціи при иностранныхъ дворахъ онъ держалъ тамъ еще тайныхъ агентовъ, которымъ давалъ со-

вершенно противоположныя инструкціи, и потомъ потѣшался, когда поэтому происходила кутерьма. Въ молодости Людовикъ XV былъ народомъ любимъ, ибо французы были убѣжденными монархистами, но въ концѣ царствованія онъ былъ ненавидимъ, и о немъ въ народѣ ходили самыя чудовищныя легенды, оскорбительныя для него лично, хотя и не подрывавшія еще общей преданности націи своимъ королямъ.

Царствованіе Людовика XV продолжалось безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ (1715 — 1774). Въ эти годы во Франціи произошелъ великій умственный переворотъ, а за ея предѣлами царствовали энергичные государи, въ родѣ Фридриха Великаго въ Пруссіи, Екатерины Великой въ Россіи, Іосифа II въ Австріи, представителей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, монарховъ-реформаторовъ, находившихся подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ идей. Людовикъ XIV оставилъ своему преемнику совершенно разстроенное государство, но ни самъ Людовикъ XV, ни люди, которымъ приходилось за него править страною, не думали что-либо дѣлать для излѣченія больного организма Франціи, упорядоченія государственныхъ дѣлъ и облегченія положенія народа. По существу все оставалось по-старому, какъ было при Людовикѣ XIV, тогда какъ жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ, а шла впередъ и ставила передъ королевскою властью все новыя и новыя задачи. Отъ преемника Людовика XV, его внука, Людовика XVI, зависѣло, возьметъ ли на себя монархія работу надъ государственнымъ строительствомъ или же она откажется это сдѣлать. Еще въ серединѣ XVIII в. французы возлагали всѣ свои надежды на королевскую власть, но во второй половинѣ столѣтія въ обществѣ стала, наоборотъ, зарождаться либеральная оппозиція противъ абсолютизма и распространяться мысль о необходимости существенныхъ перемѣнъ.

Правительство стараго порядка, конечно, не поощряло критики существующаго и принимало свои мѣры противъ „вредныхъ“ книгъ и „опасныхъ“ авторовъ. Иначе и быть не могло въ странѣ, гдѣ не было свободы ни въ смыслѣ личной неприкосновенности, ни въ смыслѣ свободы проявленія своихъ убѣжденій и мнѣній, буде они противорѣчили тому, что̀ признавалось властью.

Для ослушниковъ королевской воли были государственныя тюрьмы, и изъ нихъ на первомъ мѣстѣ знаменитая Бастилія, своего рода крѣпость въ самомъ Парижѣ, гдѣ кончался „городъ“ и начинались „предмѣстья“ (фобуры). Какъ политическое орудіе противъ всякой неблагонамѣренности, во Франціи дѣйствовали разныя чрезвычайныя судилища, слѣпо испол

нявшія волю власти безъ какихъ бы то ни было гарантій правосудія. Впрочемъ, попасть въ тюрьму можно было и безъ всякаго суда, по простому административному распоряженію. Во Франціи были въ ходу бланки съ приказами объ арестѣ, такъ называемыя „летръ-де-каше“ (lettres de cachet), снабженныя королевскою печатью (cachet—печать) и даже подписью. Стоило обладать такимъ бланкомъ или его какъ-нибудь добыть, и желательное лицо сидѣло въ тюрьмѣ. Даже частныя лица могли ими пользоваться, когда нужно было, напримѣръ, наказать непокорнаго сына или кому-нибудь отомстить. Какая могла быть личная неприкосновенность при подобномъ порядкѣ вещей?

Не было личной свободы и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, не было свободы вѣры. Во Франціи во второй половинѣ XVI в. многіе перешли изъ католицизма въ протестантизмъ, а послѣ религіозныхъ войнъ, продолжавшихся въ теченіе почти всей этой половины вѣка, французскіе протестанты получили въ 1598 г. по нантскому эдикту Генриха IV свободу вѣроисповѣданія, но менѣе, нежели черезъ сто лѣтъ, въ 1685 г. Людовикъ XIV отмѣнилъ нантскій эдиктъ, запретивъ тѣмъ самымъ протестантизмъ среди своихъ подданныхъ. „Упорствующихъ въ ереси“ всячески гнали и преслѣдовали; духовныхъ лицъ, совершавшихъ протестантскія требы, подвергали всякимъ карамъ вплоть до смертной казни. Людовикъ XVI при коронаціи принесъ присягу, что не будетъ терпѣть еретиковъ въ своемъ королевствѣ, хотя и былъ потомъ, за два года до революціи, вынужденъ вернуть протестантамъ гражданскія права съ разными, впрочемъ, ограниченіями относительно занятія должностей.

Свободы слова устнаго, письменнаго и печатнаго не существовало. Тайна частной переписки не была ничѣмъ ограждена, и при почтовомъ вѣдомствѣ былъ особый „черный кабинетъ“, гдѣ занимались перлюстрированіемъ писемъ. Печатаніе книгъ и газетъ было подъ надзоромъ королевской цензуры, съ которою соперничала Сорбонна (такъ назывался богословскій факультетъ парижскаго университета), а также и парламенты. Королевскіе цензоры, дававшіе разрѣшеніе печатать, входили въ составъ полицейскаго вѣдомства. Сорбонна спеціально наблюдала за тѣмъ, чтобы не появлялось печатныхъ сочиненій, противныхъ католицизму, а парижскій парламентъ вообще стоялъ на стражѣ противъ всего, что̀ носило характеръ критики существующаго порядка вещей. Въ XVIII вѣкѣ было публично сожжено рукою палача на площади немало книгъ по приговору именно парижскаго пар-

ламента. писателямъ нерѣдко приходилось печатать свои книги тайно, выставляя на нихъ названія заграничныхъ городовъ, или же и на самомъ дѣлѣ за границей, чтобы потомъ контрабандой ввозить эти книги во Францію.

Чѣмъ ближе время подходило къ революціи, тѣмъ яснѣе сознавалась необходимость перемѣнъ во всемъ государственномъ строѣ Франціи. Сначала надежды возлагались на самоё королевскую власть, но она оказалась неспособною заняться этимъ дѣломъ. Французскій абсолютизмъ изжилъ самого себя, и въ обществѣ стали дѣлаться популярными идеи политической свободы. Однако въ націи еще не было республиканскаго теченія, которое проявилось гораздо позже.

Отъ изображенія государственнаго строя дореволюціонной Франціи перейдемъ къ обзору ея сословныхъ и классовыхъ отношеній.

ГЛАВА III.

Составъ населенія и положеніе народа во Франціи въ XVIII вѣкѣ.

Въ великой французской революціи приняла участіе вся нація, раздѣлившаяся при этомъ въ самомъ началѣ на два большихъ лагеря: одни, составлявшіе большинство, стояли на сторонѣ революціи, другіе, меньшинство, были ея противниками; между обоими лагерями велась борьба.

Противниками революціи были, главнымъ образомъ, высшее духовенство и бо̀льшая часть дворянства, на сторонѣ революціи—вся остальная нація, т.-е. третье сословіе съ низшимъ духовенствомъ и либеральною частью дворянъ. Чтобы понять, чѣмъ въ старомъ порядкѣ были недовольны будущіе сторонники революціи и какую кто въ ней игралъ роль, намъ нужно присмотрѣться къ составу населенія Франціи передъ 1789 годомъ.

Французы XVIII вѣка офиціально дѣлились на три сословія. Первенствующимъ среди нихъ во Франціи, какъ католической странѣ, было духовенство, вторымъ—дворянство, а послѣднимъ—третье сословіе. Первыя два сословія назывались привилегированными, такъ какъ члены ихъ пользовались особыми правами и преимуществами, изъ которыхъ отмѣтимъ изъятіе изъ обязанности платить многіе налоги, право занимать высшія должности, судиться особымъ судомъ и т. п. Въ духовенствѣ настоящими привилегированными были только носители высшихъ іерархическихъ званій, т.-е. архіепископы, епископы, аббаты (игумны) монастырей каноники

каѳедральныхъ соборовъ, составлявшіе церковную аристократію, низшее же духовенство, въ особенности сельскіе приходскіе священники (кюре), ихъ викаріи и другіе клирики, составляли своего рода церковную демократію. Высшія духовныя должности обыкновенно занимались лицами дворянскаго происхожденія, часто младшими сыновьями аристократическихъ фамилій, и были хорошо оплачиваемы, причемъ часто епископъ или аббатъ даже не жилъ на мѣстѣ своего служенія. Церкви во Франціи принадлежало много земель, а въ городахъ—разныхъ зданій, доходныхъ домовъ, садовъ, огородовъ, и все это находилось въ распоряженіи высшаго духовенства, низшее же довольствовалось скуднымъ содержаніемъ, между прочимъ, платою за требы. Кромѣ недвижимой собственности, церковь обладала капиталами, а также ей принадлежали „десятина“ и доходы съ населенія, извѣстные подъ названіемъ феодальныхъ повинностей. Въ послѣднемъ отношеніи высшее духовенство не отличалось отъ дворянства, которое тоже, кромѣ помѣстій, обладало по отношенію къ сельскому населенію особыми выгодными для него правами.

Впрочемъ, въ дворянскомъ сословіи были разныя категоріи. Нѣкоторая его часть состояла изъ привилегированныхъ судейскихъ (членовъ парламентовъ), носившихъ названіе, какъ мы видѣли, „дворянства робы“, но большинство принадлежало къ „дворянству шпаги“. Первое было болѣе служилымъ, второе землевладѣльческимъ, хотя и не всѣ дворяне имѣли земли или много земли. Одною изъ особенностей аграрнаго строя Франціи было то, что земля, принадлежавшая дворянину, часто не составляла сплошного куска, а была разбросана небольшими участками среди земель, принадлежавшихъ другимъ собственникамъ, и потому такому дворянину оказывалось невозможнымъ вести свое хозяйство, но приходилось сдавать свою землю мелкими участками въ аренду крестьянамъ. Этимъ объясняются постоянныя жалобы на помѣщичій абсентеизмъ, т.-е. на то, что землевладѣльцы изъ дворянъ не жили въ своихъ помѣстьяхъ, пріѣзжали туда лишь какъ дачники и т. п., тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ мѣстнаго управленія дворяне были давно вытѣснены королевскими чиновниками. Живя въ Версалѣ или въ большихъ городахъ, служа въ арміи, въ администраціи и т. п., дворяне въ мѣстной жизни не играли никакой роли, а между тѣмъ имъ въ ихъ помѣстьяхъ принадлежали очень большія почетныя и доходныя права.

Въ большей части Франціи дѣйствовало правило, по которому ни одинъ клочокъ земли не могъ не имѣть надъ собою высшаго господина, или сеньёра. Всеобщимъ сеньёромъ былъ

король, у котораго были и свои земельныя владѣнія (домены), а также и феодальныя права, какъ у другихъ сеньёровъ. Земли дѣлились во Франціи на феоды, или фьефы, бывшіе въ рукахъ дворянъ, и цензивы, находившіяся въ обладаніи лицъ третьяго сословія, особенно крестьянъ. Вотъ эти-то владѣльцы цензивныхъ участковъ и зависѣли отъ сеньёровъ, т.-е. мѣстныхъ дворянъ, которымъ принадлежали въ данной округѣ феодальныя права.

Когда-то, въ средніе вѣка, феодальные сеньёры (будемъ ихъ такъ называть) духовнаго и свѣтскаго званія, архіепископы, епископы, аббаты, каноники, герцоги, графы, маркизы, виконты и всякіе нетитулованные дворяне, были какъ бы государями въ своихъ помѣстьяхъ. Мало-по-малу единственнымъ государемъ во Франціи сдѣлался король, а бывшіе его вассалы и вассалы этихъ вассаловъ стали его подданными, но при этомъ за ними сохранились многія прежнія права надъ населеніемъ деревень. Это и были феодальныя, или, какъ еще ихъ называютъ, сеньёрьяльныя права, которыми очень тяготились крестьяне и противъ которыхъ они особенно возстали въ самомъ же началѣ революціи. Въ большей части областей Франціи ни одна мѣстность не могла существовать безъ своего сеньёра, былъ ли то самъ король или какой-нибудь аббатъ либо дворянинъ. Чтобы получать оброкъ съ земли, принадлежавшей какому-нибудь крестьянину, сеньёру большею частью не нужно было доказывать свое право документомъ; это требовалось лишь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.

Въ XVIII вѣкѣ крестьяне во Франціи уже были лично свободны; крѣпостные, или „сервы", были рѣдкимъ исключеніемъ. Въ своихъ помѣстьяхъ (доменахъ) Людовикъ XVI освободилъ послѣднихъ сервовъ за десять лѣтъ до революціи; остатки крѣпостного состоянія сохранились до 1789 г. лишь кое-гдѣ на монастырскихъ земляхъ. Будучи, однако, людьми лично свободными, крестьяне во многихъ отношеніяхъ продолжали зависѣть отъ мѣстныхъ своихъ сеньёровъ.

Дворянамъ-помѣщикамъ принадлежало право назначать въ селахъ судей. Сеньёры поважнѣе назначали судей для болѣе крупныхъ дѣлъ, и ихъ ставленники могли даже приговаривать къ смертной казни, въ знакъ чего на дворѣ зàмка такого сеньёра ставилась висѣлица. Судьи, назначавшіеся менѣе важными сеньёрами, и судили по болѣе мелкимъ дѣламъ. Должность судьи отдавалась въ аренду, чтò было доходомъ сеньёра, а самъ судья долженъ былъ жить пошлинами, штрафами и... взятками. Разумѣется, такіе судьи были орудіями въ рукахъ господъ. Сеньёрамъ принадлежала и по-

лицейская власть въ ихъ сеньёріяхъ съ правомъ издавать обязательныя постановленія относительно, напримѣръ, начала покоса, жатвы, сбора винограда. Право охоты принадлежало также только сеньёрамъ, какъ и право имѣть большія голубятни, населеніе которыхъ часто вредило посѣвамъ, или кроличьи загоны, гдѣ страшно плодились эти прожорливые звѣрьки. Крестьянинъ не могъ въ силу этого начать снимать хлѣбъ, пока куропатка не выведетъ своихъ птенцовъ, или стрѣлять въ голубей и кроликовъ, когда они вредили его нивѣ. Въ связи съ правомъ издавать обязательныя постановленія находились такъ называемые „баналитеты", или банальныя мельницы, хлѣбныя печи, виноградныя точила. Сеньёръ строилъ мельницу, устраивалъ хлѣбную печь, заводилъ точило, отдавалъ ихъ въ аренду и въ силу своего права требовалъ, чтобы подвластные ему поселяне мололи муку, пекли хлѣбъ, выжимали виноградный сокъ непремѣнно на его заведеніяхъ, хотя бы были другія ближе и дешевле.

Далѣе шли поборы съ земли. Свои участки сеньёръ отдавалъ въ аренду крестьянамъ, рѣдко за деньги, больше исполу, т.-е. арендаторъ-половникъ отдавалъ за съемъ земли часть продукта натурой. Во Франціи крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ было сравнительно мало, и земли самихъ сеньёровъ обрабатывались преимущественно половниками. Среди крестьянъ были и безземельные и малоземельные, нуждавшіеся въ работѣ на чужой землѣ, но были и крестьяне, у которыхъ была своя собственная земля въ достаточномъ количествѣ. Вотъ и эта крестьянская земля тоже находилась въ зависимости отъ сеньёровъ: она не была полною собственностью ея владѣльцевъ, а представляла собою несвободную, или чиншевую, оброчную землю. Крестьянинъ владѣлъ ею по наслѣдству, но, когда она переходила къ наслѣднику, сеньёру платилась пошлина. Крестьянинъ имѣлъ право продать свой участокъ, но опять-таки платилъ сеньёру пошлину, причемъ тотъ имѣлъ право оставить землю за собою, уплативъ покупщику продажную цѣну. Наконецъ, такая земля была цензивой (чиншевой землей), такъ какъ подлежала уплатѣ сеньёру ежегоднаго оброка (ценза, или чинша). Деньгами онъ былъ незначительнымъ, но зато довольно тяжелъ натурой, въ видѣ извѣстной части урожая („шампаръ"). Прибавлю, что духовенство, кромѣ того, со всѣхъ земель вообще получало еще такъ называемую десятину, т.-е. около одной десятой продуктовъ земледѣлія. Свои феодальные поборы сеньёры очень часто сами не взыскивали, а отдавали ихъ въ аренду особымъ откупщикамъ сеньёрьяльныхъ правъ.

Задачей своей я не ставлю здѣсь перечислять всѣ феодальныя права: довольно, надѣюсь, и сказаннаго, чтобъ видѣть, что̀ такое эти права собою представляли. Дополню только указаніями еще на пятидневную въ году барщину по разнымъ работамъ въ господской усадьбѣ и на то, что̀ носило названіе смѣшныхъ правъ. Кое-гдѣ по ночамъ лѣтомъ крестьяне должны были мѣшать лягушкамъ квакать близъ господскаго жилья, приходить цѣловать дверную задвижку за̀мка въ знакъ покорности и пр. По старой же терминологіи крестьяне продолжали себя называть вассалами сеньёровъ. Многое изъ феодальныхъ правъ приходило въ забвеніе, выходило изъ употребленія, но лѣтъ за двадцать до революціи мѣстами сеньёры стали требовать возстановленія старыхъ повинностей и даже устанавливать новыя, т.-е. происходила своего рода феодальная реакція, подлившая немало масла въ огонь революціи. Въ 1789 году отмѣна сеньёріальныхъ правъ сдѣлалась однимъ изъ лозунговъ крестьянской революціи, пожалуй, даже и главнымъ лозунгомъ.

Передъ 1789 годомъ крестьянская масса далеко не была однородной, расколовшись на болѣе обезпеченную землей (своею и арендною) и менѣе обезпеченную, т.-е. или малоземельную, или даже безземельную. Во всякомъ случаѣ, въ рукахъ крестьянъ на правахъ чиншевой (рѣдко полной) собственности была значительная часть земли: прежній взглядъ, будто теперешнюю мелкую крестьянскую собственность во Франціи создала революція, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказался невѣрнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ участковъ, крестьянамъ нераздѣльно съ сеньёрами принадлежали общинныя угодья (пастбища, пустыри, кустарники). Изъ-за пользованія ими тоже возникали и пререканія съ сеньёрами или съ ихъ управляющими, и несогласія между болѣе и менѣе зажиточными крестьянами.

Феодальныя права сеньёровъ составляли одну тяжесть, лежавшую на крестьянахъ; другою были государственные налоги, которые вообще распредѣлялись крайне неравномѣрно и всею своею тяжестью ложились какъ-разъ на сельское населеніе. Во-первыхъ, привилегированные, особенно духовенство, многихъ налоговъ совсѣмъ не платили, и ихъ земли, „благородныя", какъ онѣ назывались, не были обложены нѣкоторыми сборами (даже тогда, когда переходили въ руки лицъ изъ третьяго сословія). Во-вторыхъ, въ налоговомъ отношеніи города пользовались разными изъятіями и привилегіями, особенно тамъ, гдѣ раскладкою налоговъ занимались провинціальные штаты, въ которыхъ были представители

только горожанъ, а представителей сельскаго населенія не было. Поэтому вся тяжесть прямыхъ налоговъ падала на деревни, на крестьянъ, кромѣ еще косвенныхъ налоговъ, бывшихъ не менѣе обременительными. Вся тогдашняя финансовая система при существованіи рядомъ съ нею церковной десятины и феодальныхъ правъ совершенно разоряла крестьянское населеніе Франціи, страдавшее и отъ малоземелья. Крестьянство было очень бѣдно, даже нищенствовало, а земледѣліе въ рукахъ всѣхъ этихъ чиншевиковъ и половниковъ находилось на очень низкой ступени.

О бѣдности сельскаго населенія Франціи мы имѣемъ массу свидѣтельствъ. Между прочимъ, она поражала иностранныхъ путешественниковъ. Среди нихъ былъ, напримѣръ, русскій писатель Фонвизинъ, авторъ „Недоросля", посѣтившій Францію лѣтъ за десять до революціи и писавшій оттуда письма графу Панину. Чуть не на каждой станціи его карету окружали нищіе, просившіе хлѣба. Сравнивая положеніе французскихъ крестьянъ съ положеніемъ русскихъ, онъ находилъ, что первое было хуже. Въ годы революціи по Франціи совершилъ четыре путешествія знаменитый англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, написавшій объ этомъ цѣлую книгу, гдѣ далъ яркую картину нищеты народа, и упадка сельскаго хозяйства тогдашней Франціи. По сравненію съ земледѣліемъ и скотоводствомъ въ Англіи, Франція, говоритъ онъ, находилась еще чуть не въ X вѣкѣ. Масса земли пустовала вообще, а изъ той, которая обрабатывалась, цѣлая треть оставалась ежегодно праздной, благодаря трехполью, тогда какъ въ Англіи уже существовалъ правильный сѣвооборотъ. Рабочій скотъ, сельскохозяйственныя постройки, земледѣльческія орудія—все это было плохо, урожаи маленькіе, и часто были недороды съ сопровождавшими ихъ подъемами хлѣбныхъ цѣнъ и настоящими голодовками, посѣщавшими нѣкоторыя мѣстности черезъ два года въ третій. Нехватка хлѣба часто бывала поводомъ серьезныхъ народныхъ волненій, разгромовъ амбаровъ, нападеній на обозы или рѣчные караваны съ зерномъ и мукой, нападеній на пекарни и рынки. Нищенство тоже было очень распространено со всѣми своими послѣдствіями.

И все это было среди благодатной природы Франціи! Страна вслѣдствіе дурного управленія и невозможныхъ соціальныхъ условій была какъ бы въ заколдованномъ кругу: жаловались на недостатокъ хлѣба, а много земли, годной для обработки, пустовало; жаловались на это обстоятельство и на недостачу рабочихъ рукъ, а деревни и города кишѣли нищими не находившими работы, и т. д.

Продовольственный вопросъ очень сильно занималъ французское правительство XVIII вѣка; оно всячески пробовало упорядочить хлѣбную торговлю, то запрещая, то, наоборотъ, разрѣшая вывозъ хлѣба за границу или перевозку его изъ одной провинціи въ другую, причемъ многое дѣлалось по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, т.-е. интендантовъ. Этимъ пользовались всякіе спекулянты и хлѣбные барышники, которые скупали хлѣбъ, когда или гдѣ онъ былъ дешевъ, и хранили его запасы или перевозили часть ихъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы продавать по болѣе дорогой цѣнѣ, что̀ порождало къ нимъ настоящую народную ненависть, какъ и къ откупщикамъ косвенныхъ налоговъ и къ ихъ служащимъ. Само правительство для снабженія хлѣбомъ городского населенія и арміи должно было прибѣгать къ помощи хлѣботорговцевъ, и на этой почвѣ создалась даже легенда, которой долго вѣрили и историки, будто самъ Людовикъ XV принималъ участіе въ спекуляціяхъ хлѣбомъ, даже будто былъ особый „голодный договоръ", или „общество голодовки", пользовавшееся покровительствомъ администраціи, для покупки хлѣба по дешевой цѣнѣ и перепродажи его по болѣе дорогой при помощи разныхъ запрещеній и разрѣшеній вывозить его изъ одной провинціи въ другую.

Таково было экономическое положеніе сельской Франціи, заключавшей въ себѣ три четверти ея населенія, т.-е. около 18 милліоновъ изъ 24. Здѣсь еще господствовали порядки, зародившіеся въ средневѣковомъ феодализмѣ, превратившемъ помѣщиковъ (сеньёровъ) въ подобіе государей въ ихъ помѣстьяхъ (сеньёріяхъ). Вѣковая политика французскихъ королей по отношенію къ феодализму заключалась въ томъ, чтобы лишать сеньёровъ тѣхъ ихъ правъ, которыя противорѣчили самому понятію государства, но оставлять за ними всѣ тѣ права, которыя позволяли имъ извлекать доходы изъ населенія. За отказъ отъ политической власти, за превращеніе въ придворную челядь и т. п., въ видѣ награды сеньёры получали сохраненіе за ними ихъ былого соціальнаго положенія, охрану властью ихъ привилегій, ихъ феодальныхъ правъ. Въ проигрышѣ были крестьянство и находившееся, главнымъ образомъ, въ его рукахъ сельское хозяйство. Все это дѣлаетъ какъ нельзя болѣе понятнымъ крестьянское движеніе 1789 года.

Въ одномъ еще отношеніи правительственная политика была вредна для сельскаго населенія и хозяйства Франціи. Она руководилась, особенно съ середины XVII вѣка, системой меркантилизма, какъ называлось преимущественное по-

кровительство торговлѣ и обрабатывающей промышленности. Казна тратила на поощреніе послѣдней большія деньги, и ради снабженія рабочихъ болѣе дешевымъ хлѣбомъ правительство запрещало, напримѣръ, вывозъ его за границу, который поднималъ бы цѣну на хлѣбъ въ странѣ. Это дѣлало невыгоднымъ занятіе земледѣліемъ даже для болѣе крупныхъ сельскихъ хозяевъ, т.-е. сеньёровъ, не говоря уже о крестьянахъ, вынужденныхъ продавать хлѣбъ. Прилагать капиталы для зажиточныхъ людей оказывалось болѣе выгоднымъ къ торговлѣ, къ промышленности, нежели къ земледѣлію, а это также не могло не отражаться на плохомъ его состояніи. Только въ серединѣ XVIII в. въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ возникло сомнѣніе въ правильности такой экономической политики.

Болѣе благопріятной эта политика была для городовъ, въ которыхъ жила едва одна четверть населенія. Самымъ многолюднымъ городомъ Франціи былъ Парижъ, гдѣ, впрочемъ, число жителей доходило лишь до шестисотъ тысячъ. Были и другіе крупные города, но бо̀льшая часть состояла изъ маленькихъ поселеній. Городское третье сословіе состояло изъ буржуазіи и пролетаріата.

Въ средневѣковой Франціи городскія поселенія были укрѣпленными мѣстами, бургами, откуда ихъ населеніе и называлось по-латыни „бургензами“ (теперешнее итальянское „боргéзэ“), по-французски „буржуа“, по-нѣмецки „бюргерами“. Слово значило горожанинъ вообще, гражданинъ въ смыслѣ „градского“ обывателя, а по-польски этому соотвѣтствовалъ терминъ „мѣщанинъ“ отъ слова „място“ (мѣсто), что̀ значитъ городъ. Но уже издавна во Франціи буржуазіей, мѣщанствомъ, стали обозначать только верхніе слои городского населенія и распространять впослѣдствіи это названіе на соотвѣтственную категорію сельскихъ жителей, не бывшихъ ни дворянами ни крестьянами, а занимавшихъ среднее положеніе между тѣми и другими. Буржуазія въ XVIII в. именно и была среднимъ классомъ между привилегированными (духовными и дворянами)—съ одной стороны, и народной массой (крестьянами и рабочими)—съ другой. О высшемъ слоѣ этого класса говорилось, что онъ „живетъ по-барски“, но между нимъ и массою рабочихъ и крестьянъ находилась еще мелкая буржуазія, состоявшая изъ хозяевъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній, мелкихъ торговцевъ, мелкихъ чиновниковъ и служащихъ въ частныхъ предпріятіяхъ. Рѣзкой противоположности главныхъ категорій городского населенія, какая образовалась во Франціи позднѣе, да и то не достигла

той степени развитія, какъ въ Англіи и Германіи, передъ 1789 годомъ не было: отъ буржуазіи, „жившей по-барски“, существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней до рабочаго народа въ тѣсномъ смыслѣ слова, до рабочихъ-ремесленниковъ и рабочихъ-наймитовъ. Городскія массы, участвовавшія въ революціи, далеко не были сплошь пролетарскими, да и крупной заводско-фабричной промышленности съ настоящимъ рабочимъ пролетаріатомъ еще не существовало.

Зажиточностью и образованностью французская буржуазія не отличалась отъ дворянства, но все-таки не занимала равнаго съ нимъ мѣста въ обществѣ. Многія должности въ церкви и при дворѣ, въ арміи и въ правительствѣ не были доступны „мѣщанамъ“, если только они не пріобрѣтали дворянства по королевской милости или покупкою за деньги. Хотя буржуа и могъ купить дворянскую землю, но онъ долженъ былъ уплатить особую пошлину. Дворяне смотрѣли свысока на не-дворянъ, которые, между прочимъ, лишены были права носить шпагу, какъ отличительный признакъ принадлежности къ высшему сословію. Образъ жизни буржуазіи, особенно богатой, былъ близокъ къ дворянскому, да и обыденный костюмъ одинаковый. Отмѣчу одну подробность: въ составъ мужского костюма входили короткіе штаны только до колѣнъ, называвшіеся „кюлоттой“ (culotte), чулки и башмаки съ пряжками, тогда какъ рабочій людъ носилъ длинные штаны до пятокъ, или панталоны; отсюда популярное во время революціи названіе людей, одѣвавшихся не по-господски, „санкюлотами“ (безкюлотниками), что вовсе не значитъ безштанники или голоштанники. На такомъ же основаніи въ XIX вѣкѣ рабочихъ стали называть блузниками по блузѣ, замѣняющей сюртукъ или пиджакъ. Приниженное положеніе, которое буржуазія занимала въ обществѣ, поселяло въ ней недовольство существующимъ порядкомъ вещей и настраивало ее демократически.

Наиболѣе богатыми представителями мѣщанства были всякаго рода капиталисты: откупщики и банкиры, негоціанты (купцы) и промышленные предприниматели, не-дворянскіе землевладѣльцы и т. п. съ очень различными интересами. Откупщики, напримѣръ, очень дорожили порядками, которые имъ позволяли наживаться, но банкиры, ссужавшіе казну деньгами, равно какъ рантьеры, держатели государственныхъ процентныхъ бумагъ, были сторонниками такихъ преобразованій въ государствѣ, которыя вносили бы больше порядка и стойкости въ финансовое управленіе. Въ этомъ заинтересованы были и мелкіе „рантье“, имѣвшіе у себя такія же

бумаги. Торгово-промышленный класс имѣлъ свои причины быть недовольнымъ и находить неправильнымъ, что правительство принимаетъ серьезныя экономическія мѣры, не спрашивая его мнѣнія, хотя, въ общемъ, торгово-промышленная дѣятельность пользовалась покровительствомъ и поощреніемъ. Напримѣръ, дворянамъ было запрещено заниматься торговлею, какъ „унижающею ихъ званіе", и слѣдовательно купцы были ограждены отъ конкуренціи. Земельные собственники изъ не-дворянъ обижались на то, что за обладаніе „благородной" землей должны были уплачивать особую пошлину. Въ общемъ, эта соціальная среда была наиболѣе склонною критиковать существовавшій порядокъ и прислушиваться къ голосу тогдашней передовой интеллигенціи.

Чиновничество, люди либеральныхъ профессій (т.-е. врачи, адвокаты, профессора, учителя, художники, инженеры), равно какъ писательская братія, т.-е. вся интеллигенція націи пополняла свои ряды преимущественно лицами мѣщанскаго происхожденія, хотя, конечно, среди нихъ были и дворяне и духовные. Въ еще большей степени, чѣмъ капиталистическая буржуазія, эта интеллигенція заключала въ себѣ оппозиціонныхъ элементовъ. Она, эта среда, имѣла въ своемъ составѣ людей изъ всѣхъ трехъ сословій, больше другихъ обнаруживавшихъ склонности и способности, при разсмотрѣніи политическихъ и экономическихъ вопросовъ, становиться на идейную, принципіальную точку зрѣнія, возвышаться до сознанія государственныхъ и національныхъ интересовъ, отрѣшаясь въ большей или меньшей мѣрѣ отъ узко-сословнаго духа и проявляя извѣстное народолюбіе. Къ такой интеллигентской средѣ принадлежали такіе духовные отцы революціи, какъ старинный дворянинъ Монтескьё, плебей по происхожденію Вольтеръ, представитель духовенства аббатъ Мабли и другіе, о которыхъ рѣчь спеціально идетъ въ слѣдующей главѣ. Изъ нея же, изъ среды этой, вышли и многіе дѣятели революціи. Наконецъ, и низшее духовенство, которое было такъ демократически настроено въ началѣ революціи, тоже пополнялось изъ третьяго сословія, которое все объединялось на почвѣ вражды къ аристократіи и ея привилегіямъ. Буржуазія являлась какъ бы передовымъ отрядомъ націи, когда поставленъ былъ вопросъ о завоеваніи равноправія.

Городскую рабочую массу передъ 1789 г. отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ сплошь пролетарской. Крупная заводско-фабричная промышленность съ немногими хозяевами во главѣ и съ массами наемныхъ рабочихъ только еще начинала нарождаться. Передъ революціей паровая машина еще

не дѣйствовала, а „механическіе" прядильные и ткацкіе станки еще только-что вводились. Работа большею частью производилась не въ общихъ обширныхъ помѣщеніяхъ, а на квартирахъ самихъ рабочихъ, нерѣдко даже не въ самомъ городѣ, гдѣ жилъ фабрикантъ, а по окрестнымъ деревнямъ, въ домахъ крестьянъ-кустарей, послѣ того, какъ въ 1762 г. города лишены были своей исключительной привилегіи заниматься обрабатывающею промышленностью. Само слово „фабрикантъ" въ XVIII вѣкѣ вовсе не значило хозяина большого промышленнаго заведенія: фабрикантомъ былъ и маленькій мастерокъ, что-либо изготовлявшій на продажу, и оптовый заказчикъ какого-либо товара такимъ ремесленникамъ, работавшимъ у себя на дому, или даже скупщикъ у нихъ товара, т.-е. прямо купецъ. Фабрикантъ — это вообще производитель извѣстнаго товара, а слово „фабрика" обозначало иногда совокупность всѣхъ заведеній одного и того же ремесла въ городѣ. Такъ, ліонской фабрикой шелковыхъ издѣлій обозначалось все производство этого рода въ городѣ Ліонѣ, гдѣ было великое множество отдѣльныхъ мастерскихъ. Послѣднія именовались „ателье" (ateliers), а если въ одномъ помѣщеніи уже соединялось большое количество станковъ, то говорили о „мануфактурѣ" (мануфактура буквально значитъ рукодѣльня).

Дѣло въ томъ, что французская промышленность имѣла старинное цеховое устройство, препятствовавшее образованію крупныхъ заведеній. По этому устройству занятіе ремеслами было исключительной привилегіей городовъ. Крестьяне могли, конечно, прясть, ткать и т. п., но только для себя, а не на опредѣленный рынокъ, и только указъ 1762 г. имъ разрѣшилъ принимать всякую работу такого рода на городскихъ предпринимателей. Городскіе мастера разныхъ ремеслъ были этимъ недовольны, потому что деревенскіе кустари брали за работу дешевле. Въ самомъ городѣ однородные ремесленники, напримѣръ, ткачи, сапожники, столяры и т. п., были соединены въ цехи, или корпораціи, члены которыхъ только и имѣли право заниматься даннымъ ремесломъ въ городѣ. Число такихъ ремесленниковъ въ городѣ было ограничено, и вся ихъ жизнь, вся работа подчинялась опредѣленному уставу. Чтобы получить право имѣть свое заведеньице, нужно было получить на это согласіе другихъ хозяевъ. Каждый хозяинъ былъ мастеромъ, или, по французскому произношенію, „мэтромъ", откуда званіе мастера называлось „мэтризой". Чтобы добиться этого званія, нужно было быть сначала ученикомъ въ какой-либо мастерской, потомъ сдѣлаться работникомъ за плату, который назывался „компаньономъ", что̀ значитъ сохлѣбникомъ какъ бы

младшимъ товарищемъ мастера, а для полученія права самостоятельно заниматься ремесломъ необходимо было выдержать установленный экзаменъ, представивши образцовую работу, „шедёвръ“ (chef-d'oeuvre). Число учениковъ и подмастерьевъ, какъ у насъ переводятъ слово „компаньонъ“, было по уставамъ цеховъ ограничено. Цехи имѣли свои выборныя власти въ лицѣ присяжныхъ, „жюрэ“, каковое учрежденіе называлось жюрандой. Такимъ образомъ цеховая промышленность была въ рукахъ ремесленныхъ товариществъ, въ составъ которыхъ входили хозяева небольшихъ мастерскихъ, гдѣ работалъ самъ хозяинъ съ немногими помощниками, жившими вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ домочадцевъ, и съ немногими же учениками.

Особенности этого строя были таковы: во-первыхъ, при его господствѣ не могло быть большихъ заведеній; во-вторыхъ, хозяинъ заведенія работалъ самъ, а не былъ исключительно предпринимателемъ; въ-третьихъ, между нимъ и его рабочими отношенія были чисто-патріархальныя; въ-четвертыхъ, каждый рабочій могъ разсчитывать самъ сдѣлаться впослѣдствіи хозяиномъ. Дѣйствительность, однако, въ XVIII вѣкѣ далеко не соотвѣтствовала такому идеалу.

Въ былыя времена каждый ремесленникъ-мастеръ самъ себѣ былъ хозяинъ: работалъ дома, больше на заказъ, меньше на продажу, часто изъ своего матеріала, и продавалъ вещь непосредственно потребителю. Съ теченіемъ времени, однако, положеніе дѣлъ измѣнилось: продолжая работу на дому, мастеръ дѣлалъ вещи изъ матеріала, доставленнаго ему предпринимателемъ-перекупщикомъ, который уже самъ торговалъ или поставлялъ товаръ на большой рынокъ. Ремесленникъ-мастеръ изъ самостоятельнаго хозяина сталъ превращаться въ работника на предпринимателя, который, самъ не работая, очутился въ роли фабриканта. Послѣдній притомъ началъ раздавать работу и деревенскимъ кустарямъ, не подчиненнымъ цеховому строю. Когда-то самостоятельнымъ хозяевамъ оставалось для отстаиванія своихъ интересовъ только закрѣплять свои союзы противъ такихъ, приходившихъ со стороны, предпринимателей или своихъ же товарищей, которые вступали на такую дорогу. Во всякомъ случаѣ, цеховые мастера отстаивали старый строй.

Съ другой стороны, цеховые мастера все больше и больше отдѣлялись отъ своихъ младшихъ товарищей. Доступъ къ званію мастера и вступленіе въ цехъ все болѣе и болѣе затруднялись строгими требованіями отъ пробной работы и большими вступными деньгами въ цеховую кассу; годы ученія

и „компаньонажа“ (наемной работы подмастерьевъ) удлинялись; для сыновей мастеровъ дѣлались разныя поблажки и послабленія и пр. и пр. Соотвѣтственно съ этимъ росла пропасть между старшими и младшими членами цеховъ. Подмастерья сами стали образовывать тайные союзы противъ мастеровъ и устраивать стачки, забастовки и т. п. Въ Парижѣ стакнувшіеся рабочіе отправлялись обыкновенно на Грэвскую площадь (пласъ-де-Грэвъ) передъ Городской Думой, откуда возникло французское названіе стачки — „грэвъ“ (la grève).

Таковы были первыя проявленія борьбы труда съ капиталомъ, соединялись ли мастера противъ предпринимателей или рабочіе противъ мастеровъ. Мастера составляли закономъ признанныя корпораціи (цехи), коалиціи же рабочихъ были запрещены и могли существовать только тайно. Цеховые уставы всячески регламентировали поведеніе рабочихъ, да и полиція зорко за ними смотрѣла, какъ за самою безпокойною частью населенія городовъ. Въ Парижѣ были свои кварталы, гдѣ жило особенно много рабочихъ: это были предмѣстья (фобуры) св. Антонія и св. Марцелла въ восточной части города, по обѣ стороны Сены. Въ эпоху революціи эта часть города была наиболѣе бурной. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что рабочая масса была сплошь однородной: въ революціонныхъ движеніяхъ выступали и разные поденщики, чернорабочіе, подмастерья, ремесленники, торговые приказчики, лавочники, мелкіе служащіе, писаря и пр. и пр.

Меркантилистическая политика правительства немало содѣйствовала разложенію цехового строя. Въ систему входило требованіе какъ можно больше вывозить за границу продуктовъ обрабатывающей промышленности, и государство брало на себя задачу какъ можно болѣе способствовать производству въ крупныхъ размѣрахъ. Заводились королевскія мануфактуры, изъятыя изъ подчиненія цеховымъ правиламъ; предпринимателямъ, расширявшимъ производство, хотя бы и при помощи мастеровъ и кустарей, а не въ большихъ фабрикахъ, давались привилегіи, оказывались субсидіи, предоставлялись разныя льготы. Эта политика оказывалась выгодною для торгово-промышленной буржуазіи.

Но вотъ что̀ при этомъ получалось. По старинѣ и въ силу старой политической традиціи королевская власть всячески поддерживала дворянство, вся сила котораго была въ земельныхъ отношеніяхъ,—и, наоборотъ, оттѣсняла на задній планъ буржуазію, опиравшуюся на торговлю и промышленность, а по соображеніямъ экономическимъ, напротивъ того, жертвовала

интересами сельскаго хозяйства интересамъ промышленности и торговли. Цѣликомъ власть не опиралась ни на тотъ ни на другой классъ, а если и благопріятствовала въ однихъ отношеніяхъ дворянству, а въ другихъ буржуазіи, то уже о народной массѣ не приходится сказать, чтобы власть очень о ней заботилась. Еще великій министръ Людовика XIII, кардиналъ Ришельё, находилъ, что народу не должно жить особенно хорошо, дабы онъ не выходилъ изъ повиновенія, и это правило какъ бы утвердилось въ дѣятельности правительства Франціи. Только въ серединѣ XVIII в. стали понимать, что если не для самого народа, то, по крайней мѣрѣ, для спокойствія государства и для правильнаго поступленія налоговъ въ казну нужно заботиться о матеріальномъ благосостояніи массъ.

Въ XVIII-й вѣкъ Франція вступила страшно разоренною войнами и безумными тратами Людовика XIV. За шесть десятковъ лѣтъ царствованія его преемника и полтора десятка лѣтъ правленія Людовика XVI до начала революціи Франція, въ общемъ, сдѣлала экономическіе успѣхи, но историки не вполнѣ согласны между собою въ оцѣнкѣ матеріальнаго благосостоянія Франціи передъ самой революціей. У постели больного одинъ можетъ найти, что онъ выглядываетъ истощеннымъ своею болѣзнью, другой—что ему все-таки стало лучше, и противорѣчія между этими двумя приговорами можетъ и не быть. Одни объясняютъ революцію тѣмъ, что такъ дальше жить было нельзя именно вслѣдствіе полной хозяйственной несостоятельности страны, другіе думаютъ, что именно улучшеніе общаго положенія ускорило революцію. Не будемъ придавать значенія субъективнымъ оцѣнкамъ и гаданіямъ, что̀ было бы, если бы не было того-то и того-то, а было бы то-то и то-то. Достаточно признать, что причинъ разстройства государственной и хозяйственной жизни было много, что народныя массы отъ этого страдали, что никто серьезно причинъ разстройства не устранялъ, что, въ концѣ концовъ, накопилось столько вопросовъ, потребовавшихъ сразу разрѣшенія послѣ долгихъ напрасныхъ ожиданій, что коренная реформа всего была неизбѣжна. Эту реформу могла бы произвести старая власть, если бы она была на высотѣ своей задачи, но исторія пошла совсѣмъ другимъ путемъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о Парижѣ, игравшемъ такую крупную роль въ революціи. Несмотря на то, что Парижъ болѣе ста лѣтъ не былъ королевской резиденціей, онъ продолжалъ быть истинной столицей Франціи, центромъ ея

жизни, до извѣстной степени даже поглощавшимъ провинцію.

Это было однимъ изъ слѣдствій королевской централизаціи. Все, что только выдавалось надъ общимъ уровнемъ, стремилось въ столицу, которая и задавала общій тонъ всей Франціи. Парижъ сдѣлался умственнымъ центромъ страны, ея мозгомъ, вслѣдствіе чего парижскія событія получали общефранцузское значеніе. У столицы Франціи было и свое революціонное прошлое, когда въ ней разыгрывались бурныя политическія движенія населенія (въ серединѣ XIV вѣка, въ началѣ XV, въ концѣ XVI и въ серединѣ XVII). Недаромъ Людовикъ XIV не любилъ Парижа и перенесъ свою резиденцію въ Версаль, гдѣ остались жить и оба его преемника. Людовикъ XVI собралъ генеральные штаты, не созывавшіеся сто семьдесятъ пять лѣтъ, въ своей резиденціи, но, какъ увидимъ, черезъ пять мѣсяцевъ населеніе Парижа заставило правительство и народное представительство переселиться въ столичный городъ.

Парижъ конца XVIII в. былъ вдвое меньше теперешняго, да и въ немъ болѣе густое населеніе было только въ центральной части, спеціально называвшейся „городомъ“, тогда какъ окраины были населены очень слабо, особенно въ западной части. „Городъ“ отдѣлялся бульварами, образовавшимися на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ, отъ того, что называлось фобурами (faubourgs), — слово, которое мы переводимъ терминомъ „предмѣстья“, взятымъ нами изъ польскаго языка, гдѣ мѣсто („място“) значитъ городъ. Черезъ Парижъ протекаетъ рѣка Сена, на одномъ изъ острововъ которой церковь Парижской Богоматери (Нотръ-Дамъ-де-Пари), а на правомъ берегу рѣки находятся главныя зданія и урочища, упоминающіяся въ исторіи революціи и сдѣлавшіяся вслѣдствіе этого столь извѣстными. Въ Парижѣ жизнь была какъ бы разбита по кварталамъ: были такіе, гдѣ много находилось богатыхъ особняковъ („отелей“) знати; были такіе, гдѣ жили преимущественно законники (члены парламента, судьи, адвокаты); былъ ученый кварталъ („Латинскій“), гдѣ находились университетъ и другія школы, книжныя лавки, жилища профессоровъ и студентовъ и т. п. Я уже упоминалъ о двухъ предмѣстьяхъ, гдѣ населеніе было особенно пролетарское. Историки, между прочимъ, отмѣчаютъ, что эти два предмѣстья не были соединены мостомъ, и что это служило помѣхой для ихъ совмѣстныхъ выступленій въ бурные дни революціи *).

*) См. въ приложеніи схематическій планъ Парижа.

ГЛАВА IV.

Духовные отцы французской революціи.

Прежде чѣмъ революція произошла въ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, совершилась другая революція — въ мысляхъ и чувствахъ французскаго общества. Въ царствованіе Людовика XIV былъ золотой вѣкъ французской литературы, но эта литература была настроена монархически, входила въ обиходъ придворной жизни, была истинной литературой версальской эпохи французской исторіи. Только въ концѣ XVII в. на французскомъ языкѣ стала зарождаться литература протеста противъ системы „короля-солнца", а въ царствованіе Людовика XV развилась литература оппозиціонная, боевая, съ общественнымъ и политическимъ характеромъ,—литература, въ которой было уже много идей и словъ надвигавшейся на Францію революціи. Революціонный духъ уже существовалъ до революціи, и послѣдняя не во всемъ была бы намъ понятна безъ знакомства съ этимъ духомъ.

Когда началась революція, во время революціи и послѣ нея, многіе думали, что причиною ея были именно новыя идеи, которыя проповѣдывала французская, какъ ее называли, „философія XVIII в.", и этого мнѣнія держались какъ враги ея (въ особенности), такъ и ея друзья, не обращая заслуженнаго вниманія на политическія, соціальныя и экономическія отношенія, которыя вызвали революцію. Источникъ ея былъ въ разстройствѣ государственной жизни, въ общественномъ недовольствѣ, въ хозяйственномъ неблагополучіи страны, въ необходимости реформъ и т. п., самый же успѣхъ въ обществѣ тѣхъ отвлеченныхъ идей, которыя проповѣдывались писателями, былъ лишь симптомомъ, указывающимъ на сознаніе обществомъ всей ненормальности создавшагося положенія. У крестьянъ и безъ философіи накопилось много недовольства на тяжесть налоговъ и феодальныхъ повинностей; у буржуазіи тоже было немало причинъ быть недовольными старымъ режимомъ и т. п. Все, въ чемъ только была критика существующаго, дѣлалось популярнымъ, такъ что литература не создавала новое настроеніе, а скорѣе его отражала и, самое большее, могла только усиливать и вносить въ него бо́льшую сознательность, а когда началось движеніе, то оно не могло не пойти подъ знаменемъ идей, которыя вырабатывались въ лабораторіи отвлеченной мысли.

Общій духъ этой литературы былъ отрицательный, критическій, оппозиціонный по отношенію къ существующему,

Старые авторитеты утратили свое значеніе для передовыхъ умовъ. Характерною чертою новой „философіи“ былъ ея раціонализмъ, т.-е. провозглашеніе человѣческаго разума верховнымъ источникомъ всякой истины. Авторитетъ разума былъ противопоставленъ авторитету вѣры, основанной на откровеніи, авторитету преданія и обычая и т. п. Въ раціонализмѣ, впрочемъ, была своя вѣра, именно вѣра въ непогрѣшимость, въ силу и въ право разума, въ право его на свободное высказываніе того, что̀ имъ вырабатывалось, въ право на властное диктованіе правилъ для жизни. Философы XVIII в. были свободными мыслителями, или, какъ у насъ говорилось съ оттѣнкомъ негодованія, вольнодумцами. Они защищали умственную свободу человѣка, право свободно мыслить и свободно высказывать свои мысли. Прежде, чѣмъ революція формулировала декларацію правъ человѣка и гражданина, философія XVIII в. провозгласила права разума. Въ эпоху революціи сдѣлана была даже попытка замѣнить христіанство поклоненіемъ разуму, притомъ не Міровому Разуму, подъ которымъ можно было мыслить Божество, а разуму человѣческому, — попытка, имѣвшая, однако, очень непрочный и поверхностный успѣхъ.

На разумъ возлагалась задача не только понять то, что̀ есть, но и указать на то, что̀ должно быть. Только одно, оправдываемое разумомъ, должно было существовать. Всему положительному и исторически сложившемуся раціоналисты противополагали, какъ чему-то искусственному, придуманному людьми, то, что̀ сами они называли естественнымъ, существующимъ по природѣ вещей и потому единственно-разумнымъ, должнымъ.

Всѣмъ положительнымъ религіямъ противопоставлялась естественная религія, которую видѣли въ занесенномъ изъ Англіи деизмѣ, этой философской религіи, сводившейся къ вѣрѣ въ Верховное Существо, въ безсмертіе души, въ обязательность добродѣтели и въ загробное воздаяніе коемуждо по дѣломъ. Вся христіанская догматика и исторія деистами отвергалась, и съ католицизмомъ они находились во враждѣ. Къ этому направленію принадлежали почти всѣ видные писатели XVIII в.: Вольтеръ, Монтескьё, Руссо и другіе, а также деизмъ былъ распространенъ среди дѣятелей революціи. Одинъ изъ нихъ, Робеспьеръ, даже думалъ офиціально ввести во Франціи поклоненіе Верховному Существу. Лишь сравнительно немногіе писатели XVIII в. пошли дальше деизма, въ направленіи атеизма и матеріализма, какъ, напримѣръ, Дидро, который только временно былъ деистомъ. Своей естественной религіи

деисты противополагали всѣ положительныя религіи, которыя толковали, какъ изобрѣтенія жрецовъ и духовенства.

Всѣмъ общепринятымъ обычаямъ, правамъ, правиламъ поведенія эта философія противополагала естественную нравственность, которую толковала или въ смыслѣ врожденныхъ нравственныхъ понятій и инстинктовъ (точка зрѣнія деистовъ), или въ смыслѣ себялюбія, какъ источника всѣхъ людскихъ побужденій, источника и добродѣтели, предписываемой разумно понятымъ эгоизмомъ (точка зрѣнія матеріалистовъ). По педагогической теоріи Руссо, самое воспитаніе должно было стремиться къ тому, чтобы изъ ребенка сдѣлать естественнаго человѣка, свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ и условностей.

Въ области законовъ и государственнаго строя философія XVIII в. стояла на точкѣ зрѣнія естественнаго права, которое противополагалось праву положительному. Еще римскіе юристы учили, что по естественному праву всѣ люди рождаются свободными, и что рабство было введено людьми, создавшими гражданское и общенародное право. Къ ученію объ естественномъ правѣ на свободу было прибавлено таковое же право на равенство, которое защищалось христіанскими писателями, какъ вытекающее изъ того, что всѣ люди происходятъ отъ Адама, всѣ — дѣти одного Небеснаго Отца и всѣ были искуплены Іисусомъ Христомъ отъ первороднаго грѣха. Теперь объявлялось, что свобода и равноправіе суть естественныя права, которыя человѣкъ приноситъ съ собою при рожденіи въ міръ, права̀, значитъ, прямо ему прирожденныя, неотъемлемыя отъ него. Отсюда вытекали многочисленныя слѣдствія въ вопросахъ о цѣли государства и законовъ: естественное право осуждало всякое рабство и угнетеніе.

Экономисты создали соотвѣтственное этому понятіе естественнаго порядка хозяйственной жизни, съ точки зрѣнія котораго отрицали разныя установленія и правила экономическаго быта, въ родѣ феодальныхъ повинностей, цехового строя и т. п. Характерно, что свое ученіе они назвали „физіократіей", что̀ значитъ господство природы, власть естественнаго порядка. Въ промышленности долженъ былъ царить независимый отъ людей естественный законъ, направляющій-де все къ наилучшему въ интересахъ отдѣльнаго человѣка и всего общаго.

Наконецъ, Руссо объявилъ, что единственнымъ нормальнымъ состояніемъ человѣка было его естественное состояніе, въ которомъ находятся и теперь дикари. Онъ думалъ, что это естественное состояніе было временемъ невинности и

блаженства, земнымъ раемъ или золотымъ вѣкомъ, но это была лишь его личная точка зрѣнія. Другіе писатели, дѣйствовавшіе уже во второй половинѣ вѣка, наоборотъ, вѣрили, что золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди насъ, что въ исторіи совершается прогрессъ, и что при этомъ главнымъ рычагомъ прогресса является разумъ. Это была точка зрѣнія экономиста-физіократа Тюрго, бывшаго короткое время министромъ Людовика XVI, и одного изъ дѣятелей революціи, Кондорсе, который въ самый разгаръ ея написалъ объ этомъ особое сочиненіе.

Въ философіи XVIII вѣка было много идеализма, много оптимизма, вѣры въ разумъ, въ науку, въ человѣческую природу, въ усовершенствованіе жизни. Притомъ всѣ эти философы были превосходные писатели, высказывавшіе свои мысли общедоступно, занимательно, изящно и пользовавшіеся не только формою теоретическихъ разсужденій, но и другими формами—романами и повѣстями, трагедіями и комедіями, одами и сатирами, приправляя изложеніе своихъ мыслей шутками, остротами, крылатыми словами. Успѣху ихъ въ публикѣ способствовала и запретность многаго, что̀ ими писалось. Писатели XVIII вѣка подвергались преслѣдованіямъ властей, сочиненія ихъ осуждались и сжигались рукою палача, часть могла печататься только за границей, а въ самой Франціи тайно, но это только подогрѣвало интересъ къ ихъ произведеніямъ и изощряло изобрѣтательность издателей при пособничествѣ и покровительствѣ многихъ агентовъ власти, сочувствовавшихъ новому духу. Помогало и то обстоятельство, что правительство больше всего боялось свободнаго обсужденія злобъ дня и прямого нападенія на данные порядки или дѣйствія власти, а чисто-отвлеченныя разсужденія ему казались не столь страшными. Результатомъ было то, что изъ произведеній вольнодумцевъ общество воспринимало массу идей, но не получало знанія фактической дѣйствительности, всей дѣловой жизни государства, такъ какъ въ эту область входъ постороннимъ воспрещался.

Французская „просвѣтительная", какъ еще ее называютъ, литература имѣла успѣхъ и за предѣлами страны, даже у тогдашнихъ государей. Фридрихъ II прусскій переписывался съ Вольтеромъ, который у него довольно долго гостилъ; кромѣ того, король былъ въ сношеніяхъ и съ другими философами, самъ развивая многія новыя идеи въ своихъ сочиненіяхъ на французскомъ языкѣ. Русская императрица Екатерина II тоже переписывалась съ Вольтеромъ, приглашала въ Петербургъ такихъ людей, какъ Дидро или физіократъ Мерсье де-

ля-Ривьеръ, для своего знаменитаго „Наказа“ пользовалась „Духомъ Законовъ“ Монтескьё. Это была эпоха просвѣщеннаго деспотизма, когда государи и министры искали популярности у французскихъ писателей, прислушивались къ ихъ голосу, осуществляли нѣкоторыя ихъ идеи, и это тѣмъ болѣе нужно отмѣтить, что какъ разъ въ отечествѣ своемъ эти писатели не были пророками у властьимущихъ, которые вовсе не думали хоть сколько-нибудь учиться у философовъ. При Людовикѣ XIV власть и общество были объединены общимъ міросозерцаніемъ, а при Людовикѣ XV обѣ стороны думали уже по-разному и говорили на разныхъ языкахъ. При опредѣленіи причинъ революціи и это нужно имѣть въ виду.

Первыя проявленія революціоннаго духа во французской литературѣ относятся еще къ началу царствованія Людовика XV. Къ этому времени между Франціей и Англіей произошло замиреніе послѣ продолжительной войны, и французы стали ѣздить въ Англію, откуда и вывозили бывшія для ихъ соотечественниковъ совсѣмъ новыми идеи. Вольтеръ познакомился тамъ съ деизмомъ и духовною свободою, тамъ осуществлявшеюся; Монтескьё вывезъ оттуда свое уваженіе къ конституціонной монархіи, осуществлявшей политическую свободу. Особенно боевой характеръ пріобрѣла просвѣтительная литература въ серединѣ XVIII вѣка, достигнувъ наибольшей силы къ концу царствованія Людовика XV, т.-е. къ семидесятымъ годамъ вѣка. Старшее поколѣніе духовныхъ отцовъ революціи до нея не дожило: Монтескьё умеръ еще въ серединѣ вѣка, Вольтеръ и Руссо—въ 1778 году, Тюрго—въ 1781, Дидро—въ 1784, Мабли—въ 1785, но младшіе ихъ современники, тоже участвовавшіе въ литературѣ, хотя и менѣе знаменитые, какъ писатели, были и дѣятелями революціи, въ родѣ Мирабо, Бриссо, Кондорсе и др. Одинъ изъ старыхъ литераторовъ, дожившихъ до революціи, Мармонтель, авторъ романовъ и драматическихъ произведеній, повѣдалъ въ своемъ письмѣ Національному Собранію, что многое его современниками писалось безъ опредѣленной надежды на осуществленіе. „Всю жизнь свою,—говорилъ онъ,—я размышлялъ о тѣхъ идеяхъ, которыя вы теперь прилагаете къ возрожденію королевства, размышлялъ въ тѣ времена, когда онѣ, отвергнутыя всѣми общественными учрежденіями и всѣми предразсудками, имѣли только прелесть утѣшающаго желанія. Тогда,—продолжаетъ онъ,—не было у меня никакого побужденія ни прилагать ихъ, ни предугадывать ихъ слѣдствія“. И очень многіе тогда думали то же.

Но и читающая публика могла думать такъ же. „Мы,—

писалъ позднѣе де-Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—мы, аристократическая молодежь Франціи, безъ сожалѣнія о прошедшемъ, безъ опасеній за будущее, весело шли по цвѣтущему лугу, подъ которымъ скрывалась пропасть... Хотя это были наши привилегіи, жалкій остатокъ нашего былого могущества, которыя подкапывались подъ нашими ногами, намъ нравилась эта маленькая война. Мы не испытывали ея ударовъ; передъ нами развертывалось только ея зрѣлище. Это были битвы лишь на словахъ и на бумагѣ, и намъ не казалось, чтобы онѣ могли поколебать то высокое положеніе, которое мы занимали и которое казалось намъ несокрушимымъ. Мы смѣялись надъ тревогой двора и духовенства, возстававшаго противъ этого духа нововведеній. Мы апплодировали республиканскимъ сценамъ въ нашихъ театрахъ, философскимъ рѣчамъ нашихъ академій, смѣлымъ сочиненіямъ нашихъ литераторовъ". Де-Сегюръ прибавляетъ еще, что его сверстники чувствовали удовольствіе спускаться внизъ, когда была увѣренность, что по желанію всегда можно было и подняться,—и что имъ нравилось сочетать „выгоды патриціанскаго положенія съ приманками плебейской философіи". Авторъ этихъ строкъ былъ передъ революціей маршаломъ Франціи, а во время революціи едва спасся отъ террора.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ писателямъ. Конечно, мы остановимся только на главнѣйшихъ, причемъ не будемъ излагать ихъ біографій и разсматривать всю ихъ дѣятельность, имѣя въ виду исключительно подготовку ими того, что̀ можно назвать идейною стороною революціи. Послѣ этого краткаго обзора мы остановимся подробнѣе на тѣхъ политическихъ теоріяхъ французскихъ писателей, которыя находили примѣненіе въ революціонномъ законодательствѣ.

Первое мѣсто среди французскихъ философовъ вѣка просвѣщенія принадлежитъ Вольтеру, почти вся долгая жизнь котораго прошла въ необычайно плодовитой литературной дѣятельности. Вольтеръ умеръ 84 лѣтъ отъ роду, за одиннадцать лѣтъ до революціи, а началъ писать еще юношей, даже подросткомъ, сидѣвшимъ на школьной скамьѣ. Уже въ молодыхъ годахъ ему пришлось дважды посидѣть въ Бастиліи и не по своей волѣ оставить отечество. Испытавъ на себѣ правительственный произволъ и побывавъ въ Англіи, странѣ духовной и общественной свободы, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ страстныхъ борцовъ за достоинство и права человѣческой личности, проповѣдникомъ деизма во Франціи, врагомъ католическаго духовенства, обличителемъ дурного управленія, защитникомъ преслѣдуемыхъ и угнетенныхъ. Его гро-

мадный литературный талантъ доставилъ ему всемірную славу и сдѣлалъ его властителемъ думъ вѣка. Спасаясь отъ преслѣдованій, онъ и позднѣе покидалъ Францію (жилъ въ гостяхъ у Фридриха II въ Пруссіи), а послѣдніе годы своей жизни провелъ въ помѣстьѣ своемъ Фернеѣ, на границѣ республиканской и протестантской Женевы, „боясь королей и епископовъ".

Главною силою Вольтера были блестящее остроуміе, игривая шутливость, ѣдкая насмѣшка, ясный и яркій литературный стиль. Роды и виды произведеній Вольтера отличались большимъ разнообразіемъ. Вольтеръ былъ первымъ представителемъ французскаго деизма, враждебнаго церкви и духовенству, противникомъ фанатизма и проповѣдникомъ вѣротерпимости, защитникомъ вообще духовной свободы. Въ духовенствѣ онъ видѣлъ враговъ одинаково и философовъ и монарховъ, находя нужнымъ постоянный между ними союзъ на благо просвѣщенія и государства. Религія, по его мнѣнію, должна была подчиняться политикѣ, церковь—государству, т.-е. Вольтеръ смотрѣлъ на вѣру, какъ на нѣкоторое внѣшнее орудіе. Доказывая разными способами бытіе Божіе, онъ, между прочимъ, находилъ вѣру въ Бога необходимою для поддержанія нравственности. „Если бы,—писалъ онъ,—Бога не было, Его нужно было бы выдумать". Вмѣстѣ съ этимъ онъ въ полемикѣ съ атеистами указывалъ на необходимость вѣры въ Бога, какъ обезпеченія порядка: „попробуйте,—говорилъ онъ,—управлять хотя бы одной деревней, жители которой были бы атеистами". Это былъ чисто-разсудочный взглядъ на Бога и на религію. Осуждая фанатизмъ и защищая вѣротерпимость, Вольтеръ для не-католиковъ во Франціи требовалъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ правъ, какія принадлежали католикамъ въ Англіи, гдѣ, обладая всѣми гражданскими правами, они были, однако, лишены правъ политическихъ. Это былъ взглядъ довольно умѣренный, далекій отъ требованія полной религіозной свободы. Вольтеръ не только теоретически защищалъ вѣротерпимость, но и выступалъ въ печати по частнымъ поводамъ проявленія католическаго фанатизма во Франціи.

Въ политикѣ Вольтеръ, рекомендовавшій союзъ монарховъ и философовъ, былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма, то-есть неограниченной монархической власти, лишь бы она была просвѣщенной и терпимой и осуществляла народное благо. Кромѣ Вольтера, на той же точкѣ зрѣнія во второй половинѣ XVIII вѣка стояла школа физіократовъ. Къ представительнымъ учрежденіямъ, имѣвшимъ въ XVIII в.

сословный характеръ (въ Польшѣ, въ Венгріи, въ Швеціи), онъ относился недовѣрчиво, и даже англійскій парламентъ не казался ему такимъ идеальнымъ учрежденіемъ, какимъ представлялся автору „Духа Законовъ“, Монтескьё. Эти идеи Вольтера не могли не нравиться такимъ монархамъ, какъ Фридрихъ II въ Пруссіи или Екатерина II въ Россіи. Во Франціи просвѣщенный абсолютизмъ былъ популяренъ только до поры до времени, но чѣмъ ближе подходило время къ революціи, тѣмъ все болѣе точка зрѣнія Вольтера казалась устарѣлой.

Королевская власть въ политическомъ міросозерцаніи Вольтера была органомъ, который долженъ былъ бы произвести государственныя и общественныя преобразованія въ духѣ просвѣщенія, терпимости, справедливости. Онъ говорилъ, что лишь тогда повѣрилъ бы въ божественное право рыцарей, если бы видѣлъ, что дворяне родятся со шпорами на ногахъ, а крестьяне съ сѣдлами на спинахъ. Къ народу, однако, у него было пренебреженіе большого барина къ непросвѣщенной черни. Работая надъ разрушеніемъ суевѣрій, подъ которыми разумѣлся католицизмъ, у „порядочныхъ“ людей, онъ оставлялъ ихъ въ обладаніи у „сволочи“. Не нужно забывать, что Вольтеръ выросъ и воспитался, когда во Франціи и въ поминѣ не было демократическихъ идей, такъ что позднѣйшіе писатели во многомъ пошли дальше фернейскаго философа. Къ народнымъ массамъ онъ относился съ недовѣріемъ: „когда чернь пускается разсуждать,— писалъ онъ,—все потеряно“. Онъ высказывалъ опасеніе, что „чернь никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться“, но онъ хотѣлъ, чтобы народу жилось легче, чтобы къ нему относились съ гуманностью и справедливостью.

Революція во многомъ превзошла идеи и стремленія Вольтера, но между ними была духовная связь въ общемъ отрицательномъ отношеніи къ старинѣ, въ вѣрѣ въ разумъ и въ просвѣщеніе, въ требованіи справедливости. Люди, совершившіе революцію, понимали эту связь, и недаромъ, когда было рѣшено обратить церковь Св. Женевьевы въ Пантеонъ, какъ усыпальницу великихъ людей, туда торжественно былъ перенесенъ прахъ Вольтера.

Если Вольтеръ стоялъ на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма, то бывшій нѣсколько старше его годами Монтескьё сдѣлался родоначальникомъ французскаго либерализма, въ смыслѣ сочетанія свободы личности съ участіемъ націи въ государственныхъ дѣлахъ. Свобода, которую проповѣдывалъ Монтескьё была аристократическаго характера. Онъ

происходилъ изъ знатнаго дворянскаго рода и по наслѣдству отъ дяди получилъ мѣсто въ бордосскомъ парламентѣ, которое онъ продалъ, чтобы жить независимымъ частнымъ человѣкомъ, но и на аристократію онъ смотрѣлъ не какъ на угнетательницу народа, а какъ на защитницу его отъ произвола власти.

Въ молодости Монтескьё даже высказывалъ республиканскія идеи. Въ своихъ „Персидскихъ Письмахъ", въ которыхъ представлена была какъ бы переписка между персіанами изъ путешествія по Европѣ и обратно на родину, остроумный авторъ сумѣлъ дать мѣсто своимъ свободнымъ взглядамъ въ областяхъ и религіи и политики. Какъ и Вольтеръ, Монтескьё былъ деистъ, а тамъ, гдѣ онъ касался политики, мы находимъ у него насмѣшки надъ французской монархіей и надъ раболѣпіемъ французскаго общества. Вотъ, напримѣръ, мѣсто, относящееся къ Людовику XIV. Персіанинъ, пріѣхавшій во Францію, пишетъ: „Французскій король—самый могущественный государь во всей Европѣ. Къ тому же, этотъ король—искусный чародѣй; онъ властвуетъ даже надъ умами своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ думать все, что̀ ему угодно. Не разъ слыхали, какъ онъ говорилъ, что турецкое государство и царство нашего августѣйшаго шаха были бы ему больше по вкусу, чѣмъ всѣ другія государства въ свѣтѣ; такъ высоко онъ ставитъ восточную политику". Или вотъ другое мѣсто: „Королевская милость считается у французовъ главнымъ божествомъ. Министръ не что̀ иное, какъ верховный жрецъ, приносящій ему многочисленныя жертвы. Его приближенные не носятъ бѣлыхъ одеждъ; то они приносятъ жертвы, то приносятъ ихъ самихъ въ жертву, и они поклоняются своему идолу наравнѣ съ прочимъ народомъ. Въ Европѣ государственное право лучше извѣстно, чѣмъ въ Азіи, а между тѣмъ можно сказать, что страсти государей, долготерпѣніе народовъ и лесть сочинителей извратили его основные принципы. Теперь это право не что̀ иное, какъ наука, которая учитъ государей тому, насколько они могутъ нарушать правосудіе безъ ущерба своимъ интересамъ. Неограниченная власть нашихъ высокихъ султановъ, которая не руководится никакими высокими соображеніями, порождаетъ не болѣе чудовищъ, чѣмъ это недостойное искусство, которое стремится извратить справедливость, хотя она должна быть непреклонной".

Въ „Персидскихъ Письмахъ" Монтескьё рисуется еще республиканцемъ, для котораго учрежденіе монархической власти является установленіемъ рабства, но когда онъ, уже

послѣ Вольтера, побывалъ въ Англіи и познакомился съ ея государственнымъ устройствомъ, то сдѣлался поклонникомъ ограниченной народнымъ представительствомъ монархіи. Свою симпатію къ ней онъ высказалъ въ главномъ своемъ трудѣ, „Духѣ Законовъ", гдѣ уже различаетъ между деспотіей и монархіей. Подъ первою онъ разумѣетъ абсолютизмъ, подъ второю—такое устройство, гдѣ правитъ только одинъ, но на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ, гдѣ между государемъ и народомъ стоятъ посредствующія власти, и гдѣ существуетъ особое хранилище законовъ. „Уничтожьте въ монархіи, писалъ онъ, привилегіи духовенства, дворянства и городовъ, и у васъ скоро будетъ или народное государство, или деспотія". Мрачными красками изображалъ Монтескьё такую неограниченную монархію. Основные законы замѣняются въ ней произволомъ государя, и никто не можетъ напоминать ему о законахъ и ихъ охранять. Считая дѣйствующею силою демократической республики доблесть, аристократической—умѣренность, монархіи—чувство чести, на долю деспотіи онъ оставлялъ одинъ страхъ. „Когда дикари Луизіаны хотятъ сорвать съ дерева плодъ, они срубаютъ дерево и срѣзываютъ плодъ,—таково и деспотическое правленіе". Каждое правленіе приходитъ въ упадокъ, когда искажается его принципъ, но „принципъ деспотизма постоянно портится, ибо онъ испорченъ въ самомъ своемъ существѣ".

На политической теоріи автора „Духа Законовъ" отразилось ученіе французскихъ парламентовъ объ ограниченіи королевской власти основными законами и охраняющими ихъ парламентами, о чемъ рѣчь была во второй главѣ. Но на Монтескьё сказалось еще знакомство съ англійской конституціей, которую въ своемъ пониманіи онъ и изложилъ въ „Духѣ Законовъ". Вотъ это послѣднее изложеніе, появившееся въ 1748 г., и оказало особенно важное вліяніе на французское общество, вслѣдствіе чего намъ еще придется вернуться къ тому, какъ Монтескьё понималъ конституціонную монархію.

Третьимъ писателемъ, идеи котораго оказали притомъ наибольшее вліяніе на умы во время революціи, былъ Жанъ-Жакъ Руссо, „женевскій гражданинъ", т.-е. самъ происходившій изъ республиканскаго государства. Лѣтъ почти на двадцать моложе Вольтера, но умершій въ одномъ году съ нимъ, онъ во многихъ отношеніяхъ былъ полною его противоположностью. Вольтеръ былъ натурой разсудочной, большимъ насмѣшникомъ, Руссо—человѣкомъ чувства, склоннымъ къ грусти; одинъ—реалистомъ, бодро смотрѣвшимъ на жизнь, другой—мечтателемъ, настроеннымъ пессимистически; одинъ—

поклонникомъ умственной дѣятельности, просвѣщенія, другой—безпощаднымъ критикомъ всякой образованности и научности. Оба были деисты, но по-разному: религія Вольтера отличалась раціонализмомъ, и Богъ былъ для него потребностью ума, а для Руссо—отвѣтомъ на запросы сердца, что̀ придавало его религіи характеръ чувствительности. Наконецъ, Вольтеръ смотрѣлъ свысока на „чернь непросвѣщенну“, а Руссо противополагалъ неиспорченность простого народа „мудрымъ и разумнымъ міра сего“. На своихъ читателей Руссо дѣйствовалъ не холоднымъ сарказмомъ, какъ Вольтеръ, а страстнымъ тономъ своей проповѣди, умѣніемъ затронуть самыя сокровенныя струны души, и особенно охотно его читали женщины. Сынъ женевскаго ремесленника (часовщика), самоучка, вѣчный скиталецъ, Руссо былъ настоящимъ демократомъ въ аристократической средѣ французскихъ писателей того времени.

Прославило Руссо, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ главнаго труда Монтескьё, его небольшое разсужденіе на тему, заданную дижонскимъ литературнымъ обществомъ, носившимъ громкое названіе академіи. Вопросъ былъ о томъ, способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ. Тема была историческою, Руссо обернулъ ее въ философскую и отвѣтилъ на вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Это была риторическая декламація, въ которой проводилась та мысль, что образованіе развратило нравы. „Народы,—восклицалъ здѣсь Руссо,—узнайте разъ навсегда, что природа хотѣла васъ предохранить отъ науки, какъ мать вырываетъ опасное оружіе изъ рукъ своего ребенка... Наука и искусство обязаны происхожденіемъ нашимъ порокамъ... Если они пусты по предметамъ, которые себѣ ставятъ, то еще болѣе они опасны по своимъ слѣдствіямъ... Если только наши потомки не будутъ безумнѣе насъ, они воздѣнутъ руки къ небу и съ горечью въ сердцѣ скажутъ: „всемогущій Боже, держащій въ десницѣ Своей всѣ души наши! освободи насъ отъ просвѣщенія и гибельныхъ искусствъ нашихъ отцовъ и возврати намъ невѣдѣніе, невинность и бѣдность,—единственныя блага, способныя создать наше счастье и имѣющія цѣну передъ лицомъ Твоимъ!“

Нѣкоторые пытались истолковать мысль Руссо въ смыслѣ протеста съ его стороны противъ ложныхъ сторонъ цивилизаціи и испорченности французскаго общества, но его нерасположеніе къ умственной дѣятельности, къ наукѣ, къ образованію нужно понимать буквально. Въ другомъ сочиненіи на тему той же „академіи“, въ разсужденіи о причинахъ

неравенства между людьми Руссо прославлялъ естественное состоянiе, бытъ дикарей, въ которомъ находитъ и невинность, и добродѣтель, и счастье. „Отъ животныхъ,—говоритъ онъ,—человѣкъ отличается, главнымъ образомъ, способностью къ совершенствованiю“, но она для Руссо является источникомъ всѣхъ бѣдствiй рода человѣческаго: безъ этой роковой способности человѣкъ вѣчно пользовался бы спокойными и невинными днями. Сознательное существованiе Руссо объявилъ здѣсь противоестественнымъ, а человѣка, который разсуждаетъ,—„животнымъ извращеннымъ“.

Извѣстна шутка Вольтера по прочтенiи разсужденiя Руссо: „такъ бы вотъ и сталъ на четвереньки и убѣжалъ въ лѣсъ“. Руссо звалъ назадъ къ природѣ, къ опрощенiю, къ жизни инстинктами больше, чѣмъ сознательностью. Все хорошее, какое еще можно наблюдать, онъ искалъ въ простомъ народѣ, особенно въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ наукъ и искусствъ, никакой роскоши, никакихъ излишествъ. Становясь на такую точку зрѣнiя, Руссо являлся исключенiемъ въ вѣкъ просвѣщенiя и рацiонализма, когда разумъ и мысль стояли на первомъ мѣстѣ, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ реакцiонеромъ, родоначальникомъ той школы писателей во Францiи, которая послѣ революцiи нападала на философiю XVIII вѣка, выдвигая вѣру противъ разума, добродѣтель противъ суемудрiя. Руссо не особенно жаловалъ своихъ товарищей по писательству, да и они отплачивали ему тѣмъ же.

Въ религiи Руссо былъ деистомъ, но его деизмъ былъ, какъ сказано выше, удовлетворенiемъ потребности сердца, хотя въ главномъ своемъ сочиненiи, „Общественномъ Договорѣ“, онъ и превращаетъ его въ религiю идеальнаго государства. Изложилъ онъ свою религiю сердца въ знаменитомъ „Исповѣданiи савойскаго викарiя“. Своими разсужденiями о наукахъ и искусствахъ и о причинахъ неравенства, но особенно своими романами „Новая Элоиза“ и „Эмиль“, онъ производилъ сильное влiянiе на настроенiе общества при жизни и въ теченiе одиннадцати лѣтъ, отдѣляющихъ революцiю отъ года его смерти. Не такъ, напротивъ, читался и комментировался въ эти годы главный политическiй трактатъ Руссо, вышедшiй въ свѣтъ въ 1762 г. подъ заглавiемъ „Общественный Договоръ“ (Contrat social).

Реакцiонеръ въ культурномъ отношенiи, Руссо былъ въ отношенiи политическомъ революцiонеромъ. Ни одинъ писатель XVIII в. не оказалъ такого большого влiянiя на умы и именно своимъ „Общественнымъ Договоромъ“, который, повторяю, особенно много читался не при жизни Руссо и вскорѣ

послѣ его смерти, а когда началась революція. Безъ знакомства съ основными идеями этого трактата нельзя хорошо понимать то, что̀ дѣлалось во время революціи. Въ „Общественномъ Договорѣ“ заключена вся идеологія революціи, т.-е. ея принципы и даже ея выраженія. Поэтому намъ нужно будетъ ближе познакомиться съ этимъ произведеніемъ Руссо, что̀ мы и сдѣлаемъ въ слѣдующей главѣ, здѣсь же я отмѣчу, что уже въ своемъ разсужденіи о происхожденіи неравенства между людьми Руссо поднялъ очень остро вопросъ о собственности и власти.

„Первый,—писалъ здѣсь Руссо,—первый, кто, огородивъ кусокъ земли, выдумалъ назвать его своимъ и нашелъ такихъ простаковъ, которые ему повѣрили, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько убійствъ, сколько бѣдствій и ужасовъ отвратилъ бы отъ человѣческаго рода тотъ, кто, вырвавши шесты и засыпавши канаву, закричалъ бы себѣ подобнымъ: „берегитесь слушать этого обманщика! вы погибли, разъ вы забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому“. На этой почвѣ возникло неравенство богатыхъ и бѣдныхъ, причемъ, по Руссо, для огражденія своей собственности „богатые создали самый обдуманный, какой только когда-либо приходилъ въ человѣческую голову, планъ употребить въ свою пользу силы какъ разъ тѣхъ людей, которые на нихъ нападали“. Сущность этого плана—въ созданіи общими силами власти, которая управляла бы обществомъ и защищала его членовъ. „Выгодную сторону этого увидѣли всѣ, а то, что̀ можно было обратить во зло, предусмотрѣли лишь тѣ самые люди, которые могли извлекать выгоды какъ-разъ изъ опасной стороны союза“. Такъ Руссо объяснялъ происхожденіе „общества и законовъ, приготовлявшихъ богатому новыя силы, безвозвратно разрушившихъ естественную свободу... и подчинившихъ навѣки, ради выгоды нѣсколькихъ честолюбцевъ, весь родъ человѣческій труду, рабству и нищетѣ“. Наконецъ, Руссо изображаетъ и возникновеніе правительства, сначала бывшаго выборнымъ, потомъ наслѣдственнымъ и произвольнымъ. „Законамъ природы,—заключаетъ Руссо,—противорѣчитъ состояніе, при которомъ возможно, чтобы ребенокъ повелѣвалъ старцу, глупецъ управлялъ мудрымъ, и чтобы небольшая часть людей утопала въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ“. Все это было предвосхищеніемъ крайнихъ требованій революціи.

Вольтеръ стоялъ на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго аболютизма, Монтескьё былъ проповѣдникомъ конституціонной монархіи

съ аристократическимъ оттѣнкомъ, Руссо являлся теоретикомъ республиканскаго строя и демократической власти. Въ сторону демократичности развивали свои идеи и нѣкоторые другіе писатели; изъ нихъ нужно отмѣтить, напримѣръ, аббата Мабли, идеи котораго оказали большое, какъ увидимъ, вліяніе на составителей первой революціонной конституціи. Его политическая теорія будетъ разсмотрѣна въ слѣдующей главѣ, а тутъ укажу только на то, что Мабли былъ, какъ и Руссо, проповѣдникомъ равенства, которое нарушается-де существованіемъ частной собственности. Чтобы въ самомъ корнѣ подорвать поводъ къ любостяжанію, Мабли проповѣдывалъ коммунизмъ, полагая, что общеніе имуществъ соотвѣтствуетъ и требованію естественнаго права, ибо было въ естественномъ состояніи. Сочиненіе противъ права собственности издалъ и Бриссо, который былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей революціи, но тогда онъ самъ назвалъ это свое сочиненіе ученическимъ упражненіемъ надъ парадоксомъ, въ которомъ рѣчь шла притомъ объ естественномъ состояніи, а отнюдь не о состояніи гражданскомъ.

Видную роль среди философовъ XVIII в. игралъ Дидро, редакторъ знаменитой „Энциклопедіи", по имени которой цѣлая группа писателей, въ ней сотрудничавшихъ, получила названіе „энциклопедистовъ". Особенности этой группы: въ области философіи—матеріализмъ, въ области политики—большая рѣзкость тона. Первый томъ „Энциклопедіи, или толковаго словаря наукъ, искусствъ и ремеслъ" вышелъ въ свѣтъ въ 1751 г., послѣдній—въ 1765 г. Правительство воздвигло гоненіе на это изданіе, которое печаталось тайно, съ невѣрнымъ обозначеніемъ мѣста изданія, будто въ Швейцаріи, ибо среди ея статей были рѣзко-оппозиціонныя и противорѣчившія правовѣрію.

Главнымъ ея редакторомъ былъ Дидро, пользовавшійся, между прочимъ, покровительствомъ Екатерины II, которая купила у него его обширную библіотеку и неоднократно бесѣдовала съ нимъ во время его пріѣзда въ Петербургъ. Онъ особенно хлопоталъ о распространеніи въ обществѣ научныхъ знаній и съ большимъ упорствомъ довелъ свое многотомное изданіе до конца, хотя послѣ первыхъ же выпусковъ оно было запрещено. Дидро пришлось тоже побывать въ тюрьмѣ и вообще подвергаться преслѣдованіямъ. Начавъ съ деизма, онъ мало-по-малу рѣшительно перешелъ къ атеизму, хотя и сохранялъ нѣкоторое религіозное настроеніе. Католицизмъ находилъ въ немъ не менѣе яраго противника, чѣмъ былъ Вольтеръ. Политическіе взгляды Дидро не отличались большою

опредѣленностью; въ своихъ статьяхъ о власти, о народномъ представительствѣ онъ скорѣе лишь популяризировалъ чужіе взгляды, содѣйствуя тѣмъ распространенію ученія Монтескьё и другихъ. Только послѣ его смерти вышла очень рѣзкая его книга подъ заглавіемъ „Политика государей“.

Еще видными энциклопедистами были: богатый откупщикъ Гельвецій, написавшій философскій трактатъ „О духѣ“, офранцузившійся нѣмецкій баронъ Гольбахъ, авторъ „Системы природы“, и аббатъ Рэйналь, которому принадлежала „Философская исторія обѣихъ Индій“. Эти книги навлекли на себя особое гоненіе со стороны властей. Книга Гельвеція возбудила противъ себя дворъ, церковь, парламентъ и была сожжена рукою палача вмѣстѣ съ поэмой Вольтера „Естественная религія“. Въ книгѣ было немало мыслей для обоснованія демократическихъ реформъ и призывовъ къ изданію лучшихъ законовъ, которые и людей сдѣлали бы лучшими. „Система природы“ Гольбаха ужаснула даже короля-вольнодумца Фридриха II тѣмъ языкомъ, которымъ она заговорила о государяхъ. Авторъ страстно нападалъ на правителей и всѣ бѣдствія народовъ ставилъ въ вину неспособнымъ, нравственно испорченнымъ, равнодушнымъ къ исполненію своихъ обязанностей государямъ, которыхъ обвинялъ еще и въ жадности, и во властолюбіи, и въ несправедливости. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ той революціонной фразеологіей, которая была такъ распространена во Франціи въ концѣ XVIII в. Книга Рэйналя тоже была цѣлымъ рядомъ политическихъ обличеній, среди которыхъ авторъ не пощадилъ и короля-философа, Фридриха II. Въ публикѣ всѣ три книги пользовались большою популярностью за смѣлую мысль, за рѣзкій языкъ и немало содѣйствовали воспитанію революціоннаго духа. Рэйналь дожилъ до революціи и въ 1791 г. обратился къ Національному Собранію съ письмомъ, гдѣ были такія слова: „я долго имѣлъ смѣлость напоминать королямъ объ ихъ обязанностяхъ, а теперь позвольте указать народу на его заблужденія и представителямъ его на опасности, всѣмъ намъ угрожающія“.

Мнѣ остается остановиться еще на одной группѣ писателей, на которыхъ слѣдуетъ также смотрѣть, какъ на предшественниковъ революціи. Это была школа экономистовъ, извѣстная подъ названіемъ физіократовъ, основателемъ которой былъ Кенэ, а самымъ виднымъ теоретикомъ Тюрго, впослѣдствіи министръ Людовика XVI, предпринявшій-было коренное преобразованіе Франціи. Въ политическомъ отношеніи физіократы стояли на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма, который нѣкоторые изъ нихъ называли „легальнымъ

(законнымъ) деспотизмомъ“. Въ соотвѣтствіе съ естественной религіей, съ естественной нравственностью, а также съ естественнымъ правомъ они создали понятіе объ естественномъ, согласномъ съ природою порядкѣ экономической жизни, о необходимости господства самой природы („физіократіи“) въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Они были противниками меркантилизма съ его одностороннимъ покровительствомъ торговлѣ и промышленности, взамѣнъ чего рекомендовали поощреніе сельскаго хозяйства и улучшеніе быта крестьянъ.

Уже основатель физіократіи (въ серединѣ XVIII в.) въ своей „Экономической Таблицѣ“ указывалъ на то, что если бѣденъ крестьянинъ, то бѣдно и королевство, а если королевство бѣдно, то бѣденъ и король. Тюрго, будучи уже министромъ, поручилъ своему другу Бонсерфу написать брошюру „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“, гдѣ совѣтовалось одни изъ нихъ уничтожить безъ выкупа, а другія выкупить. Несмотря на умѣренный тонъ брошюры, парижскій парламентъ приговорилъ ее къ сожженію рукою палача, какъ возмутительное сочиненіе.

Физіократы были принципіальными противниками и мелочнаго вмѣшательства правительства въ обрабатывающую промышленность, для которой устанавливались казенные образцы. Они тоже стояли за свободу, именно за свободу экономической дѣятельности, за свободу труда. Ей мѣшало существованіе цеховъ, противъ которыхъ тоже возставали физіократы. Мы увидимъ еще, что Тюрго сдѣлалъ даже попытку отмѣны цеховъ во имя „права трудиться“, какъ „самой священной и самой неотъемлемой собственности изъ всѣхъ ея видовъ“. Физіократами въ вопросахъ феодальныхъ правъ и цеховъ была подготовлена идейная почва для ихъ отмѣны.

Конечно, въ теоріяхъ XVIII в., по новости дѣла и по привычкѣ полагаться на одни разсужденія безъ обращенія къ опыту и наблюденію, было немало незрѣлаго, противорѣчиваго и слишкомъ теоретичнаго, потому что старый порядокъ не допускалъ постороннихъ администраціи лицъ къ живому дѣлу, но во всякомъ случаѣ, когда пришла пора перестраивать жизнь на новыхъ началахъ, въ литературѣ уже былъ извѣстный запасъ идей, на которыя можно было опираться, которыми можно было пользоваться. Вся философія естественнаго права въ самомъ началѣ революціи нашла свое выраженіе въ знаменитой „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“, которая и была положена въ основу всего революціоннаго законодательства. Для выработки конституціи у дѣятелей революціи тоже были теоретическія основы въ сочине-

ніяхъ Монтескьё, Руссо и Мабли. Этому предмету посвящается слѣдующая глава, которую читатель, не желающій имѣть дѣло съ отвлеченностями, можетъ, пожалуй, и пропустить, хотя и не безъ ущерба для пониманія революціи.

ГЛАВА V.

Французскія конституціонныя теоріи до 1789 года.

Среди французскихъ писателей XVIII в. было нѣсколько такихъ, которые оказали своими идеями особое вліяніе на людей, создававшихъ новое государственное устройство Франціи. Съ великой французской революціи начинается время писанныхъ конституцій, и самое слово „конституція" получаетъ значеніе не вообще опредѣленнаго государственнаго устройства, какъ прежде, а такого, которое обезпечиваетъ свободу гражданъ и допускаетъ ихъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ при точномъ опредѣленіи границъ государственной власти. Въ одну эпоху съ первой писанной французской конституціей, которая вырабатывалась два года (1789—1791), появились еще писанныя конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и знаменитая польская конституція 3 мая 1791 г. И эти двѣ конституціи отразили на себѣ французскія политическія идеи XVIII вѣка. До того времени писанныхъ конституцій не было, а гдѣ и существовало свободное государственное устройство, оно покоилось на нѣсколькихъ отдѣльныхъ письменныхъ актахъ, а больше всего на обычномъ правѣ, т.-е. на нѣкоторыхъ преданіяхъ, разно толкуемыхъ, или на бывшихъ примѣрахъ, прецедентахъ.

Главными политическими писателями, занимавшимися конституціонными вопросами до 1789 года, были Монтескьё, Руссо и Мабли. Каждый изъ нихъ оставилъ свой слѣдъ въ политической литературѣ, причемъ у каждаго былъ передъ глазами свой образецъ государственнаго устройства (или даже по нѣскольку образцовъ). Всѣ они, во-первыхъ, въ большей или меньшей степени зависѣли отъ примѣровъ и идей классической древности, временъ греческихъ и римской республикъ. Затѣмъ Монтескьё воспринялъ нѣкоторые взгляды, бывшіе общими всѣмъ представителямъ французскихъ парламентовъ, о которыхъ уже было сказано въ главѣ II, главное же—это то, что, побывавъ въ Англіи, Монтескьё проникся величайшимъ уваженіемъ къ ея конституціи и изложилъ ее въ одномъ мѣстѣ своего „Духа Законовъ". Руссо, гражданинъ Женевской республики, писалъ свой политическій трактатъ, имѣя въ виду свой родной городъ, а потомъ не

безъ сочувствія отнесся къ нѣкоторымъ сторонамъ польскаго государственнаго устройства того времени. Что касается Мабли, то его идеаломъ была Швеція. Бѣда была только въ томъ, что, восхваляя шведское государственное устройство, онъ не предвидѣлъ государственнаго переворота, вскорѣ установившаго въ этой странѣ абсолютизмъ. Наконецъ, когда въ 1776 г. въ Америкѣ возникло новое государство, Соединенные Штаты, нѣкоторые французскіе публицисты сдѣлались приверженцами началъ, положенныхъ въ основу и ихъ устройства.

Англійская ограниченная монархія уже насчитывала нѣсколько вѣковъ существованія. Въ годъ смерти Людовика XIV (1715) исполнилось пятьсотъ лѣтъ со времени изданія „Великой хартіи свободы“, положившей начало ограниченію королевской власти. Въ XVII вѣкѣ нарушенія королями конституціи привели къ двумъ революціямъ, изъ которыхъ вторая, окончательно утвердившая конституцію, произошла въ 1689 году, т.-е. ровно за сто лѣтъ до французской революціи. Англія въ XVIII вѣкѣ была страною политической и религіозной свободы, и послѣ окончанія войнъ съ этою страною при Людовикѣ XIV французы стали знакомиться съ англійскими идеями въ областяхъ религіи (деизмъ) и политики. Если Вольтеръ вывезъ изъ Англіи только платоническое уваженіе къ странѣ, въ которой „у короля связаны руки, чтобы дѣлать зло, и развязаны, чтобы дѣлать добро“, то Монтескьё вернулся оттуда уже съ опредѣленнымъ представленіемъ о тамошней конституціи, какъ наиболѣе обезпечивавшей гражданскую свободу. Въ одномъ мѣстѣ „Духа Законовъ“ онъ изобразилъ это государственное устройство. Кое въ чемъ Монтескьё не такъ, какъ слѣдуетъ, его понялъ и кое-чего, въ ней начавшаго измѣняться, еще не зналъ, но его теорія англійской конституціи, въ общемъ, была вѣрна, и сами англичане стали ее понимать по Монтескьё. Въ „Духѣ Законовъ“ вообще были заложены основныя начала всего новѣйшаго конституціоннаго права, въ смыслѣ теоріи свободнаго государства. Строители Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки приняли самое главное изъ теоріи Монтескьё, но и въ XIX вѣкѣ онъ продолжалъ еще оказывать вліяніе. О французской революціи можно прямо сказать, что ею въ Европѣ началась рецепція (принятіе, пересаживаніе) англійскихъ государственныхъ порядковъ народнаго представительства, отвѣтственности передъ нимъ министровъ, ограниченія королевской власти, обезпеченія личной свободы гражданъ и т. п. Въ этомъ смыслѣ Англія оказала большее

вліяніе и на политическую литературу во Франціи и на французскую революцію. Главнымъ проводникомъ этого вліянія и былъ Монтескьё, съ самаго начала своей дѣятельности выступившій, какъ противникъ неограниченной монархіи, которую онъ въ своемъ „Духѣ Законовъ" называетъ, какъ мы видѣли, деспотіей.

Замѣтимъ кстати, что и послѣ Монтескьё во Франціи были англоманы, въ числѣ каковыхъ въ вопросахъ народнаго хозяйства были физіократы. Но у англійской конституціи были и противники. Таковымъ былъ, напримѣръ, Мабли, который очень неудачно пророчилъ, что англійская конституція скоро погибнетъ. Основаніемъ для этого мнѣнія являлось то, что въ Англіи XVIII вѣка были очень развиты подкупы избирателей кандидатами въ члены парламента и подкупы самихъ членовъ парламента министрами,—зло, отъ котораго страна избавилась только въ XIX вѣкѣ.

Въ виду важности теоріи Монтескьё намъ нужно съ нею подробнѣе познакомиться съ необходимыми объясненіями.

„Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескьё, есть трояжаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная въ дѣлахъ, относящихся къ области международнаго права, и власть исполнительная въ дѣлахъ, касающихся гражданскаго права". Эту послѣднюю власть онъ предлагаетъ назвать судебною, а предшествующую ей просто исполнительной властью въ государствѣ. „Политическая свобода въ гражданинѣ, продолжаетъ Монтескьё, есть то спокойствіе духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, а для того, чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого. Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной,—свободы не существуетъ, такъ какъ можно бояться, какъ бы одинъ и тотъ же монархъ или одинъ и тотъ же сенатъ не создали тиранническихъ законовъ для того, чтобы самимъ же ихъ приводить въ исполненіе тиранническимъ образомъ. Нѣтъ свободы и въ томъ случаѣ, если власть судебная не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ законодательною властью,—власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной: ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительною властью, судья могъ бы имѣть силу притѣснителя. Все было бы потеряно, заключаетъ Монтескьё, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ, или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или на-

рода распоряжалась всѣми тремя видами власти: властью создавать законъ, властью приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ“. Это—знаменитая теорія Монтескьё о необходимости раздѣленія властей, игравшая такую видную роль въ исторіи революціи.

Судебную власть онъ совѣтовалъ вручить, какъ въ Англіи, присяжнымъ засѣдателямъ, а что̀ касается до двухъ другихъ видовъ власти, то Монтескьё ихъ отдавалъ въ руки „постоянныхъ правительственныхъ лицъ или учрежденій, такъ какъ эти виды власти не затрогиваютъ интересовъ частнаго лица, представляя собою не что̀ иное, какъ первый — только общую волю государства, а второй — исполненіе этой воли“. Законодательная власть должна находиться у народныхъ представителей. „Такъ какъ, разсуждаетъ Монтескьё, въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательною властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи. Люди знаютъ нужды собственнаго города гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судятъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Поэтому не слѣдуетъ, чтобы члены законодательнаго учрежденія были взяты безразлично изъ всей націи: надо, чтобы въ каждомъ главномъ мѣстѣ жители выбирали себѣ представителя... Всѣ граждане,—говоритъ далѣе Монтескьё,—въ различныхъ округахъ должны пользоваться правомъ голоса при выборѣ представителя, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ такомъ приниженіи, что не могутъ считаться имѣющими собственную волю“. Говоря это, Монтескьё имѣлъ въ виду нижнюю палату англійскаго парламента („палату общинъ“), для права выборовъ въ которую нужно было обладать извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, что̀ авторъ „Духа Законовъ“ тутъ и отмѣчаетъ.

Но въ Англіи есть еще наслѣдственная верхняя палата („палата лордовъ“), о которой Монтескьё говоритъ слѣдующее: „Въ каждомъ государствѣ есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая

свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса ее защищать, такъ какъ бо̀льшая часть рѣшеній была бы противъ нихъ. Поэтому участіе ихъ въ законодательствѣ должно быть пропорціонально прочимъ преимуществамъ, которыми они пользуются въ государствѣ, а это произойдетъ, если они образуютъ особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа, подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать ихъ предпріятія. Корпорація знати, продолжаетъ Монтескьё, должна быть наслѣдственной. Она наслѣдственна, во-первыхъ, по самому своему существу, и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ привилегій, ненавистныхъ самихъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности". Въ этой части разсужденія Монтескьё, оправдывавшаго такое наслѣдственное учрежденіе, сказался аристократизмъ автора „Духа Законовъ", бывшаго, замѣтимъ кстати, даже сторонникомъ феодальныхъ правъ.

Исполнительная власть, по теоріи Монтескьё, должна была принадлежать монарху, такъ какъ „эта часть правленія, требуя почти всегда быстраго дѣйствія, говоритъ онъ, завѣдуется лучше однимъ человѣкомъ, чѣмъ многими, тогда какъ то, что̀ зависитъ отъ законодательной власти, часто лучше ведется многими, чѣмъ однимъ. Если бы не было монарха и исполнительная власть была вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы,—думалъ Монтескьё,—больше не существовало бы, такъ какъ обѣ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли бы принимать участіе въ обѣихъ". На самомъ дѣлѣ въ Англіи въ это время какъ-разъ входилъ въ жизнь обычай вручать исполнительную власть кабинету министровъ, причемъ король бралъ ихъ изъ тѣхъ членовъ парламента, которымъ принадлежало большинство, и министерство тотчасъ же подавало въ отставку, какъ только обнаруживалось, что не имѣетъ за себя большинства въ палатѣ общинъ. Мы увидимъ, какое важное значеніе имѣлъ вопросъ объ отношеніи министровъ къ народнымъ представителямъ во Франціи во время революціи.

Указавъ на необходимость періодическихъ созывовъ законодательнаго учрежденія и на необходимость періодическихъ обновленій его состава посредствомъ выборовъ, Монтескьё разсматриваетъ дальше взаимныя отношенія обѣихъ властей. „Законодательное учрежденіе,—говоритъ онъ,—отнюдь не должно

собираться само собою, ибо всякое учрежденіе только тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ, и если бы оно не собиралось единодушно, нельзя бы было сказать, которая изъ его двухъ частей составляетъ настоящее законодательное собраніе: та ли, которая бы находилась въ сборѣ, или другая. Если бы оно имѣло право само себя отсрочивать, то могло бы случиться, что оно никогда бы себя не отсрочивало, а это было бы опаснымъ въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлало покушеніе противъ исполнительной власти“. Поэтому Монтескьё находилъ необходимымъ, чтобы исполнительная власть опредѣляла время засѣданій и продолжительность собраній. Если бы исполнительная власть не имѣла права останавливать предпріятія законодательнаго учрежденія, послѣднее стало бы деспотическимъ: будучи въ состояніи дать себѣ власть, какая ему только вздумалась бы, оно уничтожило бы всѣ остальныя власти. „Но не слѣдуетъ,—продолжаетъ Монтескьё,—чтобы законодательная власть съ своей стороны имѣла право останавливать исполнительную: такъ какъ исполнительная власть, по самой сущности своей, есть власть ограниченная, то ее ограничивать безполезно, не говоря уже о томъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только по отношенію къ вещамъ преходящимъ. Но если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть права останавливать власть исполнительную, она должна имѣть право и возможность слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ законы, которые она создала, были приведены въ исполненіе“. Каковъ бы, однако, ни былъ этотъ контроль, законодательное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ, по теоріи Монтескьё, не должно имѣть права судить личность, а слѣдовательно и поведеніе того, который исполняетъ, т.-е. короля. „Его особа должна быть священна, ибо она необходима государству для того, чтобы законодательное учрежденіе не сдѣлалось въ немъ тираническимъ: съ того момента, когда она была бы предана обвиненію и суду, свободы больше не существовало бы. Въ подобнаго рода случаяхъ,—прибавляетъ Монтескьё,—государство было бы не монархіей, но несвободной республикой. Но такъ какъ,—говоритъ онъ далѣе, тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя эти законы и защищаютъ ихъ, какъ людей, совѣтники эти могутъ разыскиваться и наказываться“.

Въ приведенныхъ словахъ „Духъ Законовъ“ отмѣчаетъ такія особенности англійской конституціи, какъ право короля останавливать (не соглашатися) постановленія парламента

(королевское „вето“), право контролировать исполненіе законовъ и судить министровъ, равно какъ принципъ англійскаго государственнаго права, по которому „король не можетъ дѣлать зла“, за всѣ же незаконные поступки отвѣчаетъ тотъ или другой министръ, который подписалъ бы противозаконное постановленіе. Вопросы о королевскомъ „вето“, о неприкосновенности его особы и объ отвѣтственности министровъ играли тоже большую роль въ революціи. Спеціально право „вето“ Монтескьё защищалъ такъ: „Исполнительная власть должна принимать участіе въ законодательствѣ черезъ свое право останавливать; безъ этого она скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но если законодательная власть принимаетъ участіе въ исполненіи, исполнительная власть, равнымъ образомъ, погибнетъ. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ черезъ право постановлять, свободы болѣе не существовало бы. Но, такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы онъ для своей защиты имѣлъ участіе въ законодательствѣ, надо, чтобы онъ принималъ въ немъ участіе чрезъ право останавливать“.

„Вотъ основное устройство того правленія, о которомъ мы говоримъ,—сказано у Монтескьё въ заключеніи:—законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, которыя, въ силу права останавливать другъ друга, будутъ другъ друга удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною. Эти три власти должны были бы находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но, такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены итти впередъ, онѣ будутъ принуждены итти въ согласіи. Если, прибавляетъ Монтескьё, исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнительная власть сдѣлается законодательною въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства. Если законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти или въ силу чужой. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти“. Здѣсь, опять совершенно согласно съ фактами англійской конституціи, авторъ

„Духа Законовъ“ указываетъ на то, чѣмъ можно обезпечить ежегодные созывы народнаго представительства.

Такова теорія Монтескьё о необходимости раздѣленія и равновѣсія властей, въ которыхъ онъ видѣлъ обезпеченіе законности управленія и свободы гражданъ. Многое изъ этого прочно вошло въ правовое сознаніе свободныхъ народовъ и оказало въ частности вліяніе на законодательство самой революціи. Что касается до свободы, то она, по опредѣленію Монтескьё, заключается въ личной безопасности или въ увѣренности касательно этой безопасности. Указавъ на то, что слову „свобода“ придаются самыя разнообразныя значенія, онъ предостерегалъ отъ смѣшенія „власти народа“ со „свободою народа“. „Свободу,—говоритъ онъ,—обыкновенно помѣщаютъ въ республикахъ и думаютъ, что ея не существуетъ въ монархіяхъ. Дѣйствительно, въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что хочетъ, но политическая свобода вовсе не въ томъ заключается, чтобы дѣлать все, что захочешь. Въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ, имѣющемъ законы, свобода можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ къ дѣланію того, чего не должно хотѣть. Свобода есть право дѣлать все, что дозволяютъ законы, и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается, не могло бы больше быть свободы, ибо и другіе точно такъ же имѣли бы подобную власть“. Политическая свобода встрѣчается лишь при умѣренныхъ правленіяхъ. Но она и не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ: она существуетъ въ нихъ лишь тогда, когда не происходитъ злоупотребленія властью; дабы не могло быть злоупотребленія властью, Монтескьё считалъ нужнымъ, чтобы вслѣдствіе самаго расположенія вещей одна власть сдерживала другую.

Политическая теорія Руссо во многомъ радикально отличалась отъ теоріи Монтескьё, но у обоихъ были нѣкоторые общіе взгляды, и дѣятели революціи, такъ сказать, одно брали у Монтескьё, другое у Руссо, сочетая своеобразнымъ способомъ идеи того и другого, а часто и не замѣчая противорѣчій, которыя были между этими двумя ученіями.

Руссо былъ сторонникомъ теоріи о договорномъ происхожденіи государства: люди жили прежде въ естественномъ состояніи, пока не заключили между собою договоръ объ образованіи государства. Такое ученіе вообще существовало въ XVII и XVIII вв., но Руссо далъ ему совершенно особое примѣненіе. Мы видѣли, что въ своемъ разсужденіи о происхожденіи неравенства между людьми онъ приписывалъ мысль

о заключеніи общественнаго договора богатымъ, чтобы обезоружить бѣдныхъ и обезпечить свое достояніе. Въ книгѣ, спеціально названной „Общественнымъ Договоромъ“ („Соціальнымъ Контрактомъ“), Руссо ставитъ этому соглашенію между людьми уже идеальную цѣль и говоритъ, какъ для ея достиженія должно было бы быть устроено государство. Этотъ политическій трактатъ во время революціи сдѣлался настоящимъ символомъ вѣры наиболѣе демократическихъ дѣятелей и особенно тѣхъ республиканскихъ партій, которыя въ 1792 г. достигли власти. Кто не знакомъ съ сущностью ученія Руссо, тотъ многаго не пойметъ въ исторіи революціи.

„Человѣкъ,—разсуждаетъ въ самомъ началѣ трактата Руссо,—родился свободнымъ и вездѣ онъ въ цѣпяхъ“, общественный же порядокъ „не дается природою, слѣдовательно онъ основанъ на соглашеніяхъ, потому весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ заключаются эти соглашенія“. Свободно-рожденный человѣкъ, изъ отвлеченнаго понятія о которомъ, такимъ образомъ, исходитъ Руссо, является у него, кромѣ того, въ противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ имъ говорилось раньше, существомъ преимущественно разумнымъ, такъ такъ Руссо не принимаетъ здѣсь въ расчетъ ни тѣхъ отношеній зависимости человѣка отъ другихъ людей, среди которыхъ человѣкъ является на свѣтъ, ни того обстоятельства, что далеко не всѣ люди поступаютъ разумно, и что вообще не одинъ разумъ руководитъ человѣческими поступками: какъ-разъ самые ревностные послѣдователи Руссо дѣйствовали впослѣдствіи, руководимые преимущественно страстью. Взявъ за исходный пунктъ своего разсужденія отвлеченную личность, а не реальнаго человѣка, Руссо думалъ, однако, что онъ беретъ людей таковыми, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, и даже особенно ставилъ это на видъ читателю. И вотъ у него люди совершенно сознательно и вполнѣ добровольно вступаютъ въ союзъ на основаніи взаимнаго договора, и государство становится союзомъ, имѣющимъ своею цѣлью общее благо и создающимъ верховную власть народа, или народный „суверенитетъ“.

Самое содержаніе общественнаго договора Руссо выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „найти такую форму соединенія, которая защищала бы и охраняла всею своею общею силою личность и имущество каждаго своего члена и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, только самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ, какъ и раньше“. Потому человѣкъ долженъ былъ бы сохранять въ государствѣ всю свободу естественнаго состоя-

ія: по Руссо основнымъ условіемъ договора считалъ „совершенное отчужденіе личностью всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества“,—отчужденіе „безъ какихъ бы то ни было ограниченій“, ибо, поясняетъ Руссо, „если бы у частныхъ лицъ оставались какія-либо права, то въ виду отсутствія высшаго суда, который могъ бы разрѣшать споры между нимъ и обществомъ, каждый, будучи нѣкоторымъ образомъ собственнымъ судьею, вообразилъ бы себя скоро и судьею всѣхъ“. Руссо полагалъ, впрочемъ, что, „когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ, въ сущности, не отдается никому“. „Разъ,—разсуждаетъ онъ еще,—носитель верховной власти („суверенъ“, т.-е. народъ) состоитъ изъ образующихъ его частныхъ лицъ, у него нѣтъ и быть не можетъ интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ, и слѣдовательно нѣтъ надобности, чтобы верховная власть была обставлена гарантіями со стороны подданныхъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ“. При такомъ взглядѣ индивидуальная свобода въ государствѣ Руссо ничѣмъ не обезпечивалась. Верховенство народа понималось имъ не въ смыслѣ первичной основы власти, а въ смыслѣ самаго непосредственнаго ею пользованія: державный народъ, какъ совокупность всей массы гражданъ, проявляетъ у Руссо непосредственно законодательную власть. По этой теоріи верховная власть сохраняется всецѣло за народомъ. По опредѣленію Руссо, эта власть народа неотчуждаема, недѣлима, непогрѣшима, неограничима.

„Верховная власть,—говоритъ Руссо,—будучи лишь проявленіемъ общей воли, никогда не можетъ быть отчуждаема, и государь (суверенъ, т.-е. носитель верховной власти, народъ), какъ существо собирательное, можетъ быть еще представляемъ только самимъ собою: власть можетъ еще передаваться, но не воля... По той же причинѣ, по которой верховная власть неотчуждаема, она и недѣлима, ибо воля есть общая или ея нѣтъ, т.-е. она есть воля всего народа или его части.—Общая воля, сказано у него далѣе, всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ. Народъ всегда желаетъ собственнаго блага, но не всегда его видитъ: никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что̀ дурно.—Какъ природа, наконецъ, даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, общественный договоръ даетъ политическому тѣлу надъ всѣми его членами такую же абсолютную власть, и она-то, направляемая общею волею, носитъ названіе верховной власти“. Свободу народа Руссо (вопреки Мон-

тескьё) отожествлялъ съ властью народа и понималъ равенство не въ смыслѣ равенства гражданскихъ правъ, а въ смыслѣ равенства во власти: его цѣлью являлось не пользованіе личною свободою и индивидуальными способностями, а непосредственное участіе во власти, т.-е. лишь бы всѣ были равны во власти, а тамъ пускай себѣ послѣдняя будетъ безпредѣльна.

Между прочимъ, въ самомъ концѣ „Общественнаго договора“ есть глава о гражданской религіи. Руссо находилъ, что христіанство, отвлекая сердца людей отъ всего земного, отрываетъ ихъ и отъ государства, — и потому считалъ необходимымъ, чтобы верховная власть народа установила чисто-гражданское исповѣданіе вѣры съ правомъ изгонять изъ государства того, кто не станетъ вѣровать въ ея заповѣди, какъ человѣка непригоднаго къ общественной жизни, а „если,— продолжаетъ Руссо,—кто-либо, публично признавъ догматы этой религіи, будетъ вести себя такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣруетъ, то онъ долженъ быть наказанъ смертью, какъ человѣкъ, который совершилъ величайшее преступленіе, солгавъ передъ законами“. Въ число догматовъ этой религіи, въ сущности бывшей деизмомъ, т.-е. вѣрой въ Бога, въ безсмертіе души, въ загробное воздаяніе и въ святость общественнаго договора и законовъ, Руссо включалъ запрещеніе нетерпимости, и тотъ, кто вѣруетъ, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, по его мнѣнію, долженъ быть прямо изгоняемъ изъ государства. Врагъ нетерпимости, Руссо здѣсь не замѣчалъ, какъ онъ самъ вводилъ нетерпимость въ свою государственную религію.

Такой взглядъ на положеніе гражданина въ государствѣ и на устройство послѣдняго существеннымъ образомъ отличался отъ взгляда Монтескьё. Авторъ „Духа Законовъ“ признавалъ за народомъ право участія въ законодательствѣ, но лишь въ формѣ представительства и подъ условіемъ раздѣленія властей; наоборотъ, Руссо былъ сторонникомъ непосредственнаго народовластія и неограниченности государственной власти. Монтескьё отказывался признавать чистыя демократіи древняго міра свободными республиками, но на политическомъ мышленіи Руссо сильно сказывалось вліяніе какъ разъ классическихъ образцовъ, и та самая Англія, которая авторомъ „Духа Законовъ“ ставилась въ примѣръ свободнаго государственнаго устройства, у Руссо являлась, наоборотъ, примѣромъ, котораго слѣдуетъ остерегаться. „Верховная власть,—говоритъ Руссо,—не можетъ быть представляема“, а потому „депутаты народа не могутъ быть его представителями, ибо

они суть только его приказчики, не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій. Всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, не имѣетъ силы; это и не законъ вовсе. Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ и глубоко заблуждается: онъ свободенъ лишь во время выборовъ въ парламентъ, но, едва только выборы кончаются, онъ дѣлается рабомъ, онъ ничто. Въ короткія минуты своей свободы онъ ею пользуется такъ, что вполнѣ заслуженно ее теряетъ“. Кромѣ того, признавая недѣлимость верховной власти, онъ вооружается противъ ученія Монтескьё о раздѣленіи властей. „Наши политики,—говоритъ онъ,—дѣлаютъ изъ суверена существо фантастическое, какъ бы составленное изъ разныхъ кусковъ, какъ если бы они стали составлять человѣка изъ многихъ тѣлъ, изъ которыхъ у одного были бы лишь глаза, у другого руки, у третьяго ноги и больше ничего. Разсказываютъ, что японскіе фокусники разрубаютъ ребенка на глазахъ зрителей, бросаютъ въ воздухъ его члены одинъ за другимъ и получаютъ въ свои руки ребенка живымъ и невредимымъ. Таковы приблизительно и фокусъ-покусы нашихъ политиковъ: расчленивъ общественное тѣло чудеснымъ способомъ, достойнымъ показыванія на ярмаркахъ, они опять соединяютъ его куски неизвѣстно какимъ образомъ“.

Далѣе, у Монтескьё исполнительная власть пользуется самостоятельностью по отношенію къ власти законодательной, тогда какъ у Руссо исполнительная власть, или „правительство“ въ тѣсномъ смыслѣ, является лишь вполнѣ зависимымъ приказчикомъ суверенннаго народа. Онъ считалъ поэтому деспотіей всякую государственную форму, при которой верховная власть не принадлежитъ народу, республикою же называлъ всякое государство, гдѣ сувереномъ является народъ, хотя бы правительство въ этомъ государствѣ было единоличное, монархическое. Классификація формъ правленія у Руссо отличается отъ общеупотребительной: въ ея основу имъ было положено не то, кому принадлежитъ верховная власть, а то, изъ скольких лицъ состоитъ правительство. Съ этой точки зрѣнія демократическимъ правленіемъ было бы такое, при которомъ *всѣ* граждане, имѣя законодательную власть, пользовались бы сверхъ того и правомъ приводить въ исполненіе законы. Самъ Руссо, однако, находилъ, что „если бы существовалъ народъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически“, но что „такое совершенное правленіе не подходитъ къ людямъ“.

Различая въ государствѣ законодательную и исполнительную власти, какъ волю и силу, Руссо вообще называлъ „правительствомъ, или высшей администраціей, законное пользова-

ніе исполнительною властью, а правителемъ („княземъ"), или магистратомъ, лицо или учрежденіе, на которое возложена эта администрація", и отрицалъ при этомъ существованіе договора между народомъ и правительствомъ, такъ какъ есть только одинъ первоначальный договоръ, образующій государство, всякій же другой былъ бы лишь его нарушеніемъ.

Дѣлая, наконецъ, весь народъ единственнымъ носителемъ неограниченной верховной власти, Руссо лишалъ правительство не только всякой самостоятельности, но и всякой устойчивости. Дабы оно не могло захватить верховную власть и сдѣлаться деспотическимъ, онъ совѣтовалъ, чтобы народъ время отъ времени самъ собою собирался, и чтобы на его собраніяхъ непремѣннѣйшимъ образомъ ставились и пускались на голоса два вопроса: желаетъ ли народъ сохранить данную правительственную форму, и желаетъ ли онъ оставить исполнительную власть въ рукахъ лицъ, которымъ она въ данный моментъ ввѣрена? Если одиѣми сторонами своей теоріи Руссо узаконялъ деспотизмъ государства надъ личностью, то другими сторонами той же теоріи онъ вводилъ въ государственную жизнь начало анархіи.

Имѣя въ виду французскую революцію, когда сначала королевская власть была сохранена, нужно еще указать, что Руссо не отрицалъ монархію, какъ государственную форму, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже предпочиталъ ее коллективному правительству, но его монархъ былъ не государь, а республиканскій сановникъ, хотя и называющійся королемъ. Подобная королевская власть съ верховенствомъ суверениаго народа существовала въ Польшѣ, гдѣ роль такого народа играла, какъ извѣстно, шляхта. По просьбѣ поляковъ Руссо написалъ объ ихъ государственномъ устройствѣ особое сочиненіе („Considérations sur le gouvernement de Pologne"), въ которомъ онъ вообще выразилъ сочувствіе польской республиканской монархіи. Изъ теоріи Руссо революція взяла идеи верховной власти народа, различеніе между нею и правительствомъ, пониманіе королевской власти, какъ правительственной функціи при народовластіи, и т. п., а у Монтескьё — идеи народнаго представительства, раздѣленія властей и обезпеченія личной свободы. Все, что касалось народовластія, шло, главнымъ образомъ, отъ Руссо, все, что говорило о свободѣ,—преимущественно отъ Монтескьё. Между прочимъ, Руссо, который въ „Исповѣданіи вѣры савойскаго викарія" смотрѣлъ на религію, какъ на внутреннее дѣло человѣческой души, въ „Общественномъ Договорѣ" превращалъ религію въ чисто-государственное учрежденіе, т.-е. религію подчинялъ политикѣ,

какъ это было и у Вольтера. Монтескьё и въ этомъ отношеніи стоялъ на точкѣ зрѣнія свободы. Эту сторону ученія Руссо слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ въ самый разгаръ революціи во Франціи сдѣлана была попытка провозглашенія „гражданской религіи“ въ видѣ поклоненія Верховному Существу,—совсѣмъ въ духѣ требованія Руссо.

Таковы были два главныхъ политическихъ мыслителя дореволюціонной Франціи, идеями которыхъ питались дѣятели революціи и авторы ея конституцій. Былъ еще одинъ политическій писатель, который въ 1789 и слѣдующихъ годахъ тоже пользовался большою популярностью и который въ своей теоріи занялъ среднее положеніе между Монтескьё и Руссо.

Этимъ писателемъ былъ уже упоминавшійся раньше аббатъ Мабли, авторъ цѣлаго ряда сочиненій историческихъ, политическихъ и моральныхъ, между прочимъ полемизировавшій съ физіократами. Въ политикѣ Мабли былъ сторонникомъ раздѣленія властей и защищалъ этотъ принципъ отъ нападокъ на него физіократовъ, стоявшихъ за единство власти, но, въ сущности, онъ проповѣдывалъ не конституціонную монархію, а республику. Уже Монтескьё косвенно содѣйствовалъ развитію республиканизма, давъ республикѣ высшій „принципъ“ (доблесть) сравнительно съ монархіей (чувство чести) и назвавъ королевскую власть просто исполнительною, что заключало въ себѣ нѣкоторое ея приниженіе передъ законодательною властью народныхъ представителей. Съ легкой руки Монтескьё стала все болѣе и болѣе утверждаться мысль, что королевская власть по существу своему есть исполнительная. У него, кромѣ того, высказывалось и нѣкоторое недовѣріе къ этой власти, разъ онъ рекомендовалъ смотрѣть на королевскихъ совѣтниковъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ законодательному учрежденію. Мабли, отстаивая принципъ равновѣсія властей и ссылаясь на англійскую конституцію въ доказательство его возможности, однако понималъ это отношеніе въ смыслѣ простого подчиненія исполненія законодательству. Съ другой стороны, онъ рекомендовалъ ослабить исполнительную власть раздѣленіемъ ея между разными независимыми однѣ отъ другихъ администраціями. Мабли восхвалялъ шведскую конституцію за то, что въ ней были принижены монархическая власть и королевское достоинство: „шведскій сеймъ, — говорилъ онъ,—гораздо болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть, а исполнительную власть отдалъ королю совмѣстно съ сенатомъ, приложеніе печати котораго замѣняло подпись короля въ отсутствіе послѣдняго или если

онъ заставлялъ долго ожидать подписи, пока не было принято въ случаѣ королевскаго отказа замѣнять эту подпись приложеніемъ штемпеля". Тѣмъ не менѣе Мабли былъ сторонникомъ монархіи, въ которой видѣлъ гарантію противъ тиранніи какого-либо сословія или какой-либо партіи. Онъ поэтому совѣтовалъ полякамъ ввести у себя наслѣдственную королевскую власть, вмѣсто избирательной. И все-таки Мабли категорически высказывается противъ королевскаго „вето", которому Монтескьё, наоборотъ, приписывалъ большое значеніе.

Законодательная власть, и по теоріи Мабли, должна принадлежать народу; онъ, напримѣръ, полемизировалъ противъ одного физіократа, который доказывалъ, что естественная склонность людей къ несправедливости и тиранніи мѣшаетъ имъ быть законодателями. Если Руссо былъ противникомъ представительной системы, то для Мабли она была, наоборотъ, единственнымъ средствомъ основать политическую свободу, ибо,—говорилъ онъ,—когда самъ народъ создаетъ свои законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ, а потому законодательная власть и должна быть ввѣрена лицамъ, выбраннымъ для того, чтобы представлять народъ. Въ чистой демократіи „на площади создаются постановленія столь же несправедливыя и нелѣпыя, какъ и въ турецкомъ диванѣ". При такомъ государственномъ устройствѣ каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи, чтобы превращать ихъ въ законы, а свойства толпы таковы, что всѣ дѣла рѣшаются въ ней въ безразсудномъ порывѣ. Здѣсь „гражданинъ, всегда склонный къ смѣшенію своеволія и свободы, боится наложить на себя слишкомъ тяжелое ярмо посредствомъ собственныхъ же законовъ и видитъ въ сановникахъ лишь слугъ своихъ страстей. Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть, и у него будутъ потакатели и льстецы, и слѣдовательно всѣ предразсудки и пороки деспота. Демократія сообщаетъ душѣ импульсы, создающіе героизмъ, но при отсутствіи правилъ и просвѣщенія эти импульсы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ предразсудками и страстями. Не ищите,—прибавляетъ Мабли, — не ищите у этого народа-государя характера, ибо у него найдете только легкомысліе и непостоянство. Всѣ установленія, всѣ законы, которыми онъ будетъ стараться сохранить свою свободу, будутъ, въ сущности, лишь новыми ошибками, которыми онъ будетъ поправлять старыя ошибки, а потому онъ рискуетъ быть всегда обманутымъ ловкимъ тираномъ или подпасть подъ власть сената съ введеніемъ аристократіи въ перспек-

тивѣ“. Въ данномъ случаѣ Мабли оказался пророкомъ по отношенію къ тому, что̀ происходило во время революціи.

Мабли совѣтовалъ, чтобы представительное собраніе законодателей было обставлено разными формальностями, которыя не позволяли бы возникновенію въ немъ опасныхъ увлеченій, а въ частности желалъ введенія наказовъ представителямъ отъ избирателей. Коммунистическій утопистъ, какимъ Мабли былъ въ своихъ соціальныхъ взглядахъ, онъ въ качествѣ политика находилъ возможнымъ ввѣрять политическія права лишь земельнымъ собственникамъ, ссылаясь на упадокъ Аѳинъ, когда онѣ стали „республикой, управляемой рабочими“. Разрѣшая гражданамъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать сопротивленіе законамъ и властямъ, онъ въ то же время находилъ, что законодатель, дабы сдѣлать людей добродѣтельными и общество счастливымъ, имѣетъ право прибѣгать къ „священному насилію“, исторгающему ихъ противъ ихъ воли изъ-подъ власти ихъ пороковъ. Въ его заявленіяхъ о правѣ гражданъ сопротивляться несправедливымъ законамъ и о правѣ государства употреблять „священное насиліе“ надъ гражданами нельзя не видѣть своего рода принциповъ, освящавшихъ то, что̀ было наиболѣе анархическаго и деспотическаго въ событіяхъ французской революціи. Мабли былъ преимущественно моралистъ, и его желаніе установить въ обществѣ нравственность законодательнымъ порядкомъ необходимо вело къ деспотизму власти надъ единичною личностью, свободу которой онъ, однако, хотѣлъ охранить отъ произвола.

Руссо и Мабли были писатели демократическіе. Къ ихъ числу относится еще маркизъ д'Аржансонъ, одинъ изъ министровъ Людовика XV, который еще много раньше составилъ мемуаръ, долго ходившій въ публикѣ въ рукописи и бывшій изданнымъ только въ 1764 г. въ Голландіи. Въ этомъ трактатѣ, носившемъ заглавіе: „Разсужденіе о прежнемъ и теперешнемъ правленіи Франціи“, онъ говорилъ о необходимости реформъ, которыя власть могла бы произвести, опираясь на генеральные штаты. Программа ихъ заключалась въ уничтоженіи сословныхъ привилегій, отмѣнѣ феодальныхъ правъ, освобожденіи крѣпостныхъ, введеніи самоуправленія и т. д. „Чтобы хорошо управлять,—писалъ онъ,—нужно управлять поменьше. Вся власть въ рукахъ одного лица, все дѣйствіе въ рукахъ многихъ, демократія въ монархіи; всѣ власти выборныя, временныя, отнюдь не пожизненныя, еще того менѣе наслѣдственныя,—вотъ какъ я понимаю хорошее правленіе“.

Эта идея „демократической монархіи“ сдѣлалась очень популярной во Франціи, то-есть монархіи, ограниченной народ-

нымъ представительствомъ, въ которомъ участвовало бы все населеніе, съ отмѣною старыхъ аристократическихъ привилегій. Для Руссо монархъ былъ только исполнителемъ народной воли, для Мабли — скорѣе символомъ, чѣмъ реальной силой, для д'Аржансона—монархомъ въ демократіи. Правда, на политическое міросозерцаніе французовъ оказывали вліяніе и республиканскіе идеалы классической древности, но это скорѣе имѣло отвлеченно-книжный характеръ, хотя никогда, такъ сказать, классицизмъ въ политикѣ не былъ столь силенъ, какъ въ разсматриваемую эпоху и во время французской революціи. Руссо, властвовавшій надъ умами, былъ поклонникомъ Спарты, Аѳинъ и республиканскаго Рима, прославлялъ ихъ учрежденія, преклонялся передъ ихъ законодателями. Мабли, равнымъ образомъ, пріучалъ общество проникаться воззрѣніями и даже настроеніемъ античныхъ республиканцевъ, насколько оно представлялось читателямъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, съ извѣстною примѣсью морализирующихъ разсужденій или риторическихъ украшеній, относившихся къ такимъ понятіямъ, какъ „отечество", „доблесть", „гражданинъ" и т. п. Жизнеописанія Плутарха дѣлались такимъ же источникомъ нравственнаго и политическаго назиданія, какимъ, напримѣръ, была Библія для англійскихъ пуританъ временъ первой революціи. Читались еще Тацитъ и Светоній, и по нимъ учились ненавидѣть деспотизмъ. Этотъ республиканскій классицизмъ дѣйствовалъ и на подрастающее поколѣніе. „Еще ребятами,—писалъ одинъ изъ дѣятелей революціи,—мы вращались въ обществѣ Ликурга, Солона, обоихъ Брутовъ и удивлялись имъ, а достигши зрѣлаго возраста, мы о томъ лишь и думали, чтобы имъ подражать".

Послѣдствія показали, что во многихъ кругахъ французскаго общества въ демократической идеѣ ставили впереди идею равенства передъ идеей свободы, тогда какъ въ другихъ особенно дорожили свободою, къ равенству же относились равнодушно, если не прямо съ недовѣріемъ. На точкѣ зрѣнія средневѣковой, аристократической свободы стояли во Франціи привилегированные, среди которыхъ тоже началось возвращеніе отъ идей абсолютизма къ традиціямъ сословной монархіи. Представителями пониманія королевской власти, какъ ограниченной существованіемъ основныхъ законовъ, самостоятельныхъ сословій и хранилища законовъ (парламентовъ), кромѣ Монтескьё, высказывавшагося и въ этомъ смыслѣ, были еще и публицисты изъ лагеря парламентскихъ дѣятелей.

Намъ еще придется коснуться борьбы, которая произошла во Франціи между королевскою властью и парламентами въ

самомъ концѣ царствованія Людовика XV. Правительство тогда даже рѣшилось совсѣмъ уничтожить парламенты, которые были потомъ возстановлены только Людовикомъ XVI послѣ его вступленія на престолъ. Отмѣна парламентовъ произошла въ 1771 году, а въ слѣдующемъ году вышелъ анонимный трактатъ: „Основы французскаго публичнаго права“, гдѣ заявлялся протестъ противъ разрушенія „конституціи королевства въ ущербъ правамъ націи и достоинству короны“.

Въ трактатѣ доказывалось, что не народы существуютъ для королей, а короли для народовъ, что деспотизмъ, или произвольная власть, противорѣчитъ какъ божественному, такъ и естественному праву, а равно и самой цѣли правительства, что Франція есть монархія, отнюдь не деспотія, такъ какъ власть въ ней умѣряется прочными законами, хранилище которыхъ составляютъ верховные суды (парламенты), и что состояніе подданныхъ французской монархіи есть свобода. Различая между монархіей и деспотіей, трактатъ слѣдовалъ тѣмъ опредѣленіямъ, которыя для обоихъ понятій были даны въ „Духѣ Законовъ“ Монтескьё. Политики,—сказано въ трактатѣ,—еще могутъ разсматривать монархію и деспотію параллельно, имѣя дѣло съ факторами, но съ точки зрѣнія права деспотія отрицалась, поскольку въ самомъ понятіи ея нѣтъ логическихъ элементовъ, составляющихъ идею государства. Правомѣрно не всякое единоличное правленіе, но лишь монархическое, противополагаемое деспотіи. Франція, въ глазахъ трактата, была именно монархіей, потому что управленіе ею основано на прочныхъ законахъ, а не на произволѣ, и такъ какъ подданные въ ней не рабы, а люди свободные. Этотъ второй аргументъ въ трактатѣ былъ даже выдвинутъ на первый планъ, и въ его пользу былъ собранъ цѣлый рядъ разныхъ доказательствъ: законы страны всегда признавали неприкосновенность частной собственности и свободу личности, т.-е. распоряженія своими дѣйствіями и своей особой. Разъ налогъ есть отчужденіе части имущества подданныхъ въ пользу государства, у собственниковъ должно испрашиваться согласіе на обложеніе ихъ имуществъ, что̀ и дѣлалось на собраніяхъ генеральныхъ штатовъ. Составители трактата разсматривали это учрежденіе, какъ необходимую часть монархическаго строя Франціи, а случаи взиманія налоговъ помимо согласія штатовъ — какъ явно неправомѣрныя дѣйствія королевской власти. Если генеральные штаты перестали созываться, то это было уклоненіемъ государственнаго строя Франціи въ сторону деспотизма, отнюдь притомъ не имѣющимъ значенія погасительной давности, потому что таковая къ отношеніямъ

между монархомъ и народомъ неприменима, и права народа въ силу ея не могутъ быть утрачены. Обстоятельно въ этомъ произведенiи французской политико-юридической литературы разбирался и вопросъ о личной свободѣ подданныхъ монархiи, т.-е. о безопасности личности и жизни, объ обезпеченномъ пользованiи правами состоянiя, о свободномъ избранiи мѣста и образа жизни и т. п. Составители не могли не упомянуть, что этому положенiю противорѣчила практика государственнаго управленiя Францiи, т.-е. произвольные аресты, высылки, знаменитыя „летръ-де-каше“, но во всемъ этомъ они видѣли фактическiя злоупотребленiя, лишенныя всякаго юридическаго основанiя и даже не могущiя получить оправданiя въ соображенiяхъ цѣлесообразности, ибо всякiй произволъ влечетъ за собою превращенiе монархiи въ деспотiю. Не довольствуясь доводами изъ области положительнаго права, авторы трактата подкрѣпляли свое основное положенiе о свободѣ гражданъ монархическаго государства, равнымъ образомъ, ссылками на право естественное и божественное.

Въ связи съ этою борьбою между королевскою властью и парламентами въ семидесятыхъ годахъ XVII в. еще вышелъ цѣлый рядъ политическихъ брошюръ, въ которыхъ распря освѣщалась и съ исторической точки зрѣнiя. Первоначальная „конституцiя“ Францiи разсматривалась въ смыслѣ ограниченiя короля участiемъ народа во власти, но эта конституцiя извратилась узурпацiей со стороны вельможъ и дворянъ; когда же этой узурпацiи положенъ былъ конецъ, участiе народа во власти было возстановлено въ формѣ генеральныхъ штатовъ. Впрочемъ, говорилось дальше, народныя права полностью возстановлены не были, ибо короли, не желая сохранять въ рукахъ народныхъ собранiй регистрацiю законовъ, передали ее парламенту. Послѣднiй — это не что иное, какъ прежнее народное собранiе, превращенное въ постоянное учрежденiе, съ ограниченнымъ составомъ и съ преимущественно судебною функцiею. Если же говорить объ узурпацiи, то—не со стороны парламента, а со стороны королей, надѣявшихся превратить послѣднiй въ покорное орудiе для своихъ цѣлей, но короли ошиблись. Такимъ образомъ, только вслѣдствiе королевской узурпацiи парламенту пришлось стать въ положенiе представителя нацiи.

Мы сейчасъ и перейдемъ къ исторiи борьбы, вызвавшей парламентскую литературу, пока же важно только отмѣтить, что нападенiе на неограниченность королевской власти происходило и въ консервативномъ лагерѣ, причемъ и тутъ были заявлены лозунги личной свободы и участiя подданныхъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Однимъ словомъ, къ началу царствованія Людовика XVI во французскомъ обществѣ большою популярностью пользовалась мысль о томъ, что королевская власть должна быть ограничена, что необходимо участіе націи въ государственномъ управленіи, что подданные должны пользоваться свободою и т. п. Это зарождавшееся либеральное настроеніе,— было ли оно аристократическимъ или демократическимъ,—усиливалось все болѣе и болѣе и черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ вступленія Людовика XVI вынудило и у власти уступку въ видѣ созыва генеральныхъ штатовъ, не собиравшихся сто семьдесятъ четыре года.

Но въ самомъ началѣ царствованія Людовика XVI сдѣлана была еще попытка произвести необходимыя реформы исключительно силою власти.

ГЛАВА VI.

Реформы и реакція въ царствованіе Людовика XVI.

10 мая 1774 г. съ балкона версальскаго дворца собравшемуся передъ нимъ народу было объявлено о смерти Людовика XV. Полагавшійся по чину царедворецъ, сломавъ на глазахъ присутствовавшихъ при этомъ церемоніальный жезлъ, поднялъ вверхъ другой такой же жезлъ и воскликнулъ: „король умеръ, да здравствуетъ король!“. Это былъ обрядъ, знаменовавшій непрерывность королевской власти: одинъ монархъ умиралъ, другой заступалъ его мѣсто, сама же королевская власть была непрерывна. Людовику XV было 64 года, и онъ былъ королемъ 59 лѣтъ; дофину, какъ титуловали во Франціи наслѣдника престола, Людовику XVI не хватало двухъ съ половиною мѣсяцевъ до двадцати лѣтъ. „Мы начинаемъ царствовать слишкомъ рано“,—сказалъ молодой король, узнавъ о смерти своего дѣда.

Новому государю Франціи, прежде всего, нужно было позаботиться о томъ, чтобы вернуть власти довѣріе, уваженіе и любовь, съ которыми французы не могли относиться къ циничному и порочному Людовику XV, ставшему притчею во языцѣхъ по массѣ разныхъ, отчасти вѣрныхъ, отчасти невѣрныхъ слуховъ, о немъ ходившихъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ молодого короля было возстановленіе парламентовъ, уничтоженныхъ въ концѣ предыдущаго царствованія.

Исторія ихъ уничтоженія Людовикомъ XV заслуживаетъ быть здѣсь разсказанною по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она показываетъ, какъ оппозиціонно настроено было противъ власти французское общество передъ воцареніемъ Людовика XVI,

а во-вторыхъ, та борьба противъ власти, которую вели парламенты при Людовикѣ XV, повторилась потомъ и при его преемникѣ, въ общемъ же въ ссорѣ парламентовъ съ правительствомъ уже было, такъ сказать, предвосхищеніе революціи.

Мы видѣли въ главѣ II, чѣмъ были французскія судебныя палаты, носившія названіе парламентовъ, какъ образовалось ихъ право въ извѣстныхъ случаяхъ сопротивляться королевской власти, и почему послѣдняя не могла смѣщать ихъ членовъ. Какъ сторонники стараго порядка, парламенты пользовались расположеніемъ привилегированныхъ и нерасположеніемъ либеральнаго общественнаго мнѣнія, но, какъ тормозы правительственнаго деспотизма, какъ защитники свободы, они въ извѣстныхъ случаяхъ вызывали къ себѣ сочувствіе и въ самыхъ прогрессивныхъ кругахъ. Когда министры Людовика XV подняли руку на это вѣковое учрежденіе, противъ нихъ поднялось недовольство среди всѣхъ классовъ общества, которое и заставило Людовика XVI отмѣнить ненавистную мѣру своего дѣда.

Тренія между властью и парламентами происходили уже съ середины XVIII вѣка, когда возникла и стала укрѣпляться теорія, что всѣ эти высшія судилища Франціи являются не чѣмъ инымъ, какъ отдѣленіями, или „классами“ общегосударственнаго учрежденія, безъ согласія котораго во Франціи не можетъ быть издано ни одного закона, и писались сочиненія, въ которыхъ доказывалась изначальность правъ парламентовъ. Въ 1763 году парижскій парламентъ объявилъ, протестуя противъ новыхъ эдиктовъ о налогахъ, что обложеніе, вынужденное въ торжественномъ собраніи въ присутствіи короля (ли-де-жюстисъ), есть ниспроверженіе основныхъ законовъ королевства. Къ такого рода заявленію примкнули парламенты въ городахъ Руанѣ и Бордо, такъ какъ ученіе, по которому всѣ парламенты, какъ „классы“ единаго учрежденія, должны дѣйствовать солидарно,—все болѣе и болѣе входило въ сознаніе ихъ членовъ и въ провинціи. Между тѣмъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ правительство проявило нѣкоторую энергію, когда канцлеромъ Франціи былъ Мопу, а генералъ-контролеромъ (министромъ) финансовъ его другъ, аббатъ Террэ.

Оба они были люди рѣшительные, и традиціи надъ ними не имѣли никакой силы. Первымъ выступилъ Террэ съ новыми финансовыми мѣрами. Незадолго до этого была сдѣлана попытка уменьшить цифру государственнаго долга посредствомъ ежегоднаго погашенія и была создана особая касса, которая въ шесть лѣтъ уменьшила долгъ на 76 милліоновъ. Террэ

захватилъ предназначенныя для этой цѣли суммы и прекратилъ дальнѣйшее погашеніе государственнаго долга. Въ 1770 г. ему предстояло выбирать между объявленіемъ полнаго банкротства или сокращеніемъ платежей по долговымъ обязательствамъ кредиторамъ государства: онъ предпочелъ послѣднее и произвольно уменьшилъ ренты, выплачивавшіяся казною своимъ кредиторамъ, но это вызвало всеобщее негодованіе. Парламентъ, членовъ котораго эта мѣра не задѣвала, однако, не протестовалъ противъ такого правонарушенія. Но скоро произошли нѣкоторыя событія, приведшія парламенты въ столкновеніе съ правительствомъ. Губернаторъ Бретани, герцогъ д'Эгильонъ, запятналъ себя разными злоупотребленіями по должности и былъ поэтому отозванъ. Мѣстный парламентъ (реннскій), жившій съ нимъ въ ссорѣ, и провинціальные штаты Бретани возбудили противъ него процессъ и нашли поддержку со стороны парижскаго парламента. Тогда дворъ взялъ герцога подъ свою защиту, и король велѣлъ прекратить все дѣло и считать герцога д'Эгильона свободнымъ отъ всякаго обвиненія. Парламентъ не подчинился: объявивъ герцога лишеннымъ правъ и привилегій своего званія, пока онъ не очистится отъ обвиненій, позорящихъ его честь, онъ протестовалъ противъ стремленія двора „ниспровергнуть старое государственное устройство и лишить законы ихъ равной для всѣхъ власти“, поставивъ на ихъ мѣсто голый произволъ. Провинціальные парламенты заявили свою солидарность съ парижскимъ. Тогда 24 ноября 1770 г. былъ опубликованъ составленный канцлеромъ Мопу королевскій эдиктъ противъ парламентовъ. Они обвинялись въ томъ, что проповѣдуютъ новые принципы, будто они представители націи, непремѣнные выразители королевской воли, стражи государственнаго устройства и т. п. „Мы, — говорилъ Людовикъ XV въ своемъ эдиктѣ, — мы держимъ власть нашу исключительно отъ Бога: право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежитъ намъ вполнѣ и безраздѣльно“. Поэтому парламентамъ запрещалось говорить объ ихъ единствѣ и о „классахъ“ единаго учрежденія, сноситься между собою, прерывать отправленіе правосудія и протестовать посредствомъ коллективныхъ отставокъ, какъ это дѣлалось прежде. Парламентъ протестовалъ противъ этого эдикта, и его члены, объявивъ, что не считаютъ себя достаточно свободными, чтобы постановлять приговоры о жизни, имуществѣ и чести подданныхъ короля, прекратили отправленіе правосудія. Тогда Мопу послалъ въ ночь съ 19 на 20 января 1771 г. солдатъ ко всѣмъ членамъ парламента съ требованіемъ немедленно от-

вѣтить посредствомъ письменнаго „да“ или „нѣтъ“, желают ли они возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей. Сто двадцать членовъ отвѣчало отказомъ, и ихъ сослали, а потомъ сослали и другихъ 38 человѣкъ, которые, давъ сначала согласіе, затѣмъ заявили, что солидарны со своими товарищами. Ихъ должности, бывшія ихъ собственностью, были конфискованы и объявлены вакантными. 23 февраля Мопу объявилъ особой судебной коммиссіи, имъ назначенной, что король рѣшилъ въ округѣ парижскаго парламента учредить шесть новыхъ высшихъ судовъ и начать общую судебную реформу, замѣнивъ наслѣдственныхъ судей судьями, назначаемыми отъ правительства, и упростивъ, ускоривъ и удешевивъ судопроизводство. Эти обѣщанія, однако, никого не удовлетворили: парламентъ,—говорили въ обществѣ,—защищалъ свободу отъ деспотизма, а „революція“, совершенная Мопу, наоборотъ, уничтожала всякія преграды, сдерживавшія произволъ власти. Къ тому же и поводъ, изъ-за котораго произошла распря съ парламентомъ, былъ выбранъ властью весьма неудачно.

Новый судъ не пользовался довѣріемъ, и адвокаты даже отказывались имѣть въ немъ дѣла. Тогда же, непосредственно послѣ уничтоженія парламентовъ, вышла въ свѣтъ книга, о которой уже было упомянуто въ концѣ предыдущей главы. Протестовала и высшая финансовая палата, осмѣлившаяся даже потребовать созыва генеральныхъ штатовъ и заявившая при этомъ, что она защищаетъ „дѣло народа, волею котораго и во имя котораго король только и царствуетъ“. За парламентъ заступились также принцы крови и высшая знать Франціи, подавшіе королю объ этомъ особый мемуаръ. Мопу былъ непреклоненъ. Протестовавшіе парламенты и финансовая палата были уничтожены, и судьи лишены своихъ должностей; принцы крови и пэры, подписавшіе мемуаръ, удалены отъ двора. Вновь учрежденный въ Парижѣ судъ получилъ въ обществѣ насмѣшливое названіе „парламента Мопу“, которое было распространено и на новые суды, открытые въ другихъ городахъ. Мѣсто засѣданій суда пришлось окружить войскомъ, чтобы народъ не сдѣлалъ на него нападенія. Къ лицамъ, принявшимъ на себя должности въ новомъ судѣ, въ обществѣ относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Прежніе судьи въ большинствѣ не хотѣли возвращаться къ судейской службѣ и не соглашались брать предлагавшіяся имъ деньги въ видѣ выкупа за принадлежавшія имъ мѣста, несмотря на то, что для этого былъ назначенъ срокъ, послѣ котораго выдача отступного прекращалась. Едва скончался

Людовикъ XV, какъ общество стало высказываться съ такою силою за парламенты, что Людовикъ XVI счелъ нужнымъ ихъ возстановить. Нужно отмѣтить еще, что современники назвали дѣло Мопу „революціей“, потому что тогда это слово еще обозначало всякій переворотъ, въ какую бы то ни было сторону. Болѣе опредѣленный смыслъ слово пріобрѣло позднѣе.

Какъ отнеслось французское общество къ судебной реформѣ Мопу, видно изъ слѣдующаго эпизода. Въ это время во Франціи начиналъ свою литературную дѣятельность знаменитый Бомаршэ, публицистъ и драматургъ, впослѣдствіи авторъ „Севильскаго цирюльника“ (1775) и „Свадьбы Фигаро“ (1784) и издатель полнаго собранія сочиненій Вольтера, въ нравственномъ отношеніи, однако, человѣкъ сомнительный. У Бомаршэ былъ въ новомъ парижскомъ судѣ процессъ по взысканію одного долга; онъ проигралъ свое дѣло, возбудивъ противъ себя еще обвиненіе въ попыткѣ подкупить судью: нуждаясь переговорить съ докладчикомъ по дѣлу и не получивъ къ нему доступа, онъ сдѣлалъ подарокъ женѣ судьи, и та ему устроила свиданіе съ мужемъ; это и послужило поводомъ къ осужденію Бомаршэ за подкупъ судьи. Остроумный и не особенно застѣнчивый писатель перенесъ свое дѣло на судъ общественнаго мнѣнія и сумѣлъ смѣшать съ грязью „парламентъ Мопу“ въ блестящихъ памфлетахъ, въ которыхъ личное свое дѣло представилъ, какъ имѣющее общественный интересъ. Читая „мемуары“ Бомаршэ, смѣялись вся образованная Франція и самъ Людовикъ XV. Молодой писатель сдѣлался героемъ дня: представители высшаго общества всячески выражали ему свое сочувствіе, хотя свое личное дѣло онъ связалъ не съ тою консервативною оппозиціей, которая проявилась въ протестахъ парламента и принцевъ крови, а съ новыми либеральными идеями, нашедшими впослѣдствіи выраженіе и въ его извѣстныхъ комедіяхъ. Вообще пресса въ вопросѣ о парламентахъ становилась на точку зрѣнія защиты свободы. Правительственныя заявленія въ смыслѣ абсолютизма королевской власти встрѣчали возраженія въ духѣ ученія о народномъ верховенствѣ. Напримѣръ, угроза одного изъ министровъ бретонскимъ провинціальнымъ штатамъ, что они въ три дня будутъ распущены, если станутъ отстаивать парламентъ, вызвала летучій листокъ, гдѣ поведеніе правительства разсматривалось съ точки зрѣнія „общественнаго договора“, нарушаемаго королемъ, „какъ агентомъ націи“, желающимъ превратить въ „рабовъ“ двадцать милліоновъ „свободныхъ гражданъ“.

Вотъ каково было настроеніе и консервативныхъ и прогрессивныхъ круговъ общества, когда на престолъ Франціи вступилъ Людовикъ XVI. Ему тогда, какъ было уже сказано, только-что шелъ двадцатый годъ (и, значитъ, было только около тридцати пяти лѣтъ, когда началась революція). Человѣкъ среднихъ способностей, довольно слабой воли и малыхъ знаній, поставленный въ обстановку, отдѣлявшую его отъ настоящей жизни страны и пониманія истиннаго настроенія націи, онъ былъ совсѣмъ непригоденъ для той роли, на которую его обрекала судьба. Прекрасный семьянинъ и добрый человѣкъ, исполненный хорошихъ, но самыхъ неясныхъ для самого себя намѣреній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ воспитанъ въ преданіяхъ королевскаго самодержавія и былъ убѣжденъ, что оно нужно для счастья его народа и для силы государства. Занятія государственными дѣлами были для него, однако, тяжелымъ бременемъ, а равно онъ тяготился и вѣчнымъ, если можно такъ выразиться, торчаніемъ на глазахъ своихъ придворныхъ. Онъ любилъ уединяться въ своей мастерской, гдѣ занимался слесарнымъ ремесломъ, умѣя даже дѣлать замки съ фокусами. Другимъ его любимымъ занятіемъ была охота; его дневникъ, въ который онъ заносилъ все для него интересное, по выраженію одного историка, мѣстами былъ дневникомъ какого-нибудь доѣзжачаго. Когда не было охоты, онъ отмѣчалъ: „ничего"; такія отмѣтки имѣются даже подъ числами великихъ событій начала революціи. Въ ночь съ 5 на 6 октября 1789 г. народная толпа напала на версальскій дворецъ, а король записалъ въ своемъ дневникѣ, сколько было убито дичи на охотѣ, съ прибавкою, что „событія помѣшали" продолженію охоты.

Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Людовика XVI, тогда еще дофина, женили на австрійской принцессѣ Маріи-Антуанетѣ, дочери императрицы Маріи-Терезіи. Тогда ей было только около пятнадцати лѣтъ. Въ новой семьѣ ее не взлюбили съ самаго начала, какъ тетки короля, „мадамъ" Аделаида и „мадамъ" Викторія, такъ и оба брата короля, называвшіеся одинъ графомъ Прованскимъ, а другой графомъ Артуасскимъ (д'Артуа). Особенно не любилъ ее первый, разсчитывавшій быть преемникомъ своего брата, когда у того послѣ восьмилѣтняго бездѣтнаго брака родился первый ребенокъ. Королевскія тетки и братья прямо интриговали противъ королевы, а ихъ приближенные сочиняли и распространяли всякіе пасквили на нее, уже тогда прозванную „австріячкою". Молодая женщина отличалась легкомысліемъ и кокетствомъ, страстью къ удовольствіямъ, а потомъ стала вмѣшиваться въ политику, вліяя на своего слабо-

вольнаго мужа, но и сама ставши орудіемъ самыхъ завзятыхъ приверженцевъ старины при дворѣ. Когда началась революція, она сдѣлалась центромъ противодѣйствія ей вездѣ, гдѣ только было можно, и проявила гораздо больше настойчивости и мужества, чѣмъ самъ король. Въ народѣ ее тоже не любили и давали ей разныя клички, въ родѣ госпожи Дефицитъ, когда были финансовыя затрудненія, или госпожи Вето, когда Людовикъ XVI не соглашался на декреты Національнаго Собранія.

Я только-что назвалъ братьевъ короля. Старшій, графъ Провансскій, былъ моложе Людовика XVI только на одинъ годъ и по восшествіи его на престолъ получилъ титулъ „мосьё“, который обыкновенно давался старшему брату государя. Онъ тоже вмѣшивался въ политику: съ самаго же начала критиковалъ поведеніе своего брата, а впослѣдствіи становился и въ рѣзкую ему оппозицію. Извѣстно, что черезъ четверть вѣка послѣ революціи онъ около десяти лѣтъ царствовалъ во Франціи подъ именемъ Людовика XVIII (1814—1824). Послѣ него царствовалъ (1824—1830) и младшій братъ, носившій титулъ графа д'Артуа и, какъ король, имя Карла X. Ему при вступленіи на престолъ Людовика XVI было семнадцать лѣтъ, и онъ скоро прославился, какъ отчаянный кутила. Въ семьѣ была и сестра, „мадамъ“ Елизавета, бывшая въ 1774 году десятилѣтней дѣвочкой.

Ближайшимъ родственникомъ королевской семьи былъ герцогъ Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій, игравшій потомъ такую роль въ революціи. Онъ былъ старше короля только лѣтъ на семь и былъ въ немилости у Людовика XV, который даже удалилъ его отъ двора, но и при дворѣ Людовика XVI онъ не уживался. Онъ былъ очень популяренъ въ парижскомъ населеніи, и поэтому при дворѣ на него смотрѣли съ подозрѣніемъ. Гораздо бо̀льшую роль игралъ другой „принцъ крови“, носившій титулъ принца Кондэ, бывшій самымъ ярымъ защитникомъ королевскаго самодержавія.

Королевская родня, какъ мы видимъ, жила недружно, и главные ея члены интриговали противъ королевы и не всегда поддерживали короля. Когда началась революція, братья Людовика XVI и принцъ Кондэ покинули Францію, но герцогъ Орлеанскій въ ней остался и даже самъ сдѣлался крайнимъ революціонеромъ.

Революцію отъ начала царствованія Людовика XVI отдѣляютъ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ то предпринимались реформы, то происходила реакція, а между тѣмъ государственныя дѣла все болѣе и болѣе запутывались. Для того

чтобы вывести страну на надлежащій путь, нуженъ былъ сильный государственный умъ. И во Франціи и внѣ ея бывали случаи, когда за слабыхъ королей правили сильные министры. Такъ было при Людовикѣ XIII и кардиналѣ Ришельё; то же самое можно сказать о нѣкоторыхъ иностранныхъ монархахъ XVIII вѣка, эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“, когда дѣйствовали такіе властные министры, какъ Помбаль въ Португаліи, Аранда въ Испаніи, Тануччи въ Неаполѣ, Струензэ въ Даніи. Казалось, что и Франція будетъ имѣть министра-реформатора въ лицѣ физіократа Тюрго.

Тюрго былъ не только государственный дѣятель перваго ранга, но и одинъ изъ духовныхъ отцовъ революціи въ качествѣ экономиста и философа, учившаго о прогрессѣ, совершающемся въ исторіи, о свободѣ личности, о необходимости независимости религіи отъ политики и т. п. Онъ былъ близокъ со многими современными ему писателями, съ „философами“ и съ физіократами, и заслужилъ одобреніе самого Вольтера. Его „Опытъ о производствѣ и распредѣленіи богатствъ“ (1766) сдѣлалъ его имя извѣстнымъ въ Англіи. Въ 1774 году, когда Людовикъ XVI пригласилъ его въ министерство, онъ уже съ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ управлялъ одною областью (Лимузеномъ) въ качествѣ интенданта полиціи, юстиціи и финансовъ, примѣняя къ жизни свои теоретическіе взгляды. Будучи въ этой должности, онъ заслужилъ народное расположеніе, но мѣстные привилегированные его не любили за разныя его распоряженія въ направленіи большей справедливости для облегченія народныхъ нуждъ. Сначала Людовикъ XVI назначилъ Тюрго морскимъ министромъ, но скоро отдалъ ему въ управленіе финансы въ званіи генералъ-контролера; это былъ главный министерскій постъ.

Какъ и остальные члены экономической школы физіократовъ, Тюрго былъ сторонникомъ королевскаго самодержавія, полагая, что „равновѣсіе властей“ можетъ сдѣлаться еще бòльшимъ зломъ, чѣмъ то, противъ котораго оно направлено. Вооружая короля всѣми „правами государства“, онъ думалъ, однако, что, когда послѣднія выходятъ за предѣлы необходимаго, пользованіе ими можетъ привести къ тиранніи, а потому требовалъ, чтобы власть, прежде всего, уважала личную свободу, потому что, говорилъ онъ, „правительства слишкомъ привыкли приносить въ жертву счастье отдѣльныхъ лицъ такъ называемымъ правамъ общества“, „забывая, что общество существуетъ для отдѣльныхъ лицъ“. Думая, что для уваженія къ свободѣ будетъ достаточно безпрепятственнаго и гласнаго заявленія обществомъ своихъ желаній, Тюрго всего хорошаго

ожидалъ отъ благодѣтельной власти, приводящей въ исполненіе свои предначертанія черезъ чиновниковъ, и въ этомъ смыслѣ понималъ свою задачу, въ бытность интендантомъ. Издавая распоряженія, онъ обосновывалъ свои взгляды въ циркулярахъ подчиненнымъ и въ донесеніяхъ начальству, внося измѣненія въ распредѣленіе налоговъ, падавшихъ на провинцію, въ систему торговаго кредита, въ хлѣбную торговлю, бывшую больнымъ мѣстомъ дореволюціонной Франціи, и т. п.

Когда Тюрго благодарилъ Людовика XVI за назначеніе въ министры (contrôleur général) финансовъ, то сказалъ ему: „не въ руки короля отдаю я себя, а въ руки честнаго человѣка“, на что Людовикъ XVI ему отвѣтилъ: „и вы не будете обмануты“. При этомъ король взялъ руки министра и, по другому разсказу, на просьбу позволить изложить письменно свои виды, далъ ему честное слово поддерживать его въ его мужественномъ предпріятіи. Первыя соображенія, представленныя министромъ королю, резюмировались въ словахъ: „ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни новыхъ займовъ“. Тюрго требовалъ сокращенія расходовъ и облегченія народа посредствомъ отмѣны злоупотребленій. „Мнѣ придется,—писалъ онъ, — вооружиться противъ естественной доброты, противъ великодушной щедрости вашего величества и особъ, наиболѣе для васъ дорогихъ“. Онъ указывалъ на то, съ какимъ трудомъ добываетъ народъ тѣ деньги, которыя король, по добротѣ своей, раздаетъ всѣмъ, кто только у него попроситъ. Краткой программой, изложенной въ этомъ письмѣ, не ограничивались преобразовательные планы новаго министра: все, что было съ его точки зрѣнія „предразсудкомъ“, „привилегіей“, „злоупотребленіемъ“, нашло въ немъ врага, дѣятельно стремившагося это искоренять.

При всемъ вообще бюрократическомъ своемъ характерѣ, Тюрго считалъ нужнымъ пробудить и общественную самодѣятельность. Онъ не былъ сторонникомъ ни парламентовъ, которые Людовикъ XVI поспѣшилъ возстановить и которые потомъ дѣлали оппозицію реформамъ, ни новыхъ политическихъ идей о народномъ верховенствѣ, о раздѣленіи властей и т. п., но онъ видѣлъ въ то же время недостатки господствовавшей системы централизаціи и правительственной опеки и желалъ для ихъ устраненія реформировать все управленіе. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ для короля цѣлый проектъ введенія во Франціи областного и общиннаго самоуправленія, оставшійся лежать въ бумагахъ Людовика XVI съ его собственноручною помѣткою объ „опасности“ этого плана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тюрго задумалъ рядъ реформъ, исходнымъ пунктомъ

которыхъ было новое представленіе объ обществѣ, враждебное сословному строю съ его привилегіями. Финансовыя изъятія духовенства и дворянства нашли поэтому въ министрѣ-реформаторѣ противника, и въ его общемъ планѣ самоуправленія привилегированные должны были вступить въ ряды обыкновенныхъ „гражданъ". Феодальный строй, царившій въ деревняхъ, по плану Тюрго долженъ былъ исчезнуть. Онъ думалъ именно, чтобы одни права были выкуплены у ихъ владѣльцевъ, другія же уничтожены безвозмездно; къ первой категоріи онъ относилъ всѣ тѣ права, которыя по тогдашней теоріи возникали изъ земельной уступки, ко второй—тѣ, которыя были узурпаціей у государственной власти или составляли нарушеніе естественнаго права. Одинъ изъ его друзей, Бонсерфъ, изложилъ эти идеи въ брошюрѣ „О неудобствѣ феодальныхъ правъ" (1776), но брошюру парламентъ сжегъ рукою палача, какъ мятежную. Тюрго не хотѣлъ отмѣнять крѣпостное состояніе только въ королевскихъ имѣніяхъ, боясь, какъ бы умолчаніе въ эдиктѣ о сервахъ духовенства и дворянства не было принято за подтвержденіе королемъ безусловнаго права сеньёровъ на ихъ крѣпостныхъ. Сторонникъ экономической свободы, стѣснявшейся мелочною регламентаціей, онъ объявилъ свободу хлѣбной торговли, чѣмъ думалъ достигнуть лучшаго распредѣленія хлѣбныхъ запасовъ по странѣ и удешевленія продукта. Находя для крестьянъ обременительною натуральную дорожную повинность и желая, чтобы къ дорожному дѣлу были привлечены всѣ классы общества, каждый сообразно съ своими достатками, онъ замѣнилъ эту повинность денежнымъ сборомъ, падавшимъ и на привилегированныхъ. Наконецъ, Тюрго объявилъ уничтоженіе цеховъ съ предоставленіемъ права каждому заниматься какимъ угодно ремесломъ.

Противъ всѣхъ этихъ плановъ и эдиктовъ Тюрго со всѣхъ сторонъ поднялись враги, всѣ тѣ люди, которые жили, по его выраженію, монополіями, привилегіями, злоупотребленіями: и финансисты, боявшіеся отмѣны откупной системы налоговъ, и хлѣбные барышники, извлекавшіе выгоду изъ существовавшихъ тогда стѣсненій торговли, и парламенты, стоявшіе на стражѣ всякихъ консервативныхъ интересовъ, и привилегированные вообще, а наконецъ и дворъ, недовольный, вдобавокъ, экономіей, которую министръ стремился ввести въ государственные расходы. Урожай 1774 г. былъ плохой, и ожидался не лучшій урожай въ 1775 году. Весною этого послѣдняго года возникли поэтому безпорядки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и приняли весьма широкіе размѣры, получивъ названіе „мучной войны". Эта смута произошла

не без посторонняго подстрекательства противъ эдикта о свободѣ хлѣбной торговли, бывшей будто бы причиною вздорожанія хлѣба. Шайки грабителей, нападая на хлѣбные караваны, шедшіе по Сенѣ, топили въ рѣкѣ мѣшки съ хлѣбомъ; другія жгли амбары съ запасами, производили безпорядки на городскихъ рынкахъ. Онѣ появились даже въ Версалѣ и требовали у короля установленія таксы на хлѣбъ, потомъ проникли въ Парижъ и произвели тамъ грабежи. Только военная сила остановила развитіе смуты. Въ эти трудные дни Тюрго проявилъ большую энергію, но парижскій парламентъ вступалъ съ нимъ въ пререканія и издавалъ распоряженія, шедшія вразрѣзъ съ тѣмъ, что дѣлалъ Тюрго для успокоенія народа. Члены парламента были даже вызваны въ торжественное засѣданіе (ли-де-жюстисъ), гдѣ король поддержалъ мѣры своего министра. Между прочимъ, парламентъ мстилъ Тюрго и за то, что тотъ ранѣе высказывался противъ возстановленія этого учрежденія.

„Мучная война“ не свалила Тюрго, какъ разсчитывали его враги. Напротивъ того, никогда въ такой степени Людовикъ XVI не довѣрялъ своему министру. Тюрго видѣлъ въ парламентской оппозиціи помѣху реформамъ, и ему приписывали слова: „дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма, и Франція будетъ свободна“. Скоро министру-реформатору пришлось встрѣтить болѣе серьезное сопротивленіе парламента, который возсталъ противъ замѣны дорожной повинности налогомъ и отмѣны цеховъ и отказался занести ихъ и другіе эдикты въ свой регистръ. Если, однако, парижскій парламентъ былъ вынужденъ въ „ли-де-жюстисъ“ принять эдиктъ о цехахъ, то въ Бордо, въ Тулузѣ, въ Эксѣ, въ Безансонѣ, въ Реннѣ и въ Дижонѣ эдиктъ этотъ такъ-таки и остался не внесеннымъ въ регистры. Протестуя противъ новыхъ законовъ, парижскій парламентъ находилъ ихъ принципы опасными, нарушающими права собственности и влекущими за собой злоупотребленіе свободой; онъ отстаивалъ сословныя и корпоративныя привилегіи и государственную опеку надъ личной свободой. Эдиктъ о цехахъ создалъ новаго врага Тюрго и въ средѣ парижскихъ ремесленниковъ.

Въ числѣ враговъ Тюрго было и духовенство, которое видѣло въ министрѣ „философа“ и ставило ему въ вину его взгляды на религію и церковь. Министръ-реформаторъ выразился однажды объ отмѣнѣ нантскаго эдикта въ томъ смыслѣ, что, „желая угодить Людовику XIV, обезславили религію“. Онъ находилъ, что король не долженъ быть главою вѣры, равно какъ и глава вѣры не долженъ быть королемъ. Ста-

вилось въ вину Тюрго и то, что онъ настаивалъ на необходимости устранить изъ коронаціонной присяги Людовика XVI торжественное обѣщаніе истреблять еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, происходившей въ Реймсѣ, Тюрго передалъ королю „Мемуаръ о вѣротерпимости“, гдѣ убѣждалъ его „предоставить каждому своему подданному свободу раздѣлять и исповѣдывать ту вѣру, въ истинности которой каждаго убѣждаетъ его совѣсть“. Графъ Прованскій тогда написалъ противъ вѣротерпимаго министра памфлетъ, а Людовику XVI стали доносить, что Тюрго не посѣщаетъ мессы.

Все это дѣйствовало на слабовольнаго монарха, а королева, все болѣе и болѣе забиравшая власть надъ мужемъ, стала требовать у него отставки и даже заключенія въ Бастилію ненавистнаго ей министра. Людовикъ XVI между тѣмъ все больше поддавался вліяніямъ, враждебнымъ Тюрго, хотя и говорилъ, что только самъ онъ да Тюрго любятъ народъ. Онъ сталъ избѣгать свиданій съ министромъ, и тогда тотъ написалъ ему четыре письма, изъ которыхъ два дошло до насъ. „Я,—писалъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—смѣло шелъ противъ ненависти всѣхъ, кто только имѣетъ выгоду въ злоупотребленіяхъ. Пока я питалъ увѣренность, что, благодаря поддержкѣ вашего величества, я могу дѣлать доброе дѣло, я ни на что не обращалъ вниманія. А какова теперь моя награда?.. Государь! я не заслужилъ этого, осмѣливаюсь вамъ такъ сказать! Я изобразилъ вамъ всѣ бѣдствія, причиненныя слабостью покойнаго короля, я представилъ вамъ ходъ интригъ, постепенно унизившихъ его авторитетъ. Осмѣливаюсь просить васъ перечитать это письмо и спросить себя, желаете ли вы подвергнуться тѣмъ же опасностямъ, скажу даже—опасностямъ еще бо̀льшимъ“. Указывая на необходимость правительству быть солидарнымъ и сильнымъ, Тюрго писалъ еще: „Никогда не забывайте, государь, что слабость привела Карла I англійскаго на эшафотъ, что она же дѣлала изъ Людовика XIII и теперь дѣлаетъ изъ португальскаго короля коронованныхъ невольниковъ, и опять-таки она же была причиной всѣхъ бѣдствій предыдущаго царствованія. Васъ считаютъ слабымъ, государь, и бываютъ случаи, когда я боюсь, нѣтъ ли на самомъ дѣлѣ въ вашемъ характерѣ этого недостатка, хотя я и видѣлъ истинное мужество съ вашей стороны при другихъ и болѣе щекотливыхъ обстоятельствахъ... Правду говоря, я васъ, государь, не понимаю. Пусть вамъ наговорили, что у меня горячая и химерическая голова, но мнѣ кажется, что все мною вамъ сообщаемое не похоже на предложенія сумасшедшаго“.

Отставка Тюрго не замедлила прійти, а съ нею не только прекратились дальнѣйшія реформы, но были отмѣнены и тѣ, которыя онъ успѣлъ уже провести. Все правленіе Тюрго продолжалось только двадцать мѣсяцевъ. Многія идеи Тюрго восторжествовали черезъ восемь лѣтъ послѣ его смерти, въ 1789 г. Нѣкоторые историки ставили вопросъ, не сдѣлали ли бы реформы Тюрго излишнею революцію 1789 г., если бы ему удалось осуществить свои планы. Объ этомъ можно говорить надвое: да, въ томъ случаѣ, если бы при поддержкѣ Людовика XVI реформа могла совершиться мирно, и нѣтъ, если бы, наоборотъ, дѣятельность Тюрго сама вызвала революцію. Въ самомъ дѣлѣ, если уже то немногое, что̀ сдѣлалъ Тюрго, подняло такую бурю, то дальнѣйшія его преобразованія вызвали бы еще болѣе страстную оппозицію парламентовъ; тогда правительству пришлось бы съ ними вступить въ борьбу и прибѣгнуть къ произвольнымъ мѣрамъ, какъ это было сдѣлано при Мопу и какъ потомъ, уже послѣ смерти Тюрго, вынужденъ былъ поступить самъ Людовикъ XVI; но за парламенты вступились бы и общественное мнѣніе и народная масса, какъ это и случилось позднѣе, а соединеніе консервативной оппозиціи съ либеральной и было началомъ крушенія стараго порядка. Наконецъ, не нужно забывать, что кромѣ реформъ, которыя желалъ осуществить Тюрго, многіе французы стремились еще и къ политической свободѣ, о которой Тюрго, однако, совсѣмъ и не думалъ.

Послѣ кратковременнаго періода попытки реформировать государство начался періодъ реакціи, хотя позднѣе—и даже два раза—правительство и возвращалось временно къ мысли о необходимости преобразованій, но и въ эти оба раза одерживали побѣду дворъ, привилегированные и всѣ вообще сторонники неприкосновенности существовавшихъ отношеній.

Необходимость разныхъ перемѣнъ въ старомъ порядкѣ диктовалась совершеннымъ разстройствомъ финансовъ, бывшихъ вообще самымъ больнымъ мѣстомъ стараго порядка. Въ серединѣ 1777 г. управленіе финансами было поручено бывшему женевскому банкиру Неккеру, отецъ котораго былъ выходцемъ изъ Пруссіи. Составивъ себѣ большое состояніе, Неккеръ занялъ должность женевскаго представителя при версальскомъ дворѣ и пріобрѣлъ извѣстность, какъ авторъ сочиненій, направленныхъ противъ физіократовъ и въ частности противъ свободы хлѣбной торговли, которую защищалъ Тюрго. Выборъ его въ министры и опредѣлился тѣмъ, что онъ слылъ за искуснаго финансиста и что онъ былъ противникомъ взглядовъ Тюрго. Пребываніе Неккера у власти продолжалось

около четырехъ лѣтъ (1777—1781). Съ Неккеромъ произошло то же, что и съ Тюрго: онъ также не угодилъ двору.

Это былъ человѣкъ гораздо болѣе мелкаго калибра, чѣмъ Тюрго. У него не было ни оригинальности, ни опредѣленности, ни послѣдовательности, ни большого административнаго опыта бывшаго лимузенскаго интенданта. Постъ министра („директора") финансовъ выдвигалъ Неккера на первое мѣсто, ибо какъ улучшеніе финансовъ требовало мѣропріятій и въ другихъ вѣдомствахъ, но у него не было ни общаго плана, ни цѣльности взгляда по отдѣльнымъ вопросамъ. То, что онъ предпринималъ, отличалось половинчатостью. Будучи самъ изъ протестантовъ, онъ не рѣшался настаивать на возвращеніи имъ правъ, какъ хотѣлъ Тюрго, и не поднималъ этого вопроса. Тюрго боялся освобожденія крѣпостныхъ только въ королевскихъ доменахъ, дабы сеньёры не подумали, что ихъ крѣпостныхъ король не имѣетъ права освободить, а Неккеръ прямо посовѣтовалъ королю въ эдиктѣ, освобождавшемъ королевскихъ сервовъ (1779), заявить объ уваженіи къ правамъ сеньёровъ. Во Франціи была въ ходу пытка при допросахъ, уничтоженная, напримѣръ, въ Пруссіи еще въ 1740 г., и ея отмѣны давно требовали, но Неккеръ отмѣнилъ только предварительную пытку, оставивъ существовать вторую пытку передъ казнью. Тюрго совѣтовалъ королю ввести во Франціи сельское, городское и областное самоуправленіе съ отмѣною въ немъ сословныхъ различій, но Неккеръ, исказивъ этотъ планъ, предложилъ ввести только областное самоуправленіе („провинціальныя собранія") безъ сельскаго и городского, притомъ съ чисто-сословнымъ представительствомъ (отдѣльно духовныхъ, дворянъ и третьяго сословія), да и то въ видѣ опыта только въ четырехъ провинціяхъ, причемъ удалось ему это сдѣлать лишь въ двухъ вслѣдствіе сопротивленія мѣстныхъ парламентовъ. Тюрго своими областными учрежденіями предполагалъ замѣнить интендантовъ, а Неккеръ свои „провинціальныя собранія" подчинилъ еще особымъ королевскимъ комиссарамъ. Все это было, такимъ образомъ, именно половинчатымъ, отражавшимъ на себѣ реакцію.

Тѣмъ не менѣе и Неккеръ не усидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Экономія въ расходахъ, къ которой онъ прибѣгалъ, пришлась не по вкусу двору. Для того, чтобы внушить капиталистамъ, при заключеніи займовъ, довѣріе къ государственной казнѣ, Неккеръ рѣшился обнародовать отчетъ о своемъ управленіи финансовымъ вѣдомствомъ. Государственная роспись доходовъ и расходовъ составляла секретъ, который строго охранялся. Неккеръ его нарушилъ. Желая представить ре-

зультаты своей дѣятельности съ наилучшей стороны, онъ былъ, однако, настолько правдивъ, что не скрылъ громадной суммы денегъ, которую поглощало содержаніе королевскаго двора, хотя и не могъ сдѣлать это вполнѣ, ибо, кромѣ офиціальнаго бюджета, былъ еще сугубо секретный, извѣстный только королю. Указаны были и ежегодные дефициты. Этотъ отчетъ Неккера произвелъ дѣйствіе внезапнаго свѣта, озарившаго потемки. Отчетъ переходилъ изъ рукъ въ руки, его всѣ читали, по его поводу возникали непріятные для двора толки. Министръ, выдвинутый на свой постъ реакціей противъ Тюрго, за свой дерзкій поступокъ получилъ отставку (1781), а реакція только усилилась. Она приняла теперь строго-дворянскій характеръ. Напримѣръ, возстановлены были старыя или созданы новыя запрещенія допускать не-дворянъ къ разнымъ должностямъ въ церкви, въ арміи, въ парламентахъ.

Послѣ паденія Неккера Людовикъ XVI и Марія-Антуанета и слышать не хотѣли о какихъ бы то ни было преобразованіяхъ. Все должно было итти по-старому, а министрами дѣлались разныя угодливыя бездарности, которыя умѣли только увеличивать налоги да занимать деньги на самыхъ обременительныхъ для казны условіяхъ. Одинъ разъ королева и графъ д'Артуа добились назначенія на постъ министра финансовъ очень угодливаго и крайне расточительнаго Калонна, который еще больше, чѣмъ его предшественники, запуталъ финансы, увеличилъ государственный долгъ и дефицитъ, вызвалъ противъ себя ропотъ общества и оппозицію парламентовъ непомѣрнымъ увеличеніемъ налоговъ и, въ концѣ концовъ, заявилъ королю, что государство зашло въ тупикъ, что нужны „сильныя средства". Людовикъ XVI, котораго министры увѣряли, что все идетъ превосходно, спросилъ, какія же это средства. Калоннъ изложилъ свои предположенія, на которыя король отвѣчалъ: „но вѣдь вы приносите съ собою все того же Неккера".—„Государь,—возразилъ Калоннъ,— въ данную минуту ничего лучшаго нельзя придумать". Такъ какъ, однако, со стороны парламентовъ можно было ожидать только противодѣйствія реформамъ, то Калоннъ посовѣтовалъ Людовику XVI созвать собраніе такъ называемыхъ нотаблей.

Это было тоже старинное учрежденіе, когда правительство, въ былыя времена, не желая созывать генеральные штаты, замѣняло ихъ собраніемъ именитыхъ, или почетныхъ людей изъ трехъ сословій, но въ ограниченномъ количествѣ и не выбранныхъ въ своихъ сословіяхъ, а назначенныхъ королемъ.

Такое собраніе и было созвано весною 1787 года въ Версалѣ изъ 137 человѣкъ, преимущественно изъ духовныхъ и дворянъ, такъ какъ людей изъ третьяго сословія тамъ было только около дюжины. Нотабли должны были упорядочить финансы, и имъ былъ представленъ нѣкоторый планъ реформъ. Только часть предложенныхъ правительствомъ мѣръ была принята собраніемъ, сильно напавшимъ на Калонна, причемъ одинъ изъ членовъ, маркизъ Лафайетъ, заговорилъ о необходимости созыва королемъ депутатовъ націи. Послѣ этого Калоннъ вынужденъ былъ покинуть свой постъ, который былъ занятъ тулузскимъ архіепископомъ Ломени-де-Бріенномъ, который сдѣлалъ нотаблямъ предложеніе о поземельномъ налогѣ, обязательномъ и для привилегированныхъ, о распространеніи неккеровскихъ провинціальныхъ собраній на все королевство, о дарованіи правъ гражданскаго состоянія протестантамъ, хотя и съ ограниченіями, и т. п. Нотабли дали согласіе на обѣ послѣднія мѣры, но и слышать не хотѣли о равномѣрномъ обложеніи земель. Когда собраніе было распущено, парижскій парламентъ выступилъ противъ реформъ, заявивъ, что только генеральные штаты могутъ дать согласіе на введеніе новыхъ налоговъ, а одинъ членъ въ собраніи произнесъ рѣчь, въ которой приравнялъ дарованіе правъ протестантамъ вторичному распятію Христа. Устроенное правительствомъ королевское засѣданіе мало помогло, потому что и послѣ этого парламентъ продолжалъ протестовать. Его членовъ попробовали-было сослать въ городъ Труа, но и это не помогло, потому что, когда ихъ вернули въ Парижъ, они продолжали свой протестъ. Правительство рѣшилось тогда, въ маѣ 1788 г., повторить то, что было сдѣлано за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ канцлеромъ Мопу, но провинціальные парламенты стали на сторону парижскаго, поддержанные общественнымъ мнѣніемъ противъ „министерскаго деспотизма“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и настоящими народными волненіями. Ломени-де-Бріеннъ былъ тогда отставленъ, попытка замѣнить парламенты новыми судами брошена, и Людовикъ XVI подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія счелъ за лучшее снова призвать Неккера къ власти послѣ семилѣтняго пребыванія его въ отставкѣ. Осенью 1788 года въ Версалѣ были созваны еще разъ нотабли въ такомъ же составѣ, какъ и первые, но имъ уже былъ предложенъ на разсмотрѣніе вопросъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ.

Однимъ изъ первыхъ, публично заговорившихъ о необходимости этого созыва, былъ въ то время еще молодой (30 лѣтъ) человѣкъ, маркизъ Лафайетъ, имя котораго много

разъ будетъ упоминаться на страницахъ этой книги. Онъ былъ, какъ сказано выше, уже участникомъ перваго собранія нотаблей. Во время борьбы съ Ломени-де-Бріенномъ ссылку на генеральные штаты сдѣлалъ и парижскій парламентъ. Когда по мысли названнаго министра во всей Франціи были введены неккеровскія провинціальныя собранія, въ нихъ тоже стали раздаваться голоса о необходимости обратиться къ созыву государственныхъ чиновъ. Старые штаты провинціи Дофинэ, собраніе духовенства и т. д. тоже высказались въ такомъ смыслѣ. Въ глазахъ не только Людовика XV, но и Людовика XVI ссылаться на генеральные штаты было политическимъ преступленіемъ, но теперь натискъ на власть былъ такъ великъ, что пришлось уступить. Еще въ декабрѣ 1787 г. король пообѣщалъ исполнить это желаніе, столь единодушно высказывавшееся общественнымъ мнѣніемъ, но при этомъ онъ отлагалъ его исполненіе до 1792 года, т.-е. на пять лѣтъ,—срокъ, слишкомъ продолжительный для того, чтобы такое обѣщаніе могло успокоить общество. Неккеръ, вторично призванный къ власти, поставилъ своимъ условіемъ скорѣйшій созывъ, а вторые нотабли прямо уже занялись вопросами о составѣ будущаго собранія государственныхъ чиновъ и о способѣ выборовъ въ нихъ.

Подведемъ итоги. Чѣмъ же были, такимъ образомъ, первыя пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI?

Въ 1774 г. на престолъ Франціи вступилъ юноша безъ большого образованія, мало способный, безвольный, остававшійся и потомъ таковымъ же. Государство нуждалось въ преобразованіяхъ, которыхъ требовало и общественное мнѣніе. У Людовика XVI были благія намѣренія и желаніе популярности, и онъ призвалъ къ власти такого министра, который взялся за проведеніе серьезныхъ реформъ, но едва онъ началъ свою дѣятельность, какъ вооружилъ противъ себя дворъ, привилегированныя сословія и всѣхъ, кому были непріятны задуманныя реформы. Послѣ его отставки началась полная реакція, а когда обстоятельства вынуждали правительство снова что-нибудь дѣлать въ смыслѣ преобразованій, тѣ же силы, которыя низвергли министра-реформатора, снова выступали на сцену и мѣшали какимъ бы то ни было перемѣнамъ, сколько-нибудь задѣвавшимъ привилегіи и интересы духовенства и дворянства. Онѣ не останавливались передъ борьбою съ самою властью, и если кто подалъ первые примѣры сопротивленія ей, такъ это были привилегированные съ парламентами во главѣ. Въ этомъ смыслѣ революція началась не въ 1789 году, а еще въ 1787. Въ указанное время

Францiя зашла въ такой тупикъ, что единственнымъ выходомъ изъ него для всѣхъ былъ созывъ генеральныхъ штатовъ, учрежденiя, которое послѣ 1614—1615 года ни разу болѣе не созывалось и память о которомъ какъ будто даже исчезла во французской нацiи.

ГЛАВА VII.

Общественное настроенiе наканунѣ революцiи.

Передъ 1789 годомъ во Францiи среди людей съ образованiемъ уже почти не было сторонниковъ самодержавной монархiи. Конечно, за нее держались королевскiй дворъ и лица, особенно близко стоявшiя къ самому королю, въ родѣ принца Кондэ, но это была небольшая кучка. Среди привилегированныхъ все больше распространялась парламентская догма французскаго государственнаго права, развивавшаяся публицистами временъ „парламента Мопу" и борьбы съ парламентами въ 1787 году. Старое поколѣнiе людей, вѣрившихъ въ то, что̀ мы теперь называемъ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ", сходило со сцены или рѣдѣло. Такимъ человѣкомъ былъ, какъ мы знаемъ, Вольтеръ, но онъ умеръ въ первое министерство Неккера, глубоко опечаленный неудачею Тюрго. Когда онъ только узналъ о его назначенiи, онъ привѣтствовалъ его посланiемъ, гдѣ говорилъ о священной философiи, призванной къ власти, а когда, уже въ годъ смерти (1778), увидѣлъ въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ, самого Тюрго, то хотѣлъ „облобызать руку, которая собиралась облагодѣтельствовать Францiю". Черезъ три года послѣ Вольтера сошелъ въ могилу и Тюрго, думавшiй сдѣлать Францiю счастливою посредствомъ примѣненiя самодержавной власти. Оба они были противниками парламентовъ съ ихъ отстаиванiемъ привилегiй. Вольтеръ, которому парижскiй парламентъ немало надѣлалъ непрiятностей, привѣтствовалъ „революцiю Мопу", а Тюрго не совѣтовалъ Людовику XVI возстановлять парламенты, предчувствуя ихъ сопротивленiе реформамъ. Такiя мнѣнiя были, однако, одинокими: парламенты были очень популярны за то, что боролись съ деспотизмомъ.

Да, абсолютная власть называлась въ это время прямо деспотизмомъ, но оппозицiя не была направлена ни противъ монархiи ни противъ особы короля. Какъ это часто бывало въ исторiи монархическихъ странъ, общественное недовольство направлялось не противъ государя, а противъ его совѣтниковъ и исполнителей его воли, по русской пословицѣ: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь". Когда говорили о деспо-

тизмѣ, то его называли „министерскимъ деспотизмомъ“; парламенты были популярны за борьбу противъ него, хотя и отстаивали своекорыстные интересы. На защиту этихъ, въ сущности, аристократическихъ палатъ выступали въ какой-то странной коалиціи и консервативныя и прогрессивныя силы.

Центромъ, противъ котораго накоплялась общественная ненависть, былъ версальскій дворъ. Знаменитый финансовый отчетъ Неккера обнаружилъ колоссальныя траты государственныхъ средствъ на его содержаніе. Въ обществѣ понимали, что придворныя сферы были главною силою, мѣшавшею необходимымъ реформамъ. Всякіе слухи и сплетни ходили въ публикѣ о томъ, что̀ дѣлалось при дворѣ. Въ своихъ вѣчныхъ интригахъ придворные сами распространяли о своихъ врагахъ всякія были и небылицы. Мы видѣли уже, что о королевѣ съ самаго же начала очень дурно отзывались и братья короля и его тетки, а у тѣхъ и у другихъ были еще свои клевреты. Неблагопріятные для Маріи-Антуанеты разговоры изъ придворныхъ сферъ распространялись въ публикѣ, просачивались впослѣдствіи и въ народныя массы.

Особенно повредилъ репутаціи Маріи-Антуанеты одинъ грандіозный скандалъ, разыгравшійся за нѣсколько лѣтъ до революціи и получившій европейскую извѣстность. Это было знаменитое дѣло объ ожерельѣ королевы.

Людовикъ XV въ концѣ своей жизни заказалъ двумъ выдающимся парижскимъ ювелирамъ дорогое (въ два милліона ливровъ, т.-е. по-теперешнему франковъ) брильянтовое ожерелье для дамы своего сердца, г-жи дю-Барри. Когда онъ умеръ, бывшая королевская фаворитка отказалась за него заплатить, и ювелиры предложили Людовику XVI пріобрѣсти ожерелье для королевы. На это онъ не далъ согласія, хотя Маріи-Антуанетѣ и было желательно имѣть такую драгоцѣнность. Объ этомъ говорили, и вотъ тутъ въ дѣло вмѣшалась одна авантюристка, графиня де-ла-Моттъ, одна изъ приближенныхъ къ королевѣ дамъ. Она воспользовалась огорченіемъ епископа страсбургскаго, кардинала де-Рогана, происходившаго изъ одной особенно знатной фамиліи Франціи, по поводу немилости, въ которую онъ впалъ при дворѣ вслѣдствіе нерасположенія къ нему королевы, и внушила ему мысль купить ожерелье для королевы. До этого времени онъ былъ посломъ французскаго короля въ Вѣнѣ, при дворѣ матери Маріи-Антуанеты, императрицы Маріи-Терезіи, но тамъ онъ велъ себя такъ неприлично, что его пришлось отозвать, да и онъ, вдобавокъ, выражался неодобрительно о вѣнскомъ дворѣ. Въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, де-Роганъ зани-

малъ при королѣ должность „главнаго раздавателя милостынп" (грандъ-омонье, grand-aumônier), обыкновенно поручавшуюся высокимъ сановникамъ церкви изъ наиболѣе аристократическихъ фамилій. Легкомысленный кардиналъ поддался провокаціи, купилъ частью на наличныя деньги, частью въ долгъ драгоцѣнность и вручилъ ее графинѣ для передачи королевѣ. Де-Роганъ потребовалъ, чтобы королева его лично поблагодарила, и де-ла-Моттъ тогда устроила ему свиданіе, ночью въ версальскомъ паркѣ, съ одной женщиной, похожей на королеву и одѣтой въ ея костюмъ, подарившей при этомъ кардиналу розу и позволившей ему поцѣловать себя въ шею. Мошенница рѣшилась даже поддѣлать нѣчто въ родѣ расписки ювелирамъ за подписью: „Марія-Антуанета Французская", но обманъ скоро открылся. Между тѣмъ графиня въ сообществѣ своего мужа часть брильянтовъ сбыла въ Англію, другую сумѣла продать во Франціи. Въ обманѣ еще участвовалъ извѣстный шарлатанъ Каліостро, занимавшійся вызываніемъ духовъ съ того свѣта. Когда все открылось, было приказано арестовать де-Рогана, причемъ арестъ былъ произведенъ въ тотъ самый моментъ, когда кардиналъ въ церковномъ облаченіи приступалъ къ торжественной службѣ обѣдни въ придворной церкви. Графиня и ея сообщница были тоже заключены въ тюрьму (1785). Слѣдствіе по дѣлу тянулось девять мѣсяцевъ, пока весною 1786 г. не состоялся въ парламентѣ судебный приговоръ, по которому оба супруга должны были получить клейма, выжженныя на тѣлѣ, и онъ отправиться въ каторгу, а она остаться до смерти въ тюрьмѣ. Де-Роганъ былъ оправданъ, но король отнялъ у него его высокую должность и сослалъ его въ одинъ провинціальный монастырь. Графъ-супругъ успѣлъ скрыться еще до суда, а графиня потомъ бѣжала изъ Бастиліи въ мужскомъ костюмѣ, соединилась со своимъ супругомъ въ Англіи и опубликовала тамъ всю исторію съ своей точки зрѣнія, прямо обвинивъ французскую королеву. Въ публикѣ стали вѣрить разсказу графини. Оскорбленная за кардинала фамилія де-Рогановъ тоже не оставалась въ долгу и распространяла о королевѣ разные неблагопріятные слухи. Братъ короля, графъ Прованскій, также приложилъ руку къ тому, чтобы повредить своей невѣсткѣ. Скандалъ былъ грандіозный и немало способствовалъ усиленію непріязни къ „австріячкѣ" и ко всему версальскому двору.

Еще одинъ эпизодъ очень характеренъ для тогдашняго настроенія французской публики. Выше, въ главѣ VI, уже былъ названъ писатель Бомаршэ, который сдѣлался очень

популярнымъ по случаю своего памфлета противъ „парламента Мопу“. Хотя правительство само пользовалось потомъ Бомаршэ для секретныхъ порученій щекотливаго свойства (напримѣръ, предупредить появленіе за границей одного пасквиля противъ Маріи-Антуанеты), оно запретило представленіе веселой и остроумной комедіи Бомаршэ „Севильскій цырюльникъ“, и только послѣ большихъ цензурныхъ мытарствъ комедія была поставлена. Такъ какъ въ ней были остроумныя выходки противъ аристократіи, которыя вызывали большія рукоплесканія публики, то комедію подвергли разнымъ сокращеніямъ. Успѣхъ, какимъ авторъ пользовался въ публикѣ, подѣйствовалъ на него самого, заставилъ его все болѣе и болѣе придавать своей дѣятельности общественный характеръ. Вскорѣ онъ написалъ другую комедію, „Свадьба Фигаро“, съ прямыми и очень смѣлыми намеками на современность въ духѣ стремленій третьяго сословія. Четыре года цензура ее разсматривала и пересматривала, а тѣмъ временемъ авторъ читалъ ее въ разныхъ кружкахъ и даже поставилъ на любительской сценѣ. Людовикъ XVI, ознакомившись съ пьесой, сказалъ, что, пока онъ царствуетъ, она во Франціи даваться въ театрахъ не будетъ, потому что для оправданія ея содержанія пришлось бы уничтожить Бастилію. Тѣмъ не менѣе пронырливый Бомаршэ добился-таки своего: въ 1784 году комедія была поставлена на публичной сценѣ и имѣла небывалый успѣхъ. Королю сказали, что Бомаршэ совершилъ оскорбленіе величества, и онъ тутъ же, во время игры въ карты, написалъ приказъ объ арестѣ Бомаршэ, просто на игральной картѣ, на подвернувшейся прежде другихъ семеркѣ пикъ. Другіе государи, какъ Екатерина II и шведскій король Густавъ III, также находили пьесу опасною, хотя, нужно замѣтить, часто публика вкладывала въ отдѣльные ея пассажи больше, нежели въ ней дѣйствительно было. Впослѣдствіи и Наполеонъ говорилъ, что „Свадьба Фигаро“ была „революціей въ дѣйствіи“.

Цырюльникъ Фигаро былъ выведенъ, какъ дѣйствующее лицо, еще въ первой комедіи, а во второй развернулся вовсю. Авторъ сдѣлалъ своего умнаго и энергичнаго героя-плебея полною противоположностью вырождающейся знати и заставилъ его давать своими рѣчами убійственныя ея характеристики, а вмѣстѣ съ тѣмъ бороться за достоинство человѣческой личности, за ея равноправіе, за общественную справедливость. Что сдѣлали аристократы, какъ не то только, что „потрудились родиться“? А дворъ? Не заключалась ли „вся тайна успѣха при дворѣ“ въ трехъ словахъ: „давать,

брать и требовать“? А законы, которые „снисходительны къ богачамъ и суровы къ бѣднякамъ“! Когда началась революція, Бомаршэ въ ней дѣятельнаго участія самъ, впрочемъ, не принималъ, предпочитая наживать деньги разными спекуляціями, которыми сталъ заниматься еще при старомъ порядкѣ.

Дѣло объ ожерельѣ королевы и постановка на сценѣ „Свадьбы Фигаро“ очень хорошо характеризуютъ общественное настроеніе наканунѣ революціи, бывшее особенно оппозиціоннымъ, когда дѣло касалось двора и аристократіи. Очень хорошо выразилось это настроеніе и въ отношеніи французовъ къ сѣверо-американской революціи, которая произошла въ началѣ царствованія Людовика XVI и которой со стороны Франціи была даже оказана помощь.

Извѣстно, что въ 1774 году англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ возстали противъ своей метрополіи, а въ 1776 году, провозгласивъ свою независимость отъ Англіи, образовали новое государство — федеративную республику Соединенныхъ Штатовъ. Во Франціи къ этому отнеслись сочувственно, между прочимъ, потому, что незадолго передъ этимъ англичане въ счастливой для нихъ войнѣ съ французами отняли у нихъ многія заморскія колоніи. Французское правительство сначала тайно помогало возстанію отправкою въ Америку оружія (между прочимъ, при участіи Бомаршэ) и разрѣшеніемъ французскимъ подданнымъ ѣхать туда добровольцами. Потомъ Франція приняла и открытое участіе въ войнѣ, окончившейся версальскимъ миромъ въ 1783 году. Французское общество приняло близко къ сердцу борьбу американцевъ за политическую свободу и образованіе новаго государства исключительно, какъ ему казалось, на основахъ французской политической литературы.

Громадное большинство французскаго общества при этомъ не знало, что колоніи давно пользовались и самоуправленіемъ, и правами личной неприкосновенности своихъ гражданъ, и религіозною свободою, и равноправіемъ, и не обращало вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не было ни королевской власти, ни католическаго духовенства, ни феодальной аристократіи, существованіе которыхъ во Франціи отражалось не на однихъ политическихъ и соціальныхъ порядкахъ, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи. Общество видѣло только освобожденіе цѣлаго народа отъ угнетенія, которое имѣло, однако, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ то, на какое могли жаловаться французы,—и видѣло, что въ
[illegible]

бы выросшія во Франціи и оттуда перенесенныя въ Америку. Поскольку принципы индивидуальной свободы, раздѣленія властей, народнаго верховенства осуществлялись въ учрежденіяхъ новой республики, они были, въ сущности, наслѣдіемъ долгаго развитія самой англійской жизни: англійскіе колонисты, гонимые на родинѣ, впервые принесли эти начала съ собою на новую почву и уже тогда осуществили ихъ въ своемъ быту. То, что̀ французская политическая литература развивала, защищала, доказывала въ области отвлеченнаго умозрѣнія, уже давно осуществлялось въ жизни сѣверо-американскихъ колонистовъ, но французамъ, не знавшимъ фактическихъ отношеній, могло казаться, что американцы у себя создали все это вновь на основаніи однѣхъ отвлеченныхъ французскихъ политическихъ идей.

Сами американцы помогли образованію такого мнѣнія своей знаменитой декларацiей 1776 г. Когда въ 1774 г. американскіе патріоты, представители отдѣльныхъ провинціальныхъ собраній, съѣхались, еще до начала войны, на общій конгрессъ въ Филадельфіи, они составили здѣсь декларацію правъ по образцу деклараціи англійской, изданной послѣ второй революціи; ея назначеніемъ было подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Англіи, и потому конгрессъ ссылался въ ней преимущественно на разные статуты и грамоты англійскаго государственнаго права. Когда война началась и колоніи рѣшились отложиться отъ метрополіи, то конгрессъ составилъ новую декларацію, на этотъ разъ уже для всего цивилизованнаго міра: здѣсь не было такой надобности ссылаться на государственные законы Англіи, мало извѣстные въ другихъ странахъ, почему и были выдвинуты впередъ аргументы новой политической философіи, т.-е. ссылки на естественныя права людей и народовъ, на права ихъ на равенство, свободу, стремленіе къ счастью и самоуправленіе. Цѣлый народъ, оказывалось, исповѣдывалъ эти принципы, и впечатлѣніе этого факта на французовъ было весьма сильное. Страстное увлеченіе этой декларацiей выразилось въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ эпохи, напримѣръ, въ „Американской революціи“ (1781) аббата Рэйналя, который, между прочимъ, писалъ: „Зачѣмъ у меня нѣтъ генія и силы рѣчи знаменитыхъ ораторовъ Аѳинъ и Рима! Съ какимъ величіемъ духа я воспрославилъ бы благородныхъ мужей, которые своимъ терпѣніемъ, своею мудростью, своимъ мужествомъ соорудили это великое зданіе!“ и пр. И далѣе: „Героическая страна! Мой преклонный возрастъ не позволяетъ мнѣ побывать въ тебѣ. Никогда не увижу я себя среди почтенныхъ мужей

твоего ареопага, никогда мнѣ не доведется присутствовать при совѣщанiяхъ твоего конгресса! Я умру и не увижу жилища вѣротерпимости, нравственности, законности, добродѣтели и свободы! Свободная, святая земля не скроетъ моего праха, но я, по крайней мѣрѣ, желалъ бы этого, и моими послѣдними словами будутъ молитвы къ небу о твоемъ благоденствiи“. Декларацiю 1776 г. и американскiе порядки прославляли еще изъ прежнихъ писателей Мабли, а изъ будущихъ дѣятелей революцiи Бриссо, Кондорсе и др.

Увлеченiе французовъ Америкой выразилось не на однихъ словахъ. Многiе сочли своимъ долгомъ оказать и дѣятельную помощь Соединеннымъ Штатамъ. Однимъ изъ первыхъ французовъ на помощь молодой республикѣ пришелъ Бомаршэ въ качествѣ поставщика и политическаго агента французскаго двора, сначала, какъ мы видѣли, лишь тайно покровительствовавшаго инсургентамъ. Другимъ выдающимся защитникомъ американской свободы былъ уже называвшiйся раньше маркизъ Лафайетъ, которому пришлось впослѣдствiи играть одну изъ наиболѣе видныхъ ролей въ исторiи революцiи. Увлеченный декларацiей 1776 г., онъ рѣшился служить „сынамъ свободы“ своею шпагою. Ему было только 19 лѣтъ, когда онъ, лейтенантъ французской службы, на свой счетъ снарядилъ корабль „Побѣду“ и съ другими офицерами отправился въ Америку подъ менторствомъ нѣмецкаго барона Кальба, тоже офицера французской службы. Общественное мнѣнiе было такъ настроено въ пользу американцевъ, что само правительство подчинилось общему увлеченiю. Въ началѣ 1778 г. между Францiей и новой республикой былъ заключенъ союзъ.

Пребыванiе въ Парижѣ въ эпоху американской войны знаменитаго Франклина усиливало еще болѣе этотъ энтузiазмъ: старикъ въ черномъ квакерскомъ сюртукѣ, безъ галуновъ, лентъ и орденовъ, съ сѣдыми волосами безъ пудры и парика, бывшихъ въ модѣ тогдашняго времени, простой въ обращенiи, привѣтливый, разумный въ рѣчахъ, представлялся, какъ истинный типъ „республиканца“ въ духѣ героевъ Плутарха, какъ идеальный человѣкъ, какого создалъ въ своемъ воображенiи Руссо. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Франклинъ, ему устраивались оващiи; его портреты можно было видѣть повсюду. Ученый математикъ д'Аламберъ въ академiи наукъ привѣтствовалъ его, изобрѣтателя громоотвода, какъ человѣка, „исторгнувшаго у неба молнiю и скипетръ изъ рукъ тирановъ“. Вольтеръ, прiѣхавшiй въ Парижъ въ годъ своей смерти, пожелалъ видѣть Франклина и, когда тотъ явился

къ нему со своимъ внукомъ, благословилъ послѣдняго словами: „Богъ и свобода“. Въ 1779 г. Лафайетъ пріѣзжалъ во Францію изъ Америки, гдѣ проникся глубочайшимъ уваженіемъ къ Вашингтону. Его приняли въ Версалѣ благосклонно, хотя по поводу его энтузіазма къ Америкѣ вождю американцевъ и говорили, что молодой маркизъ охотно разграбилъ бы Версаль, чтобы добыть средствъ на одежду для американскихъ солдатъ.

Когда война окончилась, французы, сражавшіеся за американскую независимость, возвратились, исполненные глубокаго уваженія ко всему, что̀ видѣли въ странѣ новой свободы. Не только декларація 1776 г., но и пенсильванская конституція, особенно проникнутая демократическимъ духомъ, останавливали на себѣ вниманіе французскихъ публицистовъ, получавшихъ въ нихъ поводъ поднять въ печати конституціонные вопросы. Кромѣ Мабли, не дожившаго до революціи, въ обсужденіи этихъ вопросовъ участвовали будущіе ея дѣятели: Бриссо и Кондорсе. Первый дважды ѣздилъ въ Америку и написалъ сочиненіе объ этой странѣ. Въ Америкѣ, между прочимъ, ему пришлось выслушать мнѣніе, что едва ли Франція подготовлена къ той свободѣ, какою пользуются Америка и Англія. Тѣмъ не менѣе онъ сильно надѣялся на то, что въ Европѣ послѣдуютъ образцамъ, даннымъ конституціями отдѣльныхъ американскихъ штатовъ. Кондорсе въ „Мысляхъ о деспотизмѣ“, появившихся уже послѣ того, какъ рѣшено было созвать генеральные штаты, проводилъ ту идею, что знакомство съ американскими учрежденіями должно помочь возрожденію Франціи, и рекомендовалъ начать дѣло съ деклараціи правъ человѣка, на которыхъ покоятся права націи. Нельзя сказать, чтобы эти писатели обнаружили полное пониманіе складывавшихся въ Америкѣ политическихъ порядковъ, но дѣло въ томъ, что американскія событія послужили толчкомъ къ новому возбужденію политической мысли во Франціи и притомъ какъ разъ предъ самымъ созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Благодаря связямъ, образовавшимся между американскими политическими дѣятелями и нѣкоторыми французами (напримѣръ, между Вашингтономъ и Лафайетомъ), въ Америкѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ, что̀ происходило во Франціи. Нѣкоторые изъ американцевъ высказывали свои желанія относительно Франціи и давали совѣты французамъ. Въ числѣ ихъ былъ и американскій посланникъ въ Парижѣ Джефферсонъ, одинъ изъ авторовъ деклараціи 1776 г. Онъ самъ въ одномъ письмѣ весьма ясно указалъ на то, что „американская война про-

будила мыслящую часть французскаго общества отъ сна деспотизма, въ который оно такъ долго и такъ глубоко было повергнуто". Домъ Джефферсона сдѣлался даже сборнымъ пунктомъ для французскихъ поклонниковъ Америки.

Обѣщаніе Людовика XVI созвать генеральные штаты тотчасъ же необычайно оживило во Франціи публицистику. До 1789 г. періодическая печать была вообще еще мало развита, и кто хотѣлъ подѣлиться своими взглядами съ публикой, тотъ печаталъ свою статью въ видѣ брошюры. Такихъ летучихъ произведеній передъ выборами въ генеральные штаты и во время самыхъ выборовъ выходило великое множество, а наиболѣе удачныя расходились въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что общество ими очень интересовалось. Были между ними и консервативныя брошюры, но ихъ было мало, бо̀льшая же часть состояла изъ прогрессивныхъ. Благодаря имъ политическія идеи, бывшія тогда въ ходу, распространялись въ самыхъ широкихъ кругахъ общества и проникали въ народныя массы. Направленія ихъ были довольно разнообразныя; между ними встрѣчались брошюры, спеціально посвященныя народнымъ интересамъ съ предложеніями, въ родѣ, напримѣръ, образованія изъ крестьянъ и рабочихъ особаго „четвертаго сословія". Другія выражали интересы преимущественно средняго класса, третьи становились на болѣе общенаціональную точку зрѣнія, отстаивая необходимость личной и политической свободы и равноправія. Были и такія, которыя должны были научить, чего слѣдовало избирателямъ требовать въ своихъ наказахъ депутатамъ въ генеральные штаты.

Самымъ популярнымъ публицистическимъ произведеніемъ этого рода было „Что̀ такое третье сословіе?" аббата Сьейеса.

Авторъ этой публикаціи, духовное лицо, занимавшее должность генеральнаго викарія въ двухъ епархіяхъ, въ это время былъ уже человѣкомъ лѣтъ пятидесяти. Въ 1785 и 1786 годахъ онъ участвовалъ въ общихъ собраніяхъ духовенства, представительномъ учрежденіи, въ которомъ это сословіе опредѣляло количество того „добровольнаго дара" королю, который замѣнялъ собою налоги съ духовенства. Когда объявленъ былъ созывъ генеральныхъ штатовъ, онъ написалъ политическія брошюры подъ заглавіями: „Опытъ о привилегіяхъ", „Что̀ такое третье сословіе?" и „Признаніе и изложеніе правъ человѣка и гражданина". Эти публикаціи прославили его имя въ самыхъ широкихъ кругахъ общества, вслѣдствіе чего въ 1789 г. онъ былъ выбранъ въ Парижѣ

депутатомъ отъ третьяго сословія и потомъ игралъ очень видную роль въ революціи.

Главная его брошюра заключала въ себѣ три вопроса и три отвѣта: 1) Что̀ такое третье сословіе?—Все. 2) Чѣмъ оно до сихъ поръ было?—Ничѣмъ. 3) Чѣмъ оно желаетъ быть?—Быть чѣмъ-нибудь. Сьейесъ самъ именно въ такихъ словахъ формулировалъ содержаніе всей книжки, которая необычайно понравилась публикѣ и оказала большое вліяніе на самую постановку вопроса о генеральныхъ штатахъ. И вообще въ выработкѣ общей теоріи народнаго представительства его взгляды имѣютъ немаловажное значеніе.

Генеральные штаты созывались послѣ почти двухвѣкового перерыва. Въ массѣ населенія Франціи они были основательно позабыты, и о нихъ знали очень мало. Приходилось наводить археологическія справки. Болѣе консервативные люди хотѣли, чтобы государственные чины были созваны по старой формѣ, а это значило, что по всѣмъ вопросамъ голосованіе происходило бы въ каждомъ сословіи отдѣльно, изъ которыхъ за каждымъ потомъ былъ бы признанъ одинъ голосъ. Иначе говоря, у двухъ привилегированныхъ сословій было бы два голоса противъ одного голоса третьяго сословія: результатъ былъ бы такой, что всѣ предложенія въ пользу большинства націи проваливались бы двумя голосами духовенства и дворянства противъ одного голоса представителей громаднаго большинства всей націи, составлявшаго 96 процентовъ населенія. Мы увидимъ еще, какую остроту вопросъ о способѣ голосованія получилъ въ первые же дни генеральныхъ штатовъ 1789 года. Если бы, однако, вмѣсто посословнаго голосованія было принято другое, т.-е. поголовное, по числу депутатовъ, то результатъ получился бы такой же при одинаковомъ количествѣ голосовъ въ каждомъ сословіи. Естественно, что, хотя бы только для равновѣсія, не говоря уже о пропорціональности, нужно было, по крайней мѣрѣ, удвоить число голосовъ третьяго сословія; тогда можно было бы предполагать, что, съ прибавкою нѣкотораго количества голосовъ прогрессивныхъ духовныхъ и дворянъ, могло бы составляться большинство въ пользу справедливыхъ рѣшеній.

Былъ еще важный вопросъ о характерѣ самого представительства, а именно, должны ли были избиратели давать депутатамъ точныя инструкціи, отъ которыхъ тѣ не имѣли бы права отступать ни въ какомъ случаѣ, такъ называемые „императивные мандаты“ (повелительныя порученія), или же за депутатами должно было быть признано право свободнаго

голосованія. За связанность депутата ограниченными полномочіями особенно много было голосовъ среди дворянъ, но въ третьемъ сословіи стояли на противоположной точкѣ зрѣнія представительства каждымъ депутатомъ всего народа, а не какой-либо его части или отдѣльной мѣстности.

Таковы были главныя мысли аббата Сьейеса.

Среди авторовъ этой брошюрной литературы былъ еще графъ Габріэль-Оноре де-Мирабо, особенно интересовавшійся вопросами, касающимися свободы. Въ это время онъ, уже и раньше бывшій извѣстнымъ своими сочиненіями, выпустилъ такія брошюры, какъ „О государственныхъ тюрьмахъ“, „О свободѣ печати“ и т. п.

Въ первый періодъ революціи Мирабо игралъ столь важную роль, что необходимо нѣсколько подробнѣе познакомиться съ біографіей этой замѣчательной личности. Въ болѣе подробномъ изложеніи его жизнеописаніе можетъ даже казаться своего рода романомъ приключеній.

Старый дворянскій родъ Мирабо носилъ это имя по одному замку, фамильное же его имя было Рикетти (итальянскаго происхожденія). Отецъ того Мирабо, о которомъ идетъ рѣчь, былъ человѣкъ недюжинный, хотя и болѣе чѣмъ странный. Завзятый аристократъ, раздѣлявшій многія преданія и предразсудки своей касты, онъ въ то же время думалъ о возможности сдѣлать счастливыми всѣхъ людей, искалъ знакомства съ писателями и самъ писалъ, причемъ одно изъ своихъ сочиненій озаглавилъ „Другъ людей“. Въ своихъ сочиненіяхъ середины XVIII вѣка онъ писалъ противъ интендантовъ, писалъ о необходимости провинціальныхъ штатовъ съ двойнымъ представительствомъ третьяго сословія и съ поголовнымъ голосованіемъ, писалъ противъ крупныхъ состояній, играющихъ роль щукъ въ пруду, противъ „идіотовъ, увѣряющихъ, что народу не должно житься хорошо“, и т. п. Его идеи обратили на себя вниманіе. Въ частности, имъ заинтересовался основатель школы физіократовъ Кенэ, и самъ „другъ людей“, какъ прозвали Мирабо-отца, сдѣлался физіократомъ. Въ духѣ идей этой школы онъ написалъ „Теорію налоговъ“, за которую былъ посаженъ въ Венсенскій замокъ близъ Парижа и высланъ изъ столицы, чѣмъ очень гордился, проникшись глубокою ненавистью ко двору.

Мирабо-сынъ родился въ 1749 г., и, значитъ, въ годъ революціи ему исполнилось сорокъ лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ изуродованъ оспой, по поводу чего отецъ писалъ своему брату, что его племянникъ безобразенъ, какъ чортъ. Отецъ, по натурѣ своей человѣкъ взбалмошный, то восторгался спо-

собностями сына, то находилъ, что у „этого индивидуума" нѣтъ ни малѣйшаго признака знаменитой „расы" Мирабо. „Другъ людей" въ семейной жизни былъ самодуръ, сынъ оказался непокорнымъ. Отецъ очень заботился объ образованіи будущаго представителя своего рода и особенно хлопоталъ, чтобы сынъ изучилъ физіократическую систему Кенэ. Сначала онъ отдалъ его въ военную службу, но юному Мирабо съ его необузданнымъ нравомъ пришлось плохо отъ военной дисциплины, и скоро, проигравшись въ карты и соблазнивъ одну дѣвушку, онъ бѣжалъ изъ полка. Дезертира посадили въ крѣпость, но комендантъ пожелалъ отдѣлаться отъ безпокойнаго узника: тогда его перевели въ другой полкъ, который былъ посланъ усмирять возстаніе въ Корсикѣ. Здѣсь юноша отличился храбростью, но пробылъ недолго: вернувшись во Францію, онъ временно поселился у одного своего дяди, отзывавшагося тогда о немъ такъ: „если онъ не сдѣлается хуже Нерона, то будетъ лучше Марка Аврелія". Дядя пророчилъ даже, что изъ него выйдетъ „или самый великій зубоскалъ въ мірѣ, или самый крупный человѣкъ въ Европѣ, чтобы сдѣлаться папой, министромъ, полководцемъ, канцлеромъ, а можетъ-быть, и сельскимъ хозяиномъ". Отецъ сталъ даже пріучать сына къ сельскому хозяйству и физіократическому управленію „вассалами" (т.-е. крестьянами) въ своихъ имѣніяхъ. 23 лѣтъ молодой графъ (титулъ сына) женился на богатой наслѣдницѣ и началъ разыгрывать роль важнаго барина, соря деньгами и задолжавъ въ пятнадцать мѣсяцевъ 200 тысячъ ливровъ ростовщикамъ и поставщикамъ. Вмѣсто того, чтобы расплатиться съ кредиторами сына, на что и денегъ не хватило бы, отецъ выхлопоталъ повелѣніе, благодаря которому молодой графъ попадалъ, какъ тогда говорили, „подъ королевскую руку", т.-е. освобождался отъ преслѣдованія кредиторовъ, будучи посаженъ въ одинъ замокъ. Отсюда плѣнникъ иногда отлучался, и однажды, покинувъ мѣсто ссылки по поводу измѣны своей жены, заѣхалъ къ своей сестрѣ, у которой жестоко исколотилъ одного ея гостя, обвинявшаго потомъ молодого графа въ покушеніи на убійство. Отецъ снова спасъ сына отъ судебнаго преслѣдованія, выхлопотавъ приказъ объ арестѣ (летръ-де-каше). Комендантъ крѣпости, куда посадили Мирабо, позволялъ ему отлучаться въ сосѣдній городъ, гдѣ онъ скоро сдѣлался душою общества и сошелся съ Софьей Монье, молодой женой стараго мужа. Нарушивъ честное слово, данное коменданту, Мирабо бѣжалъ, а съ нимъ и Софья Монье, прихвативши денегъ изъ шкатулки обманутаго мужа. Они скрылись въ Амстердамѣ, гдѣ

имъ пришлось страшно бѣдствовать. Нуждаясь въ средствахъ къ существованію, бѣглецъ познакомился съ нѣсколькими издателями и книгопродавцами и сталъ на нихъ работать, скрывая свое авторство подъ чужими именами. Бѣглецовъ скоро выслѣдили, арестовали и выдали французскому правительству. Мирабо засадили въ Венсенскій замокъ, гдѣ онъ провелъ около четырехъ лѣтъ (съ мая 1777 по 1780 г.).

Когда его выпустили изъ заключенія, онъ сталъ вести прежнюю бурную жизнь. Въ это время онъ началъ бракоразводный процессъ съ женою, въ которомъ впервые проявилъ замѣчательныя способности оратора, потомъ уѣзжалъ съ нѣкоей г-жой Нера въ Англію, гдѣ присмотрѣлся къ дѣйствію политической свободы, и былъ одно время агентомъ министра Калонна по части писанія брошюръ о финансахъ. Разссорившись съ нимъ и написавъ ему грубое, но мѣткое письмо, Мирабо очутился въ Берлинѣ, гдѣ, между прочимъ, видѣлся съ Фридрихомъ II. Узнавъ о созывѣ нотаблей Калонномъ, онъ поспѣшилъ во Францію съ предложеніемъ своихъ услугъ правительству, которое ихъ, однако, отвергло.

Въ то время Мирабо былъ уже человѣкомъ весьма извѣстнымъ по тѣмъ брошюрамъ, памфлетамъ и книгамъ, которыхъ немало онъ успѣлъ написать по разнымъ вопросамъ, интересовавшимъ тогда общество. Онъ написалъ „Опытъ о деспотизмѣ“, гдѣ страстно напалъ на современный ему политическій бытъ Франціи. Въ Голландіи онъ продалъ эту рукопись книгопродавцу, напечатавшему ее и извлекшему изъ нея хорошіе барыши, и вотъ Мирабо сразу сталъ получать заказы на предисловія, памфлеты, брошюры, статьи и т. п. Когда онъ узналъ, что ландграфъ гессенскій продалъ Англіи солдатъ для войны въ Америкѣ, онъ написалъ страстный памфлетъ, гдѣ говорилъ: „Вы проданы и для какой цѣли, боги справедливости!.. Чтобы напасть на народъ, подающій столь благородный примѣръ. Да зачѣмъ вы сами ему не подражаете? Люди существовали раньше государей... Не забывайте, что всѣ не были созданы для одного, что тому, кто приказываетъ совершить преступленіе, не слѣдуетъ повиноваться, и что ваша совѣсть должна быть главнымъ вашимъ начальствомъ“. Въ Венсенскомъ замкѣ Мирабо продолжалъ свои литературныя занятія и, между прочимъ, написалъ знаменитыя „Письма къ Софьѣ“, имѣющія большой интересъ для опредѣленія общаго міросозерцанія его. Здѣсь именно были составлены еще „Исторія Филиппа II“, „Опытъ о вѣротерпимости“, мемуаръ о произвольныхъ арестахъ, служившій продолженіемъ „Опыта о деспотизмѣ“, и др. По выходѣ изъ

замка Мирабо продолжалъ издавать брошюры по разнымъ вопросамъ текущей политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, смѣло давая совѣты государямъ и республикамъ, министрамъ и народамъ въ дѣлахъ управленія и финансовъ, войны и торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Подчасъ ему приходилось при этомъ лишь исполнять заказы и порученія отъ сильныхъ міра, обратившихъ вниманіе на его публицистическій талантъ, и онъ иногда выдавалъ ихъ тайны, какъ это было, напримѣръ, когда онъ издалъ свои секретныя донесенія изъ Пруссіи. Въ сотрудничествѣ съ онѣмеченнымъ французомъ Мовильономъ Мирабо написалъ большую книгу „О прусской монархіи“, изданную въ 1788 г. Говоря о смерти Фридриха II, онъ замѣчаетъ, что его царствованіе утомило всѣхъ до ненависти. Мирабо высказываетъ здѣсь и весьма рѣзкія мнѣнія о его системѣ. Однимъ изъ величайшихъ золъ, удручающихъ человѣчество, онъ объявляетъ убійственную болѣзнь „желанія всѣмъ управлять“,— болѣзнь, происходящую отъ забвенія, что частныя лица лучше всего могутъ дѣлать собственныя дѣла. Для доказательства этой мысли онъ и предпринялъ изслѣдованіе о „монархіи, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая, была подчинена абсолютнѣйшему правленію, только тѣмъ и занимавшемуся, что за всѣмъ наблюдало, все регламентировало, предписывало, приказывало“. Онъ называетъ зыбкою ту основу, на которой Фридрихъ II основалъ свое могущество, но которую можетъ снести одна буря. „Прусская монархія устроена такимъ образомъ, что не выдержитъ ни одного бѣдствія. При всемъ искусствѣ покойнаго короля, эта сложная машина не можетъ быть долговѣчной. Напрасно Фридрихъ II лѣчилъ свое государство палліативами: ему нужно лѣченіе радикальное“. Трудъ о прусской монархіи сразу высоко поднялъ репутацію Мирабо, какъ политическаго писателя, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ для него было очень важно. Объявленіе о созваніи генеральныхъ штатовъ также заставило будущаго трибуна взяться за перо и изложить свои взгляды на потребности минуты.

Мирабо былъ невысокаго мнѣнія о Неккерѣ, какъ о человѣкѣ, у котораго нѣтъ „ни такого таланта, какой былъ нуженъ при данныхъ обстоятельствахъ, ни гражданскаго мужества, ни истинно-либеральныхъ принциповъ“. Стремясь самъ попасть въ генеральные штаты и предлагая свои услуги правительству, Мирабо въ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ Монморену спрашивалъ его, готовится ли министерство къ тому, чтобы дѣйствовать на генеральные штаты, заботится

ли оно о средствахъ, при помощи которыхъ оно могло бы не бояться ихъ контроля и могло бы, наоборотъ, разсчитывать на ихъ содѣйствіе, и есть ли, наконецъ, у него „твердый и прочный планъ, который представителямъ націи оставалось бы только утвердить“. „Да, — продолжалъ Мирабо, — такой планъ у меня есть. Онъ заключается въ конституціи, которая могла бы насъ спасти отъ заговоровъ аристократіи, отъ крайностей демократіи и отъ глубокой анархіи, въ которую вмѣстѣ съ нами попала власть, желавшая быть абсолютною“. Монморенъ не обратилъ вниманія на предложеніе Мирабо помочь правительству своими совѣтами. Не одинъ Мирабо думалъ такъ. Около того же времени Малуэ, также одинъ изъ дѣятелей начинавшейся революціи, говорилъ самому Неккеру: „не нужно ожидать, чтобы генеральные штаты стали у васъ требовать или вамъ приказывать; нужно поспѣшить съ предложеніемъ имъ всего, что только можетъ быть предметомъ желаній благомыслящихъ людей въ разумныхъ границахъ какъ власти, такъ и національныхъ правъ“.

ГЛАВА VIII.

Выборы и наказы 1789 года.

Правительство созывало представителей трехъ сословій Франціи, но у него не было для предложенія имъ никакой программы, никакого плана. Неккеръ, дѣйствительно, оказался не на высотѣ положенія. Центральная власть отказывалась тѣмъ самымъ отъ руководительства дѣлами, и голосъ теперь былъ исключительно за націей, въ которой знали, чего хотѣли, хотя не всѣ хотѣли одного и того же и не всегда давали себѣ отчетъ о путяхъ, способахъ и средствахъ достиженія своихъ цѣлей, да и самыя цѣли понимали нерѣдко довольно-таки неопредѣленно.

Въ этой главѣ мы остановимся на главномъ дѣлѣ весны 1789 года, на выборахъ въ генеральные штаты и на тѣхъ пожеланіяхъ, которыя избиратели высказывали въ своихъ „тетрадяхъ жалобъ“, по-французски „кайе-де-долеансъ“ (cahiers de doléances), какими по старому обычаю снабжались депутаты отъ своихъ избирателей. У насъ принято переводить французскій терминъ „кайе“ словомъ „наказъ“, хотя иногда его оставляютъ и не переведеннымъ. По наказамъ еще лучше можно судить о настроеніи французской націи въ 1789 году, чѣмъ по брошюрамъ.

Только-что было указано на отсутствіе у правительства въ 1789 году опредѣленнаго плана, съ которымъ оно высту-

пило бы передъ государственными чинами. Все дѣло реформы зависѣло отъ состава штатовъ и способа подачи голосовъ, но въ этомъ важномъ вопросѣ правительство оказалось непослѣдовательнымъ и нерѣшительнымъ. Правда, Неккеръ добился, чтобы въ будущихъ штатахъ у третьяго сословія было столько же представителей, сколько у привилегированныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Онъ созвалъ вторично нотаблей для утвержденія этого распоряженія, и когда они отвергли такое „удвоеніе третьяго сословія“, то провелъ эту мѣру черезъ королевскій совѣтъ. Удвоеніе, однако, могло имѣть дѣйствительный смыслъ лишь подъ условіемъ, какъ мы видѣли, поголовной подачи голосовъ, а не рѣшенія дѣлъ въ каждомъ сословіи отдѣльно, но Неккеръ своею всегдашнею половинчатостью не сдѣлалъ логическаго вывода изъ своего принципа. За поголовную подачу голосовъ высказывалось все, что̀ желало дѣйствительнаго обновленія Франціи, за посословное голосованіе — привилегированные и вмѣстѣ съ ними парламенты, вдругъ утратившіе поэтому свою популярность, какъ сторонники привилегій и архаической формы генеральныхъ штатовъ. Правительству нужно было рѣшительно высказаться по этому вопросу, но оно колебалось, колебалось даже тогда, когда, какъ мы увидимъ, генеральные штаты были уже въ сборѣ. Такъ было и во всемъ остальномъ, т.-е. Неккеръ не проявилъ ни малѣйшей иниціативы. Его намѣренія были самыя похвальныя, но въ его поведеніи, дѣйствительно, не обнаруживалось того, что̀ требовалось серьезностью, и вмѣсто того, чтобы направлять движеніе, Неккеръ предоставилъ его на произволъ всѣхъ случайностей. У популярнаго министра было много доброй воли: избирательныя права были весьма широко распространены почти на все населеніе, и во время выборовъ не было ни офиціальныхъ кандидатуръ ни административнаго давленія на избирателей.

Правительство не только рѣшило дать третьему сословію двойное представительство, такъ какъ „его дѣло связано съ благородными стремленіями и будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе“, но и постановило, чтобы сельскіе священники приняли самое широкое участіе въ избирательныхъ собраніяхъ духовенства, потому что „эти хорошіе и полезные пастыри лучше всего знають народныя нужды, находясь въ самыхъ тѣсныхъ и постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ народомъ“. Королевскій регламентъ 24 января 1789 г., созывая на 27 апрѣля генеральные штаты, указывалъ ихъ цѣль въ „установленіи постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія, касающихся счастья подданныхъ и благо-

состоянія королевства, и въ наискорѣйшемъ, по возможности, уврачеваніи болѣзней государства и уничтоженіи всякихъ злоупотребленій". Вмѣстѣ съ тѣмъ король выражалъ желаніе, чтобы „и на крайнихъ предѣлахъ его королевства и въ наименѣе извѣстныхъ селеніяхъ за каждымъ была обезпечена возможность довести до его свѣдѣнія свои желанія и свои жалобы". Поэтому избирательное право дано было всѣмъ французамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста, имѣвшимъ постоянную осѣдлость и занесеннымъ въ списки налоговъ; послѣднее ограниченіе исключало изъ избирательнаго права наиболѣе бѣдныхъ гражданъ. Выборы были не прямые, а двухстепенные (и даже иногда трехстепенные), т.-е. выбирались депутаты не самимъ населеніемъ, а выбранными имъ уполномоченными (выборщиками), а тѣ желанія, которыя высказывались въ наказахъ отъ самихъ избирателей, потомъ сводились въ наказы уже отъ цѣлыхъ большихъ округовъ. Только привилегированные непосредственно посылали депутатовъ въ генеральные штаты. Въ составленіи крестьянскихъ наказовъ играли большую роль демократически настроенные сельскіе священники, адвокаты и законовѣды, популяризировавшіе среди деревенскаго населенія идеи политическихъ брошюръ; часто на этой почвѣ возникали прямо-таки разныя легенды о желаніяхъ „лучшаго изъ королей". Неккеру доносили объ этой пропагандѣ, какъ о чемъ-то въ высшей степени опасномъ, но онъ оставался вѣренъ принципу свободы, съ какою правительство предоставляло всѣмъ классамъ выразить свои нужды и желанія.

При распредѣленіи избирательныхъ округовъ, каковыми были приняты, по средневѣковому дѣленію Франціи, судебные бальяжи на сѣверѣ и сенешальства на югѣ, обнаружился курьезъ. Въ центрѣ государства хорошенько не знали, какія мѣстности отъ какихъ бальяжей и сенешальствъ зависятъ, что только характеризуетъ, какая путаница царила въ управленіи.

Если, далѣе, центральная власть рѣшила не вмѣшиваться въ выборы и въ составленіе наказовъ, то иначе смотрѣли на дѣло мѣстныя власти. Для интендантовъ, привыкшихъ къ большой самостоятельности, желаніе министра не всегда было указомъ, а еще менѣе могли считаться съ нимъ судебныя власти, въ руки которыхъ было передано все производство выборовъ. Въ подробностяхъ регламента о выборахъ было много противорѣчиваго, неяснаго, и это дѣлало возможнымъ широкое толкованіе регламента въ ту или другую сторону. Далеко не всѣ судейскіе раздѣляли мысль Неккера о необхо-

димости полной свободы выборовъ. Были такіе, которые хотѣли „руководить“, вмѣшивались, производили давленіе и даже вводили жандармерію въ помѣщенія, гдѣ происходили совѣщанія избирателей. Предсѣдателями во время избирательной кампаніи были судейскіе, а они иногда вліяли на выборъ комиссаровъ, которые должны были составлять наказы; а случалось еще и такъ, что и сами ихъ назначали. Бывало, наконецъ, что предсѣдатель являлся въ засѣданіе комиссаровъ и начиналъ ими руководить. Такихъ фактовъ извѣстно достаточное количество. Есть также указанія на то, что предсѣдатели собраній всякими правдами и неправдами проводили себя въ депутаты. Конечно, далеко не всѣ собранія вели себя пассивно, и мѣстами шла очень горячая борьба.

Нужно, однако, прибавить, что судейскіе, которые всегда были не въ ладахъ съ администраціей и полиціей, часто во время выборовъ приходили въ столкновеніе съ ними и находили сочувствіе и поддержку въ населеніи. Ненависть разныхъ сословій къ администраціи очень ярко прорывалась во время выборовъ, хотя нѣкоторые ея члены все-таки попадали и въ выборщики и въ депутаты. Не нужно забывать и того, что судейскіе стояли въ тѣсной связи съ парламентами, а это были, прежде всего, судебныя палаты, ненавидѣвшія произвольную власть, протестовавшія противъ „министерскаго деспотизма“ и настаивавшія на уваженіи къ личной свободѣ.

Особенно, конечно, постороннее воздѣйствіе возможно было въ деревняхъ. Здѣсь выборы происходили и наказы писались по приходамъ, въ приходскихъ же собраніяхъ предсѣдательствовали низшіе судьи. Мы знаемъ изъ главы III, что эти судьи назначались мѣстными помѣщиками-дворянами, сеньёрами, и находились въ зависимости отъ нихъ, почему и не могли быть безпристрастными. Для крестьянъ первымъ желаніемъ было сбросить иго феодальныхъ, или сеньёрьяльныхъ повинностей, а низшимъ судьямъ хотѣлось ихъ сохранить, и во всякомъ случаѣ они часто мѣшали свободному проявленію крестьянскихъ желаній. Такъ какъ, впрочемъ, судей не хватало на предсѣдательство во всѣхъ приходахъ, то ихъ пришлось замѣнять другими должностными лицами: нотаріусами, синдиками (старостами) и т. п., которые были, хотя и не всегда, менѣе зависимы отъ помѣщиковъ. Сами сеньёры лишь въ очень рѣдкихъ по своей исключительности случаяхъ вмѣшивались въ сельскіе выборы. Вообще удобную для давленія на свободу выборовъ почву составляла и открытая подача голосовъ.

Предвыборная агитація не получила такого развитія въ

деревняхъ, какъ въ городахъ. Крестьяне плохо разбирались въ томъ, что такое генеральные штаты, а иные боялись, какъ бы только изъ всего этого не выросло новыхъ поборовъ. Нужно отмѣтить, что первичныя собранія весною 1789 г. прошли тихо и смирно, безъ какихъ-либо нарушеній порядка, хотя разныя волненія изъ-за недостатка хлѣба или по случаю неудовольствія феодальными правами, начавшіяся раньше, не прекращались и въ это время.

Какъ-никакъ, приходскія собранія вырабатывали наказы, которые имѣли существенное содержаніе. Иногда, можетъ-быть, прямо списывался наказъ, сочиненный авторомъ какой-либо брошюры, но въ другихъ случаяхъ онъ составлялся на мѣстѣ. Въ деревняхъ не было недостатка въ радѣтеляхъ народнаго блага, помогавшихъ крестьянамъ. Бывали таковые среди самихъ высшихъ и низшихъ судей, проникшихся новыми либеральными идеями или по непосредственному влеченію къ справедливости. Особенно часто крестьянскими защитниками являлись сельскіе священники, сами въ большомъ количествѣ выходившіе изъ крестьянской среды, бѣдные и приниженные передъ высшимъ духовенствомъ, состоявшимъ изъ членовъ аристократическихъ семей, и нерѣдко начитавшіеся, вдобавокъ, демократическихъ брошюръ. Они участвовали въ предвыборной агитаціи, помогали крестьянамъ своими совѣтами, участвовали въ составленіи наказовъ. Изъ этой среды выходили даже нѣкоторые демагоги. Вліяніе сельскаго духовенства на народныя массы было такъ сильно, что его очень охотно желали видѣть на своей сторонѣ и дворяне и буржуазія. Выборы духовенства и дворянства были прямые, т.-е. въ каждомъ бальяжѣ или сенешальствѣ оба сословія выбирали прямо своихъ депутатовъ и снабжали ихъ наказомъ. Въ третьемъ сословіи дѣло было сложнѣе. Первичныя собранія въ деревняхъ, по одному въ каждомъ приходѣ, выбирали только выборщиковъ, которые потомъ вмѣстѣ съ выборщиками изъ горожанъ выбирали въ главныхъ городахъ бальяжей и сенешальствъ депутатовъ. Въ городахъ выборы происходили по приходамъ же, а Парижъ былъ съ этою цѣлью раздѣленъ на 60 дистриктовъ, въ которыхъ и происходили первичные выборы. Кромѣ того, отдѣльные цехи тоже участвовали въ выборахъ. Вездѣ въ приходскихъ или цеховыхъ собраніяхъ вырабатывались свои наказы, изъ которыхъ составлялся одинъ наказъ отъ всего города. Равнымъ образомъ, составлялись и сводные наказы отъ цѣлыхъ бальяжей и сенешальствъ. Бывали, наконецъ, случаи совмѣстнаго выступленія всѣхъ трехъ сословій.

Всѣхъ депутатовъ должно было быть выбрано 1.200, т.-е. по триста привилегированныхъ и шестьсотъ отъ третьяго сословія, но выбрано ихъ было нѣсколько меньше. Среди духовенства преобладали приходскіе священники; ихъ было болѣе двухсотъ, и между ними было много настроенныхъ демократически. Среди депутатовъ третьяго сословія болѣе трети (тоже 200 съ лишнимъ) было адвокатовъ. Въ числѣ этихъ депутатовъ отъ третьяго сословія было десятка полтора духовныхъ и дворянъ, между первыми аббатъ Сьейесъ, выбранный въ Парижѣ, и Мирабо, посланный городомъ Эксъ въ Провансѣ.

Въ составъ генеральныхъ штатовъ вошелъ весь цвѣтъ тогдашней аристократической и демократической Франціи.

Я не буду называть всѣхъ членовъ, прославившихся въ событіяхъ 1789 — 1791 годовъ: ихъ имена будутъ названы въ надлежащихъ мѣстахъ, но для тѣхъ лицъ, о которыхъ уже говорилось выше, можно сдѣлать исключеніе.

Выше уже назывался герцогъ Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій. Въ 1787 году онъ дѣятельно участвовалъ въ парламентской оппозиціи противъ правительства, ибо принцы крови по праву рожденія были членами парламента, а самъ герцогъ уже давно былъ въ ссорѣ съ дворомъ. Король даже хотѣлъ его арестовать, но ограничился ссылкою его въ одно изъ принадлежавшихъ ему помѣстій. Когда герцогу позволили вернуться, онъ участвовалъ во второмъ собраніи нотаблей, какъ первый принцъ крови. Въ народѣ онъ снискалъ большую популярность, и его выбрали въ генеральные штаты въ трехъ мѣстахъ (между прочимъ, и въ Парижѣ). Въ самомъ собраніи штатовъ онъ сразу примкнулъ къ третьему сословію.

Выбранъ былъ въ генеральные штаты и маркизъ Лафайетъ, герой американской революціи, членъ собраній нотаблей 1787 и 1788 годовъ, одинъ изъ первыхъ заговорившій публично о генеральныхъ штатахъ, въ которыхъ онъ также сразу перешелъ на сторону третьяго сословія. Выбрало его дворянство его родной провинціи Оверни.

О томъ, что въ генеральные штаты попалъ, будучи выбранъ третьимъ сословіемъ Парижа, и аббатъ Сьейесъ, уже было упомянуто; какъ мы увидимъ, здѣсь онъ проявилъ себя особеннымъ сторонникомъ третьяго сословія.

Мимоходомъ названъ былъ нами еще Мунье, котораго выбрали въ городѣ Гренлблѣ (въ Дофинэ), гдѣ онъ игралъ большую роль въ общественномъ движеніи и особенно прославился своею агитаціей въ пользу поголовнаго голосованія, т.-е. на той же почвѣ, что и Сьейесъ.

Наконецъ, выбранъ былъ въ генеральные штаты и Мирабо. Ему въ первые два года революціи пришлось играть такую выдающуюся роль, что умѣстно будетъ нѣсколько распространиться о его политическомъ поведеніи во время выборовъ. Выше мы уже видѣли, что въ это время онъ писалъ брошюру за брошюрой и что вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ свои услуги правительству, заявляя, что у него есть свой планъ, какъ вывести Францію на новую дорогу. Репутація у Мирабо была незавидная, и его предложеніе было отвергнуто.

Послѣ этого онъ выставилъ свою кандидатуру въ Эльзасѣ, но тамошнее дворянство ее отвергло, и онъ направился въ родной Провансъ. Здѣсь онъ также попробовалъ сначала счастья у дворянства, но оно о немъ тоже слышать не хотѣло: между нимъ и провансальской знатью съ самаго же начала обнаружилась цѣлая пропасть во взглядахъ и стремленіяхъ. Зато своими рѣчами и брошюрами онъ достигъ большой популярности среди городского населенія провинціи и потому былъ выбранъ третьимъ сословіемъ сразу въ двухъ городахъ: въ Марселѣ и въ Эксѣ. Приходилось выбирать между ними, и Мирабо выбралъ Эксъ. Такимъ образомъ, отвергнутый правительствомъ, которому онъ пытался давать совѣты, отвергнутый дворянствомъ, которому онъ также стремился внушить свои идеи, онъ сдѣлался народнымъ трибуномъ, какъ самъ онъ выразился о себѣ. Уже раньше Мирабо въ своихъ письмахъ и брошюрахъ указывалъ на необходимость реформъ, торжественное обѣщаніе которыхъ, по его мнѣнію, немедленно бы успокоило народъ, и только боялся, что правительство „сегодня не дастъ добровольно того, что̀ завтра у него исторгнутъ силою“. Реформы, говорилъ онъ и теперь, должны были быть обширны и радикальны, и онъ опасался, что это дѣло будетъ проводиться насильственной революціей, которая можетъ попятить общество назадъ. Главное препятствіе къ реформамъ Мирабо видѣлъ въ томъ, что̀ называлъ „страшною болѣзнью старой власти—никогда не дѣлать никакихъ уступокъ, какъ бы въ ожиданіи, чтобы у нея исторгли силою то, что̀ она добровольно должна была бы дать“, — видѣлъ это препятствіе и въ оппозиціи привилегированныхъ. Оправдывая себя въ томъ, что не написалъ ни единой строки въ защиту парламентовъ, когда ихъ оппозиція была еще популярна, онъ прибавлялъ, что между королемъ и парламентомъ есть еще маленькая партія, которая носитъ названіе народа и къ которой должны принадлежать всѣ порядочные люди. Отвергнутый своимъ сословіемъ въ Про-

вансѣ, онъ напалъ на аристократію, которая, какъ писалъ онъ тогда, „во всѣхъ странахъ и во всѣ времена неумолимо преслѣдовала друзей народа. Если,—продолжалъ онъ,—не знаю по какимъ случайностямъ судьбы, въ средѣ аристократовъ являлся другъ народа, его-то главнымъ образомъ они и старались поразить, съ яростью пытаясь навести страхъ на другихъ выборомъ своей жертвы. Такъ погибъ послѣдній Гракхъ отъ руки патриціевъ. Но, уже пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, взывая къ богамъ-мстителямъ, и изъ этой пыли возникъ Марій, тотъ Марій, который былъ великъ не тѣмъ, что истребилъ кимвровъ, а тѣмъ, что низвергъ въ Римѣ аристократію знати". И, обращаясь къ третьему сословію Прованса, Мирабо призывалъ его къ единодушію и къ твердости, обѣщая самъ пойти противъ всей вселенной, если бы ему пришлось поддерживать его своимъ голосомъ и своими трудами въ собраніи націи. „Я былъ,—восклицалъ онъ,—есть и буду человѣкомъ общественной свободы! Привилегіямъ придетъ конецъ, но народъ вѣченъ!" Чѣмъ болѣе приближался переворотъ, тѣмъ все съ большею тревогою ожидалъ Мирабо его исхода, опасаясь за свободу, которой прежде всего страстно хотѣлъ, и плохо довѣряя самой націи. Въ декабрѣ 1789 г. онъ писалъ, напримѣръ, своему германскому другу Мовильону: „Если вы (т.-е. нѣмцы) и опередили насъ, быть-можетъ, въ просвѣщеніи, то вы менѣе созрѣли, чѣмъ мы, хотя и мы вѣдь никогда еще не были зрѣлыми. Вы незрѣлы, говорю я, потому что у васъ волнуются только головы, а онѣ съ незапамятнаго времени привыкли къ рабству. Поэтому взрывъ у васъ произойдетъ позже, чѣмъ у націи, способной въ теченіе четверти часа проявить и героизмъ свободы и самое глубокое рабство". Судьба политической свободы интересовала Мирабо болѣе всего: недаромъ, когда ему стали говорить объ „его отечествѣ", онъ возразилъ, что „отечества не бываетъ въ странѣ рабовъ". Уже въ 1789 г. Мирабо какъ бы предчувствовалъ, что у французовъ старыя привычки могутъ взять верхъ надъ новыми стремленіями.

Выбранные въ генеральные штаты депутаты привезли съ собою наказы своихъ избирателей. Эти документы отъ самыхъ маленькихъ, какіе составлялись въ сельскихъ приходахъ, до самыхъ большихъ, въ родѣ парижскаго наказа, равнаго по объему цѣлой книгѣ, представляютъ собою очень цѣнный историческій памятникъ Франціи 1789 года, важный для историковъ источникъ для познанія того, что̀ думали, чего хотѣли и къ чему стремились французы разныхъ мѣст-

ностей и разныхъ классовъ: духовенство, дворянство, буржуазія, цеховые ремесленники, крестьяне, люди свободныхъ профессій. Наказовъ составлено было около трехъ десятковъ тысячъ, множество ихъ сохранилось въ архивахъ и теперь издается для ученыхъ работъ историковъ. Читая эти документы и разбираясь въ ихъ содержаніи, принимая въ расчетъ степень ихъ соотвѣтствія съ тѣмъ, что̀ дѣйствительно думали, чего хотѣли, къ чему стремились французы разныхъ званій и состояній, мы можемъ сказать, что громадное, подавляющее ихъ большинство желало полной перестройки всего государственнаго строя и общественнаго быта, но въ то же время совершенно мирнаго развитія, безъ всякихъ потрясеній и насилія, путемъ исключительно законодательной дѣятельности королевскаго правительства съ представителями націи.

Выше уже было сказано, что, созывая генеральные штаты, правительство не отдавало себѣ яснаго отчета, что̀ же будетъ оно съ ними дѣлать. Оно какъ бы хотѣло только выпутаться изъ затруднительнаго положенія, главнымъ образомъ финансоваго, и далѣе этого, повидимому, не шло и потому не имѣло общей программы реформъ. Конечно, и крестьянской массѣ былъ чуждъ политическій вопросъ, который вытекалъ изъ созыва генеральныхъ штатовъ: чѣмъ будетъ это собраніе въ политическомъ отношеніи? Наоборотъ, духовенство, дворянство и буржуазія понимали, что этотъ вопросъ имѣетъ первостепенное значеніе, и вездѣ подчинялись мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя казались имъ наиболѣе свѣдущими въ его рѣшеніи. Самый вліятельный въ то время классъ французскаго общества весьма рѣзко высказался всюду въ смыслѣ полнаго осужденія неограниченной королевской власти, причемъ она подверглась осужденію съ обѣихъ сторонъ — и со стороны привилегированныхъ и со стороны буржуазіи, одинаково выражавшихъ желаніе, чтобы монархія во Франціи была ограниченная. Цѣль созванія генеральныхъ штатовъ въ наказахъ опредѣлялась словами: „возродить націю“, „возстановить Францію“, „обрѣсти снова полноту естественныхъ правъ“, утвердить „священный и національный договоръ короля и націи“, чаще же всего указывалось, что Франція должна была „возстановить“, „упрочить“, „получить“ свою конституцію, и послѣднее слово употреблялось или въ старомъ смыслѣ вообще какого-нибудь государственнаго устройства, или въ новомъ, какое оно утвердило за собою главнымъ образомъ позднѣе, въ XIX вѣкѣ. У привилегированныхъ и особенно у дворянъ часто въ наказахъ шла рѣчь о „возстановленіи конституціи“, т.-е. они думали, что цѣлью

генеральныхъ штатовъ должно было быть возвращеніе старымъ сословіямъ ихъ прежнихъ политическихъ правъ, возвращеніе къ старой сословной монархіи, какъ ее понимала теорія французскихъ парламентовъ, но у третьяго сословія преобладало стремленіе къ созданію новыхъ отношеній, дабы „уравновѣсить власть государя и права націи", чего можно было бы достигнуть путемъ раздѣленія властей, которое Монтескьё усматривалъ въ англійской конституціи.

Наказы высшихъ сословій и сводные наказы третьяго сословія большею частью совсѣмъ не возбуждали вопроса, кому будетъ принадлежать учредительная власть, т.-е. право дать Франціи учрежденія, и въ какомъ отношеніи будутъ находиться штаты къ королю. Одни изъ нихъ представляли собою просьбы къ королю и генеральнымъ штатамъ, другіе — къ королю, „засѣдающему" въ генеральныхъ штатахъ, а относительно реформъ въ наказахъ говорилось, что ихъ „испросятъ", „вотируютъ", что „будетъ постановлено"; или же говорилось о „содѣйствіи" штатовъ въ дѣлѣ реформы, о „согласіи" короля на то-то и на то-то и т. д. въ подобномъ, не вполнѣ опредѣленномъ родѣ. Весьма немногіе изъ тѣхъ наказовъ, которые высказывались точно и ясно, предоставляли учредительную власть одному королю, большинство же разсматривало право дать странѣ конституцію, какъ право, принадлежащее самой націи, хотя и тутъ послѣднюю одни наказы понимали такъ, другіе — иначе: или это была совокупность всѣхъ избирателей, или это были одни только депутаты, или же тѣ и другіе вмѣстѣ взятые, причемъ, однако, и одни депутаты должны были дѣйствовать не иначе, какъ по указанію избирателей, дающихъ имъ повелительныя полномочія (императивные мандаты) и лишающихъ ихъ власти, разъ данныя указанія не исполняются,—требованіе, особенно часто встрѣчающееся въ дворянскихъ наказахъ. Наконецъ, третья категорія наказовъ признаётъ учредительное право за самими генеральными штатами, которые разсматриваются въ нихъ, какъ олицетвореніе всей націи, какъ вся нація, собранная въ одномъ мѣстѣ, иначе говоря, какъ „національное собраніе",—названіе, довольно часто въ этихъ документахъ замѣняющее старое имя генеральныхъ штатовъ. Въ данномъ случаѣ примѣръ былъ еще прежде поданъ брошюрной прессой, которая къ старому сословному строю Франціи примѣняла понятіе націи въ новомъ смыслѣ, какой оно получило въ политической литературѣ XVIII в. Насколько, однако, рѣшенія націи будутъ обязательны для короля, этотъ вопросъ не ставился и не рѣшался съ достаточною ясностью

и опредѣленностью, потому что, напримѣръ, говорилось, что „будетъ санкціонировано“ или „утверждено“ то-то и то-то, возможность же отказа санкціонировать или утвердить при этомъ не предусматривалась. Зато, съ другой стороны, во многихъ наказахъ высказывалась мысль, что нѣтъ ничего выше генеральныхъ штатовъ, ибо они — вся нація въ сборѣ, а націи принадлежитъ верховная власть, т.-е. идея народовластія Руссо и Мабли уже играла видную роль въ политическихъ соображеніяхъ наказовъ.

Мало того, даже тѣ наказы, которые были составлены въ самыхъ смиренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ, рекомендовали депутатамъ производить на правительство давленіе, не соглашаться на налоги, пока не будетъ рѣшенъ политическій вопросъ; генеральные штаты созывались для вывода правительства изъ затруднительнаго финансоваго положенія, а штаты-то и не должны были помогать ему въ этомъ, пока не будутъ исполнены ихъ требованія. При этомъ генеральные штаты и впредь должны были собираться періодически, по нѣкоторымъ наказамъ въ опредѣленные сроки, безъ участія правительства, иные же наказы требовали непрерывныхъ штатовъ, иногда еще такъ, чтобы они не могли быть вообще распускаемы королемъ или могли быть распускаемы не иначе, какъ по собственному на то изволенію.

Сами штаты, предполагалось, опредѣлятъ свою организацію, а по вопросу о послѣдней наказы расходились: все зависѣло отъ того, какъ кто понималъ націю. Въ духовенствѣ, гдѣ существовалъ антагонизмъ между высшимъ и низшимъ его слоями, образовался расколъ: въ однихъ духовныхъ наказахъ воля націи понималась въ смыслѣ единодушія трехъ отдѣльныхъ сословій; въ другихъ требовалась поголовная подача голосовъ, хотя и съ нѣкоторыми предосторожностями; въ третьихъ рекомендовалось голосовать по сословіямъ, пока нація не прикажетъ иначе. Дворяне тверже стояли за сохраненіе сословнаго начала; многіе ихъ наказы требовали, чтобы депутаты въ случаѣ установленія поголовнаго голосованія протестовали и удалились изъ собранія. Третье сословіе, напротивъ, желало поголовнаго голосованія, но и тутъ высказывались разныя мнѣнія: одни наказы (и такихъ было большинство) не требовали слиянія сословій, желая лишь, чтобы третье сословіе имѣло двойное представительство и чтобы его депутаты были изъ его же среды, другіе же указывали еще на необходимость выдѣленія особаго крестьянскаго сословія; но были и такіе, хотя и въ маломъ числѣ, которые утверждали, что третье сословіе есть по существу

дѣла сама нація, и что голосованіе должно быть не только поголовное, но и совмѣстное. Каждый, такимъ образомъ, представлялъ себѣ по-своему конституцію, какую должна была имѣть Франція, по-своему понималъ, что такое нація и чѣмъ будутъ генеральные штаты, но всѣ одинаково переносили аттрибуты верховной власти съ короля на націю и, считая себя монархистами, высказывали нерѣдко, сами того не подозрѣвая, республиканскія идеи.

Будущая конституція рисовалась и привилегированнымъ и буржуазіи, какъ государственное устройство, въ которомъ главную роль станетъ играть „національное собраніе", сословное съ преобладаніемъ аристократіи — по однимъ, безсословное, демократическое—по другимъ, но въ обоихъ случаяхъ королевская власть представлялась, какъ нѣчто не только ограниченное въ своихъ правахъ, но и ослабленное. Вся политическая литература XVIII вѣка пріучила французское общество смотрѣть на абсолютную монархію Бурбоновъ, какъ на узурпацію; только для однихъ похищенными оказались старыя историческія права сословій, для другихъ—естественныя права націи, о которыхъ учила тогдашняя философія.

Теперь, когда болѣе развитая политическая жизнь пріучаетъ насъ къ опредѣленности лозунговъ политическихъ партій, мы не должны удивляться тому, что въ наказахъ 1789 года мало или даже совсѣмъ нѣтъ точныхъ представленій о томъ, какъ же должна была быть въ подробностяхъ организована власть въ будущемъ государственномъ строѣ Франціи. Для пониманія происхожденія революціи намъ достаточно знать, что въ 1789 году не было ни одного наказа, въ которомъ отстаивалось бы прежнее королевское самодержавіе, но въ то же время не было и ни одного наказа, который требовалъ бы введенія республики. Всѣ стояли на точкѣ зрѣнія монархіи, но только понимали ее различно, т.-е. одни думали, что это будетъ монархія сословная, о какой учили парламентскіе публицисты и Монтескьё, другіе стремились къ монархіи демократической въ духѣ Руссо, Мабли, д'Аржансона, хотя и не продумывали до конца, каковы же будутъ въ дѣйствительности взаимныя отношенія короля и народа. Политическихъ партій, какъ мы ихъ теперь понимаемъ, съ точно формулированными программами, съ стройной организаціей, съ внутренней дисциплиной, съ центральнымъ и мѣстными комитетами, со съѣздами, со своими органами печати, ничего подобнаго во Франціи 1789 года не было, а было только два большихъ лагеря: аристократическій и демократическій.

Такимъ образомъ, въ политическихъ заявленіяхъ наказовъ вырисовывается будущая борьба за власть, борьба между аристократіей и буржуазіей, между правомъ историческимъ и правомъ естественнымъ. Въ этой борьбѣ аристократія нашла поддержку въ королѣ, буржуазія—въ народѣ, который увидѣлъ въ побѣдѣ послѣдней обезпеченіе того, что вопросы, близко его касавшіеся, будутъ рѣшены въ желательномъ для него смыслѣ. Народную массу въ общемъ не интересовали, или очень мало, вопросы политическіе, сами по себѣ ей мало понятные, но она хотѣла добиться облегченія своей участи отъ гнета государственныхъ налоговъ, отъ феодальныхъ поборовъ, отъ церковной десятины и поддерживала буржуазію, у которой тоже было много общихъ съ народною массою интересовъ.

По вопросу о сословныхъ привилегіяхъ и о феодальныхъ правахъ наказы 1789 г. можно рѣзко раздѣлить на двѣ категоріи: духовенство и дворянство стремились сохранить и поддержать старый общественный строй, третье сословіе, напротивъ, требовало отмѣны аристократическихъ привилегій и сеньёріальныхъ правъ. Читая наказы привилегированныхъ, можно подумать, что представители стараго общественнаго строя понимали дѣятельность, предстоявшую генеральнымъ штатамъ, не только въ смыслѣ утвержденія всѣхъ привилегій, но иногда чуть не ихъ пріумноженія. Въ духовномъ сословіи еще замѣчается расколъ, потому что широкое участіе въ выборахъ и въ составленіи наказовъ, какое было дано приходскимъ священникамъ, имѣло результатомъ появленіе въ наказахъ духовенства требованій, направленныхъ противъ привилегій, но дворянство упорно отстаивало старину. Въ одномъ лишь отношеніи новыя идеи всетаки повліяли на привилегированныхъ: они отказывались отъ неплатежа налоговъ, соглашаясь съ тѣмъ, что всѣ равномѣрно должны нести на себѣ бремя государственныхъ повинностей. Стремясь пріобрѣсти политическія права, духовенство и дворянство дѣлали, по крайней мѣрѣ, эту уступку духу времени и очевидной необходимости измѣнить старую финансовую систему. Иногда между обоими привилегированными сословіями возникалъ антагонизмъ, и, напримѣръ, дворянство требовало отмѣны десятины, составлявшей доходъ церкви, духовенство—уничтоженія права охоты, которое было одной изъ привилегій дворянства.

Въ вопросѣ о феодальныхъ правахъ привилегированные были солидарны: въ своихъ наказахъ они высказывались за ихъ сохраненіе и иногда заранѣе протестовали противъ ихъ

отмѣны „во имя священныхъ правъ собственности“ и даже противъ какого-либо выкупа крестьянами лежавшихъ на нихъ повинностей. Многіе ихъ наказы заключали въ себѣ прямыя просьбы о сохраненіи права суда, права охоты, баналитетовъ и т. п., какъ духовенство, со своей стороны, отстаивало десятину. Требованія отмѣнить феодальныя права почти исключительно исходили отъ третьяго сословія. Нужно только оговориться, что по вопросу объ остаткахъ крѣпостного состоянія и привилегированные высказались въ либеральномъ смыслѣ, какъ о наслѣдіи варварскихъ временъ. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы феодальныхъ правъ соглашались на выкупъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, да и то на самыхъ тяжкихъ для населенія условіяхъ. Однако и наказы третьяго сословія въ этомъ вопросѣ не были однородны: въ тѣхъ, гдѣ преобладали взгляды горожанъ и сельской буржуазіи, нерѣдко бывшей заинтересованною въ сохраненіи феодальныхъ правъ, даже защищались интересы сеньёровъ и указывалось на то, что это вопросъ очень трудный, и что лучше его рѣшеніе отложить до болѣе благопріятнаго времени. Такіе случаи были, впрочемъ, исключительными, въ большинствѣ же наказовъ горожанъ, равно какъ и въ сводныхъ отъ всего третьяго сословія отдѣльныхъ бальяжей и сенешальствъ вмѣстѣ съ деревнями выражалось желаніе, чтобы феодальный режимъ былъ отмѣненъ. По вопросу о способѣ отмѣны очень многіе наказы заключали въ себѣ однородныя предложенія, которыя являлись возобновленіемъ плана Тюрго, а именно — отмѣнить безвозмездно все то, что вытекало изъ крѣпостныхъ отношеній, и подвергнуть выкупу всѣ права, происхожденіе которыхъ объяснялось уступкою сеньёрами земельныхъ участковъ крестьянамъ за чиншъ (оброкъ). Только немногіе наказы третьяго сословія не дѣлали никакого различія между разными категоріями феодальныхъ правъ и требовали безусловной даровой отмѣны всѣхъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Зато въ крестьянскихъ наказахъ такое требованіе встрѣчается, напротивъ, чаще съ такимъ доводомъ въ пользу этой мысли: сеньёры вознаграждены уже тѣмъ, что долго не платили налоговъ, а народъ, на которомъ лежала вся ихъ тяжесть, уже тѣмъ самымъ выкупилъ свою свободу отъ феодальныхъ повинностей.

Въ наказахъ 1789 года выразились не только жалобы и желанія самого крестьянскаго сословія, но и тѣ взгляды, какіе существовали въ другихъ классахъ общества на крестьянъ, на ихъ нужды, на ихъ права, на ихъ положеніе въ обществѣ. Изъ-за вліянія на крестьянскую массу во время выборовъ въ

генеральные штаты даже происходила довольно ожесточенная борьба между аристократіей и буржуазіей. Оба сословія стремились представить себя естественными союзниками и защитниками крестьянъ, но, разумѣется, болѣе искренними и болѣе близкими къ истинѣ въ этомъ дѣлѣ были горожане, а не сеньёры.

Наказы 1789 г., осуждавшіе старый порядокъ въ его самой характерной чертѣ — въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, вмѣстѣ съ тѣмъ заключали въ себѣ требованія, касавшіяся личной и общественной свободы. Религіозная нетерпимость, созданная отмѣною нантскаго эдикта, порицалась наказами, даже наказами духовенства, и выдвигался принципъ равноправности подданныхъ разныхъ исповѣданій. Гарантіи личной свободы занимали также видное мѣсто въ желаніяхъ образованныхъ классовъ: неприкосновенность личности и имущества, отмѣна произвольныхъ арестовъ и „летръ-де-каше", исключительныхъ судовъ, Бастиліи и другихъ подобныхъ тюремъ, ненарушимость тайны писемъ, свобода слова и свобода печати, изданіе деклараціи правъ,—вотъ требованія, которыя очень часто встрѣчаются въ наказахъ, а наказъ города Парижа предлагалъ, разрушивъ Бастилію, сдѣлать на ея мѣстѣ площадь и поставить колонну „Людовику XVI, возстановителю общественной свободы". Подобнаго рода требованія вполнѣ гармонируютъ съ желаніями, выражавшимися относительно конституціи, и въ дѣлѣ личной свободы образованные люди безъ различія сословій высказывали одни и тѣ же принципы. Въ числѣ требованій этой категоріи мы встрѣчаемся и съ заявленіями, имѣвшими въ виду свободу труда, свободу промышленныхъ предпріятій, свободу торговли, хотя и тутъ заинтересованные часто отстаивали старые регламенты, создававшіе разнаго рода привилегіи. Напримѣръ, многіе наказы требовали отмѣны цеховъ, тогда какъ другіе стояли за ихъ сохраненіе и даже за возстановленіе запрещенія обрабатывающей промышленности въ деревняхъ.

Кромѣ того, наказы 1789 г. заключали въ себѣ указанія на бывшія желательными реформы въ области администраціи, права и суда, финансовъ и т. п. Идея мѣстнаго самоуправленія была очень популярна въ наказахъ разныхъ сословій, хотя въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о конституціи, она представлялась или въ старой сословной формѣ провинціальныхъ штатовъ, за которую держалась аристократія, или въ новой формѣ введенныхъ въ 1787 году провинціальныхъ собраній, болѣе благопріятной для народа. Этимъ одинаково осуждался старый интендантскій порядокъ провинціальнаго

управленія. Если еще въ консервативныхъ наказахъ встрѣчается защита мѣстныхъ привилегій отдѣльныхъ провинцій, то у третьяго сословія нерѣдко слышится желаніе, чтобы Франція была болѣе объединена. Между прочимъ, жалуясь на отсутствіе единаго свода законовъ, выражали желаніе, чтобы въ странѣ существовало общее для всѣхъ право, вмѣсто устарѣлыхъ провинціальныхъ „кутюмъ". Податныя привилегіи провинцій также должны были исчезнуть передъ новымъ, равномѣрнымъ для всѣхъ гражданъ обложеніемъ. Единство вѣса и мѣры тоже имѣлось въ виду составителями наказовъ и не по однимъ практическимъ соображеніямъ. Въ наказахъ рядомъ съ идеей мѣстнаго патріотизма уже проявляется и довольно сильное сознаніе національнаго единства, потому что передовые умы представляли себѣ генеральные штаты не только съ поголовнымъ голосованіемъ, уничтожавшимъ сословныя перегородки, но и съ устраненіемъ изъ жизни всего, что напоминало бы перегородки провинціальныя.

Общее равноправіе тоже—одна изъ видныхъ особенностей содержанія наказовъ третьяго сословія: всѣ должны быть равны передъ закономъ, имѣть одинаковый доступъ къ должностямъ и отличіямъ, подчиняться общей и равной для всѣхъ системѣ обложенія и пр. и пр.

Въ области суда предлагалось введеніе гласности, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ для подсудимыхъ, высказывались пожеланія о смягченіи уголовныхъ законовъ, ограниченіи случаевъ примѣненія смертной казни, отмѣнѣ конфискаціи имущества и наказаній, налагающихъ позоръ на семью преступника. Народное образованіе входило также въ число предметовъ, которыми занимались наказы. Наконецъ, они касались и церковныхъ вопросовъ. Духовенство желало сохранить за католическою церковью значеніе государственной религіи и удержать за собою руководительство народнымъ образованіемъ, равно какъ и церковную цензуру, но въ этомъ сословіи было немало лицъ, желавшихъ измѣненій въ самой церкви; именно, сельскіе священники высказывались за ограниченіе власти епископовъ, за возстановленіе независимости церковныхъ выборовъ и даже за отмѣну конкордата 1516 г., которымъ назначеніе епископовъ папа всецѣло уступилъ королю. Весьма нерѣдки въ наказахъ указанія на необходимость національныхъ соборовъ и провинціальныхъ синодовъ. Приходское духовенство передъ началомъ революціи проявило не только демократическія стремленія, но и либеральный духъ въ смыслѣ идей галликанизма, т.-е. національной независимости Франціи въ церковныхъ дѣлахъ.

На этомъ я оканчиваю все, что нужно было сказать для пониманія происхожденія великой французской революціи.

Мы познакомились съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Франціи и видѣли, что какъ тотъ, такъ и другой находились въ состояніи разложенія. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ правительство не дѣлало ничего для того, чтобы преобразовать то, что далѣе въ прежнемъ видѣ не могло держаться, и дѣлало, наоборотъ, все, что только могло, чтобы мѣшать дѣйствію общественныхъ силъ. До поры, до времени нація возлагала все-таки свои надежды на то, что необходимыя реформы будутъ произведены самодержавною королевскою властью, но во Франціи, кромѣ кратковременной попытки Тюрго, „просвѣщенный абсолютизмъ“, находившій въ то время примѣненіе въ другихъ странахъ, не получилъ примѣненія, и дѣло кончилось тѣмъ, что сама нація оказалась вынужденною взяться за то, чего не могла и не хотѣла сдѣлать монархія, связавшая себя и свою судьбу со всѣмъ, что только было въ жизни страны устарѣлымъ, одряхлѣвшимъ, умиравшимъ и препятствовавшимъ жизни, развитію, движенію впередъ.

Мы видѣли, далѣе, что въ царствованіе Людовика XV во Франціи произошелъ умственный переворотъ, и что французская литература превратилась въ проповѣдь новыхъ идей въ областяхъ религіи и политики, философіи и морали. Все было подвергнуто критикѣ разума, которая всему существующему противопоставила то, что должно было существовать по естественному праву. Двумя главными лозунгами послѣдняго были свобода и равноправіе, два принципа, въ которыхъ уже заключалась революція противъ самодержавной монархіи и сословныхъ привилегій. Мало-по-малу сами привилегированные стали тяготиться „министерскимъ деспотизмомъ“, т.-е. бюрократическимъ всесиліемъ и своимъ безправіемъ, и заражаться духомъ протеста во имя политической свободы, хотя бы и въ аристократическихъ формахъ.

Среди такихъ обстоятельствъ на престолъ вступилъ едва двадцатилѣтній юноша, мало способный, недостаточно образованный, слабовольный, но благонамѣренный, котораго, однако, быстро засосала тина придворной жизни. Слабыя попытки реформъ вызывали оппозицію при дворѣ и со стороны привилегированныхъ, органами которыхъ сдѣлались парламенты. Это была консервативная оппозиція, приводившая къ реакціи, а рядомъ съ нею дѣйствовала оппозиція прогрессивная, и обѣ онѣ сливались какъ бы воедино, когда требовали свободы и созыва представителей націи въ видѣ старинныхъ генераль-

ныхъ штатовъ, понимавшихся, однако, по-разному привилегированными и третьимъ сословіемъ. Подъ натискомъ обстоятельствъ и напоромъ общественныхъ силъ изъ обоихъ лагерей правительство вынуждено было уступить и объявить созывъ генеральныхъ штатовъ.

А дальше? Былъ ли у правительства какой-либо готовый планъ реформъ? Знало ли оно, что же оно будетъ дѣлать съ созванными имъ государственными чинами? Имѣло ли оно что-либо имъ предложить? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Въ 1789 году у него не было никакой опредѣленной идеи: это было прежнее безволіе, застарѣлая неспособность. А между тѣмъ нація, отдѣльные ея классы и сословія, призванные избрать своихъ представителей въ генеральные штаты, высказали свои желанія, во многихъ случаяхъ очень опредѣленныя, и поручили этимъ представителямъ добиваться осуществленія своихъ требованій даже иногда подъ угрозою отказа правительству въ налогахъ.

Вотъ каково было общее положеніе дѣлъ въ 1789 году. Оно объясняетъ намъ происхожденіе революціи, но ея ходъ зависѣлъ уже отъ соотношенія вступившихъ въ борьбу силъ и отъ ихъ образа дѣйствій.

ГЛАВА IX.

Первые пять мѣсяцевъ революціи.

Ходъ событій революціи отличается большою сложностью, и для того, чтобы въ нихъ оріентироваться, не мѣшаетъ имѣть заранѣе нѣкоторую ихъ схему. Такъ при изученіи географіи мы сначала беремъ общую карту, напр., карту Европы, хотя бы и самую именно общую, безъ подробностей, чтобы узнать очертаніе ея границъ, распаденіе ея на отдѣльныя страны, направленіе ея рѣкъ и горъ, а потомъ уже приступить къ болѣе подробному разсмотрѣнію отдѣльныхъ странъ.

Подъ именемъ великой французской революціи разумѣется обыкновенно десятилѣтіе, протекшее между 1789 и 1799 годами. За начало ея можно принять превращеніе генеральныхъ штатовъ 1789 года въ Національное Собраніе, сопровождавшееся переходомъ верховной власти отъ короля къ народу, концомъ же революціи былъ захватъ этой власти, путемъ насилія, со стороны генерала Наполеона Бонапарта, который въ 1799 году сдѣлался единоличнымъ владыкой Франціи.

Этотъ десятилѣтній періодъ можно раздѣлить на двѣ почти равныя по количеству заключающихся въ нихъ лѣтъ части. Границей ихъ является середина 1794 года. Первый періодъ—

это время постепеннаго революціоннаго развитія, которое достигло наивысшей своей точки въ 1793 году, съ лѣта же 1794 года начался второй періодъ, когда революція пошла на убыль. Такъ въ природѣ, когда въ рѣкѣ поднимается уровень воды, она выходитъ изъ береговъ, затопляя долину, но потомъ начинается спадъ водъ, и рѣка снова течетъ спокойно въ своемъ руслѣ.

Первый, восходящій періодъ революціи, въ свою очередь, распадается на двѣ эпохи: на эпоху конституціонной монархіи въ первые три года и эпоху республики въ остальные годы. Въ первую эпоху во главѣ Франціи стояли два національныхъ собранія: одно, называющееся Учредительнымъ (или Конституантой), продолжалось нѣсколько болѣе двухъ лѣтъ, другое, называемое Законодательнымъ (или Легислативой), засѣдало около десяти мѣсяцевъ. 10 августа 1792 года произошло крушеніе конституціонной монархіи, Законодательное Собраніе было распущено, и былъ созванъ Національный Конвентъ, установившій во Франціи республику. Такъ расчленяется первый періодъ революціи.

Во второй, нисходящій періодъ Франція вступаетъ съ тѣмъ же Національнымъ Конвентомъ. Созванный въ 1792 году, онъ засѣдалъ до осени 1795 года, когда уступилъ мѣсто новому республиканскому правительству, во главѣ котораго стояла такъ называемая Директорія. Этотъ второй періодъ распадается, такимъ образомъ, на двѣ части: на послѣднее время Конвента (около года) и на время Директоріи (около четырехъ лѣтъ).

Для большей наглядности представлю только-что сказанное въ такомъ видѣ:

I. Періодъ усиливающейся революціи.

1. Конституціонная монархія:	*a*) Учредительное Собраніе (1789—1791).
	b) Законодательное Собраніе (1791—1792).
2. Начало республики:	*c*) Первые годы Національнаго Конвента (1792—1794).

II. Періодъ усиливающейся реакціи.

3. Республика безъ конституціи:	*d*) Послѣдній годъ Конвента (1794—1795).
4. Конституціонная республика:	*e*) Директорія (1795—1799).

Уже изъ этой схемы видно, что революція состояла изъ цѣлаго ряда перемѣнъ, дававшихъ каждая новое направленіе всей жизни страны. Конституціонная монархія, начавшая устанавливаться во Франціи, не удержалась. Почему?—вотъ вопросъ, на который должна отвѣтить исторія перваго подперіода и особенно исторія Законодательнаго Собранія.

Въ 1792 году во Франціи была объявлена республика, но уже черезъ два года, еще при Національномъ Конвентѣ, началась реакція противъ революціи. Почему? — вотъ вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ разсмотрѣніемъ исторіи Конвента.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своего существованія республика во Франціи обходилась безъ всякой конституціи и была, въ сущности, диктатурой одной изъ революціонныхъ партій. Опять вопросъ: почему?—вопросъ, отвѣтъ на который должна дать исторія того же Конвента.

Наконецъ, въ послѣдніе четыре года революціи во Франціи была конституціонная республика, но и она оказалась непрочною. И тутъ нуженъ отвѣтъ на вопросъ: почему? Этотъ отвѣтъ должна дать исторія Директоріи.

Во всемъ, что было сказано въ предыдущихъ главахъ, заключается отвѣтъ на вопросъ, почему произошла революція, теперь же у насъ цѣлый рядъ новыхъ „почему?“. Задача исторіи, какъ науки, не въ томъ, чтобы просто только разсказывать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и объяснять разсказываемое. Въ революціи было много занимательныхъ эпизодовъ и эффектныхъ сценъ, но кто знаетъ только ихъ, т.-е. знаетъ слова и жесты дѣятелей революціи, не идетъ далѣе, въ сущности, только анекдотовъ, быть-можетъ, и характеризующихъ эпоху, но не дающихъ представленія объ общемъ ходѣ революціи и о причинахъ всѣхъ испытанныхъ ею перемѣнъ.

Указанные періоды революціи могутъ быть подраздѣлены на еще меньшіе. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ событія первыхъ пяти мѣсяцевъ, отъ начала мая до начала октября 1789 г., когда и Національное Собраніе, каковымъ объявило себя третье сословіе, и правительство пребывали въ Версалѣ. Съ октября мѣстомъ пребыванія Собранія и короля съ министрами былъ Парижъ, населеніе котораго съ этого момента могло оказывать гораздо болѣе сильное, чѣмъ раньше, вліяніе на ходъ событій. Эти пять мѣсяцевъ, составляющіе версальскій этапъ революціи, представляютъ собою, такъ сказать, одно законченное цѣлое.

Выборы въ генеральные штаты происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1789 года. Первоначальнымъ срокомъ ихъ открытія

было назначено 27-е число апрѣля, но открытіе ихъ состоялось только въ началѣ мая. Предзнаменованія были не изъ ободряющихъ: 28 апрѣля въ предмѣстьѣ св. Антонія толпа разгромила домъ обойнаго фабриканта Ревельона, сожгла на трехъ кострахъ одну часть имущества, другую расхитила, а многіе перепились до потери сознанія и даже самой жизни. Когда на мѣсто усмиренія явились солдаты, ихъ встрѣтили съ крышъ сосѣднихъ домовъ градомъ черепицъ и камней, послѣ чего прибыла артиллерія, оставившая на мѣстѣ около двухсотъ убитыхъ и трехсотъ раненыхъ. Ревельонъ самъ вышелъ изъ рабочихъ, и его обвиняли въ томъ, что онъ мало платилъ и дурно отзывался о народѣ.

Открытіе генеральныхъ штатовъ произошло въ королевской резиденціи, Версалѣ.

4-го мая было торжественное богослуженіе, 5-го—первое засѣданіе. Если правительство не имѣло опредѣленной политической программы, то церемоніймейстеры, наоборотъ, обдумали все, относившееся къ внѣшней сторонѣ открытія: при дворѣ было рѣшено, что штаты 1789 г. будутъ держаться формъ штатовъ 1614 г. Депутаты привилегированныхъ сословій должны были присутствовать на обѣихъ церемоніяхъ въ великолѣпныхъ костюмахъ изъ бархата, шелка и парчи, депутаты третьяго сословія—въ простомъ черномъ платьѣ; когда „хранителя печатей" Барантена спросили, должны ли депутаты третьяго сословія говорить, стоя на колѣняхъ, онъ отвѣтилъ: „да, если такъ будетъ благоугодно королю". Нансійскій епископъ въ церковной рѣчи просилъ Людовика XVI принять увѣренія въ „преданности" духовенства и въ „почтительности" дворянства, отъ третьяго же сословія—„всенижайшія просьбы". Когда, далѣе, на торжественномъ собраніи 5-го мая король, занявъ тронъ, надѣлъ шляпу, духовные и дворяне тоже надѣли свои головные уборы; такимъ же образомъ поступили и члены третьяго сословія, но привилегированные громкимъ ропотомъ выразили свое неудовольствіе по поводу такой дерзости, и Людовикъ XVI тотчасъ же снялъ шляпу, дабы заставить всѣхъ оставаться съ непокрытыми головами.

Въ торжественномъ засѣданіи 5 мая произнесены были три рѣчи: говорили король, „хранитель печатей" министръ юстиціи и Неккеръ. Рѣчь послѣдняго была длиннымъ и скучнымъ финансовымъ отчетомъ, состоявшимъ изъ массы цифръ, словно правительство смотрѣло на собравшіеся штаты лишь какъ на способъ добыть денегъ посредствомъ новыхъ налоговъ. Ни одна изъ этихъ рѣчей не содержала прямого ука-

зания относительно самаго важнаго вопроса, отъ котораго зависѣло рѣшеніе и всѣхъ другихъ, а именно, какъ должны были представители сословій подавать свои голоса — поголовно или посословно, а касательно другихъ какихъ-либо новшествъ сдѣлано было даже своего рода предостереженіе — въ обозначеніи ихъ, какъ опасныхъ. Правительство само не рѣшало главнаго вопроса, и поэтому онъ былъ рѣшенъ помимо правительства.

На другой день, 6-го мая, три сословія собрались въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для провѣрки полномочій, т.-е. документовъ объ избраніи того или другого депутата (ихъ явилось болѣе 1100 человѣкъ), но третье сословіе стало требовать, чтобы этимъ дѣломъ занялись всѣ сообща и въ одномъ и томъ же помѣщеніи; привилегированные отвѣчали на это отказомъ. Начались пререканія, длившіяся довольно продолжительное время и сопровождавшіяся взаимными обвиненіями въ нежеланіи приступить къ работѣ, ради которой были собраны штаты; въ этомъ прошли первыя недѣли собранія. Послѣдніе генеральные штаты, бывшіе за 175 лѣтъ передъ тѣмъ, окончились ссорою между сословіями, часто вообще возникавшею въ исторіи этого учрежденія, и вотъ теперь въ самомъ же началѣ происходитъ то же. Въ былыя времена изъ такихъ распрей извлекала для себя выгоду одна королевская власть, но въ 1789 году обстоятельства были иныя, и побѣда осталась на сторонѣ третьяго сословія. 10-го іюня авторъ знаменитой брошюры Сьейесъ, заявивъ, что „пора же обрѣзать канатъ“, предложилъ въ послѣдній разъ въ торжественной формѣ старой судебной процедуры отъ имени „общинъ“ вызвать духовенство и дворянство, назначивъ имъ срокъ, послѣ котораго не явившіеся должны были лишиться своихъ правъ. Вечеромъ 12-го числа приступили къ провѣркѣ полномочій, а на другой день началось присоединеніе къ третьему сословію депутатовъ другихъ сословій, на первый разъ въ лицѣ трехъ приходскихъ священниковъ, появленіе которыхъ было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Когда (15-го іюня) провѣрка полномочій была окончена, Сьейесъ сказалъ, что въ собраніи присутствуютъ представители, по крайней мѣрѣ, 96% націи, которые могутъ дѣйствовать и безъ неявившихся депутатовъ отъ кое-какихъ бальяжей или разрядовъ гражданъ, и предложилъ депутатамъ объявить себя „собраніемъ извѣстныхъ и удостовѣренныхъ представителей французской націи“. Къ этому присоединился и Мирабо, находившій, впрочемъ, лучшимъ назваться „представителями французскаго народа“, но это не прошло, потому что подъ

словомъ „народъ“ тогда разумѣли, главнымъ образомъ, простонародье. Три дня происходили пренія по поводу этихъ предложеній, пока не принято было наименованіе—„Національное Собраніе“, не бывшее совсѣмъ новымъ, такъ какъ мы находимъ его уже въ наказахъ 1789 г.; оно было на этотъ разъ подсказано третьему сословію и присоединившимся къ нимъ депутатамъ высшихъ сословій однимъ мало извѣстнымъ депутатомъ.

Это провозглашеніе Національнаго Собранія произошло 17-го іюня; въ этотъ день старое сословное дѣленіе французовъ на три „чина“ исчезло, и всѣ они образовали въ политическомъ отношеніи однородную по своему составу націю. Рѣшеніе третьяго сословія было принято съ восторгомъ парижскимъ населеніемъ и подѣйствовало на большинство депутатовъ духовенства, рѣшившихся примкнуть къ третьему сословію, на что большое вліяніе оказалъ одинъ епископъ, Талейранъ. Дворъ, наоборотъ, былъ очень раздраженъ. Людовикъ XVI нѣкоторое время колебался еще между совѣтами, съ одной стороны—Неккера, съ другой—Маріи-Антуанеты, младшаго брата, принцевъ крови и вообще придворныхъ, и въ концѣ концовъ принялъ рѣшеніе устроить торжественное засѣданіе штатовъ въ своемъ присутствіи съ цѣлью отмѣнить своею властью происшедшее. Между тѣмъ Національное Собраніе постановило: 1) прекращеніе взиманія налоговъ, буде Собраніе распустятъ, 2) принятіе государственнаго долга подъ гарантію націи и 3) образованіе особаго продовольственнаго комитета. .

Черезъ два дня, 20-го іюня, предсѣдатель Національнаго Собранія, Байльи, получилъ извѣщеніе отъ Барантена, что засѣданія отсрочиваются; депутаты и многочисленная публика, собравшаяся посмотрѣть на то, какъ большая часть духовенства направится въ залу Національнаго Собранія, нашли эту залу запертою и охраняемою часовыми, узнавъ при этомъ, что въ залѣ идутъ приготовленія къ королевскому засѣданію. Депутаты направились тогда въ придворный манежъ для игры въ мячъ („Жё-де-помъ“, Jeu de paume), гдѣ и произошла въ присутствіи большой публики знаменитая присяга членовъ Національнаго Собранія—не расходиться и собираться всюду, гдѣ только представится возможнымъ, пока Франція не получитъ прочной конституціи. На слѣдующій день было воскресенье. Когда въ понедѣльникъ (22-го іюня) депутаты хотѣли опять собраться въ манежѣ, имъ уже не дали этого помѣщенія, потому что графъ д'Артуа, младшій братъ короля, долженъ былъ тамъ играть въ мячъ. Въ это время уже зна-

чительная часть низшаго духовенства присоединилась къ Національному Собранію, которое и было имъ приглашено засѣдать въ церкви св. Людовика, „храмѣ религіи, сдѣлавшемся храмомъ отечества“, по выраженію одного говорившаго тамъ оратора. Около 150 человѣкъ изъ низшаго духовенства въ этотъ день присоединилось торжественно къ Національному Собранію.

Объявленное королевское засѣданіе состоялось 23-го іюня. Со стороны двора и привилегированныхъ оно должно было быть началомъ реакціи противъ всего, что совершилось во имя новой идеи націи, и съ такою цѣлью къ собранію представителей народа была примѣнена форма прежнихъ парламентскихъ „ли-де-жюстисъ“. Для Людовика XVI сочинили повелительную рѣчь, которую онъ и произнесъ въ собраніи, въ присутствіи депутатовъ всѣхъ сословій, но произнесъ неувѣреннымъ голосомъ человѣка, поступающаго не по собственной инициативѣ. Рѣшенія третьяго сословія, какъ противныя законамъ и государственному устройству, были въ этой рѣчи объявлены уничтоженными; предписывалось сохранить въ полной неприкосновенности старое раздѣленіе на сословія; запрещалось вообще затрогивать права, принадлежащія привилегированнымъ и королевской власти; возвѣщались вмѣстѣ съ тѣмъ кое-какія незначительныя реформы, и рѣзко было объявлено, что если штаты не окажутъ поддержки благимъ намѣреніямъ власти, то король одинъ станетъ трудиться для блага своихъ подданныхъ и будетъ считать себя единственнымъ ихъ представителемъ. „Я приказываю вамъ, господа,—сказалъ въ заключеніе Людовикъ XVI,—немедленно разойтись, а завтра утромъ собраться каждому сословію въ отведенной для него палатѣ“. Духовные и дворяне немедленно повиновались и удалились вслѣдъ за монархомъ, но третье сословіе осталось на своихъ мѣстахъ. Тогда оберъ-церемоніймейстеръ Дрё-Брезе возвратился въ залу и сказалъ председателю: „Господа! Вы вѣдь слышали приказаніе короля“, — на что получилъ такой отвѣтъ отъ Байльи: „Мнѣ кажется, что собравшейся націи нельзя давать приказаній“. Мирабо, который ранѣе прихода Дрё-Брезе успѣлъ произнести рѣчь противъ „оскорбительной диктатуры короля, являющагося лишь уполномоченнымъ націи“, и напомнилъ о присягѣ не расходиться, пока Франціи не будетъ дана конституція, теперь поднялся съ своего мѣста и съ повелительнымъ жестомъ произнесъ знаменитыя слова: „да, мы слышали намѣренія, внушенныя королю, а вы, который не можете быть его органомъ передъ генеральными штатами, не имѣя здѣсь

ни мѣста, ни голоса, ни права говорить, вы—не созданы для того, чтобы намъ напоминать о его рѣчи. Однако, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и всякой проволочки, я объявляю вамъ (легенда сократила все предыдущее въ одну фразу: „идите сказать своему господину“), что, если васъ уполномочили заставить насъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, ибо мы оставимъ наши мѣста лишь подъ напоромъ штыковъ“. Дрё-Брезе удалился изъ залы, въ смущеніи пятясь назадъ по придворной манерѣ, а одинъ депутатъ воскликнулъ: „Что это? Король говоритъ съ нами, какъ господинъ, когда долженъ былъ бы просить у насъ совѣта“.—„Господа!—обратился къ собранію Сьейесъ,—вы остаетесь сегодня тѣмъ же, чѣмъ были вчера: приступимъ же къ преніямъ“. И Національное Собраніе объявило, что принятыя имъ рѣшенія сохраняютъ всю свою силу, и декретировало неприкосновенность личности депутата подъ угрозою обвиненія въ государственномъ преступленіи всякаго, кто посягнулъ бы на эту неприкосновенность.

При дворѣ не ожидали такого исхода королевскаго засѣданія. Марія-Антуанета радовалась сначала, что все обошлось превосходно, и, представляя своего сына, маленькаго дофина, депутатамъ дворянства, сказала, что вѣряетъ его ихъ охранѣ. Когда пришло извѣстіе о сопротивленіи третьяго сословія, настроеніе сразу измѣнилось. Задуманный дворомъ государственный переворотъ пришлось признать неудавшимся, и растерявшійся Людовикъ XVI заявилъ, что „если они (т.-е. депутаты третьяго сословія) не хотятъ расходиться, то пусть останутся“. Неккера думали-было уволить, но теперь король упросилъ его не покидать своего поста, и популярность этого министра, отсутствіе котораго въ королевскомъ засѣданіи было всѣми замѣчено, сильно послѣ этого возросла. На другой день въ залу Національнаго Собранія явилось большинство духовенства, а потомъ вскорѣ его примѣру послѣдовало незначительное меньшинство дворянства съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ. Наконецъ, по совѣту Неккера, самъ король приказалъ и другимъ представителямъ привилегированныхъ сословій итти на засѣданіе въ общую залу. 27-го іюня произошло окончательное сліяніе депутатовъ духовенства и дворянства съ третьимъ сословіемъ.

Придворная партія, съ Маріей-Антуанетой во главѣ, не хотѣла примириться съ побѣдою Національнаго Собранія. За первою попыткою контръ-революціи, сдѣланною 23-го іюня, должна была послѣдовать другая—на этотъ разъ при помощи тѣхъ самыхъ штыковъ, на которые указывалъ Мирабо. Та

консервативная оппозиція, которая раньше препятствовала необходимымъ реформамъ, теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ подготовляла реакцію, но если прежде этой оппозиціи до извѣстной степени сообщала силу поддержка со стороны народа, переставшаго довѣрять власти, то при новыхъ обстоятельствахъ, наступившихъ послѣ 17-го іюня, уже никоимъ образомъ не могло быть ни малѣйшей солидарности между привилегированными и народной массой. Теперь, наоборотъ, реакціонныя попытки, направленныя противъ Національнаго Собранія, должны были лишь разжигать народныя страсти, направлять ихъ въ защиту какъ разъ этого самаго Національнаго Собранія. Если 23-го іюня депутаты третьяго сословія, признавая себя представителями націи, ослушались королевской воли, не поддержанной физическою силою, то въ серединѣ іюля попытка произвести насильственное, при помощи войска, возстановленіе стараго политическаго строя вызвала отпоръ со стороны парижскаго народа, тоже прибѣгшаго къ силѣ.

Въ исторіи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1789 г. реакціонныя попытки двора и революціонное движеніе въ народѣ идутъ рука объ руку. Одни историки склонны объяснять тогдашнія народныя возстанія исключительно чувствомъ самосохраненія народной массы передъ угрожающимъ положеніемъ двора и готовы поэтому взваливать на одинъ дворъ вину въ той анархіи, которая началась тогда во Франціи; другіе, наоборотъ, пытаются иногда исключительно этою анархіей объяснять репрессивныя мѣры, къ которымъ считала нужнымъ прибѣгнуть придворная партія. Ни то ни другое нельзя признать вѣрнымъ само по себѣ: вѣрно и то и другое вмѣстѣ, но опять-таки съ оговоркой, потому что и народные бунты и придворная реакція имѣли болѣе глубокое происхожденіе въ прошломъ. Конечно, реакція сильно подливала масла въ огонь и вызывала возстанія, которыя, въ свою очередь, заставляли реакціонную партію думать о болѣе энергичной репрессіи, но, съ другой стороны, народныя волненія задолго предшествовали революціи, имѣя свои причины въ тогдашнемъ состояніи Франціи, въ плохомъ экономическомъ положеніи, въ общей соціальной дезорганизаціи, въ тревожномъ и возбужденномъ настроеніи умовъ. Еще 27-го апрѣля, какъ мы видѣли, былъ бунтъ, чуть-было не отсрочившій открытіе генеральныхъ штатовъ. Сама придворная реакція не была явленіемъ новымъ, такъ какъ опять-таки коренилась въ общемъ состояніи Франціи, въ томъ значеніи, какое имѣлъ дворъ въ жизни страны, въ его союзѣ съ консервативными

элементами общества, въ его вліяніи на королевскую власть. Обѣ силы вступили теперь въ открытую борьбу: подозрительное поведеніе двора вызывало народныя возстанія, а народныя возстанія служили для двора поводами для репрессій. Въ этой борьбѣ положеніе Національнаго Собранія было весьма затруднительнымъ, и придворная партія, не хотѣвшая признавать совершившихся событій, своимъ поведеніемъ сама подготовляла новый переворотъ, еще болѣе для нея грозный и въ то же время оказавшійся неблагопріятнымъ для Національнаго Собранія. Если 23-го іюня власть изъ рукъ короля переходила въ руки представителей націи, то впереди былъ еще захватъ власти непосредственно парижскимъ населеніемъ, думавшимъ, что этимъ оно спасаетъ революцію отъ козней придворной партіи.

Въ началѣ іюля по иниціативѣ двора къ Парижу и Версалю стали стягиваться войска, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ наемниковъ разныхъ національностей. Во главѣ этой силы были Бретейль и маршалъ Бройль, рѣшившіеся на самыя крайнія мѣры противъ Національнаго Собранія и парижскаго населенія. 9-го іюля Собраніе просило короля объ удаленіи войскъ, — и въ этомъ дѣлѣ опять одну изъ самыхъ первыхъ ролей пришлось играть Мирабо, — но Людовикъ XVI отвѣчалъ, что войско необходимо для защиты самого Собранія, и что если оно тревожится, то его можно будетъ перевести въ другой городъ. Между тѣмъ при дворѣ рѣшились снова дѣйствовать. 11-го іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что Неккеръ получилъ отставку и приказаніе немедленно и безъ огласки покинуть Францію, и что было образовано новое министерство изъ Бретейля, Бройля, клерикала Вогюйона и Фулона, которому молва приписывала такія слова по поводу голода: „если народъ хочетъ ѣсть, пусть питается сѣномъ“. Національное Собраніе послало королю депутацію съ просьбой вернуть Неккера и отозвать войска на прежнія стоянки, но депутація не была принята. Тогда Собраніе декретировало, что нація напутствуетъ Неккера и его товарищей выраженіемъ довѣрія и сожалѣнія, что новые министры и совѣтники короля, какого бы ни было ихъ званіе и положеніе, будутъ отвѣтственными за свои поступки, и что вѣчный позоръ покроетъ всякаго, кто предложитъ государственное банкротство.

Тревожные слухи, приходившіе изъ Версаля, производили сильное впечатлѣніе на парижанъ, среди которыхъ уже начиналось броженіе, поддерживавшееся безработицей, дороговизной хлѣба, стеченіемъ массы людей изъ окрестностей и т. п.; въ этомъ броженіи принимала участіе даже королев-

ская гвардія. Пресса и рѣчи народныхъ ораторовъ усиливали возбужденное состояніе населенія. 12-го іюля пришло въ Парижъ извѣстіе объ отставкѣ Неккера. Въ саду Пале-Рояля одинъ молодой человѣкъ, Камиллъ Демуленъ, проникнутый античными идеями о республиканской свободѣ, которыя онъ вынесъ изъ только-что покинутой школы, въ страстной рѣчи по поводу отставки Неккера сталъ призывать народъ къ возстанію, предложивъ всѣмъ присутствовавшимъ украсить шляпы листьями каштановаго дерева, подъ которымъ онъ говорилъ,—прототипъ позднѣйшей національной кокарды. Въ тотъ же день начались уличные безпорядки, а парижскіе выборщики, т.-е. тѣ, которые были избраны населеніемъ для выбора депутатовъ весною 1789 года, собравшись въ зданіи городской думы (отель-де-вилль, или ратуша, какъ принято у насъ переводить), установили новое городское управленіе и декретировали образованіе милиціи въ 48 т. гражданъ; изъ нея возникла затѣмъ національная гвардія. 13-го іюля возстаніе приняло еще болѣе грозные размѣры подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тревожныхъ слуховъ. Наконецъ, 14-го іюля громадная толпа народа разграбила арсеналъ Дома Инвалидовъ, гдѣ было захвачено около 30 т. ружей и двадцати пушекъ, а затѣмъ произошло знаменитое взятіе Бастиліи. Толпа хотѣла овладѣть оружейнымъ складомъ крѣпости, но когда ее встрѣтили выстрѣлами, то разсвирѣпѣла и бросилась на приступъ, продолжавшійся пять часовъ и стоившій немало жертвъ. Бастилія была взята, и началась жестокая расправа с ненавистными людьми. Голову коменданта Бастиліи де-Лоне носили по улицамъ вздѣтою на пику; такая же судьба постигла Флесселя, бывшаго парижскимъ городскимъ головой. Самый замокъ подвергся въ слѣдующіе дни разрушенію, какъ того требовали уже нѣкоторые наказы. Лафайетъ послалъ Вашингтону въ подарокъ ключъ отъ главныхъ воротъ Бастиліи. Съ парижскимъ возстаніемъ 12—14 іюля и начинается дѣятельная роль населенія столицы въ исторіи революціи.

Черезъ нѣсколько дней уличная толпа, поймавшая Фулона, повѣсила его на фонарѣ.

Взятіе Бастиліи разстроило всѣ планы двора, которые предполагалось привести въ исполненіе какъ разъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюля: для этого было уже заготовлено 40 тысячъ экземпляровъ королевской прокламаціи къ народу. Когда Людовику XVI сообщили о парижскихъ событіяхъ, онъ воскликнулъ: „Но вѣдь это бунтъ!“—„Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ герцогъ Ліанкуръ,—это—революція!“ Въ войскахъ, предназна-

чавшихся для совершенія государственнаго переворота, обнаруживались признаки неповиновенія и явнаго нежеланія стрѣлять въ народъ, — военная сила старой монархіи также разлагалась. Національное Собраніе, между тѣмъ, должно было стать въ опредѣленныя отношенія къ совершившимся событіямъ. 9-го іюля оно слушало мемуаръ (Мунье) объ основахъ будущей конституціи; 11-го числа Лафайетъ внесъ свой проектъ декларацiи правъ; 13-го опять просили короля удалить войска, но получился отказъ. Намѣренія двора были извѣстны депутатамъ, и тогда они рѣшились не расходиться, чтобы снова потомъ не очутиться передъ запертыми дверями; поэтому засѣданіе длилось безпрерывно въ теченіе всей ночи (съ 14-го на 15-е іюля). Утромъ 15-го числа рѣшено было послать къ королю еще одну депутацію,—передъ этимъ Мирабо сказалъ одну изъ наиболѣе пламенныхъ своихъ рѣчей,—и депутаты уже собирались разойтись, когда имъ дали знать, что самъ король желаетъ прибыть въ Собраніе. Мирабо совѣтовалъ, чтобы „первымъ пріемомъ монарху со стороны представителей несчастнаго народа была мрачная почтительность", такъ какъ, прибавилъ онъ, „молчаніе народовъ—урокъ королямъ". Но, когда Людовикъ XVI явился безъ всякой стражи, когда онъ сказалъ, что велѣлъ удалить войска, когда употребилъ выраженіе: „Національное Собраніе", которому онъ ввѣрилъ притомъ свою безопасность, депутаты привѣтствовали его съ восторгомъ и проводили назадъ до самаго дворца. Сто членовъ Національнаго Собранія немедленно поѣхали въ Парижъ сообщить населенію о радостномъ событіи. Вопреки желанію Маріи-Антуанетты, не покидавшей мысли о контръреволюціи, Людовикъ XVI рѣшился также ѣхать въ Парижъ. Въ столицѣ устроили ему торжественный пріемъ новыя городскія власти, бывшія въ то же время членами Національнаго Собранія—Байльи, сдѣлавшійся мэромъ Парижа, и Лафайетъ, ставшій во главѣ національной гвардіи. Неккеръ былъ возвращенъ, король принялъ трехцвѣтную кокарду, изъ красной и синей лентъ, цвѣтовъ Парижа, и бѣлой, цвѣта королевскаго знамени, утвердилъ Байльи и Лафайета въ ихъ должностяхъ и уѣхалъ обратно въ Версаль, откуда, съ другой стороны, немедленно началась эмиграція дворянъ. Примѣръ подали гр. д'Артуа, принцы Конде, Конти и Полиньякъ, вмѣстѣ съ лицами Бройль, Калоннъ и др. лица, совѣтовавшія произвести переворотъ: всѣ они поспѣшили уѣхать за границу.

Была ли причиною этой эмиграціи опасность, которой не хотѣли подвергать себя лица, чувствовавшія, что въ народѣ они не могутъ быть популярны, какъ утверждаютъ одни

историки, или же въ эмиграціи дѣйствовала, какъ говорятъ другіе, ненависть къ новымъ порядкамъ, во всякомъ случаѣ гр. д'Артуа и другія знатныя лица оставили территорію Франціи не въ качествѣ бѣглецовъ или жертвъ народной ярости, а въ качествѣ недовольной политической партіи, которая тотчасъ же стала искать союзниковъ при мелкихъ германскихъ дворахъ для возстановленія стараго порядка на родинѣ. Если уже замыслы двора произвели іюльское возстаніе въ Парижѣ, то вызывающій тонъ эмигрантовъ, ихъ угрозы мятежникамъ, ихъ союзъ съ иностранцами только поддерживали и усиливали тревогу въ народѣ; подозрѣвать въ сообщничествѣ съ эмигрантами начали потомъ и дворъ и всѣхъ оставшихся во Франціи дворянъ: вслѣдствіе этого отвѣтственность за многое изъ того, что впослѣдствіи происходило во Франціи, падаетъ на эмигрантовъ. Всѣ они вышли изъ тѣхъ самыхъ круговъ, гдѣ сначала противились реформамъ Тюрго и другихъ министровъ Людовика XVI, а потомъ только и думали, что о противодѣйствіи Національному Собранію. Эти эмигранты первые вмѣшали иностранные дворы во внутреннія дѣла Франціи, что только обострило положеніе дѣлъ. Любопытно, что и на чужбинѣ принцы и куртизаны продолжали вести себя столь же легкомысленно, какъ и дома, въ погонѣ за удовольствіями и въ разнаго рода интригахъ, какъ раньше вели себя на родинѣ, когда играли первенствующую роль при дворѣ.

Въ то самое время, какъ эмигранты обращались къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о поддержкѣ, общественное мнѣніе въ самой Европѣ становилось на сторону совершившейся во Франціи перемѣны. Извѣстіе о взятіи Бастиліи было повсюду встрѣчено съ большою радостью—въ Германіи, въ Англіи, въ Италіи, даже въ Россіи, какъ о томъ доносилъ французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II. Въ Англіи устраивались общественныя празднованія по поводу этого событія, а кэмбриджскій университетъ объявилъ паденіе Бастиліи темою для студенческихъ сочиненій. Великій итальянскій поэтъ Альфіери и нѣмецкій поэтъ Эбелингъ написали оды на взятіе Бастиліи. Ода перваго называлась „Разбастиленный Парижъ". Вообще французскія событія 1789 года произвели сильное впечатлѣніе на иностранныхъ писателей и на образованное общество, что весьма понятно при популярности французскихъ идей среди англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и въ другихъ націяхъ и при общемъ космополитическомъ настроеніи XVIII в. Въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ новую Францію (и даже,—что дѣлали, конечно

не всѣ,—нарочно пріѣзжавшихъ въ нее „подышать воздухомъ свободы“), были многія историческія знаменитости: Кантъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Клопштокъ, Гердеръ, Вордсвортъ и т. п. Для общественнаго мнѣнія Европы французская революція получила такое же значеніе, какое американская имѣла для общественнаго мнѣнія самой Франціи; только позднѣйшія крайности революціи стали вызывать иное къ ней отношеніе, хотя въ то же время люди, которые, подобно нѣмецкому поэту Гёте, сначала не придавали французскимъ событіямъ никакого серьезнаго значенія, скоро поняли всю ихъ важность и не для одной Франціи. Что касается до европейскихъ правительствъ, то они не сразу поняли характеръ начинавшихся во Франціи событій и первоначально смотрѣли на нихъ не съ принципіальной, а съ утилитарной точки зрѣнія: каждое отдѣльное правительство имѣло въ виду исключительно собственные политическіе интересы, съ точки зрѣнія которыхъ внутреннія замѣшательства, происходившія во Франціи и ее ослаблявшія, могли казаться кое-кому и выгодными. Только когда революція начала грозить самому монархическому принципу, французскіе эмигранты стали пользоваться бо̀льшимъ успѣхомъ при иностранныхъ дворахъ.

14-е іюля отозвалось весьма быстро и на провинціяхъ. Въ отдѣльныхъ городахъ и деревняхъ начались возстанія, причемъ, напримѣръ, въ Канѣ и въ Бордо народомъ были взяты цитадели. Главнымъ образомъ борьба шла въ деревняхъ. Это было время жатвы, и вотъ крестьяне отказывались платить феодальные оброки и десятину, а также налоги. Они нападали на за̀мки, разграбляли феодальные архивы, жгли и тѣ и другіе и даже совершали насилія надъ сеньёрами. Это было какъ бы повтореніемъ знаменитой „жакеріи“ середины XIV в. *). Къ движенію, источникомъ котораго была ненависть къ сеньёрьяльнымъ правамъ и къ налоговому гнету, примыкали голодныя толпы обнищавшаго народа, грабившія хлѣбные запасы и обозы, какъ это часто случалось и раньше, бродяги, контрабандисты, браконьеры, разбойники, а разные слухи, иногда совершенно нелѣпые, только поддерживали въ народѣ это волненіе. Собственно говоря, все это началось гораздо раньше, еще до созванія генеральныхъ штатовъ, но прежде это были лишь отдѣльныя вспышки. Время жатвы, когда собирали съ крестьянъ разныя повинности, примѣръ Парижа и другихъ городовъ, а также всякіе слухи, ходи-

---

*) Въ XIV в. крестьянинъ прозывался Жакъ-Простакъ, откуда крестьянское возстаніе получило названіе „жакеріи“ (ср. русское „пугачевщина“).

вшіе въ народной массѣ, подметныя письма, подложные манифесты и демагогическая агитація, вотъ что̀ усиливало теперь общій „великій страхъ“ и превращало его въ цѣлую крестьянскую войну.

Въ Національное Собраніе стали приходить грозныя извѣстія изъ провинцій, и оно не могло не обратить вниманія на то, что̀ творилось въ деревняхъ. Депутаты спохватились, что не предупредили ужасныхъ сценъ своевременнымъ обращеніемъ къ народу. „Деревни,—говорилъ въ засѣданіи 4-го августа виконтъ де-Ноайль, — высказали свои желанія: не конституціи просили онѣ, ибо эта просьба высказалась только въ бальяжахъ, — онѣ требовали облегченія или измѣненія феодальныхъ повинностей. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онѣ видятъ одно—какъ ихъ представители занимаются тѣмъ, что̀ мы называемъ и что̀ въ дѣйствительности есть общественное дѣло, но для нихъ общественнымъ дѣломъ кажется то, чего онѣ сами желаютъ и чего страстно хотятъ добиться. Онѣ уже распознали людей, имъ преданныхъ, стремящихся къ ихъ счастью, и могущественныхъ лицъ, наоборотъ, противящихся этому; онѣ нашли нужнымъ вооружиться противъ силы, и теперь онѣ уже не знаютъ болѣе никакой сдержки“. Такимъ образомъ „жакерія“ была понята, какъ напоминаніе со стороны народа Національному Собранію о главномъ содержаніи сельскихъ наказовъ. Для успокоенія провинцій ничего не оставалось болѣе, какъ узаконить офиціальною волею націи то, что̀ фактически уже было сдѣлано дѣйствительною волею народа, начавшаго войну противъ феодальныхъ правъ.

Виконтъ де-Ноайль, либеральный дворянинъ, одинъ изъ первыхъ перешедшій на сторону третьяго сословія, и еще нѣсколько такихъ же дворянъ (герцогъ д'Эгильонъ, герцогъ де-ла-Рошфуко, Александръ де-Ламетъ и др.) вошли въ тайное соглашеніе предложить уничтоженіе феодальныхъ правъ, и въ засѣданіи 4-го августа это было ими исполнено. Де-Ноайль заключилъ свою рѣчь предложеніемъ возвести въ законъ равенство въ налогахъ, уничтоженіе тяжелыхъ для народа привилегій, выкупъ феодальныхъ повинностей, отмѣну безъ выкупа крѣпостного состоянія и барщины и т. п. Его поддержалъ герцогъ д'Эгильонъ. Цѣлый рядъ новыхъ предложеній слѣдовалъ за ихъ рѣчами, — предложеній, въ которыхъ отдѣльные депутаты отказывались отъ разныхъ сословныхъ, корпоративныхъ и провинціальныхъ привилегій. Появленіе на трибунѣ ораторовъ встрѣчалось рукоплесканіями, которыми сопровождались и всѣ предложенія, дѣлавшіяся ими; иные даже плакали отъ умиленія и восторга; среди шума и апло-

дисментовъ секретари едва успѣвали записывать то, что̀ говорилось и предлагалось. Засѣданіе затянулось далеко за полночь (откуда его названіе „ночного"). Въ нѣсколько часовъ Національное Собраніе отмѣнило серважъ, сеньёрьяльные суды, исключительныя права охоты и голубятенъ, всѣ финансовыя привилегіи и податныя льготы, объявило выкупаемость феодальныхъ оброковъ и десятины и декретировало равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и передъ обложеніемъ, равный для всѣхъ доступъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ и т. п. Потребовалось еще нѣсколько дней, чтобы общіе принципы, принятые въ ночномъ засѣданіи 4-го августа, формулировать въ декретахъ (декреты 4—11 августа). Затѣмъ былъ созданъ особый феодальный комитетъ для разработки подробностей и частностей всего законодательства о феодальныхъ правахъ. Если 23-го іюня палъ политическій абсолютизмъ, то 4-го августа совершилось паденіе соціальнаго феодализма, болѣе древняго, чѣмъ сама старая монархія, выросшая уже на развалинахъ феодальной системы. Поскольку французская революція оказала непосредственное вліяніе на другія западно-европейскія страны, „4-е августа" получило важное значеніе въ исторіи вообще крестьянской реформы, потому что до этого времени еще нигдѣ ни разу не наносилось такого рѣшительнаго и смертельнаго удара соціальному феодализму, какъ во Франціи въ эпоху революціи.

При дворѣ, разумѣется, рѣшенія, принятыя Собраніемъ 4-го августа, вызвали негодованіе. Самъ Людовикъ XVI писалъ архіепископу арльскому, что не раздѣляетъ восторга, овладѣвшаго всѣми классами общества, и что никогда не согласится, давъ санкцію декретамъ, обобрать свое духовенство, свое дворянство. Правда, впослѣдствіи онъ вынужденъ былъ согласиться на декреты, но эта временная его оппозиція показывала, какъ сильно онъ подчинялся вліянію придворной партіи.

Между тѣмъ при дворѣ послѣ неудачъ 23-го іюня и 14-го іюля все еще подумывали о новомъ переворотѣ, разсчитывая на генерала Буйлье, стоявшаго къ Мецѣ съ 30-тысячной арміей. Предполагали снова стянуть войска въ Версалю и Парижу и съ ихъ помощью возстановить прежній порядокъ вещей. 1-го октября въ Версаль пришелъ „фландрскій полкъ", которому королевская гвардія устроила пиръ, превратившійся въ манифестацію противъ Національнаго Собранія. Офицеры срывали съ себя трехцвѣтныя кокарды и топтали ихъ ногами, а придворныя дамы раздавали имъ кокарды бѣлыя— цвѣта королевскаго знамени. Людовикъ XVI и Марія Антуа-

нета съ маленькимъ дофиномъ присутствовали на этомъ банкетѣ, и на другой день королева прямо говорила, что вчерашній день привелъ ее въ восхищеніе.

Въ Парижѣ все время попрежнему было неспокойно, и народныя скопища собирались то тамъ, то здѣсь. Уже давно въ народѣ возникла мысль итти на Версаль, и вотъ теперь, когда въ голодающій Парижъ пришло извѣстіе о версальской „оргіи“, волненіе достигло крайнихъ размѣровъ. Населеніе столицы было увѣрено, что переѣздъ короля и Національнаго Собранія въ Парижъ сразу повлечетъ за собою обильное снабженіе города хлѣбомъ и удешевленіе жизненныхъ припасовъ, а политическіе дѣятели (и въ числѣ ихъ Лафайетъ) полагали, что вырвать короля изъ рукъ реакціонной партіи будетъ легче всего, переселивъ его на жительство въ Парижъ. 5-го октября стотысячная толпа, въ которой было множество женщинъ, двинулась изъ Парижа на Версаль за „хлѣбопекомъ“, какъ въ шутку называли короля. Лафайетъ во главѣ національной гвардіи, дабы не дать народному походу выродиться въ безсмысленный бунтъ, а въ случаѣ нужды и защитить королевскую семью, поспѣшилъ также въ королевскую резиденцію. Толпа вступила въ Версаль при пѣніи роялистическаго гимна въ честь Генриха IV, родоначальника династіи, и послала къ Людовику XVI депутацію изъ женщинъ. Король принялъ ее и обѣщалъ сдѣлать все для снабженія столицы хлѣбомъ. Подъ утро нѣсколько человѣкъ изъ пришедшей толпы проникло во дворецъ, убивъ часовыхъ, и только Лафайетъ, явившійся на шумъ, спасъ короля и его семью отъ смерти. Но теперь Людовикъ XVI, а за нимъ и Національное Собраніе должны были переселиться въ Парижъ.

Населеніе столицы уже 6-го октября привѣтствовало въѣздъ короля и его семьи („булочника и булочницы съ маленькимъ подмастерьемъ“) радостными криками. Многіе изъ тогдашнихъ публицистовъ раздѣляли восторгъ народа, напримѣръ, Камиллъ Демуленъ, радовавшійся въ своей газетѣ „Революціи Франціи и Брабанта“ возвращенію Парижу его значенія, какъ столицы королевства, и побѣдѣ революціи надъ реакціей. Другіе иначе оцѣнивали значеніе событія 5 — 6 октября, и между прочимъ Мирабо, хотя его и обвиняли (какъ и герцога Орлеанскаго) въ возбужденіи этого новаго возстанія. Болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, стремился теперь Мирабо сдѣлаться руководителемъ погибавшей монархіи и умѣрителемъ революціи. „О чемъ думаютъ эти господа?—спрашивалъ онъ около этого времени своего друга, графа ла-Марка.—Развѣ они не видятъ пропасти, разверзающейся подъ ихъ ногами? Все по-

теряно! Король и королева погибнутъ, и—вы увидите [это—чернь будетъ глумиться надъ ихъ трупами. Вы не вполнѣ понимаете опасность ихъ положенія, а между тѣмъ имъ нужно раскрыть глаза на настоящее положеніе дѣлъ". 6-е октября дѣйствительно было роковымъ днемъ: послѣ этого парижское населеніе овладѣло самимъ Собраніемъ, которое уже не могло считать себя свободнымъ среди жителей столицы, терпѣвшихъ отъ нужды, безработицы, дороговизны хлѣба, вѣрившихъ всѣмъ слухамъ, какіе возникали въ это тревожное время, всегда возбужденныхъ, охотно слушавшихъ страстныя рѣчи народныхъ ораторовъ, ежедневно читавшихъ самыя зажигательныя статьи и брошюры,—и все это въ то время, когда за границей интриговали принцы, когда дворъ оказывалъ противодѣйствіе Національному Собранію, и когда духовенство и дворянство все болѣе и болѣе проявляли враждебность къ совершившимся перемѣнамъ

Къ осени 1789 г. прежній порядокъ во Франціи рухнулъ окончательно. Старое правительство обнаружило полное свое безсиліе; армія находилась въ разложеніи; народъ совсѣмъ не повиновался законнымъ властямъ. Единственная власть, пользовавшаяся авторитетомъ, была власть Національнаго Собранія, своими декретами утверждавшаго крушеніе политическихъ и общественныхъ порядковъ, дотолѣ господствовавшихъ во Франціи. Трудная задача предстояла этому Собранію—при явно враждебномъ отношеніи двора и привилегированныхъ и при полной анархіи въ народныхъ массахъ созидать на развалинахъ стараго новое, перестраивать весь государственный и общественный бытъ страны, заступая въ то же время мѣсто утратившаго всякую власть правительства. На мѣстахъ, въ городахъ и деревняхъ стихійная анархія въ свою очередь вызывала попытки организаціи новой власти, хотя очень часто она основывалась не на соглашеніяхъ самого населенія, а на чисто захватномъ правѣ.

ГЛАВА X.

Политическіе дѣятели времени Учредительнаго Собранія.

Прежде нежели продолжать изложеніе событій, доведенное до начала октября 1789 года, мы остановимся на вопросѣ о дѣятеляхъ этихъ событій эпохи перваго Національнаго Собранія.

Это Національное Собраніе получило названіе Учредительнаго („Конституанты"), потому что оно занялось выработкою поли-

тическихъ учрежденій страны (конституціи). Въ составъ его вошло все, что было въ націи наиболѣе выдающагося, наиболѣе способнаго, много людей большого ума и сильной воли, но у громаднаго, подавляющаго большинства не было и не могло быть одного—практическаго навыка въ веденіи такого сложнаго дѣла. Принципы будущаго законодательства многимъ были ясны, но подробности не были никѣмъ заранѣе разработаны, и приходилось идти ощупью и часто попадать на несовсѣмъ правильные пути. Самая техника веденія дѣла въ многолюдномъ собраніи, даже слишкомъ многолюдномъ, почти въ тысячу двѣсти человѣкъ, налаживалась не сразу. Мы видѣли, что шесть недѣль между 6-мъ мая и 17-мъ іюня пропали въ безплодныхъ пререканіяхъ о способѣ провѣрки полномочій. Потомъ много времени уходило также въ разсужденіяхъ на общія темы, точно политическое собраніе превращалось въ академію ученыхъ или литераторовъ. Самыя рѣчи, произносившіяся въ Собраніи, заготовлялись заранѣе, приносились написанными на трибуну и считывались съ рукописи. Такъ мало еще было увѣренности въ своихъ ораторскихъ силахъ; тѣмъ даже удивлялись, которые просто говорили. Часто эти рѣчи не были связаны между собою послѣдовательностью, рождающеюся только изъ свободнаго обмѣна мнѣній. Написанныя дома, онѣ слѣдовали одна за другою безъ внутренняго порядка: кто же могъ заранѣе предвидѣть, о чемъ будетъ сказано до прочтенія его рѣчи?

Съ теченіемъ времени всѣ эти недостатки, бывшіе неизбѣжными на первыхъ порахъ, постепенно исчезали. Засѣданія сдѣлались болѣе дѣловитыми, и пренія получили болѣе правильный ходъ. Пріобрѣтались постепенно и техническія знанія по вопросамъ политики, права и народнаго хозяйства. Разработка спеціальныхъ вопросовъ возлагалась на особыя коммиссіи, или, какъ ихъ тогда называли, комитеты. Выше уже было упомянуто о феодальномъ комитетѣ, избранномъ послѣ 4-го августа для выработки законовъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ. Еще ранѣе былъ учрежденъ конституціонный комитетъ, который долженъ былъ заняться выработкой конституціи. Были спеціальные комитеты и по другимъ вопросамъ, подготовлявшіе доклады для общихъ собраній. Въ этихъ комитетахъ работали люди, бывшіе болѣе свѣдущими въ спеціальныхъ вопросахъ, юристы, экономисты и т. п., и работа постепенно налаживалась. Дѣлопроизводство комитетовъ Учредительнаго Собранія сохранилось, и теперь многое изъ этого матеріала напечатано для надобности историковъ.

Послѣ переселенія изъ Версаля въ Парижъ Національное Собраніе засѣдало сначала въ архіепископскомъ дворцѣ, потомъ скоро перешло въ придворный манежъ около Тюильрійскаго дворца, сдѣлавшагося королевской резиденціей, гдѣ безопасность Собранія охранялась милиціей городской думы, объявившей, что всякое посягательство на депутатовъ будетъ считаться преступленіемъ „оскорбленія націи“ (по аналогіи съ „оскорбленіемъ величества“). Новое помѣщеніе было крайне неудобнымъ, потому что, напр., со многихъ мѣстъ депутаты не видѣли предсѣдателя, и онъ ихъ не видѣлъ со своего мѣста; поддерживать порядокъ было трудно. Канцелярія Собранія была отчасти въ зданіи манежа, отчасти въ монастырѣ Фельяновъ, монаховъ очень строгаго аскетизма, а комитеты въ нѣсколькихъ домахъ Вандомской площади; такая разбросанность также имѣла много неудобствъ. Въ манежъ проникало каждый разъ человѣкъ до шестисотъ публики, уже съ утреннею зарею приходившихъ занять себѣ мѣста, а безчисленная толпа стояла на улицѣ и слушала, что до нея долетало черезъ открытыя окна. Билетовъ никакихъ не полагалось, а иные изъ публики даже разсаживались между депутатами. Пришлось это запретить и допускать публику только въ галлереи, но тамъ она позволяла себѣ стучать ногами, шумѣть, кричать, свистать. Въ сосѣднихъ кофейняхъ устраивались заранѣе маленькія засѣданія вождей этой толпы насчетъ того, кому аплодировать, кому шикать. Большимъ нарушеніемъ правильнаго теченія дѣлъ былъ обычай допускать къ барьеру передъ предсѣдательской трибуной всевозможныя депутаціи съ петиціями, адресами, поздравленіями, причемъ являлись школьники или дѣвочки въ первый день причащенія, а однажды былъ принятъ десятилѣтній мальчикъ, принесшій отъ своего отца пожертвованныя имъ три золотыя медали. Часто такія депутаціи принимали неподходящій тонъ и высказывали порицанія отдѣльнымъ представителямъ народа.

Очень скоро члены Собранія распредѣлились по мѣстамъ такимъ образомъ, что направо отъ предсѣдателя сидѣли депутаты, подававшіе свои голоса часто противъ нововведеній, налѣво тѣ, которые, наоборотъ, высказывались за нихъ, но каждый при этомъ говорилъ только лично отъ себя и за себя, а не отъ какой-либо группы. На трибунѣ появлялись и произносили рѣчи почти всѣ депутаты, но если чаще другихъ со стороны правыхъ ораторствовалъ аббатъ Мори, а со стороны лѣвыхъ Мирабо, то это еще не значило, что они были вождями (лидерами) партій. Члены Учредительнаго Собранія даже принципіально были противъ партійности, видя въ ней

все-таки подчиненіе, отсутствіе личной независимости: нужно, говорили, высказываться и голосовать только по велѣнію сердца, а иные прибавляли, что нужно сообразоваться и со своими наказами. Часто съ трибуны дѣлались внезапныя, неожиданныя предложенія, никѣмъ раньше не обсуждавшіяся. Нѣкоторые члены были знакомы съ регламентомъ засѣданій англійскаго парламента, но находили его для себя неподходящимъ. Постояннаго предсѣдателя не было: онъ выбирался на время и не всегда удачно, потому что не всѣ были достаточно энергичны и авторитетны. Перевыбирали и членовъ комитетовъ, причемъ число комитетовъ росло по мѣрѣ того, какъ всѣ вообще государственныя дѣла начинали вершиться въ самомъ Собраніи.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ за время Учредительнаго Собранія смѣнилось шестьдесятъ лицъ, изъ которыхъ почти никто не умѣлъ дѣйствительно вести засѣданіе, и рѣдко кто попадалъ на это мѣсто два или три раза. Изъ извѣстныхъ уже намъ лицъ предсѣдательское кресло занимали Байльи, первый мэръ (городской голова) Парижа, герцогъ Орлеанскій, Мирабо, но одинъ только Мирабо дѣйствительно предсѣдательствовалъ, т.-е. поддерживалъ порядокъ и руководилъ преніями. Впрочемъ, за немногими и рѣдкими исключеніями, члены Собранія не выходили изъ рамокъ внѣшней порядочности по отношенію къ своимъ противникамъ, такъ что предсѣдателямъ не приходилось прибѣгать часто къ призыву соблюдать благопристойность. Такіе случаи, какъ слѣдующій, были прямо исключительными: когда столь прославившійся впослѣдствіи Робеспьеръ въ своей рѣчи нѣсколько разъ повторилъ фразу: „я требую мѣру“, кто-то крикнулъ: „дайте ему мѣру овса“. Публика, наоборотъ, позволяла себѣ очень часто оскорблять депутатовъ. Внѣ засѣданій взаимныя отношенія депутатовъ различнаго образа мыслей также были большею частью корректными. Рѣчи депутатовъ обдумывались въ тиши кабинета, въ спокойномъ состояніи, и потому не отражали на себѣ настроенія, царившаго въ залѣ.

Даже Мирабо, бывшій краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ Собранія, обыкновенно свои рѣчи читалъ и притомъ читалъ не имъ самимъ составленныя рукописи. Онъ работалъ съ секретарями, какъ и нѣкоторые другіе видные члены Собранія. Часто они соперничали между собою, именно какъ ораторы, хотя были близки другъ другу по идеямъ. Соперникомъ самаго выдающагося оратора изъ правыхъ, аббата Мори, былъ правый Казалесъ, соперникомъ Мирабо среди лѣвыхъ—Барнавъ. Кромѣ занятій въ комитетахъ: конституціонномъ, феодальномъ,

финансовомъ, церковномъ, судебномъ, военномъ, морскомъ, дипломатическомъ и пр. и пр., депутаты были страшно заняты сношеніями со своими довѣрителями, обращавшимися къ нимъ съ разнаго рода ходатайствами иногда самаго частнаго, даже личнаго характера и за всевозможными справками, совѣтами. Національное Собраніе сдѣлалось мѣстомъ, къ которому населеніе стало обращаться со своими нуждами, недоумѣніями, надеждами, со всякими просьбами, жалобами и протестами то черезъ своихъ депутатовъ, то требуя допущенія своихъ делегацій передъ барьеромъ у подножія предсѣдательской трибуны. Такая занятость не мѣшала, однако, депутатамъ участвовать въ клубахъ, появляться въ свѣтскихъ кругахъ, посѣщать мѣста увеселеній.

О клубахъ и ихъ значеніи въ революціи рѣчь будетъ итти особо. Отмѣтимъ здѣсь себѣ только то, что клубы замѣнили собою отсутствовавшія въ политической жизни Франціи настоящія партіи. Каждый клубъ объединялъ единомышленниковъ; свои клубы были и у правыхъ и у лѣвыхъ, но лѣвые тогда были всѣ монархисты почти до самаго конца. Въ клубахъ депутаты встрѣчались съ коммерсантами, врачами, учеными, писателями, художниками и пр.

Правые, среди которыхъ своими талантами выдѣлялись аббатъ Мори, Казалесъ и др., долго мечтали о сохраненіи стараго порядка и за него боролись. Неккеръ, сохранившій въ началѣ революціи постъ министра, былъ непрочь, ограничивъ власть короля областью одного исполненія, сохранить за привилегированными первенствующее значеніе, создать во Франціи верхнюю палату, подобную англійской палатѣ лордовъ. Въ Собраніи на этой точкѣ зрѣнія стояли Мунье, Лалли-Толандаль, Клермонъ-Тоннеръ. Наоборотъ, Мирабо, а съ нимъ и извѣстные уже намъ Сьейесъ, Лафайетъ и Байльи, были противъ двухпалатной системы, но они не очень сочувствовали прямому вмѣшательству клубовъ и населенія въ дѣла, за что, наоборотъ, были такіе дѣятели, какъ Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты. Наиболѣе демократическую позицію занимали будущіе дѣятели республики, тогда еще монархисты, но особенно отстаивавшіе демократическіе принципы. Среди нихъ первыя мѣста принадлежали Робеспьеру, Петіону, аббату Грегуару, о которыхъ еще столько разъ придется говорить. Повторяю, это не были лидеры партій, ибо и самихъ партій, строго говоря, не существовало, а иные люди въ причисленіи ихъ къ партіи даже видѣли личную обиду, такъ какъ принадлежать къ „факціи“ понималось въ смыслѣ причисленія къ своего рода сектѣ, выдѣляющейся изъ общества патріотовъ:

другихъ охотно причисляли къ такимъ партіямъ-сектамъ, себя—нѣтъ. Самыя обозначенія партій часто происходили отъ противниковъ: одни считались контръ-революціонерами, другіе умѣренными, что тоже было нехорошо, третьи передовыми, крайними, бѣшеными и т. п. Въ этихъ группахъ не было ни своихъ комитетовъ, ни общихъ собраній, ни организаціи силъ въ провинціяхъ, ни съѣздовъ, ни точно формулированныхъ программъ, ни выработанной тактики, ни дисциплины членовъ, а если потомъ и образовалось нѣчто организованное, то только въ клубѣ, получившемъ названіе якобинскаго.

Познакомимся теперь съ наиболѣе видными дѣятелями эпохи.

Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы, и намъ только нужно разсмотрѣть, чѣмъ онъ проявилъ себя въ Учредительномъ Собраніи. Я имѣю здѣсь въ виду Мирабо. Изъ всѣхъ дѣятелей 1789—1791 гг. онъ былъ наиболѣе ясно понимавшимъ общее политическое положеніе. Онъ предчувствовалъ и даже предвидѣлъ, куда могутъ привести событія, и имѣлъ опредѣленную правительственную программу. Мы уже знаемъ, какъ онъ смотрѣлъ на дѣло еще во время созыва генеральныхъ штатовъ; мы знаемъ, что у него былъ планъ, котораго не было у правительства, и что онъ стремился сдѣлаться совѣтникомъ власти въ проведеніи необходимыхъ реформъ. Горячій поклонникъ индивидуальной свободы, которую должна была обезпечить свобода политическая, онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ради свободы нужно придать монархіи совершенно новый характеръ. Дворянинъ, онъ разошелся со своимъ сословіемъ и сблизился съ народомъ и въ Національномъ Собраніи съ самаго начала сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и популярныхъ защитниковъ новыхъ идей. Когда палъ старый строй, Мирабо понялъ свою задачу въ смыслѣ упроченія пріобрѣтеній революціи, а для этого, по его мнѣнію, нужно было создать крѣпкое правительство, которое заимствовало бы свою силу, прежде всего, изъ рѣшительнаго и твердаго перехода на сторону новаго порядка, изъ безповоротнаго разрыва съ прошлымъ и торжественнаго признанія совершившихся перемѣнъ. Въ 1789 г. Мирабо не видѣлъ возможности создать такое правительство, не положивъ въ его основу традиціонную королевскую власть, но она, думалъ онъ, должна была сбросить съ себя все, что противорѣчило идеямъ и стремленіямъ націи, добившейся наконецъ равенства и свободы. По мысли Мирабо, въ случаѣ надобности король долженъ былъ бы даже отвоевать у Національнаго Собранія его популярность, но главное—король долженъ былъ бы образовать министерство

изъ наиболѣе популярныхъ членовъ Собранія, изъ людей, сдѣлавшихъ революцію и ей обязанныхъ своимъ возвышеніемъ. Быть министромъ демократической монархіи, упрочить пріобрѣтенія революціи, не дать послѣдней выйти изъ предѣловъ въ данную минуту единственно возможнаго и нужнаго для Франціи,—такова была идея Мирабо, особенно послѣ событія 5—6 октября, когда опасность „аристократическихъ заговоровъ“, о которыхъ онъ писалъ еще въ концѣ 1788 г. Монморену, миновала, и его стали скорѣе пугать „крайности демократіи“, о которыхъ онъ тогда также писалъ Монморену.

Уже въ первые мѣсяцы Мирабо выдѣлялся среди другихъ членовъ Учредительнаго Собранія. Его энергія и смѣлость, его замѣчательное краснорѣчіе дѣлали его популярнымъ и въ самомъ Собраніи и въ публикѣ, но онъ старался еще вліять на общество не одними рѣчами съ трибуны. Послѣ открытія генеральныхъ штатовъ онъ предпринялъ періодическое изданіе „Генеральные Штаты“, переименованное впослѣдствіи въ „Письма къ моимъ довѣрителямъ“, и помѣщалъ въ нихъ свои политическія статьи. Въ то же время онъ искалъ сближенія съ Неккеромъ, думая расположить его въ пользу своего плана, но министръ отнесся къ нему съ недовѣріемъ и оттолкнулъ его отъ себя: Мирабо ясно сталъ сознавать тогда, какъ много вредила ему его дурная репутація. Дворъ тоже никакъ не могъ простить ему его поведеніе 23 іюня, и это мѣшало осуществленію его плана.

Что̀ касается Собранія, здѣсь Мирабо раздражалъ многихъ своими безцеремонными манерами и повелительнымъ тономъ. Несмотря на это, онъ все-таки умѣлъ имъ управлять. Въ самомъ дѣлѣ, онъ то составлялъ адресъ королю съ просьбою объ отозваніи иностранныхъ полковъ, то предлагалъ выпустить воззваніе къ народу съ призывомъ повиноваться законамъ, то защищалъ право посылать депутаціи въ Національное Собраніе, то противился предложенію, чтобы присягу войскъ принимали муниципальныя власти, а не „исполнительная власть“, защищая, однако, при каждомъ удобномъ случаѣ свою вѣрность основнымъ принципамъ. Мирабо упрекали въ честолюбіи, но онъ не былъ рабомъ этого честолюбія и ради того, чтобы во всемъ и всегда оставаться популярнымъ, онъ не отступалъ передъ проповѣдью того, что̀ считалъ истиннымъ и полезнымъ для страны, хотя бы отъ этого могла пострадать его популярность въ массахъ. Мирабо принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ преніяхъ по наиболѣе важнымъ вопросамъ и всегда являлся съ мѣткою критикою дѣлавшихся въ Собраніи предложеній, съ мудрыми совѣтами по самымъ

разнообразнымъ предметамъ и съ очень опредѣленными принципами для будущей конституціи. Его, однако, не всегда понимали и не вездѣ ему довѣряли. Его демократическіе принципы были ненавистны двору, а его монархизмъ казался, наоборотъ, подозрительнымъ Національному Собранію, гдѣ все болѣе и болѣе считали нужнымъ быть настороже противъ королевской власти. Некрасивое прошлое Мирабо, его дурная репутація, его малая разборчивость въ практическихъ средствахъ создавали при дворѣ такое о немъ представленіе, что слушаться его не слѣдуетъ, но что можно сдѣлать его безвреднымъ посредствомъ подкупа, да и въ Національномъ Собраніи тоже подозрѣвали его въ неискренности и считали способнымъ сдѣлаться измѣнникомъ.

Весь правительственный планъ Мирабо покоился на образованіи парламентскаго министерства по англійскому образцу и на томъ, чтобы самому сдѣлаться первымъ министромъ. Этотъ планъ требовалъ двухъ условій, которыхъ какъ разъ и не было налицо. Нужно было, чтобы къ нему отнеслись съ сочувствіемъ обѣ стороны, т.-е. и король и Національное Собраніе, но ни одна сторона не могла проникнуться идеей Мирабо. Людовикъ XVI, лишь скрѣпя сердце, терпѣлъ около себя Національное Собраніе, а само оно считало мало заслуживающимъ довѣрія всякаго, кто сдѣлался бы совѣтникомъ короля. Притомъ и лично Мирабо не казался ни двору ни Собранію такимъ человѣкомъ, на котораго можно было бы положиться: удивлялись его талантамъ, но его энергіи боялись. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, Мирабо бралъ ихъ отовсюду, гдѣ только ихъ давали, и, напримѣръ, одинъ его біографъ для того, чтобы доказать несостоятельность мнѣнія, дѣлавшаго изъ него одного изъ агентовъ политики герцога Орлеанскаго, пользуется, между прочимъ, такимъ доводомъ: Мирабо никогда не просилъ денегъ у этого принца.

Не прошло десяти дней послѣ переселенія короля въ Парижъ, какъ Мирабо черезъ графа де-ла-Марка вошелъ въ сношенія съ дворомъ, написавъ мемуаръ, который прежде всего былъ переданъ брату короля, графу Прованскому. Де-ла-Маркъ былъ пріятелемъ Мирабо и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, преданнымъ королевской семьѣ и особенно Маріи-Антуанетѣ; поэтому ему и пришлось играть роль посредника при дальнѣйшихъ переговорахъ, хотя королева, на которую Мирабо страстно напалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, долго не рѣшалась входить въ сношенія съ такимъ человѣкомъ.

Мирабо стали платить деньги, а онъ началъ давать свои совѣты, принимая плату, хотя его совѣтамъ не слѣдовали. Въ

его сообщеніяхъ двору было немало противорѣчиваго въ зависимости отъ мѣнявшихся обстоятельствъ, но основная мысль ихъ была одна и та же: цѣль оставалась прежняя, только средства указывались разныя, смотря по условіямъ того или другого момента. Дальше переговоровъ дѣло не шло: ужъ очень неодинаковыми глазами стороны смотрѣли на дѣло; при дворѣ, напримѣръ, были очень недовольны, когда узнавали, что Мирабо попрежнему говорилъ рѣчи въ демократическомъ духѣ.

Сношенія Мирабо съ дворомъ сдѣлались извѣстными въ обществѣ, его начали обвинять въ государственной измѣнѣ, и ему нужно было показывать, что на дѣлѣ онъ не перемѣнился, т.-е. что онъ по-старому остается другомъ народа и защитникомъ свободы. Въ концѣ концовъ онъ самъ запутался въ противорѣчіяхъ, которыя неминуемо должны были возникать въ его дѣятельности, разъ цѣлью ея было соединить на немъ, Мирабо, довѣріе двора и довѣріе націи, двухъ силъ, подозрительно относившихся одна къ другой. Онъ совѣтовалъ королю, рѣшительно ставъ на сторону новыхъ порядковъ, уѣхать, напримѣръ, въ Нормандію, объявивъ, что не считаетъ себя свободнымъ въ Парижѣ, и пригласить Національное Собраніе, не менѣе его несвободное, послѣдовать его примѣру. Въ случаѣ несогласія Собранія онъ предлагалъ апеллировать къ народу и созвать чрезвычайный „національный конвентъ“, хотя бы это вызвало гражданскую войну, которой, по его мнѣнію, нечего было бояться, когда партія короля станетъ партіей національной, народной; слѣдовало, думалъ Мирабо, опасаться лишь внѣшней войны. Онъ рѣшительно не совѣтовалъ уѣзжать куда-либо на границу, напримѣръ, въ Мецъ, потому что это могло бы возбудить въ народѣ подозрѣнія; еще же менѣе позволительно было бы просить иностранной помощи, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ вторгнуться въ родную землю. Къ сожалѣнію, Мирабо указывалъ иногда на такія средства, которыя уже никоимъ образомъ не соотвѣтствовали его цѣли основать королевскую демократію, т.-е. возродить династію посредствомъ революціи и положить въ основу возстановленной власти гражданскую свободу и равенство, обезпеченныя монархической конституціей. Этими средствами были иногда просто-напросто интрига и подкупъ, или, какъ выражался самъ Мирабо, „комбинаціи государственнаго человѣка и средства интриги, мужество великихъ гражданъ и дерзость злодѣевъ“, своего рода „политическая аптека“, въ которой находились бы одинаково и цѣлебныя лѣкарства и убійственные яды. Мирабо не удалось, однако, добиться содѣйствія двора его планамъ, какъ и дворъ, платя ему деньги за совѣты, которымъ не слѣдовалъ,

также не добился того, чтобы купить Мирабо, отнюдь не думавшаго продавать себя на самомъ дѣлѣ.

Столь же мало успѣха имѣлъ политическій планъ Мирабо и въ Національномъ Собраніи. Когда онъ своимъ бурнымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ дѣйствовалъ на страсти, оно шло за нимъ, но, едва онъ обращался къ голосу разсудка, ему не удавалось быть достаточно убѣдительнымъ; его идеи оставались непонятными, его совѣтамъ не довѣряли. Въ самомъ Собраніи уже въ эпоху переселенія въ Парижъ стали опредѣляться политическія теченія, среди которыхъ Мирабо трудно было проводить свою политику. Вернувшись къ изложенію событій, мы еще увидимъ, какія предложенія дѣлалъ Мирабо относительно будущаго устройства государства.

О роли въ событіяхъ первыхъ мѣсяцевъ революціи такихъ людей, какъ Сьейесъ и Лафайетъ, рѣчь уже шла. Нужно только прибавить, что Лафайетъ былъ избранъ выборщиками Парижа, образовавшими городскую думу, начальникомъ національной гвардіи, возникшей явочнымъ порядкомъ въ день взятія Бастиліи. Въ этомъ званіи признали его населеніе шестидесяти дистриктовъ, на которые дѣлился Парижъ, и само Національное Собраніе. Гвардія эта состояла изъ шестидесяти батальоновъ съ шестью ротами въ каждой, причемъ бо̀льшая часть ихъ была изъ добровольцевъ, и только изъ шести тысячъ наемныхъ солдатъ, перешедшихъ въ іюльскіе дни на сторону народа. Положеніе начальника вооруженной народной силы Парижа придавало особое значеніе Лафайету и въ общей политикѣ. Мы видѣли уже, какую роль игралъ онъ въ событіи 5—6 октября, когда сталъ во главѣ національной гвардіи, дабы не дать народному движенію на Версаль выродиться въ безсмысленный бунтъ и въ то же время содѣйствовать переѣзду короля въ Парижъ.

Рядомъ съ Лафайетомъ выдающееся положеніе въ Парижѣ занялъ Байльи, который въ іюльскіе дни сдѣлался мэромъ столицы. Это былъ ученый астрономъ, предсѣдательствовавшій въ первомъ засѣданіи Національнаго Собранія и произнесшій слова присяги въ знаменитомъ собраніи 20 іюня въ Жё-де-помъ. Въ качествѣ мэра онъ принималъ короля въ городской думѣ и поднесъ ему трехцвѣтную кокарду. Въ теченіе всего этого времени до іюля 1791 года онъ пользовался вмѣстѣ съ Лафайетомъ громадною популярностью, но, какъ мы увидимъ, оба они ее потомъ утратили. Въ сентябрѣ 1791 года въ должности мэра Байльи былъ замѣненъ Петіономъ.

Петіонъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ революціи, но настоящее его время наступило только позднѣе. Когда въ

іюнѣ 1791 г. Людовикъ XVI сдѣлалъ попытку бѣжать изъ Парижа, Петіону съ Барнавомъ и еще однимъ депутатомъ было поручено привезти пойманнаго на дорогѣ бѣглеца въ Парижъ; это сдѣлалось потомъ особой причиной популярности Петіона и прозвища „Доблестный", которое было ему дано. Съ нимъ мы будемъ еще встрѣчаться въ нашемъ разсказѣ о событіяхъ.

Упомянутый Барнавъ нами уже называлея выше. Въ краснорѣчіи онъ былъ соперникомъ Мирабо. Человѣкъ страстнаго темперамента, онъ дрался на дуэли съ правымъ депутатомъ Казалесомъ, потребовалъ однажды ареста самого короля за оскорбленіе Учредительнаго Собранія, но потомъ защищалъ въ Собраніи неприкосновенность его особы: сидя въ каретѣ, которая везла его обратно въ Парижъ, Барнавъ почувствовалъ жалость къ плѣннику и плакавшей горько королевѣ. Впослѣдствіи его даже обвинили въ контръ-революціи и (уже въ 1793 году) казнили.

Изъ дѣятелей Учредительнаго Собранія, о которыхъ еще не было выше рѣчи, прежде другихъ нужно назвать Максимиліана Робеспьера, главное значеніе котораго относится уже къ слѣдующему періоду. Уроженецъ изъ Артуа, онъ учился въ Парижѣ праву и, получивъ званіе адвоката, уѣхалъ практиковать въ Аррасъ, городъ родной провинціи. Здѣсь онъ короткое время занималъ должность судьи, потомъ вернулся къ адвокатурѣ и предался литературнымъ занятіямъ, давшимъ ему возможность занять мѣсто предсѣдателя аррасской академіи (въ сущности, научно-литературнаго общества). За одну изъ своихъ работъ онъ получилъ премію отъ такого же учрежденія въ Мецѣ. Во время выборовъ 1789 г. онъ опубликовалъ воззваніе къ населенію Артуа, которое было причиною его избранія въ генеральные штаты. Въ Учредительномъ Собраніи онъ занялъ мѣсто на крайней лѣвой. Первыя его выступленія не обратили на себя большого вниманія, но уже Мирабо своимъ проницательнымъ взглядомъ провидѣлъ его будущую роль. „Этотъ человѣкъ,—сказалъ онъ однажды о Робеспьерѣ,—пойдетъ далеко, потому что онъ вѣритъ во все, что̀ говоритъ". Выступленія его въ клубѣ якобинцевъ создали ему большую репутацію въ населеніи, въ которомъ онъ скоро получилъ прозвище „Неподкупнаго". Настоящая его роль началась, впрочемъ, только послѣ низверженія монархіи.

Къ той же крайней лѣвой съ Петіономъ и Робеспьеромъ принадлежалъ аббатъ Грегуаръ, приходскій священникъ, сдѣлавшійся епископомъ, когда Учредительное Собраніе дало духовенству новое устройство, за которое Грегуаръ очень

стоялъ. Съ самаго же начала въ Учредительномъ Собраніи онъ выступалъ ярымъ противникомъ двора, а послѣ попытки Людовика XVI бѣжать прямо требовалъ преданія его суду. Впослѣдствіи избранный въ Національный Конвентъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, потребовавшихъ отмѣны королевской власти.

Интересна судьба Мунье. Популярность его началась послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстною его роль въ Жё-де-помъ 20 іюня: онъ первый заговорилъ о клятвѣ не расходиться, не давъ Франціи конституціи. Но онъ первый же ее нарушилъ. Недовольный слишкомъ большими, по его мнѣнію, ограниченіями, налагавшимися на королевскую власть проектомъ конституціи, онъ вышелъ изъ комитета, вырабатывавшаго проектъ, а потомъ оставилъ Учредительное Собраніе и въ 1790 году даже покинулъ Францію, куда возвратился только при Бонапартѣ. Мунье былъ сторонникомъ англійскаго типа монархіи, подобно и Лалли-Толандалю, выбранному парижскими дворянами, но перешедшему на сторону третьяго сословія. Послѣ 14 іюля послѣдній дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы примирить націю и короля. Мирабо его не удовлетворялъ, и онъ на него нападалъ, находя его идеи невѣрными. Это сдѣлало Лалли-Толандаля непопулярнымъ въ народѣ и у большинства въ Собраніи. Особенно повредило ему въ общественномъ мнѣніи отстаиваніе идеи о верхней палатѣ и объ абсолютномъ *вето* короля. Происшествія 5—6 октября его сильно напугали; поэтому онъ, какъ и Мунье, покинулъ Францію. Такимъ образомъ въ эмиграціи изъ Франціи принимали участіе не одни крайніе правые, но и умѣренные конституціоналисты.

Нѣкоторые конституціоналисты въ эпоху раздраженія противъ Людовика XVI подвергались обвиненію въ роялизмѣ. Это можно сказать о дворянскомъ депутатѣ графѣ Клермонъ-Тоннерѣ, который однимъ изъ первыхъ присоединился къ третьему сословію, а 4 августа вотировалъ отмѣну всѣхъ привилегій, но потомъ былъ обвиненъ въ помощи попыткѣ короля бѣжать. 10 августа 1792 г. онъ даже былъ убитъ толпой. По случаю обвиненія въ роялизмѣ тогда же вынужденъ былъ бѣжать болѣе лѣвый Клермонъ-Топнера Дюпоръ, который велъ борьбу противъ абсолютизма еще въ качествѣ члена парижскаго парламента, а въ Учредительномъ Собраніи былъ врагомъ двора и королевы, предложилъ уничтожить дворянское званіе, распространить равноправіе на протестантовъ и евреевъ и т. п. Послѣ бѣгства короля Собраніе Дюпору же предложило снять съ него допросъ, а впослѣдствіи и Дюпору пришлось спасаться бѣгствомъ.

Въ числѣ либеральныхъ дворянъ въ Учредительномъ Собраніи были еще братья графы де-Ламеты, Карлъ и Александръ, оба участвовавшіе въ американской войнѣ за освобожденіе. Первый при извѣстіи о бѣгствѣ короля потребовалъ, чтобы Собраніе приняло новую присягу въ вѣрности конституціи, но впослѣдствіи, будучи предсѣдателемъ Національнаго Собранія, не допустилъ до преній предложеніе о низложеніи короля. Его братъ даже хотѣлъ въ это время повліять на дворъ въ смыслѣ отказа отъ сопротивленія новому порядку, но безуспѣшно. Оба они потомъ тоже жили изгнанниками за границей.

Изъ этого обзора мы видимъ, что въ числѣ выдающихся членовъ Учредительнаго Собранія, стоявшихъ на сторонѣ новыхъ порядковъ, были и привилегированные. Къ нимъ нужно причислить еще Талейрана-Перигора, епископа отэнскаго, который однимъ изъ первыхъ духовныхъ присоединился къ третьему сословію и вообще участвовалъ въ проведеніи либеральныхъ реформъ, за что подвергся церковному запрещенію со стороны папы. Въ болѣе позднее время онъ прославился, какъ первоклассный дипломатъ, на службѣ у разныхъ французскихъ правительствъ.

Внѣ Національнаго Собранія были также вліятельные люди среди журналистовъ и клубныхъ ораторовъ. Легенда нѣсколько преувеличивала роль Камилла Демулена въ возбужденіи народнаго бунта 12 — 14 іюля въ Парижѣ, но все-таки это былъ человѣкъ, оставившій по себѣ видный слѣдъ въ исторіи революціи. Событія 1789 года дали вообще толчокъ къ развитію періодической печати. Школьный товарищъ Робеспьера, Демуленъ былъ такимъ же хорошимъ ораторомъ и такимъ же революціонеромъ, какъ и онъ, но только болѣе пылкимъ по сравненію съ педантичнымъ Робеспьеромъ. Онъ издавалъ газету подъ заглавіемъ „Революція Франціи и Брабанта“, слѣдя и за тѣмъ, что происходило въ сосѣдней Бельгіи. Журналъ имѣлъ такой успѣхъ, что, когда Демуленъ показывался на улицѣ, за нимъ буквально бѣгали. Потомъ онъ самъ былъ членомъ Конвента.

Въ эту же эпоху выступилъ на поприще публициста и Жанъ-Поль Маратъ, одна изъ печальныхъ знаменитостей революціи. Психически неуравновѣшенный съ дѣтства, донельзя самолюбивый, страшно подозрительный, онъ до революціи занимался врачебной практикой (состоялъ даже въ придворномъ штатѣ графа д'Артуа врачомъ) и писалъ разныя сочиненія въ духѣ просвѣтительства. Его газета „Другъ Народа“ громила не только дворъ, но и всѣхъ умѣренныхъ

дѣятелей революціи, особенно Мирабо и Лафайета. Рѣзкости его тона и прямо преступныя выходки вызывали противъ него преслѣдованія, отъ которыхъ онъ прятался въ подпольѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Англію, откуда вернулся только незадолго до паденія монархіи. Чтобы имѣть понятіе о стилѣ его газеты, достаточно привести оттуда требованіе, чтобы граждане просто-напросто повѣсили „негодяя Рикетти“ (т.-е. Мирабо) съ другими мерзавцами - измѣнниками на восьмистахъ висѣлицахъ въ Тюйлерійскомъ саду. Такіе призывы печатались сплошь и рядомъ въ листкѣ Марата. Позднѣе въ такомъ же неистовомъ тонѣ съ прибавкою площадной брани и всякихъ непристойностей писалъ нѣкій Эберъ (или Геберъ) въ своей газетѣ „Отецъ Дюшенъ“. Такія выходки нравились грубымъ массамъ и доставляли громкую извѣстность людямъ, подобнымъ Марату и Эберу. Время, однако, развернуться „другу народа“, какъ величали Марата, тогда еще не пришло.

А Неккеръ, кумиръ народа, отставка котораго была сигналомъ ко взрыву возстанія 12—14 іюля? 16 іюля король вернулъ его къ власти, и 29 числа того же мѣсяца министръ пріѣхалъ въ Парижъ, встрѣченный шумными оваціями народа, но очень скоро онъ сошелъ со сцены, какъ-то даже незамѣтно, безсильный что-либо сдѣлать, преслѣдуемый дворомъ и крайней лѣвой. Онъ уѣхалъ въ Швейцарію и прожилъ тамъ до своей смерти уже въ началѣ XIX вѣка.

ГЛАВА XI.

Парижскія секціи и революціонные клубы.

Ходъ событій французской революціи опредѣлялся не столько дѣятельностью Національнаго Собранія, его вождей и отдѣльныхъ группъ депутатовъ, сколько участіемъ въ этихъ событіяхъ народныхъ массъ и разныхъ организацій, въ нихъ возникшихъ.

Народныя массы волновались вездѣ. Вслѣдъ за парижскимъ возстаніемъ 12 — 14 іюля начались такія же возстанія въ провинціяхъ, въ городахъ и деревняхъ, началась общая анархія, въ которой, однако, происходили и попытки организаціи мѣстнаго населенія. Разрушительный и созидательный процессы шли рядомъ, но второй отставалъ отъ перваго. Конечно, изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ страны наибольшее значеніе для общаго хода событій могло имѣть только то, что дѣлалось въ Парижѣ. При централизаціи власти во Франціи провинціи привыкли жить приказами изъ столицы.

Это—одно, а другое—это то, что новый центръ власти, всѣми признаваемой, Учредительное Собраніе вынуждено было считаться съ настроеніями и выступленіями парижскаго населенія.

Его іюльское выступленіе спасло Національное Собраніе отъ разгона, но выступленіе октябрьское, сопровождавшееся переселеніемъ Собранія въ Парижъ (16 числа), поставило депутатовъ въ зависимость отъ столичнаго населенія. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ происходили засѣданія. Въ Собраніи и вокругъ него были народныя толпы, шумныя, бурливыя, и въ то же время ходъ дѣлъ безпрестанно прерывался депутаціями, которыя передъ барьеромъ около президентской трибуны предъявляли свои требованія. Работы Учредительнаго Собранія происходили подъ постояннымъ давленіемъ извнѣ, но сверхъ того исторія знаетъ случаи, когда представительныя собранія подвергались и прямому нападенію со стороны народной толпы. Какъ ни интересно то, что̀ творилось во всей Франціи, все-таки особенно важно знать, что̀ дѣлалось въ Парижѣ, и какъ Парижъ вліялъ на общій ходъ дѣлъ.

Исторія революціи не можетъ быть понята, если мы не познакомимся съ такъ называемыми „секціями", на которыя дѣлился Парижъ и которыя выступали въ событіяхъ революціи, особенно съ лѣта 1792 года, какъ организованная сила. Созданы онѣ были закономъ 1790 г., и потому, говоря о секціяхъ, намъ придется нѣсколько забѣгать впередъ.

Королевскій регламентъ о выборахъ въ генеральные штаты раздѣлилъ городъ Парижъ на 60 дистриктовъ, изъ которыхъ въ каждомъ были въ августѣ 1789 г. созданы комитеты съ полицейскими функціями. Въ этихъ дистриктахъ сами собою образовались общія собранія гражданъ, скоро обнаружившія стремленіе сдѣлаться совершенно независимыми отъ общегородского совѣта (городской думы). Между нимъ и дистриктами начались тренія, и дистрикты даже хотѣли образовать свой центральный органъ. Въ началѣ 1790 года бо̀льшая часть дистриктовъ подала Національному Собранію петицію о томъ, чтобы каждый дистриктъ пользовался самою широкой независимостью. Это была эпоха центробѣжныхъ стремленій.

Національное Собраніе отвѣтило на это изданіемъ въ маѣ-іюнѣ декрета, которымъ дистрикты отмѣнялись и вводилось новое дѣленіе Парижа на сорокъ восемь секцій. Самое названіе указывало на то, что это были отдѣленія, части (секціи значитъ сѣченія, отрѣзки) единой и цѣльной парижской городской общины, или „коммуны". Въ декретѣ это особенно было подчеркнуто. Въ каждой секціи должны были быть первичныя

собранія на предметъ выборовъ какъ муниципальныхъ (городскихъ), такъ и общегосударственныхъ, старыя же собранія по ремесламъ, профессіямъ и корпораціямъ для выборовъ представителей запрещались. Участвовать въ первичныхъ собраніяхъ могли только „активные граждане", т.-е. такіе, которые платили прямые налоги въ размѣрѣ трехдневной заработной платы. Въ каждой секціи учреждались еще полицейскій комиссаръ и еще особые комиссары для надзора за нимъ и для помощи ему съ правомъ имѣть своего особаго выборнаго предсѣдателя.

Изъ 60 дистриктовъ 53 выразили протестъ противъ новой организаціи. Демократическія газеты и, между прочимъ, „Революціи" Камилла Демулена тоже не одобряли декретъ, замѣнившій живые организмы дистриктовъ секціями въ роли простыхъ избирательныхъ участковъ и исполнительныхъ органовъ городской думы.

Впрочемъ, кромѣ первичныхъ собраній для выборовъ, въ секціяхъ были еще общія собранія для обсужденія разныхъ дѣлъ, и вотъ въ этихъ собраніяхъ граждане секцій стали все менѣе и менѣе считаться съ декретами Національнаго Собранія, то толкуя ихъ противно ихъ прямому смыслу, то открыто ихъ нарушая и противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже прямо протестуя. Секціи ссылались на принципъ верховной власти народа, думая, что каждая часть народа должна непосредственно пользоваться верховною властью, т.-е. какъ будто каждая секція съ населеніемъ среднимъ числомъ въ 12 съ половиною тысячъ человѣкъ могла быть самостоятельною республикою.

По декрету 1790 года стоило пятидесяти гражданамъ потребовать созыва общаго собранія, и оно должно было быть созвано. Сначала собранія были рѣдкими, но потомъ дѣлались все болѣе и болѣе частыми, причемъ въ секціяхъ перестали дѣлать различіе между собраніями для выборовъ, въ которыхъ нельзя было обсуждать дѣла, и общими собраніями, не производившими выборовъ, да и дѣла, обсуждавшіяся въ собраніяхъ, все болѣе и болѣе выходили за предѣлы того, что разрѣшалось закономъ. Именно, секціи начали вмѣшиваться въ политику, обсуждать общегосударственные вопросы, принимать по нимъ резолюціи, обращаться въ Національное Собраніе съ петиціями по дѣламъ общаго характера.

Генеральный совѣтъ Коммуны, какъ стала называться городская дума, вступилъ въ борьбу съ своеволіемъ секцій, нѣкоторыя изъ которыхъ хотѣли, чтобы мѣстная вооруженная сила, батальоны національной гвардіи, зависѣла исключи-

тельно отъ нихъ. Секціи все больше и больше расширяли кругъ своей дѣятельности, брали на себя розыски и преслѣдованіе враговъ революціи, вмѣшивались въ продовольственное дѣло и т. п., но городской совѣтъ кое-какъ еще противодѣйствовалъ этимъ захватамъ до конца 1791 и начала 1792 года, а потомъ былъ уже безсиленъ бороться противъ даннаго явленія. Секціи получили право организовать свое центральное справочное бюро, и вотъ оно тоже захотѣло конкурировать съ законною городскою властью.

По закону посредствующею инстанціей между Коммуной, какъ стали называть общегородскую думу Парижа (генеральный совѣтъ), и секціями стояли особые выборные гражданскіе комитеты, которые также стали расширять кругъ своего вѣдѣнія. Сначала они собирались по разу въ недѣлю, къ чему ихъ обязывалъ законъ, но потомъ стали собираться чаще, пока не сдѣлались непрерывными (перманентными), тѣмъ болѣе, что на эти комитеты съ теченіемъ времени стали возлагать все новыя и новыя обязанности чисто-полицейскаго характера, выдачи удостовѣреній о мѣстѣ жительства, обыски, наложеніе печатей и т. п. Впрочемъ, позднѣе (1793) все это отошло отъ нихъ къ новымъ „комитетамъ надзора", болѣе извѣстнымъ подъ названіемъ революціонныхъ.

Кромѣ гражданскихъ и революціонныхъ комитетовъ, въ секціяхъ еще существовали разные другіе выборные комитеты, и между ними военные. Замѣна 60 дистриктовъ 48 секціями разстроила то соотвѣтствіе, какое было между кварталами и батальонами національной гвардіи, но въ 1792 году каждая секція уже имѣла свою особую военную организацію съ выборными начальниками и обладала своими пушками.

Позднѣе, уже въ 1793 году, образованы были въ секціяхъ особыя „народныя общества", такъ и называвшіяся секціонными, для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ общихъ собраніяхъ, для надзора надъ подозрительными, борьбы съ контръ-революціей и т. п. Эти новыя собранія были публичными, такъ что на нихъ допускались женщины, не имѣвшія права участвовать въ первичныхъ и общихъ собраніяхъ, иногда же присутствовали и дѣти. Эти народныя общества мало-по-малу подпали, какъ и секціи вообще, подъ вліяніе якобинскаго клуба.

Настроеніе секцій было далеко не одинаковымъ. Наиболѣе революціонными были тѣ, которыя находились въ предмѣстьяхъ св. Антонія и св. Марцелла, уже упоминавшихся въ концѣ третьей главы. Съ ними намъ придется еще считаться. Названія секцій зависѣли отъ имени какихъ-либо зданій

(Тюйлери, Пале-Рояль, Библіотека, Лувръ, Почта и т. п.) или улицы, площади и т. п., но многія секціи стали охотно принимать новыя имена революціоннаго характера. Одна, напримѣръ, одно время называла себя секціей Мирабо, другая — Общественнаго Договора, третья — Правъ народа, четвертая — Революціонной, пятая — секціей Марата и пр., были секціи и съ классическими именами Брута и Муція Сцеволы, героевъ Римской республики, а одна называлась именемъ Вильгельма Телля, легендарнаго героя Швейцарской республики. У секцій были свои эмблемы, замѣнявшія собою старые гербы.

Особую роль въ политическихъ движеніяхъ секціи стали играть только лѣтомъ 1792 года, когда, собственно говоря, ими была низвергнута монархія, послѣ чего онѣ еще не разъ производили организованныя возстанія, которыя нами будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ. Не одинъ Парижъ, но и другіе большіе города тоже дѣлились на секціи, въ коихъ происходило то же самое. Вездѣ при большей или меньшей пассивности большинства населенія власть захватывало меньшинство, болѣе энергичное и болѣе смѣлое.

Позднѣе среди парижскаго населенія стала даже господствовать мысль, что Парижъ является естественнымъ представителемъ Франціи, и что его городская дума (генеральный совѣтъ коммуны, или „Коммуна“) имѣетъ общегосударственное значеніе. Въ эпоху Учредительнаго Собранія связь между нимъ и Коммуной поддерживалась мэромъ Байльи и начальникомъ національной гвардіи Лафайетомъ, бывшими также и депутатами, но позднѣе возникало соперничество между національнымъ и муниципальнымъ представительствами, изъ которыхъ каждое хотѣло имѣть секціи на своей сторонѣ, что̀ и позволяло секціямъ расширять кругъ своей дѣятельности. На секціи стремились вліять и тѣ частныя политическія сообщества, которыя стали возникать въ 1789 году и приняли англійское названіе клубовъ.

Первымъ изъ нихъ возникъ, еще въ самомъ началѣ революціи, бретонскій клубъ, о которомъ будетъ рѣчь дальше. Въ 1790 году въ Парижѣ уже было нѣсколько клубовъ: кордельерскій, о которомъ дальше также будетъ рѣчь; конституціонный клубъ, организованный Мирабо; рабочій клубъ предмѣстья св. Антонія и т. п. Сьейесъ, Байльи и Лафайетъ устроили „клубъ 89 года“, бывшій зерномъ клуба фейльяновъ, о чемъ тоже будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Было и нѣсколько монархическихъ клубовъ. Національное Собраніе стремилось подчинить клубы правительственному контролю и

даже запретило имъ вмѣшиваться въ политическія дѣла, но это мало имѣло значенія.

Самымъ знаменитымъ былъ якобинскій клубъ, развившійся изъ бретонскаго, который возникъ еще въ іюнѣ 1789 года въ Версалѣ. Его основали депутаты отъ провинціи Бретани, сходившіеся въ одной кофейной для обсужденія дѣлъ, разсматривавшихся въ Національномъ Собраніи, но мало-помалу къ нимъ стали приходить единомышленники и изъ другихъ провинцій: герцогъ д'Эгильонъ, Мирабо, Сьейесъ, Барнавъ, Петіонъ, аббатъ Грегуаръ, Робеспьеръ, братья Ламеты, все уже намъ извѣстные дѣятели начала революціи, бывшіе въ глазахъ монархистовъ „заговорщиками". Кажется, важное рѣшеніе 17 іюня, провозглашеніе Національнаго Собранія, принято было въ такомъ частномъ собраніи. Было еще большое засѣданіе въ двадцатыхъ числахъ іюня, на которомъ присутствовало около полутораста членовъ Національнаго Собранія подъ предсѣдательствомъ герцога д'Эгильона. Послѣ 5—6 октября бретонскій клубъ продолжалъ свои засѣданія въ Парижѣ, гдѣ одновременно возникали и другія подобныя сходки депутатовъ. Версальскій комитетъ патріотовъ, какъ еще назывался бретонскій клубъ, реорганизовался осенью 1789 г. въ цѣлое общество, сначала называвшееся „Обществомъ революціи", потомъ „Обществомъ друзей конституціи, засѣдающимъ у якобинцевъ въ Парижѣ", послѣ того, какъ клубъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ старомъ якобинскомъ монастырѣ, откуда враги революціи и дали его членамъ кличку—якобинцы. Первоначально члены общества отказывались отъ этой клички, но позднѣе (съ установленіемъ республики) начали сами себя называть „Обществомъ якобинцевъ, друзей свободы и равенства".

Составъ клуба расширился весьма быстро пріемомъ въ него писателей, чѣмъ-либо оказавшихъ услугу дѣлу свободы, и всякихъ другихъ лицъ по рекомендаціи шести членовъ; уже въ декабрѣ 1789 г. пріѣзжіе провинціалы представлялись въ засѣданіяхъ клуба и просили объ учрежденіи подобныхъ собраній въ главныхъ городахъ Франціи. Въ началѣ 1790 года общество приняло для своей дѣятельности особый регламентъ, составленный извѣстнымъ намъ Барнавомъ. Цѣлями клуба обозначались: 1) предварительное обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ Національномъ Собраніи, 2) работа надъ установленіемъ и утвержденіемъ конституціи въ смыслѣ демократическихъ идей и 3) сношенія съ другими обществами того же рода, которыя могли бы образоваться въ провинціяхъ. Засѣданія тогда еще не были публичными: постороннихъ посѣ-

тителей стали допускать на засѣданія общества лишь въ серединѣ октября 1791 г. Бюро клуба состояло изъ предсѣдателя, выбиравшагося на два мѣсяца, четырехъ секретарей и казначея, но, кромѣ того, въ клубѣ образовалось три комитета, изъ которыхъ одинъ велъ всю корреспонденцію. Что касается до отдѣленій общества въ провинціяхъ, то къ серединѣ августа 1790 г. ихъ было уже болѣе полутораста. Это число увеличилось весною 1791 г. подъ вліяніемъ слуховъ о новыхъ замыслахъ противъ революціи, а по мартовскому списку 1791 г. всѣхъ провинціальныхъ клубовъ числилось уже 227, по майскому прибавилось къ нимъ еще 118 обществъ, по іюньскому же всего было 406 обществъ (не считая нѣсколькихъ клубовъ, находившихся съ центральнымъ обществомъ лишь въ простыхъ сношеніяхъ). Число это возрастало, и въ эпоху республики оно уже превышало тысячу. Эти мелкіе клубы носили названіе „народныхъ обществъ“, которому въ 1793 году было придано нѣсколько иное значеніе чисто-секціонныхъ собраній.

Учредительное Собраніе сначала благосклонно относилось къ учрежденію подобныхъ народныхъ обществъ, такъ какъ они поддерживали дѣло революціи; но потомъ, когда клубы стали все больше и больше вмѣшиваться въ разныя дѣла, подлежавшія вѣдѣнію Національнаго Собранія и муниципальныхъ учрежденій, законодательство начало принимать разныя ограничительныя мѣры. Въ февралѣ 1791 г. въ Національномъ Собраніи стали даже раздаваться голоса о томъ, что слѣдовало бы уничтожить „народныя общества“, потому что, пока они существуютъ, на спокойствіе въ государствѣ надѣяться будетъ трудно. До уничтоженія клубовъ дѣло, однако, не дошло, но у нихъ отняли, напримѣръ, право петицій Національному Собранію, право расклейки на стѣнахъ улицъ своихъ объявленій и т. п. Расходясь въ концѣ сентября 1791 г., Учредительное Собраніе даже издало декретъ, запрещавшій вообще какимъ бы то ни было обществамъ, клубамъ и ассоціаціямъ превышать право чисто-частныхъ соединеній гражданъ. Законодательное Собраніе (1791—1792) относилось къ клубамъ благосклоннѣе, а при Конвентѣ „народныя общества“ стали даже играть официальную роль, къ чему ихъ приглашали сами конвентскіе комиссары въ провинціяхъ.

Въ концѣ 1790 года якобинскій клубъ завелъ и свой періодическій (еженедѣльный) органъ подъ названіемъ „Журналъ клубовъ или патріотическихъ обществъ, посвященный друзьямъ конституціи, членамъ разныхъ французскихъ клубовъ“, поставившій своею задачаю слѣдить за засѣданіями и

другихъ клубовъ. Въ сентябрѣ 1791 г. это изданіе слилось съ ежедневною „Общею Европейскою Газетою". Около того же времени возникъ „Журналъ друзей конституціи", бывшій также могущественнымъ орудіемъ якобинской пропаганды, но не помѣщавшій еще отчетовъ о засѣданіяхъ, пока съ 1 іюня 1791 г. не сталъ появляться подъ названіемъ „Журналъ преній" (а съ 1 января 1792 г. и „Корреспонденціи Общества друзей конституціи, засѣдающихъ у якобинцевъ"). Таково было происхожденіе самаго знаменитаго изъ революціонныхъ клубовъ, съ которымъ ни одинъ другой не могъ сравниться ни по своей организаціи, мало-по-малу покрывшей всю Францію сотнями своихъ отдѣленій, ни по энергіи своихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи агентами революціоннаго правительства въ странѣ, ни по своему вліянію, которое поддерживалось обширной корреспонденціей и публицистическими изданіями. Въ нѣдрахъ этой организаціи и сформировалась партія, которая, опираясь на народъ, захватила впослѣдствіи въ свои руки власть надъ страною.

Другимъ вліятельнымъ клубомъ, не ограничивавшимъ свою дѣятельность однимъ Парижемъ, былъ кордельерскій.

Якобинскій клубъ въ Парижѣ, центръ многихъ народныхъ обществъ, сперва по составу своему былъ буржуазнымъ. Кордельерскій возникъ среди рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, откуда былъ перенесенъ въ бывшій кордельерскій монастырь на улицѣ того же имени въ центрѣ города. Главными ораторами, привлекавшими къ себѣ массы слушателей, были Демуленъ, Маратъ и Дантонъ (имени котораго мы еще не встрѣчали на предыдущихъ страницахъ), какъ въ якобинскомъ клубѣ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ сдѣлался Робеспьеръ. Духа организаціи кордельерскіе вожди были лишены въ такой степени, какую проявили якобинцы, но было здѣсь больше темперамента и порыва. Отсюда выходили самыя революціонныя рѣшенія о сверженіи монархіи, и здѣсь же наскоро организовывались народныя выступленія чисто-бунтарскаго характера.

Кордельерскій клубъ былъ первоначальною ареною дѣятельности человѣка, который здѣсь проявилъ свое бурное краснорѣчіе, свою властную натуру, свое умѣніе повелѣвать. Это былъ Жоржъ-Жакъ Дантонъ, сдѣлавшійся первымъ ораторомъ въ Конвентѣ, какъ Мирабо былъ таковымъ въ Учредительномъ Собраніи, и подобно Мирабо сдѣлавшійся одною изъ самыхъ крупныхъ политическихъ фигуръ революціи. Между ними даже было очень много общаго.

Хотя настоящая политическая роль Дантона началась только

позже, мы все-таки остановимся здѣсь на этой выдающейся личности, проявившей свои недюжинные таланты въ роли клубнаго демагога у кордельеровъ.

Дантону въ годъ начала революціи исполнилось только тридцать лѣтъ. Человѣкъ громаднаго роста и массивнаго тѣлосложенія, съ некрасивымъ, но энергичнымъ лицомъ, принимавшимъ нерѣдко свирѣпый видъ, съ сильными и широкими жестами, съ необычайно громкимъ голосомъ, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ, кто его видѣлъ и слышалъ, и онъ умѣлъ импонировать толпѣ. Къ тому же онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова: его краснорѣчіе, страстное и бурное, образное, дѣйствовавшее на чувства слушателей, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало роли революціоннаго трибуна. Еще въ раннемъ дѣтствѣ будущій революціонеръ обнаружилъ большую необузданность нрава, за что ему приходилось дорого расплачиваться. Однажды бросившійся на него быкъ разорвалъ ему верхнюю губу, и маленькій Жоржъ-Жакъ сталъ воевать со всѣми быками, дразня ихъ, и вышелъ изъ этой борьбы съ перешибленною другимъ быкомъ переносицей. Слѣды обоихъ приключеній остались у него на всю жизнь, съ прибавкою, какъ и у Мирабо, слѣдовъ отъ оспы. Отданный десяти лѣтъ въ школу, Дантонъ, какъ гласитъ преданіе, получилъ тамъ за свою строптивость прозвище „Антисюперіёръ" (Противоначальникъ). Вообще онъ съ трудомъ подчинялся школьной дисциплинѣ и заслужилъ репутацію лѣнтяя, хотя со страстью предавался чтенію книгъ, не входившихъ въ число учебныхъ пособій. Въ ряду авторовъ, съ которыми онъ познакомился еще до вступленія въ жизнь, были и Монтескьё, и Руссо, и Дидро и т. д. Молодой Дантонъ даже выучился по-англійски и по-итальянски и могъ читать Шекспира и Данте,—случай, для того времени очень рѣдкій и тѣмъ болѣе свидѣтельствующій о большихъ умственныхъ способностяхъ молодого человѣка. Изъ всѣхъ карьеръ, открывавшихся передъ Дантономъ по окончаніи имъ курса, болѣе другихъ привлекала его адвокатура. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ переселился въ Парижъ и устроился на первыхъ порахъ писцомъ у одного прокурора, начавшаго впослѣдствіи поручать ему и веденіе мелкихъ дѣлъ, пока самъ не получилъ по экзамену право выступать въ судѣ самостоятельно. Дѣла, однако, къ нему не шли, и только за два года до революціи Дантонъ устроился, женившись и получивъ за женою приданое и купивъ себѣ мѣсто адвоката при королевскомъ совѣтѣ административной юстиціи. Должность была трудная и отвѣтственная, требовавшая большихъ знаній, опытности и находчи-

вести. Поселился Дантонъ послѣ этого недалеко отъ мѣста своей будущей дѣятельности, гдѣ и открылъ свою контору, принявъ тогда для своей фамиліи аристократическое начертаніе д'Антонъ.

Первое революціонное выступленіе Дантона относится къ кануну похода парижанъ на Бастилію: 13 іюля онъ говорилъ зажигательную рѣчь народу въ монастырѣ кордельеровъ, центрѣ одного изъ тогдашнихъ дистриктовъ. Въ самомъ движеніи 14 іюля онъ не участвовалъ, но въ ночь съ 15 на 16 число сдѣлалъ попытку съ толпою „кордельеровъ", жителей своего дистрикта, насильно овладѣть охраною Бастиліи. Съ этого момента кордельерскій дистриктъ сталъ однимъ изъ главныхъ центровъ революціоннаго движенія въ Парижѣ. Отсюда вышелъ призывъ итти на Версаль въ первыхъ числахъ октября въ видѣ „манифеста", авторомъ котораго былъ Дантонъ. Когда Людовикъ XVI вынужденъ былъ переселиться въ Парижъ, „кордельеры" послали къ нему депутацію съ Дантономъ во главѣ и съ порученіемъ поздравить короля по случаю благополучнаго прибытія въ столицу.

Мы видѣли, что тогда парижскіе дистрикты обнаруживали стремленіе сдѣлаться какъ бы вполнѣ автономными общинами. Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ дистриктовъ, возстававшихъ противъ „муниципальнаго деспотизма" образовавшейся послѣ 14 іюля городской думы, былъ именно кордельерскій, въ которомъ Дантонъ сдѣлался предсѣдателемъ. Общее собраніе дистрикта принимало одно за другимъ постановленія самаго общаго содержанія, и подъ каждымъ стояла подпись „д'Антона". Въ городѣ уже прямо говорили о кордельерской республикѣ, и она даже выбила жетонъ, на которомъ стояло: „подъ предсѣдательствомъ Жоржа-Жака Дантона". Подъ его покровительствомъ Маратъ печаталъ свой неистовый „Другъ Народа"; по его же указаніямъ писалъ свои статьи вдохновлявшійся имъ Демуленъ. На территоріи дистрикта жило немало и другихъ дѣятелей начавшейся революціи, или, по крайней мѣрѣ, къ кордельерамъ тяготѣли многіе изъ нихъ (поэтъ Фабръ-д'Эглантинъ, мясникъ Лежандръ, адвокатъ Бильо, будущій прокуроръ коммуны Манюэль, актеръ Колло-д'Эрбуа, Шометтъ и т. п.). Изъ этого революціоннаго центра Дантонъ велъ борьбу противъ городской думы, гдѣ царили Байльи и Лафайетъ, не оставшіеся въ долгу ни передъ несноснымъ дистриктомъ ни передъ его предсѣдателемъ. И въ чемъ только ни обвиняли тогда Дантона: если для однихъ онъ былъ просто сумасшедшимъ, другіе видѣли въ немъ провокатора на службѣ то герцога Орлеанскаго, то Англіи, то королевскаго двора, то Мирабо, однимъ словомъ, кого угодно.

Кордельерскій дистриктъ оказывалъ даже прямое сопротивленіе властямъ, какъ это было съ дѣломъ ареста Марата въ октябрѣ 1789 г.: кордельеры просто не выдали его посланнымъ за нимъ солдатамъ. Не меньшую удачу имѣлъ и приказъ объ арестѣ самого Дантона, въ 1790 году выбраннаго кордельерами въ муниципальный совѣтъ. Въ судьбѣ своего председателя дистриктъ заинтересовалъ какъ остальные дистрикты, такъ и само Учредительное Собраніе, а прокламаціи на тему защиты свободы отъ тираніи, которыя по этому случаю публиковались, выходили изъ-подъ пера самого Дантона. Только два дистрикта высказались противъ кордельеровъ, находя, что нельзя не повиноваться постановленіямъ судебной власти, другіе же отвѣтили неопредѣленно, но тридцать очень рѣшительно высказались за протестъ кордельеровъ. Результатъ былъ тотъ, что Дантона перестали безпокоить. Дѣломъ занялось само Національное Собраніе. „Дѣло д'Антона,— писалъ о немъ депутатъ-докладчикъ,—сдѣлалось дѣломъ всего Парижа. Его несчастье стало какъ бы общимъ несчастьемъ“. Собраніе отложило рѣшеніе на неопредѣленный срокъ, и Дантонъ вышелъ побѣдителемъ изъ своего конфликта съ муниципальною властью. Этотъ эпизодъ только сплотилъ кордельеровъ вокругъ своего вождя. Когда въ 1790 г. Національное Собраніе замѣнило дистрикты секціями, это не устранило той организаціи, какую придали себѣ кордельеры подъ руководствомъ Дантона. Изъ кордельерскаго дистрикта съ другимъ сосѣднимъ дистриктомъ образовалась секція Французскаго Театра (какъ назывался теперешній Одеонъ), а общее собраніе кордельеровъ преобразовалось въ клубъ, называвшій себя „Обществомъ правъ человѣка“.

Послѣ побѣды Дантона надъ Байльи, лѣтомъ и осенью 1790 г., въ дѣятельности главы кордельеровъ наступило нѣкоторое затишье. Выбранный въ Коммуну, онъ какъ-то присмирѣлъ, даже стушевался, по крайней мѣрѣ, въ самой Коммунѣ. Во время выборовъ мэра онъ изъ 14 т. голосовъ получилъ только 49, а когда его снова выбрали въ Коммуну отъ секціи Французскаго Театра, изъ остальныхъ 47 секцій, которыя должны были контролировать выборы, 42 высказались за его исключеніе въ виду неблагопріятныхъ слуховъ насчетъ его подкупности. Дантонъ, повидимому, не протестовалъ. Это вообще былъ больше человѣкъ внезапныхъ порывовъ, чѣмъ непрерывной планомѣрной работы. Даже въ протоколахъ основаннаго имъ клуба,—правда, далеко не вполнѣ сохранившихся,—его имя не встрѣчается. На нѣкоторое время онъ совершенно ушелъ въ свою адвокатскую практику и въ

жизнь частнаго человѣка среди многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, охотно посѣщавшихъ гостепріимнаго, веселаго и ласковаго, „превосходнаго“, какъ его звали, „господина Дантона“.

Но вдругъ онъ, котораго уже начинали забывать, появился совершенно неожиданно въ ноябрѣ 1790 г. Національное Собраніе отвергло тогда предложеніе одного члена потребовать отставки всѣхъ министровъ, какъ реакціонеровъ. Это вызвало сильное движеніе въ секціяхъ. Одна изъ нихъ (Моконсейль), скоро сдѣлавшаяся вожакомъ остальныхъ, предложила остальнымъ возбудить передъ Національнымъ Собраніемъ обвиненіе противъ министерства. Тѣ согласились и выбрали комиссаровъ, которые должны были выработать текстъ обращенія къ Собранію. Байльи согласился стать во главѣ депутаціи, но каково было его неудовольствіе, когда лицомъ, уполномоченнымъ секціями говорить передъ Собраніемъ, оказался Дантонъ. 10 декабря онъ и выступилъ съ очень рѣзкою рѣчью, требовавшею удаленія министровъ, которые черезъ нѣсколько дней сами подали въ отставку.

Послѣ этого успѣха Дантонъ какъ бы снова почувствовалъ вкусъ къ общественной дѣятельности и сталъ въ январѣ 1791 г. добиваться избранія въ члены администраціи департамента Сены, въ которомъ находился Парижъ. Добиться этого ему удалось послѣ ряда проваловъ на баллотировкѣ. Собраніе выборщиковъ состояло изъ умѣренныхъ дѣятелей, и вопросъ, какъ случилось, что Дантонъ былъ все-таки избранъ, предположительно рѣшается въ томъ смыслѣ, что ему на сей разъ покровительствовалъ Мирабо или потому, что разсчитывалъ его подкупить, или какъ врагу имъ обоимъ непріятнаго Лафайета. Новыми товарищами Дантона оказались умѣренные дворяне и буржуа, и, принимая избраніе, онъ писалъ: „я не обману надеждъ тѣхъ, которые не считали меня неспособнымъ соединить съ порывами пламеннаго патріотизма духъ необходимой умѣренности, дабы вкусить отъ плодовъ нашей благополучной революціи“. Чувствуя себя въ одиночествѣ въ новомъ собраніи, Дантонъ скоро къ нему охладѣлъ, даже перестаалъ въ немъ появляться, мало вообще расположенный къ будничной работѣ. Якобинскій клубъ былъ для него болѣе привлекательной ареной, гдѣ, какъ и въ секціонныхъ собраніяхъ, онъ давалъ волю своему темпераменту, громилъ королевскій дворъ, требовалъ замѣны Національнаго Собранія новымъ, нападалъ на всѣхъ „модерантистовъ“ („умѣренниковъ“), начиная съ Сьейеса и кончая Лафайетомъ. Съ послѣднимъ у него вышло столкновеніе. Дан-

тонъ со своимъ кордельерскимъ батальономъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые однажды (въ апрѣлѣ 1791 г.) не пустили Людовика XVI выѣхать изъ Парижа въ Сенъ-Клу, но Лафайетъ поспѣшилъ на мѣсто происшествія, чтобы защитить короля. Въ своей секціи Дантонъ обвинялъ потомъ Лафайета въ намѣреніи стрѣлять въ народъ; Лафайетъ, однако, заставилъ его формально и письменно отказаться отъ этого обвиненія.

Уже не разъ упоминавшаяся нами попытка бѣгства, сдѣланная Людовикомъ XVI въ 1791 г., дала поводъ для цѣлаго ряда выступленій Дантона передъ народною толпою около Тюйлери, въ клубахъ, въ секціи Французскаго Театра. Въ своихъ страстныхъ рѣчахъ онъ указывалъ на измѣну правителей, въ особенности Лафайета, на опасный заговоръ противъ націи, но въ его рѣчахъ еще не было ни слова о республикѣ. Среди многихъ французовъ эпохи былъ въ ходу, такъ сказать, республиканизмъ по Плутарху, чисто-теоретическій и платоническій; такимъ именно отвлеченнымъ республиканизмомъ отличался Дантонъ, который въ эти тревожные дни продолжалъ стоять на общей тогдашнимъ французамъ точкѣ зрѣнія демократической монархіи. Иное дѣло — вопросъ о личности короля: Людовикъ XVI могъ быть замѣненъ другимъ лицомъ. Быть-можетъ, Дантонъ думалъ о герцогѣ Орлеанскомъ. У кордельеровъ, однако, уже начали говорить о республикѣ: за нее высказался Маратъ, потребовавшій диктатуры, причемъ въ диктаторы онъ предлагалъ Дантона. Самъ онъ, повидимому, былъ тогда очень далекъ отъ мысли о власти. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ противъ возстановленія Людовика XVI. „Кто это предложилъ бы сдѣлать,— восклицалъ онъ,—тотъ былъ бы въ моихъ глазахъ или дуракомъ, или измѣнникомъ. Пусть Національное Собраніе трепещетъ! Нація, возрождающаяся къ свободѣ, подобна Геркулесу, который сокрушилъ змѣй, хотѣвшихъ его задушить въ колыбели. Она совершитъ еще двѣнадцать подвиговъ и раздавитъ всѣхъ своихъ враговъ“. Текстъ петиціи, которую народъ приглашался подписывать, въ концѣ концовъ получилъ республиканскій характеръ, и это, повидимому, было причиной того, что ни самъ Дантонъ ни его присные (кромѣ Лежандра) не присоединились къ манифестантамъ, хотя это и не спасло Дантона отъ обвиненія въ подстрекательствѣ по случаю одной изъ его рѣчей, вызванныхъ бѣгствомъ короля. Въ началѣ августа 1791 года былъ даже изданъ приказъ объ арестѣ Дантона, который предпочелъ уѣхать на время въ Англію.

Таково было начало революціонной карьеры Дантона, пока только секціоннаго и клубнаго оратора, вознесеннаго собы-

тілми уже позднѣе на вершину власти. Клубъ кордельеровъ былъ настоящимъ его созданіемъ, и уже тогда его основатель былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ вожаковъ народа.

Парижъ съ 1789 г. переживалъ трудное время. Урожай въ странѣ въ этомъ году былъ плохой. Начиналась дороговизна съѣстныхъ припасовъ, все болѣе увеличивавшаяся. Съ другой стороны, смуты отразились на промышленности. Она начала сокращаться, наступала безработица, дававшая себя почувствовать народу очень остро. Ко всѣмъ политическимъ причинамъ волненій присоединились экономическія. Съ іюня 1789 г. Парижъ кипѣлъ, какъ котелъ: въ дистриктахъ и въ секціяхъ, въ прессѣ и въ клубахъ шла страшная агитація, все болѣе и болѣе принимавшая демагогическій характеръ. Національному Собранію приходилось работать въ очень неспокойной средѣ, въ которой то и дѣло возникали обвиненія противъ самого Собранія. Стихія расходилась, и ее трудно было успокоить.

Въ населеніи, воспитанномъ въ строгостяхъ стараго режима, еще не было ни умѣнія пользоваться свободою, ни уваженія къ свободѣ чужого мнѣнія. Своими крайностями періодическая пресса весьма много способствовала продолженію анархіи, вызванной разложеніемъ стараго порядка, народными бѣдствіями, тревожными слухами, попытками контръреволюціи. Наиболѣе ярые листки только подливали масла въ огонь, отражая на себѣ всеобщее броженіе, ловя слухи, ходившіе въ народѣ, бросая тѣнь подозрѣнія въ неблагонадежности на своихъ политическихъ противниковъ, выступая съ прямыми обвиненіями противъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ категорій гражданъ и проповѣдуя насиліе въ самыхъ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Все это, впрочемъ, дѣлали нерѣдко и газеты, получавшія субсидію отъ двора. Съ другой стороны, нерѣдко совершались попытки съ разныхъ сторонъ заставить замолчать противниковъ: очень часто издатели и редакторы противныхъ партій подвергались оскорбленіямъ, а ихъ газеты предавались торжественному сожженію передъ дверями какой-нибудь кофейни, въ которой обыкновенно собирались политическіе единомышленники. Подобно тому, какъ по отношенію къ клубамъ Національное Собраніе приняло нѣкоторыя ограничительныя мѣры, оно подъ конецъ задумало положить предѣлъ и злоупотребленіямъ свободою печати. Люди, говорившіе прежде всего языкомъ страсти, отражали на себѣ то бурное и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное настроеніе, которое переживалось всею націей, стремившейся къ свободѣ, но не знавшей ея дѣйствительныхъ

правъ и предѣловъ, воспитанной въ традиціяхъ деспотизма и потому не умѣвшей уважать чужую свободу и думавшей, что единственнымъ средствомъ прочнаго утвержденія свободы должно было быть употребленіе силы противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ.

ГЛАВА XII.

Учредительное Собраніе и королевская власть въ 1790 и 1791 гг.

Переходимъ къ прерванному на время повѣствованію о событіяхъ. Мы остановились, именно, на фактѣ переѣзда въ Парижъ и Людовика XVI и Національнаго Собранія въ октябрѣ 1789 г. Послѣ этого Учредительное Собраніе продолжало свои работы еще безъ нѣсколькихъ дней два года, въ теченіе которыхъ разыгрывались новыя событія. 1790 г. былъ ими, впрочемъ, не такъ богатъ, какъ 1791.

То, что сдѣлало Учредительное Собраніе по части устройства Франціи, будетъ разсмотрѣно нами въ особой главѣ, а здѣсь мы остановимся преимущественно на исторіи отношеній между королемъ и Собраніемъ, и на томъ, какъ шла работа послѣдняго, и на событіяхъ, опредѣлявшихъ ходъ революціи.

Если слѣдить хронологически за тѣмъ, что дѣлало Учредительное Собраніе съ октября 1789 г., то однимъ изъ первыхъ его рѣшеній будетъ наложеніе имъ руки на принадлежавшую церкви собственность, по предложенію Талейрана, поддержанному Мирабо. Весною 1790 г. она была объявлена достояніемъ націи и, вмѣстѣ съ бывшими королевскими имѣніями (доменами), вошла въ составъ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, которыя должны были обезпечить государственные долги Франціи и вообще поправить разстроенные французскіе финансы. Въ связи съ этимъ рѣшено было выпустить на громадную сумму бумажныя деньги, такъ называемые ассигнаты (собственно „ассинья“), обезпеченные національными имуществами; сами эти имущества предназначались для распродажи. За потерю своихъ доходовъ духовенство должно было получить вознагражденіе въ видѣ казеннаго жалованія, что приводило къ совершенно новому положенію церкви въ государствѣ, какъ увидимъ дальше, потомъ закрѣпленному особымъ закономъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „гражданскаго устройства духовенства“. Значительное большинство этого сословія, даже низшаго клира, было задѣто этимъ законодательствомъ и приняло враждебное положеніе по отношенію къ революціи; Людовикъ XVI, уже успѣвшій

высказаться противъ уничтоженія феодальныхъ правъ, занялъ и въ этомъ вопросѣ непріязненную позицію.

Въ первой половинѣ 1790 г. Собраніе было занято вопросомъ о реорганизаціи арміи, которая къ тому времени успѣла совсѣмъ разложиться, какъ разлагались вообще всѣ учрежденія стараго порядка.

Главнымъ, однако, предметомъ занятій Учредительнаго Собранія была выработка конституціи. Подавляющее его большинство желало конституціонной монархіи, но въ то же время раздѣляло политическія теоріи Руссо и Мабли, бывшія, въ сущности, республиканскими. Собраніе не довѣряло королевской власти, опасаясь возможности злоупотребленія ея правами со стороны Людовика XVI, и подозрительно относилось ко всякому предложенію, клонившемуся къ тому, чтобы поставить монарха въ независимое положеніе и дать ему дѣйствительную возможность управлять Франціей при помощи отвѣтственнаго министерства. Все поведеніе Людовика XVI, планы двора, заграничная агитація эмигрантовъ, въ связи съ боязнью передъ возможностью возстановленія абсолютизма, заставляли Учредительное Собраніе всячески урѣзывать королевскія права въ конституціи, которую оно вырабатывало; главнымъ противникомъ такого урѣзыванія былъ Мирабо, но на него и въ самомъ Собраніи, и въ клубахъ, и въ прессѣ смотрѣли, какъ на человѣка, продавшагося двору. Поэтому онъ и въ Учредительномъ Собраніи потерпѣлъ такую же неудачу со своимъ планомъ конституціонной монархіи, какъ и при дворѣ.

Работы по составленію конституціи начались еще въ Версалѣ, незадолго до іюльскихъ событій 1789 г., и съ самаго же начала Мирабо принялъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ Собранія по этому вопросу. Переименованіе генеральныхъ штатовъ въ Національное Собраніе совершилось противъ мнѣнія Мирабо, предлагавшаго дать ему другое названіе. Онъ боялся довѣрить всю власть безраздѣльно одному всемогущему Собранію и требовалъ, чтобы рѣшенія народныхъ представителей нуждались въ королевскомъ утвержденіи (санкціи). „Я,—говорилъ онъ,—не знаю ничего ужаснѣе, какъ суверенная аристократія изъ шестисотъ лицъ, которыя могли бы завтра объявить себя несмѣняемыми, послѣзавтра наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи всѣхъ странъ, захватомъ всего въ свои руки“. Мирабо принималъ также участіе въ обсужденіи деклараціи правъ человѣка и гражданина, которой требовали наказы. Въ данномъ вопросѣ онъ былъ противъ „метафизическаго“ и „абстрактнаго“ направленія, какое приняли пренія о деклараціи, находя, что

Собраніе слишкомъ долго оставалось въ области отвлеченныхъ идей, откуда нужно было, по его мнѣнію, поскорѣе вернуться въ реальный міръ, въ область положительнаго законодательства. При разработкѣ конституціи онъ защищалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ раздѣлъ законодательной власти между Собраніемъ и королемъ, которому хотѣлъ предоставить абсолютное „вето", т.-е. безусловное право не соглашаться на тѣ или другія рѣшенія Собранія. Еще въ серединѣ іюня 1789 г. онъ говорилъ, что безъ королевской санкціи онъ скорѣе согласился бы жить въ Константинополѣ, чѣмъ въ Парижѣ, и указывалъ на возможность захвата Собраніемъ деспотической власти. И потомъ, когда конституція уже разрабатывалась, онъ поддерживалъ абсолютное „вето", но не имѣлъ успѣха, такъ какъ Собраніе приняло „вето" отсрочивающее, въ силу котораго король лишь на время могъ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса. Не только въ Собраніи, но и въ клубахъ и въ прессѣ королевское „вето" принималось за нѣчто грозящее деспотизмомъ, и потому самая идея эта была весьма непопулярна.

Другой вопросъ, сильно занимавшій Мирабо, былъ вопросъ о министерствѣ. Когда два депутата сдѣлали предложеніе, чтобы король не могъ назначать министровъ изъ народныхъ представителей, Мирабо, видѣвшій необходимость связующаго звена между Собраніемъ и королевскою властью, какъ это уже было въ Англіи подъ названіемъ кабинета, сталъ съ энергіей и страстью защищать принципъ такого, какъ мы теперь выражаемся, парламентарнаго министерства. „Я не могу допустить,—говорилъ онъ,—чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, служило основаніемъ для лишенія его довѣрія со стороны монарха. Я не хочу думать, чтобы желали сдѣлать такую несправедливость по отношенію къ министерству, какъ бы объявляя, что, разъ кто-либо входитъ въ его составъ, онъ уже тѣмъ самымъ долженъ быть подозрительнымъ Собранію. Неужели лучше будетъ, если король станетъ выбирать министровъ среди своихъ придворныхъ, а не среди избранниковъ народа?" Когда въ Собраніи поднялся шумъ и стали указывать на то, что Мирабо говоритъ все это въ собственномъ интересѣ, желая самъ сдѣлаться министромъ, оставаясь въ то же время депутатомъ, то онъ ради спасенія принципа предложилъ требуемое исключеніе примѣнить лишь къ нему одному. Весьма язвительно онъ замѣтилъ при этомъ, что, быть-можетъ, депутатъ, внесшій оспариваемое имъ предложеніе, по скромности своей испугался возможности получить отъ короля приглашеніе на министерскій постъ и, же-

лая заранѣе сдѣлать это для себя невозможнымъ, задумалъ закрыть доступъ къ министерству всѣмъ своимъ товарищамъ, но если предложеніе имѣетъ въ виду лишь его, Мирабо, то пусть же къ нему одному оно и будетъ примѣнено. Законъ былъ принятъ, однако, въ смыслѣ нежелательномъ для Мирабо.

Къ числу конституціонныхъ вопросовъ, вызвавшихъ наиболѣе страстныя пренія, относился также вопросъ о правѣ войны и мира; тутъ Мирабо также отстаивалъ прерогативу монарха. Теперь уже громко говорили, что онъ только исполнялъ взятыя имъ на себя передъ дворомъ обязательства, какъ человѣкъ, за деньги защищающій чужіе интересы. Это не останавливало Мирабо, и онъ страстно продолжалъ отстаивать свою политическую идею. „И меня также,—говорилъ онъ,— нѣсколько дней тому назадъ хотѣли съ тріумфомъ нести на рукахъ, а теперь кричатъ на улицахъ: „великая измѣна графа Мирабо". Мнѣ не было надобности въ этомъ урокѣ, чтобы знать, какъ незначительно разстояніе отъ Капитолія до Тарпейской скалы; но эти удары снизу не остановятъ меня на моей дорогѣ". Въ это время, дѣйствительно, объ измѣнѣ Мирабо уже говорили открыто, а Маратъ въ своей газетѣ „Другъ Народа" требовалъ, чтобы граждане просто-напросто повѣсили „негодяя Рикетти". Въ самомъ Собраніи Мирабо угрожала крайняя партія, но онъ объявилъ, что будетъ говорить, какъ человѣкъ, для котораго все равно—рукоплещутъ ему или шикаютъ. Не довѣряя Людовику XVI, особенно въ виду осложненія внѣшнихъ отношеній, Учредительное Собраніе опасалось предоставить королю дѣла войны и мира. Въ то же время возникалъ еще вопросъ о законѣ, запрещавшемъ самовольное оставленіе отечества (эмиграцію), но Мирабо предлагалъ отвергнуть его безъ преній, какъ противный разуму и личной свободѣ, заявивъ, что если такой законъ состоится, то онъ „поклянется никогда ему не повиноваться".

Мирабо не добился своей цѣли ни при дворѣ ни въ Національномъ Собраніи. Въ числѣ комбинацій, роившихся въ его головѣ, былъ проектъ союза съ Лафайетомъ для образованія прочнаго большинства въ Собраніи. Мирабо обратился къ популярному генералу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща (въ іюнѣ 1790), хотя и писалъ королю, что надежда на Лафайета плоха, потому что онъ былъ бы не въ состояніи сопротивляться народнымъ страстямъ, и если его принципы не будутъ тѣми же, что у національной гвардіи, то послѣдняя за своимъ генераломъ даже и не пойдетъ. Кромѣ того, Мирабо желалъ, чтобы безъ соглашенія съ нимъ самимъ Лафайетъ ничего не дѣлалъ. Весь планъ разбился о

недовѣрчивость Лафайета, подозрѣвавшаго подкупъ, интригу или ловушку во всякомъ дѣлѣ, съ которымъ было связано имя Мирабо. Это были два человѣка слишкомъ противоположные для того, чтобы между ними могло состояться какое-либо соглашеніе. Мирабо былъ менѣе всего энтузіастомъ и доктринеромъ; прежде всего, это былъ проницательный и трезвый государственный человѣкъ, прекрасно притомъ умѣвшій угадывать людей и не обольщавшійся популярностью, которою было, напримѣръ, окружено имя Лафайета. Къ нему самому онъ относился критически, никогда не ища популярности во что бы то ни стало. Другое дѣло—Лафайетъ: человѣкъ лично честный и искренній, онъ былъ недальновиденъ и непредусмотрителенъ, мало способенъ къ критическому анализу людей, событій и обстоятельствъ и, вдобавокъ, слишкомъ дорожилъ своею популярностью. Мирабо видѣлъ въ немъ, среди дѣятелей того времени, прямо одного изъ наиболѣе опасныхъ для монархіи людей и высказалъ это въ своихъ тайныхъ мемуарахъ двору; онъ соглашался лишь на то, чтобы въ предполагавшемся министерствѣ Лафайету принадлежалъ одинъ почетъ первенства, но не дѣйствительная руководящая роль. Послѣ неудачи комбинаціи съ Лафайетомъ Мирабо рекомендовалъ двору назначить якобинское министерство: „Якобинцы, какъ министры, не будутъ якобинскими министрами,—говорилъ онъ,—поставленный у дѣлъ, самый завзятый демагогъ, видя вблизи бѣдствія королевства, пойметъ недостаточность королевской власти. Назначайте всѣхъ, ибо, если они удержатся, тѣмъ лучше, они вынуждены будутъ вступить въ соглашеніе, а если не удержатся, они потеряны, они сами и ихъ партія“.

Настроеніе націи по отношенію къ Мирабо было весьма измѣнчиво. Стоило ему дать волю своему негодованію на дворъ, не слушавшій его совѣтовъ, стоило ему произнести рѣзкую въ такомъ смыслѣ рѣчь, и къ нему снова возвращалась прежняя популярность: ему дѣлали при встрѣчѣ съ нимъ оваціи, выбирали предсѣдателемъ якобинскаго клуба и т. п. Въ клубѣ Мирабо пользовался большимъ вѣсомъ, хотя здѣсь (28-го февраля 1791 г.) за нѣсколько недѣль до его смерти и сдѣлано было на него нападеніе за то, что онъ возражалъ въ Національномъ Собраніи на проектъ закона противъ эмигрантовъ. При дворѣ, конечно, ставили ему въ вину его сношенія съ якобинцами, его популярность въ ихъ клубѣ, хотя попрежнему читали его проекты, не особенно имъ довѣряя. Его однажды разъ удостоила свиданіемъ сама Марія-Антуанета, съ каждымъ днемъ начинавшая играть болѣе зна-

чительную роль, чѣмъ самъ король. Въ началѣ 1791 г. Мирабо былъ избранъ и предсѣдателемъ Собранія.

Застарѣлая болѣзнь, излишества, которыя онъ себѣ позволялъ, и непомѣрная работа въ Національномъ Собраніи подкосили его силы. Въ мартѣ 1791 г. онъ принималъ участіе въ занятіяхъ Собранія уже совсѣмъ больнымъ. Еще 27-го марта онъ говорилъ съ трибуны по одному спеціальному вопросу, а 2-го апрѣля его уже не было въ живыхъ. Вѣсть о кончинѣ Мирабо произвела сильное впечатлѣніе на короля, на народъ, на Національное Собраніе, и на сторонниковъ монархіи и на защитниковъ народнаго верховенства, и на политическихъ друзей и на политическихъ противниковъ. Всѣ чувствовали, что съ нимъ уходила въ могилу крупная сила, которой боялись, но на которую возлагали и надежды, каждый съ своей точки зрѣнія, и которою дорожили даже противники, не перестававшіе думать, что эта сила могла бы быть въ ихъ лагерѣ. Однимъ изъ послѣднихъ словъ Мирабо было своего рода пророчество: „я уношу съ собою трауръ по монархіи; теперь партіи могутъ оспаривать другъ у друга ея лохмотья". Похороны Мирабо были блестящія. Въ отданіи ему послѣдняго долга участвовали дворъ, духовенство, Національное Собраніе, Лафайетъ со штабомъ національной гвардіи, а гробъ его былъ поставленъ въ церкви св. Женевьевы, превращенной въ усыпальницу великихъ людей.

Въ первые два года революціи имя Мирабо было самымъ крупнымъ, оставшимся таковымъ и для послѣдующихъ поколѣній, какъ бы ни судить его, какъ человѣка, и какъ бы ни оцѣнивать его идеи и планы, какъ политическаго дѣятеля. Мирабо среди дѣятелей 1789—1791 гг. былъ единственнымъ, предвидѣвшимъ будущія опасности, единственнымъ, понимавшимъ, при какихъ условіяхъ возможно было бы во Франціи осуществленіе конституціонной монархіи, человѣкомъ, который былъ бы, находись онъ у власти, въ состояніи упрочить пріобрѣтенія революціи. Въ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, необходимы такія же оговорки, съ какими пришлось раньше оцѣнивать историческую роль Тюрго. И Тюрго и Мирабо видѣли, въ чемъ заключалось зло и въ чемъ было спасеніе, но оба оказались не въ состояніи вывести Францію на правильную дорогу по обстоятельствамъ, которыя были сильнѣе ихъ обоихъ. Между прочимъ, самъ Людовикъ XVI (или дворъ, подъ постояннымъ вліяніемъ котораго онъ находился) и тогда и теперь дѣлалъ невозможнымъ осуществленіе новой политической программы, не желая оказать поддержку тому, что̀ требовалось ходомъ событій, идеями времени и настроеніемъ

общества. Съ другой стороны, если реформы Тюрго, вовсе не думавшаго о политическихъ гарантіяхъ, не могли уже вполнѣ удовлетворить ту часть общества, которая находилась подъ вліяніемъ идей Монтескьё, Руссо и Мабли, то и конституціонная монархія, какъ ее понималъ Мирабо, казалась уже очень и очень многимъ недостаточно гарантирующею политическую свободу въ виду вообще подозрительнаго поведенія самого Людовика XVI.

Не желая разбивать обзора дѣятельности Мирабо въ Учредительномъ Собраніи, я забѣжалъ нѣсколько впередъ, доведши изложеніе до его смерти. Поэтому намъ приходится еще вернуться нѣсколько назадъ.

Выше было сказано, что 1790 годъ былъ вообще болѣе спокойнымъ и предыдущаго и послѣдующаго. Въ 1790 году были даже такіе моменты, которые могли казаться началомъ полнаго успокоенія. Такимъ моментомъ былъ именно праздникъ федераціи въ первую годовщину взятія Бастиліи. Какъ извѣстно, и въ настоящее время 14-е іюля имѣетъ во Франціи значеніе національнаго праздника.

Но, прежде всего, что̀ такое сама эта федерація, по имени которой былъ названъ праздникъ 14-го іюля 1790 года?

Въ полный разгаръ повсемѣстной анархіи, въ какую стала впадать Франція лѣтомъ 1789 года, въ самомъ населеніи родилась потребность организаціи, возстановленія разрушавшихся связей. Тамъ и сямъ сосѣдніе города, мѣстечки (бурги) и деревни, отдѣльныя корпораціи и цѣлыя провинціи вступали между собою въ союзы, „федерировались“. Примѣръ этому подали еще въ октябрѣ 1789 года пятнадцать общинъ въ провинціи Бретани, а черезъ мѣсяцъ то же сдѣлано было четырнадцатью городами провинціи Дофине. Эти примѣры нашли подражаніе среди сотенъ населенныхъ мѣстъ, а съ февраля начались федераціи и между отдѣльными провинціями. Та же Бретань и сосѣдній съ нею Анжу выслали своихъ делегатовъ въ одно мѣсто, гдѣ было объявлено, что больше нѣтъ ни бретонцевъ ни анжуйцевъ, а есть только граждане единой Франціи. Національное Собраніе воспользовалось этимъ движеніемъ, чтобы его оформить, и рѣшило созвать на празднованіе годовщины взятія Бастиліи національныя гвардіи со всѣхъ концовъ Франціи.

Приглашенные въ Парижъ гости стали съѣзжаться еще въ первыхъ числахъ іюля. Нѣкоторыя депутаціи, настроенныя самымъ вѣрноподданническимъ образомъ, были милостиво приняты королемъ, который былъ очень тронутъ проявленіемъ ихъ чувствъ. Праздникъ удался на славу. На громаднѣйшомъ

Марсовомъ полѣ былъ построенъ колоссальный „алтарь отечества", на которомъ служилъ мессу епископъ отёнскій, членъ Собранія Талейранъ, въ сослуженіи трехсотъ священниковъ, препоясанныхъ трехцвѣтными лентами. Въ полномъ епископскомъ облаченіи съ архипастырскимъ посохомъ онъ торжественно благословилъ хоругвь національной гвардіи и знамена 83 департаментовъ, на которыя Національное Собраніе уже раздѣлило тогда страну. Затѣмъ, положивъ на алтарь свою шпагу, произнесъ присягу на вѣрность „націи, закону и королю" начальникъ парижской національной гвардіи Лафайетъ, котораго народъ привѣтствовалъ съ энтузіазмомъ. Довольно холодно были встрѣчены члены Собранія со своимъ предсѣдателемъ, загороженные отъ толпы старцами и младенцами; они тоже присягали. Присягалъ и король, котораго опять горячо привѣтствовали. Онъ не подошелъ къ алтарю, а вставъ только съ своего кресла, произнесъ: „клянусь употребить всю власть, данную мнѣ конституціоннымъ актомъ государства, что буду поддерживать конституцію, декретированную Національнымъ Собраніемъ и принятую мною". Сама Марія-Антуанета также приняла участіе въ манифестаціи, взявъ на руки своего маленькаго сына и сказавъ: „вотъ мой сынъ; онъ, какъ и я, присоединяется къ тѣмъ же чувствамъ". Послѣдовала новая овація. Знамена склонились, и раздались пушечные салюты. Вечеромъ была иллюминація, а въ соборѣ Парижской Богоматери оркестръ изъ 600 музыкантовъ сыгралъ „Взятіе Бастиліи, іеродраму на слова царя Давида". Бастилія къ этому времени была уже разрушена; на площади, гдѣ она стояла, устроены были танцы.

Въ праздникѣ федераціи участвовали и солдаты разваливавшейся арміи, которые уже давно впитывали въ себя рѣчи клубныхъ ораторовъ о необходимости не повиноваться больше „аристократамъ". Кое-гдѣ начинались въ это время военные бунты, которые очень безпокоили Собраніе. Время продолжало все-таки быть тревожнымъ, да и единеніе короля съ націей, демонстрированное на праздникѣ федераціи, было, въ сущности, призрачнымъ.

Отношеніе и самого Людовика XVI, и двора, и министровъ къ Національному Собранію не было искреннимъ, и лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ и скрѣпя сердце давалъ Людовикъ XVI свое согласіе на тѣ или другіе декреты Національнаго Собранія. Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ церкви и слушался духовенства, а оно протестовало противъ новаго устройства, даннаго Учредительнымъ Собраніемъ самой церкви. Съ сущностью его мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь

только отмѣтимъ, что оно находилось въ противорѣчіи съ каноническимъ правомъ вообще и въ частности съ главенствомъ папы, вслѣдствіе чего не только епископы, недовольные отнятіемъ у нихъ церковныхъ имуществъ, но и рядовые священники, демократически настроенные, въ большинствѣ случаевъ были противниками новаго „гражданскаго“ устройства духовенства. Самъ папа Пій VI обратился къ Людовику XVI лѣтомъ 1790 года съ предостереженіемъ, въ которомъ писалъ, что, утвердивъ декреты Національнаго Собранія о духовенствѣ, онъ погубитъ свое королевство. Когда тѣмъ не менѣе Людовикъ XVI далъ свою санкцію декретамъ, папа опять писалъ ему, что онъ огорченъ до-нельзя такимъ поступкомъ. Когда Національное Собраніе особымъ декретомъ въ ноябрѣ 1790 года потребовало отъ духовныхъ лицъ спеціальной присяги новому устройству церкви, Людовикъ XVI былъ вынужденъ и этому декрету дать санкцію, но онъ только о томъ и думалъ, какъ бы при первой же возможности взять свое согласіе назадъ, видя въ новомъ церковномъ законодательствѣ нападеніе на религію и нарушеніе правъ церкви. Даже Мирабо поддерживалъ короля въ его нерасположеніи къ декретамъ Національнаго Собранія, касавшимся церковныхъ дѣлъ. Поэтому Людовикъ XVI все болѣе и болѣе считалъ свое положеніе невыносимымъ, и при дворѣ давно уже замышлялось бѣгство короля изъ Парижа. Особенно мечтала объ этомъ Марія-Антуанета, разсчитывавшая на матеріальную помощь иностранныхъ дворовъ. Людовикъ XVI, равнымъ образомъ, считалъ себя въ правѣ употребить всѣ, какія представляются, средства для того, чтобы наказать людей, бывшихъ въ его глазахъ государственными преступниками. Ему казалось, что всѣ сдѣланныя имъ уступки, какъ вынужденныя, не имѣютъ обязательной для него силы, потому что благо государства выше всего, а надъ королями судья одинъ Богъ.

Сначала Людовикъ XVI уступалъ по слабости характера и изъ осторожности, но потомъ дѣлать притворныя уступки вошло въ его систему. Съ осени 1790 г. онъ все болѣе и болѣе сталъ подумывать о бѣгствѣ изъ Парижа и объ обращеніи за помощью къ монархической Европѣ. Предполагали ѣхать въ Мецъ, гдѣ начальствовалъ надъ войсками вѣрный королю Буйлье (мечтавшій, впрочемъ, о конституціи по англійскому образцу), а оттуда легко было въ случаѣ надобности бѣжать въ Германію. Этотъ планъ ставилъ, однако, виды двора въ слишкомъ близкое сосѣдство съ происками эмигрантовъ; съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи такой планъ уже прямо имѣлъ характеръ государственной измѣны. Такъ или

иначе, дворъ связывалъ интересы короля съ интересами добровольныхъ эмигрантовъ, которые, сами, однако, нисколько не думали о томъ, какъ ихъ заграничное поведеніе будетъ отзываться на судьбѣ оставленнаго ими во Франціи монарха, будучи исключительно заняты мыслью, какъ бы вернуть себѣ старое положеніе въ государствѣ. Еще Мирабо говорилъ, что, грозя возвращеніемъ деспотизма, эмигранты доведутъ Францію до того, что она станетъ искать спасенія въ республикѣ. Эмигранты, особенно графъ д'Артуа и Калоннъ, сами даже интриговали противъ двора. Въ свою очередь, и лично Людовикъ XVI съ Маріей-Антуанетой не хотѣли содѣйствія эмигрантовъ, разсчитывая преимущественно на вооруженное вмѣшательство европейскихъ монарховъ. Такимъ образомъ приближенные короля даже говорили о территоріальныхъ уступкахъ иностраннымъ державамъ за помощь противъ революціи. Замыслы двора сдѣлались извѣстными Національному Собранію и повергли его въ большую тревогу.

Весною 1791 г. Людовикъ XVI получилъ отъ папы новое письмо, въ которомъ говорилось, что присяга церковнымъ законамъ Собранія влечетъ за собою уже обвиненіе въ ереси. При такихъ обстоятельствахъ Людовикъ XVI считалъ себя не въ правѣ говѣть, въ чемъ поддерживалъ его одинъ епископъ. Между тѣмъ сторонники новаго церковнаго устройства требовали у него, чтобы онъ показалъ примѣръ повиновенія законамъ и причащался у приходскаго священника, присягнувшаго гражданскому устройству духовенства. Въ Парижѣ начинались новыя волненія, и Людовикъ XVI, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, задумалъ уѣхать въ городокъ Сенъ-Клу около Парижа (18-го апрѣля). Его, однако, задержала толпа, предводимая Дантономъ, и, несмотря на вмѣшательство Лафайета, король такъ-таки и не могъ выѣхать изъ Тюйлери. Тайные агенты двора за границей ссылались теперь на это происшествіе, какъ на лучшее доказательство несвободы короля, и говорили, что европейскіе монархи не должны будутъ удивляться тому, на что будутъ вынуждаемы соглашаться Людовикъ XVI и Марія-Антуанета, потому что оба они рѣшились притворяться до конца и усыплять подозрительность народа. Сдержки, какую для короля все-таки составляли совѣты Мирабо, со смертью послѣдняго не стало. При дворѣ теперь болѣе всего боялись, съ одной стороны, что Людовика XVI задержатъ революціонеры, а съ другой,—что графъ д'Артуа, какъ шла молва, вступитъ во Францію съ австрійскимъ войскомъ и тѣмъ создастъ для короля большую опасность.

20-го іюня Людовикъ XVI съ семьей тайно покинулъ Парижъ, но на другой день вечеромъ бѣглецы были задержаны по дорогѣ къ восточной границѣ, въ Вареннѣ; одному только брату короля, графу Прованскому, удалось пробраться въ Бельгію. Въ дорогѣ король держалъ себя неосторожно, и на одной станціи его узналъ почтмейстеръ, который и поскакалъ впередъ, чтобы приготовить все необходимое для ареста. Извѣстіе объ исчезновеніи короля произвело большой переполохъ въ Парижѣ, но Національное Собраніе осталось спокойно. Оно взяло теперь въ свои руки и исполнительную власть, отправило миролюбивыя завѣренія къ иностраннымъ дворамъ, разослало своихъ комиссаровъ по войскамъ для принятія присяги на имя націи, декретировало сборъ 300 тысячъ національной гвардіи и велѣло арестовать всякаго, кто хотѣлъ бы перейти границу. Уѣзжая, Людовикъ XVI оставилъ письмо наполненное упреками Національному Собранію и заключавшее въ себѣ отреченіе отъ даннаго имъ уже согласія на его декреты. Этимъ письмомъ монархическое большинство Собранія было очень смущено и постановило, вопреки очевидности, считать происшествіе не бѣгствомъ короля, а похищеніемъ его злонамѣренными людьми. Тѣмъ не менѣе попытка бѣгства наносила сильный ударъ монархіи. Многіе говорили, что „Большая Помѣха“ (т.-е. король) хорошо сдѣлала, что уѣхала, а другіе прибавляли, что настоящій король вотъ тамъ, въ Національномъ Собраніи, другой же можетъ ѣхать, куда ему угодно. Возвращеніе арестованнаго Людовика XVI въ сопровожденіи посланныхъ за нимъ депутатовъ, которые уже были нами названы, въ Парижъ было встрѣчено народомъ съ чувствомъ непріязни къ бѣглецу. Само Національное Собраніе нашло нужнымъ временно отрѣшить короля отъ исполнительной власти до принятія имъ конституціи и взяло его подъ стражу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно внесло въ проектъ конституціи статьи, въ силу которыхъ король въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола.

Въ клубахъ, въ прессѣ, въ парижскомъ населеніи начинали уже пропагандироваться республиканскія мысли, хотя въ этотъ моментъ еще не существовало республиканской партіи и мысль о республикѣ приходила въ голову лишь отдѣльнымъ лицамъ. Составлена была даже петиція о низложеніи Людовика XVI, и народъ былъ приглашенъ подписывать ее на „алтарѣ отечества“, сооруженномъ на Марсовомъ полѣ для второго праздника федераціи. Это шло далѣе того, чего желали Національное Собраніе и муниципальныя власти. На Марсово поле въ назначенный день, 17-го іюля, явились Бай-

лыи и Лафайеть съ вооруженной силой, но въ приведенное ими войско изъ толпы, собравшейся подписывать петицію, полетѣли камни. Національная гвардія отвѣчала ружейнымъ залпомъ въ воздухъ, отрядъ регулярнаго войска — прямо въ народъ, скучившійся на ступеняхъ алтаря, и эти ступени обагрились кровью убитыхъ и раненыхъ. Событіемъ на Марсовомъ полѣ была сильно подорвана прежняя популярность Учредительнаго Собранія, Лафайета и Байльи. Група роялистовъ въ Собраніи задумала воспользоваться антимонархическою манифестаціей для того, чтобы при общемъ пересмотрѣ проекта конституціи внести въ нее поправки въ монархическомъ смыслѣ, но другая група оказала этому отпоръ въ виду того, что послѣ бѣгства Людовика XVI еще менѣе, чѣмъ прежде, могло быть довѣрія къ исполнительной власти, т.-е. къ королю. Въ якобинскомъ клубѣ въ связи съ этими обстоятельствами произошелъ расколъ: отъ него отдѣлились, чтобы основать свое особое общество (клубъ фейльяновъ), конституціонные монархисты Дюпоръ, Барнавъ, братья Ламеты; послѣ этого главное вліяніе въ клубѣ якобинцевъ стало принадлежать людямъ, которые считали нужнымъ вести революцію дальше.

Кромѣ политическихъ причинъ для волненій въ Парижѣ лѣтомъ 1791 года, были и причины экономическія. Въ 1790 и 1791 годахъ общее экономическое положеніе Франціи нѣсколько улучшилось сравнительно съ 1789 годомъ: безработица стала прекращаться, и весною 1791 года рабочіе стали предъявлять предпринимателямъ разнаго рода требованія, прибѣгая при этомъ къ стачкамъ. Съ лѣта 1789 года въ теченіе двухъ лѣтъ рабочіе въ Парижѣ стачекъ почти не устраивали, а если и обращались по своимъ дѣламъ къ властямъ, то дѣлали это въ самой сдержанной и почтительной формѣ. Въ апрѣлѣ и маѣ 1791 года съ оживленіемъ промышленности цѣлый рядъ производствъ былъ захваченъ стачечнымъ движеніемъ, что обезпокоило одинаково и городскую думу Парижа и само Національное Собраніе.

Генеральный совѣтъ Коммуны обратился къ „рабочимъ разныхъ профессій“ съ воззваніемъ, гдѣ рабочіе упрекались въ томъ, что собираются на сходки, вмѣсто того, чтобъ работать, что въ отношеніяхъ между рабочими и предпринимателями должна быть свобода и силою навязывать никому условій нельзя, что подобныя соглашенія только воскресили бы худшія времена цеховъ. Это воззваніе никакого успѣха не имѣло. Стачка все болѣе разгоралась. Тогда муниципальныя власти рѣшились дѣйствовать. Участіе въ стачкахъ запрещалось,

общія рѣшенія о требованіи болѣе высокой платы объявлялись нарушеніями общественнаго порядка, и полицейскимъ комиссарамъ предписывалось арестовывать для преданія суду виновныхъ въ безпорядкахъ. Стачечники нашли нужнымъ оправдываться ссылкою на то, что ихъ сообщества являются лишь взаимно-благотворительными учрежденіями на случай болѣзни и старости.

Интересно, что среди тогдашнихъ газетъ только одна („Парижскія Революціи“ Прюдома) обнаружила интересъ къ стачкѣ, но и эта газета, одна изъ наиболѣе демократически настроенныхъ, въ вопросѣ стала на точку зрѣнія городской думы: чье-либо вмѣшательство во взаимныя отношенія тѣхъ, кто работаетъ, и тѣхъ, кто даетъ работу, „тиранично и абсурдно“. Авторъ статьи прямо заявлялъ, что „собранія, куда могутъ быть допущены только люди, занимающіеся одною и тою же профессіею, оскорбляютъ новый порядокъ вещей и омрачаютъ свободу“, что они „изолируютъ гражданъ, дѣлаютъ ихъ чуждыми отечеству и учатъ ихъ заниматься только самими собою, забывая общее дѣло“, и что, въ концѣ концовъ, „они стремятся увѣковѣчить тотъ эгоизмъ, тотъ корпоративный духъ, который хотѣли уничтожить вплоть до названія“. Статья тѣмъ не менѣе признавала рабочихъ по существу дѣла правыми и въ очень враждебномъ тонѣ говорила о хозяевахъ: „мы имъ совѣтуемъ,—сказано было въ статьѣ,—отдѣлаться поскорѣе отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ при старомъ режимѣ; подъ сѣнью своихъ привилегій они долго мучили рабочихъ, но это *счастливое* время уже прошло; большія и быстро составляемыя состоянія не въ духѣ конституціи“.

Видя, что городскія власти безсильны что-либо сдѣлать, хозяева обратились за помощью уже къ самому Національному Собранію. Рабочіе рѣшили тогда отвѣтить, и любопытно, что въ отвѣтѣ своемъ они снова заявляли, что ихъ соединеніе есть только взаимно-благотворительное общество, а не корпорація, и что хозяева на нихъ просто клевещутъ, приписывая имъ преступныя намѣренія. Вотъ, наоборотъ, сами хозяева, по словамъ рабочихъ, собираются и столковываются между собою, чтобы платить за работу какъ можно меньше, а потому Національное Собраніе, разумѣется, не станетъ „покровительствовать соглашенію предпринимателей, клонящемуся къ преступному угнетенію“. Хозяева ссылались на принципъ свободы, но и рабочіе также дѣлали ссылку на декларацію правъ, которая должна же чѣмъ-нибудь помочь рабочимъ, столь долго бывшимъ „игрушкою деспотизма предпринимателей“. Мало того: стачечники обвиняли хозяевъ въ

томъ, что своими „преступными“ соглашеніями они стремятся вернуть времена цеховъ. Признаніе и рабочими „преступности“ общаго соглашенія съ цѣлью вліять на заработную плату — явленіе очень характерное для эпохи: и тѣни какой бы то ни было защиты своей позиціи по существу у нихъ не было. Рабочіе даже избѣгали употреблять такія выраженія, подъ которыми можно было бы усмотрѣть намеки на организованность. Въ свою очередь, хозяева тоже составляли записки, жалуясь на слабость муниципалитета, который не могъ справиться съ „возстаніемъ рабочихъ“, въ количествѣ восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Свою жалобу они направили теперь въ „комитетъ конституціи“, занимавшійся выработкою будущаго государственнаго устройства Франціи. Туда же около этого времени обратилась и городская дума, дабы узнать, какихъ принциповъ должна держаться администрація въ своемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ рабочему движенію.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого комитетъ конституціи внесъ на обсужденіе Національнаго Собранія законопроектъ, докладчикомъ по которому выступилъ членъ комитета Ле-Шапелье. Предложенный имъ декретъ былъ направленъ не только противъ соглашеній рабочихъ ради увеличенія заработной платы, но и противъ соглашеній, въ какія могли бы вступать предприниматели съ цѣлью ея уменьшенія. Именно, дѣйствіе декрета распространялось и на предпринимателей и на тѣхъ, у кого есть открытая лавка, т.-е. декретъ одинаково запрещалъ соединенія какъ рабочихъ, такъ и ихъ хозяевъ. Въ дѣлѣ возникновенія закона Ле-Шапелье нужно, однако, признать нѣкоторую двойственность мотивовъ. Быть-можетъ, одни сознательно и преднамѣренно ковали оружіе противъ рабочихъ, но, вѣроятно, для большинства главнымъ соображеніемъ было то, которое было выставлено въ докладѣ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшее тогдашней идеологіи, раздѣлявшейся даже самими рабочими. Въ засѣданіи 14-го іюня, когда законъ былъ принятъ, преній почти не было: противъ проекта не было сказано ни одного слова. Законъ не вызвалъ также ни малѣйшей агитаціи ни въ печати ни въ клубахъ. Осенью того же 1791 г. спеціальный законъ запретилъ и коалиціи какъ помѣщиковъ и арендаторовъ, такъ и рабочихъ или поденщиковъ съ цѣлью одинаково и понижать и повышать рабочую плату.

Нужно вообще замѣтить, что въ 1789—1791 годахъ никакой своей программы рабочій классъ не выдвинулъ, никакъ на обсужденіе въ Собраніи конституціонныхъ вопросовъ не реагировалъ и даже тѣни претензіи на какое бы то ни было

вліяніе въ текущей политической жизни не предъявлялъ, хотя и принималъ участіе во взятіи Бастиліи, въ походѣ на Версаль въ началѣ октября 1789 г. и т. п. Противъ закона Ле-Шапелье, который вырывалъ изъ рукъ рабочихъ оружіе какъ-разъ во время затѣянной ими борьбы, съ ихъ стороны никакого протеста не послѣдовало, такъ какъ репрессія противъ безпокойныхъ рабочихъ дѣйствовала во-всю. Черезъ мѣсяцъ произошло упомянутое побоище на Марсовомъ полѣ у алтаря отечества, когда погибло немало участниковъ политической манифестаціи противъ Людовика XVI, а девять дней спустя Національное Собраніе приняло очень суровый декретъ, каравшій рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ, которые безъ предупрежденія оставляли свои мастерскія. За весь періодъ Учредительнаго Собранія рабочіе относились къ послѣднему съ почтительнымъ довѣріемъ и съ готовностью терпѣливо ждать отъ него всякихъ благъ и повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ. Ограниченіе избирательнаго права цензомъ, лишившее рабочій классъ права быть „активными гражданами“, столь же мало вызвало какой-либо протестъ, какъ и изданіе закона Ле-Шапелье, за очень немногими исключеніями, да и то принимавшими почтительную форму. Даже рѣзкая агитація демократически настроенныхъ журналистовъ противъ закона объ избирательномъ цензѣ не нашла особенно замѣтнаго отклика въ рабочей средѣ. Рѣчь Робеспьера въ защиту всеобщихъ избирательныхъ правъ, имъ напечатанная, но оставшаяся непроизнесенною въ Національномъ Собраніи (апрѣль 1791 года), не вызвала особенно сильнаго движенія среди рабочихъ, хотя въ нѣкоторыхъ секціяхъ были активные граждане, хлопотавшіе о большой демонстраціи. Любопытно, что самъ Маратъ не удосужился ничего сказать о стачкахъ и не нашелъ также ничего сказать о законѣ Ле-Шапелье.

Неудачное бѣгство Людовика XVI, происшедшее менѣе, нежели черезъ недѣлю послѣ изданія закона Ле-Шапелье, заставило Собраніе снова, какъ это было за два года передъ тѣмъ, искать поддержки въ народѣ противъ замысловъ двора и аристократіи. Рабочимъ стали раздавать оружіе и зачислять ихъ въ національную гвардію, и самъ Ле-Шапелье пошелъ въ якобинскій клубъ, какъ бы желая подчеркнуть на этотъ разъ свою солидарность съ далекими и враждебными ему якобинцами. Лишь послѣ 17-го іюля началось въ населеніи особое тяготѣніе къ болѣе радикальнымъ дѣятелямъ, нежели тѣ, которые были господами положенія въ 1791 г.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Учредительное Собраніе

кончало свою работу. 3-го сентября конституціонный актъ былъ представленъ Людовику XVI, который послѣ нѣсколькихъ дней колебанія наконецъ согласился на его принятіе и 14-го сентября въ засѣданіи Національнаго Собранія принялъ присягу „націи и закону". Свое дѣло Собраніе считало законченнымъ и, уступая мѣсто законодательному корпусу по конституціи, великодушно постановило, что никто изъ его членовъ не будетъ имѣть права быть избраннымъ въ слѣдующее Національное Собраніе. Такое самоисключеніе было большой политической ошибкой: кому же было проводить въ жизнь новую конституцію, какъ не ея творцамъ, успѣвшимъ за два года пріобрѣсти навыкъ въ дѣлахъ и имѣвшимъ всѣ основанія дорожить своимъ созданіемъ? Тогда же Байльи счелъ нужнымъ сложить съ себя званіе парижскаго мэра, а Лафайетъ— должность начальника національной гвардіи.

Къ концу Учредительнаго Собранія французская революція стала сильно озабочивать монархическія правительства Европы. Отъ того взгляда, который образовался сначала у иностранныхъ государственныхъ людей, видѣвшихъ во французскихъ смутахъ обстоятельство благопріятное или неблагопріятное для политическихъ интересовъ той или другой державы, правительства перешли постепенно къ другому взгляду: примѣръ, подаваемый французами, сталъ считаться вообще опаснымъ. Кромѣ того, начались столкновенія и на почвѣ реальныхъ интересовъ. Провозглашеніе народнаго верховенства и отмѣна феодальныхъ правъ задѣли интересы нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ провинціи Эльзасѣ. Затѣмъ, возникъ еще вопросъ о папскихъ владѣніяхъ внутри самой Франціи, городѣ Авиньонѣ и графствѣ Венессенѣ, когда въ мѣстномъ населеніи обнаружилось сильное стремленіе къ сліянію съ Франціей. Далѣе, въ Національномъ Собраніи и въ народѣ проявлялось сочувствіе къ бельгійской революціи, вспыхнувшей противъ Австріи: среди французовъ все популярнѣе дѣлалась мысль, что ихъ революція не должна ограничиваться одной Франціей, но должна распространиться на весь „человѣческій родъ", хотя самымъ яркимъ представителемъ идеи космополитической революціи былъ переселившійся въ Парижъ нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ, выступавшій въ роли „оратора отъ человѣческаго рода". Когда эмигранты стали подбивать европейскія правительства къ возстановленію во Франціи стараго порядка, то, находясь подъ угрозою насильственнаго подавленія революціи, французы сами начали думать о перенесенія ея въ сосѣднія страны.

Уже подъ вліяніемъ ареста королевской семьи въ Вареннѣ

императоръ Леопольдъ II, братъ Маріи-Антуанеты, обращался къ государямъ Европы и къ нѣмецкимъ князьямъ съ предложеніемъ согласиться между собою насчетъ общихъ дѣйствій въ пользу французскаго короля. Переговоры между державами и хлопоты эмигрантовъ при дворахъ послѣ этого усилились. Въ концѣ августа 1791 г. Леопольдъ II и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II свидѣлись въ Пильницѣ, недалеко отъ Дрездена, куда пріѣхали и принцы-эмигранты съ самыми дикими предложеніями (напр., совершеннаго разрушенія Парижа). Монархи вели себя, однако, осторожно и ограничились манифестомъ, въ которомъ выражали надежду, что европейскія правительства вмѣшаются въ событія, совершающіяся во Франціи, но что лишь въ случаѣ общаго согласія сами они, императоръ и король, будутъ дѣйствовать заодно съ другими, пока же лишь приказывали своимъ войскамъ быть наготовѣ. Во Франціи этотъ манифестъ былъ принятъ какъ бы за прямое объявленіе войны революціи, и это только ухудшило положеніе Людовика XVI. Въ сущности, Леопольдъ II вовсе не думалъ о войнѣ и употреблялъ все свое вліяніе на то, чтобы привести французскаго короля и Національное Собраніе къ соглашенію. Во Франціи пильницкій манифестъ былъ понятъ, какъ общее дѣло самого двора съ эмигрантами и съ иностранными державами, потому что никто не зналъ, что между дворомъ и эмигрантами солидарности не было, и что эмигранты даже интриговали противъ Людовика XVI, что принцы въ Пильницѣ были отвергнуты, что имъ вообще не везло въ ихъ планахъ при иностранныхъ дворахъ, и что, наконецъ, Леопольдъ II давалъ самые благоразумные совѣты Маріи-Антуанетѣ и ея мужу. Впечатлѣніе отъ манифеста было еще усилено прокламаціей принцевъ (10 сентября), въ которой они хвастались поддержкою всей Европы и, заранѣе протестуя противъ принятія Людовикомъ XVI конституціи, заявляли, что только подъ постороннимъ давленіемъ король можетъ говорить о своей свободѣ въ этомъ дѣлѣ. Графъ Прованскій заговорилъ даже о необходимости регентства въ виду несвободы Людовика XVI; это такъ обидѣло короля, что онъ подъ вліяніемъ фейльяновъ послалъ братьямъ приказъ вернуться во Францію.

Хотя Людовикъ XVI и извѣстилъ иностранныхъ государей о принятіи имъ конституціи, тайнымъ агентамъ двора было поручено сообщать повсюду, что не нужно вѣрить официальнымъ заявленіямъ, что все это—формальности, вынужденныя необходимостью, и лишь средство усыпить подозрительность бунтовщиковъ, пока Европа не придетъ ихъ усмирять силою.

ГЛАВА XIII.

Законодательство Учредительнаго Собранія.

Разсмотримъ теперь въ систематическомъ порядкѣ работу, произведенную Учредительнымъ Собраніемъ. Это была работа громадная: старый порядокъ во Франціи былъ разрушенъ, и все приходилось создать вновь. Депутаты приступили къ этому дѣлу безъ предварительной подготовки, безъ опыта, даже на первыхъ порахъ безъ умѣнія вести дѣла въ большомъ собраніи, да и работать имъ пришлось при постоянномъ недоброжелательствѣ и противодѣйствіи со стороны короля и придворныхъ сферъ, среди анархіи, охватившей страну, подъ постояннымъ воздѣйствіемъ со стороны парижскаго населенія. Немудрено, что въ такой сложной и трудной работѣ дѣлались ошибки отчасти отъ теоретической неразработанности многихъ вопросовъ политики, права, народнаго хозяйства, отчасти подъ вліяніемъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ, отчасти въ зависимости отъ проходящихъ соображеній, или же подъ давленіемъ обстоятельствъ. Ошибки были, мы ихъ отмѣтимъ и объяснимъ, но въ общемъ работа имѣла и положительныя достоинства, хотя многое созданное Учредительнымъ Собраніемъ въ жизни не удержалось не по его винѣ.

Учредительное Собраніе часто упрекали въ томъ, что оно много разрушало, вмѣсто того, чтобы только реформировать. Чѣмъ болѣе старая Франція упорствовала, тѣмъ болѣе приводила новую Францію къ убѣжденію, что изъ стараго нужно какъ можно менѣе переносить въ будущія учрежденія, тѣмъ все болѣе и болѣе старыя традиціи уступали мѣсто новымъ идеямъ. Мы знакомы съ этими идеями: идея естественнаго права была враждебна всякому историческому праву, и чѣмъ сильнѣе отстаивали послѣднее королевская власть, парламенты, церковь, провинціи, сословія, корпораціи, чѣмъ менѣе шли они на сдѣлку съ новыми требованіями, тѣмъ все болѣе они подготовляли превращеніе реформы въ революцію, т.-е. замѣну исправленія старыхъ порядковъ полнымъ ихъ уничтоженіемъ. Не по своему произволу Учредительное Собраніе занялось разрушеніемъ: старое само приходило въ упадокъ, само обрекало себя на гибель, а вездѣ оно разрушалось, прежде всего, народнымъ движеніемъ, такъ что Учредительному Собранію волей-неволей приходилось дѣлать то же. Но Учредительное Собраніе при этомъ и созидало. Спрашивается: чѣмъ же оно могло руководиться въ этомъ дѣлѣ, какъ не новой политической философіей?

Ему ставилось еще въ вину, что въ области политическихъ учрежденій и соціальной организаціи оно поступало не какъ „легислатура практическихъ дѣятелей", а какъ „академія утопистовъ", хотя даже самые строгіе критики находятъ, что во всѣхъ вопросахъ частнаго быта Учредительное Собраніе сдѣлало много хорошаго. Дѣйствительно, слабыя стороны политической философіи XVIII в. отразились и на законодательной дѣятельности Учредительнаго Собранія, но у этой философіи были вѣдь не одни же слабыя стороны: ея общественные принципы не являлись случайнымъ порожденіемъ разложенія стараго порядка, а вырабатывались въ длинномъ историческомъ процессѣ. Законодательство 1789—1791 годовъ впервые признало за этими принципами силу въ жизни, перестроивъ на ихъ основаніи многія ея стороны, хотя и допускало отступленіе отъ нихъ, когда это было не нужно, и, наоборотъ, прилагало ихъ къ такимъ случаямъ, когда жизнь не была еще достаточно подготовлена къ тому, чтобы ихъ воспринять надлежащимъ образомъ. Главными изъ этихъ принциповъ были свобода и равенство: руководясь ими, Учредительное Собраніе создавало новое общество, въ которомъ должны были исчезнуть безправность личности передъ государствомъ и зависимость ея правъ отъ условій рожденія въ томъ или другомъ сословіи и состояніи. И съ этой стороны дѣло Учредительнаго Собранія подвергалось порицанію: программа дѣятелей 1789 г. объявлялась слишкомъ узкою и своекорыстною,—слишкомъ узкою потому, что ею не ставился во всемъ объемѣ вопросъ соціальный, какъ вопросъ прежде всего экономическій,—и слишкомъ своекорыстною потому, что Учредительное Собраніе будто бы было проникнуто исключительно одними буржуазными интересами. При тогдашнемъ состояніи теоретической разработки экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, наиболѣе искренніе публицисты и дѣятели были убѣждены, что матеріальное благосостояніе придетъ съ самими политической свободой и гражданскимъ равенствомъ; только позднѣйшій историческій опытъ научилъ отдѣлять одно отъ другого и рѣзко различать отношенія политическія и соціальныя. Съ другой стороны, Учредительное Собраніе ставило такъ общо вопросъ о правахъ человѣка и гражданина, что провозглашенныя имъ права не были правами лицъ только извѣстнаго общественнаго класса. Нельзя, однако, не замѣтить, что, конечно, во многихъ отношеніяхъ главныя выгоды перемѣнъ выпали на долю буржуазіи, и что народъ могъ быть дѣйствительно недовольнымъ многими законами Учредительнаго Собранія, но этого отнюдь не слѣдуетъ обобщать.

Во главѣ законодательства 1789—1791 годовъ нужно поставить „Декларацію правъ человѣка и гражданина“. Уже нѣкоторые наказы 1789 г. требовали провозглашенія такой декларацін, а въ Собраніи особенно настаивалъ на ней Лафайетъ, въ данномъ случаѣ увлекавшійся американскимъ примѣромъ. Окончательный ея текстъ былъ установленъ въ 1791 году, и, въ виду важности ея содержанія, мы приводимъ ее цѣликомъ.

„Представители французскаго народа,—говорится во вступительной части „Деклараціи“,—составляющіе Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы объявленіе это, будучи постоянно въ виду всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрерывно напоминало имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы дѣйствія властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были чрезъ это болѣе уважаемы; дабы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на началахъ простыхъ и безспорныхъ, обращались всегда къ поддержанію конституціи и къ общему счастью.

„Въ силу этого Національное Собраніе признаетъ и объявляетъ, предъ лицомъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина:

„1. Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ.

„2. Цѣль всякаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

„3. Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи.

„4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому: такимъ образомъ пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ.

„5. Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для

общества. Все, что не воспрещено закономъ, дозволено, и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ.

„6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ.

„7. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ. Тѣ, которые испрашиваютъ, отдаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять произвольныя повелѣнія, подлежатъ наказанію, но каждый гражданинъ, вызванный или схваченный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться: онъ дѣлается виновнымъ, оказывая сопротивленіе.

„8. Законъ долженъ устанавливать наказанія только строго и очевидно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго раньше преступленія и законно примѣненнаго.

„9. Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиннымъ, пока его не объявятъ (на судѣ) виновнымъ, то въ случаѣ необходимости его ареста всякая строгость, которая не нужна для обезпеченія (за судомъ) его личности, должна быть строго подавляема закономъ.

„10. Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

„11. Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

„12. Для гарантіи правъ человѣка и гражданина нужна публичная сила: такимъ образомъ эта сила установлена для счастья всѣхъ, а не для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена.

„13. Для содержанія общественной силы и для расходовъ администраціи необходимо общее обложеніе: налоги должны быть распредѣлены равномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами.

„14. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основанія раскладки, способъ взиманія и срокъ.

„15. Общество имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи.

„16. Каждое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи.

„17. Такъ какъ собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не можетъ быть ея лишаемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того очевидно требуетъ общественная надобность, законно засвидѣтельствованная, и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія".

Въ „Деклараціи", какъ мы видимъ, положенія политической философіи XVIII в. въ качествѣ требованій „естественнаго права" ставятся выше самой конституціи: этимъ ея составители думали ограничить права государства по отношенію къ свободѣ личности. Общій характеръ „Деклараціи" явствуетъ изъ заявленія, что люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Другая основная черта—это признаніе ею принципа народовластія, хотя отсюда и не дѣлается никакого вывода относительно формы правленія. Въ первомъ отношеніи этотъ документъ примыкаетъ къ свободолюбію Монтескьё, во второмъ — ко взгляду Руссо, отъ котораго, впрочемъ, отступаетъ въ вопросахъ о представительствѣ и о раздѣленіи властей, равно какъ о гарантіи личныхъ правъ. Идея личности, какъ обладающей прирожденною и неотчуждаемою свободою, и идея націи, какъ обладательницы верховной власти въ государствѣ,—вотъ два основныхъ принципа приведенной „Деклараціи".

Учредительное Собраніе горячо отстаивало права личности, хотя подъ конецъ и стало вносить сюда ограниченія. Оно высказывалось сначала, напримѣръ, за почти безусловную свободу слова, сходокъ и эмиграціи, но мало-по-малу сошло съ этой точки зрѣнія, когда эти виды свободы, по его мнѣнію, стали приходить въ столкновеніе съ интересами государства. Уже формулируя принципъ свободы совѣсти, Собраніе ограничивало ее условіемъ, чтобы проявленіе религіозныхъ мнѣній не нарушало общественнаго порядка, т.-е. оговоркою, не дававшею права, напримѣръ, протестантамъ на свободное отправленіе своего культа. Тщетно и тутъ Мирабо горячо поддерживалъ одного депутата, предлагавшаго внести въ

статью еще слова: „и никто не долженъ встрѣчать препятствій въ отправленіи своего культа", дабы свобода совѣсти дѣйствительно установилась во Франціи, гарантируемая закономъ. Гораздо либеральнѣе отнеслось Собраніе къ свободѣ слова устнаго, письменнаго (неприкосновенность частной переписки) и печатнаго (освобожденіе печати отъ предварительной цензуры), но и здѣсь, когда оно нашло, что періодическая печать стала грозить опасностью общественному порядку, проступки по дѣламъ печати стали вызывать не столько судебныя преслѣдованія, сколько административныя мѣропріятія, какъ это было послѣ знаменитаго дѣла на Марсовомъ полѣ 17-го іюля 1791 г. То же самое было и съ правомъ сходокъ и петицій. Сначала Собраніе было къ нимъ благосклонно, но въ концѣ стало ограничивать, напримѣръ, дѣятельность клубовъ и право петицій, установивъ въ послѣднемъ отношеніи правило, по которому содержаніе подаваемой петиціи должно было быть заранѣе извѣстно властямъ и самыя петиціи должны были быть подписаны опредѣленными именами, а не подаваться, напримѣръ, просто отъ имени „народа". Кромѣ того, Собраніе издало такъ называемый военный (или „марціальный") законъ противъ мятежныхъ скопищъ. Мирабо былъ противъ такого закона, когда онъ только-что былъ предложенъ,—но самъ вошелъ въ комиссію, вырабатывавшую его подробности, дабы смягчить его въ дѣйствіи предоставленіемъ права его примѣнять только выборнымъ муниципальнымъ властямъ, допущеніемъ переговоровъ со скопищемъ и наконецъ разрѣшеніемъ дѣйствовать силою лишь послѣ троекратнаго увѣщанія и выкидки краснаго знамени. Мирабо отстаивалъ и право эмиграціи отъ стѣсненій, которымъ Собраніе задумало подвергнуть выѣздъ за границу въ виду политической опасности, какую представляли эмигранты, интриговавшіе при иностранныхъ дворахъ. Такимъ образомъ Учредительное Собраніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ само нашло нужнымъ ограничить индивидуальную свободу во имя государственной необходимости.

Въ другихъ вопросахъ законы Учредительнаго Собранія устанавливали принципъ личнаго права весьма прочно: пали крѣпостное состояніе и всякія стѣсненія личной свободы и собственности, вытекавшія изъ сеньёрьяльныхъ правъ; отмѣнена была утрата монашествующими ихъ гражданскихъ правъ; дарованы были всѣ права французскаго гражданства протестантамъ и евреямъ, получившимъ теперь полную равноправность съ католиками. Только свободную человѣческую личность Учредительное Собраніе хотѣло видѣть и въ лицахъ низшихъ расъ и въ иностранцахъ: негръ-невольникъ, попавъ

на французскую территорію, объявлялся свободнымъ, а по отношенію къ иностранцамъ отмѣненъ былъ „обэнажъ“, лишавшій ихъ права оставлять въ наслѣдство своимъ дѣтямъ собственность, находившуюся во Франціи. Далѣе, дѣти обоего пола, достигшія совершеннолѣтія (21 года), освобождались отъ родительской власти, равно какъ уравнивались въ правахъ на наслѣдство всѣ дѣти однихъ и тѣхъ же родителей безъ различія старшинства и пола. За преступленіе, совершенное однимъ членомъ семьи, другіе не должны были страдать въ своемъ добромъ имени и въ имущественныхъ своихъ правахъ, въ силу чего, напримѣръ, конфискація имущества вычеркивалась изъ уголовнаго кодекса *). Кромѣ того, признавалась за собственникомъ полная свобода посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ (посредствомъ завѣщанія), такъ что законы, ограничивавшіе право распоряженія собственностью въ интересахъ наслѣдниковъ (принципъ семейной собственности), отмѣнялись во имя безусловнаго личнаго права. Наконецъ, Учредительное Собраніе отмѣнило всѣ старыя стѣсненія, лежавшія на выборѣ занятій, уничтоживъ цеховой строй и объявивъ свободу труда и промышленности.

Разсмотримъ теперь, какъ былъ проведенъ другой принципъ философіи „естественнаго права“ въ учрежденіяхъ, созданныхъ первымъ національнымъ собраніемъ Франціи.

„Верховная власть,—гласитъ конституція 1791 г.,—едина, нераздѣльна, неотчуждаема и неотъемлема: она принадлежитъ націи; никакая часть народа и никакое отдѣльное лицо не можетъ приписывать себѣ пользованіе ею. Нація, отъ которой единственно происходятъ всѣ власти, можетъ пользоваться ими лишь посредствомъ делегаціи. Французская конституція есть представительная: представители суть законодательный корпусъ и король“. Такимъ образомъ, по конституціи 1791 г., державная нація проявляла свою верховную власть черезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, изъ которыхъ однимъ былъ наслѣдственный король. Это была по существу идея республиканская, такъ какъ превращала королевское достоинство въ наслѣдственную республиканскую магистратуру въ духѣ политической теоріи Руссо и Мабли. Между этимъ законодательнымъ корпусомъ и королемъ конституція 1791 г., согласно ученіямъ Монтескьё и Мабли, раздѣлила власть законодательную и исполнительную. Первая „поручалась собранію, составленному изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ“. „Правительство,—сказано было дальше,—есть монархическое:

*) Впослѣдствіи конфискація дѣйствовала во-всю.

исполнительная власть делегируется королю, чтобы отправляться отъ его имени министрами и другими отвѣтственными агентами".

По конституціи 1791 г. для замѣщенія должностныхъ лицъ широкое значеніе давалось принципу народнаго избранія, совершавшагося въ первичныхъ собраніяхъ самихъ гражданъ или въ департаментскихъ собраніяхъ лицъ, выбранныхъ въ первичныхъ. Вопреки „Декларацiи правъ человѣка и гражданина", признавшей общее равенство въ правахъ, конституція 1791 г. раздѣлила, однако, гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, признавъ значеніе первыхъ лишь за тѣми французами, которые достигли двадцатипятилѣтняго возраста, имѣли осѣдлость въ городѣ или кантонѣ, платили прямой налогъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ трехдневная заработная плата, не состояли ни у кого въ услуженіи за жалованье и числились на мѣстѣ жительства въ спискахъ національной гвардіи. Этою статьею конституціи устранялась изъ пользованія политическими правами бѣднѣйшая часть населенія, хотя цензъ, установленный для активныхъ гражданъ, не былъ настолько великъ, чтобы конституцію 1791 г. слѣдовало считать недемократической. Активные граждане составляли первичныя собранія, въ которыхъ должны были выбираться, кромѣ муниципальныхъ властей, выборщики—съ болѣе уже значительнымъ имущественнымъ цензомъ—для образованія въ каждомъ департаментѣ, на какіе была раздѣлена Франція, особаго избирательнаго собранія, выбиравшаго, кромѣ департаментской администраціи, также представителей въ Національное Собраніе, каковыми могли быть вообще активные граждане. Представители выбирались на два года съ правомъ переизбранія безъ перерыва лишь еще на два года и считались представителями не отдѣльныхъ департаментовъ, а всей націи, которыхъ притомъ не могъ связывать никакой повелительный мандатъ.

Законодательный корпусъ, состоявшій лишь изъ одной палаты, долженъ былъ непрерывно засѣдать два года,—что и называлось одной легислатурой,—обновляясь лишь на основаніи закона безъ созыва королемъ, который не могъ также и распускать законодательный корпусъ. Конституція одному законодательному корпусу предоставляла право предлагать и декретировать законы; въ его распоряженіе отдавались финансы, національныя имущества, сухопутныя и морскія силы; объявленіе войны могло произойти не иначе, какъ въ силу декрета Собранія, по формальному предложенію короля. Последнему предоставлялось право отказывать въ согласіи своемъ

на декреты законодательнаго корпуса, но этотъ отказъ могъ быть только отсрочивающимъ: „разъ двѣ легислатуры, слѣдующія за тою, которая представляла декретъ, одна за другою снова представятъ тотъ же самый декретъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ такомъ случаѣ будетъ считаться, что король далъ свою санкцію“. Это и было то отсрочивающее „вето“, которое было предметомъ долгихъ споровъ и въ концѣ концовъ восторжествовало надъ безусловнымъ „вето“, игравшимъ роль въ политической теоріи Монтескьё и защищавшимся Мирабо.

Облекая „короля французовъ“ исполнительною властью, конституція 1791 г., такъ сказать, требовала, чтобы онъ немедленно передалъ ее министрамъ и другимъ отвѣтственнымъ агентамъ: но конституція не допускала парламентарнаго министерства, т.-е. такого органа исполнительной власти изъ членовъ самого законодательнаго корпуса, какимъ былъ англійскій кабинетъ и какого добивался Мирабо. Такимъ образомъ король не созывалъ и не распускалъ Собранія, не пользовался самостоятельной законодательной инищіативою, имѣлъ право лишь отсрочивающаго „вето“ и долженъ былъ дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ, которые, однако, не были членами законодательнаго собранія. Всѣ эти ограниченія правъ монарха были введены въ конституцію изъ личнаго недовѣрія къ Людовику XVI и изъ боязни, какъ бы малѣйшая самостоятельность короля не послужила впослѣдствіи способомъ возстановленія абсолютизма. Тѣмъ не менѣе конституція 1791 г. объявляла личность короля священною и неприкосновенною, и король долженъ былъ только считаться отказавшимся отъ престола, если не присягнетъ конституціи или возьметъ назадъ данную присягу, если станетъ во главѣ арміи противъ націи или формальнымъ актомъ не воспротивится такому предпріятію, задуманному во имя короля, и если, удалившись изъ королевства, не вернется въ назначенный срокъ по приглашенію законодательнаго корпуса. Эти статьи явились въ конституціи подъ вліяніемъ всего поведенія Людовика XVI и особенно подъ вліяніемъ его попытки бѣгства. Послѣ отреченія король долженъ былъ сдѣлаться простымъ гражданиномъ, и тогда его можно было судить и обвинить за дѣйствія, совершенныя имъ послѣ отреченія.

На томъ же принципѣ народовластія была основана организація исполнительной и судебной властей. Конституція 1791 г., передавая первую изъ нихъ королю, въ сущности, не давала ему органовъ для отправленія этой функціи: ни король ни министры не участвовали въ замѣщеніи административныхъ

должностей и не могли смѣщать чиновниковъ, потому что и вся администрація была построена на началѣ народнаго избранія. Мы еще увидимъ, что Учредительное Собраніе дало Франціи новое административное дѣленіе на департаменты, дистрикты и муниципалитеты, причемъ не только не было сдѣлано различія между органами центральнаго управленія и самоуправленія, но введенъ былъ принципъ замѣщенія административныхъ должностей путемъ народнаго избранія въ первичныхъ и въ департаментскихъ собраніяхъ. Собраніе построило всѣ органы администраціи по одному типу: вездѣ были совѣщательныя коллегіи и исполнительные комитеты. Мѣстныя и притомъ именно выборныя власти вѣдали и общегосударственныя дѣла, оставаясь, однако, совершенно независимыми отъ центральнаго правительства. Это дезорганизовало, разстроило исполнительную власть: то, что̀ давалось центральному правительству подъ этимъ именемъ, было въ сущности призракомъ, ибо у короля не было даже органовъ для контроля надъ дѣйствіями административныхъ лицъ и учрежденій. Учредительное Собраніе понимало всѣ недостатки старой централизаціи, но вмѣсто того, чтобы сочетать системы центральнаго правительства и самоуправленія, построило всю администрацію на началахъ самой крайней децентрализаціи. Недовѣріе къ королевской власти, къ ея прежнимъ органамъ въ провинціяхъ (къ интендантамъ), къ административной централизаціи вообще склонило Учредительное Собраніе къ тому, чтобы не только ввести въ жизнь Франціи мѣстное самоуправленіе, но и передать въ вѣдѣніе его органовъ многое, что̀ должно было бы остаться въ рукахъ центральнаго правительства и его органовъ.

Въ судебной организаціи произошло то же самое: не довѣряя старому судейскому сословію, Учредительное Собраніе не только не установило особыхъ апелляціонныхъ палатъ, подъ видомъ которыхъ могли бы возродиться старые парламенты, но даже и не требовало, чтобы судьи обладали необходимыми юридическими знаніями, опасаясь, какъ бы не возродилось старое судейское сословіе. Введши институтъ присяжныхъ засѣдателей для уголовныхъ дѣлъ (большое жюри для преданія суду и малое для произнесенія приговора), Собраніе сдѣлало выборными и судейскія должности какъ мировыхъ судей, такъ и членовъ департаментскихъ трибуналовъ (окружныхъ судовъ), т.-е. и здѣсь былъ примѣненъ принципъ народовластія. Судопроизводство было также реформировано и во многихъ отношеніяхъ въ духѣ гарантій личной неприкосновенности.

Составители конституціи проявили большую заботливость объ упроченіи ея существованія особымъ закономъ. Признавъ за націей неотъемлемое право измѣнять конституцію, но въ то же время считая, что было бы въ [illegible] національный интересъ пользоваться правомъ реформировать ея статьи, неудобства которыхъ укажетъ опытъ, не иначе какъ способомъ, указаннымъ въ самой же конституціи, Учредительное Собраніе обставило „пересмотръ конституціонныхъ декретовъ" такими формальностями, что первымъ двумъ легислатурамъ не давалось вообще права поднимать этотъ вопросъ, а затѣмъ требовалось, чтобы то или другое измѣненіе предлагалось одинаковымъ образомъ тремя послѣдовательными легислатурами, послѣ чего лишь четвертая, да и то усиленная 249 новыми членами (всѣхъ было 748), могла приступить къ самому пересмотру.

Въ своихъ реформахъ Учредительное Собраніе часто исходило изъ отвлеченныхъ принциповъ. Въ теоріи государство мыслилось внѣ историческихъ его формъ, каковыми были и слѣды происхожденія государства изъ многихъ прежнихъ самостоятельныхъ княжествъ, сдѣлавшихся его провинціями, и существованіе въ немъ рѣзко одно отъ другого отграниченныхъ сословій, и извѣстныя отношенія, установившіяся между нимъ и космополитическимъ учрежденіемъ католической церкви. По конституціи 1791 г. королевство признавалось единымъ и нераздѣльнымъ въ согласіи съ единствомъ французской націи и съ отвлеченнымъ представленіемъ о государствѣ. Для удобства управленія оно было раздѣлено на 83 департамента, вмѣсто стараго историческаго дѣленія на провинціи, причемъ въ основу новаго дѣленія были положены отвлеченные же, именно математическіе принципы— возможной равновеликости территоріи отдѣльныхъ департаментовъ (принципъ геометрическій) и возможной равнонаселенности этихъ территорій, полагая на каждый департаментъ приблизительно 400 тысячъ жителей (принципъ ариометическій). Если бы мыслимо было осуществить вполнѣ эти принципы, то пришлось бы раздѣлить территорію королевства на подобіе шахматной доски и постараться, чтобы число жителей на одномъ квадратѣ не превышало числа жителей на другомъ. Это искусственное дѣленіе не принимало въ расчетъ ни историческихъ границъ между прежними провинціями, генеральствами, бальяжами, сенешальствами и т. п., ни другихъ мѣстныхъ условій: бытовыхъ, экономическихъ и т. п., такъ что каждый департаментъ представлялъ собою чисто-искусственную административную единицу: это только способствовало еще

гораздо большему развитію централизаціи, когда позднѣе во главѣ каждаго департамента былъ поставленъ правительственный чиновникъ. Искусственно выкроенные департаменты съ ихъ столь же искусственными подраздѣленіями на дистрикты, а дистриктовъ на кантоны, и съ іерархическимъ подчиненіемъ однихъ другимъ, оказались впослѣдствіи очень мало приспособленными къ тому, чтобы сдѣлаться живыми общественными организмами, несмотря на широкую свободу, имъ предоставленную конституціей 1791 г. Парижъ, какъ сказано уже было въ главѣ X, получилъ особое устройство, причемъ былъ раздѣленъ на 48 секцій, игравшихъ большую роль въ событіяхъ 1792—1795 гг.

Мы еще увидимъ, какъ впослѣдствіи департаменты и муниципалитеты подчинились фактически одному изъ наиболѣе деспотическихъ центральныхъ правительствъ, какія только существовали когда-либо во Франціи. Къ этому привели, конечно, обстоятельства времени при содѣйствіи привычекъ, привитыхъ націи старою системою административной централизаціи, но, кромѣ того, дѣйствительная мѣстная автономія, какъ слишкомъ напоминавшая консервативныя притязанія старыхъ провинцій, была противна самому духу новой идеи государства „единаго и нераздѣльнаго“. Передъ отвлеченной идеей государства должна была пасть всякая мѣстная обособленность: въ этомъ отношеніи французская революція представляетъ немало аналогій съ централистическими стремленіями старыхъ правительствъ.

Съ тѣмъ же недовѣріемъ, какъ къ старымъ провинціямъ, отнеслось Учредительное Собраніе и къ прежнимъ корпораціямъ, имѣвшимъ характеръ юридическихъ лицъ. Мѣстная самобытность съ одной и той же точки зрѣнія должна была казаться столь же опасною для государственнаго единства (хотя въ то же время и вводилась самая широкая децентрализація), какъ должны были казаться опасными для личной свободы какія бы то ни было корпораціи. Мы уже упомянули, что, уничтожая цехи, Учредительное Собраніе по закону Ле-Шапелье запрещало и впредь устраивать какія бы то ни было ассоціаціи подобнаго рода. Читая этотъ законъ, уничтожающій „всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія и профессіи“ и запрещающій „возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ“, мы замѣчаемъ, что Національное Собраніе усматривало въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ ремесленныхъ ассоціацій нѣчто „неконституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе на свободу и

на декларацію правъ человѣка", ибо, какъ пояснилъ докладчикъ декрета, въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: „никому не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ, отдѣлять ихъ отъ общаго дѣла корпоративнымъ духомъ", съ другой же стороны корпораціи противорѣчать принципу свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ. Такимъ образомъ Учредительное Собраніе не хотѣло знать ничего промежуточнаго между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ и во имя личной свободы лишало отдѣльныхъ людей права соединяться между собою ради достиженія нѣкоторыхъ общихъ имъ цѣлей.

На вопросѣ о провинціяхъ и корпораціяхъ мы старались выяснить тотъ общій принципъ, который былъ положенъ въ основу общественнаго переустройства Франціи. Передъ тою высшею государственною идеею, которую выработала философія XVIII в., не было мѣста для неравенства правъ гражданъ одного и того же отечества, какъ бы они ни различались между собою по своему соціальному положенію; въ этомъ отношеніи требованія, вытекавшія изъ идеи государства, которое существуетъ единственно для общаго блага, только подкрѣпляли силу индивидуалистическаго принципа „Декларацін правъ человѣка и гражданина". Мы видѣли, что 4 августа 1789 г. рухнулъ весь соціальный феодализмъ: результатомъ этого было созданіе во Франціи безсословнаго гражданства, сдѣлавшагося однимъ изъ наиболѣе прочныхъ пріобрѣтеній революціи. 19 іюня 1791 г. были отмѣнены всѣ дворянскіе титулы вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Конституція 1791 г. съ первыхъ же строкъ своихъ объявляла безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ: „нѣтъ больше,—сказано въ ней,—ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни вотчинной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства или которые предполагали бы неравенство рожденія, а равно какихъ бы то ни было другихъ случаевъ превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ представителямъ власти при исполненіи ими ихъ обязанностей". Содержаніе декретовъ 4 августа 1789 года было изложено въ самой конституціи, которая „гарантировала въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ: 1) что всѣ граждане могутъ быть допускаемы ко всѣмъ мѣстамъ и должно-

стямъ безъ какихъ бы то ни было другихъ отличій, кромѣ добродѣтели и таланта; 2) что всѣ налоги будутъ распредѣляться между всѣми гражданами равномѣрно, въ соотвѣтствіи съ ихъ средствами; 3) что одни и тѣ же преступленія будутъ наказываться одинаковымъ образомъ безъ всякаго различія лицъ". Наконецъ, конституція прямо признавала только одно „состояніе гражданъ".

Революція 1789 г. вообще имѣла демократическій характеръ. Вотъ почему, между прочимъ, во Франціи не было учреждено верхней палаты, подобной палатѣ лордовъ англійскаго парламента. Дѣятели 1789 г., относившіеся съ недовѣріемъ къ королевской власти, къ административной централизаціи, къ парламентамъ, къ провинціальной самобытности, къ корпораціямъ, не могли отнестись съ довѣріемъ и къ аристократическому началу, тѣмъ болѣе, что вся старая знать была главною противницею новыхъ общественныхъ идей, стремленій и преобразованій. Вначалѣ Учредительное Собраніе колебалось между однопалатнымъ и двухпалатнымъ устройствомъ законодательнаго корпуса: за двѣ палаты говорили примѣры англійскаго парламента и конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, равно какъ разныя политическія соображенія. Защитниками двухпалатной системы были Лалли-Толандаль, Клермонъ-Тоннеръ, Мунье, Сьейесъ, а на противоположной сторонѣ были Мирабо и многіе другіе вліятельные дѣятели, доказывавшіе, что учрежденіе верхней палаты было бы нарушеніемъ народнаго верховенства, разъ собраніе, представляющее народъ, ограничивалось бы еще какимъ-то другимъ собраніемъ. Въ сущности, одержали побѣду не столько теоретическія соображенія, сколько боязнь, какую внушала новой Франціи старая аристократія. Сила демократическаго настроенія Учредительнаго Собранія выразилась въ томъ, что однопалатная система была принята большинствомъ почти пятисотъ человѣкъ противъ меньшинства, не доходившаго и до сотни.

Не въ этомъ только отношеніи французская конституція оказалась демократичнѣе англійской. Хотя она и не допустила всеобщей подачи голосовъ, но и не установила для пользованія политическими правами, въ качествѣ избирателей, того высокаго ценза, благодаря которому въ Англіи лишь незначительное меньшинство населенія пользовалось правомъ посылать депутатовъ въ палату общинъ. Цензъ, введенный Учредительнымъ Собраніемъ для такъ называемыхъ активныхъ гражданъ, былъ вовсе не такъ великъ, чтобы конституцію 1791 г. нельзя было назвать демократической. Въ Со-

бранія была небольшая група депутатовъ, которая желала установить цензъ, равный 60 франкамъ прямыхъ налоговъ, но противъ этого было громадное большинство, въ составъ котораго входили Мирабо и Робеспьеръ (самъ стоявшій за всеобщее избирательное право), и дѣло ограничилось принятіемъ ценза въ 3—6 франковъ, т.-е. столь незначительнаго ценза, что въ число активныхъ гражданъ въ 1791 г. попало около четырехъ милліоновъ лицъ изъ шести милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Дѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ сдѣлалось очень непопулярнымъ; противъ него стали протестовать, ибо, какъ говорилось въ нѣкоторыхъ брошюрахъ того времени, какъ-разъ бѣдные особенно нуждаются въ представительствѣ для защиты своихъ интересовъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать и того, чтобы въ разсмотрѣніи всего этого вопроса не выражалось опасеніе, какъ бы неимущіе—будь на ихъ сторонѣ большинство—не обобрали имущихъ. Если въ чемъ и видѣть особливую буржуазность конституціи 1791 г., такъ это въ установленіи ею уже болѣе высокаго ценза для права быть выборщикомъ, т.-е. членомъ департаментскаго собранія, выбиравшаго департаментскія власти и депутатовъ. По конституціи требовался поземельный доходъ въ размѣрѣ отъ 150 до 200 дней рабочей платы, т.-е. отъ 150 до 400 франковъ дохода.

Феодализмъ, рухнувшій 4 августа 1789 г., тяжелымъ бременемъ лежалъ не только на личности крестьянина, но и на непривилегированной (крестьянской и (буржуазной) собственности, которая революціей освобождалась отъ своего рода крѣпостной зависимости у духовенства и дворянства. Декретъ 4 августа, уничтожая безвозмездно лишь тѣ сеньёрьяльныя права, которыя имѣли происхожденіе въ крѣпостномъ правѣ, объявилъ, что всѣ остальныя будутъ подлежать выкупу. Этотъ общій принципъ предстояло примѣнить къ отдѣльнымъ категоріямъ и видамъ феодальныхъ правъ, и феодальный комитетъ долженъ былъ заняться подробной разработкой соотвѣтственнаго законодательства. Привилегированные члены Собранія и землевладѣльцы старались рѣшить всѣ возникавшіе въ этой области вопросы въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ. Интересы поземельной собственности вообще тоже нашли защитниковъ среди членовъ Собранія. 4 августа рѣшено было покончить и съ церковною десятиною, но вопросъ заключался въ томъ, должны ли будутъ земельные собственники освободиться отъ нея посредствомъ выкупа, или же она будетъ уничтожена безвозмездно, а тѣ средства, какія она давала на содержаніе духовенства, будутъ приняты на счетъ государственнаго казна-

чейства. Второй способъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе выгоднымъ для землевладѣльцевъ, освобождая ихъ отъ тяжелаго налога, но онъ былъ менѣе выгоденъ для всей націи, со включеніемъ въ нее и такихъ плательщиковъ налоговъ, у которыхъ не было никакой собственности, такъ какъ то, что духовенство имѣло отъ десятины, приходилось теперь возмѣщать изъ средствъ всей націи. Такъ дѣло и было рѣшено, причемъ отъ безвозмезднаго уничтоженія десятины выиграли одинаково всѣ землевладѣльцы свѣтскаго званія безъ различія сословій—дворяне, буржуа, крестьяне. Уничтожая безвозмездно десятину, Учредительное Собраніе подарило землевладѣльцамъ около 125 милліоновъ франковъ въ годъ, которые теперь для содержанія духовенства должны были быть взяты въ видѣ налоговъ со всего населенія.

Наиболѣе выдающимися членами феодальнаго комитета были Мерленъ, знающій и способный человѣкъ, но неустойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, и Тронше, слишкомъ гнувшій въ сторону владѣльцевъ феодальныхъ правъ. Брошюрная пресса, въ которой участвовалъ и Бонсерфъ, весьма подробно разсматривала вопросы, возникавшіе въ этой области. Между прочимъ, въ ней высказывалась и такая мысль: пусть король безвозмездно освободитъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ съ условіемъ, чтобы тѣ безвозмездно же освободили своихъ вассаловъ и т. д., ибо нѣтъ другого способа уничтожить эту старую несправедливость. Феодальный комитетъ не раздѣлялъ такой точки зрѣнія. Декреты 15 марта и 3 мая 1790 г. устанавливали очень тяжелыя условія для выкупа сеньёрьяльныхъ правъ: очень много было такихъ правъ отчислено къ подлежащимъ только выкупу; отъ сеньёра не требовалось документа на право, но собственникъ какъ-разъ документально приглашался доказывать, что онъ не долженъ былъ платить; до окончательнаго выкупа всѣ повинности должны были продолжать существовать на прежнихъ основаніяхъ и пр. и пр. При такихъ условіяхъ выкупъ дѣлался совершенно невозможнымъ. Не этого ожидали крестьяне, и вотъ они сразу стали во враждебныя отношенія къ декретамъ, да и сеньёры часто не хотѣли подчиняться новымъ законамъ. Вообще феодальное законодательство Учредительнаго Собранія было очень неудачно.

Рѣшенія 4 августа встрѣтили оппозицію со стороны короля и привилегированныхъ, хотя послѣдніе и выигрывали отъ уничтоженія десятины. Отношенія между дворянами и крестьянами были самыя обостренныя въ теченіе этого періода, что немало способствовало продолженію народныхъ волненій. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне отказывались платить всякія

феодальныя повинности, захватывали сеньёрьяльную собственность, рубили лѣса, истребляли дичь, а потомъ по-своему толковали декреты, передѣлывая свои наказы въ болѣе радикальномъ смыслѣ и отправляя въ Національное Собраніе петиціи, жалобы, протесты и т. п. Муниципальныя власти не только не были въ состояніи поддерживать порядокъ, но нерѣдко сами (иногда поневолѣ) становились во главѣ возмутившихся приходовъ, терроризовавшихъ всякаго, кто не подчинялся ихъ требованіямъ. Когда Учредительное Собраніе уступило свое мѣсто Законодательному, въ послѣднее посыпались крестьянскія петиціи, заключавшія въ себѣ уже прямыя угрозы. Составители этихъ просьбъ указывали на то, что дворяне, которымъ хотѣли „угодить" декретами 15 марта и 3 мая, находятся въ эмиграціи и угрожаютъ отечеству войной, и что представителями третьяго сословія были большею частью горожане, позабывшіе крестьянъ, такъ какъ сами не страдали отъ феодальныхъ правъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, укажемъ теперь же на дальнѣйшую его судьбу. Законодательное Собраніе назначило новый феодальный комитетъ, признавъ, что предыдущее Собраніе не исполнило даннаго имъ обѣщанія, а этотъ комитетъ въ апрѣлѣ 1792 г. внесъ проектъ декрета, которымъ безвозмездно уничтожались феодальныя наслѣдственныя и купчія пошлины и сеньёры обязывались доказывать существованіе своихъ правъ на отдѣльныя повинности; вслѣдъ затѣмъ сдѣлано было и еще нѣсколько облегчительныхъ предложеній. Своими декретами 18 іюня и 25 августа 1792 г. Законодательное Собраніе объявило всякую собственность свободною отъ какихъ бы то ни было сеньёрьяльныхъ правъ, если лица, имѣющія на нихъ какія-либо притязанія, не докажутъ противнаго. Конвентъ пошелъ еще далѣе: изданный имъ 17 іюля 1793 г. декретъ уничтожалъ безъ вознагражденія даже то, что̀ еще должно было выкупаться по закону 25 августа 1792 г., и повелѣвалъ, подъ страхомъ пятилѣтняго тюремнаго заключенія, всѣмъ владѣльцамъ феодальныхъ документовъ передать ихъ муниципальнымъ властямъ для сожженія. На такія рѣшенія, кромѣ народнаго недовольства и теоретической разработки вопроса въ болѣе радикальномъ духѣ, сильное вліяніе оказало и то обстоятельство, что выкупную сумму должны были бы получить съ населенія дворяне, находившіеся въ громадномъ количествѣ въ эмиграціи, заявлявшіе о своей ненависти къ революціи и ожидавшіе отъ побѣды враговъ Франціи возстановленія прежнихъ порядковъ.

Декреты 1792 и 1793 годовъ много содѣйствовали успѣ-

коснію сельскаго населенія и превратили ту часть крестьянства, которая была обезпечена землею, въ самыхъ надежныхъ защитниковъ новыхъ порядковъ. Но въ сельскомъ населеніи Франціи были еще неимущіе, нуждавшіеся, главнымъ образомъ, въ земельномъ обезпеченіи. Вопросъ о послѣднемъ вообще не игралъ большой роли въ публицистикѣ XVIII в., да и въ Учредительномъ Собраніи серьезно не заходило рѣчи о земельномъ обезпеченіи неимущихъ, хотя распродажа національныхъ имуществъ представляла хорошій случай помощи безземельной массѣ, если бы было организовано пріобрѣтеніе ею поступавшихъ въ продажу участковъ.

Революція наносила ударъ и соціальному могуществу католическаго духовенства, превращая его изъ особаго сословія въ простой классъ „служителей религіи", отнимая у него земли и десятину, чтобы замѣнить такую форму его матеріальнаго обезпеченія жалованіемъ отъ государства и тѣмъ дѣлая его болѣе зависимымъ отъ правительства.

Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что низшее духовенство оказало большія услуги національному дѣлу въ началѣ революціи, но высшее духовенство, которое состояло большею частью изъ дворянъ и пользовалось разнаго рода привилегіями, упорно держалось за старый порядокъ. Приходскіе священники между 13 и 20 іюня 1789 г. первыми присоединились къ третьему сословію, а въ засѣданіи 4 августа отказались отъ платы за требы. Низшее духовенство поддерживало и дальнѣйшіе шаги Учредительнаго Собранія, пока послѣднее не оттолкнуло его отъ себя, вмѣшавшись во внутренніе распорядки самой церкви. Уже въ августѣ 1789 г. было сдѣлано въ Національномъ Собраніи заявленіе, что церковныя имущества принадлежатъ націи, а потомъ предложено было объявить ихъ гарантіей государственныхъ займовъ; взамѣнъ же того Мирабо высказалъ мнѣніе, что націи самой слѣдуетъ оплачивать жалованіемъ „своихъ наставниковъ морали". Зимою 1789 г. реформа внѣшняго положенія церкви была окончательно завершена: какъ мы говорили уже, декретъ 2 ноября отдавалъ церковныя имущества въ распоряженіе націи, дабы они служили гарантіей для „ассигнатовъ", опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству жалованіе, а декретъ 19 декабря назначилъ въ продажу церковныхъ имуществъ на 400 мил. ливровъ. Всѣ эти мѣры не задѣвали интересовъ низшаго духовенства, и значительная часть приходскихъ священниковъ все еще поддерживала Національное Собраніе.

Сверхъ всего этого Учредительное Собраніе задумало реформировать и внутреннее устройство церкви. Передъ нимъ

было три пути—или войти въ соглашеніе съ папою о внутреннихъ реформахъ, которыя были необходимы въ церкви, или поручить совершеніе этихъ преобразованій собору епископовъ, т.-е. національной церковной власти, или, опираясь на идею, по которой государство могло „приказывать“ религіи, произвести реформу собственною властью. Первый путь былъ закрытъ, ибо папа враждебно относился къ революціи; о благопріятномъ рѣшеніи національнаго собора и думать также было нечего, поскольку епископы были сами привилегированные; зато идея народнаго верховенства въ тогдашнемъ пониманіи заключала въ себѣ право государства на вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви. Такое отношеніе къ вопросу противорѣчило самимъ же Національнымъ Собраніемъ провозглашенному принципу религіозной свободы. Отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла церкви былъ одинъ шагъ и до уничтоженія свободы совѣсти. На этотъ довольно скользкій путь и выступило Учредительное Собраніе своимъ „гражданскимъ устройствомъ духовенства“.

„Гражданское устройство духовенства“ было и крупною политическою ошибкою: оно оттолкнуло отъ революціи большинство низшаго духовенства, внесло религіозную смуту въ народъ, заставило Національное Собраніе вооружиться репрессивными мѣрами противъ людей, отстаивавшихъ права своей совѣсти, и создало одно изъ самыхъ сильныхъ, какъ мы видѣли, препятствій къ тому, чтобы Людовикъ XVI могъ примириться съ переворотомъ.

Новый законъ, отмѣнявшій (12 іюля 1790 г.) конкордатъ Франциска I и Льва X послѣ двухсотъ семидесяти четырехъ лѣтъ его существованія, заключался въ слѣдующемъ. Церковныя границы Франціи должны были совпадать съ границами государственными, въ силу чего отмѣнялась власть нѣкоторыхъ иноземныхъ епископовъ надъ пограничными французскими приходами. Далѣе, епархіи должны были совпадать съ департаментами, и тѣмъ самымъ число епископовъ уменьшалось до 83, вмѣсто прежнихъ 134, причемъ историческія названія каѳедръ замѣнялись новыми, и уничтожалось право архіепископствъ именоваться этимъ титуломъ въ отличіе отъ епископствъ. Уничтожались всѣ церковные титулы, кромѣ епископа и настоятеля (кюре), а прежніе капитулы и каноники превращались въ епископскіе совѣты и въ епископскихъ викаріевъ. Должности епископовъ и приходскихъ священниковъ были выборныя: выбирали—первыхъ департаментскія собранія, которымъ принадлежало право выбирать депутатовъ, судей и департаментскую администрацію, вторыхъ — избира-

тели, назначавшіе членовъ административныхъ собраній въ дистриктахъ. Такимъ образомъ духовныя лица избирались совершенно такъ же, какъ и всякія должностныя лица, и законъ ничего не говорилъ относительно вѣроисповѣданія избирателей: въ числѣ послѣднихъ могли быть и не-католики; Собраніе прямо отвергло предложеніе аббата Грегуара, чтобы избирателями духовныхъ лицъ могли быть только католики. Утвержденіе епископовъ папою отмѣнялось, и новый епископъ долженъ былъ лишь извѣстить о своемъ назначеніи папу, „какъ видимаго главу вселенской церкви, во свидѣтельство единства вѣры и общенія, которое епископъ долженъ поддерживать съ папою“. Въ случаѣ отказа епископомъ въ каноническомъ водвореніи священнику, послѣдній могъ жаловаться свѣтской власти, самихъ же епископовъ утверждали старшіе изъ нихъ. При вступленіи въ должность каждое духовное лицо обязано было присягать въ присутствіи муниципальныхъ властей и обѣщать хорошо исполнять пастырскія обязанности, быть вѣрнымъ націи, закону и королю и поддерживать по мѣрѣ своихъ силъ конституцію. Присяга въ повиновеніи папѣ уничтожалась.

Людовикъ XVI, какъ мы уже знаемъ, счелъ себя вынужденнымъ дать санкцію этому закону, но папа воспротивился новому устройству церкви, хотя и склонялся къ тому, чтобы оно ради религіознаго мира было только согласовано съ каноническими правилами. Не такъ думали французскіе епископы, протестовавшіе противъ новаго устройства безъ оговорокъ и увлекшіе за собою множество низшаго духовенства. Учредительное Собраніе еще болѣе обострило положеніе, потребовавъ отъ „служителей религіи“ или „общественныхъ чиновниковъ“ духовнаго званія—спеціальной присяги гражданскому устройству (декретъ 27 ноября 1790 г.) подъ угрозою отставки, въ случаѣ же нарушенія присяги или сопротивленія декрету угрожало и другими карами до потери правъ активнаго гражданства. Новый декретъ внесъ расколъ въ духовенство, раздѣливъ его на присяжное, или конституціонное, и неприсяжное, или отщепенническое. Первымъ присягнулъ по утвержденіи декрета королемъ аббатъ Грегуаръ, за нимъ два епископа (Талейранъ и Гобель), но вообще изъ 300 духовныхъ членовъ Національнаго Собранія присягнуло лишь около ста, въ Парижѣ изъ 666 духовныхъ только 236, въ остальной Франціи вообще лишь около одной трети. Сорбонна (богословскій факультетъ) объявила гражданское устройство церкви еретическимъ и схизматическимъ. Тѣмъ не менѣе началось назначеніе посредствомъ выборовъ новыхъ епископовъ,—причемъ

парижскимъ епископомъ былъ выбранъ Гобель, — но папа объявилъ выборы противозаконными и не призналъ новыхъ епископовъ. Это такъ подѣйствовало на духовенство, что многіе изъ почтенныхъ священниковъ, бывшихъ патріотами и демократами, стали отказываться отъ присяги или нарушать уже данную присягу. Этотъ расколъ въ духовенствѣ повелъ къ смутамъ, во время которыхъ присяжные и неприсяжные священники оспаривали другъ у друга храмы; въ эти распри вмѣшивались и народныя толпы и муниципальныя власти.

Учредительное Собраніе само спохватилось, что сдѣлало ошибку, вызвавъ религіозныя междоусобія, ничѣмъ притомъ не оправдывавшіяся внѣ созданнаго имъ самимъ раскола. Декретомъ 7 мая 1791 г. оно разрѣшило неприсяжнымъ священникамъ служить обѣдни во всѣхъ храмахъ, посвященныхъ національному культу, и даже открывать частныя церкви, но только лишило такихъ духовныхъ лицъ права занимать должности епископа и кюре и поставило имъ условіемъ не проповѣдывать противъ новыхъ порядковъ. Религіозныя страсти, однако, уже настолько разгорѣлись, что Собраніе не могло уже положить конецъ насиліямъ, которыя одинаково позволяли себѣ одна надъ другою обѣ церковныя партіи. Революція, такимъ образомъ, совершенно безъ всякой надобности превратила многихъ изъ своихъ прежнихъ союзниковъ въ ожесточенныхъ враговъ. Произошло все это потому, что въ церковномъ вопросѣ Учредительное Собраніе стало на точку зрѣнія государственной церкви, а не религіозной свободы. Это церковное законодательство дополнялось еще уничтоженіемъ (13 февр. 1790) монашескихъ орденовъ съ безповоротными обѣтами и превращеніемъ ихъ имуществъ въ національную собственность.

Благодаря отобранію церковной и монастырской собственности, образовавшей такъ называемыя „національныя имущества“, въ составъ которыхъ вошли, кромѣ того, еще домены, а позднѣе и конфискованныя имѣнія эмигрантовъ, во Франціи въ распоряженіи государства образовался громадный земельный фондъ, которымъ обезпечивались теперь государственные долги и новыя бумажныя деньги, т.-е. ассигнаты. Національное Собраніе предприняло для уничтоженія дефицита и уплаты долговъ распродажу части національныхъ имуществъ. Многіе совѣтовали при этомъ продавать землю по возможности мелкими участками для того, чтобы увеличить число собственниковъ и уменьшить число неимущихъ, но никому въ голову не приходило организовать для этого какой-либо кредитъ. Покупщиками національныхъ имуществъ являлись поэтому

очень часто люди, у которыхъ уже и безъ того была земельная собственность, или спекулянты, покупавшіе (иногда цѣлыми компаніями) очень большія помѣстья для перепродажи. Поэтому нельзя принять бывшее традиціоннымъ у нѣкоторыхъ французскихъ историковъ утвержденіе, будто мелкая собственность во Франціи ведетъ свое происхожденіе отъ революціи и обязана своимъ существованіемъ распродажѣ національныхъ имуществъ. Основа современной мелкой собственности французскихъ крестьянъ существовала еще до революціи, и если площадь крестьянскихъ участковъ послѣ нея расширилась, то лишь потому, что французскій земледѣлецъ постоянно прикупалъ новыя земли къ тому, что у него было уже раньше. Въ эпоху революціи значительная часть секуляризованныхъ имѣній духовенства и конфискованныхъ земель дворянства досталась посредствомъ покупки не крестьянамъ, а буржуазіи.

Объявленіе равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, установленіе равномѣрнаго обложенія, отмѣна феодальныхъ правъ, переходъ части церковной и дворянской поземельной собственности въ руки буржуазіи и крестьянъ,—все это создало изъ громаднаго большинства бывшаго третьяго сословія ревностныхъ защитниковъ новаго общественнаго строя. То обстоятельство, что монархія и церковь стали на сторону прежняго строя, и дало впослѣдствіи перевѣсъ республиканскому и антикатолическому движенію.

ГЛАВА XIV.

Время Законодательнаго Собранія.

Учредительное Собраніе окончило свою работу и разошлось въ сентябрѣ 1791 года, уступивъ свое мѣсто новому Законодательному Корпусу по конституціи. Революція между тѣмъ продолжалась, потому что ужъ очень много все-таки было недовольныхъ.

Революція внесла разстройство въ народное хозяйство Франціи, а ассигнаты, которые потомъ стали падать въ цѣнѣ, не улучшили финансовъ. Крестьяне были недовольны законами Учредительнаго Собранія о выкупѣ сеньёрьяльныхъ повинностей. Городскимъ рабочимъ былъ не по сердцу законъ, запрещавшій союзы и стачки, да и раздѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ не могло быть популярнымъ. Низшее духовенство, въ началѣ революціи патріотическое и демократическое, въ большей части отшатнулось изъ-за гражданскаго устройства духовенства. Крестьяне, рабочіе, низшее духовенство, вѣдь все это было большинствомъ націи. Тре-

вожные слухи о замыслахъ двора, о козняхъ эмигрантовъ, о намѣреніяхъ иностранныхъ державъ еще болѣе волновали народныя массы, и это создавало очень благопріятную почву для демагогической агитаціи клубовъ, газетъ и уличныхъ ораторовъ.

Конституція 1791 г., приводить которую въ исполненіе пришлось людямъ, не принимавшимъ участія въ ея созданіи, не нашла поддержки ни въ королѣ, принявшемъ ее лишь поневолѣ, ни въ новомъ Законодательномъ Корпусѣ, гдѣ начинало уже складываться еще болѣе республиканское направленіе. Для Людовика XVI конституція была слишкомъ мало монархическою, для наиболѣе выдающихся дѣятелей 1792 г. она казалась, наоборотъ, слишкомъ много оставлявшей значенія монарху. Столкновенія между королемъ и Законодательнымъ Собраніемъ, начавшіяся весьма скоро по введеніи конституціи 1791 г., въ свою очередь не обѣщали ничего хорошаго для упроченія новаго порядка вещей. Чѣмъ болѣе Людовикъ XVI противился всѣмъ мѣрамъ Собранія, которыя были вообще направлены противъ духовенства и дворянства, тѣмъ все больше и больше вырывалась пропасть между монархіей и націей. Старая солидарность королевской власти съ привилегированными, находившимися теперь въ самой рѣзкой оппозиціи съ представительствомъ націи, влекла монархію къ гибели, потому что народъ ничего такъ не боялся, какъ возврата старыхъ порядковъ съ церковными десятинами и съ феодальными правами. Иностранныя отношенія, угрозы, дѣлавшіяся Франціи изъ-за границы, сборы государей помочь французскому королю и возстановить привилегированныхъ въ ихъ правахъ еще болѣе должны были вооружать населеніе противъ монархіи, какъ это предсказывалъ еще Мирабо. Всѣмъ этимъ пользовались якобинцы и кордельеры, прекрасно организованные и дисциплинированные, научившіеся двигать народными массами въ Парижѣ и отчасти руководить революціей въ провинціяхъ. Они прямо хотѣли вести революцію дальше, еще болѣе демократизировать конституцію въ смыслѣ непосредственнаго народовластія,—идея котораго воспринималась населеніемъ притомъ въ такомъ смыслѣ, будто разъ верховная власть принадлежитъ народу, то и каждая отдѣльная часть народа должна пользоваться тѣмъ же правомъ. На сцену все болѣе и болѣе выступала политическая теорія Руссо. Сама декларація правъ, помѣщая въ число естественныхъ правъ, стоящихъ выше конституціи, сопротивленіе угнетенію, тѣмъ самымъ давала свою санкцію дальнѣйшему развитію революціоннаго движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ дви-

женіи все рѣшительнѣе, рядомъ съ насиліемъ снизу, развивалось и насиліе сверху, т.-е. анархія шла рука объ руку съ деспотизмомъ, какъ это было не только въ теоріи Руссо, но и въ теоріи Мабли, который, разрѣшая въ извѣстныхъ случаяхъ народу сопротивляться правительству, вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ и власти прибѣгать къ „священному насилію", дабы при его посредствѣ и хотя бы противъ собственной воли народа приводить послѣдній къ добродѣтели и счастью. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ состояніи общества и такомъ настроеніи умовъ революція не окончилась въ 1791 году, а имѣла еще длинное продолженіе.

Французская нація въ эпоху революціи состояла, конечно, не изъ однихъ героевъ, воодушевлявшихся только великими идеями, но и не изъ однихъ разнузданныхъ насильниковъ, въ которыхъ дѣйствовалъ лишь инстинктъ разрушенія. Въ націи были, конечно, люди весьма различныхъ качествъ, и, какъ это всегда бываетъ, отклоненія отъ средней человѣческой нормы не-героя, но и не-злодѣя были въ ней все-таки исключеніями, хотя бы по обстоятельствамъ времени и болѣе многочисленными, чѣмъ при спокойномъ теченіи жизни. Притомъ эти исключенія могли встрѣчаться въ разныхъ классахъ націи, а не въ одномъ какомъ-либо классѣ и болѣе нигдѣ. Нервное напряженіе народа было источникомъ и подвиговъ, прославившихъ революціонныя арміи въ борьбѣ съ европейскими коалиціями, и злодѣяній, ставившихся близорукими людьми въ вину самимъ принципамъ свободы и равенства. Собственно говоря, на сценѣ въ наиболѣе бурные моменты революціи дѣйствовало только меньшинство, энергично навязывавшее свою волю пассивному большинству, уже ранѣе пріученному больше къ повиновенію силѣ, чѣмъ къ самостоятельности, хотя и это большинство иногда все-таки выводилось изъ терпѣнія и оказывало сопротивленіе, — новая причина продолженія революціонныхъ смутъ. По мѣрѣ того, какъ перевѣсъ въ общемъ ходѣ событій брали наиболѣе крайнія политическія партіи, все чаще насильственно устранялись или сами добровольно себя устраняли отъ участія въ активной политической жизни цѣлыя общественныя группы, а къ нимъ присоединялись и тѣ общественные элементы, которые, наконецъ, добивались своего, какъ это можно сказать о крестьянской массѣ послѣ окончательнаго уничтоженія феодальныхъ правъ въ 1792—93 гг. Всколыхнувшееся народное море стало мало-по-малу успокаиваться, а между тѣмъ, благодаря ходу событій, у власти очутилась группа, рѣшившаяся во что бы то ни стало осуществить свой собственный государственный

идеалъ,—хорошо дисциплинированная и организованная, умѣвшая дѣйствовать на народныя страсти и устранять противниковъ изъ нужныхъ ей самой позицій,—группа, своею энергіей гарантировавшая болѣе умѣреннымъ элементамъ общества невозможность возвращенія къ старому порядку и много обѣщавшая народнымъ массамъ. Это были якобинцы, тревожившіе своимъ задоромъ уже многихъ членовъ Учредительнаго Собранія, которые говорили, что спокойствія въ странѣ не будетъ, пока будутъ во все вмѣшиваться якобинцы.

Революціонная агитація якобинцевъ имѣла сравнительно мало успѣха въ крестьянской массѣ. Они вербовали своихъ сторонниковъ преимущественно среди людей, получившихъ нѣкоторое образованіе,—безъ котораго трудно было бы понимать отвлеченную политическую догматику партіи,—въ мелкой буржуазіи, между представителями полуинтеллигентныхъ профессій, среди ремесленниковъ, а также и простыхъ рабочихъ. Еще въ эпоху Учредительнаго Собранія якобинскій клубъ, съ своими отдѣленіями въ провинціяхъ, представлялъ большую силу, тѣмъ болѣе, что хорошо организованныя его отдѣленія въ провинціяхъ принимали дѣятельное участіе въ разнаго рода выборахъ на всевозможныя должности, какъ того требовала новая административная система, между тѣмъ какъ вообще громадное большинство населенія, не привыкшаго къ публичной жизни и даже тяготившагося слишкомъ частыми выборами, наоборотъ, не являлось въ собранія для исполненія обязанностей активныхъ гражданъ: не являлось, напримѣръ, три четверти, семь восьмыхъ, девять десятыхъ того числа, которое должно было бы подавать голоса.

Лѣтомъ 1791 г. изъ якобинскаго клуба вышли болѣе умѣренные его члены; это произошло какъ-разъ въ то время, когда должны были произойти выборы въ Законодательное Собраніе. Въ эпоху общей дезорганизаціи якобинцы были хорошо организованы, и для ихъ стремленія къ вмѣшательству во всѣ проявленія общественной жизни, къ преобладанію надъ всѣми другими общественными теченіями, къ господству надъ массой открылось теперь широкое поле дѣятельности. Правда, они составляли меньшинство въ общемъ числѣ избирателей, какихъ-нибудь 300 (много 400) тысячъ на четыре милліона активныхъ гражданъ, но на ихъ сторонѣ были фанатическая вѣра, громадное честолюбіе, непреоборимая энергія и сильная организація. Децентрализація, созданная конституціей 1791 г., совсѣмъ лишала правительство возможности руководить выборами въ Законодательное Собраніе, а между тѣмъ, при непривычкѣ населенія къ свободному пользованію

своими правами, па мѣстахъ выборами—и притомъ пе всегда при помощи однихъ законныхъ средствъ—овладѣло меньшинство, пе останавливавшееся передъ запугиваніемъ и насиліями. Само оно играло вездѣ болѣе или менѣе роль орудій парижскаго „Общества друзей конституціи", въ которомъ брало перевѣсъ мнѣніе, что можно пускать въ ходъ и насиліе, когда цѣлью его дѣлается превращеніе французской націи въ добродѣтельный, свободный и счастливый народъ.

Не нужно еще забывать, что выборы лѣта 1791 г. происходили подъ вліяніемъ такихъ событій, какъ бѣгство короля, манифестація на Марсовомъ полѣ, пильницкій манифестъ, прокламація эмигрантовъ объ иностранной помощи, а все это представляло почву, особенно благопріятную для якобинской агитаціи. Якобинцы получили въ Законодательномъ Собраніи цѣлую треть мѣстъ (около 250 изъ 745); въ первыя же недѣли въ клубъ записалось около 140 новыхъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ важныя муниципальныя должности Парижа были заняты людьми, также не считавшими революцію оконченной, Петіономъ (мэръ), Манюэлемъ (прокуроръ), Дантономъ (его товарищъ), Робеспьеромъ (публичный обвинитель) и др. Составъ новаго Собранія былъ вообще своеобразный: въ немъ преобладали адвокаты (400 членовъ), было нѣсколько (около 20) конституціонныхъ духовныхъ, небольшое количество поэтовъ и литераторовъ, большею частью люди молодые, имѣвшіе менѣе тридцати лѣтъ отъ роду, человѣкъ шестьдесятъ было въ собраніи лѣтъ двадцати пяти — получившіе политическое воспитаніе въ клубахъ или на всевозможныхъ выборныхъ должностяхъ, учрежденныхъ за два года передъ тѣмъ, какъ они сдѣлались „законодателями" (офиціальный терминъ). Дѣловой характеръ, какой приняли подъ конецъ засѣданія Учредительнаго Собранія послѣ того, какъ оно отдало свою дань академическому обсужденію отвлеченныхъ вопросовъ, снова смѣнился философскими разсужденіями, риторической фразеологіей, полутеатральными представленіями, что доказывало только малую опытность въ дѣлахъ депутатовъ.

Въ Легислативѣ образовались три партіи. „Правую" составляли конституціонные монархисты, называвшіеся фейльянами по одноименному клубу или файетистами, т.-е. сторонниками Лафайета, вскорѣ получившаго команду надъ сѣверной арміей. Они раздѣляли политическія идеи членовъ Учредительнаго Собранія Барнава, Дюпора и Ламета, лѣтомъ и осенью болѣе всего хлопотавшихъ объ утвержденіи во Франціи конституціонной монархіи. „Лѣвая" дѣлилась на жирондистовъ и мон-

таньяровъ. Между этими двумя партіями было сильное соперничество, особенно изъ-за преобладанія въ якобинскомъ клубѣ и въ парижской коммунѣ. Жирондисты получили свое названіе отъ департамента Жиронды, изъ котораго происходили ея главари — Верньо, Гаде, Жансоне, бордоскіе адвокаты, къ которымъ примкнули еще Инаръ, Бриссо и Кондорсе. Монтаньяры, получившіе свое названіе отъ верхнихъ скамей, на которыхъ они сидѣли (горцы), считали наиболѣе выдающимися своими дѣятелями Мерлена, Базира, Шабо, Кутона, но самые выдающіеся члены этой партіи были внѣ Собранія, а именно извѣстные намъ: Гобеспьеръ, мало-по-малу ставшій главою якобинскаго клуба, Дантонъ и Камиллъ Демуленъ, игравшіе первую роль въ клубѣ кордельеровъ, Сантерръ, имѣвшій большое вліяніе на рабочее населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, и наконецъ Маратъ, неистовствовавшій въ своемъ „Другѣ Народа" противъ всѣхъ, кого только могъ такъ или иначе подвести подъ кличку „аристократа". Правая сторона состояла изъ сотни членовъ, но къ нимъ примыкало еще около полутораста членовъ центра, бывшихъ членами клуба фейльяновъ (всего около 260 депутатовъ); изъ членовъ лѣвой лишь около 140 было записано въ якобинскомъ клубѣ, но съ ними всегда подавало голоса около сотни другихъ депутатовъ. Наконецъ, было еще около 250 членовъ „независимыхъ", считавшихъ себя не принадлежавшими ни къ какой группѣ, но въ сущности совершенно несамостоятельныхъ, легко подчинявшихся вліянію лѣвой стороны.

Самую вліятельную группу послѣдней составляли жирондисты, большею частью молодые адвокаты и литераторы, прежде всего убѣжденные теоретики, пламенные ораторы, самоувѣренные политики, свысока относившіеся къ Учредительному Собранію и считавшіе себя единственными способными во Франціи государственными людьми, единственными настоящими патріотами въ духѣ героевъ Плутарха. Въ дѣйствительности это были люди недостаточно дальновидные, мало способные къ организаціи и дисциплинѣ, не всегда послѣдовательные и рѣшительные. Сначала они думали пользоваться демагогами крайней лѣвой (т.-е. Мерленомъ, Базиромъ, Шабо, Кутономъ и др.) и дѣятелями какъ клубовъ (Гобеспьеромъ и Дантономъ), такъ и революціонной прессы, какъ орудіями для достиженія своихъ цѣлей, не подозрѣвая, что въ этихъ орудіяхъ они готовили опасныхъ для себя соперниковъ, которые проявятъ больше дисциплины и организаторскихъ способностей, больше послѣдовательности и рѣшительности, и возьмутъ перевѣсъ надъ ними самими. Составляя меньшинство Собранія

лѣвая искала поддержки въ клубахъ и въ народной толпѣ, которая, напримѣръ, то разгоняетъ клубъ фейльяновъ, то шумно поддерживаетъ якобинцевъ изъ галлерей, отведенныхъ въ Собраніи для публики, то совершаетъ нападеніе на ихъ противниковъ на улицахъ. Парижскому народу лѣвою постоянно сообщалось въ свѣдѣніе, какихъ членовъ Собранія онъ долженъ считать своими врагами, какихъ — друзьями. „Независимые" все въ большей степени подчинялись якобинскому вліянію или переставали показываться въ Собраніи.

Познакомимся ближе съ только-что названными дѣятелями Законодательнаго Собранія и тѣми, внѣ его стоявшими вождями, которые тоже только-что были названы.

О Робеспьерѣ, Дантонѣ и Маратѣ, о Петіонѣ и Камиллѣ Демуленѣ рѣчь у насъ уже шла. Новыми для насъ дѣятелями являются жирондисты Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне, Изнаръ и Кондорсе, главные ораторы группы, еще члены Собранія, а изъ монтаньяровъ Базиръ, Шабо, Кутонъ, Мерленъ, тоже „законодатели", а внѣ Собранія—Сантерръ.

Бриссо де-Варвиль уже назывался выше, какъ одинъ изъ писателей-публицистовъ, выступившихъ еще до революціи на литературное поприще. За свои первыя писанія онъ посидѣлъ въ Бастиліи, потомъ въ 1788 и 1789 годахъ писалъ агитаціонныя брошюры, основалъ газету „Французскій Патріотъ", былъ членомъ городской думы въ Парижѣ и однимъ изъ вождей манифестаціи на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 года. Его вліяніе въ группѣ было такъ велико, что жирондисты слыли еще подъ кличкой „бриссотинцевъ". Еще задолго до революціи онъ увлекался политическими идеями Руссо, прославлялъ юную американскую республику, въ которую предпринялъ даже путешествіе, и вообще проявлялъ тяготѣніе къ республикѣ. Послѣ бѣгства Людовика XVI въ Вареннъ Бриссо въ якобинскомъ клубѣ произнесъ рѣзкую рѣчь противъ неприкосновенности короля, требуя надъ нимъ суда. Впрочемъ, попавъ въ Законодательное Собраніе, онъ не требовалъ немедленнаго низверженія монарха.

Верньо, пожалуй, главный ораторъ Жиронды, въ молодыхъ годахъ пользовался покровительствомъ Тюрго, который помогъ ему получить юридическое образованіе. Сдѣлавшись въ городѣ Бордо извѣстнымъ адвокатомъ, онъ въ 1790—1791 годахъ былъ въ составѣ мѣстной администраціи по выборамъ и тогда же организовалъ небольшой литературно-научный кружокъ, въ которомъ нѣкоторые видѣли даже начало самого жирондизма. У него не было сколько-нибудь выработанной, послѣдовательной политической теоріи, но онъ былъ страстнымъ поклонникомъ

свободы, ставилъ ее выше равенства и относился свысока къ народной массѣ. Весь увлеченіе и порывъ, Верньо мало годился къ тому, чтобы руководить другими и подчиняться какой-либо дисциплинѣ, а какъ борецъ, былъ больше человѣкомъ слова, нежели дѣйствія. Онъ очень скоро выдвинулся въ Собраніи и черезъ два мѣсяца былъ избранъ въ его предсѣдатели.

Краснорѣчивымъ и энергичнымъ ораторомъ Законодательнаго Собранія былъ Гаде, имя котораго, быть-можетъ, раньше произносилось Гюаде или Гуаде. Какъ и Верньо, онъ былъ изъ Бордо, онъ тоже принималъ участіе въ мѣстной администраціи по новому закону и былъ извѣстенъ въ названномъ городѣ клуба „друзей конституціи". Пріѣхавъ въ Парижъ для засѣданія въ Собраніи, онъ рано примкнулъ къ направленію Бриссо, но обратилъ на себя общее вниманіе лишь въ началѣ 1792 г., когда произнесъ очень патріотическую рѣчь по поводу опасности, грозившей Франціи изъ-за границы. Съ монархіей онъ, однакó, порвалъ, какъ и Бриссо, не сразу и вмѣстѣ съ Верньо и Жансонне дѣлалъ попытки образумить Людовика XVI.

Этотъ Жансонне, тоже бывшій адвокатомъ въ Бордо, былъ уже прежде организаторомъ мѣстнаго якобинскаго клуба. Сначала онъ думалъ еще о томъ, чтобы содѣйствовать упроченію демократической монархіи, въ каковомъ смыслѣ и старался вліять на Людовика XVI, но безуспѣшно. Онъ навлекъ на себя особую ненависть монтаньяровъ за свои злыя насмѣшки надъ Робеспьеромъ.

Южаниномъ же (изъ Прованса) былъ и Изнаръ (или же Иснаръ). Это южное происхожденіе руководящей группы жирондистовъ объясняетъ намъ ихъ горячность. Страстность, съ какою Изнаръ нападалъ на своихъ противниковъ, много ему лично вредила и навлекала неудовольствіе болѣе крайнихъ демократовъ на всѣхъ его единомышленниковъ.

Кондорсе, собственно, стоялъ нѣсколько особнякомъ, но былъ очень близокъ къ жирондистамъ. Это былъ ученый математикъ, членъ академіи наукъ, и въ то же время талантливый литераторъ, написавшій хорошія біографіи Вольтера и Тюрго, которому дѣятельно помогалъ, когда тотъ былъ министромъ. Подъ его вліяніемъ Кондорсе занялся политическою экономіей и сталъ много писать по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Духу Законовъ" Монтескьё онъ разсмотрѣлъ вопросъ о свойствахъ ума, нужныхъ для изданія законовъ, а въ „Письмахъ американскаго гражданина" нападалъ на тупой консерватизмъ парижскаго

парламента. Человѣкъ, необычайно сдержанный въ выраженіи своихъ чувствъ, „вулканъ подъ снѣгомъ", какъ его характеризовалъ одинъ изъ его друзей, Кондорсе былъ и холоднымъ ораторомъ на трибунѣ, но зато у него была очень сильная логика. Къ мысли о необходимости республики онъ пришелъ еще послѣ попытки Людовика XVI бѣжать изъ Парижа. Тогда же онъ началъ издавать газету „Республиканецъ, или защитникъ представительнаго правленія". Впослѣдствіи онъ много работалъ по вопросамъ народнаго образованія, требуя въ этомъ отношеніи полнаго равенства половъ, участвовалъ въ выработкѣ республиканской конституціи, а передъ смертью въ 1794 г. написалъ свой знаменитый „Набросокъ исторической картины успѣховъ человѣческаго ума".

Переходимъ къ другой группѣ. Базиръ, первоначально по профессіи адвокатъ, въ самомъ же началѣ Законодательнаго Собранія прославился предложеніемъ лишить корону титуловъ „величества" и „государя", а впослѣдствіи настаивалъ на законѣ, обязывавшемъ гражданъ обращаться другъ къ другу на „ты". Онъ занималъ въ Собраніи одно изъ крайнихъ мѣстъ на лѣвой сторонѣ, охотно ходилъ въ якобинскій и кордельерскій клубы, гдѣ производилъ впечатлѣніе необычайною убѣжденностью тона, гипнотизировавшаго толпу. Съ Шабо и Мерленомъ онъ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Первый изъ этихъ друзей Базира былъ прежде монахомъ-капуциномъ и епископскимъ викаріемъ. Въ Законодательномъ Собраніи онъ постоянно доносилъ братіи на своихъ товарищей, обвиняя ихъ въ измѣнахъ и т. п., и вообще предлагалъ самыя крайнія мѣры. Второй, Мерленъ изъ Тіонвиля,—котораго не слѣдуетъ отожествлять съ Мерленомъ изъ Дуэ, работавшимъ, какъ мы видѣли, въ феодальномъ комитетѣ Учредительнаго Собранія,—занималъ прежде должность простого пристава и сдѣлался въ Собраніи очень замѣтнымъ членомъ вслѣдствіе необычайной революціонности своихъ выступленій, за что даже въ тѣ времена Собраніе выразило ему свое порицаніе. Ненависть его къ Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ не имѣла границъ, онъ даже лично принялъ участіе въ низверженіи короля.

Видную фигуру въ лагерѣ монтаньяровъ представлялъ собою и Жоржъ Кутонъ, адвокатъ и авторъ комедіи „Обращенный аристократъ", написанной въ защиту конституціонной монархіи. Когда онъ у себя въ провинціи узналъ о попыткѣ короля бѣжать, то предложилъ мѣстному клубу обратиться къ Учредительному Собранію съ адресомъ о лишеніи

короля трона, а въ Законодательномъ Собраніи сдѣлался однимъ изъ самыхъ страстныхъ его враговъ.

Совсѣмъ изъ другой, не интеллигентской среды происходилъ Сантерръ, по профессіи пивоваръ, жившій въ рабочемъ кварталѣ. Въ 1789 году онъ принималъ участіе въ штурмѣ Бастиліи, былъ избранъ въ командиры батальона національной гвардіи, въ 1791 году являлся однимъ изъ вождей движенія 17 іюля, кончившагося бойней на Марсовомъ полѣ, а въ 1792 году дѣйствовалъ въ качествѣ одного изъ вождей народныхъ возстаній 20 іюня и 10 августа, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ будетъ итти рѣчь. Роялисты прозвали его „королемъ предмѣстій“ по той роли, которую онъ игралъ въ тамошнемъ рабочемъ населеніи. Рядомъ съ нимъ можно еще поставить нѣкоего Фурнье-„Американца“, получившаго это прозвище потому, что жилъ долго въ Америкѣ. Но онъ скоро попалъ въ тюрьму и потому не могъ развернуться, какъ Сантерръ, дослужившійся даже до генеральскаго чина, хотя о его военныхъ заслугахъ можно было только повторить шутливую эпитафію, сочиненную кѣмъ-то съ намекомъ на его первоначальную профессію: „здѣсь покоится генералъ Сантерръ, у котораго отъ Марса было только пиво“ (или „только гробъ“, такъ такъ слово „bière“ значитъ то и другое).

Между Законодательнымъ Собраніемъ и Людовикомъ XVI отношенія были натянутыми съ самаго начала. При дворѣ отнеслись съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ къ церемоніямъ, которыми сопровождалось открытіе Собранія, а король еще нарочно заставилъ долго себя ждать депутацію, которая была къ нему послана, чтобы извѣстить его объ открытіи Собранія. Послѣ этого (по требованію Кутона) оно въ отместку за такую невѣжливость декретировало лишить короля титуловъ „государь“ и „величество“ и замѣнить королевскій тронъ такимъ же кресломъ, какое было у предсѣдателя Собранія, поставивъ, вдобавокъ, это кресло по лѣвую, менѣе почетную сторону отъ предсѣдательскаго. Впрочемъ, на другой день депутаты одумались, и, когда Людовикъ XVI лично явился въ Собраніе, пріемъ ему былъ оказанъ хорошій, и его привѣтствовали криками: „да здравствуетъ король!“.

Людовикъ XVI сталъ пользоваться своимъ конституціоннымъ правомъ отсрочивающаго „вето“, но такъ какъ онъ не давалъ своего согласія на декреты Законодательнаго Собранія, которыми оно особенно дорожило, то это прямо ставилось ему въ вину, а двусмысленная политика двора по отношенію къ иностраннымъ державамъ дѣлала отношенія обѣихъ сторонъ еще болѣе натянутыми. Главными и притомъ откры-

тыми противниками новыхъ порядковъ были оба привилегированныя сословія старой Франціи — духовенство и дворянство. Первое проявляло свою оппозицію, не желая (хотя далеко не всѣ) подчиниться гражданскому устройству духовенства, другое продолжало эмигрировать и хлопотать о возвращеніи во Францію съ иностранными войсками. Уже Учредительное Собраніе, обративъ вниманіе на неприсяжныхъ священниковъ и на эмигрантовъ, ставило вопросъ о нихъ, какъ о врагахъ общественнаго порядка, а Законодательное Собраніе издало строгіе декреты, въ которыхъ грозило наказаніями и духовнымъ, не желавшимъ принести установленную присягу, и дворянамъ, уѣзжавшимъ за границу. Это были боевыя средства, которыми Собраніе вооружилось противъ своихъ враговъ, но отъ этого страдали и тѣ священники, которые находили лишь противнымъ своей совѣсти присягать новой церковной организаціи, а въ политику не вмѣшивались, и тѣ эмигранты, которые спасались отъ усилившихся смутъ отнюдь не для того, чтобы готовиться къ вооруженному вторженію во Францію. Отказъ Людовика XVI, вѣрнаго сына католической церкви и въ собственномъ представленіи все еще „перваго дворянина въ королевствѣ“, утвердить эти декреты былъ, разумѣется, принятъ за защиту не индивидуальной свободы, имъ попиравшейся, а сословій, которыя были самыми ожесточенными врагами демократіи, какъ это и было отчасти на самомъ дѣлѣ. Отсюда та страстность, съ какою велась борьба за декреты объ эмигрантахъ и неприсяжныхъ духовныхъ.

Въ ноябрѣ 1791 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь и конфискацію имуществъ эмигрантамъ, которые не вернутся на родину къ 1 января 1792 г., а другимъ декретомъ назначались очень строгія кары (отъ лишенія правъ съ отдачею подъ надзоръ до двухлѣтняго тюремнаго заключенія) не присягнувшимъ священникамъ, которые будутъ оказывать неповиновеніе и возмущать народъ. Оба декрета не получили королевской санкціи. Собраніе, между тѣмъ, совершенно напрасно смѣшивало воедино эмигрантовъ, большею частью дѣйствительныхъ враговъ новаго государства, съ неприсяжными священниками, преимущественно отстаивавшими лишь права своей совѣсти, и тѣмъ самымъ толкало и духовенство на путь сопротивленія. Боязнь народа передъ возвращеніемъ эмигрантовъ съ оружіемъ въ рукахъ для возстановленія стараго порядка придавала особую силу якобинцамъ. Сопротивленіе духовенства въ свою очередь развивало въ якобинцахъ ненависть къ самой церкви. Своимъ несогла-

сіемъ на декреты король при такихъ условіяхъ подписывалъ смертный приговоръ самой монархіи. Самого его и королеву стали называть въ это время „господиномъ и госпожой Вето“.

Отношенія Франціи къ иностранцамъ также обострялись. На угрозы, шедшія изъ-за границы, отвѣчали угрозами. Уже въ концѣ 1791 года вожди жирондистовъ говорили о необходимости войны. „Скажемъ Европѣ,—восклицалъ Изнаръ въ одной изъ своихъ рѣчей,—что, если кабинеты подбиваютъ королей къ войнѣ противъ народовъ, мы призовемъ народы къ войнѣ противъ королей“.—„Вамъ нужно самимъ напасть на державы, которыя дерзнутъ вамъ угрожать“,—говорилъ Бриссо. Между тѣмъ Людовикъ XVI тайно сносился съ иностранными дворами, предлагая устроить „конгрессъ главныхъ державъ Европы, опирающійся на вооруженную силу, какъ лучшее средство остановить успѣхи бунтовщиковъ“, „обнаруживающихъ намѣреніе совершеннаго уничтоженія остатковъ монархіи во Франціи, и воспрепятствовать тому, чтобы зло распространилось по другимъ государствамъ Европы“. Дворъ замышлялъ коалицію королей противъ революціи, а въ якобинскомъ клубѣ говорились рѣчи о всесвѣтной революціи: „Франція, — говорилъ Изнаръ, — издастъ страшный крикъ, и ей отвѣтятъ всѣ народы. Земля покроется борцами, и враги свободы будутъ вычеркнуты изъ списковъ людей“.

По вопросу о войнѣ впервые начался разладъ между жирондистами и монтаньярами. Первые надѣялись посредствомъ войны упрочить революцію, въ то же время ослабивъ престижъ королевской власти, въ защиту которой ополчились за границей; иностранцы и эмигранты были враги отечества и революціи; война съ ними была бы популярна; они, жирондисты, начнутъ эту войну, сдѣлаются господами положенія, вождями побѣдоносной революціи, освободителями Европы, благодѣтелями человѣчества. Нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ, въ качествѣ „оратора отъ человѣческаго рода“, офиціально приглашалъ Собраніе вести такую войну. Иначе смотрѣли на дѣло монтаньяры, сильные особенно въ якобинскомъ клубѣ: счастливая война,—думали они,—усилитъ престижъ королевской власти и создастъ послушную ей армію, несчастная же низвергла бы правительство лишь для того, чтобы отдать Францію въ руки жирондистовъ. Монтаньяры сами были не менѣе рьяными сторонниками революціонной пропаганды, но они желали начать ее не ранѣе того, какъ сдѣлаются сами господами положенія во Франціи. Великодушные идеалисты, жирондисты мечтали о братствѣ народовъ и отталкивали отъ себя мысль о диктатурѣ, какъ о вещи, несовмѣстимой со свободою, а монтаньяры уже

въ концѣ 1791 г. совѣтовали на случай войны предпринять мѣры, которыя показались бы слишкомъ суровыми во время мира, такъ какъ все то, что имѣетъ цѣлью спасеніе государства, справедливо, и бываютъ случаи, когда „нужно накинуть покрывало на статую свободы“, какъ выразился якобинецъ Геро-де-Сешель.

Подъ вліяніемъ жирондистовъ, Франціей овладѣлъ воинственный пылъ, символомъ котораго явился красный фригійскій колпакъ, скоро смѣнившій символъ трехцвѣтной кокарды. Съ начала 1792 г. иностранная политика все болѣе и болѣе начала останавливать на себѣ вниманіе Собранія и націи. Гаде въ страстной рѣчи нападалъ на проектъ европейскаго конгресса, предлагая указать измѣнникамъ на ихъ настоящее мѣсто, которымъ долженъ былъ быть эшафотъ. Между тѣмъ въ измѣнѣ все болѣе подозрѣвался и прямо обвинялся дворъ, обвинялись и министры короля. „Съ этой трибуны,—восклицалъ Верньо,—я вижу дворецъ, гдѣ создаются ковы контръ-революціи, гдѣ подготовляется интрига, которая предастъ насъ Австріи. Пришелъ день, когда вы можете положить конецъ такой дерзости и смутить заговорщиковъ. Страхъ и ужасъ исходили часто изъ этого дворца въ старыя времена во имя деспотизма, пусть же они теперь туда войдутъ во имя закона; пусть они проникнутъ въ сердца его обитателей, и пусть обитатели эти знаютъ, что конституція дѣлаетъ неприкосновеннымъ только короля. Законъ поразитъ виновныхъ безъ всякаго различія. Нѣтъ такой преступной головы, къ которой не могъ бы прикоснуться мечъ правосудія“.

Натискъ жирондистовъ на королевскихъ министровъ былъ столь силенъ, что Людовикъ XVI былъ вынужденъ дать имъ отставку и образовать новое министерство (24 марта 1792 г.).

Кандидаты въ министры были указаны на сей разъ „бриссотинцами“, какъ называли жирондистовъ, а главную роль при выборѣ ихъ игралъ Бриссо со своими друзьями, особенно съ Верньо и Жансоне. Три дня у перваго изъ нихъ происходили совѣщанія. Рѣшено было не допускать въ министерство никого, кто только могъ быть заподозрѣнъ къ „робеспьеризмѣ“, а таковымъ оказался, напримѣръ, Дантонъ, имя котораго называлось, какъ возможнаго кандидата. Однимъ изъ первыхъ былъ принятъ по рекомендаціи Жансоне генералъ Дюмурье, получившій министерство иностранныхъ дѣлъ, или, какъ тогда выражались, внѣшнихъ сношеній, человѣкъ въ то время лѣтъ 50, въ сущности, авантюристъ, служившій въ молодости и Генуэзской республикѣ противъ возстанія въ Корсикѣ, ей принадлежавшей, и барской конфедераціи въ Польшѣ въ войнѣ ея

съ русскими, исполнявшій тайныя порученія Людовика XV въ Швеціи, въ эпоху Учредительнаго Собранія заискивавшій у Мирабо, въ началѣ 1792 года искавшій благоволенія жирондистовъ, но потомъ начавшій подлаживаться къ якобинцамъ и особенно къ Дантону. Собственно говоря, онъ не былъ жирондистомъ, какъ другіе министры, изъ которыхъ по времени послѣднимъ вошелъ въ составъ министерства съ портфелемъ внутреннихъ дѣлъ Роланъ де-ла-Платьеръ.

Роланъ былъ инспекторомъ мануфактуръ и сотрудникомъ „Энциклопедіи" Дидро и имѣлъ уже шестьдесятъ лѣтъ отъ роду. Въ противоположность Дюмурье, человѣку безъ политической вѣры и безъ нравственныхъ правилъ, это былъ до педантизма человѣкъ честный, но узкій и довольно тщеславный. За его строгія правила его прозвали Катономъ. У Ролана была жена, имѣвшая тогда лѣтъ подъ сорокъ, умная, красивая, съ живымъ темпераментомъ. Еще дѣвочкой она стала много читать и, вмѣсто молитвенника, носила съ собою въ церковь Плутарховы біографіи героевъ классической древности. Впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ любимыхъ ея писателей сдѣлался Вольтеръ, у котораго она научилась быть деисткой. Потомъ она до энтузіазма полюбила Руссо. Вышедши замужъ не по любви, а чтобы осчастливить хорошаго человѣка, въ нее влюбившагося, и быть его помощницей, она дѣйствительно очень много помогала своему мужу и, между прочимъ, писала статьи для новаго изданія „Энциклопедіи". Во время революціи гостиная госпожи Роланъ сдѣлалась настоящимъ салономъ, „бюро общественнаго мнѣнія", какъ говорили потомъ монтаньяры. Здѣсь четыре раза въ недѣлю собирались Бриссо, Робеспьеръ, Петіонъ, Бюзо, членъ Учредительнаго Собранія, впослѣдствіи и членъ Конвента, принадлежавшій къ жирондистамъ. Съ Робеспьеромъ и съ Бюзо одно время она и переписывалась. Женщина съ характеромъ, она, какъ острили, была „единственнымъ мужчиной въ своей партіи". Въ новомъ министерствѣ она заняла столь вліятельное положеніе, что его даже стали въ шутку называть „министерствомъ госпожи Роланъ". И послѣ отставки мужа она продолжала играть роль, агитируя въ пользу республики. Подъ вліяніемъ г-жи Роланъ дѣйствовалъ еще изъ членовъ Собранія Барбару, примкнувшій къ жирондистамъ. Даже Дантонъ искалъ болѣе близкаго знакомства съ умною и энергичною республиканкою.

Идея создать однородное по составу министерство, нѣчто въ родѣ парламентскаго, какъ того хотѣлъ еще Мирабо, принадлежала этой женщинѣ, которая даже присутствовала

на засѣданіяхъ, гдѣ министры сговаривались о томъ, какъ дѣйствовать. Сами министры, правда, не были членами Законодательнаго Собранія, но зато дѣйствовали въ духѣ самаго вліятельнаго въ немъ направленія, жирондистскаго. Своему республиканизму они, впрочемъ, не давали хода, находясь у власти, которою желали пользоваться и въ конституціонной монархіи для проведенія въ жизнь своихъ идей.

Жирондистское министерство было за войну, которая дѣлалась тѣмъ болѣе неизбѣжною, что Францъ II, преемникъ Леопольда II, скончавшагося въ мартѣ 1792 года, ограниченный и фанатически настроенный государь, съ своей стороны рѣшилъ ускорить событія. 20 апрѣля Людовикъ XVI явился въ Законодательное Собраніе и взволнованнымъ голосомъ предложилъ ему на основаніи конституціи объявить войну королю венгерскому и богемскому (т.-е. Францу II, тогда еще не коронованному императорской короной). Только семь голосовъ было противъ предложенія. Такъ началась международная борьба, которой суждено было продолжаться съ небольшими перерывами почти цѣлую четверть вѣка (1792 — 1815) и оказать громадное вліяніе не только на международныя отношенія Европы, но и на внутреннюю исторію ея государствъ и народовъ. Уже въ засѣданіи 20 апрѣля войнѣ приписывался характеръ революціонной пропаганды: „Вы,—говорилъ одинъ депутатъ, — декретируете свободу всего міра“. „Объявимъ войну королямъ и миръ націямъ“,—говорилъ другой (Мерленъ). Манифестъ о войнѣ заключалъ въ себѣ „обѣщаніе не предпринимать войнъ съ завоевательными цѣлями и не дѣлать посягательствъ на свободу другихъ націй“. Людовикъ XVI, между тѣмъ, составилъ протестъ противъ собственнаго своего предложенія и послалъ разнаго рода тайные совѣты и указанія иностраннымъ дворамъ и эмигрантамъ, послѣднихъ онъ просилъ, впрочемъ, воздержаться отъ участія въ войнѣ.

Объявленіе войны подняло на ноги всю Францію, рѣшившуюся защищать до послѣдней крайности отечество и революцію. Знаменитые волонтеры 1792 года положили начало революціоннымъ арміямъ, игравшимъ такую видную роль въ событіяхъ эпохи. Около этого же времени Руже-де-Лиль сочинилъ революціонный гимнъ, получившій названіе „Марсельезы“, потому что лѣтомъ въ 1792 году его въ Парижѣ особенно много пѣли марсельскіе „федераты“. Отряды преимущественно молодежи, часто потомъ оказывавшейся, правда, недостаточно годною для военной службы, спѣшили къ границамъ. Первыя дѣйствія французовъ, направившихся на

Монсъ и Турнэ, были неудачны. Офицеры эмигрировали или относились къ революціи враждебно; интендантская часть организована была плохо; солдатъ кормили дурно; волонтеры были неопытны, недисциплинированы, и первыя стычки съ непріятелемъ кончились паникой, причемъ одинъ отрядъ даже изрубилъ своего генерала. Въ то же время дворъ продолжалъ свои тайныя сношенія съ заграницей, въ обществѣ стали говорить о существованіи въ Парижѣ, даже въ самомъ дворцѣ, особаго „австрійскаго комитета“, душою котораго была, въ томъ были увѣрены, сама королева. Между тѣмъ и Пруссія, связанная въ то время съ Австріей договоромъ, тоже объявила Франціи войну.

Военныя неудачи сдѣлались предметомъ взаимныхъ обвиненій и попрековъ: Лафайетъ ссорился съ Дюмурье, Робеспьеръ въ якобинскомъ клубѣ нападалъ на Бриссо и на жирондистовъ. 23-го мая жирондисты указали Собранію на существованіе австрійскаго комитета, а черезъ шесть дней оно уничтожило „конституціонную гвардію“ короля, какъ заподозрѣнную въ контръ-революціонномъ настроеніи. Въ началѣ іюня военный министръ предложилъ Собранію организовать подъ Парижемъ вооруженный лагерь изъ двадцати тысячъ „федератовъ“. Собраніе приняло это предложеніе. Людовикъ XVI согласился на распущеніе своей гвардіи, но продолжалъ платить жалованіе ея членамъ, бывшимъ большею частью изъ прежней королевской гвардіи, а на созывъ федератовъ онъ не далъ своего согласія. Равнымъ образомъ онъ наложилъ „вето“ на декретированное Собраніемъ усиленіе наказаній противъ неприсяжныхъ священниковъ, продолжавшихъ свою агитацію, въ видѣ высылки изъ кантоновъ, департаментовъ и даже изъ самой страны по донесенію двадцати активныхъ гражданъ, подтвержденному мѣстными властями.

Отношенія между министерствомъ и королемъ сдѣлались прямо невозможными. Роланъ, находившій поведеніе Людовика XVI неискреннимъ, говорилъ, что король или самый честный человѣкъ въ мірѣ, или, наоборотъ, величайшій обманщикъ, потому что такъ, какъ онъ, притворяться невозможно. Самъ Людовикъ XVI совѣтовался больше съ посторонними лицами, нежели съ оффиціальными своими совѣтниками. Когда онъ отказалъ дать свою санкцію декретамъ, Роланъ обратился къ нему съ письмомъ, авторомъ котораго была его жена. Она гораздо ранѣе своего мужа и его товарищей поняла, что для довѣрія, съ какимъ жирондистское министерство относилось сначала къ Людовику XVI, не было, въ сущности, никакихъ реальныхъ основаній. Письмо, составленное ею въ минуту

горячности, было страстно по содержанію и рѣзко по формѣ: настоящее положеніе Франціи невыносимо и должно привести къ взрыву; въ этомъ виноватъ король, вступающій въ союзъ съ врагами конституціи и дѣйствующій противъ законодательной власти. Но время поправить дѣло еще не ушло. „Престолу вашему, — говорилось въ письмѣ далѣе, — угрожаютъ страшныя бѣдствія, если онъ не будетъ утвержденъ на основахъ конституціи и упроченъ миромъ. Общественное мнѣніе уже подвергаетъ осужденію намѣренія вашего величества: еще отсрочка — и опечаленный народъ будетъ видѣть въ своемъ королѣ друга и сообщника заговорщиковъ". Людовикъ XVI отвѣтилъ на письмо отставкою министерства, за которою послѣдовалъ и выходъ въ отставку Дюмурье, послѣ того, какъ новые министры (изъ фельяновъ) объявили Собранію королевское „вето" на декреты (первая половина іюня). Собраніе съ своей стороны заявило, что отставные министры унесли съ собою его прежнее къ нимъ довѣріе, и вотировало отправку письма Ролана во всѣ 83 департамента. Между тѣмъ Лафайетъ, стоявшій лагеремъ у Мобежа, прислалъ Собранію заявленіе, въ которомъ выражалъ свое удовольствіе по поводу отставки министровъ, обвинялъ во всѣхъ безпорядкахъ якобинскую „шайку" и совѣтовалъ замѣнить господство клубовъ господствомъ закона. Его письмо произвело въ Собраніи сенсацію, между прочимъ, и своимъ повелительнымъ тономъ. Жирондистъ Гаде выражалъ недоумѣніе, могъ ли сподвижникъ Вашингтона говорить языкомъ Кромвеля, наносившаго ударъ свободѣ Англіи. Тогда же Лафайетъ написалъ письмо и королю, совѣтуя ему крѣпко держаться за власть, делегированную ему національной волей, и обѣщая ему поддержку всѣхъ истинныхъ французовъ.

Непринятіемъ декретовъ, отставкою министровъ-„патріотовъ", письмомъ Ролана къ королю и вызовомъ Лафайета воспользовались крайніе, чтобы поднять населеніе парижскихъ предмѣстій, страдавшее отъ нищеты, безработицы, дороговизны съѣстныхъ припасовъ и уже около трехъ лѣтъ жившее въ возбужденіи подъ вліяніемъ клубовъ, прессы и уличныхъ ораторовъ. Жирондисты сами были не прочь пользоваться содѣйствіемъ демагоговъ, но не въ смыслѣ насилія и кровопролитій, а въ смыслѣ внушительныхъ народныхъ манифестацій. „Истинные патріоты, — говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ, — позволяли дѣйствовать демагогіи, какъ шумной сворѣ собакъ, и не прочь были воспользоваться ею, чтобы произвести давленіе на исполнительную власть". Но демонстраціи пошли гораздо дальше, и то оружіе, которымъ жирондисты хотѣли пользоваться

въ своихъ интересахъ, обратилось впослѣдствіи противъ самихъ же жирондистовъ.

20 іюня въ Парижѣ произошло народное возстаніе. Толпа въ нѣсколько тысячъ, руководимая Сантерромъ, Фурье-Американцемъ, мясникомъ Лежандромъ, совершила вторженіе во дворецъ; ея вожди добрались до Людовика XVI, заставили его пить прямо изъ бутылки за здоровье націи и надѣть красный колпакъ, но не могли заставить утвердить декреты. Петіонъ, мэръ Парижа, явившійся на мѣсто происшествія, успокоилъ толпу, но многіе, расходясь, говорили, что если теперь ничего не было достигнуто, то, значитъ, нужно вернуться еще разъ. Собраніе выразило сожалѣніе по поводу всего случившагося, а кромѣ того ему была подана петиція съ 20 тысячами подписей, протестовавшая противъ событія 20 іюня. Пріѣхалъ въ Парижъ и Лафайетъ, чтобы потребовать наказанія якобинцевъ и предложить свои услуги королю, но уѣхалъ въ главную квартиру своей арміи, ничего не добившись: въ Собраніи Гаде поставилъ на видъ, что не дѣло арміи мѣшаться въ политику, а Марія-Антуанета говорила, что скорѣе готова погибнуть, чѣмъ пользоваться услугами Лафайета. Возбужденіе въ городѣ все росло: говорили о внутренней измѣнѣ, о заговорахъ, о внѣшнихъ опасностяхъ. Въ Парижъ стали прибывать изъ провинцій „федераты", большею частью находившіеся подъ вліяніемъ якобинцевъ, и еще болѣе усиливали броженіе. Законодательное Собраніе само находилось въ весьма тревожномъ состояніи. Въ немъ даже заговорили, что нужно было бы принять мѣры на тотъ случай, если бы опасность стала грозить со стороны исполнительной власти. По этому случаю Верньо сказалъ одну изъ наиболѣе блестящихъ своихъ рѣчей — на ту тему, что все происходитъ во имя короля: и французскіе принцы сдѣлали попытку поднять всю Европу, и заключенъ былъ пильницкій договоръ, и начали войну съ Франціей два государя. Въ этой рѣчи Верньо указывалъ, что король, пользуясь тѣми средствами, какія ему давала конституція, стремится низвергнуть эту самую конституцію, — напоминалъ, что по конституціи король считается лишеннымъ престола, разъ онъ формальнымъ актомъ не противится предпріятію, совершаемому во имя его противъ націи, и спрашивалъ, былъ ли Людовикъ XVI на высотѣ своей задачи отразить врага. Если бы, однако, онъ, король, сталъ указывать, что онъ не нарушалъ конституціи, дающей ему такія-то и такія-то права, французы имѣли бы право ему сказать, — и тутъ Верньо какъ бы отъ имени Франціи обращался по адресу короля съ такими словами: „О, король, вѣ-

рящій по примѣру тирана Лизандра, что истина не дороже лжи, и что можно взрослыхъ людей забавлять клятвами, какъ забавляютъ дѣтей игрушками!.. Не думаешь ли ты, что и теперь можешь обмануть насъ лицемѣрными увѣреніями? Человѣкъ, котораго не могло тронуть великодушіе французовъ, которому доступна только жажда власти, не долженъ пожать плодовъ своего клятвопреступленія. Ты уже ничто въ глазахъ конституціи, такъ недостойно попранной тобою, и ничто для народа, такъ низко тобою преданнаго". Въ заключеніе Верньо предложилъ объявить „отечество въ опасности", что̀ влекло за собою непрерывность засѣданія всѣхъ выборныхъ властей и призывъ подъ оружіе гражданъ, способныхъ его носить. Рѣчь эта была произнесена 3 іюля, а 11 числа состоялось въ Собраніи провозглашеніе „отечества въ опасности". Подъ впечатлѣніемъ этого событія была отпразднована третья годовщина взятія Бастиліи (14 іюля). 22 іюля состоялось въ Парижѣ объявленіе объ опасности отечества съ пушечными выстрѣлами, военными парадами, церемоніальными шествіями муниципальныхъ властей, читавшихъ декретъ, составленный въ звучныхъ и красивыхъ фразахъ, и на парижскихъ площадяхъ были поставлены столы для записи волонтеровъ. На защиту революціи и послѣ этого приходили еще въ Парижъ федераты, въ честь которыхъ устраивались публичныя празднества. Вожди жирондистовъ и якобинцевъ держались пока выжидательнаго образа дѣйствій, и во главѣ готовившагося движенія становились большею частью совсѣмъ неизвѣстные люди.

Въ горючій матеріалъ упала еще одна искра, которою былъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго, главнокомандующаго союзной австро-прусской арміей, написанный кѣмъ-либо изъ эмигрантовъ и, какъ думали, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ изъ Тюйлери. Манифестъ заключалъ въ себѣ угрозы мятежнымъ подданнымъ Людовика XVI, казнями, военными экзекуціями, сожженіемъ и срытіемъ домовъ, разрушеніемъ Парижа. Въ концѣ іюля этотъ манифестъ, тонъ котораго привелъ придворныхъ въ восхищеніе, былъ напечатанъ въ газетахъ. Общее волненіе немедленно усилилось, принявъ уже республиканскій характеръ, и изъ столицы распространилось въ провинціи. Увѣреніямъ короля въ преданности конституціи, когда онъ самъ сообщалъ Собранію о манифестѣ герцога Брауншвейгскаго, не придали ни малѣйшаго значенія. 10 августа послѣдовалъ взрывъ, положившій конецъ монархіи.

ГЛАВА XV.

Крушеніе королевской власти.

Событіе 10 августа, повлекшее за собою паденіе во Франціи монархіи, было дѣломъ, съ одной стороны, парижскихъ секцій, съ другой—собравшихся въ Парижѣ федератовъ.

Въ главѣ X было объяснено, чѣмъ были сорокъ восемь секцій, на которыя былъ раздѣленъ Парижъ. До лѣта 1792 года онѣ мало принимали участія въ политическихъ событіяхъ; самое возстаніе 20 іюня было дѣломъ клубовъ, а не секцій. Но какъ разъ послѣ этого движенія, послѣ объявленія отечества въ опасности, послѣ манифеста герцога Брауншвейгскаго и т. п. заволновались и секціи, начавшія теперь играть роль самостоятельнаго фактора въ исторіи революціи. Съ двадцатыхъ чиселъ іюня въ нихъ все больше нарастало мятежное настроеніе, и въ нихъ говорилось, что одинъ только народъ обладаетъ верховною властью, что никакого короля не нужно, что слѣдуетъ еще разъ совершить походъ на Тюйлерійскій дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ между отдѣльными секціями начались дѣятельныя сношенія для организаціи общаго выступленія.

Уже 25 іюля въ Законодательное Собраніе были принесены двѣ петиціи отъ секцій Кензъ-Вентъ (въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ) и Гобеленовъ (въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо), гдѣ жило особенно много рабочихъ. Эти петиціи заключали въ себѣ протесты противъ какихъ бы то ни было репрессій по поводу событія 20 іюня. „Побѣдители Бастиліи“ заявили, между прочимъ, что и разрушеніе Бастиліи было актомъ неконституціоннымъ, сопротивленіемъ королевской волѣ. Особенно рѣзкимъ характеромъ отличалась петиція первой изъ названныхъ секцій, хотя она не имѣла еще республиканскаго характера и протестовала не столько противъ королевской власти, сколько противъ антидемократическихъ „заблужденій Учредительнаго Собранія“.

Въ городѣ по внѣшности все оставалось спокойнымъ, но глухая борьба шла во-всю, и обѣ стороны вербовали въ населеніи Парижа защитниковъ своихъ стремленій. Борьба была сложная, такъ какъ въ обоихъ лагеряхъ были разныя теченія. Сами секціи раздѣлились. Въ то время, какъ однѣ высказывались за движеніе 20 іюня самымъ рѣшительнымъ образомъ, другія проявляли по этому вопросу извѣстную умѣренность, и, въ сущности, изъ 48 секцій до 7 іюля лишь семь рѣшительно выступили съ защитою 20 іюня. Важнѣе, впрочемъ, то, что ни въ одной секціи не было сдѣлано постановленія,

которое осуждало бы это событіе, въ то самое время, какъ противъ него высказался, вмѣстѣ съ министерствомъ и властями Сенскаго департамента, самъ генеральный совѣтъ Коммуны, т.-е. городская дума Парижа, хотя въ нѣкоторыхъ секціяхъ отдѣльными лицами и дѣлались попытки осужденія двадцатому іюня. Когда 7 іюля послѣдовало отрѣшеніе отъ должности бывшаго очень популярнымъ въ населеніи Парижа городского головы Петіона за бездѣйствіе власти во время бунта, секціи, бывшія до того времени настроенными болѣе умѣренно, стали выступать съ большею рѣзкостью: Петіонъ какъ-разъ пользовался теперь особымъ сочувствіемъ за то, что не хотѣлъ пролитія народной крови. Къ 14 іюля такихъ секцій было уже 27. Въ эти же дни въ секціяхъ, все чаще и чаще начинавшихъ сноситься между собою, возникла мысль о необходимости сдѣлать свои собранія непрерывными и обсуждать на нихъ всѣ вопросы, касающіеся общественнаго спасенія.

При дворѣ все время послѣ 20 іюня готовились къ новому нападенію, и мѣры, принимавшіяся для защиты Тюйлери, только сѣяли новую тревогу въ населеніи столицы. Дворъ много хлопоталъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ національную гвардію, бывшую въ распоряженіи активныхъ гражданъ секцій. Въ концѣ іюня въ національной гвардіи еще наблюдалось извѣстное сопротивленіе революціонному движенію въ народной массѣ, но, когда внѣшнія отношенія усилили въ населеніи опасенія относительно иностраннаго нашествія, настроеніе и національной гвардіи стало мѣняться. Секціямъ въ эти тревожные дни было особенно важно имѣть на своей сторонѣ остальную Францію, а потому въ нихъ возникла мысль о прокламаціяхъ къ арміи и къ 83 департаментамъ, объяснявшихъ въ благопріятномъ для Парижа смыслѣ событіе 20 іюня. Мало того, одна изъ секцій („Ломбардцевъ“) взяла на себя иниціативу приглашенія въ Парижъ къ 14 іюля, празднику федераціи въ годовщину взятія Бастиліи, двадцати тысячъ федератовъ, несмотря на то, что на это Людовикъ XVI не далъ разрѣшенія, пользуясь своимъ королевскимъ „вето“. Федераты стали стекаться въ Парижъ, и секціи встрѣчали ихъ съ энтузіазмомъ, а также позаботились о томъ, чтобы эти гости парижанъ ни въ чемъ не нуждались. Съ своей стороны, якобинскій клубъ взялъ на себя задачу объяснить прибывшимъ, что ихъ роль вовсе не въ томъ, чтобы быть простыми фигурантами на торжествѣ: они должны были оставаться въ Парижѣ, пока дѣло спасенія отечества не будетъ доведено до конца. Праздникъ 14 іюля прошелъ спокойно, но, несмотря на де-

кретъ, предписывавшій федератамъ отправиться въ Суассонскій лагерь, они самовольно остались въ Парижѣ.

Въ теченіе четырехъ недѣль между 14 іюля и 10 августа въ столицѣ Франціи господствующимъ настроеніемъ была боязнь иностраннаго нашествія. На площадяхъ происходила публичная запись добровольцевъ, которые должны были итти защищать отечество, и во главѣ этого дѣла сталъ Петіонъ, возвращенный на должность мэра Законодательнымъ Собраніемъ къ величайшей радости парижанъ. Декретъ о Петіонѣ состоялся 13 іюля, а 15 послѣдовалъ другой, удалившій изъ Парижа линейныя войска, тогда какъ федераты, наоборотъ, продолжали оставаться въ городѣ, а въ національной гвардіи настроеніе дѣлалось все болѣе ненадежнымъ. Секціи приняли большое участіе въ оставшихся въ Парижѣ федератахъ. Секція Гобеленовъ пріютила у себя всѣхъ брестцевъ, въ количествѣ 300, на память о чемъ переименовала потомъ себя въ секцію Финистера (названіе департамента, гдѣ находится Брестъ), а секція Французскаго Театра пріютила 500 марсельцевъ, принявъ также новое названіе — Марсельской. Перемѣнила свое названіе—въ секцію Федератовъ—и секція Королевской Площади, по такой же причинѣ. Въ благодарность федераты своими адресами, петиціями и деклараціями поддерживали стремленія секцій, заходя въ своихъ требованіяхъ при этомъ гораздо дальше самихъ парижанъ. Въ сущности, именно федераты съ середины іюля шли во главѣ революціоннаго движенія, и первые они, давъ себѣ особую организацію, которая дѣйствовала подъ вліяніемъ якобинцевъ и кордельеровъ, заговорили объ отрѣшеніи Людовика XVI отъ власти и о созывѣ Національнаго Конвента. Вдохновители федератовъ прямо называли ихъ депутатами отъ 83 департаментовъ, посланными народомъ для спасенія отечества. Петиціи федератовъ противъ Людовика XVI начались съ 17 іюля. Немудрено, что изъ-за этой силы въ Парижѣ шла глухая борьба: роялисты пытались рассорить ихъ съ національной гвардіей, конституціоналисты выставляли ихъ защитниками порядка и конституціи, якобинцы дѣлали все, что только могли, чтобы отстранить отъ федератовъ всѣ подобныя вліянія: когда же роялисты увидѣли безплодность всѣхъ своихъ попытокъ, былъ пущенъ въ ходъ лозунгъ „берегите свое имущество отъ федератовъ, это — разбойники“.

Буржуазія, впрочемъ, въ эти дни предпочитала итти заодно съ народомъ противъ внѣшняго врага, не желая быть заодно съ дворомъ, который подозрѣвался въ измѣнѣ отечеству. Національная гвардія столицы прямо подчинилась патріотическому

одушевленію федератовъ, распредѣленныхъ по ея батальонамъ. Даже въ тѣхъ секціяхъ, гдѣ преобладала буржуазія, національная гвардія заражалась настроеніемъ федератовъ, тѣмъ болѣе, что объявленіе отечества въ опасности имѣло слѣдствіемъ включеніе въ составъ національной гвардіи всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе.

Объявленіе отечества въ опасности привело еще къ тому, что собранія секцій сдѣлались постоянными и доступными также для пассивныхъ гражданъ. 25 іюля Законодательное Собраніе издало декретъ, узаконившій перманентность секцій, и 28 числа онъ былъ утвержденъ королемъ (этотъ порядокъ вещей продолжался до 9 сентября 1793 г., когда Національный Конвентъ постановилъ, чтобы секціи собирались лишь два раза въ недѣлю). Въ теченіе болѣе нежели года на территоріи парижской коммуны дѣйствовало сорокъ восемь клубовъ, сдѣлавшихся руководителями парижской политики. Немедленно же секціи, одна за другою, стали отмѣнять у себя различіе между активными и пассивными гражданами. Кромѣ того, въ началѣ августа стало дѣйствовать особое бюро, въ которое доставлялись всѣ постановленія отдѣльныхъ секцій и изъ котораго копіи съ нихъ раздавались другимъ секціямъ. Среди такихъ постановленій въ первыхъ числахъ августа обращаетъ на себя вниманіе постановленіе секціи Королевской Площади убрать всѣ королевскія статуи и замѣнить ихъ пирамидами въ честь свободы. Гораздо большее еще значеніе имѣла организація центральнаго комитета секцій, въ которомъ принимались общія для всѣхъ рѣшенія. Делегаты отдѣльныхъ секцій позаботились, чтобы въ каждой создать кадры будущихъ дѣятелей, которые захватятъ власть, когда для этого настанетъ время. Поводомъ для междусекціонныхъ совѣщаній послужилъ проектъ адреса, съ какимъ секціи должны были обратиться къ арміи по иниціативѣ одной изъ нихъ. Адресъ, дѣйствительно, былъ составленъ и притомъ съ характеромъ обвиненій противъ короля. Изъ 48 секцій, которыя его разсматривали, противъ него высказались только шесть, воздержались отъ присоединенія три, такъ что въ большей части секцій (въ 39) адресъ имѣлъ успѣхъ.

Другой вопросъ, который рѣшали секціи въ своихъ собраніяхъ, былъ о низверженіи Людовика XVI. Въ данномъ случаѣ, первою объ этомъ заговорила секція Четырехъ Націй, подавшая свое заявленіе Законодательному Собранію 26 іюля, хотя и не поставивъ еще въ немъ точку надъ і. Нѣсколько рѣшительнѣе, хотя безъ произнесенія слова „республика“, отъ имени федератовъ дѣлали заявленіе въ томъ же смыслѣ яко-

бвицы и кордельеры. Лозунгомъ всѣхъ было „отечество въ опасности". Но все это были частичныя манифестаціи. 18 іюля общее собраніе секціи Фонтэнъ-де-Гренель первое подало мысль о необходимости выступленія всего Парижа, а 19 числа предложило соединиться всѣмъ 48 секціямъ для обсужденія мѣръ, какихъ требуетъ спасеніе отечества. 24 іюля мысль о низложеніи Людовика XVI уже имѣла очень большой успѣхъ въ секціонныхъ собраніяхъ. Единственная секція, которая не хотѣла требовать низложенія короля, была секція Тампля,— та самая, въ которой находилось, по странной ироніи судьбы, мѣсто будущаго заключенія Людовика XVI.

Выработкою адреса Коммуны о низложеніи короля занималась комиссія изъ секціонныхъ делегатовъ, засѣдавшая между 26 іюля и 3 августа. Однако рѣшенія отдѣльныхъ секцій были часто противорѣчивы, такъ какъ не всѣ секціи были, въ общемъ, одинаково настроены. Составъ собраній мѣнялся, потому что была масса гражданъ, не посѣщавшихъ собраній, а иной разъ въ собранія являлись и члены другихъ секцій. Приходило нерѣдко самое незначительное меньшинство, какая-нибудь сотня членовъ съ небольшимъ, когда въ секціи насчитывалась тысяча и больше гражданъ. Парижъ вело за собою меньшинство революціонеровъ противъ такого же меньшинства умѣренныхъ или реакціонеровъ, при равнодушіи или уклончивости большинства. Революціонныхъ секцій было 32, т.-е. двѣ трети общаго числа, среди нихъ девять болѣе рьяныхъ и двадцать три, т.-е. почти половина общаго числа,— болѣе умѣренныхъ. На долю консервативныхъ секцій приходилось 16, т.-е. остальная треть, но и изъ нихъ наиболѣе рѣшительными въ своемъ направленіи были лишь семь секцій. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ сильной внутренней борьбы въ самихъ секціяхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ были значительныя колебанія. Напр., въ секціи Термъ Юліана въ одинъ и тотъ же день сначала адресъ о низложеніи былъ отвергнутъ, а потомъ состоялось рѣшеніе въ пользу его принятія. Въ иныхъ мѣстахъ происходили и серьезные безпорядки. Политическій характеръ секцій, въ общемъ, соотвѣтствовалъ экономическому и соціальному положенію разныхъ кварталовъ Парижа, хотя экономическія вліянія всего не объясняютъ: были и моральныя вліянія, какъ, напр., особенное вліяніе духовенства въ секціи Ботаническаго Сада съ ея очень суевѣрнымъ населеніемъ. Впрочемъ, позднѣе и въ этой секціи верхъ взяли демократы, какъ это случалось и съ другими секціями. Она позднѣе даже приняла имя секціи Санкюлотовъ. Были другія секціи, измѣнявшіяся и въ обратномъ направленіи, т.-е. изъ

революціонныхъ сдѣлавшіяся консервативными. Въ это время жиронідисты и якобинцы шли еще рука объ руку, но впослѣдствіи однѣ секціи стали на сторону первыхъ, другія—на сторону вторыхъ.

Возстаніе ожидалось въ Парижѣ, какъ нѣчто неминуемое. Всякая манифестація могла послужить началомъ взрыва. Петіону стоило большого труда сдерживать народныя страсти, и если народъ не подымался, то лишь въ ожиданіи, что не-сегодня-завтра Людовикъ XVI будетъ низложенъ. Былъ даже назначенъ день—5 августа. 31 іюля секція Моконсейль приняла постановленіе, въ которомъ было сказано, что въ воскресенье, 5 августа, вся она въ полномъ составѣ отправится въ Законодательное Собраніе и объявитъ ему, что болѣе не признаётъ Людовика XVI, и при этомъ секція пригласила всѣ остальныя поступить такимъ же образомъ. Къ этому постановленію присоединился цѣлый ихъ рядъ, изъ котораго наиболѣе революціонно настроенныя собирались итти вооруженными. Предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ случаѣ отказа со стороны Собранія народъ прямо двинется на королевскій дворецъ. Петіонъ успѣлъ разослать по секціямъ приглашеніе не дѣлать никакихъ необдуманныхъ шаговъ и ждать отвѣта Собранія на общую петицію. Это подѣйствовало. Петиція соединенныхъ секцій, т.-е. примкнувшихъ къ секціи Моконсейль, была вручена, но общаго народнаго движенія не было.

Съ обѣихъ сторонъ тѣмъ не менѣе готовились къ рѣшительной битвѣ. Въ секціяхъ и среди федератовъ у многихъ были пики, но у тѣхъ, у кого имѣлись ружья, не было патроновъ. Въ городскомъ управленіи были лица, сочувствовавшія движенію, и благодаря имъ изъ арсенала народу были выданы патроны, сабли, пистолеты, ружья и т. п. Не проходило дня, чтобы у Законодательнаго Собранія кто-нибудь не требовалъ отвѣта на вопросъ о низложеніи Людовика XVI, но Собраніе молчало. Когда Петіонъ просилъ секціи сидѣть смирно, одна изъ нихъ, знаменитая Кензъ-Вентъ, „сдѣлавшая и 14 іюля и 20 іюня", постановила „терпѣливо и спокойно до 11 ч. вечера ближайшаго четверга ждать рѣшенія Національнаго Собранія, но, если народу не будетъ оказано справедливости законодательнымъ корпусомъ въ четвергъ къ 11 часамъ веч., въ полночь же раздастся набатъ съ барабаннымъ боемъ, и все мгновенно подниместся". Когда предуказанный срокъ наступилъ, произошло возстаніе 10 августа.

Въ началѣ вечера 9 августа къ этому рѣшенію примыкало только 13 секцій, но очень быстро это число дошло до 30. Изъ 48 секцій 44 еще до полуночи устроили свои собра-

нія, изъ которыхъ почти всѣ продолжались и послѣ, хотя и при небольшомъ количествѣ членовъ. Собранія эти были наводнены пассивными гражданами, дѣломъ которыхъ, собственно говоря, въ значительной мѣрѣ и была революція 10 августа. Правда, въ качествѣ участниковъ или зрителей они раньше допускались въ секціонныя собранія, но только теперь впервые приняли дѣятельное участіе въ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ демократическихъ секціяхъ въ началѣ вечера, когда въ сборѣ были одни активные граждане, сначала господствовало настроеніе, враждебное какому бы то ни было революціонному выступленію. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отмѣтить того, что двѣ пятыхъ секцій не были представлены своими комиссарами въ зданіи городской думы передъ началомъ боя. Своими рѣшеніями секціи предвосхитили введеніе всеобщаго избирательнаго права, которое Законодательнымъ Собраніемъ было декретировано лишь на другой день. Съ другой стороны, онѣ постановили повиноваться только своимъ делегатамъ въ отель-де-вилль (ратушѣ), захватившимъ власть, и замѣнить прежнихъ начальниковъ національной гвардіи своими вождями. Если успѣху движенія содѣйствовали, главнымъ образомъ, пассивные граждане, то тотъ же результатъ имѣло самоустраненіе въ этотъ день активныхъ гражданъ консервативнаго лагеря. Нѣкоторыя секціи вообще держались выжидательной политики и примкнули къ движенію лишь тогда, когда побѣда была уже за нимъ.

Такъ было подготовлено нападеніе на монархію. Послѣ занятія ратуши и образованія въ ней делегатами секцій новаго городского совѣта („Коммуны“), причемъ былъ убитъ начальникъ національной гвардіи Манда̀, было сдѣлано нападеніе на Тюйлерійскій дворецъ, защита котораго оказалась ненадежной. Національная гвардія кричала сама: „да здравствуетъ нація“ и „долой тирана“, и лишь наемный швейцарскій отрядъ, тайно введенный, оказалъ сопротивленіе. Дворецъ былъ взятъ, но Людовикъ XVI успѣлъ со своею семьею найти убѣжище въ Законодательномъ Собраніи, гдѣ Верньо обѣщалъ ему безопасность. Въ ложѣ за предсѣдательскимъ кресломъ король слушалъ, какъ рѣшалась его судьба. По предложенію Верньо, исполнительная власть была пріостановлена, а для рѣшенія вопроса о судьбѣ монархіи долженъ былъ собраться чрезвычайный органъ—Національный Конвентъ съ всеобщею подачею голосовъ на выборахъ и съ пониженіемъ возраста избирателей съ 25 лѣтъ до 21 года. Самъ Людовикъ XVI съ семьею былъ заключенъ въ за̀мокъ Тампль, недалеко отъ бывшей Бастиліи. Для управленія Франціей до

Конвента было организовано новое министерство, но настоящимъ господиномъ положенія оказался Дантонъ въ роли министра юстиціи.

Въ главѣ X мы уже познакомились съ біографіей Дантона до лѣта 1791 года, когда онъ, опасаясь ареста, уѣхалъ въ Англію. Къ выборамъ въ Законодательное Собраніе онъ возвратился, желая попытать счастья, но ни въ Парижѣ ни въ Марселѣ, гдѣ онъ ставилъ свои кандидатуры, онъ не имѣлъ успѣха. Какъ это съ нимъ случалось, онъ вдругъ исчезъ со сцены, нигдѣ не показывался, и такъ прошло три мѣсяца, пока онъ 1162 голосами противъ 654 не былъ избранъ товарищемъ прокурора парижской коммуны при прокурорѣ Манюэлѣ, близкомъ ему человѣкѣ. Въ своей рѣчи при вступленіи въ должность, въ январѣ 1792 года, Дантонъ выразилъ радость по случаю перехода „съ Тарпейской скалы на Капитолій“ и, обѣщаясь попрежнему защищать дѣло „святой революціи“, высказалъ твердое намѣреніе „снискать расположеніе благомыслящихъ гражданъ, также желающихъ свободы, но боящихся ея бурь“. Онъ счелъ нужнымъ оправдываться въ прошлыхъ своихъ дѣлахъ: онъ-де допускалъ крайности, чтобы не быть слабымъ, а если и помогалъ „бѣсноватымъ“ (намекъ на Марата), то лишь съ цѣлью „держать въ страхѣ измѣнниковъ, покровительствующихъ ехиднамъ аристократіи“. Своею цѣлью онъ ставилъ поддержку конституціи 1791 года, принятой королемъ и желанной для народа. Пусть конституціонная монархія, прибавилъ онъ, продлится во Франціи больше вѣковъ, чѣмъ просуществовала деспотическая королевская власть!“ — „Я, — сказалъ онъ еще, — громко стану требовать смерти для того, кто подняль бы клятвопреступную руку противъ конституціи, будетъ ли это мой братъ, мой другъ, мой собственный сынъ“. Рѣчь Дантона произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, которые устроили ему шумную овацію: на этой рѣчи отразилось то оптимистическое настроеніе, которое царило во всей Франціи послѣ введенія конституціи 1791 года.

Заявленія Дантона въ зиму 1791—1792 г. были вообще проникнуты конституціонною лойяльностью и стремленіемъ къ законности. Такая сдержанность мало, однако, гармонировала съ его бурнымъ характеромъ, и уже съ марта 1792 г. время отъ времени въ своихъ рѣчахъ въ якобинскомъ клубѣ Дантонъ сталъ возвращаться къ прежнему страстному тону, къ прежней крикливой фразеологіи. Безъ этого возвращенія къ тому, что не безъ основанія принималось многими за простую демагогію, онъ стоялъ бы на министерской чредѣ. Бриссо

находился съ Дантономъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, и его имя прямо называли въ числѣ будущихъ министровъ, но какъ-разъ рѣзкія его выступленія не позволили включить его имя въ списокъ жирондистскаго министерства. Робеспьеръ, уже тогда завидовавшій Дантону, очень боялся перспективы видѣть его въ числѣ министровъ, и вотъ между обоими началось сближеніе съ отдаленіемъ Дантона отъ Бриссо. Тогда же еще изъ-за пустяковъ, въ сущности, онъ рассорился съ лафайетовскимъ большинствомъ парижскаго генеральнаго совѣта. Все рѣзче и рѣзче дѣлались его нападки въ якобинскомъ клубѣ на Лафайета, котораго онъ требовалъ лишить главнаго начальства надъ арміей. Чтобы добиться его удаленія, Дантонъ хотѣлъ поднять парижскія секціи, которыя должны были послать въ Законодательное Собраніе депутацію съ требованіемъ отставки генерала. Въ возстаніи 20 іюня 1792 г. Дантонъ, впрочемъ, не принималъ участія, но зато оно ему показало, какимъ способомъ могла бы быть совершена новая революція.

Выдающаяся роль Дантона,—какъ, конечно, не единственнаго дѣятеля революціи 10 августа,—не подлежитъ сомнѣнію. Онъ вдвойнѣ подготовилъ этотъ переворотъ, во-первыхъ, способствуя секціонному движенію, его произведшему, во-вторыхъ, непосредственнымъ участіемъ въ самомъ предпріятіи въ ночь съ 9 на 10 августа. Дантоновская секція одна изъ первыхъ пригласила въ свои собранія всѣхъ гражданъ, а не одних только активныхъ, и потребовала передачи въ ея завѣдываніе артиллерійскаго парка на Новомъ мосту, ведшемъ изъ секціи къ Тюйлерійскому дворцу. Равнымъ образомъ Дантонъ же настаивалъ на томъ, чтобы „федераты“ изъ всей Франціи не покидали Парижа послѣ своего участія въ праздновавіи третьей годовщины взятія Бастиліи. Однако 5 августа онъ внезапно уѣхалъ въ родной городъ по семейнымъ дѣламъ,—одна изъ обычныхъ неожиданностей въ поведеніи Дантона,—и вернулся въ Парижъ только утромъ 9 числа, когда Законодательное Собраніе вручило исполнительную власть совѣту изъ выбранныхъ имъ министровъ, постановивъ предоставить въ немъ первое мѣсто тому, кто получитъ наибольшее количество голосовъ. Изъ 285 голосовъ 222 оказались поданными за Дантона: большинство „законодателей“ хотѣло дать полное удовлетвореніе парижской массѣ, въ которой къ этому времени популярность Дантона достигла своего апогея; притомъ только его одного считали способнымъ справиться съ этою массой.

Въ Собраніи, когда Дантонъ туда явился, его встрѣтили аплодисменты и съ депутатскихъ мѣстъ и съ переполнен-

ныхъ трибунъ для публики. „Граждане,—сказалъ новый министръ,—французская нація, утомленная деспотизмомъ, совершила революцію. Въ своемъ излишнемъ великодушіи, однако, она вошла въ сдѣлку со своими тиранами, но опытъ ей скоро показалъ, что отъ ея прежнихъ притѣснителей ей нельзя ждать ничего хорошаго. Она должна вступить въ свои права. Но всегда и въ особенности въ отдѣльныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ начинается дѣйствіе правосудія, не должно быть мѣста народной мести. Я беру на себя передъ Національнымъ Собраніемъ обязательство охранять людей, находящихся передо мною: я пойду впереди нихъ и я за нихъ отвѣчаю". Черезъ недѣлю Дантонъ обратился съ циркуляромъ къ судамъ, который представлялъ собою настоящую апологію „достопамятнаго, святого и тысячу разъ счастливаго возстанія 10-го августа". Дѣло представлено было въ этомъ офиціальномъ истолкованіи событія такъ: въ Тюйлерійскомъ дворцѣ образовался обширный заговоръ, но въ самый моментъ, когда его стали приводить въ исполненіе, „мужество федератовъ 83 департаментовъ и 48 секцій столицы" спасло націю. „На томъ мѣстѣ,—сказано далѣе въ этомъ документѣ,—на томъ мѣстѣ, на которое я пришелъ черезъ брешь Тюйлерійскаго дворца, вы будете во мнѣ постоянно и неизмѣнно видѣть прежняго же председателя той самой секціи Французскаго Театра, которая такъ сильно содѣйствовала революціи 14-го іюля 1789 г. подъ именемъ Кордельерскаго дистрикта и революціи 10-го августа 1792 г. подъ именемъ Марсельской секціи. Суды найдутъ во мнѣ все того же человѣка, всѣ мысли котораго направлены къ одной и той же цѣли—къ политической и личной свободѣ, къ охранѣ законовъ, общественнаго спокойствія, единства 83 департаментовъ, величія государства, благосостоянія французскаго народа и къ равенству, но не къ невозможному равенству имуществъ, а равенству правъ и счастья". Дальше въ циркулярѣ суды предостерегались относительно „инцивизма", примѣры котораго подавали нѣкоторые изъ нихъ (между прочимъ, судъ VI парижскаго округа, въ свое время приказавшій арестовать Дантона), и приглашались „направить противъ измѣнниковъ и враговъ отечества мечъ закона, который хотѣли видѣть въ ихъ рукахъ направленнымъ противъ апостоловъ свободы. Пусть начнется правосудіе трибуналовъ, и тогда прекратится правосудіе народа".

Занявъ постъ министра юстиціи, Дантонъ чувствовалъ себя больше министромъ революціи. Вмѣстѣ съ нимъ въ министерство юстиціи, въ роли начальниковъ канцелярій и секре-

тарей, вошли такіе кордельерскіе друзья Дантона, какъ Демуленъ. Одни судебные дѣятели были отставлены, а при назначеніи новыхъ прямо рекомендовалось избѣгать „людей, пачкавшихся наукой правосудія“, ибо люди, сдѣлавшіе своимъ ремесломъ судить людей, то же самое, что̀ и жрецы: тѣ и другіе вѣчно обманывали народъ“. Какъ „первоизбранный“ и по своему личному характеру, Дантонъ игралъ первенствующую роль въ министерствѣ. Точно рожденный для того, чтобы повелѣвать, онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи и не только по отношенію къ своимъ товарищамъ, но и по отношенію къ Законодательному Собранію, доживавшему свои послѣдніе дни.

Среди очень трудныхъ обстоятельствъ пришлось Дантону взять на себя управленіе Франціей. Въ странѣ царила анархія; черезъ восточную границу вторгалось иностранное войско; въ арміи былъ разладъ; финансы совершенно разстроены. Вышло какъ-то такъ, что другіе министры сразу же отдали въ руки Дантона все: и вліяніе на общественное мнѣніе, и веденіе войны, и дипломатическіе переговоры. Только черезъ нѣсколько дней послѣ переворота министры стали собираться не у Дантона, въ зданіи министерства юстиціи, а въ Тюйлерійскомъ дворцѣ, и постановили предсѣдательствовать по очереди, каждый—одну недѣлю, но эта внѣшняя перемѣна не коснулась существа вещей. Изъ-подъ пера одного Дантона вышла правительственная прокламація къ народу, въ которой говорилось о военной опасности, грозившей самому Парижу, съ такою прибавкою: „среди васъ есть измѣнники, безъ которыхъ война скоро кончилась бы“. Опять-таки Дантону было поручено освѣдомить Законодательное Собраніе относительно мѣръ, принятыхъ совѣтомъ министровъ; и это тогда онъ впервые сказалъ то, что̀ впослѣдствіи вылилось въ его знаменитую фразу о необходимости „дерзать“ для того, чтобы побѣдить (слова его рѣчи 2-го сентября: „чтобы побѣдить, намъ нужна смѣлость, еще смѣлость и всегда смѣлость!“). Національное Собраніе тоже безусловно подчинялось руководимому Дантономъ министерству. Въ провинціи на него смотрѣли, какъ на универсальнаго въ своемъ родѣ министра: къ нему одному обращались мѣстныя власти, какъ къ прямому своему начальнику.

Нужно было, дѣйствительно, обладать недюжинными правительственными способностями не только для того, чтобы подчинить себѣ и своихъ товарищей и представителей народа, но сразу же установить и немедленно же начать съ твердостью проводить въ жизнь нѣкоторый общій планъ спа-

сенія отечества. Съ внѣшнимъ врагомъ надо было бороться до конца, не отчаиваясь ни при какихъ неудачахъ, а чтобы побѣдить, нужно было соединить подъ своего рода революціонной диктатурой всѣ патріотическіе элементы, не исключая вчерашнихъ монархистовъ, которыхъ нужно было успокоить относительно ихъ собственности, не доводя вмѣстѣ съ тѣмъ до отчаянія и духовенство. Между Законодательнымъ Собраніемъ, исполнительнымъ совѣтомъ и парижской Коммуной должна была быть установлена полная солидарность. На войнѣ предоставлялась свобода дѣйствій генераламъ и должно было быть оказываемо довѣріе даже людямъ нѣсколько подозрительнымъ въ расчетѣ на ихъ патріотическую лойяльность. Наконецъ, Дантонъ имѣлъ въ виду ловкими дипломатическими переговорами разъединить Пруссію, какъ „естественнаго друга", отъ Австріи, этого „наслѣдственнаго врага", а главное — добиться союза съ Англіей. Съ другой стороны, однако, надлежало не упускать изъ виду внутреннихъ враговъ, и тутъ Дантонъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ всѣхъ революціонныхъ группъ, не останавливался передъ самыми крайними мѣрами, какъ массовые аресты и кары для острастки.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября положеніе дѣлъ на войнѣ было таково, что черезъ недѣлю можно было опасаться появленія нѣмцевъ и эмигрантовъ въ самомъ Парижѣ. Въ Законодательномъ Собраніи и въ отдѣльныхъ министерствахъ общимъ лозунгомъ было: „вонъ изъ Парижа". Одинъ Дантонъ не потерялъ присутствія духа. „Франція въ Парижѣ", объявилъ онъ. „Роланъ, Роланъ,—говорилъ онъ еще своему товарищу по исполнительному совѣту,—остерегись говорить о бѣгствѣ, побойся, какъ бы не услышалъ тебя народъ". Для Дантона остаться въ Парижѣ нужно было потому, что Парижъ сдѣлалъ революцію, и онъ же былъ призванъ ее упрочить. Желаніе жирондистовъ перенести правительственный центръ въ направленіи Луары казалось ему очень подозрительнымъ; притомъ же ему было извѣстно, что на западѣ готовилось роялистическое возстаніе. Въ эти дни Дантонъ проявилъ необычайную энергію. Въ Собраніи онъ требовалъ чрезвычайнаго набора войскъ, потому что, какъ выразился онъ, „только національной конвульсіей можно было бы прогнать деспотовъ". „Когда,—говорилъ онъ еще,—корабль терпитъ крушеніе, экипажъ бросаетъ въ море все, что̀ увеличиваетъ опасность. Точно такъ же все, что̀ можетъ вредить націи, должно быть выброшено изъ ея нѣдръ, и все, что̀ можетъ быть ей полезно, должно быть передано муниципали-

тетамъ подъ условіемъ вознагражденія собственниковъ". И онъ потребовалъ, чтобы Собраніе дало право и поставило въ обязанность муниципалитетамъ собрать всѣхъ граждань, способныхъ носить оружіе, одѣть и обуть ихъ, снабдить всѣмъ необходимымъ и отправить на границы. На восточную окраину государства Дантонъ послалъ комиссаровъ съ широкими полномочіями, и когда на нѣкоторыхъ изъ этихъ комиссаровъ стали жаловаться Дантону, какъ на очень грубыхъ людей, онъ закричалъ: „а вы, что̀ же, думали, что мы къ вамъ отправимъ барышень?" Эти комиссары, среди которыхъ были и кордельерскіе друзья Дантона, явились самыми послушными агентами его власти и въ провинціи.

Внутри Парижа Дантона очень безпокоили тренія, начавшіяся между Собраніемъ и Коммуною. Послѣдняя, образовавшись въ ночь на 10 августа, была его роднымъ дѣтищемъ, и въ ней онъ видѣлъ наилучшее орудіе для проведенія въ жизнь своихъ мѣропріятій. Дантонъ старался убѣдить Собраніе, чтобы оно было помягче по отношенію къ Коммунѣ, а Коммунѣ внушалъ нѣкоторую умѣренность, что̀, конечно, было трудно, особенно въ виду того, что самъ же онъ въ одной изъ рѣчей своихъ далъ знаменитый лозунгъ „попугать роялистовъ".

Коммуна и нѣкоторыя секціи скоро, на самомъ дѣлѣ, и „попугали роялистовъ" ужасною бойнею, которую устроили въ первыхъ числахъ сентября, когда отъ руки остервенѣлыхъ убійцъ въ тюрьмахъ Парижа погибла масса народа, въ томъ числѣ много стариковъ, женщинъ и дѣтей. Отношеніе Дантона къ „сентябрьскимъ убійствамъ" занимало многихъ историковъ. Были ли эти убійства прямо вызваны Дантономъ, или онъ только ихъ предвидѣлъ и, предвидя, не то думалъ ихъ предупредить, не то считалъ невозможнымъ остановить, или, быть-можетъ, самъ ихъ допустилъ? Аресты родственниковъ эмигрантовъ и нѣкоторыхъ священниковъ, равно какъ домашніе обыски у подозрительныхъ были сдѣланы во второй половинѣ августа по иниціативѣ самого Дантона,—это не подлежитъ сомнѣнію,—но, думаютъ нѣкоторые, этими мѣрами „легальнаго террора" Дантонъ предполагалъ удовлетворить людей, желавшихъ наказанія измѣнниковъ. Въ одномъ его заявленіи, которое не предназначалось для публики, была высказана мысль, что для предупрежденія рѣзни, быть-можетъ, слѣдовало бы бросить народу нѣсколько головъ, причемъ имѣлись въ виду швейцарцы, стрѣлявшіе въ народъ 10-го августа: безъ этого, по мнѣнію Дантона, народъ былъ бы, пожалуй, доведенъ до того, что самъ началъ бы

расправу. Ради этого онъ даже терпилъ судей постановлять приговоры. Мѣра эта, однако, не успокаивала народъ, а, наоборотъ, еще сильнѣе разжигала страсти, тѣмъ болѣе, что въ томъ же направленіи дѣйствовали рѣчи самого Дантона. Для приведенія въ дѣйствіе „народнаго правосудія" въ Коммунѣ образовался особый комитетъ, о которомъ говорили вслухъ. Дантонъ, во всякомъ случаѣ, не помѣшалъ ему дѣйствовать и ограничился только тѣмъ, что лично спасъ нѣсколькихъ человѣкъ отъ смерти. Послѣ сентябрьскихъ убійствъ, съ другой стороны, Дантонъ тоже не выразилъ своего негодованія по поводу происшедшаго и не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы наказать убійцъ. Наиболѣе близкимъ къ истинѣ будетъ принять, что Дантонъ не участвовалъ въ подготовкѣ сентябрьскихъ массовыхъ убійствъ, но предвидѣлъ ихъ возможность и по тѣмъ или другимъ соображеніямъ не пожелалъ ихъ предупредить, и что, когда ужасное дѣло кончилось, онъ не только не прибѣгъ къ репрессіямъ, но даже помѣшалъ, чтобы таковыя были. Мало того, есть указанія, что онъ непрочь былъ, чтобы именно ему приписали эти ужасы, или, по крайней мѣрѣ, стали думать, что онъ ихъ одобряетъ. Коммуна, во всякомъ случаѣ, шла дальше Дантона, и, когда въ ней возникъ планъ во вторую очередь расправиться по-сентябрьски и съ жирондистами, онъ этому воспротивился.

Между тѣмъ подошло время выборовъ въ Національный Конвентъ. Маратъ пропагандировалъ для Парижа кандидатуру Робеспьера, Дантона и нѣкоторыхъ членовъ Коммуны, но и мысли не допускалъ, чтобы выборъ могъ пасть на кого-либо изъ жирондистовъ. Самъ Дантонъ не былъ такъ исключителенъ и соглашался на кандидатуру Петіона, обвинявшагося Маратомъ въ „бриссотизмѣ". Въ Парижѣ Дантонъ оказался выбраннымъ блестяще: 638 голосами изъ 700; самъ Робеспьеръ собралъ только 338 голосовъ. Съ Дантономъ прошли также и наиболѣе видные изъ членовъ его министерскаго „кабинета". Такъ какъ собравшійся 21-го сентября Конвентъ сразу не назначилъ ему преемника на министерскомъ посту, Дантонъ продолжалъ занимать его еще около трехъ недѣль. Въ это время дѣла французовъ на войнѣ пошли лучше, непріятель очистилъ территорію, и лишь тогда, 11-го октября, Дантонъ подалъ въ отставку.

Сентябрьскія убійства, участники которыхъ получили названіе „септамбризёровъ" (сентябрщиковъ), происходили не въ одномъ Парижѣ, но и въ Версалѣ. Нѣкоторыя секціи въ ихъ возникновеніи были повинны. Въ такомъ же смыслѣ были посланы въ провинціи циркулярныя приглашенія, отпечатан-

ныя въ маратовской типографіи, хотя потомъ „другъ народа“ и выразилъ свое неодобреніе бойнѣ, не щадившей никого изъ заключенныхъ. Кое-кого Дантону удалось спасти, между прочимъ, Дюпора и одного изъ Ламетовъ, а Манюэль спасъ Бомарше. На Францію надвигалась эпоха террора, т.-е. всякихъ страховъ и ужасовъ, самое мрачное время революціи. Въ одни сентябрьскіе дни, начиная съ 2 числа, въ Парижѣ было убито около 1175 человѣкъ, да пропало безъ вѣсти около 440.

Секціи сдѣлали 10-го августа только первый опытъ организованнаго выступленія. Образованная ихъ делегатами революціонная Коммуна обнаружила стремленіе держать ихъ въ извѣстной отъ себя зависимости и имѣть надзоръ надъ ихъ дѣятельностью, но уже въ двадцатыхъ числахъ августа нѣкоторыя секціи стали протестовать противъ диктаторскихъ замашекъ созданной ими городской власти. Впрочемъ, Коммуна не ограничивалась этимъ, а посягнула и на независимость самого Законодательнаго Собранія въ послѣдніе дни его существованія, какъ потомъ городское управленіе вступало въ столкновенія и съ Національнымъ Конвентомъ. Въ соперничествѣ между послѣднимъ и Коммуной секціи могли становиться на ту или на другую сторону, и въ этихъ же сложныхъ отношеніяхъ участвовалъ еще антагонизмъ жирондистовъ и монтаньяровъ.

ГЛАВА XVI.

Партіи и дѣятели Національнаго Конвента.

Исторію Національнаго Конвента можно раздѣлить на три періода. Въ первомъ, охватывающемъ около восьми мѣсяцевъ (съ конца сентября 1792 года по конецъ мая 1793 года), въ Конвентѣ шла борьба между жирондистами и монтаньярами, кончившаяся побѣдою послѣднихъ. Второй и былъ періодъ безраздѣльнаго господства побѣдителей, они же якобинцы, и продолжался почти четырнадцать мѣсяцевъ (съ начала іюня 1793 до конца іюля 1794). Третій открывается паденіемъ Робеспьера, къ тому времени сдѣлавшагося и правителемъ Франціи, и началомъ анти-якобинской реакціи, продолжительность его измѣряется пятнадцатью мѣсяцами (съ конца іюля 1794 по конецъ октября 1795). Въ общей сложности Конвентъ засѣдалъ три года одинъ мѣсяцъ и пять дней. По этимъ періодамъ мы и разсмотримъ исторію этого, третьяго по счету представительнаго собранія Франціи во время революціи.

Провинція признала переворотъ 10-го августа. Противъ 20-го іюня вездѣ были протесты, теперь нѣтъ: это было результатомъ манифеста герцога Брауншвейгскаго. Франціи грозило нашествіе. 19-го августа пруссаки съ эмигрантскимъ отрядомъ перешли границу, а вскорѣ врагами были взяты Лонгви и Верденъ. Только наканунѣ перваго собранія Національнаго Конвента, 20-го сентября, французы подъ начальствомъ, между прочимъ, Дюмурье одержали побѣду и скоро затѣмъ поправили свои военныя дѣла.

Выборы въ Конвентъ происходили подъ вліяніемъ грозныхъ слуховъ о военныхъ неудачахъ. Въ Парижѣ боролись за мѣста жирондисты съ якобинцами (монтаньяры тожъ). Партія Робеспьера старалась не допустить торжества Бриссо, и одинъ изъ робеспьеристовъ давалъ такой лозунгъ: не выбирать людей, воображающихъ себя принадлежащими къ высшей породѣ (намекъ на Бриссо и Кондорсе). На выборахъ въ Парижѣ прошли Робеспьеръ, Дантонъ, получившій особенно много голосовъ, Маратъ и еще нѣсколько якобинцевъ, среди которыхъ былъ еще герцогъ Орлеанскій, сдѣлавшійся членомъ клуба еще въ 1790 году, а въ началѣ 1792 г. начавшій себя называть „гражданиномъ Эгалите“ (т.-е. „Равенство“). Парижъ оказался въ рукахъ якобинцевъ, жирондисты имѣли успѣхъ въ провинціи, откуда пріѣхало вообще много недруговъ Коммуны и диктатуры Парижа. Конвентъ раздѣлился на три части. Центръ составляла такъ называемая „Равнина“, заключавшая въ себѣ около 500 депутатовъ, склонявшихся на сторону то Жиронды (правой), то Горы (лѣвой). При нѣкоторой партійной расплывчатости трудно опредѣлить число обѣихъ боковыхъ группъ, но приблизительно число жирондистовъ могло доходить до 165, а монтаньяровъ было около сотни, всего же членовъ 750.

Первое собраніе состоялось, когда съѣхались только 371 депутатъ, причемъ большинство оказалось за жирондистами: при избраніи предсѣдателя Петіонъ получилъ 235 голосовъ, Робеспьеръ—только 6. Всѣ секретари были изъ жирондистовъ и въ ихъ числѣ такіе люди, какъ Бриссо и Верньо. Это было 20-го сентября, а 21-го числа было первое офиціальное собраніе, провозгласившее прежде всего, что „собственность священна“, а затѣмъ декретировавшее отмѣну королевской власти. Со слѣдующаго дня всѣ государственные акты потомъ помѣчались словами: „въ первомъ году французской республики“. Преній въ собственномъ смыслѣ не было, а обоснованіемъ для декрета занялся въ своей рѣчи аббатъ Грегуаръ, который произнесъ нѣсколько рѣзкихъ

фразъ, въ родѣ того, что „всѣ династіи всегда были породами дикихъ звѣрей“, что „короли въ нравственномъ мірѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ чудовища или уроды въ природѣ“, и что „исторія королей есть разсказъ о мученичествѣ (мартирологъ) народовъ“.

Такъ во Франціи и офиціально была отмѣнена королевская власть, фактически упраздненная возстаніемъ за шесть недѣль передъ тѣмъ.

Въ Національный Конвентъ были избраны многіе члены прежнихъ собраній. Въ его составѣ изъ жирондистовъ членами Учредительнаго Собранія были: уже упоминавшійся нами Бюзо, также и Ланжюинэ, наконецъ Петіонъ; а членами Законодательнаго Собранія: Барбару, Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне, Инаръ, а также стоявшій къ нимъ близко Кондорсе, но были и новые члены. Изъ монтаньяровъ еще въ Учредительномъ Собраніи засѣдали Робеспьеръ, аббатъ Грегуаръ, Карно и др., въ Законодательномъ—Кутонъ и др., новыми же, хотя и очень уже извѣстными по своей предыдущей дѣятельности были Дантонъ, Маратъ и Камиллъ Демуленъ, рядомъ съ которыми явились и сдѣлавшіеся извѣстными только впослѣдствіи. Изъ этихъ новичковъ наиболѣе замѣчательными были Сенъ-Жюстъ, Колло-д'Эрбуа, Робеспьеръ младшій, Каррье, Фуше, Баррасъ, Бильо-Вареннъ и др., имена которыхъ будутъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ.

Что касается „Равнины“, которую называли еще презрительно „Болотомъ“, то въ ней было немало опытныхъ и дѣльныхъ людей, хорошо работавшихъ въ комитетахъ, но въ качествѣ политическихъ дѣятелей она не выдвинула никого и играла некрасивую роль людей, постоянно подводившихъ настоящихъ политиковъ. Сначала эта колеблющаяся масса помогла жирондистамъ сдѣлаться въ Конвентѣ господами положенія, потомъ содѣйствовала монтаньярамъ въ низверженіи жирондистовъ и дозволила Робеспьеру сдѣлаться своего рода диктаторомъ, пока не низвергла этого же самаго Робеспьера, чтобы и потомъ еще мѣнять свою тактику. Среди членовъ Равнины было много представителей имущихъ классовъ, которые вѣчно находились между двумя страхами: одинъ былъ передъ контръ-революціей съ возможностью жестокой расправы, другой—передъ новой революціей, предметомъ которой было бы нападеніе на собственность. Безъ опредѣленной политической вѣры, они только примѣнялись къ обстоятельствамъ, не рѣшаясь даже высказываться опредѣленно. Между ними было немного республиканцевъ по убѣжденію. 21 сентября они не столько отмѣнили монархію, сколько лишь „низложили“

короля, но не объявляя прямо республику. И тутъ они только дѣлали такъ потому, что иначе ничего нельзя было сдѣлать. Вотъ почему впослѣдствіи Наполеонъ среди бывшихъ членовъ Конвента нашелъ столько послушныхъ чиновниковъ. Послѣ изгнанія жирондистовъ и до паденія Робеспьера они очень плохо посѣщали засѣданія, такъ что въ Конвентѣ въ это время обыкновенно бывало лишь отъ 220 до 250 членовъ изъ 750. Не было у Равнины и опредѣленныхъ взглядовъ и на религію съ вопросомъ объ отношеніи церкви къ государству, ни на внѣшнюю политику: вездѣ и во всемъ дѣло рѣшалось, смотря по обстоятельствамъ, во благовременіе, т.-е. сегодня такъ, а завтра иначе. Въ этомъ „Болотѣ" мы встрѣчаемъ стараго знакомца Сьейеса, помогшаго черезъ семь лѣтъ Бонапарту задушить республику. Къ той же категоріи принадлежалъ и Камбасересъ, хорошій юристъ, который потомъ тоже помогалъ Наполеону и былъ имъ вознесенъ на высокія должности. Настоящее время этихъ и подобныхъ имъ людей въ Конвентѣ наступило тогда, когда сначала монтаньяры погубили жирондистовъ, а потомъ стали губить другъ друга, тѣмъ самымъ оставивъ поле битвы въ распоряженіи этого колеблющагося центра. Какъ иногда дѣйствовала эта „партія", можно видѣть изъ того, что она была способна поддерживать предложенія монтаньяровъ, а принятыя въ ихъ смыслѣ рѣшенія заставлять приводить въ исполненіе жирондистовъ.

Въ общемъ болѣе трети членовъ Конвента участвовало въ прежнихъ собраніяхъ: 89 въ Учредительномъ, 194 въ Законодательномъ, итого, значитъ, 283 изъ 750. Среди членовъ Конвента преобладали люди интеллигентнаго труда: адвокаты и судьи, ученые и литераторы, врачи, католическіе и протестантскіе духовные и т. п. Наоборотъ, людей такихъ профессій, какъ сельское хозяйство, промышленность и торговля, было среди нихъ чрезвычайно мало. Засѣданія Конвента происходили уже не въ манежѣ, а въ театрѣ Тюйлерійскаго дворца, гдѣ для публики можно было отвести гораздо больше мѣста: на засѣданіяхъ присутствовало постороннихъ отъ 1200 до 1500 человѣкъ, да и публика измѣнилась сравнительно съ прежнимъ временемъ, такъ какъ теперь особенно много приходило такъ называемыхъ „подонковъ общества", часто вооруженныхъ ружьями, пистолетами, саблями. Если кто-либо въ этой толпѣ не аплодировалъ любимому оратору или, наоборотъ, рукоплескалъ нелюбимому, сосѣди ругали его „бриссотинцемъ", аристократомъ и т. п. Особенный страхъ наводила эта шумная и буйная толпа на робкую, уклончивую, ко всему приспособлявшуюся Равнину. Ораторскія рѣчи

попрежнему считывались съ рукописи или зазубривались на память. Чуть не единственнымъ, кто всегда импровизировалъ, былъ Дантонъ. Онъ даже подчеркивалъ это, не то извиняясь, не то хвастаясь: „я никогда не пишу“.

Какъ и въ прежнихъ собраніяхъ, и въ Конвентѣ люди всячески открещивались отъ принадлежности къ какой-либо партіи. Партійность считалась преступленіемъ, въ которомъ жирондисты обвиняли монтаньяровъ, а монтаньяры жирондистовъ. На самомъ дѣлѣ партіи были, по крайней мѣрѣ, въ началѣ двѣ названныя партіи. Однако это были партіи безъ прочно установленныхъ программъ, въ существованіи которыхъ опять-таки упрекали только противниковъ. Скорѣе можно сказать, что у партій были только свои идеалы. Сами эти партіи дробились на группы. Среди жирондистовъ была особая группа „роландистовъ“, у монтаньяровъ въ 1793 году были „дантонисты“ и „робеспьеристы“. Попрежнему, однако, настоящихъ лидеровъ, особенно у жирондистовъ, бывшихъ наименѣе дисциплинированною партіей, не было: вчера они шли за Кондорсе, сегодня за Бриссо или Верньо, а потомъ за кѣмъ-нибудь даже и не принадлежавшимъ къ Конвенту. Монтаньяры какъ будто были сплочены, но ихъ вожди, знаменитый тріумвиратъ Дантона, Марата и Робеспьера, не были единомышленниками: монтаньяры въ Конвентѣ и якобинцы въ своемъ клубѣ видѣли, что это были разные люди, и негодовали, что внѣ Парижа не различали хорошо между Робеспьеромъ и Маратомъ. Изъ нихъ послѣдній годенъ былъ только въ предводители бунта, отнюдь не для парламентской дѣятельности. Самъ Робеспьеръ достигъ своего положенія въ Конвентѣ не потому, чтобы былъ главою партіи въ этомъ Собраніи, а потому что внѣ Собранія занималъ положеніе, равнаго которому не было. Дантонъ, въ сущности, тоже былъ одинокъ, хотя и существовали дантонисты.

Въ Конвентѣ даже боялись одно и то же лицо дважды сажать на предсѣдательское кресло. За три года Конвентъ 66 разъ выбиралъ своихъ предсѣдателей, и лишь три лица предсѣдательствовали по два срока, да и то съ промежутками въ нѣсколько мѣсяцевъ или въ цѣлый годъ. Такъ, Робеспьеръ былъ избираемъ въ августѣ 1793 и въ іюнѣ 1794 года, каждый разъ на 15 только дней. Выбирать предсѣдателя на годъ никому не приходило въ голову, равно какъ имѣть товарищей предсѣдателя: когда предсѣдатель отсутствовалъ, его замѣнялъ кто-нибудь изъ прежнихъ. Такихъ вообще кратковременныхъ предсѣдателей плохо слушались, и въ Конвентѣ среди депутатовъ царили жестокіе нравы, не то, что въ

Учредительномъ Собраніи, гдѣ въ обычаѣ были вѣжливость и сдержанность. Многіе представители народа даже являлись съ оружіемъ въ родѣ шпаги, трости со стилетомъ, пистолета и т. п. Слово „господинъ“ въ обращеніи другъ къ другу было изгнано, а во второй половинѣ 1793 года многіе стали другъ другу говорить „ты“, хотя, напримѣръ, Робеспьеръ этого избѣгалъ. Базиръ предлагалъ даже сдѣлать это обязательнымъ, но дѣло ограничилось предписаніемъ пользоваться мѣстоименіемъ „ты“ въ административной перепискѣ. Иные въ знакъ демократическаго опрощенія одѣвались въ простонародный костюмъ, носившійся на югѣ (карманьолу), и надѣвали деревянные башмаки (сабо). Зато красный фригійскій колпакъ былъ почему-то непопуляренъ въ Конвентѣ, и самъ Маратъ носилъ обыкновенную каскетку. Первымъ франтомъ, одѣтымъ всегда во фракъ и короткіе штаны, въ бѣломъ галстукѣ, съ напудренными волосами, былъ, какъ извѣстно, Робеспьеръ, рѣзко выдѣлявшійся этимъ среди другихъ представителей народа.

Возвратимся, однако, къ партіямъ Конвента и посмотримъ, изъ-за чего могла происходить борьба Жиронды и Горы.

Историки (прежде всего сами французы) очень неодинаково понимаютъ различіе между жирондистами и монтаньярами, тѣмъ болѣе, что у тѣхъ и другихъ не было ни партійныхъ программъ, ни внутренней организаціи, ни постоянныхъ вождей (лидеровъ), ни списковъ лицъ, числившихся въ партіи. Притомъ жирондистамъ часто противополагаютъ якобинцевъ, съ которыми монтаньяры были въ тѣсной связи, не совпадая съ ними, однако. Самый терминъ „якобинцы“ (и якобинизмъ) получаетъ у историковъ разное значеніе. Во-первыхъ, это—члены знаменитаго клуба, въ которомъ могли быть и были люди далеко не одинаковаго образа мыслей, особенно вначалѣ. Во-вторыхъ, можно называть якобинцами ту часть монтаньяровъ, ихъ большинство, которая была солидарна съ клубомъ. Въ-третьихъ, якобинизмъ—это нѣкоторое умонастроеніе, овладѣвшее наиболѣе энергичною частью населенія въ Парижѣ и во всей Франціи, своего рода политическая секта, не всѣ члены которой были ни монтаньярами, такъ какъ послѣднее названіе принадлежитъ только членамъ Конвента, ни членами якобинскаго клуба. Въ дальнѣйшемъ я буду употреблять названіе якобинцевъ, примѣняя его, между прочимъ, и къ монтаньярамъ, поскольку эта конвентская група дѣйствовала подъ вліяніемъ клуба и проявляла умонастроеніе, главнымъ представителемъ котораго былъ Робеспьеръ. Это толкованіе является одновременно и распро-

странительнымъ и ограничительнымъ: здѣсь имѣются въ виду не одни члены Конвента якобинскаго образа мыслей и не всѣ члены якобинскаго клуба. Недаромъ изъ якобинцевъ выдѣляютъ, напримѣръ, дантонистовъ, и тогда первыми будутъ для насъ, главнымъ образомъ, робеспьеристы.

Историки, повторяю, несходно понимаютъ различіе между жирондистами и якобинцами. Есть такіе, которые не видятъ между ними никакой разницы. Таковъ Тэнъ, который очень расширяетъ понятіе якобинизма, подводя подъ него и жирондистовъ. Другіе, наоборотъ, рѣзко однихъ отъ другихъ отдѣляютъ и противополагаютъ однихъ другимъ, видя въ этихъ двухъ партіяхъ представителей разныхъ общественныхъ классовъ.

Въ серединѣ XIX вѣка французскій историкъ Луи Бланъ (а раньше его Бюшезъ) создалъ такую теорію: жирондисты были представителями буржуазіи, якобинцы—народа; первые эгоистически стояли преимущественно за личную свободу, вторые были сторонниками братскаго равенства: одни ограничивались только политическими требованіями, другіе были если не соціалистами, то предшественниками соціалистовъ и т. п.

Это историческое построеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Во-первыхъ, и жирондисты и конвентскіе монтаньяры съ клубными вожаками якобинцевъ принадлежали къ одному и тому же общественному слою интеллигентной буржуазіи. Въ составѣ Конвента не было вообще представителей крестьянской или рабочей демократіи, да и самъ якобинскій клубъ руководился лицами изъ того же „средняго“ класса. Въ самыхъ демократическихъ кругахъ парижскаго населенія гораздо болѣе популярнымъ, чѣмъ якобинскій клубъ, былъ клубъ кордельерскій.

Во-вторыхъ, у насъ имѣются двѣ конституціи 1793 года: одна представляетъ собою жирондистскій проектъ, другая была составлена якобинцами, и обѣимъ предпослано по деклараціи правъ. Сравнивая обѣ послѣднія, мы не находимъ между ними никакой разницы, а что касается до самихъ конституцій, то жирондистская была даже гораздо демократичнѣе якобинской.

Въ-третьихъ, по вопросу о собственности различія мнѣній между обѣими партіями не было. Мы видѣли, что Конвентъ въ самомъ началѣ единогласно призналъ ненарушимость права собственности, да и обѣ упомянутыя деклараціи смотрятъ на это право совершенно одинаково. Мало того, Конвентъ

въ эпоху якобинскаго господства принялъ законъ, грозившій смертною казнью каждому, кто возбудилъ бы „аграрный законъ“, подъ которымъ разумѣлось уравненіе имуществъ.

Въ-четвертыхъ, якобинцы даже боролись съ тѣми, которые выставляли рѣзкія соціальныя требованія, хотя сами якобинцы и были демагогами, дававшими массамъ заманчивыя обѣщанія. Вообще во Франціи конца XVIII вѣка соціалистической мысли, въ значеніи требованія „обобществленія“ производства, т.-е. замѣны частныхъ предпріятій общественными, не существовало. Это было мыслью, родившеюся въ XIX вѣкѣ, а предшественники соціализма въ эпоху революціи больше понимали соціальный вопросъ въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія или даже общности имуществъ (коммунизма). Якобинцы стояли противъ этого, и единственное крупное проявленіе такого коммунистическаго направленія относится уже ко времени послѣ Конвента.

Въ одномъ только отношеніи взглядъ на буржуазность жирондистовъ и народничество якобинцевъ можетъ быть принятъ, да и то съ переводомъ вопроса на другую почву, на различеніе не между имущими и неимущими (или малоимущими), а между образованнымъ классомъ и темной массой. Жирондисты массѣ не довѣряли, страшась ея невѣжества, тогда какъ якобинцы идеализировали простой народъ, какъ это дѣлалъ еще Руссо, и готовы были приписывать ему коллективную мудрость, всѣ добродѣтели и т. п. Поэтому и въ народѣ якобинцы пользовались большою популярностью, а ихъ враговъ масса даже возненавидѣла.

И жирондисты и якобинцы были республиканцами, сдѣлавшимися таковыми не сразу, больше подъ давленіемъ обстоятельствъ, чѣмъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Для тѣхъ и другихъ политическимъ евангеліемъ былъ „Общественный Договоръ“ Руссо. Жирондисты, какъ увидимъ, желали даже осуществить его идеалъ непосредственнаго народовластія въ еще болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ якобинцы. Вся разница между обѣими партіями заключалась въ томъ, что жирондисты были поклонниками личной (индивидуальной) и общественной свободы, требующей ограниченія власти государства, а якобинцы усвоили ту часть воззрѣній Руссо, гдѣ на первомъ планѣ стояла неограниченность верховной власти самого народа. Якобинцы были большими государственниками. Здѣсь, дѣйствительно, была большая разница.

Но особенно тѣхъ и другихъ раздѣлялъ вопросъ о значеніи Парижа. Якобинцы примкнули къ тому направленію,

которое видѣло въ парижскомъ населеніи какъ бы естественное представительство населенія 83 департаментовъ Франціи, и стояли за строгую централизацію власти, готовые даже пользоваться способами и средствами, бывшими въ ходу при старой монархіи, для проведенія этой централизаціи въ жизнь. Жирондисты были противъ этого, представляли собою защитниковъ мѣстной свободы, и за это якобинцы ихъ обвиняли въ томъ, что они хотятъ расчленить „единую и нераздѣльную“ республику, внести въ жизнь Франціи пагубный федерализмъ. Въ этомъ отношеніи якобинизмъ держался Парижемъ, а жирондисты разсчитывали на провинцію. Въ самомъ Парижѣ возникло соперничество между его городской думой, Коммуной (собственно ея „генеральнымъ совѣтомъ“), желавшей играть общегосударственную роль, и Національнымъ Конвентомъ. Въ борьбѣ жирондистовъ съ якобинцами парижскія секціи стали на сторону Коммуны противъ Конвента.

Настоящіе якобинцы были не только партіей, но какъ бы даже сектой, отдѣльные члены которой являлись вылитыми въ одну форму—съ одпѣми и тѣми же идеями въ головѣ, одними и тѣми же словами на устахъ, съ однѣми и тѣми же манерами, съ общимъ всѣмъ имъ фанатизмомъ, съ какимъ они относились къ своему политическому догмату, стоявшему выше разума и не допускавшему никакихъ сдѣлокъ съ противоположными или отличными отъ него принципами мысли и жизни. Въ „единой и нераздѣльной республикѣ“ якобинцевъ воплощалась для нихъ высшая ихъ идея—идея государства, родственная античному пониманію гражданской общины, пониманію его у всѣхъ теоретическихъ и практическихъ государственниковъ эпохи абсолютизма, пониманію его и у Руссо. Себя однихъ они считали прежде всего „патріотами“, всѣхъ остальныхъ признавали или врагами „патріотизма“, напримѣръ, „аристократовъ“ и „философовъ“, т.-е. всѣхъ сколько-нибудь выдающихся надъ общимъ уровнемъ и сторонниковъ индивидуальной свободы (жирондистовъ), или не доросшими до настоящаго „патріотизма“, каковыми были для нихъ ихъ союзники „санкюлоты“ *), простой народъ. Кто не былъ съ ними, тотъ попадалъ въ разрядъ „подозрительныхъ“ въ смыслѣ прямой измѣны отечеству, а видовъ этой измѣны въ ходячемъ уголовномъ кодексѣ якобинцевъ было много: „федерализмъ“, составлявшій покушеніе на единство и нераз-

*) Высшіе классы французскаго общества носили короткіе штаны (кюлоты) до колѣнъ, тогда какъ простой народъ—длинные штаны.

дѣльность республики, „инцивизмъ"—одинъ изъ признаковъ дурного гражданина, или „модерантизмъ", т.-е. умѣренность, недостаточно ревностное отношеніе къ революціи, и т. п. Якобинцы видѣли въ государствѣ силу, которая должна подчинать себѣ человѣческую личность, воспитывать гражданина для своихъ цѣлей, требовать отъ него полнаго повиновенія, во всемъ опекать его и цѣлое общество, устанавливать въ частной и соціальной жизни все, начиная съ мелочей поведенія и кончая религіей, которая тоже должна была быть гражданской. Якобинцы не только сами стремились воплотить въ себѣ свой идеалъ „гражданина и патріота", но считали себя призванными по этому образцу передѣлать всѣхъ французовъ. Нежеланіе подчиниться общему режиму во имя государства и было признакомъ „инцивизма", отказа отъ исполненія перваго условія общественнаго договора, заключающагося въ полномъ отчужденіи своихъ правъ въ пользу всѣхъ: такого человѣка нужно было принудить къ „цивизму". Считая необходимою диктатуру для спасенія отечества отъ внѣшнихъ враговъ, они видѣли въ той же диктатурѣ средство всѣхъ французовъ сдѣлать настоящими „гражданами" и „патріотами". Конституція, составленная ими, не была приведена въ исполненіе. Предлогомъ была война, настоящимъ мотивомъ — намѣреніе сначала создать гражданъ, достойныхъ конституціи и способныхъ ею пользоваться. „Святое насиліе", которымъ, по мнѣнію Мабли, можно было содѣйствовать водворенію добродѣтели и счастья народа, было главнымъ средствомъ, употреблявшимся якобинцами: они возвели терроръ въ систему.

Молодой другъ Робеспьера, энтузіастъ якобинизма Сенъ-Жюстъ оставилъ послѣ себя отрывки сочиненія, въ которомъ общественнымъ идеаломъ выставляется нѣчто въ родѣ спартанскаго устройства съ полнымъ отсутствіемъ личной жизни или же въ родѣ государства Платона, какъ извѣстно, возведшаго на степень идеи древнюю гражданскую общину съ полнымъ исчезновеніемъ въ ней личности гражданина. Всепоглощающее государство должно было быть и государствомъ всеуравнивающимъ. Другими словами, равенство было въ системѣ не столько желаніемъ личности, сознающей свое равноправіе съ другими, сколько требованіемъ государства, передъ которымъ всѣ должны быть одинаково безправны. Все, что не хотѣло опуститься до этого общаго уровня, вызывало со стороны якобинцевъ косые взгляды, а въ число „аристократовъ", какъ враговъ равенства, попадали люди, никогда не бывшіе аристократами, напримѣръ, буржуазія и

интеллигенція. Когда революціонный судъ приговорилъ къ казни знаменитаго химика Лавуазье и тотъ просилъ отсрочки для окончанія одного научнаго изслѣдованія, предсѣдатель суда Коффингаль объявилъ, что „республика не нуждается въ ученыхъ“.

Другое дѣло — „санкюлоты“: они повторяли якобинскую фразеологію, приходили въ движеніе по первому знаку вождей партіи, составляли ея опору и никакъ уже не могли навлечь на себя подозрѣнія въ тѣхъ антигосударственныхъ грѣхахъ, которыми были заражены болѣе зажиточные и образованные люди. На этомъ главнымъ образомъ и былъ основанъ политическій союзъ якобинцевъ и санкюлотовъ; источникомъ якобинскаго „народничества“ было не столько живое чувство состраданія къ народу съ сознаніемъ долга прійти къ нему на помощь, сколько отвлеченная идея демократическаго государства, соединенная со стремленіемъ сдѣлать изъ народа орудіе для достиженія этого политическаго идеала. Якобинцы были учениками Руссо, у котораго демократія опиралась на отвлеченной идеѣ суверенняго народа, а не на томъ принципѣ общей пользы, т.-е. „пользы наибольшаго числа людей“, который проповѣдывался въ XVIII в. Гельвеціемъ, потомъ далъ плодотворные результаты въ политической философіи Бентама и вообще всегда лежалъ въ основѣ всѣхъ требованій дѣйствительнаго соціальнаго улучшенія.

Какъ бы тамъ ни было, между якобинизмомъ и пролетаріатомъ установилась тѣсная связь. Какъ это обстоятельство и какъ нѣкоторыя частныя мѣропріятія въ пользу нуждающихся и бѣдныхъ или случаи произвольнаго распоряженія частною собственностью, бывшіе лишь однимъ изъ видовъ общей произвольности якобинскихъ дѣйствій, такъ и то, что у отдѣльныхъ якобинцевъ возникали коммунистическіе планы, и послужили своего рода основаніемъ для того, чтобы говорить о якобинцахъ, какъ о предшественникахъ соціализма. Нельзя только отрицать, что революціонный духъ эпохи, господство демократической доктрины, страшная нужда городского пролетаріата, дѣйствительно, способствовали зарожденію во время революціи соціальныхъ стремленій, но они играли лишь второстепенную роль. Обѣ партіи представляли извѣстные принципы, первые—демократическую республику съ гарантіями индивидуальной свободы, другіе — ту же демократическую республику съ безусловнымъ преобладаніемъ государственнаго начала. И тѣ и другіе имѣли въ виду счастье народа, какъ бы ни разно понимали, въ чемъ оно заключается и какимъ путемъ его достигнуть. Но якобинцы сумѣли создать себѣ

прочное положеніе, вступивъ въ союзъ съ парижскимъ населеніемъ, тогда какъ жирондисты, въ сущности, оставались почти совсѣмъ изолированными. Будучи философами, теоретиками, ораторами, они обнаруживали необыкновенную способность къ стройнымъ идейнымъ комбинаціямъ, къ логическимъ рѣшеніямъ теоретическихъ задачъ, къ блестящимъ ораторскимъ выступленіямъ, но они не были людьми жизни, людьми практики, людьми дѣла: они страдали отъ отсутствія предусмотрительности, организаціи и дисциплины, предоставивъ, напримѣръ, всѣ мѣста въ національной гвардіи и въ муниципалитетѣ якобинцамъ, въ расчетѣ на силу своихъ знаній и талантовъ, на силу своего ума и краснорѣчія. Нравственными качествами они также превосходили якобинцевъ, среди которыхъ было немало людей беззастѣнчивыхъ. Въ нихъ, кромѣ того, было больше задушевности, и ихъ трагическая судьба окружила въ памяти потомства особымъ ореоломъ какъ имена главныхъ жирондистовъ, такъ и всю ихъ партію.

Всѣ недостатки жирондистовъ, какъ политическихъ дѣятелей, и многія достоинства ихъ ума воплотились, между прочимъ, въ Кондорсе, авторѣ проекта жирондистской конституціи. Хотя жирондистская конституція и осталась простымъ проектомъ, она въ высшей степени характерна для всей партіи. У Кондорсе не было, повидимому, ни малѣйшаго чувства дѣйствительности: напримѣръ, за два дня до 20 іюня 1792 г. онъ говорилъ, что народъ вполнѣ спокоенъ, и что „по тому, какъ народъ относится къ событіямъ, можно, пожалуй, подумать, что онъ каждый день посвящаетъ нѣсколько часовъ изученію анализа“. Это качество философа-математика отразилось и на его конституціонномъ проектѣ. Извѣстно, что Руссо стоялъ не за представительную, а за непосредственную демократію, и вотъ за разрѣшеніе задачи ввести этотъ принципъ въ республиканскую конституцію Франціи, собственно говоря, и взялся Кондорсе. Исполнительная власть, по его проекту, вручалась семи министрамъ, выбираемымъ на два года непосредственно всѣмъ народомъ въ первичныхъ собраніяхъ, которыя на одинъ годъ должны были выбирать непосредственно же и законодательный корпусъ. Первичнымъ собраніямъ, кромѣ этихъ и другихъ выборовъ, было предоставлено право принимать и отвергать проекты конституціи или конституціонныя измѣненія, отвѣчать на вопросы законодательнаго корпуса относительно желанія всѣхъ гражданъ, предлагать разные вопросы на обсужденіе законодательному корпусу. Законы дѣлились на законы въ собственномъ смыслѣ

и на декреты. Каждому гражданину предоставлялось предлагать новые законы или измѣненія въ старыхъ, разъ онъ находилъ пятьдесятъ человѣкъ въ своемъ первичномъ собраніи, которые подписывали его предложеніе; принятый большинствомъ голосовъ проектъ поступалъ бы на разсмотрѣніе всѣхъ первичныхъ собраній того же округа, потомъ всѣхъ первичныхъ собраній всего департамента, наконецъ, въ случаѣ принятія большинствомъ, въ законодательный корпусъ. Если бы законодательный корпусъ отвергъ такой проектъ, то долженъ былъ бы отправить его на разсмотрѣніе первичныхъ собраній всей Франціи и т. д. Той же процедурѣ стали бы подвергаться и конституціонныя измѣненія, для которыхъ законодательный корпусъ обязанъ былъ бы собирать, не расходясь самъ, особый національный конвентъ. Если бы предложеніе, отвергнутое законодательнымъ корпусомъ, было принято затѣмъ большинствомъ голосовъ во всѣхъ первичныхъ собраніяхъ Франціи, то должно было бы совершиться обновленіе законодательнаго корпуса безъ права переизбранія тѣхъ его членовъ, которые голосовали противъ предложенія. Только декреты не подлежали такой „цензурѣ народа надъ актами національнаго представительства". Конституція выходила похожею на математическое построеніе. Если бы она была приведена въ исполненіе, французскому народу почти ничего не оставалось бы дѣлать, какъ только собираться и законодательствовать. Жирондисты считали себя призванными дать Франціи идеальную конституцію, которая была бы лучше и англійской и американской и которая составила бы счастье народа. Эта конституція должна была установить правильный государственный порядокъ, положить конецъ анархіи, убійствамъ, грабежамъ, создать настоящую политическую свободу.

Жирондисты раньше и сами не отказывались отъ содѣйствія толпы, когда нужно было достигнуть извѣстныхъ политическихъ цѣлей, но они были противъ того, чтобы это содѣйствіе было возведено въ систему и продолжалось безконечно. Люди просвѣщенные, съ артистическими и литературными вкусами, они не могли переносить грубостей и циническаго тона, бывшихъ въ ходу у демагоговъ въ родѣ Марата или Эбера, полагавшаго, что истинный демократизмъ заключается въ ругательствахъ и неприличныхъ выраженіяхъ. Простота революціоннаго правительства якобинцевъ, равнымъ образомъ, не соотвѣтствовала ихъ принципамъ. Они стояли вообще за легальныя формы и потому были противъ произвола, на которомъ основывалась вся якобинская система; хотѣли правильныхъ налоговъ вмѣсто произвольныхъ конфискацій; тре-

бовали судебной процедуры съ гарантіями для обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, вмѣсто чрезвычайныхъ трибуналовъ; желали наказаній, а не проскрипцій, и указывали на необходимость свободы выборовъ, которой не уважали якобинцы. Жирондисты не прочь были заключить въ легальныя формы даже самое право сопротивленія угнетенію, на которое указывала декларація правъ, предпосланная ихъ проекту конституціи: „въ каждомъ свободномъ правленіи,—сказано было въ ней,—способъ сопротивленія этимъ различнымъ актамъ угнетенія долженъ быть упорядоченъ закономъ“. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, съ хорошо организованной администраціей, располагая вооруженной силой, опираясь на спокойное большинство націи, не имѣя противъ себя союза якобинцевъ съ санкюлотами, жирондисты могли бы своими принципами осуществлять свою идею, добиваться путемъ убѣжденія, чтобы на ихъ сторонѣ было большинство Конвента и чтобы оно издавало законы въ ихъ духѣ, хотя нельзя не замѣтить, что и они готовы были ставить различіе между республиканцами и нереспубликанцами въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ должна была господствовать одна легальность. Въ принципѣ они все-таки исходили изъ идеи народовластія, которая требовала равнаго права каждому гражданину, и не раздѣляли взгляда нѣкоторыхъ якобинцевъ, говорившихъ, что голосъ одного патріота-монтаньяра долженъ перевѣшивать сто тысячъ голосовъ „бриссотинцевъ“.

Впрочемъ, жирондистамъ, чтобы умѣть стоять во главѣ власти, не хватало внутренней сплоченности и дисциплины.

Предыдущее объясняетъ намъ, почему жирондисты потерпѣли неудачу, почему, наоборотъ, монтаньяры-якобинцы взяли перевѣсъ. Когда это случилось, во Франціи могли говорить о переходѣ власти къ монтаньярскому тріумвирату, состоявшему изъ Марата, Дантона и Робеспьера.

Съ первымъ мы уже знакомы. Это не былъ государственный человѣкъ, а типичный демагогъ, обращавшійся къ низменнымъ инстинктамъ толпы, притомъ человѣкъ, психически совершенно неуравновѣшенный. Нося на себѣ довольно ясно выраженные признаки физическаго вырожденія, онъ еще до начала революціи проявлялъ и нѣкоторыя душевныя свойства, характеризирующія маніаковъ: сначала это была манія величія, мало-по-малу осложнившаяся бредомъ преслѣдованія и наконецъ дошедшая до маніи убійствъ. Честолюбивымъ стремленіямъ Марата далеко не соотвѣтствовали его таланты. Онъ началъ свою карьеру неудачникомъ, преисполненнымъ, однако, величайшаго самомнѣнія и увѣреннымъ въ томъ, что

лишь изъ зависти къ нему враги вредятъ его репутаціи. Первоначально онъ думалъ прославиться въ области философіи и науки, считая себя крупнымъ мыслителемъ, призваннымъ совершить переворотъ въ физикѣ своими сочиненіями, въ одномъ изъ которыхъ онъ, напримѣръ, опровергалъ Ньютона. Въ 1789 г. Маратъ вообразилъ себя не менѣе великимъ политикомъ и началъ рѣзко писать въ своемъ, называвшемся уже выше „Другѣ Народа", гдѣ говорилъ, что, если бы ему на время дали власть, онъ все устроилъ бы наилучшимъ образомъ и Франція при немъ процвѣтала бы. Когда позднѣе противъ Конвента вспыхнуло вандейское возстаніе, Маратъ писалъ, что вотъ онъ нашелъ бы средство однимъ ударомъ нанести пораженіе вандейцамъ, если бы ему только взглянуть на то, какъ они дерутся. Сначала въ заговорѣ противъ себя онъ обвинялъ завистливыхъ академиковъ, не признававшихъ его ученыхъ заслугъ, и потому постоянно ихъ ругалъ, но потомъ перенесъ свою ненависть на Неккера, этотъ „позоръ человѣчества", на „мошенниковъ" Байльи и Лафайета, на „негодяя" Мирабо, на все Національное Собраніе, какъ на „скопище людей низкихъ, пресмыкающихся, подлыхъ и неспособныхъ". Кромѣ газеты, онъ издавалъ и революціонныя брошюры, проповѣдывавшія убійства. Уже лѣтомъ 1790 г. онъ требовалъ восемьсотъ висѣлицъ, изъ которыхъ на одной долженъ былъ бы качаться „проклятый Рикетти". Свои статьи онъ лично прочитывалъ на сходбищахъ народа. Дантонъ взялъ его подъ свое покровительство, потому что Марату пришлось долгое время скрываться отъ ареста, которымъ ему грозили за его статьи. Попытка бѣгства Людовика XVI вызвала Марата изъ его убѣжищъ; но, когда—уже въ Законодательномъ Собраніи—Гаде поднялъ вопросъ о его преслѣдованіи, онъ опять нашелъ тайный пріютъ у кордельеровъ. 10-е августа снова вызвало его на сцену. Попавъ въ городскую думу, а потомъ въ Конвентъ, онъ возбуждалъ народъ къ сентябрьскимъ убійствамъ и принималъ участіе во всѣхъ террористическихъ мѣрахъ. Въ сентябрѣ 1792 г. онъ требовалъ сорокъ тысячъ головъ, а въ концѣ того же года уже триста тысячъ.

Совсѣмъ иного склада былъ Дантонъ, съ дѣятельностью котораго до вступленія въ Конвентъ мы уже познакомились. Дантонъ въ этомъ періодѣ революціи былъ столь же крупною фигурою, какою Мирабо былъ въ Учредительномъ Собраніи. Мы уже говорили о его внушительной наружности и властномъ голосѣ. Однимъ своимъ видомъ онъ производилъ сильное впечатлѣніе, а его краснорѣчіе, страстное и безпорядочное,

образное и мѣткое, то разнузданно-грозное, то грубо-шутливое, вполнѣ овладѣвало слушателями, тѣмъ болѣе, что и содержаніе его рѣчей не сводилось на общія мѣста и шаблонную фразеологію, а было выраженіемъ самобытной натуры, недюжиннаго ума, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ, характера смѣлаго до дерзости и энергичнаго. Дантонъ обладалъ вообще замѣчательнымъ чувствомъ дѣйствительности, громаднымъ даромъ предвидѣнія, искусствомъ въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и обнаружилъ во время революціи громадныя политическія способности. Но это была и натура требовательная и властная, жаждавшая наслажденій и господства, стремившаяся къ шуму и къ широкой дѣятельности, не останавливавшаяся передъ средствами въ погонѣ за деньгами. Это былъ и не Маратъ, не вполнѣ обладавшій своимъ разсудкомъ, и не Робеспьеръ, жившій чужими идеями,—это былъ человѣкъ, психически здоровый и оригинальный. Сентябрьскія убійства, какъ мы знаемъ, онъ считалъ недурнымъ средствомъ „напугать роялистовъ", но у него не было ни маніи убійства, которою былъ одержимъ кровожадный Маратъ, ни безстрастно-холоднаго требованія новыхъ и новыхъ казней, столь вообще характернаго для Робеспьера. Ему недоставало только идеи, которой онъ считалъ бы себя призваннымъ служить, не хватало нравственной основы дѣятельности, не хватало способности къ постоянному и усидчивому труду.

Отвергнутый жирондистами, въ союзѣ съ которыми Дантонъ думалъ организовать диктатуру Конвента противъ своеволія якобинскаго клуба, опиравшагося на санкюлотовъ, онъ потомъ самъ сблизился съ якобинцами, хотя и предвидѣлъ, что санкюлотизмъ, „пожравшій жирондистовъ, пожретъ и якобинцевъ, и кончитъ тѣмъ, что пожретъ самого себя". Онъ понималъ также, что дай только полную волю Робеспьеру и Сенъ-Жюсту, и они немедленно превратили бы Францію въ „Онвайду съ двумя десятками политическихъ траппистовъ". Трапписты были монашескимъ орденомъ особенно фанатичнымъ.

Робеспьеръ, котораго одинъ другъ дѣтства называлъ „кошкой-тигромъ", а Пушкинъ назвалъ „сентиментальнымъ тигромъ", былъ съ виду человѣкъ чопорный и даже нѣсколько слейный, не безъ нѣкотораго кокетства въ манерахъ и ради литературнаго тщеславія вылащивавшій и украшавшій свои писанія и рѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ завистливый ко всякому превосходству надъ собою и дѣлавшій изъ своей недоступности для всякаго рода соблазновъ, изъ своей нравственной безупречности и „неподкупности" какъ бы нѣкоторую

рекламу, умѣвшій говорить только догматическимъ тономъ и въ самомъ безукоризненномъ стилѣ. У Робеспьера не было дерзкой смѣлости Дантона; онъ даже боялся имѣть дѣло непосредственно съ народною толпою. Чувство жалости, которое не чуждо было Дантону, ему было недоступно, но его холодная жестокость, нисколько не напоминавшая, впрочемъ, кровожадную манію Марата, мирилась съ какою-то сентиментальностью, заставлявшею самого же его вѣчно говорить о человѣколюбіи, о справедливости, о добродѣтели и бояться самаго вида крови. Дантонъ не скрывалъ своихъ диктаторскихъ стремленій, но „неподкупный" Робеспьеръ готовъ былъ видѣть личное для себя оскорбленіе въ подозрѣніи, будто онъ стремится къ диктатурѣ. Впрочемъ, онъ не столько желалъ, чтобы его боялись и ему повиновались, сколько, чтобы его любили, ему поклонялись, его прославляли, вѣрили въ него и шли за нимъ, какъ овцы за пастыремъ, какъ сектанты за своимъ проповѣдникомъ, какъ вѣрующіе за папою, ибо и якобинизмъ имѣлъ въ немъ своего папу и вѣрующихъ въ него поклонниковъ и поклонницъ (tricoteuses de Robespierre). Республиканцемъ онъ сдѣлался сравнительно поздно, скорѣе идя позади, чѣмъ впереди другихъ. Ему понадобилось три года, чтобы занять положеніе, какое Маратъ занималъ уже съ самаго начала революціи: но зато въ его списокъ заговорщиковъ и измѣнниковъ попадали не одни „аристократы", какъ у Марата, но и атеисты, и развратники, и всѣ противники ортодоксальнаго якобинизма. Революція отождествлялась для него съ якобинизмомъ, якобинизмъ—прямо съ нимъ самимъ. Внѣ своей догмы онъ не признавалъ возможности патріотизма и разыскивалъ измѣнниковъ среди собственной партіи, въ самомъ Конвентѣ, въ его комитетахъ, среди членовъ революціоннаго правительства. Посредствомъ террора вся Франція должна была быть обращена къ якобинскому патріотизму, а до того времени конституція оставаться простымъ клочкомъ бумаги.

Робеспьеръ собственно пожалъ тамъ, гдѣ посѣялъ Дантонъ, взявъ въ свои руки управленіе созданной послѣднимъ организаціей, но у Робеспьера самого, особенно по сравненію съ Дантономъ, не было выдающихся способностей государственнаго человѣка: „онъ и яйца-то порядкомъ не сумѣетъ сварить", отзывался о немъ Дантонъ. Онъ былъ лишенъ чувства дѣйствительности и смотрѣлъ на современность черезъ призму своей политической теоріи, созданной не имъ самимъ и не на основаніи фактовъ и тѣмъ не менѣе не претерпѣвшей ни малѣйшаго измѣненія въ его головѣ отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. Эта теорія, т.-е. „Общественный Дого-

воръ“ Руссо, была для него догматомъ, въ который нужно было только вѣрить и въ который самъ онъ вѣровалъ. Его вѣра и была источникомъ его вліянія, и люди, находившіеся подъ властью тѣхъ же идей, не могли не подчиняться Робесньеру. Онъ и не выводилъ людей изъ этого круга мыслей, не вносилъ сюда ничего посторонняго, личнаго, былъ въ немъ, однако, хозяиномъ, умѣя извлекать принципы изъ принциповъ и владѣя всей терминологіей и фразеологіей Руссо, хотя, глядя со стороны, все это оставалось у него чѣмъ-то чужимъ, усвоеннымъ только внѣшнимъ образомъ. Его пониманіе государства было до-нельзя просто, ограничено до послѣдней крайности и въ этомъ отношеніи отличалось необыкновенной цѣльностью. Для Робесньера Франція была населена двумя съ половиною десятками милліоновъ вполнѣ однородныхъ индивидуумовъ, имѣющихъ отъ природы самые добрые задатки, но нуждающихся въ извѣстной очисткѣ и въ надлежащей дрессировкѣ. Воля всей совокупности этихъ гражданъ была для него самъ непогрѣшимый разумъ, но настоящему проявленію этой воли, по его мнѣнію, препятствовали измѣнники, злодѣи и развратники, къ которымъ онъ причислялъ всѣхъ несогласно мыслящихъ.

Впослѣдствіи Робесньеръ дѣйствительно входилъ, въ качествѣ главы, въ составъ нѣкотораго тріумвирата, членами котораго были еще упоминавшійся уже въ своемъ мѣстѣ, бывшій членъ Законодательнаго Собранія Кутонъ и только теперь вступившій на политическую арену Сенъ-Жюстъ.

Это былъ совсѣмъ еще юноша. Въ годъ начала революціи ему только-что исполнился двадцать одинъ годъ. Уроженецъ провинціи, онъ въ 1789 году посѣтилъ Парижъ, гдѣ познакомился съ К. Демуленомъ, а въ слѣдующемъ году ѣздилъ въ Парижъ уже въ качествѣ офицера мѣстной національной гвардіи на праздникъ федераціи 14-го іюля. Къ этому времени относится начало его знакомства съ Робесньеромъ, къ которому онъ обратился съ восторженнымъ письмомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ опубликовалъ книжку: „Духъ революціи и конституціи во Франціи“, и даже рѣшился поставить свою кандидатуру въ Законодательное Собраніе, хотя ему не было еще требовавшихся закономъ двадцати пяти лѣтъ. Попавъ въ Конвентъ, онъ сѣлъ въ немъ рядомъ съ Робесньеромъ. Молодой человѣкъ красивой наружности, увѣренный въ себѣ и оживленный, искусный ораторъ, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе, между прочимъ, и содержаніемъ своихъ рѣчей. Когда въ Конвентѣ поднятъ былъ вопросъ о судѣ надъ королемъ, Сенъ-Жюстъ сказалъ, что на короля нельзя смотрѣть, какъ

на гражданина, котораго можно было бы предать суду, потому что король для французовъ только врагъ, по отношенію къ коему у каждаго француза есть такое же право, какое было у Брута убить Цезаря. По поводу предложенія объявить всѣхъ Бурбоновъ изгнанными изъ страны онъ замѣтилъ: „я предлагаю изгнаніе всѣхъ Бурбоновъ, кромѣ короля, и вы, конечно, знаете, почему такъ“. Послѣ его смерти осталась рукопись сочиненія, которая была опубликована только въ 1800 году подъ заглавіемъ: „Отрывки о республиканскихъ учрежденіяхъ“, гдѣ на основаніи идей Платона и Руссо проповѣдуется необходимость подчиненія личности обществу. До самаго конца Сенъ-Жюстъ былъ обожателемъ „Максимиліана Неподкупнаго“, самъ бывши человѣкомъ строгихъ нравовъ и безусловной честности, что̀ не мѣшало ему проявлять самый рьяный якобинскій фанатизмъ.

Выше нами было названо еще нѣсколько монтаньяровъ, съ личностями которыхъ мы будемъ знакомиться по мѣрѣ ихъ выступленія въ событіяхъ исторіи Конвента.

ГЛАВА XVII.

Борьба и гибель жирондистовъ.

Однимъ изъ крупныхъ вопросовъ, на которомъ не поладили жирондисты и монтаньяры, былъ вопросъ о судѣ надъ Людовикомъ XVI.

Страна молчаливо признала актъ 21 сентября, упразднившій во Франціи королевскую власть. Во время выборовъ изъ тысячъ первичныхъ собраній только тринадцать высказалось опредѣленно въ пользу сохраненія монархіи, а изъ собраній выборщиковъ ни одно. Правда, и слово „республика“ при этомъ не произносилось, но посылка въ Конвентъ республиканскихъ депутатовъ указывала на то, что о возстановленіи монархіи и не было рѣчи. Оставался еще вопросъ о личной судьбѣ бывшаго короля, который былъ заключенъ въ за̀мкѣ Тамплѣ, старинномъ зданіи, принадлежавшемъ до начала XIV вѣка духовно-рыцарскому ордену храмовниковъ (тампліеровъ), бывшемъ потомъ монастыремъ, а въ 1790 году сдѣлавшемся національной собственностью.

Въ первое время въ Конвентѣ уже шли пререканія между обѣими партіями по вопросу о наказаніи виновниковъ сентябрьскихъ ужасовъ и возстановленіи правильнаго порядка общественной жизни. Этого требовали жирондисты, а монтаньяры стали обвинять ихъ въ стремленіи къ диктатурѣ, на что тѣ имъ отвѣтили такимъ же обвиненіемъ. Марату,

Дантону и Робеспьеру пришлось, однако, оправдываться. Первый грозилъ застрѣлиться на мѣстѣ, если его обвинятъ; второй отрекался отъ солидарности съ Маратомъ; третій особенно много говорилъ о своихъ „подвигахъ", „спасшихъ" отечество. Жирондисты ограничились тѣмъ, что одержали нѣсколько словесныхъ побѣдъ, и ничего практически не добились.

Скоро другой вопросъ еще сильнѣе раздѣлилъ партіи. 16 октября Конвенту была представлена петиція якобинцевъ города Оксерра о преданіи короля суду. И жирондисты и монтаньяры, не желая одни другимъ показаться „умѣренными" и чего добраго, пожалуй, роялистами, высказались за это предложеніе.

Въ вопросѣ было двѣ стороны — юридическая и политическая. Съ юридической точки зрѣнія судъ былъ невозможенъ, потому что принятіе конституціи 1791 года сопровождалось забвеніемъ всего прошлаго, по самой же конституціи король пользовался безотвѣтственностью и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола. Но въ Конвентѣ становились на политическую точку зрѣнія. Какъ англійскіе индепенденты, казня въ 1649 году Карла I, разсчитывали упрочить этимъ республику, въ чемъ, впрочемъ, ошиблись, такъ думали и члены Конвента нанести судомъ надъ Людовикомъ XVI и даже его казнью послѣдній ударъ королевской власти. Вотъ эту-то самую точку зрѣнія и выдвинули на первый планъ монтаньяры. По характернымъ словамъ Сенъ-Жюста (13 ноября), дѣло было не въ томъ, покрываетъ ли короля или нѣтъ его неприкосновенность, а въ томъ, чтобы нанести ударъ, имѣя передъ собою непріятеля. Сенъ-Жюстъ прибавилъ, что потомство будетъ даже удивляться, какъ это судили короля: „Судить значитъ примѣнять законъ, а законъ есть отношеніе справедливости, но какое можетъ быть отношеніе между человѣчествомъ и королями? Королевская власть есть вѣчное преступленіе" и т. д. въ томъ же родѣ. Такъ говорилъ другъ Робеспьера, а самъ онъ (3 дек.) развивалъ эту мысль дальше: „Здѣсь нѣтъ никакого судебнаго процесса. Людовикъ не подсудимый, а вы не судьи: вы не можете быть чѣмъ-либо, какъ государственными людьми, представителями націи. Вамъ не приговоръ нужно поставить за или противъ человѣка, но принять мѣру во имя общественнаго спасенія, исполнить актъ національнаго провидѣнія",—и Робеспьеръ прямо потребовалъ „смерти Людовика XVI, дабы жила республика". Такая откровенная постановка вопроса испугала жирондистовъ. Верньо высту-

пилъ тогда (31-го декабря) съ рѣчью, отличавшейся пророческой: „Развѣ вы не слыхали, какъ тамъ и сямъ разъяренный народъ кричитъ: дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ Тампль: мало ли денегъ, терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ Тампль; видимъ ли мы каждый день печальное зрѣлище нищеты, виноватъ все тотъ же Тампль. Кто намъ поручится, что по смерти Людовика тѣ же люди не станутъ кричать: дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ Конвентъ; мало ли денегъ, виноватъ Конвентъ; терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ Конвентъ; возрастаютъ ли бѣдствія вслѣдствіе заявленій иностранныхъ державъ, виноватъ Конвентъ, вызвавшій эти заявленія поспѣшной казнью Людовика?“ Верньо предсказывалъ при этомъ терроръ внутри государства, а внѣ — новую войну. Между Франціей и Англіей готовился въ то время союзъ, но изъ Англіи дали знать, что союзъ не состоится въ случаѣ умерщвленія Людовика XVI. Среди жирондистовъ возникла тогда мысль о спасеніи короля отъ смерти: пусть, говорили они, Конвентъ его судитъ, но приговоръ пусть пойдетъ на утвержденіе всего народа въ его первичныхъ собраніяхъ. Якобинцы, опасаясь, что это можетъ спасти Людовика XVI отъ казни, наоборотъ, были противъ апелляціи къ народу, боясь и обращенія къ провинціи противъ столицы.

11 декабря состоялся допросъ „Людовика Капета“,—какъ его теперь называли по имени родоначальника династіи. Подсудимый то ссылался на свою конституціонную неотвѣтственность, то отрицалъ самые факты обвиненія. Ему позволили выбрать себѣ защитниковъ, и онъ указалъ на Тронше, къ которому добровольно присоединился Мальзербъ, бывшій министромъ при Тюрго, а они выбрали въ помощники молодого адвоката Десеза, взывавшаго въ своей блестящей рѣчи къ состраданію и разбиравшаго юридическую сторону дѣла. Съ 15 по 19 января 1793 г. члены Конвента поименно подавали свои голоса на три вопроса: виновенъ ли Людовикъ? Будетъ ли апелляція къ народу? Какое наказаніе ему назначить? Громаднымъ большинствомъ голосовъ Людовикъ Капетъ былъ признанъ виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы націи и противъ общей безопасности государства, причемъ многіе мотивировали свое мнѣніе въ длинныхъ рѣчахъ. Апелляція къ народу была отвергнута 423 голосами противъ 283. Допустить ее, по мнѣнію Сенъ-Жюста, значило бы возстановить монархію, кромѣ того, это была апелляція къ провинціи. Изъ 721 голоса, поданнаго по третьему вопросу, 387 голосовъ были за смертную казнь, 334 за дру-

гія наказанія (за изгнаніе, за каторгу, за тюремное заключеніе). По двумъ последнимъ вопросамъ голоса жирондистовъ раздѣлились: одни были противъ апелляціи къ народу, другіе—за нее, а въ вопросѣ о наказаніи одни были за заточеніе (Кондорсе), другіе — за казнь съ отсрочкой (Верньо, Гаде, Бюзо, Петіонъ, Бриссо), третьи за безусловную смерть (Изнаръ, Барбару). 20 января была 361 голосомъ противъ 360 отвергнута предложенная Жирондою отсрочка, т.-е. половиною всѣхъ голосовъ *плюсъ* одинъ. Въ засѣданіи 19 января предсѣдательствовалъ Верньо, которому пришлось объявить результатъ голосованія. Жирондисты не спасли короля: они не обнаружили ни партійной дисциплины, ни мужества передъ народными толпами, наполнявшими трибуны и своими криками оказывавшими давленіе на Конвентъ. Одинъ изъ членовъ Конвента признавался послѣ, что нужно было имѣть больше мужества для произнесенія оправдательнаго приговора, нежели обвинительнаго. Впослѣдствіи жирондисты оправдывались разными соображеніями политическаго свойства. Монтаньяры подавали голоса за казнь и съ ними бывшій герцогъ Орлеанскій, тоже изъ потомковъ Гугона Капета, теперь „гражданинъ Филиппъ Эгалите", спасавшій тѣмъ, какъ думаютъ, свои громадныя богатства. 21 января приговоръ надъ Людовикомъ XVI былъ приведенъ въ исполненіе. На эшафотѣ Людовикъ XVI проявилъ твердость, почерпнутую изъ религіозности. Послѣдними словами его были: „Я умираю невиннымъ. Пусть моя кровь спасетъ счастье французовъ". Въ день казни въ Парижѣ было совершенно тихо.

Опасенія, возникшія у жирондистовъ какъ относительно внѣшнихъ осложненій, съ одной стороны, и междоусобной войны и террора внутри Франціи, съ другой, такъ и относительно собственной своей судьбы, стали сбываться. Послѣ битвы при Вальми, остановившей пруссаковъ, дѣла новой республики на войнѣ стали поправляться. Въ то время, какъ французское дворянство эмигрировало за границу, къ французскимъ генераламъ, наоборотъ, изъ-за границы являлись люди разныхъ національностей и просили у нихъ содѣйствія для низверженія старыхъ политическихъ порядковъ и въ пограничныхъ странахъ. Революція, такимъ образомъ, коснулась сосѣдей; когда же французскія войска перешли въ наступленіе, населеніе ближайшихъ къ границѣ областей встрѣчало ихъ съ восторгомъ, какъ избавителей отъ стараго угнетенія. Осенью 1792 г. почти безъ сопротивленія со стороны сардинскихъ войскъ была занята французами Савойя,

и „національное суверенное собраніе аллоброговъ“, въ которомъ было представлено 658 общинъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ (583 общины) постановило присоединиться къ Франціи (21 октября 1792 г.). Занята была и Ницца. Генералъ Кюстинъ почти безъ сопротивленія захватилъ въ Германіи Шпейеръ и Вормсъ и 19 октября появился подъ Майнцемъ, который капитулировалъ, послѣ чего въ этомъ городѣ образовался клубъ нѣмецкихъ патріотовъ и собрался конвентъ отъ прирейнскихъ нѣмцевъ, декретировавшій присоединеніе всего лѣваго берега Рейна къ Франціи. Между тѣмъ Дюмурье одержалъ 6 ноября надъ австрійцами побѣду при Жеммапѣ, и затѣмъ вся Бельгія, въ которой уже раньше происходила своя революція, была въ рукахъ французовъ. Весьма скоро изъ-за этой страны между Дюмурье, ее завоевавшимъ, и монтаньярами, желавшими установить въ ней свои порядки, начались несогласія, тѣмъ болѣе, что у Дюмурье были еще тайные замыслы насчетъ возстановленія монархіи въ пользу герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго (гражданина Филиппа Эгалитэ). Дантонъ поѣхалъ въ Бельгію, чтобы предотвратить разрывъ между генераломъ и Конвентомъ. Въ это время Конвентъ (19 ноября) издалъ декретъ, обѣщавшій, что Франція будетъ поддерживать каждую націю, стремящуюся къ свободѣ, а 15 декабря декретировалъ, что повсюду, куда ни явятся французскія арміи, аристократическія правленія будутъ отмѣнены, церковныя имущества конфискованы, сеньёрьяльныя права и десятины уничтожены, и народъ будетъ призванъ къ свободѣ. Дюмурье былъ крайне раздосадованъ этимъ декретомъ; но Дантонъ объявилъ ему, что настоящій авторъ декрета—это онъ, Дантонъ, и немедленно же приступилъ къ реализаціи въ Бельгіи конвентскаго распоряженія.

Завоеваніе французами Савойи съ Ниццею, лѣваго берега Рейна и Бельгіи до-нельзя встревожило монархическую Европу, а казнь Людовика XVI послужила послѣднимъ звеномъ въ цѣпи причинъ, вызвавшихъ противъ Франціи большую коалицію. Французскихъ посланниковъ стали выгонять; въ Римѣ представитель французской республики былъ даже умерщвленъ. 1 февраля 1793 г. Конвентъ объявилъ войну Англіи и Голландіи, 7 марта — Испаніи, а 22 марта имперскій сеймъ Германіи рѣшилъ начать войну съ Франціей отъ имени всей Священной Римской имперіи. Конвентъ обратился тогда къ арміи съ манифестомъ, составленнымъ Иснаромъ, гдѣ вопросъ ставился просто: или пораженіе и гибель свободы, торжество тиранніи, или же побѣда и пораженіе ти-

рановъ, братство народовъ, прекращеніе войны между ними: „васъ провозгласятъ спасителями отечества, основателями республики, возродителями вселенной!“—сказано было въ манифестѣ.

Въ то самое время, какъ почти полумилліонная армія Англіи, Голландіи, Австріи, Пруссіи и другихъ германскихъ государствъ, а также Сардиніи и Испаніи начала угрожать границамъ Франціи, загоралась и междоусобная война въ самой республикѣ: въ департаментахъ провинцій Пуату и Бретани произошло контръ-революціонное движеніе крестьянъ подъ предводительствомъ неприсяжныхъ священниковъ и дворянъ, давно уже подготовлявшееся и вспыхнувшее, когда Конвентъ потребовалъ отъ населенія подъ знамена для защиты отечества рекрутъ. Въ мартѣ вся Вандея (Нижній Пуату, Анжу, Нижній Мэнъ и Бретань) была охвачена возстаніемъ. Начались знаменитыя вандейскія войны, въ которыхъ Конвентъ имѣлъ противъ себя десятки тысячъ „шуановъ“, какъ называли инсургентовъ по прозвищу одного изъ первыхъ вождей движенія. Оно имѣло сначала скорѣе религіозный, нежели роялистическій характеръ, но скоро получило значеніе и антиреспубликанскаго взрыва. Въ это время Дюмурье былъ разбитъ при Неервинденѣ (12 марта) и, поссорившись съ Конвентомъ, въ арміи же не нашедши поддержки, бѣжалъ со своимъ кандидатомъ на тронъ, герцогомъ Шартрскимъ, къ австрійцамъ. Замѣчательно, что Дюмурье былъ не первымъ генераломъ, думавшимъ, опираясь на военную силу, произвести государственный переворотъ: во время Учредительнаго Собранія таковъ былъ Буйлье, во время Законодательнаго — Лафайетъ, но армія тогда, какъ и на этотъ разъ, не была расположена итти противъ представителей народа.

Пораженіе и измѣна Дюмурье оказали очень большое вліяніе на борьбу партій въ Конвентѣ. Въ это время самой вліятельною въ немъ группою были жирондисты, но у нихъ не было единодушія и энергіи, они обнаруживали нерѣшительность и колебанія, и все ихъ поведеніе объяснялось монтаньярами въ клубахъ въ смыслѣ измѣны. По старой связи жирондистовъ съ Дюмурье якобинцы прямо сдѣлали послѣдняго „жирондистскимъ генераломъ“ и кричали объ его измѣнѣ, какъ о преступленіи цѣлой партіи. „Равнина“ поддерживала монтаньяровъ каждый разъ, когда они дѣлали какое-либо предложеніе, но приводить рѣшенія Конвента въ исполненіе обыкновенно должны были жирондисты, постоянно выбиравшіеся въ предсѣдатели конвентскихъ засѣданій, занимавшіе

министерскіе посты и административныя должности въ департаментахъ. Выходило такъ, что главныя мѣропріятія исходили не отъ нихъ, отвѣтственность же за эти мѣропріятія падала какъ-разъ на нихъ. Среди парижскаго населенія, возбужденнаго новымъ объявленіемъ „отечества въ опасности“, уже начиналось въ мартѣ 1793 г. глухое броженіе противъ жирондистовъ.

Необычайныя обстоятельства требовали, по мнѣнію Коммуны и якобинцевъ, и чрезвычайныхъ мѣръ, и вотъ 10 марта Конвентъ декретировалъ учрежденіе революціоннаго суда для наказанія измѣнниковъ, бунтовщиковъ, недобросовѣстныхъ поставщиковъ въ армію, поддѣлывателей бумажныхъ денегъ и т. п. Когда Дантонъ, какъ министръ юстиціи, предлагалъ его учрежденіе, онъ имѣлъ въ виду установленіе осаднаго положенія; но этотъ судъ превратился потомъ въ орудіе террористической тираніи. На извѣстіе о возстаніи Вандеи Конвентъ отвѣтилъ объявленіемъ смертнаго приговора всѣмъ эмигрантамъ и неприсяжнымъ священникамъ, которые черезъ недѣлю будутъ найдены въ предѣлахъ Франціи. Далѣе, послѣ пораженія Дюмурье Конвентъ декретировалъ еще учрежденіе во всѣхъ общинахъ, въ томъ числѣ и въ парижскихъ секціяхъ, комитетовъ для наблюденія за „подозрительными“ и обезоруженіе всѣхъ бывшихъ дворянъ и духовныхъ. Когда, наконецъ, сдѣлалась извѣстною самая измѣна Дюмурье, были приняты новыя экстренныя мѣры, и между прочимъ послали на границы подкрѣпленія и конвентскихъ комиссаровъ въ армію (что̀ декретировано было раньше еще по предложенію Карно). Тогда же, по предложенію Баррера, Конвентъ организовалъ знаменитый „Комитетъ общественнаго спасенія“ по декрету, текстъ котораго былъ составленъ жирондистомъ Инаромъ (6 апрѣля). Комитетъ долженъ былъ состоять изъ девяти (впослѣдствіи большаго числа) членовъ, выбиравшихся на мѣсяцъ, и сосредоточивать въ себѣ всѣ власти. При образованіи Комитета изъ него систематически были исключены жирондисты и монтаньяры, кромѣ одного Дантона, который явился настоящимъ организаторомъ этого революціоннаго правительства. Органами Комитета въ департаментахъ сдѣлались конвентскіе комиссары (или „представители народа въ командировкахъ“) съ самыми широкими полномочіями, но поставленные въ зависимое положеніе по отношенію къ Комитету общественнаго спасенія. Революція, такимъ образомъ, отказывалась отъ идей 1789 г., отъ раздѣленія властей и отъ уничтоженія централизаціи, отъ отмѣны чрезвычайныхъ судовъ и админи-

стративнаго произвола, сосредоточивъ неограниченную власть въ рукахъ Комитета общественнаго спасенія, сдѣлавъ изъ конвентскихъ комиссаровъ послушныя орудія центральной власти въ провинціяхъ, учредивъ страшный политическій надзоръ надъ всѣми гражданами и установивъ чрезвычайные суды. Дантонъ былъ теперь неограниченнымъ правителемъ Франціи.

Въ Конвентѣ вообще Дантонъ сразу занялъ вліятельное положеніе, выбранный, между прочимъ, въ конституціонный и дипломатическій комитеты, какъ позднѣе, когда образовался Комитетъ общественнаго спасенія, онъ былъ выбранъ и въ этотъ послѣдній. У него было свое отношеніе ко многимъ тогдашнимъ политическимъ вопросамъ. Въ сентябрѣ 1792 г. онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія укрѣпить республику пролитіемъ королевской крови и даже обѣщалъ спасти Людовика XVI. Повидимому, Дантонъ не считалъ республику особенно прочнымъ дѣломъ и, быть-можетъ, поэтому испугался, когда Манюэль предложилъ-было отдать вопросъ о республикѣ на всеобщее голосованіе. Вмѣстѣ съ этимъ казнь короля не могла не казаться ему опасною, какъ вызовъ монархической Европѣ. Прежняя мысль объ единеніи всѣхъ патріотовъ снова стала руководить его дѣйствіями, чѣмъ и объясняются и его желаніе сблизиться съ жирондистами, и его стремленіе не нарушать религіозный миръ „скоропалительнымъ проведеніемъ философскихъ принциповъ, которые лично ему дороги, но для которыхъ народъ, въ особенности народъ деревенскій, еще не созрѣлъ", и его забота о томъ, чтобы собственники не тревожились. Совершенно новое поведеніе Дантона снискало ему большее расположеніе въ центрѣ Конвента, но вожди жирондистовъ видѣли во всемъ этомъ одно лицемѣріе. Своей задачей они ставили разоблачить этого „интригана", это „чудовище", какъ они его называли.

Еще вначалѣ его отчетъ о своемъ управленіи, который онъ долженъ былъ представить Конвенту, послужилъ жирондистамъ поводомъ сдѣлать нападеніе на него по вопросу, куда дѣвались такія-то и такія-то суммы, полученныя исполнительнымъ совѣтомъ отъ Законодательнаго Собранія. У Дантона былъ удобный аргументъ: у правительства были секретные расходы, о которыхъ не приходится говорить во всеуслышаніе; но онъ не сразу прибѣгъ къ этому аргументу, и, пока онъ молчалъ, создалось убѣжденіе, что онъ клалъ казенныя деньги въ свой карманъ, откуда одинъ шагъ былъ до обвиненія въ расхищеніи цѣлыхъ милліоновъ. Травлею, которой его подвергали жирондисты, сумѣли воспользоваться

якобинцы. Въ тотъ самый день, какъ изъ клуба былъ исключенъ жирондистъ Бриссо, Дантонъ былъ выбранъ председателемъ клуба. Нападки на него въ Конвентѣ, съ постоянными криками по его адресу: „а счетà?“, заставили его броситься въ объятія лѣвой и сблизиться съ Маратомъ и Робеспьеромъ.

Постоянныя нападки жирондистовъ то на одного, то на другого изъ нихъ заставили всѣхъ сплотиться въ одинъ блокъ. Въ сущности, Дантонъ не любилъ Робеспьера и пользовался такимъ же нерасположеніемъ къ себѣ съ его стороны, но ихъ соединилъ общій непріятель. Примирительная роль, которую собирался сыграть Дантонъ, не удалась, и первымъ отъ этого приходилось пострадать королю. Одинъ изъ Ламетовъ (Теодоръ, братъ намъ извѣстныхъ) обратился къ Дантону съ просьбою спасти Людовика. „Чтò вы можете,—чего хотите?“—спросилъ его собесѣдникъ. „Вы спрашиваете меня, чтò я могу,—отвѣчалъ Дантонъ.—Чтò я могу, я не знаю; въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся, въ состояніи ли сказать что-либо о завтрашнемъ днѣ самый популярный человѣкъ? Я буду откровененъ. Не будучи убѣжденъ въ томъ, что король не заслуживалъ никакого упрека, я нахожу справедливымъ, я считаю правильнымъ избавить его изъ того положенія, въ какомъ онъ теперь. Я пойду на рискъ при малѣйшемъ шансѣ на успѣхъ, но если, я потеряю всякую надежду, я вамъ объявляю, что, не желая лишиться въ одно время съ нимъ своей головы, я буду среди тѣхъ, которые его осудятъ“.—„Къ чему,—сказалъ Ламетъ,—вы прибавили послѣднія слова?“ — „Чтобы быть искреннимъ“, — отвѣтилъ Дантонъ.

Огорченный своею неудачею въ дѣлѣ сближенія съ Жирондой, Дантонъ покинулъ Парижъ, дабы на мѣстѣ познакомиться съ тѣмъ, чтò дѣлалось въ только-что завоеванной Бельгіи. Населеніе этой страны просило, чтобы за нимъ была сохранена независимость, но Дантонъ заговорилъ о томъ, что сама природа опредѣлила границы Франціи (разумѣя Рейнъ), и на мѣстѣ сталъ работать въ пользу присоединенія Бельгіи къ Франціи. Во время процесса короля онъ оставался внѣ Парижа, куда возвратился только къ голосованію. Вопросъ о виновности короля былъ рѣшенъ безъ Дантона, и безъ него же была отвергнута апелляція къ народу. Когда рѣшался вопросъ о наказаніи, Дантонъ вотировалъ смерть, „не желая, какъ онъ мотивировалъ подачу своего мнѣнія, быть въ толпѣ государственныхъ людей (жирондистовъ), которые не знаютъ, что съ тиранами не договариваются, и что королей поражаютъ только въ голову“.

Черезъ десять дней послѣ казни Людовика XVI Дантонъ произнесъ по внѣшней политикѣ рѣчь, въ которой объявилъ, что границами республики должны быть Рейнъ и Альпы. Это была цѣлая политическая программа, правда, не новая, если вспомнить стремленія старой монархіи, но которая опредѣлила собою все направленіе внѣшней политики Франціи съ 1793 г. Конвентъ декретировалъ присоединеніе Бельгіи и отправилъ Дантона въ объявленную присоединенною страну. Началась „якобинизація“ этой католической и буржуазной области въ отвѣтъ на сопротивленіе, оказанное большею частью населенія французамъ, — „якобинизація“, въ которой Дантонъ ничѣмъ не сдерживалъ свой страстный темпераментъ и свою властную волю. Онъ любилъ чувственныя удовольствія, и его кутежи приняли колоссальные размѣры; 8 марта Дантонъ сказалъ рѣчь о необходимости гражданамъ „летѣть въ Бельгію“, и Конвентъ послалъ по всѣмъ секціямъ своихъ комиссаровъ пропагандировать помощь Бельгіи. 10 марта Дантономъ были произнесены двѣ рѣчи, одна о войнѣ съ Англіей, которая не могла равнодушно смотрѣть на то, какъ Франція овладѣвала Бельгіей, другая—объ учрежденіи революціоннаго суда. Первая рѣчь противъ Англіи, жестоко обманувшей надежды Дантона, вызвала бурный восторгъ Конвента. Во второй онъ говорилъ о необходимости „серьезныхъ мѣръ противъ внутреннихъ враговъ, которые издѣваются надъ народомъ“. — „Отнимите ихъ,—воскликнулъ онъ,—у народной мести“.—„Сентябрь!“—крикнулъ кто-то въ залѣ. „Да,—возразилъ Дантонъ, — тогдашнихъ убійствъ не было бы, если бы былъ правильный судъ: будемъ же страшны, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть страшнымъ“. Революціонный судъ и былъ немедленно учрежденъ.

Другимъ важнымъ требованіемъ Дантона было созданіе сильнаго правительства, такого, какимъ былъ исполнительный совѣтъ осени 1792 г., въ которомъ самъ онъ игралъ первенствующую роль. Средствомъ для этого казалась ему отмѣна постановленія Учредительнаго Собранія, запрещавшаго депутатамъ быть министрами. Подобно Мирабо, предлагавшему исключить его изъ пользованія такимъ правомъ, лишь бы было возможнымъ министерство изъ депутатовъ, и Дантонъ „клялся отечествомъ“, что онъ никогда не занялъ бы самъ мѣста въ министерствѣ. Едва ли клятва была искренней, но нужно было во всякомъ случаѣ имѣть большую смѣлость защищать принципъ такого министерства, бывшій непопулярнымъ, вдобавокъ еще при чуть не общемъ подозрѣніи, что Дантонъ стремится къ диктатурѣ. Въ извѣстіяхъ о засѣда-

ніяхъ Конвента мы то и дѣло встрѣчаемся съ такими возгласами по адресу Дантона, какъ напоминаніе, что онъ, пока что, еще не король, или указаніе на то, что онъ ведетъ себя такъ, какъ будто бы былъ королемъ. За Дантономъ не пошла сама Гора, такъ что ему пришлось снять свое предложеніе.

Послѣ измѣны Дюмурье жирондисты стали обвинять Дантона въ соучастіи съ генераломъ. При первыхъ признакахъ измѣны Дантонъ защищалъ Дюмурье, какъ талантливаго полководца, „потерявшаго голову, къ сожалѣнію, въ политикѣ“, но дѣло онъ считалъ поправимымъ, ради чего самъ на короткое время съѣздилъ къ Дюмурье. Одного этого было довольно для его обвиненія въ соучастіи, и скоро стали поговаривать о возможности его ареста. Даже при такихъ обстоятельствахъ онъ не терялъ надежды на соглашеніе съ жирондистами, несмотря на то, что противъ этого были и салонъ г-жи Роланъ и Робеспьеръ. Дантонъ настаивалъ на забвеніи прошлаго ради согласнаго дѣйствія въ будущемъ. На свиданіи, нарочно устроенномъ для окончательнаго рѣшенія, Гаде рѣзко заявилъ Дантону, что все онъ готовъ забыть, рѣшительно все, но только не сентябрьскихъ убійцъ и ихъ сообщниковъ. „Война,—прибавилъ Гаде,—война, и пусть одинъ изъ насъ погибнетъ!“ Дантонъ схватилъ его за руку и, пристально взглянувъ на него, сказалъ: „Гаде, Гаде, ты хочешь войны, такъ тебѣ будетъ смерть!“. Вскорѣ затѣмъ Конвентъ по инниціативѣ Робеспьера, поддержанной Дантономъ, и учредилъ Комитетъ общественнаго спасенія, въ которомъ жирондисты очутились въ меньшинствѣ; потомъ они и совсѣмъ были устранены.

Мечта Дантона о сильномъ правительствѣ при общей солидарности партій, главнымъ образомъ въ союзѣ съ Жирондою, разлетѣлась, какъ дымъ. Жирондисты стали смотрѣть теперь на Дантона, какъ на главнаго виновника затѣянной противъ нихъ интриги, и рѣшились ему мстить. Обвиненіе въ сообщничествѣ съ Дюмурье казалось имъ превосходнымъ для этого средствомъ: генералъ хотѣлъ-де разогнать Конвентъ и возстановить монархію, а Дантонъ былъ его агентомъ въ Парижѣ. Произошло бурное засѣданіе 1-го апрѣля, въ которомъ одинъ членъ прямо съ трибуны бросилъ въ лицо Дантону обвиненіе, что онъ стремится сдѣлаться королемъ. Дантонъ молчалъ, и только его выразительное лицо говорило, что онъ былъ полонъ гнѣва и презрѣнія. Конвентъ уже декретировалъ назначеніе слѣдственной коммиссіи, когда обвиняемый, какъ ужаленный, вскочилъ со своего мѣста и бросился на трибуну. Правая, однако, не дала ему говорить: пусть онъ

объясняется передъ слѣдственной коммиссіей. Дантонъ уже хотѣлъ сойти съ трибуны, когда Гора зашумѣла и стала требовать, чтобы онъ говорилъ. „Вы,—закричалъ тогда Дантонъ,—хотите умертвить патріотовъ, но народъ не дастся въ обманъ! Вы будете раздавлены Горой!“ И, обращаясь къ мѣстамъ, занятымъ монтаньярами, онъ прибавилъ: „я долженъ отдать вамъ справедливость, какъ истиннымъ друзьямъ спасенія народа, граждане, сидящіе на этой Горѣ: вы лучше видѣли вещи, чѣмъ я“. Монтаньяры разразились цѣлой бурей рукоплесканій. „Я долго думалъ,—продолжалъ Дантонъ,—что, при всей стремительности моего характера, я долженъ былъ смягчать средства, которыми меня надѣлила природа, и въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какія я былъ поставленъ, держаться умѣренности, предписывавшейся мнѣ, какъ мнѣ казалось, обстоятельствами. Вы обвиняли меня въ слабости, и вы были правы: я признаю это передъ лицомъ всей Франціи“. Въ длинной затѣмъ рѣчи, прерывавшейся аплодисментами лѣвой, шумомъ и гамомъ съ правой стороны, онъ оправдывалъ свое прежнее поведеніе. Теперь онъ считалъ для себя позволеннымъ „выйти изъ границъ терпѣнія“ и перейти въ наступленіе, разъ на него напали тѣ самые люди, которые должны были бы поздравлять себя съ тѣмъ, что онъ былъ такъ остороженъ и осмотрителенъ. „Чтобы я хотѣлъ короля!—кричалъ онъ,—да вѣдь если бы Дюмурье хотѣлъ короля, то только по подстрекательству этихъ самыхъ жирондистовъ, которые вѣчно съ нимъ возились! Да, они одни, только они — соучастники заговора, и это они меня обвиняютъ. Хорошо же! Я вижу, что не можетъ быть больше мира между Горой, патріотами и презрѣнными людьми, которые клеветали на насъ по всей Франціи... А я... я укрѣпился въ цидатели разума и выйду изъ нея съ пушкою истины, чтобы превратить въ пыль всѣхъ моихъ враговъ“. Монтаньяры окружили Дантона, обнимали, поздравляли, съ тріумфомъ отвели его на мѣсто.

На слѣдующій день Дантонъ громилъ своихъ враговъ въ якобинскомъ клубѣ и требовалъ возвращенія въ Парижъ всѣхъ монтаньярскихъ депутатовъ, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ, потому что всѣ патріоты должны были примкнуть къ Горѣ для спасенія республики и „очистки Конвента отъ разныхъ презрѣнныхъ интригановъ“. Дня черезъ два онъ требовалъ въ Конвентѣ, чтобы революціонный судъ началъ дѣйствовать, „дабы можно было избѣжать кровавыхъ сценъ которыя произошли бы отъ народнаго мщенія“. Еще одинъ день, и изъ Комитета общественнаго спасенія были устранены

всѣ жирондисты, дабы они „не мѣшали работать“, такъ что Комитетъ этотъ на дѣлѣ сталъ комитетомъ Дантона, какъ позднѣе сдѣлался комитетомъ Робеспьера.

Выбранный 6-го апрѣля въ Комитетъ общественнаго спасенія, переизбранный въ маѣ и въ іюнѣ, будучи только однимъ изъ девяти его членовъ, Дантонъ занялъ въ немъ такое же выдающееся положеніе, какимъ пользовался въ прежнемъ исполнительномъ совѣтѣ. Возвращаясь къ власти, онъ съ самаго же начала формулировалъ свою правительственную программу — „побѣдить непріятеля, возстановить внутри страны порядокъ и создать хорошую конституцію“. Онъ взялъ въ свое спеціальное завѣдываніе внѣшнюю политику, а весною 1793 г. положеніе Франціи было еще худшимъ, чѣмъ осенью предыдущаго года. Дантонъ надѣялся разъединить Пруссію и Австрію и даже отвлечь отъ войны Англію, хотя та уже была въ числѣ враговъ Франціи. Главнымъ его планомъ было заручиться дружбою второстепенныхъ государствъ: Швеціи, Даніи, Венеціи и Порты, а для нихъ—да и вообще для Европы—нужно было выставить на видъ свое миролюбіе. И вотъ онъ заговорилъ такимъ тономъ, что Робеспьеръ, который еще не былъ тогда въ Комитетѣ, встревожился, а клубы и Коммуна стали слѣдить за поведеніемъ Дантона не безъ нѣкоторой подозрительности. Еще 13-го апрѣля Робеспьеръ потребовалъ въ Конвентѣ назначенія „смертной казни негодяямъ, которые предложили бы вступить въ переговоры съ врагами республики“. Дантонъ тогда не рискнулъ перечить, но сумѣлъ добиться отъ Конвента деклараціи о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла другихъ государствъ: это былъ молчаливый отказъ отъ недавней политики революціонной пропаганды. Затѣмъ Дантонъ отправилъ цѣлый рядъ дипломатическихъ миссій почти во всѣ второстепенныя государства, не исключая нѣмецкихъ, какъ Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, съ успокоительными завѣреніями и даже иногда съ предложеніями союза, подъ рукой же и съ порученіемъ добиваться разрыва между Австріей и Пруссіей. Онъ даже предвкушалъ уже торжество своей политики надъ лигою королей: такъ хорошо налаживались дипломатическіе переговоры, ведшіеся его агентами, которые, кстати сказать, большею частью или по своему происхожденію, или по своимъ мнѣніямъ должны были быть въ высшей степени подозрительны клубамъ. Теперь во всей дѣятельности Дантона на первомъ планѣ стояли безопасность, величіе и слава отечества.

Вотъ въ это-то время и разыгралась борьба жирондистовъ съ монтаньярами, кончившаяся пораженіемъ первыхъ.

1-го апрѣля Конвентъ издалъ декретъ, лишавшій права личной неприкосновенности каждаго депутата, противъ котораго явилось бы болѣе или менѣе основательное подозрѣніе въ сообщничествѣ съ врагами свободы, равенства и республики. Этотъ декретъ давалъ въ руки наиболѣе смѣлымъ депутатамъ орудіе для истребленія своихъ противниковъ и устрашенія большинства. 10-го апрѣля Робеспьеръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой жирондисты обвинялись въ сообщничествѣ съ Дюмурье; около того же времени Камиллъ Демуленъ издалъ враждебный имъ памфлетъ „Исторія бриссотинцевъ". 14-го апрѣля Коммуна потребовала у Конвента исключенія изъ него двадцати двухъ жирондистовъ, а Гаде настоялъ на преданіи Марата революціонному суду, который его оправдалъ, послѣ чего толпа съ тріумфомъ внесла его въ Конвентъ (24 апр.). Дѣло дошло до того, что обѣ партіи считали нужнымъ исключить одна другую, хотя бы вопросъ долженъ былъ рѣшаться первичными собраніями. Верньо былъ, однако, противъ послѣдней мѣры, находя ее опасною для самой республики, Дантонъ же предложилъ „бриссотинцамъ" самимъ убраться и не мѣшать другимъ работать. Жирондисты, однако, этого вовсе не хотѣли, тѣмъ болѣе, что „Равнина" продолжала попрежнему ихъ поддерживать и еще 16-го мая выбрала Инара предсѣдателемъ Конвента. Когда жирондисты воспротивились введенію таксы (максимума) на съѣстные припасы, чего требовали секціи, и организовали изъ 12-ти членовъ для возстановленія порядка свой комитетъ, который арестовалъ Эбера, издателя революціоннаго листка, то Коммуна, якобинскій клубъ и революціонные комитеты Парижа вошли между собою въ соглашеніе, потребовали исключенія 34-хъ жирондистовъ (прежнихъ 22 и 12 членовъ новаго комитета) и отдачи двѣнадцати изъ нихъ подъ судъ, и начали посылать въ Конвентъ депутаціи, настаивавшія на этихъ мѣрахъ. Первой изъ такихъ депутацій Инаръ отвѣтилъ, что Франція не потерпитъ нарушенія правъ своихъ представителей, и объявилъ „отъ имени всей Франціи", что скорѣе будетъ уничтоженъ весь Парижъ. Монтаньяры вотировали тогда отмѣну „комитета двѣнадцати", но жирондисты добились его возстановленія. Это вызвало 31-го мая возстаніе парижскихъ секцій, заставившее Конвентъ уничтожить комитетъ двѣнадцати. Маратъ, Коммуна, якобинскій клубъ хотѣли большаго и отдѣлились отъ Дантона, сдерживавшаго страсти. Въ ночь съ 1-го на 2-е іюня клубъ декретировалъ принудительный заемъ съ богатыхъ для содержанія новой революціонной арміи, а утромъ 2 іюня пришло извѣстіе о жирон-

дистскомъ возстаніи въ Ліонѣ и избіеніи тамошнихъ якобинцевъ.

Это было сигналомъ къ новому взрыву, въ которомъ игралъ большую роль Маратъ. Толпа бросилась на Тюилери, гдѣ засѣдалъ Конвентъ. Анріо, сдѣлавшійся 31-го мая начальникомъ національной гвардіи, заявилъ предсѣдателю Конвента, что народъ поднялся не для того, чтобы слушать фразы, а чтобы дать приказъ о представленіи ему 34 виновныхъ. Во время этой сцены депутаты вели себя мужественно и отстаивали своихъ товарищей, но на Конвентъ стали наводиться пушки, и, когда депутаты хотѣли удалиться черезъ двери, выходившія въ садъ, тамъ не пустилъ ихъ Маратъ. Дѣло кончилось тѣмъ, чего требовала толпа: жирондисты были исключены (между прочимъ, Верньо, Гаде, Жансоне, Бриссо, Петіонъ, Барбару, Бюзо, Ланжюине и др., всего 27 человѣкъ, а Изнаръ и Фоше удалились сами). Исключенныхъ, однако, не отвели въ тюрьму, а только подвергли домашнему аресту. Дантонъ и почти вся Гора не хотѣли ихъ гибели и ради ихъ собственнаго блага считали нужнымъ, чтобы они сами устранились отъ дѣлъ. Многимъ, однако, было совѣстно, что національное представительство подверглось такому оскорбленію, но маратисты и робеспьеристы торжествовали.

Исключеніе жирондистовъ вызвало большое возстаніе въ провинціяхъ; былъ моментъ, когда оно происходило сразу чуть ли не въ шестидесяти департаментахъ. Противъ Конвента поднялись многіе большіе города, Бордо, Ліонъ, Марсель и др., и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ руководителями явились жирондисты, въ Нормандіи—Гаде, Бюзо, Барбару и др., въ Аллье—Бриссо и т. д., тогда какъ Верньо, Жансоне и др. остались въ Парижѣ. Это провинціальное движеніе якобинцы, сторонники „единой и нераздѣльной республики“, обвиняли въ „федерализмѣ“, въ стремленіи къ перенесенію на почву Франціи порядковъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ раздробленіи отечества въ то самое время, когда ему грозили внѣшніе враги. Послѣ того, какъ наиболѣе энергичные и дѣльные члены Конвента уѣхали комиссарами въ армію и въ провинціи, а жирондисты были исключены, въ его засѣданіяхъ участвовало только 220—250 депутатовъ. Но Конвентъ продолжалъ быть для Франціи такимъ же невидимымъ для нея воплощеніемъ верховной власти, какъ и прежній абсолютный король. Была война, нація рѣшилась защищаться до послѣдней крайности, а потому ей нужно было сильное правительство. Народу не было дѣла до лицъ, стоявшихъ у власти,—ему нужна была власть, какъ орудіе національнаго самосохраненія, что

и придавало силу централистическимъ стремленіямъ якобинцевъ, а „федерализмъ“ не имѣлъ успѣха. Съ другой стороны, жирондисты, къ крайнему своему удивленію, увидѣли, что вездѣ, гдѣ они являлись защищать свои принципы, они, собственно говоря, вызывали только дремавшія силы роялизма, бывшія даже готовыми на измѣну. 27 августа Тулонъ прямо предался англичанамъ.

Положеніе было опасное, тѣмъ болѣе, что и коалиція переходила въ наступленіе: испанцы вторгались въ Руссильонъ, австрійцы овладѣвали Конде и Валансьеномъ, Майнцъ долженъ былъ сдаться пруссакамъ. Конвентъ съ страшною энергіей организовалъ защиту страны и подавлялъ возстанія въ департаментахъ. Борьба была ожесточенная, кровавая. Тогда именно свирѣпый Карье разстрѣливалъ и топилъ въ Луарѣ тысячи людей („нантскія потопленія“). Тогда же Конвентъ декретировалъ, къ счастью, не приведенное въ исполненіе разрушеніе Ліона и постройку на его мѣстѣ памятника съ надписью: „Ліонъ возмутился, и Ліона не стало“. Тогда же и Тулонъ, возвращенный отъ англичанъ искусствомъ молодого артиллериста Бонапарта, былъ наказанъ и переименованъ въ Портъ Горы. Въ это же время дѣйствовали въ Вандеѣ подъ именемъ адскихъ колоннъ бывшіе солдаты майнцскаго гарнизона. Наконецъ, тогда же генералы, не хотѣвшіе вполнѣ подчиняться Комитету общественнаго спасенія или имѣвшіе несчастье потерпѣть неудачу, сложили свои головы на плахѣ (напр., Кюстинъ въ августѣ 1793 г., Богарнэ въ іюлѣ 1794 г.).

Такъ кончилась политическая карьера Жиронды и началась якобинская диктатура, вызванная къ жизни парижскими секціями, не остановившимися передъ нападеніемъ на національное представительство.

ГЛАВА XVIII.

Якобинская диктатура и терроръ.

Съ момента паденія Жиронды началось царство монтаньяровъ и якобинскаго клуба, началась революціонная диктатура партіи, поддерживавшей свою власть устрашеніемъ. Терроръ начался раньше, еще съ сентябрьскихъ убійствъ 1792 года, но апогея онъ достигъ во второй половинѣ 1793 года и продолжался до середины 1794 года. Это время— отъ начала іюня 1793 до конца іюля 1794 года—мы и разсмотримъ въ настоящей главѣ.

Съ самаго переворота 10-го августа до паденія жирондистовъ

Франція жила безъ конституціи. Мы видѣли, что проектъ ея уже былъ выработанъ комиссіей, въ которой главную роль игралъ Кондорсе. Теперь за то же дѣло взялась новая комиссія, въ которой между другими были Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Геро-де-Сешель, видный дѣятель партіи Горы. Новый проектъ былъ изготовленъ быстро, получилъ 24-го іюня одобреніе Конвента и былъ отданъ на утвержденіе первичныхъ собраній во всѣхъ департаментахъ, гдѣ признавалась власть Конвента. Результаты этого перваго плебисцита, т.-е. всенароднаго голосованія предложеннаго вопроса, были объявлены 9-го августа, накапунѣ годовщины паденія монархіи: за новую конституцію оказалось поданными 1.801.918 голосовъ, противъ только 11.610. Мы послѣ еще познакомимся съ содержаніемъ этой конституціи, здѣсь же отмѣтимъ, что въ одной изъ статей ея деклараціи правъ было сказано, что „свободные люди“ имѣютъ право убивать всякаго, кто похитилъ бы верховную власть, а въ другой статьѣ—что самымъ священнымъ правомъ и самою неуклонною обязанностью каждой части народа является возстаніе противъ нарушенія народныхъ правъ правительствомъ. Это было какъ бы офиціальнымъ признаніемъ права народа на индивидуальныя и массовыя выступленя съ насильственными цѣлями.

Послѣ того, какъ Конвентъ справился съ возстаніями въ странѣ и было отражено вражеское нашествіе (побѣды надъ англичанами при Гондшооте 8-го сентября, надъ голландцами при Мененѣ 18-го числа того же мѣсяца, надъ австрійцами при Ваттиньи 16-го октября), Дантонъ повелъ кампанію противъ террора, безъ котораго, по его мнѣнію, Франція могла хорошо спасти свою территорію, свое единство, свою свободу и республику, и къ тому же, повидимому, склонялся Робеспьеръ. Пока Дантонъ оставался у власти, смерть не грозила ни жирондистамъ ни Маріи-Антуанеттѣ. Въ это время къ нему вернулось былое благодушное настроеніе, отличавшее его до революціи. Въ началѣ іюня онъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, вступилъ во второй бракъ, безъ ума влюбленный въ молоденькую жену, настоявшую на томъ, чтобы онъ, атеистъ, вѣнчался съ нею въ церкви, для чего, кажется, ему даже пришлось быть на исповѣди у священника. Друзья и сторонники Робеспьера стали жаловаться, что Дантонъ ихъ забываетъ, не ходитъ въ клубъ, но къ прежней работѣ по иностранной политикѣ 29-го іюня прибавился порученный ему надзоръ за военнымъ вѣдомствомъ, что̀ было новымъ увеличеніемъ его власти и вліянія. Маратъ, уже отходившій тогда отъ Дантона, негодовалъ на „комитетъ общественной гибели“,

какъ онъ называлъ Комитетъ общественнаго спасенія, въ которомъ Дантонъ также началъ рѣже появляться, не ставъ даже защищаться въ Конвентѣ, когда на него тамъ нападали за бездѣятельность. При обновленіи состава Комитета общественной безопасности 10-го іюля Дантонъ уже въ него не попалъ, да и изъ дантонистовъ въ немъ осталось теперь только двое; зато въ составѣ его были два робеспьериста, Кутонъ и Сенъ-Жюстъ, за которыми вошелъ въ него потомъ и самъ ихъ вождь.

Это отстраненіе Дантона произошло какъ-то неожиданно. Свою позицію онъ сдалъ, не сдѣлавъ даже попытки ее защищать. Правда, онъ пришелъ въ якобинскій клубъ, опровергъ въ немъ клеветы, которыя были на него возведены, и добился успѣха, благодаря которому скоро былъ выбранъ въ предсѣдатели Конвента 161 голосомъ изъ 186. Въ Конвентѣ онъ снова потребовалъ учрежденія сильнаго правительства, вооруженнаго дѣйствительными средствами, безъ которыхъ поэтому „ничего, какъ онъ выразился, и не дѣлаютъ“, причемъ снова сослался на примѣръ исполнительнаго совѣта 1792 г. „Когда,—сказалъ онъ,—въ прошломъ году въ этомъ совѣтѣ я одинъ взялъ на свою отвѣтственность средства, бывшія необходимыми для великаго толчка, для того, чтобы сдвинуть націю къ границамъ, я говорилъ себѣ: пусть на меня клевещутъ, я это предвижу, мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Хотя бы имя мое пострадало, я спасу свободу. И,—прибавилъ онъ,—поддерживая свое предложеніе, я объявляю, что никогда самъ не приму участія въ Комитетѣ; клянусь въ этомъ свободой отечества“. Предложеніе Дантона превратить Комитетъ общественнаго спасенія въ настоящее временное правительство тѣмъ не менѣе не прошло. Робеспьеръ видѣлъ въ такой перемѣнѣ только простую ловушку.

Въ это время Марата уже не было въ живыхъ. Онъ былъ убитъ молодою дѣвушкою Шарлоттою Кордэ. Происходя изъ старинной дворянской семьи изъ Нормандіи, она тѣмъ не менѣе была сторонницей революціи, начитавшись біографій Плутарха и передовыхъ политическихъ публикацій. Все ея сочувствіе было на сторонѣ жирондистовъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ она познакомилась, когда тѣ послѣ изгнанія изъ Конвента бѣжали въ Нормандію. Она рѣшилась теперь убить Марата, въ которомъ видѣла главнаго тирана. 11-го іюля Шарлотта Кордэ пріѣхала въ Парижъ и черезъ день явилась на квартиру Марата подъ предлогомъ сообщенія ему свѣдѣній о жирондистскихъ козняхъ въ Нормандіи. „Другъ народа“ принялъ ее, сидя въ ваннѣ, покрытой одѣяломъ, и сталъ

занисывать, успѣвъ сказать тутъ же, что эти люди будутъ казнены черезъ недѣлю, когда Шарлотта Кордэ поразила его кинжаломъ въ сердце. Сбѣжались люди и арестовали убійцу, которую потомъ революціонный судъ приговорилъ къ смертной казни, приведенной въ исполненіе въ тотъ же день. На судѣ она назвала смерть Марата благодѣяніемъ для Франціи, а передъ смертью написала письмо къ Барбару и воззваніе къ гражданамъ съ объясненіемъ своего поступка.

Въ это время по внѣшности между Дантономъ и Робеспьеромъ отношенія были наилучшими. Робеспьеръ даже публично защищалъ Дантона противъ эбертистовъ, обвинявшихъ его въ покушеніи на народное верховенство своимъ предложеніемъ учредить „диктаторіальный комитетъ“, дабы лучше завладѣть милліонами денегъ. Задѣтый за живое, Дантонъ въ августѣ 1793 г. опять бросился въ демагогію, желая зажать рты „шайкѣ Эбера“. Въ одномъ изъ своихъ выступленій онъ предложилъ обложить „богатыхъ эгоистовъ“. Въ началѣ сентября онъ говорилъ о необходимости образованія секціонной арміи. Онъ потребовалъ, кромѣ того, чтобы революціонный трибуналъ былъ раздѣленъ на достаточное количество отдѣленій, дабы „каждый день хоть одинъ аристократъ, одинъ злодѣй платился головой за свои преступленія“. Опять ему аплодировали, опять устраивали оваціи. Когда онъ однажды произнесъ новую рѣчь о необходимости снабженія Комитета общественнаго спасенія хорошими „политическими средствами“, одинъ членъ Конвента воскликнулъ: „у Дантона революціонная голова; онъ одинъ можетъ исполнить свою идею; я предлагаю противъ него самого включить его въ составъ Комитета!“ Предложенію аплодировали, и оно было принято, но черезъ два дня, сославшись на свою клятву, Дантонъ отказался. Борьба противъ вліянія Робеспьера мало его привлекала. „Я не пойду ни въ какой комитетъ,—громко заявилъ онъ,—но буду пришпоривать всѣ“.

И вдругъ послѣ всѣхъ этихъ рѣчей Дантонъ точно куда-то провалился и съ 13-го сентября до 22-го ноября не произнесъ ни одной рѣчи. Онъ заболѣлъ или только сказался больнымъ, „усталый отъ людей“, по его собственному характерному признанію. Въ „своемъ клубѣ“, у старыхъ своихъ кордельеровъ, онъ тоже подозрѣвался въ стремленіи къ диктатурѣ. Эберъ даже прямо направилъ противъ него этотъ, когда-то вѣрный ему клубъ, какъ противъ ненадежнаго „модерантиста“, т.-е. слишкомъ умѣреннаго.

Во время этого перерыва въ дѣятельности Дантона, Комитетъ общей безопасности, начавшій играть роль рядомъ

съ Комитетомъ общественнаго спасенія, возбудилъ въ началѣ октября въ Конвентѣ вопросъ о преданіи революціонному суду жирондистовъ, въ количествѣ 73 человѣкъ, протестовавшихъ противъ изгнанія ихъ товарищей. Робеспьеръ за нихъ заступился, и на первыхъ порахъ дѣло ограничилось однимъ ихъ арестомъ. Наиболѣе рьяные якобинцы настаивали, что безъ системы устрашенія и подавленія нельзя будетъ ни побѣдить роялистовъ, ни проводить въ жизнь такія мѣры, какія принимались Конвентомъ для управленія страной. Уже бывшій въ ходу терроръ былъ теперь усиленъ. Незадолго до того изобрѣтенная докторомъ Гильотеномъ машина для отрубанія головъ,— гильотина, которою былъ лишенъ жизни и Людовикъ XVI,— заработала во всю.

Въ серединѣ октября (16) была казнена „вдова Капета", Марія-Антуанета. Дантонъ всегда высказывался противъ „необходимости для республики въ казни женщины", боясь, что эта казнь помѣшаетъ переговорамъ съ иностранными державами. Въ концѣ мѣсяца было казнено около двадцати жирондистовъ (Верньо, Бриссо, Жансоннэ и др.), арестованные послѣ 31-го мая, а за ними были казнены многіе другіе, въ томъ числѣ и госпожа Роланъ, которой друзья предлагали ядъ, но которая предпочла смерть подъ топоромъ гильотины. Ея мужъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на большой дорогѣ, не будучи въ состояніи дольше скрываться. Кондорсе удалось спрятаться и даже въ своемъ убѣжищѣ работать надъ своимъ „Наброскомъ исторической картины успѣховъ человѣческаго ума", но весною слѣдующаго года мѣсто его пребыванія было открыто, и онъ самъ отравился.

Въ это же время (до іюля 1794 года) сложили свои головы на эшафотѣ еще многіе видные дѣятели, изъ которыхъ назовемъ Филиппа Эгалите (бывшаго герцога Орлеанскаго), перваго революціоннаго мэра столицы Байльи, Барнава, далѣе защитника въ судѣ надъ королемъ Мальзерба, знаменитаго химика Лавуазье (по поводу чего одному якобинцу приписываютъ слова: „республика не нуждается въ ученыхъ"), поэта Андрея Шенье и пр. Самое разнообразіе этихъ лицъ указываетъ на то, что побѣдители хватали подсудимыхъ для отправки на гильотину направо и налѣво, безъ особаго разбора. Судъ, какъ увидимъ, стѣснялся вообще очень мало, всегда находя мотивы и резоны.

Осенью 1793 г. Дантонъ, какъ было уже сказано, бездѣйствовалъ. Когда вопросъ о жирондистахъ былъ рѣшенъ, онъ очень близко принялъ къ сердцу ихъ судьбу. „Я не могу спасти ихъ",—говорилъ онъ одному изъ министровъ, и на

глазахъ его выступили слезы, свидѣтельствовавшія о томъ, что нервы его, дѣйствительно, были не въ порядкѣ. Пролежавъ нѣкоторое время въ постели, онъ даже переселился въ окрестности Парижа, гдѣ всячески избѣгалъ людей. Наконецъ, въ серединѣ октября онъ взялъ у Конвента отпускъ для поправленія здоровья и уѣхалъ на родину. „Дантонъ спитъ,—сказалъ онъ однажды другу, посѣтившему его въ Севрѣ (около Парижа),—но онъ еще проснется". Дѣйствительно, онъ погрузился теперь въ какой-то сонъ.

На родинѣ Дантонъ предался полному отдыху, развлекаясь охотой, рыбной ловлей, своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Единственнымъ болѣе серьезнымъ его занятіемъ была прикупка новыхъ участковъ земли. Въ теченіе шести недѣль, говорятъ, онъ не бралъ въ руки газетъ и раздражался, когда заводили съ нимъ рѣчь о политикѣ. Какъ-то одинъ знакомый принесъ ему „пріятную новость": жирондисты сложили свои головы. Глаза Дантона наполнились слезами. „Хороша пріятная новость!"—воскликнулъ онъ.—„Но вѣдь они были бунтовщиками",—послѣдовалъ отвѣтъ.—„Бунтовщики!—съ горечью въ голосѣ возразилъ Дантонъ,—но развѣ мы не всѣ такіе же бунтовщики? Мы въ такой же мѣрѣ заслуживаемъ смертной казни, какъ и они. Ихъ судьба постигнетъ всѣхъ насъ, однихъ за другими". Съ крайнею неохотою оставилъ Дантонъ свой провинціальный уголокъ, когда парижскіе друзья написали ему, чтобы онъ немедленно возвратился, потому что Робеспьеръ со своими противъ него что-то замышляетъ. Въ Парижѣ кто-то распространилъ слухъ, будто Дантонъ эмигрировалъ въ Швейцарію, но слухъ этотъ скоро былъ опровергнутъ появленіемъ самого Дантона, вернувшагося съ рѣшеніемъ „раздавить" Робеспьера, который былъ теперь настоящимъ господиномъ положенія и около котораго уже говорили о необходимости вслѣдъ за „бриссотинцами" послать на эшафотъ членовъ другихъ „факцій", въ ихъ числѣ и Дантона, будто бы подкупленнаго врагами и хотѣвшаго быть регентомъ при будущемъ маленькомъ королѣ, сынѣ Людовика XVI.

Въ моментъ усиленія террора, въ октябрѣ 1793 года, крайніе монтаньяры обрушились на христіанство. Прежній календарь былъ замѣненъ новымъ, республиканскимъ: годы стали считаться съ 22-го сентября 1792 г., мѣсяцы получили новыя названія (вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ—осень; нивозъ, плювіозъ, вантозъ—зима; жерминаль, флореаль, преріаль—весна; мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ—лѣто); недѣля была замѣнена декадой (10 дней), воскресенье—десятымъ днемъ (декади). Иниціаторомъ перемѣны былъ математи-

тикъ Роммъ, членъ Горы, по названія придумалъ поэтъ Фабръ-д'Эглантинъ. Въ союзѣ съ Анахарсисомъ Клотцемъ, Эберомъ, Шометтомъ, Роммъ предложилъ замѣнить католицизмъ культомъ Разума, не какого-либо Міроваго Разума, а обыкновеннаго, человѣческаго; къ этому предложенію присоединился самъ парижскій епископъ Гобель, подавшій въ отставку, тогда какъ епископъ Грегуаръ протестовалъ противъ этого. 10-го ноября въ соборѣ Парижской Богоматери былъ отпразднованъ день Разума, богиню котораго изображала г-жа Майльяръ въ бѣломъ платьѣ, синемъ плащѣ и красномъ колпакѣ. Конвентскіе комиссары распространяли новый культъ въ провинціяхъ, а парижская Коммуна 23-го ноября велѣла закрыть церкви города. Въ нѣкоторыхъ секціяхъ были устроены тоже празднества въ честь Разума. Тщетно Робеспьеръ говорилъ и въ Конвентѣ и въ клубѣ рѣчи противъ „крайнихъ“ и атеистовъ; тщетно и Дантонъ возсталъ противъ „религіозныхъ маскарадовъ“, устраивавшихся последователями Эбера (эбертистами),—эти явленія продолжались. Дантонъ сблизился-было опять съ Робеспьеромъ, даже содѣйствовавшимъ тому, чтобы не всѣ церкви были закрыты, и защищавшимъ Дантона въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ царило противъ него большое негодованіе.

Какъ-то Дантонъ сказалъ Робеспьеру, что такое положеніе не можетъ продолжаться, потому что противно французскому характеру, и что пора открыть тюрьмы, но это только дало поводъ Робеспьеру обвинить Дантона въ стремленіи къ контръ-революціи. Противъ него агитировалъ и Эберъ, инициаторъ „дехристіанизаціи“ Франціи и сторонникъ коммунистическихъ идей, тогда какъ Дантонъ былъ противъ и того и другого. По мысли Дантона, К. Демуленъ даже основалъ періодическій органъ „Старый Кордельеръ“, для противодѣйствія Эберу. Робеспьеръ былъ также врагомъ послѣдняго, но слишкомъ все понималъ иначе, нежели Дантонъ, чтобы могъ итти съ нимъ рука объ руку. Въ глазахъ Дантона Робеспьеръ былъ „педантомъ“, „евнухомъ“, полнымъ „ослиныхъ глупостей“, но онъ его не боялся. Пока предстояла борьба съ Эберомъ, Робеспьеръ не раскрывалъ картъ своей игры. Все это время Дантонъ высказывался въ Конвентѣ,—не безъ оговорокъ, впрочемъ,—противъ террора: пусть терроръ „поражаетъ только дѣйствительныхъ враговъ республики, ибо народъ не хочетъ, чтобы всякій, кто родился безъ революціоннаго пыла, въ силу одного этого считался виновнымъ“. Полемика Дантона съ эбертистами была выгодна Робеспьеру, и какъ ни непріятна была ему проповѣдь противъ террора,

сильно и ихъ задѣвывая, онъ продолжалъ защищать Дантона. Камиллъ Демуленъ, отличавшійся вообще нѣкоторою наивностью, проводя въ „Старомъ Кордельерѣ“ дантоновскую идею замиренія и милосердія, даже вообразилъ, что и Робеспьеръ сдѣлался сторонникомъ этой идеи. Успѣхъ „Стараго Кордельера“, вдохновителя котораго публика угадывала въ самомъ Дантонѣ, былъ огромный, да и Дантонъ все чаще и чаще появлялся теперь на трибунѣ. Это не на шутку обезпокоило подозрительнаго и завистливаго Робеспьера, тогда какъ Дантонъ, довѣрчивый, беспечный, постоянно возвращался къ своей старой мысли, что не нужно ссориться въ виду врага, что „всѣ эти распри даже не могутъ убить хоть бы одного пруссака“. „Пожертвуемъ, — повторялъ онъ неоднократно, — нашими частными несогласіями и будемъ заниматься только общимъ дѣломъ“.

Робеспьеръ, не нападая пока на самого Дантона, компрометировалъ его въ общественномъ мнѣніи, дѣйствуя противъ близкихъ его друзей, раскрывая ихъ разныя, болѣе или менѣе некрасивыя дѣла, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приказывая ихъ арестовывать. Демуленъ былъ въ числѣ такихъ друзей Дантона.

Зрѣлище всего, что̀ происходило, крайне удручало Дантона, и онъ опять ослабѣлъ, опустилъ руки. „Какъ ни соблазнительна власть,—говорилъ онъ въ минуты душевной усталости,—сто̀итъ ли она тѣхъ усилій для ея достиженія, которыя я вижу вокругъ себя? Все заставляетъ меня такъ ненавидѣть настоящее, что я порою жалѣю то время, когда весь мой недѣльный заработокъ основывался на бутылкѣ чернилъ“. Въ перерывѣ между двумя рѣзко-неврастеническими состояніями онъ тѣмъ не менѣе выступалъ съ проповѣдью новой политики, въ которой, опираясь на свой былой революціонный авторитетъ, взывалъ къ умѣренности, къ исправленію сдѣланныхъ ошибокъ, къ избѣжанію новыхъ. Общій упадокъ силъ оратора сказывался, однако, въ его голосѣ, сдѣлавшемся менѣе громкимъ. Вступая въ словесныя битвы со своими противниками, онъ не щадилъ ихъ и произносилъ всякія угрозы, но ничего не дѣлалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, себя обезопасить отъ враговъ. На всѣ предупрежденія друзей, что ему грозитъ арестъ, онъ отвѣчалъ неизмѣннымъ: „не посмѣютъ“. Онъ даже продолжалъ думать, что съ Робеспьеромъ можно будетъ еще столковаться. Въ январѣ 1794 года у обоихъ былъ такой разговоръ: Дантонъ сказалъ, что въ террорѣ, къ сожалѣнію, рядомъ съ виновнымъ гибнетъ и невинный. „Кто вамъ это наговорилъ,—спросилъ

Робеспьеръ,—чтобы могли гибнуть невинные?“ Дантонъ, удивленный такимъ возраженіемъ, обратился къ одному свидѣтелю разговора: „какъ тебѣ это понравится, никто невинно не погибъ!“—и тотчасъ же удалился.

5 февраля 1794 г. въ Конвентѣ Робеспьеръ произнесъ рѣчь объ опасности со стороны и слишкомъ крайнихъ и слишкомъ снисходительныхъ, а 27 числа того же мѣсяца Сенъ-Жюстъ прочиталъ въ Конвентѣ докладъ о зловредныхъ „факціяхъ“. Виновными противъ республики оказывались, между прочимъ, всѣ жалѣвшіе заключенныхъ, всѣ бывшіе противъ террора,—слова, которыми докладчикъ мѣтилъ въ Дантона, который и послѣ этого, напримѣръ, въ якобинскомъ клубѣ взывалъ къ „единенію, согласію, единодушію“. Докладъ Сенъ-Жюста былъ только прелюдіей къ обвинительнымъ актамъ. Первымъ изъ представителей „факцій“ палъ Эберъ со своими сторонниками: они были обвинены въ измѣнѣ отечеству и казнены. За пять дней до ихъ казни, бывшей 5 жерминаля (26 марта), произошла послѣдняя встрѣча Дантона съ Робеспьеромъ за обѣдомъ у одного изъ общихъ друзей. Дантонъ умолялъ Робеспьера забыть взаимныя непріятности и думать только объ отечествѣ, его нуждахъ, опасностяхъ, и говорилъ очень горячо. Робеспьеръ слушалъ съ холоднымъ равнодушіемъ и въ отвѣтъ кинулъ только одну фразу: „съ твоими принципами, съ твоею моралью, пожалуй, никогда не найдутся виновные, которыхъ слѣдовало бы покарать“.—„А ты,—спросилъ Дантонъ,—развѣ ты не былъ бы радъ, если бы не было кого наказывать?“ По словамъ одного свидѣтеля, Дантонъ даже заплакалъ отъ досады.

Въ это время у себя дома Робеспьеръ уже подбиралъ и сортировалъ свои замѣтки, которыя должны были послужить матеріаломъ для взятаго на себя Сенъ-Жюстомъ обвинительнаго акта противъ Дантона. Здѣсь были и дружба съ Мирабо и съ Ламетами въ 1790 и 1791 гг., и спасеніе отъ смерти нѣкоторыхъ лицъ въ сентябрѣ 1792 г., и нежеланіе идти противъ жирондистовъ, и намѣреніе оказать содѣйствіе прусскому королю, и отсутствіе уваженія къ добродѣтели, и участіе въ заговорѣ съ Дюмурье и съ Филиппомъ Эгалитэ, и желаніе быть „терпимымъ примирителемъ въ Конвентѣ“, и подача голоса за казнь короля лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, и недавнее предложеніе амнистіи для всѣхъ виновныхъ, все, все, что только могла сохранить память Робеспьера изъ прошлаго Дантона или на его счетъ сочинено было клеветою. На основаніи этого матеріала Сенъ-Жюстъ составилъ свой обвинительный актъ. Дан-

тонъ, незадолго передъ этимъ имѣвшій необычайный успѣхъ въ засѣданіи якобинскаго клуба, считалъ себя внѣ опасности и отказывался предпринимать что-либо, когда ему это совѣтовали друзья. Послѣднимъ аргументомъ онъ выдвигалъ соображеніе, что, если на то уже пошло, „лучше быть гильотинированнымъ, нежели гильотинировать". Опять онъ пересталъ являться въ засѣданія, опять постоянно уѣзжалъ изъ Парижа наслаждаться весеннею природою въ Севръ. Друзьямъ онъ казался въ это время не то больнымъ, не то утомленнымъ, и они слышали отъ него такія рѣчи: „опять нужно было бы проливать кровь; съ меня ея довольно; я достаточно ея пролилъ, когда это считалъ полезнымъ", или еще: „бѣжать, но развѣ уносятъ отечество на подошвахъ своихъ башмаковъ?" А главное—онъ не вѣрилъ въ опасность: „Они не посмѣютъ. Видите мою голову?—спрашивалъ онъ.—Развѣ она не крѣпко сидитъ на этихъ плечахъ? И зачѣмъ они стали бы меня губить? На кой чортъ? Ради чего?"

9 жерминаля (30 марта) на соединенномъ засѣданіи Комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности, по докладу Сенъ-Жюста, было рѣшено немедленно же арестовать Дантона и его друзей. При арестѣ онъ не сопротивлялся и успокаивалъ плачущую жену словами: „они не посмѣютъ". Весь городъ при вѣсти объ этомъ пришелъ въ сильное возбужденіе, ни насколько не давая вѣры тому, будто арестованные готовились возстановить монархію. Въ Конвентѣ, бывшемъ, въ сущности, больше за Дантона, нежели на сторонѣ Робеспьера, одинъ членъ предложилъ-было призвать арестованныхъ и выслушать ихъ, но появленіе Робеспьера на трибунѣ, съ которой онъ сталъ возражать противъ столь неслыханной привилегіи „прогнившему идолу", повернуло ходъ дѣла не въ пользу Дантона и его сторонниковъ, объявленныхъ Робеспьеромъ „послѣдними партизанами роялизма". Кончилось тѣмъ, что никто не посмѣлъ возражать противъ декрета о преданіи Дантона, Демулена и другихъ революціонному суду.

Въ Люксембургской тюрьмѣ сидѣла масса обвинявшихся въ разныхъ преступленіяхъ. „Господа,—говорилъ имъ попавшій туда Дантонъ,—я разсчитывалъ въ скоромъ времени освободить васъ отсюда, но, къ счастью, вотъ и я самъ запертъ вмѣстѣ съ вами: право, не знаю, чѣмъ все кончится". Все время затѣмъ онъ шутилъ, но шутки его по временамъ были очень горькія. „Въ революціяхъ власть остается за наибольшими злодѣями. Лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, нежели управлять людьми. Сволочь! Вѣдь когда меня повезутъ, они будутъ кричать: „да здравствуетъ республика!".

Революціонный судъ только исполнялъ чужую волю. Судилось за-разъ 46 человѣкъ, обвинявшихся въ преступленіяхъ, не имѣвшихъ ничего между собою общаго, Дантонъ и его сторонники—въ намѣреніи возстановить королевскую власть, остальные—кто въ чемъ. Когда предсѣдатель вызвалъ Дантона и спросилъ о мѣстѣ его жительства, онъ отвѣчалъ извѣстной напыщенной фразой: „скоро моимъ жилищемъ будетъ Ничто, а мое имя въ Пантеонѣ исторіи, и народъ будетъ почитать мою голову, да, мою отрубленную голову". Очень скоро онъ началъ раздражаться, особенно когда увидѣлъ четырехъ человѣкъ изъ Комитета общественной безопасности, сѣвшихъ сзади судей, чтобы наблюдать за поведеніемъ какъ ихъ самихъ, такъ и присяжныхъ. Когда на другой день (процессъ длился три дня) предсѣдатель призвалъ Дантона къ порядку, тотъ закричалъ громкимъ голосомъ: „а я призываю тебя къ стыду!" Предсѣдатель зазвонилъ и сказалъ: „развѣ ты не слышишь моего звонка?", на что Дантонъ бросилъ ему такія слова: „человѣкъ, защищающій свою жизнь, смѣется надъ звонкомъ и рычитъ". Защитительная рѣчь Дантона дошла до насъ лишь въ отрывкахъ; онъ возлагалъ на нее большія надежды, будучи убѣжденъ, что опровергнетъ своихъ обвинителей и потомъ „вымолитъ имъ прощеніе у французскаго народа". „Мой голосъ, столько разъ раздававшійся за дѣло моего народа, чтобы защищать его интересы, легко опровергнетъ клевету (о возстановленіи королевской власти),—говорилъ онъ.—Я послужилъ довольно, и жизнь мнѣ стала въ тягость. Пусть придутъ комиссары Конвента, чтобы выслушать мое разоблаченіе насчетъ системы диктатуры. Я продавался!? Я! Человѣкъ моего закала не имѣетъ цѣны. Сенъ-Жюстъ заплатитъ потомству за клевету, пущенную противъ лучшаго друга народа, противъ самаго страстнаго его защитника. Наша слава несомнѣнна, но народъ разорветъ въ клочки нашихъ враговъ, когда насъ болѣе не будетъ". Слова его, какъ тяжелые удары, падали на судей и присяжныхъ, публика шумѣла, рукоплескала. Положеніе становилось щекотливымъ, и чуть не сами присяжные думали, что дѣло кончится оправданіемъ за полною недоказанностью обвиненія, но, по предписанію свыше, предсѣдатель на третій день поспѣшилъ объявить пренія законченными. „Какъ! — закричалъ Дантонъ, — они даже не начинались. Вы не прочли ни одного документа, не вызвали ни одного свидѣтеля!" Протестъ обвиняемыхъ повлекъ насильственное удаленіе ихъ изъ залы. Въ комнату присяжныхъ вошли предсѣдатель и публичный обвинитель, по-

казали имъ какой-то секретный документъ и настояли на осужденіи.

Послѣ приговора Дантонъ хотѣлъ „остаться Дантономъ", разсыпался въ шуткахъ, утѣшалъ товарищей, сохранивъ присутствіе духа до конца. Во время проѣзда осужденныхъ на казнь мимо квартиры Робеспьера, Дантонъ закричалъ: „ты скоро послѣдуешь за мною!". Когда палачъ не далъ одному изъ осужденныхъ обнять Дантона, послѣдній крикнулъ: „дуракъ! развѣ ты можешь помѣшать нашимъ головамъ поцѣловаться въ корзинѣ?" Положить свою голову подъ ножъ гильотины ему пришлось послѣднему, когда эшафотъ уже былъ залитъ кровью его товарищей. Послышалось что-то въ родѣ рыданія, но Дантонъ скоро овладѣлъ собою: „постой, Дантонъ, крѣпись! — закричалъ онъ, — а ты, — прибавилъ онъ, обращаясь къ палачу, — ты покажешь голову мою народу, она этого стоитъ". Кромѣ Дантона, въ эти дни (въ началѣ апрѣля) были казнены Камиллъ Демуленъ, апостолъ культа разума Шометтъ, бывшій епископъ Гобель и др.

Дантонъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ немногихъ государственныхъ людей революціонной Франціи, отличавшихся сколько-нибудь проницательностью, умѣвшихъ и глубоко и широко понимать событія. Въ этомъ отношеніи у него было много общаго съ Мирабо. Однимъ изъ признаковъ такихъ государственныхъ умовъ, какъ Мирабо или Дантонъ, это—умѣніе импонировать людямъ, вести ихъ за собою, становиться во главѣ движенія и указывать на болѣе или менѣе вѣрные пути, сопровождалось ли это успѣхомъ или нѣтъ, лишь бы источникомъ этого вліянія не былъ сектантскій педантизмъ чисто-доктринерскаго пошиба, какимъ отличался Робеспьеръ, эта менѣе крупная фигура, чѣмъ Мирабо и Дантонъ, хотя ни тому ни другому не удавалось то, что удалось Робеспьеру. Историки революціи признаютъ въ Дантонѣ одного изъ самыхъ крупныхъ ея дѣятелей, которому по плечу были трудныя задачи, требовавшія разрѣшенія, и который не обманывалъ ожиданія довѣрявшихся ему людей. Однимъ изъ общихъ мѣстъ исторіографіи французской революціи даже сдѣлалось утвержденіе, что въ 1792 г. онъ спасъ Францію и что въ 1793—1794 гг. одинъ могъ направить революцію въ надлежащее русло. Эта недюжинная личность была, однако, исполнена противорѣчій. И въ частной и въ общественной жизни онъ былъ сегодня такой, а завтра иной. Въ немъ не было цѣльности натуры, но въ немъ и не происходило внутренней борьбы, и какъ-то было такъ, что, незамѣтно для него самого, въ немъ побѣждали то его страстный темпераментъ,

проявлявшійся также порывами, то политическая дальновидность, то внутреннія побужденія, то сила внѣшнихъ обстоятельствъ, то глубокій патріотизмъ, то чисто-личные мотивы. Этотъ демагогъ былъ типичнымъ французскимъ буржуа, прикупавшимъ по кусочкамъ землю, создавшимъ себѣ комфортабельную обстановку, но въ то же время съ замашками большого барина. И этотъ типичный буржуа создалъ себѣ карьеру въ роли демагога, страстнаго оратора уличной толпы, настоящаго революціонера по темпераменту, то (и тутъ противорѣчіе!) возбуждавшаго народное мщеніе, то проповѣдывавшаго великодушное забвеніе взаимныхъ обидъ и милосердіе. Его обвиняли въ подкупности, какъ и Мирабо, и онъ дѣйствительно иногда бралъ деньги, но во всякомъ случаѣ эта широкая натура совсѣмъ не напоминаетъ вульгарнаго мошенника, и если въ эпоху своего величія Дантонъ по временамъ плохо различалъ между своими и казенными деньгами, то это происходило и по общей его безалаберности и потому, что очень ужъ много было у него падкихъ на деньги друзей.

Интереснѣе другое: чѣмъ была жива эта страстная, мятущаяся душа? Дантонъ не былъ человѣкомъ теоріи или принциповъ, которые онъ часто считалъ за простые предразсудки. Человѣкъ во многихъ отношеніяхъ чисто-личный, онъ въ то же время страстно любилъ отечество, свою „прекрасную Францію“, передъ благомъ которой должны были стушеваться, какъ онъ искренно думалъ, всѣ частные и групповые интересы, всѣ партійныя распри. Онъ отдавалъ себя цѣликомъ служенію отечеству, но и тутъ были противорѣчія между страстными призывами къ мщенію во имя этого отечества и проповѣдью необходимости единенія ради того же отечества, между насильственнымъ образомъ дѣйствій и попытками умиротворенія и исправленія надѣланныхъ золъ. Систематическій терроръ Робеспьера претилъ Дантону. Въ порывѣ страсти онъ самъ былъ готовъ уничтожить, раздавить, сокрушить, но онъ былъ далекъ отъ холоднаго террора, возведеннаго на степень политическаго догмата. По временамъ душа его смягчалась, въ голосѣ звучали прямо-таки нѣжныя ноты, когда онъ говорилъ о необходимости мира и согласія, но въ его призывахъ не было слащавой сентиментальности Робеспьера, представлявшей собою казовую сторону его фанатическаго педантизма. Весь порывъ, по временамъ падавшій и смѣнявшійся какой-то прострацiей, Дантонъ чувствовалъ мало склонности да и былъ совсѣмъ неспособенъ къ продолжительному, безустанному, непрерывному достиженію, требовалось

ли это въ работѣ или въ борьбѣ. Особенно не по его вкусу было долго питать злобу, подводить мины, вести контръ-атаки, строить планы сложной интриги. Страстный патріотъ и горячій поклонникъ революціи, онъ отожествлялъ въ своихъ мысляхъ Францію и революцію, но онъ мало заботился о выработкѣ какой-либо опредѣленной политической доктрины. Онъ былъ, въ концѣ концовъ, республиканецъ, но главнымъ образомъ потому, что Франція была республикой. Плохо вѣря въ прочность новаго строя, онъ мечталъ о счастьѣ народа въ нѣсколько расплывчатомъ пониманіи, въ которомъ оно не отдѣлялось отъ величія и славы Франціи.

Послѣ исчезновенія Дантона со сцены Робеспьеръ съ преданными ему Кутономъ и Сенъ-Жюстомъ былъ господиномъ положенія: наступило время его личной диктатуры. Одною изъ первыхъ его мѣръ было введеніе „культа Верховнаго Существа“ по мысли „гражданской религіи“ Руссо. 7 мая онъ произнесъ въ Конвентѣ длинную рѣчь противъ атеизма и фанатизма и предложилъ декретировать, что „французскій народъ признаётъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души“. 8-го іюня, въ періодъ предсѣдательства Робеспьера въ Конвентѣ, былъ устроенъ большой публичный праздникъ въ честь Верховнаго Существа, на которомъ Робеспьеръ разъигрывалъ роль первосвященника, съ букетомъ въ рукахъ принималъ привѣтствія и поздравленія. Якобинизмъ въ это время превратился въ какое-то сектантство, въ которомъ Робеспьеръ игралъ роль непогрѣшимаго пророка; для недалекихъ, узкихъ и нетерпимыхъ сектантовъ сами монтаньяры, не раздѣлявшіе ихъ доктрины, казались подозрительными. Одна сумасшедшая старуха, Екатерина Тео, провозгласила себя Богородицей, а Робеспьера называла своимъ сыномъ, что̀ враги потомъ, конечно, не могли не поставить въ счетъ диктатору.

ГЛАВА XIX.

Франція подъ революціоннымъ правительствомъ.

Какъ въ 1789—1791 годахъ, пока не была выработана и введена конституція, во Франціи фактически была диктатура Учредительнаго Собранія, такъ въ 1792—1795 годахъ неограниченная власть надъ страною принадлежала Національному Конвенту. Правда, уже лѣтомъ 1793 года якобинцы выработали, Конвентъ принялъ и первичныя собранія, какъ мы видѣли, одобрили новую конституцію, но эта „конституція 1793 года“ въ дѣйствіе приведена не была. Якобинцы и не думали ее вводить. 10 октября Конвентъ принялъ декретъ,

двумя главными пунктами котораго были такіе: „правленіе объявляется революціоннымъ до заключенія мира; министры и администраторы дѣйствуютъ подъ надзоромъ Комитета общественнаго спасенія, равно какъ всѣ агенты и должностныя лица“.

Мы познакомимся прежде съ новой конституціей, а потомъ разсмотримъ, какъ Франція управлялась революціоннымъ правительствомъ.

Въ сущности, якобинская конституція была лишь передѣлкою жирондистскаго проекта (Кондорсе), о которомъ было сказано въ главѣ XV. Якобинцы исходили въ своей конституціи изъ тѣхъ же общихъ основаній, что̀ и жирондисты, какъ это можно видѣть изъ сравненія жирондистской „деклараціи естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка“ съ деклараціей якобинской. Въ общемъ, обѣ мало чѣмъ отличались отъ деклараціи 1791 г., съ болѣе сильнымъ только заявленіемъ о верховенствѣ націи (напримѣръ, о правѣ на неограниченный пересмотръ конституціи) и о правѣ сопротивленія, даже возстанія, о которомъ говоритъ декларація 1793 г., и съ нѣкоторыми прибавленіями, изъ которыхъ отмѣтимъ два: статья 23 жирондистскаго проекта провозглашаетъ, что „образованіе есть общая потребность, и что общество должно давать его всѣмъ своимъ членамъ“, а статья 24 гласитъ, что „общественная помощь есть священный долгъ общества“, въ силу чего „законъ долженъ опредѣлить ея размѣръ и способъ примѣненія“. Обѣ эти статьи приняты были въ якобинскую декларацію въ такой формѣ: „Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать средства къ существованію несчастнымъ гражданамъ чрезъ доставленіе имъ работы или обезпечивая ихъ пропитаніе, если они не въ состояніи работать. Образованіе есть общая потребность. Общество всею своею властью должно содѣйствовать успѣхамъ общественнаго разума и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ“. Такимъ образомъ обѣ деклараціи 1793 г. возлагаютъ на государство такія задачи, какихъ не знала декларація 1791 года. Между прочимъ, первая изъ этихъ статей давала иногда поводъ говорить о соціализмѣ (и чуть не коммунизмѣ) якобинцевъ, въ противоположность къ индивидуализму жирондистовъ, но дѣло въ томъ, что совершенно такая же статья была и въ жирондистскомъ проектѣ. Мало того, и тѣ и другіе, подобно авторамъ деклараціи 1791 г., включили въ число естественныхъ правъ и собственность, якобинская декларація не менѣе жирондистской, равно какъ и декларація 1791 г., обезпечивала полное право соб-

ственности. Одна статья якобинской декларацiи прямо признавала и существованiе законнаго отношенiя между наемщикомъ и наймитомъ.

Большiй демократизмъ конституцiи 1793 г. былъ чисто-политическiй, такъ какъ выборы были сдѣланы прямыми, т.-е. первичныя собранiя непосредственно должны были выбирать представителей (одного на 40 т. жителей), причемъ цензъ былъ отмѣненъ и предѣльный возрастъ избирателей былъ пониженъ съ 25 лѣтъ до 21 года, и, кромѣ того, въ конституцiю вводился и принципъ непосредственнаго народовластiя.

Мы видѣли, какъ думали жирондисты сочетать послѣднее съ представительствомъ, но ихъ система была крайне непрактична, якобинцы же, стремясь къ той же цѣли, показали бо̀льшую способность принимать въ расчетъ реальныя условiя. Конституцiя 1793 г. въ принципѣ также объявляла непосредственный суверенитетъ народа: „верховный народъ есть совокупность французскихъ гражданъ", и ему принадлежитъ право законодательныхъ рѣшенiй. Но рядомъ съ державнымъ народомъ признавалось представительное учрежденiе—законодательный корпусъ, единый, нераздѣльный и непрерывный, выбираемый на годъ, съ правомъ издавать декреты и „предлагать" законы. Проекты законовъ, принятые законодательнымъ корпусомъ, должны были печататься и разсылаться во всѣ общины республики. Если въ теченiе сорока дней одна десятая часть первичныхъ собранiй въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ департаментъ не опротестуетъ, проектъ дѣлался закономъ, и лишь въ противномъ случаѣ должны были быть созваны первичныя собранiя, на которыхъ, впрочемъ, народъ могъ отвѣчать только „да" или „нѣтъ". Что̀ касается до исполнительной власти, то конституцiя 1793 г. вручала ее исполнительному комитету изъ двадцати четырехъ членовъ, назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ изъ лицъ, представленныхъ департаментскими собранiями. Наконецъ, десятая часть первичныхъ собранiй въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ въ каждый моментъ могла требовать пересмотра конституцiи. Административная система сохранялась въ конституцiи 1793 г. та же, которая была установлена Учредительнымъ Собранiемъ, т.-е. оставлялась полнѣйшая децентрализацiя, какая дѣйствительно могла бы повести къ федерализму, въ которомъ обвинялись якобинцами жирондисты.

Кромѣ того, конституцiя объявляла Францiю союзницей всѣхъ свободныхъ народовъ, обѣщала всѣмъ изгнанникамъ за

свободу убѣжище, въ которомъ отказывала „тиранамъ“, и объявляла, что не заключитъ мира съ непріятелемъ, занимающимъ ея территорію.

Съ принятіемъ въ Конвентѣ 24 іюня 1793 года этой конституціи связанъ одинъ эпизодъ, очень характерный для тогдашняго настроенія народа въ Парижѣ. Жилъ въ это время въ городѣ нѣкто Жакъ Ру, священникъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей кордельерскаго клуба, самъ кое-что пописывавшій и издававшій. Онъ пряталъ у себя Марата, когда его преслѣдовали, а въ концѣ 1792 г., выбранный секціей Гравилье въ Коммуну, участвовалъ въ охранѣ Тампля, когда тамъ была заключена королевская семья. 27 января 1793 года онъ же сопровождалъ Людовика XVI на мѣсто казни. Въ началѣ этого года, когда усилились дороговизна и продовольственныя затрудненія, Ру сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ агитаторовъ противъ „барышниковъ“ въ то время, какъ вообще въ секціяхъ начинала пользоваться большою популярностью мысль о необходимости установленія твердыхъ цѣнъ („максимума“). Тогда жирондисты были еще у власти, и ими въ началѣ марта было рѣшено исключить изъ Коммуны наиболѣе опасныхъ агитаторовъ, въ число каковыхъ попалъ и Ру.

Ру пользовался большою популярностью въ своей секціи (Гравилье), между прочимъ, за ту охотность, съ какою приходилъ на помощь бѣднымъ. Однажды подъ его вліяніемъ общее собраніе этой секціи послало въ Конвентъ петицію, требуя „смерти эгоистовъ, посредствомъ монополій убивающихъ гражданъ, которыхъ недуги и возрастъ удерживаютъ у ихъ очаговъ“. Секція Гравилье была и одною изъ наиболѣе рьяныхъ въ требованіи объ исключеніи жирондистовъ. Когда въ Конвентѣ на очередь было поставлено обсужденіе конституціи, Ру составилъ и напечаталъ адресъ Конвенту отъ имени секціи Гравилье и Благой Вѣсти (Боннъ-Нувелль) и клуба кордельеровъ, обозначивъ на брошюрѣ свое авторство. Этому обращенію къ Конвенту нѣкоторые историки, не бывшіе знакомыми съ его содержаніемъ, дали названіе „коммунистической петиціи“, но въ немъ не было ничего коммунистическаго. Въ эпиграфѣ даже прямо стояло: „Народъ! я не боюсь смерти, чтобы поддерживать твои права; докажи мнѣ свою признательность уваженіемъ къ лицамъ и къ собственности“. Все, чего требовалъ Ру, это было включеніе въ конституцію запрещенія ажіотажа и ростовщичества, назначенія смертной казни барышникамъ и т. п. „Мы вамъ объявляемъ,— сказано было въ брошюрѣ,— что вы не все сдѣлали

для счастья народа. Свобода останется пустымъ призракомъ, пока одинъ классъ населенія можетъ безнаказанно морить голодомъ другой. Равенство останется простымъ призракомъ, пока богатый посредствомъ монополіи пользуется правомъ жизни и смерти по отношенію къ себѣ подобнымъ. Республика останется пустымъ призракомъ, когда изо дня въ день совершается контръ-революція путемъ увеличенія цѣны на съѣстные припасы, уплачивать которыя, не проливая слезъ, не въ состояніи три четверти гражданъ. А между тѣмъ, только остановивъ разбой торговца, только сдѣлавъ съѣстные припасы доступными санкюлотамъ, вы привяжете народъ къ революціи, объедините его вокругъ конституціонныхъ законовъ". Протестуя противъ изданія законовъ богатыми для богатыхъ, Ру спеціально обращался къ „депутатамъ Горы": „вы не подадите своимъ преемникамъ пагубнаго примѣра варварства сильныхъ надъ слабыми, богатаго надъ бѣднымъ, и вы не окончите свою карьеру постыднымъ образомъ", въ противномъ же случаѣ пусть санкюлоты изъ департаментовъ „поскорѣе придутъ въ Парижъ скрѣпить узы братства. Тогда мы покажемъ имъ безсмертныя пики, которыя низвергли Бастилію. Это—пики, которыя разрушили коммиссію двѣнадцати и клику государственныхъ людей (одна изъ кличекъ жирондистовъ), пики, которыя расправятся съ интригами и измѣнниками".

Депутація отъ двухъ секцій и кордельеровъ съ Ру, какъ ораторомъ, явилась въ Конвентъ 23 іюня, но Робеспьеръ настоялъ на отсрочкѣ ея пріема до 25 числа. Едва потомъ Ру сталъ читать петицію, какъ члены Конвента начали шумѣть, а нѣкоторые потребовали ареста оратора, особенно когда одинъ изъ членовъ депутаціи заявилъ, что это совсѣмъ не та петиція, къ которой присоединилась его секція. Цѣлый рядъ членовъ Конвента обрушился на Ру, называя его смутьяномъ, фанатикомъ, измѣнникомъ, подкупленнымъ иностраннымъ золотомъ. Въ числѣ протестовавшихъ былъ и Робеспьеръ, сказавшій, что Ру хотѣлъ только набросить на патріотовъ тѣнь модерантизма, дабы лишить ихъ народнаго довѣрія. Въ концѣ концовъ автора петиціи просто выгнали изъ засѣданія, на что онъ пожаловался и секціямъ и клубу, гдѣ хотѣли за него заступиться силою. Дня черезъ два онъ явился и въ Коммуну, но и тамъ не хотѣли его слушать и требовали его исключенія. Много озлобленія противъ него вызывало то, что происходили народныя волненія: напримѣръ, 26 числа была сдѣлана толпою попытка силою овладѣть одною баркою съ транспортомъ мыла. 28 числа самъ Робеспьеръ обрушился

на вождя бѣшеныхъ („анраже“, „enragés“), осмѣлившагося „клеветать на якобинцевъ, монтаньяровъ, кордельеровъ, этихъ старыхъ атлетовъ свободы“. Робеспьеръ, называя въ своей рѣчи враговъ республики, рядомъ съ Австріей, съ Испаніей, съ англійскимъ министромъ Питтомъ поставилъ и Ру. Противъ него была поднята агитація и въ клубахъ, на что Ру отвѣтилъ оставшейся, однако, въ рукописи брошюрой: „Причины несчастій Французской республики“, гдѣ нападалъ на буржуазію, обогатившуюся покупкою національныхъ имуществъ, барышничествомъ и т. д., но не давшую бѣднякамъ что-либо получить отъ революціи. Вскорѣ затѣмъ былъ убитъ Маратъ, и Ру взялся продолжать его газету.

Секція Гравилье всячески защищала своего „духовника бѣдняковъ“, но не могла ничего сдѣлать противъ преданія его революціонному суду; услышавъ о немъ, Ру покусился на свою жизнь, а потомъ, уже въ больницѣ, и окончательно себя добилъ въ февралѣ 1794 г.

Въ выступленіи Жака Ру не было никакого коммунизма, но, несомнѣнно, была классовая борьба. Въ подобномъ духѣ дѣйствовали въ массахъ и другіе агитаторы, но это были уже прямые подстрекатели къ разграбленію складовъ, лавокъ и транспортовъ товаровъ. Быть-можетъ, Ру, пріурочивая свое выступленіе къ вотированію конституціи, поторопился, и только потому къ нему не успѣли присоединиться другія секціи, гдѣ тоже довольно давно жаждали мѣръ противъ всеобщей дороговизны, вызванной какъ самою революціей, такъ и войною. Но почему Конвентъ такъ рѣзко выступилъ противъ Ру? Не соціальныя идеи его адреса вооружили противъ него, а тонъ адреса, его критика конституціи, его выходки противъ ея творцовъ, внесеніе имъ смуты въ умы, а особенно то, что въ это время происходили народные безпорядки. Ру сопоставлялъ, кромѣ того, переживаемое время съ недавнимъ еще прошлымъ къ выгодѣ для послѣдняго, а это также не прощалось. Ру казался Конвенту „бѣшенымъ“,—кличка наиболѣе крайнихъ, пущенная въ ходъ самимъ Маратомъ, съ которымъ Ру разссорился.

Что петиція секціи Гравилье могла бы найти поддержку другихъ секцій, это можно видѣть изъ того, что онѣ давно уже добивались закона о твердыхъ цѣнахъ, который и былъ потомъ принятъ Конвентомъ. Съ первыхъ же мѣсяцевъ республики очереднымъ вопросомъ, волновавшимъ населеніе Парижа, сдѣлался вопросъ объ обязательномъ тарифѣ на предметы первой необходимости, котораго настойчиво стали требовать неимущіе слои населенія и среди нихъ, конечно, на

первомъ мѣстѣ рабочіе. Въ 1793 году изъ двухъ политическихъ партій, боровшихся тогда за власть, одна, жирондисты, заявила себя рѣзкою противницею таксаціи, другая, монтаньяры, въ первые мѣсяцы колебалась и высказывала по этому вопросу очень противорѣчивыя мнѣнія, но ко времени окончательнаго конфликта между партіями народная масса уже смотрѣла на монтаньяровъ, какъ на сторонниковъ таксаціи. 29 сентября 1793 г. Національный Конвентъ издалъ законъ о максимумѣ, дѣйствовавшій потомъ пятнадцать мѣсяцевъ, до 24 декабря 1794 г. Рабочіе въ этотъ непродолжительный періодъ времени разочаровались въ законѣ о максимумѣ, но правительство ради своихъ хозяйственныхъ нуждъ упорствовало въ его сохраненіи, прибѣгнувъ съ этою цѣлью къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ. Особенно тяжело отъ послѣднихъ пришлось рабочимъ, отъ которыхъ требовалось безпрекословное подчиненіе расцѣнкѣ заработной платы по максимальному тарифу, нѣкоторыя категоріи которыхъ подвергались и реквизиціи, т.-е. насильно отправлялись не только на общественныя работы, но даже къ частнымъ предпринимателямъ и къ сельскимъ хозяевамъ, когда власти это находили нужнымъ.

Таксировать хлѣбъ и мясо было предоставлено муниципалитетамъ еще въ серединѣ 1791 г., но тогда же, вслѣдствіе упадка курса ассигнатовъ, сильно вздорожали всѣ товары: уже съ осени 1791 г. не прекращались въ народѣ разговоры о томъ, что слѣдовало бы это право таксаціи распространить вообще на всю торговлю. Народную подозрительность питали слухи о барышническихъ скупкахъ хлѣба и „аристократическихъ“ заговорахъ съ цѣлью уморить Парижъ голодомъ. Хлѣбная торговля сдѣлалась занятіемъ прямо небезопаснымъ, а обозы съ хлѣбомъ приходилось охранять вооруженною силою. Въ февралѣ 1793 г. въ самомъ Парижѣ дѣлались нападенія на лавки, торговавшія хлѣбомъ, мясомъ, мыломъ. Въ Конвентъ была послана особая депутація, организованная 48 секціями. Рѣзкій тонъ петиціи, составленной секціями, раздражалъ членовъ Конвента; даже Маратъ протестовалъ рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ предложенныхъ мѣръ, находя ихъ крайними, страшными и превратными. Якобинскій клубъ тоже высказался противъ, въ особенности же Сенъ-Жюстъ. Когда и Коммуна окончательно стала на сторону таксаціи, а народныя петиціи о максимумѣ сдѣлались особенно частыми и настоятельными, монтаньяры Конвента перешли на сторону этого требованія, такъ какъ это было средство успокоить рабочихъ и имѣть ихъ на своей сторонѣ.

26 іюля 1793 г. Конвентъ издалъ декретъ, каравшій смертною

казною барышническую скупку предметовъ потребленія. Въ августѣ началось изданіе декретовъ, таксировавшихъ отдѣльныя категоріи продуктовъ, а 29 сентября вышелъ и общій законъ о максимумѣ, которымъ таксировался, равнымъ образомъ, и рабочій трудъ. Законъ сталъ осуществляться путемъ административныхъ постановленій. Мѣстныя власти издавали правила о таксаціи товаровъ, подчеркивая въ своихъ обращеніяхъ къ населенію благодѣтельный смыслъ закона, который долженъ дать дешевые хлѣбъ и мясо, дешевое вино, дешевую одежду, дешевое отопленіе. Тотчасъ же, однако, стало обнаруживаться, что власти не обойтись безъ широчайшаго пользованія реквизиціями. Онѣ во Франціи существовали и раньше, но никогда ни центральныя ни мѣстныя власти не пользовались ими такъ часто, такъ широко. Для промышленниковъ и купцовъ реквизиціи явились тѣмъ большимъ зломъ, что разнообразное начальство безъ всякаго сговора между собою пользовалось и правомъ и возможностью налагать реквизиціи на одни и тѣ же товары въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, причемъ обыкновенно на первомъ планѣ стояли интересы не потребителей, а казны: время было военное, и армія нуждалась въ громадныхъ поставкахъ. Всѣ мѣры, принимавшіяся для обезпеченія дешевизны товаровъ, сказывались, однако, тщетными.

Хлѣбъ, мясо, дрова, свѣчи, свѣтильное масло, мыло и т. п., все это было чрезвычайно дорого. Что только можно было, все пускалось въ ходъ для припрятыванія товаровъ и для тайной торговли ими въ обходъ закона. Законъ плохо соблюдался, нарушенія его были обычнымъ явленіемъ. Однако стоявшіе у власти монтаньяры, не будучи сами иниціаторами закона, разъ его издавши, считали нужнымъ его всячески поддерживать, вѣря въ его спасительность для интересовъ казны. Можно было бы сослаться на массу примѣровъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ подвергались лица, не соблюдавшія законъ о максимумѣ, даже примѣры смертной казни подозрѣвавшихся въ намѣреніи извести народъ голодомъ; между прочимъ, это было поставлено въ вину эбертистамъ. Особенно свирѣпствовалъ Робеспьеръ, а Сенъ-Жюстъ съ своей стороны предлагалъ награждать „патріотическихъ негоціантовъ", продававшихъ провизію по таксѣ.

Критика закона о максимумѣ сдѣлалась возможною только послѣ паденія Робеспьера, — критика въ цѣломъ рядѣ вышедшихъ тогда брошюръ. 24 декабря 1794 г. законъ былъ отмѣненъ Конвентомъ, опасавшимся, однако, какъ бы не произошло вспышки народнаго недовольства, но ни малѣйшаго

протеста на самомъ дѣлѣ не послѣдовало. Предприниматели, закупившіе сырье по рыночной цѣнѣ, вынуждены были продавать выработанные изъ него продукты послѣ 29 сентября 1793 г. уже по таксѣ, и это ихъ разоряло. Заграничный подвозъ сырья долженъ былъ прекратиться, ибо покупать по рыночной цѣнѣ за границей и продавать по фиктивной „максимальной“ было прямо невозможно. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали власти, можно видѣть изъ того, что въ апрѣлѣ 1794 г. Комитетъ общественнаго спасенія возложилъ на всѣхъ гражданъ обязанность доставлять для бумажныхъ фабрикъ ежемѣсячно, по крайней мѣрѣ, по одному фунту тряпья, причемъ сколько въ семьѣ было человѣкъ, столько и фунтовъ нужно было доставлять. Трудъ есть также своего рода товаръ, и этотъ товаръ тоже былъ подчиненъ таксаціи и реквизиціямъ. Вздорожаніе жизни заставило рабочихъ требовать повышенной платы, и, конечно, они всячески уклонялись отъ подчиненія максимуму. Такъ какъ, съ другой стороны, ихъ насильно заставляли соблюдать законъ, то отсюда возникала упорная борьба между властями и рабочимъ классомъ. Было большое количество случаевъ, когда рабочихъ насильно заставляли работать въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, насильно переводили изъ одной мѣстности въ другую, особенно, когда дѣло шло объ изготовленіи казенныхъ заказовъ, а нерѣдко обязывали работать и въ частныхъ предпріятіяхъ, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ: когда оказывался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, власти въ случаяхъ столкновенія интересовъ промышленности и сельскаго хозяйства становились постоянно на сторону послѣдняго. Чтобы рабочіе не уклонялись отъ такой принудительной работы, усилены были паспортныя строгости. Результатомъ было то, что рабочіе бѣжали рòзно или же устраивали стачки, которыя приравнивались властями къ политическому преступленію, къ нападенію на государственный строй. Рабочіе убѣгали, хитрили, скрывались, поступали подъ чужимъ именемъ въ дѣйствующую армію (рабочимъ нѣкоторыхъ профессій это было прямо воспрещено), а на работы не шли. Комитетъ общественнаго спасенія, съ своей стороны, прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ.

Все это время Франція управлялась Конвентомъ, власть котораго была столь же неограниченна, какъ и власть абсолютныхъ монарховъ. Собственно правительственная власть была въ рукахъ разныхъ его комитетовъ, изъ которыхъ наиболѣе важную роль играли Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности. Первый изъ нихъ пользовался исполнительною властью, второй имѣлъ право предавать революціонному

суду. Подъ начальствомъ Комитета общественнаго спасенія находились комиссіи (числомъ двѣнадцать), замѣнившія собою по декрету 12 жерминаля II года (1 апрѣля 1794 г.) министровъ, какъ „учрежденіе монархическое". На практикѣ, далѣе, и муниципальныя и департаментскія власти, выходившія изъ народнаго выбора, должны были подчиниться установленнымъ въ каждой общинѣ „комитетамъ надзора" (21 марта 1793 г.) и національнымъ агентамъ, или конвентскимъ комиссарамъ (представителямъ народа въ командировкахъ), распоряжавшимся революціонной арміей и подавленіемъ смутъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что революціонное правительство Франціи возстановило въ новыхъ формахъ старую сущность порядковъ абсолютной монархіи. Средоточіемъ и вершиною власти сдѣлался Комитетъ общественнаго спасенія, а въ немъ руководящую, прямо властную роль сталъ играть Робеспьеръ, фактическій диктаторъ Франціи, какъ раньше имъ былъ Дантонъ. Вмѣсто интендантовъ съ самыми широкими полномочіями въ провинцію посылались члены Конвента, въ качествѣ всесильныхъ его комиссаровъ. На мѣстахъ образовались революціонные комитеты, сдѣлавшіеся органами высшаго полицейскаго учрежденія, Комитета общей безопасности. Исключительные суды стараго порядка съ ихъ произволомъ и неуваженіемъ къ процессуальнымъ формальностямъ заступили революціонные трибуналы. Болѣе близкое знакомство съ дѣятельностью всѣхъ этихъ учрежденій можетъ только подтвердить такую общую характеристику.

Начавшій дѣйствовать 10-го апрѣля 1793 г. Комитетъ общественнаго спасенія состоялъ изъ девяти членовъ, которые рѣдко замѣнялись другими, хотя и выбирались только на мѣсяцъ. Однимъ изъ наиболѣе неутомимыхъ его членовъ былъ Барeръ, другимъ Камбонъ. 4-го декабря 1793 г. Комитетъ былъ объявленъ временнымъ и революціоннымъ правительствомъ до заключенія мира, а постоянно переизбираемыми его членами были Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Бареръ, Роберъ, Ленде, Пріёръ (изъ Коть-д'Ора), Карно, Бильо-Вареннъ и Колло-д'Эрбуа, раздѣлившіе между собою правительственныя функціи (у Карно были военныя дѣла), но изъ нихъ выдѣлился „тріумвиратъ" первыхъ трехъ, который и сдѣлался всемогущимъ подъ руководствомъ Робеспьера.

Другой комитетъ, вѣдавшій общественную безопасность, учрежденный еще 30 мая 1792 г., съ начала октября состоялъ изъ 30 членовъ, но потомъ это число было сокращено до двѣнадцати, а позднѣе до девяти съ назначеніемъ его членовъ Комитетомъ общественнаго спасенія. Благодаря этому

онъ сдѣлался въ концѣ концовъ простымъ орудіемъ въ рукахъ революціоннаго правительства.

Коммиссары Конвента посылались, главнымъ образомъ, къ арміямъ, но принимали участіе и въ гражданскихъ дѣлахъ, обладая такою властью, что ихъ сравнивали съ римскими проконсулами. Среди нихъ было много дѣльныхъ людей, оказавшихъ большія услуги странѣ, но были и настоящіе насильники, въ родѣ Карье, который въ Нантѣ арестовывалъ, разстрѣливалъ, гильотинировалъ гражданъ, заподозрѣнныхъ имъ въ „федерализмѣ“ или роялизмѣ. Между прочимъ, онъ попросту топилъ въ Луарѣ цѣлыя барки съ людьми.

Органами власти на мѣстахъ съ широкими правами были комитеты отдѣльныхъ общинъ и секцій въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Осенью 1792 г., послѣ паденія монархіи, городское управленіе Парижа въ спеціально-полицейскихъ цѣляхъ учредило въ секціяхъ особые комитеты, которые потомъ и прославились подъ названіемъ революціонныхъ, будучи окончательно учреждены повсемѣстно въ мартѣ 1793 г. Это были органы сыска и охраны, составлявшіе списки неблагонадежныхъ („подозрительныхъ“), выдававшіе свидѣтельства о благонадежности („цертификаты цивизма“), производившіе обыски, выемки, аресты, отдававшіе подозрительныхъ подъ надзоръ, допрашивавшіе арестованныхъ и т. п. Секціонныя собранія, избиравшія комитеты, давали имъ неограниченныя полномочія, но мало-по-малу эти комитеты сдѣлались органами конвентскихъ Комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности.

Въ сущности, 21-го марта 1793 г. Конвентъ учреждалъ „комитеты для надзора“ за иностранцами; они такъ и должны были называться, но они очень скоро расширили свою компетенцію и стали называться преимущественно революціонными. Каждый такой комитетъ долженъ былъ состоять изъ 12-ти членовъ, въ числѣ которыхъ не могли быть ни бывшіе духовные или дворяне ни ихъ агенты. Въ каждомъ комитетѣ проживающіе въ общинѣ или секціи иностранцы должны были дѣлать заявленія о своихъ именахъ, лѣтахъ, профессіяхъ и т. п. Кто не исполнилъ бы этого требованія въ недѣльный срокъ, долженъ былъ въ 24 часа покинуть мѣсто своего жительства, а въ недѣльный срокъ и территорію республики. Особою статьею предписывалось изгонять подданныхъ государствъ, съ которыми Франція была въ войнѣ, если бы они такъ или иначе не оправдали необходимости своего пребыванія въ странѣ и не представили по шести поручителей изъ мѣстныхъ гражданъ. Если бы иностранецъ, назначенный къ удаленію

изъ страны, не покинулъ ее послѣ назначеннаго срока, онъ подлежалъ на десять лѣтъ кандаламъ и судебному преслѣдованію. Въ сущности, новыя полицейскія бюро были даны въ помощь гражданскимъ комитетамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ были подчиненными органами общегородского комитета по охранѣ безопасности. Многимъ этого, однако, казалось недостаточнымъ, и уже 13-го марта 1793 г., непосредственно вслѣдъ за учрежденіемъ революціоннаго суда, одна изъ парижскихъ секцій нашла нужнымъ для большаго успѣха борьбы съ врагами отечества образовать у себя особый „революціонный комитетъ", который собирался бы ежедневно для пріема доносовъ на всѣхъ недруговъ революціи и для производства обысковъ и арестовъ. Особенность новаго комитета должна была заключаться въ полной независимости отъ Коммуны. Другая секція еще днемъ раньше уполномочила свой полицейскій комитетъ самостоятельно производить аресты. Конвентскій декретъ 21-го марта, такимъ образомъ, пошелъ только навстрѣчу желаніямъ, высказывавшимся въ секціяхъ. Общія политическія отношенія, конечно, не могли не отражаться на революціонныхъ комитетахъ и ихъ дѣятельности. Когда якобинцы сдѣлались и пока оставались господами положенія, секціи и ихъ комитеты находились подъ сильнымъ вліяніемъ этой партіи, вообще стремившейся опираться на народныя массы. Что касается до отношенія революціонныхъ комитетовъ къ общимъ собраніямъ своихъ секцій, то въ эпоху наибольшаго развитія дѣятельности послѣднихъ комитеты находились отъ нихъ въ большей или меньшей зависимости, но впослѣдствіи секціи не столько руководили своими комитетами, сколько, наоборотъ, покорно слѣдовали за ними, въ свою очередь получавшими директивы отъ Комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности.

Революціонные комитеты расширяли кругъ своей дѣятельности или потому, что на нихъ возлагались новыя обязанности, или потому, что сами они присваивали себѣ новыя и новыя функціи, преимущественно въ ущербъ гражданскимъ комитетамъ. Напримѣръ, уже 1-го мая 1793 г. Коммуна возложила на только-что сформировавшіеся комитеты участіе въ наборѣ парижскаго контингента въ 12 тысячъ человѣкъ для отправки въ возставшую Вандею. На нихъ же, далѣе, была возложена обязанность произвести разверстку принудительнаго займа у богатыхъ въ 12 милліоновъ ливровъ и т. п. Это только поощряло революціонные комитеты и по собственной иниціативѣ брать на себя дѣла, не подлежавшія ихъ вѣдѣнію по закону. Конечно, свои многосложныя обязанности члены

комитетовъ не могли исполнять безвозмездно, а потому съ осени 1793 г. имъ начали платить жалованіе. Уплата этого жалованія изъ коммунальной казны немало способствовала потерѣ членами революціонныхъ комитетовъ ихъ независимости.

Гражданскіе комитеты, стоявшіе раньше во главѣ секцій, обыкновенно не вмѣшивались въ политику, чего уже никакъ нельзя сказать о революціонныхъ комитетахъ. Весьма естественно, что изъ-за руководства этими организаціями, начавшими принимать участіе въ политикѣ, должна была произойти борьба между Коммуною и Комитетомъ общей безопасности. И та и этотъ стремились получить право назначать по своему усмотрѣнію членовъ революціонныхъ комитетовъ, которые были бы ихъ политическими орудіями въ секціяхъ. Результатомъ была побѣда Конвента надъ Коммуною, но только позже. Въ протоколахъ революціонныхъ комитетовъ только и наталкиваешься на записи о доносахъ, о взятіи подъ подозрѣніе, объ отдачахъ подъ надзоръ, объ обыскахъ, объ опечатаніи квартиръ или бумагъ, объ арестахъ, объ обезоруженіи, о допросахъ, о сношеніяхъ съ другими комитетами по поводу тѣхъ или другихъ подозрительныхъ гражданъ, объ отправкѣ задержанныхъ по подозрѣнію въ Комитетъ общей безопасности. Эта дѣятельность то ослабѣвала, то усиливалась, какъ это было въ маѣ 1793 г., но наибольшаго своего размаха достигла, когда Конвентъ издалъ свой ужасный законъ 17-го сентября о подозрительныхъ, устанавливавшій цѣлый рядъ категорій гражданъ, которые подлежали аресту. Съ большою ревностью и усердіемъ революціонные комитеты принялись тогда обыскивать, хватать и сажать „подозрительныхъ“. Даже въ якобинскомъ клубѣ и въ Конвентѣ стали находить, что рвеніе революціонныхъ комитетовъ заходило слишкомъ далеко. Черезъ мѣсяцъ послѣ изданія закона о подозрительныхъ, 18-го октября, Конвентъ обязалъ комитеты при чьемъ-либо арестѣ непремѣнно выдавать задержанному копію протокола съ обозначеніемъ мотивовъ ареста, и такого же рода свѣдѣнія о произведенныхъ арестахъ должны были доставляться въ теченіе трехъ дней въ Комитетъ общей безопасности. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю Конвентъ, впрочемъ, отмѣнилъ это свое распоряженіе.

Въ исторіи секцій это былъ моментъ наибольшаго ихъ стремленія къ самостоятельности. Революціонные комитеты 21-го октября протестовали противъ постановленія Конвента, изданнаго за два дня передъ тѣмъ. „Мы,—писали комитеты,—съ прискорбіемъ узнали о декретѣ, требующемъ, чтобы аре-

стованнымъ сообщали о мотивахъ ихъ ареста. Нравственное убѣжденіе часто опредѣляетъ мѣры, какія противъ этихъ людей принимаются, а потому было бы трудно изложить въ протоколѣ мотивы ихъ ареста. Кромѣ того,—подчеркивалось въ этомъ документѣ,—революціонные комитеты, состоящіе изъ санкюлотовъ, стали бы часто дѣлать въ редакціи протоколовъ невольныя ошибки, которыми пользовались бы контръ-революціонеры, чтобы выходить на свободу". На сторону комитетовъ сталъ Комитетъ общей безопасности, а въ Конвентѣ за удовлетвореніе ихъ желанія высказался самъ Робеспьеръ; тогда Конвентъ отмѣнилъ свою мѣру. Комитеты почувствовали себя силой и даже не очень-то считались съ общими собраніями секцій. Черезъ нѣсколько дней послѣ отмѣны декрета 18-го октября делегатское собраніе отъ 43 секцій постановило произвести домашніе обыски въ одинъ и тотъ же день и часъ во всѣхъ секціяхъ, дабы обнаружить, не держитъ ли кто-либо у себя муку, хлѣбъ и другіе припасы въ количествѣ, противномъ закону о максимумѣ. Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности, извѣщенные самими революціонными комитетами объ этомъ, нашли, что „моментъ для такой операціи былъ неподходящій", и постановили, что такого повальнаго обыска быть не должно. Впрочемъ, Конвентъ скоро (5-го декабря 1793=15 фримера II г.) обязалъ комитеты давать отчеты относительно мотивовъ арестовъ, равно какъ относительно знакомствъ, образа мыслей и поведенія задержанныхъ въ дни, когда происходили крупныя событія революціи. На сей разъ революціонные комитеты уже не протестовали.

Революціонные комитеты вели и списки подозрительныхъ и неблагонамѣренныхъ людей, а также списки благонадежныхъ гражданъ. Чтобы получить удостовѣреніе въ обладаніи цивизмомъ (благонадежностью), когда этого кто-либо себѣ просилъ, нужно было подвергнуться цѣлому допросу, въ составъ котораго входили нѣкоторые вопросы, предлагавшіеся и подозрительнымъ. Между ними были такіе: „Чтò ты сдѣлалъ для революціи? Гдѣ ты былъ въ день 10-го августа? Въ дни 31-го мая, 1-го и 2-го іюня? Гдѣ ты былъ въ день бойни на Марсовомъ полѣ? Подписывалъ ли ты петицію о 22 злодѣяхъ и федералистахъ Конвента? Подписывалъ ли ты антицивическія петиціи? Былъ ли ты въ какомъ-нибудь антицивическомъ клубѣ? Не былъ ли ты когда-нибудь священникомъ? Не давалъ ли ты убѣжища какому-либо священнику-отщепенцу? Ты не знаешь никого, кто могъ бы давать имъ убѣжище?" Иногда цертификаты выдавались на срокъ и должны

были возобновляться, да и получать ихъ можно было только послѣ разныхъ формальностей, сдѣлавшихся въ концѣ концовъ довольно сложными. Напримѣръ, послѣ постановленія Коммуны, 12-го фримера II г. (2-го дек. 1793 г.), для выдачи удостовѣренія требовалось общее собраніе секціи съ докладомъ самой Коммунѣ. Въ числѣ требованій отъ просителя значилось и такое: не быть въ числѣ исключенныхъ изъ якобинскаго и кордельерскаго клубовъ. Отъ цертификатовъ цивизма слѣдуетъ отличать своего рода паспорта подъ названіемъ „билетовъ безопасности". Ихъ нужно было постоянно имѣть при себѣ, и изъ-за того, что на территоріи чужой секціи у гражданина не оказывалось такого билета, возникало немало хлопотъ: безбилетнаго арестовывали, допрашивали, отправляли въ его секцію для удостовѣренія личности и т. п. Въ своей дѣятельности революціонные комитеты не могли обходиться безъ содѣйствія другихъ гражданъ и добровольцевъ-доносчиковъ, которыхъ всегда было много.

Сторонники стараго порядка и династіи Бурбоновъ были, разумѣется, первыми среди „подозрительныхъ". Это были эмигранты и ихъ родня, оставшаяся на родинѣ. Революціонные комитеты имѣли немало хлопотъ, исполняя разныя предписанія относительно эмигрантовъ и близкихъ имъ лицъ, списки которыхъ должны были быть тщательно составлены. Имущества эмигрантовъ подлежали описи и охранѣ, что тоже было возложено на революціонные комитеты. Другую категорію „подозрительныхъ" представляло собою католическое духовенство. Комитеты интересовались всѣмъ, что могло случиться при какомъ-либо богослуженіи, и кто посѣщалъ гдѣ какія обѣдни. Арестовывались, конечно, и священники, навлекавшіе на себя подозрѣніе въ инцивизмѣ, причемъ нельзя не отмѣтить, что паства иногда заступалась за своихъ пастырей. Политическіе противники господствовавшей въ данный моментъ партіи также были „подозрительными", а признакомъ, по которому можно было ихъ узнавать, считалось участіе въ какихъ-либо антицивическихъ петиціяхъ. Подписываніе тѣхъ или другихъ петицій, непріятныхъ для людей, которые въ данный моментъ стояли у власти, часто влекло за собою допросы и другія непріятности. Сами „народныя общества", бывшія суррогатомъ общихъ собраній секцій, подлежали надзору революціонныхъ комитетовъ, равно какъ увеселенія и зрѣлища, между прочимъ, и съ точки зрѣнія полиціи нравовъ.

Одну изъ большихъ заботъ парижскихъ революціонныхъ комитетовъ составляло пропитаніе населенія, особенно съ того момента, какъ былъ объявленъ законъ о максимумѣ. Выше

уже было отмѣчено, что одинъ разъ эти комитеты сговорились между собою сразу произвести во всемъ городѣ повальные обыски съ цѣлью открытія противозаконныхъ запасовъ предметовъ первой необходимости. Вмѣшиваться въ вопросы народнаго продовольствія революціонные комитеты приглашались и властями и самимъ населеніемъ. Напримѣръ, Коммуна однажды разослала по комитетамъ приглашеніе смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ ресторанахъ не пропадалъ даромъ хлѣбъ отъ привычки многихъ посѣтителей ѣсть только корку и оставлять мякишъ. О какихъ только предметахъ ни заходила рѣчь въ засѣданіяхъ комитетовъ: о хлѣбѣ, о винѣ, о сахарѣ, о мясѣ, о сырѣ, о дровахъ, о мылѣ и т. п., а вмѣстѣ съ этимъ и о хлѣбопекахъ, мясникахъ, продавцахъ дровъ и т. д., и въ связи со всѣмъ этимъ объ обыскахъ, задержаніи тѣхъ или другихъ товаровъ, о продажѣ ихъ аукціоннымъ порядкомъ. Продовольствіе больныхъ должно было составлять особую заботу комитетовъ, между прочимъ, составлявшихъ списки не однихъ только иностранцевъ, эмигрантовъ, подозрительныхъ и арестованныхъ, но и больныхъ въ отдѣльныхъ секціяхъ. Вопросы о прокормѣ скота, имѣвшагося въ городѣ, также не были чужды занятіямъ комитетовъ. Комитеты выводили не одну измѣну, но и то, что̀ обозначалось, какъ барышничество предметами первой необходимости или сохраненіе у себя таковыхъ. Въ числѣ доносовъ были не только политическіе, но, такъ сказать, и экономическіе. По приходившимъ въ комитетъ свѣдѣніямъ нерѣдко накладывался арестъ на тѣ или другіе продукты у городскихъ заставъ, а потомъ конфискованные товары продавались. Революціонные комитеты брали на себя также добываніе предметовъ, необходимыхъ для арміи. Для приготовленія пороха требовалось большое количество селитры, каковую Конвентъ въ началѣ декабря 1793 г. и приглашалъ гражданъ добывать въ подвалахъ, погребахъ, конюшняхъ. Съ этою цѣлью секціи организовали особыя селитряныя комиссіи, которыя сами были поставлены подъ начальство революціонныхъ комитетовъ. Армія нуждалась и во многомъ другомъ, что̀ могло доставляться изъ Парижа при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи секцій и ихъ революціонныхъ комитетовъ. Особенно эти комитеты хлопотали о томъ, чтобы не было недостатка въ обуви. На этотъ счетъ были правительственныя распоряженія, предписывавшія реквизиціи, а революціонные комитеты очень дѣятельно проводили въ жизнь вытекавшія отсюда требованія: башмачники должны были приготовлять въ извѣстные сроки опредѣленное количество башмаковъ; комитеты назначали особыхъ комиссаровъ для наблюденія за ра-

ботою башмачниковъ; въ связи съ этимъ дѣломъ происходили обыски, конфискаціи и т. п.

Мелкихъ, большею частью случайныхъ дѣлъ возникало въ революціонныхъ комитетахъ великое множество. Со всякими пустяками лѣзли въ комитетъ, заставляя его тратить время для ознакомленія то съ какими-то стихами, то съ гдѣ-то найденнымъ сверткомъ листковъ, то съ письмомъ, въ которомъ по прочтеніи его не оказывалось рѣшительно ничего интереснаго. Серьезные конфликты между революціонными комитетами и гражданами могли, разумѣется, возникать лишь тогда, когда происходило какое-либо крупное событіе, послѣ котораго въ секціяхъ тонъ начинали задавать не тѣ элементы, что̀ прежде, какъ это было послѣ 1 іюня 1793 года или послѣ 9 термидора.

То, что̀ дѣлали революціонные комитеты парижскихъ секцій, все болѣе превращавшіеся въ органы полицейской охраны, повторялось и въ другихъ городахъ, гдѣ существовали секціонныя учрежденія, и въ маленькихъ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ было только по одному комитету. Вообще „народныя общества", получавшія указанія отъ якобинскаго клуба, и революціонные комитеты, зависѣвшіе отъ конвентскаго Комитета общественной безопасности, были хорошими орудіями въ рукахъ тогдашнихъ правителей Франціи. Нація старымъ порядкомъ была пріучена къ повиновенію центру, а тутъ еще война заставляла желать сильнаго правительства, которое организовало бы силы націи для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Якобинцы это и сдѣлали, причемъ самый терроръ считали средствомъ для спасенія Франціи. Въ потомствѣ даже осталось убѣжденіе, что спасъ Францію только терроръ, хотя другіе говорили, что Франція была спасена не благодаря террору, а несмотря на терроръ.

Главнымъ орудіемъ этой системы, возведенной въ порядокъ дня, былъ революціонный трибуналъ. Мы видѣли, среди какихъ обстоятельствъ онъ возникъ въ началѣ марта 1793 года. Онъ былъ наскоро организованъ въ теченіе ночи по предложенію Камбасереса, поддержанному Дантономъ, несмотря на сильное сопротивленіе жирондистовъ. Всякія формальности, замедлявшія ходъ дѣлъ, устранялись, а съ ними и гарантія подсудимыхъ. Никакихъ апелляцій и кассацій приговоровъ не полагалось. Сначала предавать этому суду могла только особая конвентская комиссія, но для ускоренія производства дѣлъ она была уничтожена, и починъ возбужденія дѣлъ въ судѣ былъ предоставленъ „общественному обвинителю"; исключеніе дѣлалось для членовъ Конвента, министровъ и генераловъ. Присяжные назначались Конвентомъ и высказывали свое мнѣніе и голосовали

публично. Часто обходились безъ судебнаго слѣдствія, безъ выслушанія свидѣтелей, безъ адвоката. Сначала судъ раздѣлили на два, потомъ на четыре отдѣленія, причемъ росло и число судей. Предсѣдателемъ революціоннаго суда состояли Германъ и Дюма, „общественнымъ обвинителемъ“ все время Фукье-Тенвиль. Послѣ паденія Робеспьера всѣ трое были казнены. Приговоръ революціоннаго суда былъ къ смертной казни, а Кутонъ въ іюнѣ 1794 года даже потребовалъ изданія закона, чтобы революціонный судъ иныхъ приговоровъ и не смѣлъ произносить. По образцу парижскаго суда были устроены и другіе въ главныхъ городахъ департаментовъ.

Самую ужасную память изъ дѣятелей парижскаго революціоннаго суда оставилъ по себѣ Фукье-Тенвиль, прославившійся своимъ цинизмомъ и крайнимъ пристрастіемъ. Онъ провелъ процессы Маріи-Антуанеты, жирондистовъ и т. п. Получивъ свою должность по протекціи Робеспьера, онъ, когда его покровитель палъ, выступилъ и въ его процессѣ обвинителемъ. Другого наказанія, кромѣ гильотины, онъ не зналъ и не допускалъ. Злобность его не покидала и тогда, когда его самого везли на эшафотъ, и на крики народа: „я лишаю тебя слова“ (обычное обращеніе его къ подсудимымъ), онъ отвѣчалъ гримасами и плевками.

Представленіе, что революціонный судъ казнилъ только „аристократовъ“, не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ. Граждане были равны и передъ гильотиной: среди казненныхъ были люди разныхъ званій, общественныхъ положеній и профессій. Число казненныхъ насчитывается тысячами. Нѣкто Пари, другъ Дантона, служившій въ канцеляріи суда, вычислилъ, что отъ 3-го апрѣля 1793 года до 12 термидора II года (т.-е. до конца іюля 1794), въ теченіе 16 мѣсяцевъ было казнено 2663 человѣка, включая сюда и 103 казненныхъ вслѣдъ за паденіемъ Робеспьера.

Въ другихъ городахъ число жертвъ террора было менѣе значительно. Въ Ліонѣ на этомъ поприщѣ проявили жестокость Колло-д'Эрбуа и Фуше, впослѣдствіи одно изъ главныхъ орудій деспотизма Наполеона, въ Тулонѣ и Марсели Баррасъ и Фреронъ, въ Нантѣ уже упоминавшійся Каррье, въ Бордо—Талліенъ и др. „Мы,—говорилъ послѣдній,—не хотимъ быть умѣренными, и все, чего мы требуемъ, это—то, чтобы судить контръ-революціонеровъ прилично. Мы не можемъ держать въ тюрьмахъ триста тысячъ человѣкъ, и я требую быстраго суда надъ всѣми заключенными въ силу закона о подозрительныхъ“.

Этотъ періодъ исторіи французской революціи окончился вмѣстѣ съ паденіемъ Робеспьера.

ГЛАВА XX.

Переворотъ девятаго термидора.

Послѣ паденія жирондистовъ въ Парижѣ оставались только двѣ силы, отъ обладанія которыми зависѣло пользованіе властью: одну составлялъ якобинскій клубъ, другую—Комитетъ общественнаго спасенія. Всѣ усилія Робеспьера были направлены къ тому, чтобы подчинить себѣ оба учрежденія и дѣйствовать при помощи одного, если бы другое стало оказывать оппозицію. Съ самаго же начала своей дѣятельности въ Комитетѣ общественнаго спасенія онъ увѣрялъ якобинцевъ, что онъ является ихъ представителемъ при центральномъ правительствѣ, какъ увѣрялъ и Конвентъ, что онъ и его представитель въ этомъ Комитетѣ. Цѣлью его было всячески увеличивать значеніе и власть Комитета общественнаго спасенія, который долженъ былъ стоять выше и Конвента и Коммуны, хотя въ то же время Робеспьеръ хлопоталъ о сохраненіи Конвентомъ внѣшняго престижа и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о поддержаніи своей собственной популярности въ населеніи, особенно въ секціяхъ. Но у Комитета было немало опасныхъ враговъ, и только среди якобинцевъ у самого Робеспьера не находилось серьезныхъ соперниковъ. Чтобы имѣть для Комитета прочную опору, Робеспьеръ считалъ нужнымъ укрѣпить партію Горы и весь Конвентъ.

Коммуна была давнишнимъ соперникомъ послѣдняго; нѣкоторые муниципальные дѣятели даже выражали свое недоумѣніе, для чего было созывать въ Парижъ издалека такую массу гражданъ, когда въ самомъ Парижѣ нашлось бы достаточное количество патріотовъ, которые не хуже справились бы съ законодательною задачею. Такое настроеніе Коммуны не могло нравиться Робеспьеру, тѣмъ болѣе, что даннымъ настроеніемъ легко могли воспользоваться его личные соперники передъ парижскимъ населеніемъ.

Все необычайно удавалось Робеспьеру, и онъ очень систематически усиливалъ всѣ тѣ учрежденія, на которыя могъ опираться, наоборотъ, ослабляя тѣ, которыя ему мѣшали. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Комитетъ общественной безопасности, въ противовѣсъ которому при Комитетѣ общественнаго спасенія было создано особое бюро общей полиціи. Въ Коммунѣ у Робеспьера были преданные люди, особенно мэръ Парижа Флеріо-Леско. Наконецъ, Робеспьеръ установилъ свой знаменитый культъ Верховнаго Существа, нашедшій сочувственный отголосокъ въ нѣкоторыхъ секціяхъ. И самъ онъ

на себя и многіе его сторонники смотрѣли на него, какъ на воплощеніе революціи, на малѣйшее неудовольствіе противъ него — какъ на измѣну ей, какъ на предательство отечества.

Въ самомъ Комитетѣ общественнаго спасенія у Робеспьера были, однако, недоброжелатели: Барэръ, Билльо-Варенннъ, Колло-д'Эрбуа, которые только въ одномъ Конвентѣ, фактически утратившемъ всякое значеніе, и могли искать опоры противъ якобинцевъ, Коммуны и парижскихъ секцій, гдѣ большое вліяніе принадлежало робеспьеристамъ: мэру Флеріо-Леско и Анріо, стоявшему во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ столицы. Эти члены Комитета общественной безопасности въ своемъ желаніи видѣть Конвентъ сильнымъ встрѣтились съ монтаньярами, которые дѣлались для Робеспьера такой же помѣхой, какою были передъ тѣмъ эбертисты и дантонисты. Среди нѣкоторыхъ членовъ Конвента еще въ преріалѣ, за два мѣсяца до переворота 9-го термидора, уже начиналъ составляться заговоръ противъ Робеспьера. Когда послѣ праздника Верховнаго Существа Робеспьеръ добился отъ Конвента 22-го преріаля усиленія террора, по поводу этого уже были нѣкоторыя тренія въ Комитетѣ общественнаго спасенія, не выходившія, впрочемъ, наружу. Между прочимъ, въ числѣ недовольныхъ политикою Робеспьера былъ еще и Комитетъ общей безопасности, компетенцію котораго все болѣе и болѣе ограничивало бюро административной полиціи при Комитетѣ общественнаго спасенія. Въ подготовкѣ событія 9-го термидора сыграло свою роль и это недовольство Комитета общей безопасности. У Робеспьера были вездѣ свои соглядатаи, всегда сообщавшіе ему, гдѣ какое обнаруживалось настроеніе, гдѣ что замышлялось: въ деталяхъ его политика могла мѣняться сообразно съ обстоятельствами, но общее ея направленіе оставалось то же. Временно онъ могъ лицемѣрно сближаться со своими противниками, но это лишь нѣсколько отдаляло тотъ кризисъ, который подготовлялся глухою, остававшеюся незамѣтной для посторонняго глаза борьбою лицъ, партій, учрежденій.

Чѣмъ сильнѣе дѣлался, или, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ себя Робеспьеръ, тѣмъ охотнѣе и чаще онъ прибѣгалъ къ своему обычному пріему запугиванія, искусно пользуясь имъ въ рѣчахъ, особенно въ якобинскомъ клубѣ. Иногда это были болѣе или менѣе неопредѣленныя предостереженія, которыя, однако, должны были быть понятны, кому слѣдовало понимать ихъ смыслъ; иногда это были и прямыя обвиненія, хотя и облеченныя въ форму жалобъ. Путемъ застращиванія въ ту эпоху, когда революціонный судъ то и дѣло отправлялъ подсудимыхъ на гильотину, достигнуть можно было многаго,

и нерѣдко ярые враги Робеспьера поэтому старались всячески его задобривать, входить съ нимъ въ соглашенія. Коммуна была за Робеспьера, но ему важно было, чтобы и секціи не выходили изъ повиновенія у Коммуны: при случаѣ и на нихъ, кромѣ ласки, нужно было дѣйствовать страхомъ. Когда по доносу, сдѣланному Робеспьеру, оказалось, что въ секціи Нераздѣльности революціонный комитетъ былъ не совсѣмъ благонадеженъ, допустивъ у себя произнесеніе непріятныхъ для Робеспьера словъ, послѣдній приказалъ его арестовать и возбудилъ формальное противъ него обвиненіе. Слишкомъ большая популярность маленькихъ демагоговъ въ своихъ секціяхъ тоже была не по душѣ Робеспьеру; одного изъ нихъ даже, говорятъ, онъ засадилъ въ тюрьму за то, что его очень любили въ предмѣстьѣ. Со своей стороны, враждебно настроенная часть Комитета общественнаго спасенія и Комитетъ общей безопасности считали нужнымъ не дать секціямъ сдѣлаться слѣпыми орудіями въ рукахъ сателлитовъ Робеспьера.

Въ то время революціонные комитеты секцій, сдѣлавшіеся главною ихъ силою, поставлены были непосредственно подъ власть Комитета общей безопасности, что совершенно разъединяло ихъ съ Коммуной. Зимою она сдѣлала-было попытку собрать (на 4-е дек.) всѣхъ членовъ революціонныхъ комитетовъ (кромѣ двоихъ въ каждой секціи, оставленныхъ для текущихъ дѣлъ), но Бильо-Вареннъ немедленно добился у Конвента декрета, запретившаго, подъ страхомъ суровой кары, кому бы то ни было становиться между революціонными комитетами и національнымъ представительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ общей безопасности сталъ слѣдить за дѣятельностью революціонныхъ комитетовъ, требовать отъ нихъ частыхъ отчетовъ и т. п. Но, съ другой стороны, декретъ 5-го сентября 1793 г. разрѣшалъ Коммунѣ замѣщать временно вакансіи въ комитетахъ по своему усмотрѣнію, и этимъ правомъ она пользовалась очень широко, прибѣгая, кромѣ того, и къ „чисткѣ“ ихъ персонала. Но такая же „цензура“ принадлежала и обоимъ конвентскимъ комитетамъ, которые все чаще проявляли стремленіе изъять изъ рукъ Коммуны пополненіе революціонныхъ комитетовъ и добиваться большей зависимости послѣднихъ отъ центральной власти.

Однимъ изъ важныхъ для Робеспьера обстоятельствъ было то, что главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ секцій былъ Анріо, бывшій лакей. Въ началѣ мессидора, т.-е. за мѣсяцъ до переворота, онъ сдѣлалъ-было попытку занять всѣ караулы въ Парижѣ канонирами національной гвардіи, бывшими наиболѣе рьяными санкюлотами, но это ему не уда-

лось вслѣдствіе несогласія Фукье-Тенвиля, настоявшаго на томъ, чтобы охрана въ извѣстныхъ пунктахъ была оставлена за жандармами. Фукье-Тенвиль, котораго обвиняли въ сообщничествѣ съ Робеспьеромъ, скорѣе стоялъ въ связи съ обоими правительствующими комитетами Конвента и въ особенности съ Комитетомъ общей безопасности. Общее положеніе дѣлъ въ мессидорѣ стало принимать такой характеръ, что Робеспьеру пришлось все больше и больше отдаляться отъ Конвента и отъ Комитета общественнаго спасенія и все тѣснѣе связывать себя съ якобинскимъ клубомъ и съ Коммуной. Онъ сталъ даже избѣгать появляться въ Конвентѣ (главною ареною его публичныхъ выступленій сдѣлалось Общество якобинцевъ), продолжая, однако, дѣйствовать при помощи своего полицейскаго бюро и не переставая оказывать вліяніе на дѣятельность революціоннаго суда. Эти два учрежденія, бывшія вполнѣ ему преданными, дѣлали для него излишнимъ и частое посѣщеніе Комитета общественнаго спасенія, въ которомъ онъ тоже почти пересталъ появляться. Наоборотъ, связи Робеспьера съ Коммуною въ мессидорѣ все больше закрѣплялись. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ его приверженцевъ былъ „національный агентъ“ при Коммунѣ, Пайанъ. Однажды Робеспьеръ рѣшился выступить въ соединенномъ засѣданіи обоихъ правительствующихъ комитетовъ съ требованіемъ наказать его враговъ, — которые, конечно, были и врагами отечества, врагами республики, врагами революціи. Комитетъ общественнаго спасенія отнесся къ этому требованію холодно, Комитетъ общей безопасности — прямо враждебно и даже предупредилъ въ Конвентѣ монтаньяровъ о грозившей многимъ изъ нихъ опасности. „Гора“ всполошилась, тѣмъ болѣе, что у якобинцевъ Робеспьеръ продолжалъ говорить о разныхъ злодѣяхъ и негодяяхъ, съ которыми нужно расправиться. По рукамъ уже ходили разные проскрипціонные списки; самъ Кутонъ съ якобинской трибуны не отрицалъ ихъ существованія, оспаривая только слишкомъ большія цифры опальныхъ, о которыхъ говорили. Всѣ, кто только чувствовалъ себя угрожаемымъ, изъ простого чувства самосохраненія соединялись теперь противъ Робеспьера. Обѣ стороны готовились къ борьбѣ.

Въ концѣ мессидора Коммуна сдѣлала еще одну попытку укрѣпить свое вліяніе въ секціяхъ, которая, однако, такъ же не удалась, какъ и упомянутая попытка Анріо относительно карауловъ. Городской совѣтъ рѣшилъ собрать въ общее засѣданіе всѣхъ членовъ 48 революціонныхъ комитетовъ Парижа, но Комитетъ общественнаго спасенія представилъ Конвенту, что такое собраніе было бы противозаконно, и Кон-

вентъ съ нимъ согласился. Робеспьеръ въ это время уже совсѣмъ не ходилъ въ засѣданія Комитета, если не считать его появленій, когда тамъ никого уже не было, для приложенія своей подписи подъ разными документами, подъ которыми онъ считалъ нужнымъ подписывать свое имя. Полнаго разрыва съ Комитетомъ у него еще не было; онъ лишь избѣгалъ встрѣчаться съ товарищами, которые, съ своей стороны, все болѣе и болѣе отъ него отдалялись и довели свое къ нему недовѣріе до того, что замѣнили новыми замками старые въ шкапахъ и ящикахъ помѣщенія Комитета. Съ обѣихъ сторонъ въ отношеніяхъ господствовала настоящая дипломатія. Даже Комитетъ общей безопасности не думалъ, чтобы между Робеспьеромъ и его товарищами могъ произойти разрывъ, и немало опасался, что между ними установится полное согласіе, которое для Комитета общей безопасности, пожалуй, грозило бы гибелью.

Когда члены этого учрежденія впервые почуяли для себя опасность, они тотчасъ же стали искать союзниковъ въ Конвентѣ, несмотря на то, что тотъ до тѣхъ поръ нерѣдко держалъ себя по отношенію къ нему вызывающимъ образомъ. Оно наблюдало за поведеніемъ своего сомнительнаго союзника, Комитета общественнаго спасенія; агитировало среди монтаньяровъ, изъ коихъ очень многіе чувствовали себя подъ дамокловымъ мечомъ робеспьеровскихъ обвиненій; старалось завязать связи въ секціяхъ, добившись, между прочимъ, освобожденія членовъ революціоннаго комитета секціи Нераздѣльности. Въ первыхъ числахъ термидора Комитету общей безопасности удалось перетянуть на свою сторону Комитетъ общественнаго спасенія, въ которомъ тоже началась тревога, выразившаяся, между прочимъ, въ постановленіи, чтобы все оружіе, какое только имѣлось въ складахъ революціонныхъ комитетовъ, было доставлено въ Комитетъ общественнаго спасенія. Въ тотъ же день было общее собраніе обоихъ комитетовъ, въ которомъ состоялось постановленіе, чтобы парижскія секціи перестали сноситься съ кѣмъ-либо помимо обоихъ комитетовъ.

Робеспьеръ не могъ теперь не чувствовать, что противъ него начинается походъ; одно уже освобожденіе членовъ революціоннаго комитета секціи Нераздѣльности принято имъ было за опасный признакъ, тѣмъ болѣе, что его шпіоны доводили до его свѣдѣнія о слухахъ въ народѣ насчетъ близкаго паденія робеспьеровской партіи. Зато никогда поклоненіе Робеспьеру въ якобинскомъ клубѣ не достигало такой степени, какъ въ эти первые дни термидора. Но это поклоненіе уживалось съ настроеніемъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ

тому, на чемъ держалась вся внутренняя политика Робеспьера: въ клубѣ, въ народныхъ массахъ въ это время искренно желали покончить съ ужасами безпрерывныхъ казней. Это настроеніе, впрочемъ, не соотвѣтствовало и видамъ Комитета общественнаго спасенія, который даже хотѣлъ соперничать съ Робеспьеромъ въ дѣлѣ истребленія „внутреннихъ враговъ".

5-го термидора (23-го іюля) въ общемъ засѣданіи обоихъ комитетовъ обнаружилось такое раздѣленіе: на сторонѣ Робеспьера были Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, Леба и знаменитый художникъ Давидъ, всѣ остальные—противъ него. Засѣданіе было необычайно бурно, но въ концѣ концовъ состоялось-было соглашеніе между робеспьеристами и другою частью Комитета общественнаго спасенія, что опять встревожило второй комитетъ и монтаньяровъ въ Конвентѣ. Послѣдніе бросились теперь къ умѣреннымъ республиканцамъ Равнины, приглашая ихъ соединиться противъ „тирана". Въ самомъ Комитетѣ общественнаго спасенія, несмотря на примиреніе съ Робеспьеромъ, принимались рѣшенія, направленныя, въ сущности, противъ него. Борьба шла, прежде всего, за секціи. Если Анріо хотѣлъ-было занять разные пункты Парижа секціонными канонирами, то значительную ихъ часть Карно, членъ Комитета общественнаго спасенія, вѣдавшій военныя дѣла, послалъ съ частью парижской артиллеріи на границы защищать Францію отъ внѣшняго врага. Канонировъ называли янычарами Коммуны, которая разсчитывала, что ихъ примѣръ увлечетъ и другую часть секціонной милиціи. Значеніе мѣры Карно было хорошо понято Робеспьеромъ, и Кутонъ жаловался на нее въ якобинскомъ клубѣ, какъ на обидную для парижскаго населенія. Между тѣмъ якобинцы рѣшили послать въ Конвентъ депутацію, и на другой же день тамъ она была принята съ жалобами на притѣсненія, которымъ подвергаются патріоты, въ сущности же съ требованіемъ устраненія враговъ Робеспьера. Дѣло шло, повидимому, о повтореніи 31-го мая.

Собственно ни о какой „революціи", ни о какомъ переворотѣ самъ Робеспьеръ не думалъ, а думалъ только о нѣкоторой очисткѣ персонала, дабы сдѣлать Конвентъ вполнѣ послушнымъ Комитету, а Комитетъ—себѣ, сохраняя всѣ учрежденія на своихъ мѣстахъ, сохраняя и всю прежнюю систему управленія. Онъ предполагалъ, что дѣло будетъ сдѣлано безъ серьезнаго сопротивленія, совершенно гладко. А терроръ потомъ шелъ бы своимъ чередомъ, только болѣе упорядоченный, болѣе систематизированный.

Наступило 8-е термидора (26-е іюля). Въ Конвентѣ, гдѣ

членовъ собралось больше, чѣмъ обычные для того времени три десятка, Робеспьеръ произнесъ заранѣе тщательно приготовленную рѣчь, холодную, педантичную, въ каждой фразѣ которой были *я*, *я* и *я*. Это было сплошное обвиненіе, полное угрозъ, но безъ точныхъ указаній, противъ кого и противъ скольких лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ отвѣтъ на обвиненіе въ домогательствѣ диктатуры. Обвиненія имѣли совсѣмъ безличный характеръ; въ числѣ ихъ пунктовъ были указанія на удаленныхъ изъ Парижа пушкарей, на обезоруженіе гражданъ. Рѣчь была прослушана въ глубокомъ молчаніи. Когда Робеспьеръ возвратился съ трибуны на свое мѣсто, одинъ изъ его недруговъ предложилъ напечатать эту рѣчь безъ обычнаго предварительнаго просмотра обоими комитетами, и это предложеніе, разсчитанное на то, чтобы возбудить неудовольствіе комитетовъ, было принято, какъ принято и предложеніе Кутона разослать рѣчь по всѣмъ коммунамъ Франціи. Побѣда Робеспьера въ Конвентѣ казалась полной, но ненадолго. У него потребовали назвать имена обвиняемыхъ, но, когда онъ отказался это сдѣлать, настроеніе значительной части собранія измѣнилось, и рѣшеніе разослать рѣчь Робеспьера по всей Франціи было отмѣнено. Тѣмъ не менѣе Робеспьеръ ушелъ довольный, полагая, что если на Гору остается махнуть рукой, то съ большею частью Конвента онъ все-таки еще столкуется.

Мэръ Флеріо-Леско и начальникъ вооруженной силы Апріо принимали, съ согласія Комитета общественнаго спасенія, мѣры къ тому, чтобы имѣть наготовѣ вооруженныя силы секцій, но, несомнѣнно, у нихъ были свои планы, не совпадавшіе съ намѣреніями Робеспьера. Наиболѣе энергичные изъ монтаньяровъ, чувствовавшіе себя задѣтыми рѣчью Робеспьера, убѣждали главарей разныхъ партій Конвента напасть на „тріумвиратъ“ и сообща свалить тираннію Комитета общественнаго спасенія. Этотъ послѣдній занялъ выжидательное положеніе, — чья еще возьметъ, — безъ чего, быть-можетъ, тогда же была бы приведена въ исполненіе мысль одного члена Конвента объ арестѣ Апріо и Пайана; предложеніе объ этомъ уже дѣлалось въ Комитетѣ общей безопасности. Самое большее, на что рѣшились оба комитета, это было пригласить къ себѣ Флеріо-Леско и Пайана и задержать ихъ у себя всякими разговорами, дабы помѣшать ходу враждебныхъ Конвенту приготовленій.

Къ арестамъ думалъ кое-кто прибѣгнуть и на другой сторонѣ, но Робеспьеръ разсчитывалъ на обаяніе своего краснорѣчія, на то, что на другой день онъ силою своего слова

убѣдить Конвентъ. 9-го термидора трибуны стали наполняться публикой съ 5 часовъ утра. Настроеніе ея съ самаго начала было въ пользу Робеспьера, но многіе долго на своихъ мѣстахъ не оставались, а уходили, чтобы агитировать въ своихъ секціяхъ въ пользу Робеспьера и противъ „заговорщиковъ“. Въ 10 ч. у. члены Конвента въ большомъ количествѣ были уже на своихъ мѣстахъ. Публика встрѣтила Робеспьера рукоплесканіями, самъ же онъ, демонстрируя свой разрывъ съ монтаньярами, не сѣлъ на обычное свое мѣсто, а остался стоять около трибуны. Сначала шли текущія дѣла, потомъ началась бурная часть засѣданія. Уже Сенъ-Жюсту, первому начавшему говорить, мѣшали, а потомъ не давали говорить и самому Робеспьеру, когда онъ попросилъ слова. Крики: „долой тирана!“ то и дѣло раздавались со скамей монтаньяровъ. Теперь ораторы уже прямо осыпали Робеспьера обвиненіями, причемъ Конвентъ объявилъ непрерывность своего засѣданія. Когда дѣло приняло такой оборотъ, сторонники Робеспьера въ публикѣ начали покидать залу, а оставшіеся все больше и больше заражались рѣчами противниковъ „тирана“. До конца засѣданія Робеспьеру не давали говорить (прямо самъ предсѣдатель отказывалъ въ словѣ), и ему оставалось только въ безсильной злобѣ изрыгать ругательства и грозить кулакомъ. Это положеніе затравленнаго звѣря окончилось постановленіемъ объ его арестѣ, а съ нимъ и его брата, Сенъ-Жюста, Кутона и Леба. Арестъ произошелъ при полномъ молчаніи на мѣстахъ для публики. Конвентъ свалилъ Робеспьера при полномъ воздержаніи „народа“ отъ вмѣшательства въ это дѣло. Все произошло совершенно неожиданно.

Главные дѣятели Коммуны, конечно, не ожидали такого исхода послѣ относительнаго успѣха Робеспьера въ Конвентѣ наканунѣ и его, тогда же, тріумфа у якобинцевъ, особенно видя бездѣйствіе обоихъ комитетовъ. И Пайанъ, и Флеріо-Леско, и Анріо имѣли свой планъ—совершить захватъ власти, повторить 10 августа 1792 и 31 мая 1793 г. Анріо стоялъ во главѣ одной дивизіи регулярной арміи и секціонныхъ батальоновъ и послѣ полудня сталъ собирать вооруженныя силы на площади передъ зданіемъ городской думы (ратушей). Затѣмъ онъ распорядился закрыть всѣ заставы на границахъ города. Цѣлью всѣхъ своихъ приказовъ онъ объявилъ—уничтожить заговорщиковъ, угнетающихъ патріотовъ, и освободить Конвентъ отъ контръ-революціонеровъ. Вскорѣ послѣ полудня въ ратушу явился посланный изъ Конвента съ декретомъ, приглашавшимъ и мэра, и національнаго агента, и генерала прибыть въ Конвентъ для доклада народнымъ представителямъ

о положеніи дѣлъ въ Парижѣ. Они отказались—по предложенію Анріо, уже бывшаго не вполнѣ трезвымъ въ этотъ часъ. Между тѣмъ то, что происходило въ Конвентѣ, позволило Комитету общей безопасности начать аресты среди робеспьеристовъ. Въ 3 ч. былъ арестованъ Пайанъ, нѣкоторое время спустя Дюма, предсѣдатель революціоннаго суда. Это случилось даже раньше, чѣмъ арестованный Робеспьеръ былъ уведенъ изъ Конвента немного позже четырехъ часовъ. Около этого же времени раздался первый барабанный бой на улицахъ, указывавшій населенію, что происходитъ нѣчто чрезвычайное. Анріо, проявившему въ этотъ день большую энергію, удалось-было освободить Пайана, когда его вели въ тюрьму, но и самъ онъ скоро былъ арестованъ при попыткѣ освободить Робеспьера. Это было уже подъ вечеръ.

Обстоятельства складывались, однако, такъ, что Коммуна не могла не разсчитывать на побѣду. На Гревской площади, т.-е. передъ ратушей, собралась внушительная военная сила. Въ половинѣ шестого генеральный совѣтъ началъ свое засѣданіе, гдѣ было рѣшено пригласить всѣ установленныя власти немедленно же въ его присутствіи принести присягу на вѣрность народу, созвать общія собранія всѣхъ секцій для совѣщанія объ опасномъ положеніи отечества, установить правильныя, каждые два часа, сношенія съ нимъ секцій черезъ комиссаровъ секцій и пригласить также установленныя секціонныя власти явиться въ Коммуну для принесенія присяги въ томъ, что всѣ онѣ соединяются съ нею для спасенія отечества. Первою изъ нихъ явилась секція, на территоріи которой находилось зданіе засѣданій генеральнаго совѣта. Съ шести часовъ вечера уже раздавался набатный звонъ, поднявшій на ноги весь Парижъ, а къ одиннадцати часамъ ночи, когда все еще продолжали бить набатъ, на Гревской площади насчитывали уже около двадцати секціонныхъ отрядовъ пушкарей. Въ теченіе всего этого времени Коммуна распространяла по городу свои прокламаціи, именуя себя „революціонной“, приглашая народъ повиноваться только ей и грозя тѣмъ, которые не будутъ этого дѣлать, что съ ними будетъ поступлено, какъ съ врагами народа. Мало того, Коммуна выслала военный отрядъ, который силой освободилъ Анріо (въ 9 часу вечера), въ свою очередь освободившаго потомъ Робеспьера (около 11 ч. ночи). Послѣдняго привели въ Коммуну, а нѣсколько позднѣе Леба, Сенъ-Жюста и Кутона. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммуна учредила новое революціонное правительство подъ именемъ исполнительнаго комитета изъ двѣнадцати членовъ. Въ эти часы готовы были вѣрить въ пре-

данность секцій не только въ Коммунѣ, но и въ якобинскомъ клубѣ, который одобрилъ всѣ мѣропріятія Коммуны и съ своей стороны послалъ въ секціи агитаторовъ.

До 11 ч. ночи побѣда была на сторонѣ Коммуны. Конвентъ возобновилъ свое засѣданіе въ 7 ч. в. Сначала въ засѣданіи царила растерянность, но когда члены узнали, что Анріо былъ освобожденъ и сталъ угрожать Конвенту, что Робеспьеръ спасся въ Коммуну, то ихъ объявили „внѣ закона“ и послали нѣсколькихъ членовъ въ секціи для агитаціи. Въ 11 ч. ночи Конвентъ выпустилъ прокламацію, въ которой Коммуна обвинялась въ томъ же самомъ, въ чемъ сама обвиняла Конвентъ. Въ это же время оба комитета (спасенія и безопасности) въ соединенномъ засѣданіи издавали одинъ за другимъ декреты о томъ, чтобы секціонные комитеты оставались на своемъ посту, чтобы секціи извѣщали комитеты каждый часъ о происходящемъ, чтобы прокламація Конвента была обнародована въ каждой секціи, и чтобы сосѣднія секціи прислали свои батальоны и пушки для защиты Конвента. Послѣдствія показали, что эти мѣры имѣли полный успѣхъ.

Нѣкоторые историки думаютъ, что побѣду Конвенту доставили граждане, которые до того времени держались въ сторонѣ отъ политики, прячась отъ уличнаго шума, не рѣшаясь выходить на улицы, что въ ночь съ 9 на 10 термидора эти люди вышли изъ своихъ убѣжищъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда санкюлоты, сбитые съ толку противорѣчивыми прокламаціями Коммуны и Конвента, не знали, на чью сторону стать. Эти умѣренные въ центральныхъ секціяхъ успѣли-де выйти изъ своихъ убѣжищъ и повліять на свои секціи между 11 и 12 ч. ночи, причемъ это было лишь въ центральныхъ секціяхъ, на самомъ же дѣлѣ секціи высказались за Конвентъ гораздо раньше, да и не однѣ только центральныя. Если сначала только отдѣльныя лица изъ разныхъ секцій приходили въ Конвентъ съ заявленіями о своей преданности, тогда какъ сначала въ Коммуну приходили цѣлыя толпы, причина была въ томъ, что Конвентъ обратился за помощью къ населенію много позже, чѣмъ Коммуна. Правда, въ самихъ секціяхъ граждане становились на сторону Конвента еще до его обращенія къ населенію, но помощь Конвенту они могли доставить только въ общихъ собраніяхъ секцій. Когда послѣднія были собраны, въ нихъ и борьбы почти никакой не было: съ самаго же начала въ общихъ собраніяхъ царило единодушіе. Изъ того, что умѣренные воспользовались пораженіемъ Робеспьера и Коммуны, нельзя еще выводить, что и виновниками этого пораженія были умѣренные, повылѣзшіе изъ своихъ норъ въ ночь съ 9 на 10 термидора.

Случайное обстоятельство, гроза съ ливнемъ около 12 ч. ночи разогнала массу народа, толпившагося на Гревской площади, но какъ-разъ тогда же противники Коммуны усилили свою дѣятельность и перешли въ наступленіе. На площади настроеніе быстро пало. Чтеніе конвентской прокламаціи, — чему никто даже не воспрепятствовалъ,—произвело здѣсь сильное впечатлѣніе, а когда самъ Пайанъ съ насмѣшливой интонаціей сообщилъ декретъ, объявлявшій Коммуну внѣ закона, началось поголовное бѣгство. Стали уходить и канониры. Анріо, вышедшій въ это время изъ ратуши на площадь, увидѣлъ, что она почти опустѣла. Въ Конвентѣ, разумѣется, объ этомъ сейчасъ же узнали, и оттуда на Коммуну было сдѣлано нападеніе съ вооруженными отрядами, изъ которыхъ одинъ атаковалъ зданіе съ фронта, другой—съ тыла. Когда они пришли, часть стоявшихъ здѣсь пушкарей перешла на сторону Конвента. Было около половины третьяго часа ночи.

Я нарочно остановился на подробностяхъ переворота 9 термидора, чтобы указать на двѣ вещи. Во-первыхъ, событіе не было внезапнымъ, но подготовлялось оно не въ какомъ-либо народномъ движеніи, хотя бы и вызванномъ агитаторами извнѣ, а въ тогдашнихъ правящихъ кругахъ, гдѣ всѣ другъ друга подозрѣвали и ковали одни противъ другихъ свои козни. Это было старое соперничество Коммуны съ Конвентомъ, осложненное взаимнымъ недоброжелательствомъ Комитетовъ спасенія и безопасности и въ особенности глухою борьбою между отдѣльными дѣятелями, центральное мѣсто среди которыхъ занималъ Робеспьеръ, рѣшившійся предпринять нѣчто для укрѣпленія своей власти, но только подготовившій этимъ себѣ гибель. Во-вторыхъ, на парижское населеніе, на секціи все это свалилось, какъ снѣгъ на голову, неожиданно: первоначально граждане, ничего не понимая, не знали, что̀ такое дѣлается, за кѣмъ итти, хотя побѣда сначала какъ бы склонялась на сторону Робеспьера, а когда произошли экстренныя собранія секцій, въ нихъ не оказалось желанія его защищать. Наоборотъ, большинство было противъ „тирана“.

Распря между Робеспьеромъ и Комитетами безопасности и спасенія не имѣла принципіальной подкладки. Противники стояли, въ сущности, на одной и той же точкѣ зрѣнія; все дѣло заключалось въ борьбѣ за власть, и въ случаѣ побѣды противники Робеспьера продолжали бы дѣйствовать, какъ и онъ, если бы ничто другое не измѣнилось. Измѣненіе, однако, произошло въ общественномъ настроеніи. Въ парижскомъ населеніи началось движеніе противъ террора, которое было одинаково неблагопріятно для плановъ какъ самого Робеспьера,

такъ и его враговъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія. Правительственная программа враждующихъ сторонъ была одна и та же, т.-е. терроръ долженъ былъ бы продолжаться и послѣ побѣды надъ Робеспьеромъ, если бы все остальное оставалось по-старому. Къ распрѣ двухъ тріумвиратовъ (Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, съ одной стороны, и Бильо-Варенна, Колло-д'Эрбуа и Барера, съ другой) присоединился, правда, еще антагонизмъ Коммуны и Конвента, но и эти противники стояли на одной и той же точкѣ зрѣнія, т.-е. стояли за необходимость продолженія революціи въ прежнемъ направленіи. У нихъ не было поэтому разныхъ лозунговъ въ ихъ обращеніяхъ къ населенію 9 термидора. Коммуна хотѣла вырвать власть изъ рукъ Конвента вовсе не для какой-либо перемѣны внутренней политики, а просто только полагая, что въ ея рукахъ дѣло революціи пойдетъ лучше. Борьба велась за то, кто дальше будетъ продолжать терроръ—Робеспьеръ или Бильо-Вареннъ, Коммуна или Конвентъ, якобинскій клубъ или Комитетъ общественнаго спасенія, и обѣ стороны одинаково думали, что онѣ защищаютъ революцію и терроръ, обращались къ населенію на одномъ и томъ же языкѣ, съ одними и тѣми же лозунгами и осыпали одна другую одними и тѣми же обвиненіями въ измѣнѣ, въ противодѣйствіи революціи. Если что̀ явно раздѣляло обѣ стороны, такъ это было лишь имя Робеспьера, но это имя не заключало въ себѣ никакого принципа, и Парижъ не хотѣлъ начать возстаніе за лицо. Отсюда всѣ неожиданности 9-го термидора, которое само было тоже большою неожиданностью. Публика на трибунахъ Конвента, видимо, въ большинствѣ расположенная къ Робеспьеру, его покинула, какъ потомъ оставили Гревскую площадь и толпы народа, на которыя Коммуна полагалась, какъ на каменную гору.

Люди, желавшіе вырвать власть изъ рукъ Робеспьера, не предполагали разставаться съ терроромъ, и казни побѣжденныхъ, о чемъ еще будетъ рѣчь, были только повтореніемъ казней эбертистовъ и дантонистовъ. Тѣмъ не менѣе 9 термидора положило конецъ террору. Терроръ даже усиливался передъ 9 термидора, но исчезъ Робеспьеръ, сразу исчезъ и терроръ. Между тѣмъ остались Бильо, Бареръ, Колло, остались Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности, оставалась вся Гора, которой иногда приписывали усиленіе ярости революціи; ихъ даже укрѣпила побѣда, одержанная надъ общимъ врагомъ, но терроръ все-таки палъ. Главное—это протестъ противъ террора въ самомъ населеніи. Но если бы кто-либо сказалъ, что секціи, объединяясь 9 термидора вокругъ

Конвента, сознательно стремились къ прекращенію террора, то былъ бы глубоко неправъ. Вопросъ о терроръ не только не ставился передъ ними, но едва ли кому въ голову приходило, что, въ концѣ концовъ, получится именно такой результатъ. Такія событія, какъ 10 августа 1792 и 31 мая 1793 г., разыгрывались на тему измѣны, грозившей опасностью для отечества, а не на тему протеста противъ террора: Робеспьеръ выставлялся контръ-революціонеромъ, даже сторонникомъ роялистовъ. Интересно, что эта басня сознательно распространялась въ расчетѣ на легковѣріе толпы и имѣла успѣхъ. Колонна вооруженной силы секціи Санкюлотовъ (секціи самого Анріо) уже шла по его призыву, но ей помѣшали во̀-время прійти, занявъ ее выдумкою о роялистическомъ заговорѣ Робеспьера. Говорили, будто бы Робеспьеръ хотѣлъ сдѣлать королемъ маленькаго Капета (дофина), и въ доказательство этого прибавляли, что у него нашли печать и пистолеты съ династическими эмблемами. Хотѣли даже увѣрить, будто Коммуна сдѣлала всѣ приготовленія къ тому, чтобы освободить изъ заключенія будущаго Людовика XVII. Не исключена и такая возможность, что нѣкоторые сочувствовавшіе и содѣйствовавшіе побѣдѣ Конвента искренно думали, что революціонный режимъ останется въ прежней силѣ. 16 термидора революціонный комитетъ Тюилерійской секціи писалъ Комитету общей безопасности: „Мы сообщаемъ вамъ, граждане представители, что аристократія хочетъ извлечь для себя выгоды изъ славной революціи съ 9 на 10 термидора. Вчера въ общемъ собраніи секціи люди, думающіе, что вмѣстѣ съ тираномъ окончилось и революціонное правительство, осмѣлились предложить освобожденіе всѣхъ заключенныхъ аристократовъ нашей секціи". Писавшіе это были другого мнѣнія и видѣли въ революціонномъ правительствѣ попрежнему „палладіумъ свободы".

Побѣдители 9 термидора расправились съ побѣжденными по старому методу, и на другой же день эти побѣжденные были казнены.

Робеспьеръ, сначала арестованный, потомъ освобожденный своими сторонниками и снова арестованный, казненъ былъ полуживой. Послѣ вторичнаго ареста какой-то жандармъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и раздробилъ ему челюсть. Его братъ или выскочилъ изъ окна второго этажа на площадь, или просто сорвался съ карниза, вылѣзая, чтобы какъ-нибудь спуститься, и сломалъ себѣ ноги. Леба самъ застрѣлился. Революціонный судъ, которому были преданы арестованные, расправился съ ними очень быстро. Десятаго термидора пали подъ топоромъ гильотины головы обоихъ Робеспьеровъ, Ку-

тона, Сенъ-Жюста и другихъ, въ общей сложности двадцати одного человѣка. На пути слѣдованія ихъ къ мѣсту казни толпы народа осыпàли ихъ насмѣшками и бранью. Больше всего доставалось „тирану“, котораго иронически называли королемъ и величествомъ. Казни продолжались и въ слѣдующіе дни. 11 числа было казнено еще семьдесятъ человѣкъ, членовъ Коммуны, которые были Конвентомъ объявлены „внѣ закона“,—формула, вообще бывшая въ ходу во время террора и обозначавшая, что съ человѣкомъ, объявленнымъ „внѣ закона“, всякій воленъ дѣлать, что угодно. Въ слѣдующій день предано было казни двѣнадцать присяжныхъ революціоннаго суда. Всего въ эти три дня было казнено сто три человѣка, но и послѣ этого были еще случаи казней. 18 термидора сложилъ голову товарищъ предсѣдателя революціоннаго суда Коффингаль, который въ свое время не хотѣлъ дать отсрочки казненному химику Лавуазье, просившему позволить ему окончить одно научное изслѣдованіе. 9 термидора, въ негодованіи на пьянаго Анріо, онъ выбросилъ его въ окно, и тотъ былъ потомъ подобранъ и казненъ въ первую же очередь. 22 термидора послѣдовало еще 11 казней. На этомъ дѣло не окончилось, и единичныя казни происходили и позднѣе. Напримѣръ, въ декабрѣ 1794 года былъ обезглавленъ нантскій палачъ Каррье, который 9 термидора примкнулъ-было къ побѣдителямъ и даже провожалъ Робеспьера, когда его везли на казнь, всякими оскорбленіями. Еще позднѣе (уже въ 1795 году) былъ гильотинированъ и свирѣпый Фукье-Тенвиль. И тѣмъ не менѣе событіе 9 термидора положило конецъ эпохѣ террора, послѣ чего и вообще революція пошла на убыль.

Коалиція группъ, свергшихъ Робеспьера, получила названіе термидоріанцевъ по мѣсяцу, когда произошло это событіе, и сама реакція, которая теперь началась, стала называться въ исторіи термидоріанскою. Термидоріанцы представляли собою очень смѣшанную компанію отъ самыхъ умѣренныхъ членовъ Равнины до наиболѣе крайнихъ монтаньяровъ. Въ ознаменованіе этого событія они въ слѣдующемъ году установили даже особый праздникъ 9-го термидора, который справлялся потомъ до VII года республики. Многіе термидоріанскіе вожди, однако, не сразу перешли на сторону реакціи.

Мы уже знаемъ имена главныхъ противниковъ Робеспьера, составившихъ противъ него заговоръ. Это были Билльо-Варениъ, Колло-д'Эрбуа, Барэръ, составлявшіе свой тріумвиратъ. Каково же было ихъ прошлое?

Первый до революціи былъ преподавателемъ средней школы

въ провинціи, потомъ сдѣлался адвокатомъ въ Парижѣ и депутатомъ отъ этого города въ Конвентѣ. Сблизившись съ Робеспьеромъ, Маратомъ и Дантономъ, онъ проявилъ крайнюю революціонность: голосовалъ за казнь короля безъ апелляціи къ народу и безъ отсрочки, а также противъ того, чтобы королю позволили имѣть на судѣ защитника, былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ эмигрантовъ и жирондистовъ, требовалъ казни не только Маріи-Антуанеты, но и ея сына, „маленькаго Капета“ (умершаго потомъ, какъ извѣстно, въ своемъ заключеніи, въ Тамплѣ, десятилѣтнимъ ребенкомъ, отданный на попеченіе башмачника Симона), и въ качествѣ конвентскаго комиссара каралъ безпощадно генераловъ и поставщиковъ въ армію. Несмотря на такое прошлое, одна только былая близость его къ Робеспьеру обошлась ему ссылкою въ Кайенну, къ чему его приговорилъ революціонный судъ. Умеръ онъ въ Америкѣ.

Ссылка постигла и Колло-д'Эрбуа. Когда-то провинціальный актеръ и неудачный драматическій писатель, онъ, какъ и Бильо-Вареннъ, сдѣлался ревностнымъ якобинцемъ, членомъ Конвента, конвентскимъ комиссаромъ, членомъ Комитета общественнаго спасенія, а потомъ былъ сосланъ, несмотря на то, что предсѣдательствовалъ въ засѣданіи 9-го термидора и приказалъ арестовать Робеспьера. Не спасло его и увѣреніе передъ судомъ, что онъ не подписалъ ни одного приказа объ арестѣ, но много подписывалъ приказовъ объ освобожденіи изъ заключенія. Онъ тоже скончался внѣ Франціи.

Третій врагъ Робеспьера, адвокатъ Бареръ, былъ раньше членомъ Учредительнаго Собранія и издавалъ тогда газету „Разсвѣтъ“. Будучи членомъ Конвента, онъ сначала проявлялъ политическую умѣренность, былъ на сторонѣ жирондистовъ и противъ Робеспьера и Коммуны. Въ качествѣ предсѣдателя Конвента онъ руководилъ допросомъ и преніями въ процессѣ Людовика XVI и самъ голосовалъ за его казнь. Человѣкъ безъ нравственныхъ правилъ и безъ политическихъ убѣжденій, онъ потомъ одобрялъ казнь жирондистовъ, эбертистовъ и дантонистовъ, какъ одобрилъ казнь и Филиппа Эгалите, у котораго раньше искалъ покровительства, но зато сдѣлался однимъ изъ самыхъ льстивыхъ поклонниковъ Робеспьера. Будучи по натурѣ себялюбцемъ и трусомъ, Бареръ въ самомъ террорѣ принималъ участіе, чтобы самому уцѣлѣть въ общей свалкѣ. Онъ такъ неумѣренно восхвалялъ терроръ, что его прозвали „Анакреономъ гильотины“. Злые языки говорили, будто 9-го термидора у него про запасъ были заготовлены въ рукописи двѣ рѣчи—за и противъ Робеспьера.

Вмѣстѣ съ двумя своими товарищами онъ былъ тоже приговоренъ къ ссылкѣ, но ему удалось бѣжать, и впослѣдствіи онъ служилъ Наполеону, послѣ же реставраціи Бурбоновъ вымаливалъ у нихъ прощеніе, но, какъ „цареубійца", вмѣстѣ съ другими подававшими голосъ за казнь короля былъ изгнанъ изъ Франціи. Умеръ онъ, однако, во Франціи, уже послѣ революціи 1830 года.

Такимъ образомъ главные термидоріанскіе заговорщики не пожали плодовъ своей побѣды, — одинъ изъ признаковъ надвинувшейся на Францію реакціи.

Счастливѣе былъ Жанъ-Ламберъ Талліенъ. Сынъ дворецкаго, но получившій образованіе, онъ, имѣя только двадцать одинъ годъ отъ роду, сталъ играть роль въ революціи, между прочимъ, расклеивая на улицахъ плакаты, и самъ основавъ газету „Другъ Гражданъ". 10-го августа 1792 года онъ сдѣлался секретаремъ Коммуны, потомъ членомъ Конвента, въ которомъ голосовалъ противъ позволенія Людовику XVI имѣть защитника и за его казнь, какъ потомъ требовалъ и казни жирондистовъ. Въ роли конвентскаго комиссара онъ учинилъ жестокую расправу въ городѣ Бордо, гдѣ, однако, освободилъ одну „аристократку", на которой женился. Это сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ Робеспьера, и Талліенъ былъ отозванъ обратно въ Парижъ. Отсюда ведетъ начало его ненависть къ диктатору. 9-го термидора онъ въ Конвентѣ не далъ говорить Сенъ-Жюсту и даже произнесъ обвинительную рѣчь противъ Робеспьера, сказавъ, что самъ заколетъ его кинжаломъ, если Конвентъ его не осудитъ. Онъ же, въ качествѣ члена Комитета общественнаго спасенія, потребовалъ преданія суду Фукье-Тенвиля и Каррье и уничтоженія революціонныхъ комитетовъ. На его жизнь въ сентябрѣ 1794 года было совершено покушеніе, приписанное якобинцамъ. Въ роли конвентскаго комиссара въ Бретани, онъ потомъ жестоко подавилъ тамъ попытку роялистическаго возстанія. Жена Талліена, урожденная Тереза Кабаррюсъ, получила кличку „Термидорской богоматери", или еще „Сентябрьской", съ намекомъ на роль ея мужа въ сентябрьскихъ убійствахъ. Въ наступившую эпоху она открыла свѣтскій салонъ, гдѣ собирались модные франты и франтихи въ богатыхъ костюмахъ по новому образцу, женщины въ родѣ греческихъ туникъ, въ сандаліяхъ и въ кольцахъ съ драгоцѣнными камнями на пальцахъ ногъ. Въ ея салонѣ, между прочимъ, появлялась госпожа Богарнэ, будущая императрица Жозефина. Все это уже было совсѣмъ не въ духѣ демократической революціи.

Талліенъ былъ настоящимъ вождемъ термидоріанцевъ, которые на первыхъ порахъ все-таки еще какъ бы продолжали революцію. Недаромъ вмѣстѣ съ остатками якобинцевъ они привѣтствовали перенесеніе праха Марата въ Пантеонъ. Съ Талліеномъ рука объ руку шелъ Фреронъ, когда-то другъ Дантона и Демулена, теперь 10-го термидора вмѣстѣ съ Бурдономъ разогнавшій Коммуну, вскорѣ возобновившій свою газету 1790 года „Народный Ораторъ“, гдѣ уже проповѣдывалъ противъ террористовъ, и сдѣлавшійся вождемъ „раззолоченной молодежи“. Но и онъ еще на первыхъ порахъ готовъ былъ клясться памятью „друга народа“. Сначала все казалось направленнымъ только лично противъ Робеспьера, о которомъ вышла въ это время масса враждебныхъ его памяти брошюръ, съ теченіемъ времени принимавшихъ все больше анти-якобинскій характеръ.

Реакція была во всемъ. Комитетъ общественнаго спасенія былъ оставленъ, но власть его была ограничена, и въ него вошли новые люди, какъ и въ Комитетъ безопасности, и въ революціонный судъ съ возстановленіемъ для подсудимыхъ гарантій правосудія. Черезъ четыре недѣли послѣ переворота (7-го фрюктидора) были уничтожены прежніе революціонные комитеты секцій и замѣнены новыми, по одному на каждыя четыре секціи, а полицейскія функціи были отданы совсѣмъ новому учрежденію, „возрожденной полиціи“ съ болѣе бюрократическимъ характеромъ. Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября былъ закрытъ клубъ якобинцевъ подъ предлогомъ поддержанія порядка, а вскорѣ (8-го декабря) были возвращены въ Конвентъ 73 жирондиста, бывшіе исключенными изъ него за протестъ противъ „31-го мая“, въ мартѣ же еще 22 жирондиста, которые были прежде объявлены „внѣ закона“ (между ними Изнаръ и Ланжюине). Даже декреты объ изгнаніи дворянъ и неприсяжныхъ священниковъ были взяты назадъ. Въ началѣ 1795 года было постановлено вынести бюстъ Марата изъ залы засѣданій Конвента.

ГЛАВА XXI.

Время термидоріанской реакціи.

Послѣ девятаго термидора Національный Конвентъ засѣдалъ еще цѣлый годъ и три мѣсяца, пока не разошелся (26-го октября 1795 года), выработавъ для Франціи новую республиканскую конституцію.

Въ эти пятнадцать мѣсяцевъ Конвенту еще пришлось выдержать борьбу съ парижскими секціями, два раза весною

1795 года и одинъ разъ осенью того же года. Первыя два народныя нападенія на Конвентъ были совершены 12-го жерминаля (1-го апрѣля) и 1-го преріаля (20-го мая), послѣднее — 13-го вандемьера (5-го октября). Изъ всѣхъ этихъ столкновеній Конвентъ выходилъ побѣдителемъ, но смыслъ ихъ былъ далеко не одинаковъ. Жерминальское и преріальское возстанія были произведены подъ руководствомъ монтаньяровъ и вызвали новыя репрессивныя мѣры противъ якобинизма. Вандемьерское выступленіе секцій было, наоборотъ, объявлено роялистическимъ и контръ-революціоннымъ и вызвало нѣкоторое полѣвѣніе Конвента, всего за три недѣли до окончанія его работъ.

Патріотическая тревога французовъ къ серединѣ 1794 года улеглась. Уже во второй половинѣ 1793 г. началось улучшеніе арміи. Членъ Комитета общественнаго спасенія Лазарь Карно, якобинецъ, голосовавшій за казнь Людовика XVI, взялъ на себя завѣдываніе военной организаціей Франціи. Это былъ человѣкъ необычайно работоспособный, занимавшійся дѣлами по 18—20 часовъ въ сутки. Онъ получилъ прозвище „организатора побѣды", но оказался таковымъ только потому, что сумѣлъ сдѣлаться организаторомъ дисциплины. Ему помогали въ его работѣ конвентскіе комиссары при арміяхъ. Карно приписывали снаряженіе четырнадцати армій, но здѣсь было большое преувеличеніе, и если французы побѣждали, то не нужно забывать, что въ эти же годы происходили два послѣднихъ раздѣла Польши, которые держали значительныя военныя силы Австріи и Пруссіи на востокѣ. Это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ громадныхъ заслугъ Карно передъ отечествомъ и его права на почетный титулъ „организатора побѣды". Послѣ 9-го термидора друзьямъ Карно стоило немалаго труда спасти его для продолженія блестяще начатаго дѣла. Особенно сильное впечатлѣніе во Франціи произвела побѣда, одержанная республиканской арміей 26-го іюня 1794 г. при Флерюсѣ въ Бельгіи. Территорія Франціи уже была очищена тогда отъ непріятеля, и республиканскія войска перешли въ наступленіе. Это обстоятельство тоже въ значительной мѣрѣ содѣйствовало паденію террора, который въ глазахъ многихъ оправдывался тѣмъ, что отечество было въ опасности и нужны были чрезвычайныя мѣры для его спасенія.

Но зато продолжала дѣйствовать другая причина тревогъ, волненій и безпорядковъ. Это было продолженіе начавшейся раньше продовольственной нужды и дороговизны съѣстныхъ и другихъ припасовъ, какъ-разъ и дѣйствовавшихъ въ вызовѣ

жерминальскаго и преріальскаго возстаній. Въ числѣ казненныхъ въ 1794 году были такіе, которыхъ обвиняли въ томъ, что они заставляли народъ голодать.

Населеніе Парижа, особенно бѣдные его классы, переживало очень трудное время. Хлѣбъ, мясо и другіе припасы выдавались по карточкамъ, притомъ въ минимальномъ количествѣ на каждый ротъ, да и то приходилось стоять въ очередяхъ („хвостахъ") передъ булочными, мясными и другими лавками. Одно время почти во всей Франціи не было мыла. Дороговизнѣ помогало паденіе курса бумажныхъ денегъ, знаменитыхъ ассигнатовъ. Въ 1790 году ихъ выпустили на 400 милліоновъ ливровъ, а потомъ выпускали еще каждый годъ. До конца Конвента ихъ было нафабриковано на 45½ милліардовъ, тогда какъ всѣ національныя имущества, которыми ассигнаты обезпечивались, были оцѣнены только въ 10 милліардовъ. Цѣнность ихъ падала до смѣшного.

Законъ 1793 года о максимумѣ, котораго такъ добивались народныя массы, не оправдывалъ возлагавшихся на него надеждъ. Еще до паденія Робеспьера самъ Комитетъ общественнаго спасенія началъ дѣлать изъятія и послабленія, паденіе якобинской диктатуры и конецъ террора явились естественною предпосылкою къ отмѣнѣ этого закона. Положеніе рабочихъ имъ положительно было ухудшено, и они безъ тѣни протеста смотрѣли на казнь Робеспьера. Отмѣна максимума въ декабрѣ 1794 года, однако, тоже не спасала ихъ отъ голода, такъ что они стали ждать, кто бы ихъ избавилъ отъ новыхъ владыкъ, низвергшихъ Робеспьера и сѣвшихъ на его мѣсто. И послѣ всего этого, конечно, продолжали дѣйствовать причины, расшатывавшія устои экономической жизни, между прочимъ, война. Безработица въ 1795 году была ничуть не меньшею, чѣмъ въ 1793 — 1794 гг. Современники находили, что сначала максимумъ, потомъ реквизиціи, а наконецъ и обезцѣненіе бумажныхъ денегъ разорили промышленность и ввергли рабочихъ въ крайнюю нищету, но, въ сущности, эти три причины дѣйствовали одновременно. Если и послѣ отмѣны максимума сырье продолжало „прятаться", причина этого заключалась въ недовѣріи къ бумажнымъ деньгамъ. Въ то время часть внутренняго рынка Франціи даже прямо перешла въ руки иностранцевъ—при помощи контрабанды, которая необычайно развилась въ послѣдніе годы XVIII вѣка. Французскіе промышленники въ началѣ революціонныхъ войнъ потеряли внѣшній рынокъ, теперь значительно сократился и рынокъ внутренній. Положеніе рабочихъ было поэтому весьма печальнымъ; многіе изъ нихъ, обла-

давшіе техническими знаніями и навыками, эмигрировали за границу. Но выселяться, разумѣется, могло лишь самое незначительное меньшинство, подавляющее же большинство оставалось бѣдствовать на родинѣ; рабочіе шли работать за какую угодно плату; случаи самоубійствъ въ ихъ средѣ сдѣлались болѣе частыми. Предприниматели пользовались этимъ, чтобы понижать заработную плату и даже чтобы увеличивать рабочій день. Рабочіе роптали на правительство, приписывая ему всѣ свои бѣдствія, но всѣ ихъ попытки собираться большими массами въ самомъ же началѣ пресѣкались полиціей. Финансовый кризисъ, переживавшійся тогда Франціей, рабочіе были склонны объяснять казнокрадствомъ властей и впослѣдствіи уже поговаривали, что нужно „военное правительство“.

Вотъ на этой-то экономической почвѣ и разыгрались бурныя выступленія массъ весною 1795 года противъ Конвента.

Объ участіи секцій въ возстаніяхъ 12-го жерминаля и 1-го преріаля мы знаемъ очень мало, но что нѣкоторыя секціи, какъ таковыя, принимали въ движеніи участіе, это не подлежитъ сомнѣнію. Это были отчаянныя вспышки изголодавшагося народа, требовавшаго себѣ хлѣба; конечно, движеніе исходило изъ тѣхъ секцій, гдѣ жило наиболѣе бѣдное населеніе, т.-е. изъ рабочихъ кварталовъ, политическимъ же лозунгомъ инсургентовъ была конституція 1793 г., принятая въ свое время народомъ, но оставшаяся по волѣ Конвента простымъ клочкомъ бумаги. У жерминальскаго движенія, повидимому, не было даже общей организаціи. Только одна депутація въ Конвентъ заявила о себѣ, что ее послали тринадцать секцій, другія же депутаціи приходили только отъ своихъ секцій. Съ другой стороны, въ эти тревожные дни нѣкоторыя изъ нихъ просили Конвентъ оставаться у власти, пока онъ не дастъ Франціи новую конституцію. Общей организаціи не было и въ преріальскомъ возстаніи. Правда, нѣсколько раньше секція Монтрейль по бывшимъ уже примѣрамъ приглашала другія секціи выбрать комиссаровъ для совмѣстнаго обсужденія вопроса о хлѣбѣ, но до организаціи общаго выступленія дѣло не дошло, и тѣ секціи, изъ которыхъ вышло наибольшее количество нападавшихъ на Конвентъ, не были объединены въ своихъ дѣйствіяхъ какимъ-либо общимъ планомъ. Это были секціи съ наиболѣе бѣднымъ населеніемъ. Какъ жерминальское, такъ и преріальское движенія были подавлены военною силою, но Конвенту пришлось переживать очень тяжелыя минуты. Результатомъ разгром... рабочихъ было усиленіе реакціи.

Вотъ нѣкоторыя подробности обоихъ выступленій.

Крики: „хлѣба!“ уже давно раздавались въ рабочихъ кварталахъ. Толпы народа 12-го жерминаля стали стекаться къ Конвенту, гдѣ въ этотъ день докладывалъ Буасси-д'Англа, уполномоченный по продовольственному дѣлу. Когда онъ въ своей рѣчи произнесъ слова: „мы возстановили свободу“, раздались съ трибунъ крики: „хлѣба!“. Члены Конвента поднялись со своихъ мѣстъ съ возгласами: „да здравствуетъ республика!“. Депутаты стали успокаивать толпу, въ которой было много женщинъ, кричавшихъ: „хлѣба и конституціи 1793 года!“. На помощь Конвенту явилась вооруженная сила, много буржуазной молодежи съ однѣми палками, и мятежъ былъ подавленъ. Онъ далъ Конвенту поводъ казнить еще нѣсколько монтаньяровъ, реорганизовать національную гвардію и обезоружить предмѣстья.

Происшествіе 1-го преріаля было болѣе серьезнымъ. На сей разъ Конвентъ былъ предупрежденъ и почти наканунѣ отмѣнилъ декретъ, запрещавшій линейнымъ войскамъ приближаться къ Парижу болѣе, чѣмъ на десять миль. Приготовлена была кавалерія, да и буржуазная молодежь собиралась прійти не только съ палками. Натискъ былъ, впрочемъ, произведенъ такъ быстро, что Конвентъ чуть-было не потерпѣлъ полное пораженіе. Звуки набата стали раздаваться съ 5 часовъ утра, въ 10 утра зданіе было окружено, передъ полуднемъ толпа была въ залѣ засѣданій, и члены Конвента могли уже думать, что насталъ ихъ послѣдній часъ. Военная помощь долго не являлась. Депутатъ Феро, сдѣлавшій попытку не пускать въ залу, былъ смятъ толпой, поваленъ на полъ, растоптанъ деревянными башмаками (сабо), вытащенъ на дворъ и прикончен одним продавцомъ вина, который отсѣкъ ему голову и бросилъ ее въ толпу; та подхватила голову Феро, наткнула на пику и внесла въ залу. У толпы въ Конвентѣ оказались единомышленники въ лицѣ крайнихъ монтаньяровъ. Съ ними вмѣстѣ мятежники, усѣвшись на депутатскихъ мѣстахъ, декретировали возстановленіе старыхъ революціонныхъ мѣръ. Къ ночи многіе ушли, а оставшихся разогнала національная гвардія. „Послѣдніе монтаньяры“, засѣдавшіе съ инсургентами, были преданы потомъ военному суду и многіе разстрѣляны.

Въ Парижъ были введены большіе военные отряды, и были произведены тысячи арестовъ. Солдатамъ пришлось брать предмѣстья, прежде всего знаменитый Сентъ-Антуанъ, и обезоруживать, у кого было оружіе. Въ тюрьмахъ очутилось около 5 тысячъ якобинцевъ, 62 депутата было предано

суду, шестеро казнены. Главарями расправы были Талліенъ, Фреронъ и Баррасъ, съ которымъ мы еще познакомимся. Хотѣли даже привлечь къ отвѣтственности Карно, но его спасъ крикъ: „Карно?! Но вѣдь это организаторъ побѣды!“

Преріальская реакція коснулась и самихъ секцій. Конвентъ самъ къ нимъ обратился съ предложеніемъ обезоружить бунтовщиковъ и очистить свой составъ отъ ненадежныхъ элементовъ, отъ „убійцъ, кровопійцъ, воровъ и агентовъ тиранніи, предшествовавшей девятому термидора“, какъ выражались протоколы секціонныхъ собраній въ эти дни. Это дѣло потребовало нѣсколько дней усиленной работы въ секціяхъ. Секціи съ своей стороны обращались къ Конвенту съ адресами, очень характерными для болѣе спокойныхъ и мирныхъ гражданъ въ 1795 году.

Приведемъ въ отрывкахъ два изъ нихъ, потому что въ нихъ выразились взгляды на недавнее прошлое и настоящее тѣхъ гражданъ, которые теперь стали господствовать въ секціяхъ.

„Начиная съ 9 термидора,—читаемъ мы въ адресѣ секціи Гренель, — Національный Конвентъ постоянно шелъ между пропастями. Всегда окруженный мятежниками, главные вожди коихъ находились среди его членовъ, слишкомъ медлительный по отношенію къ мѣрамъ строгости, которыя должны были быть противъ нихъ приняты, слишкомъ снисходительный къ этимъ злодѣямъ, онъ вынужденъ былъ видѣть, какъ безпрестанно возрождалась эта страшная гидра, головы которой недостаточно поражала палица Геркулеса, находящаяся въ его рукахъ. Законодатели, мы слагаемъ оружіе, коимъ мы поражали вашихъ и нашихъ враговъ. Мы исполняемъ спасительный декретъ, предписывающій обезоруженіе или арестъ всѣхъ участвовавшихъ въ ужасахъ, какіе только были совершены до 9 термидора. Но это только полумѣры. Бросьте, наконецъ, эту варварскую медлительность, жертвами которой чуть-было мы не сдѣлались всѣ. Разите, разите сильно и особенно разите быстро, время не терпитъ, и если еще среди васъ есть сторонники послѣдняго бунта, пусть они будутъ изъяты изъ лона этого священнаго собранія и арестованы со своими сообщниками: это — единственное очищеніе, достойное и французскаго народа, вами представляемаго“. Другая секція, Арси, приняла адресъ Конвенту, составленный въ такихъ выраженіяхъ: „Собраніе нашей секціи пользуется своимъ созывомъ, чтобы выразить Національному Конвенту свои чувства скорби и негодованія по поводу ужаснаго преступленія, совершеннаго противъ національнаго суверенитета

и по отношенію къ несчастному представителю народа Феро. Всѣ граждане, составляющіе собраніе, единогласно принимая этотъ адресъ, повторяютъ клятву всѣми своими силами защищать священныя права французскаго народа и національнаго представительства". Весьма возможно, что и другія секціи принимали подобные же адресы, какъ то было въ обычаѣ времени, но секціи не ограничивались только такими словесными заявленіями, а и на дѣлѣ доказывали свою преданность Конвенту въ преслѣдованіи побѣжденныхъ.

Секціи дѣятельно занялись чисткой своего состава, исключая изъ своей среды, обезоруживая и отправляя въ тюрьмы участниковъ всѣхъ возмущеній, бывшихъ прежде, и людей, ихъ восхвалявшихъ. Тутъ вспоминались и указывались участники убійствъ 17-го іюля 1791 года при входѣ въ комитетъ секціи Инвалидовъ, сентябрьскіе убійцы 1792 года, инсургенты 31 мая—2 іюня 1793 года, агенты тиранніи Робеспьера, а болѣе всего преріальскіе мятежники. На нихъ въ собраніяхъ секцій принимались доносы, они сами допрашивались, приводились возмутительныя рѣчи нѣкоторыхъ, служившія основаніями для привлеченія къ дознаніямъ. Въ секціи Гренель арестовали какого-то субъекта за то, что онъ говорилъ такъ: „для спасенія республики нужно постоянное дѣйствіе гильотины, рѣзать по десяти тысячъ головъ въ день для игры ими въ мячъ и еще раза два-три повторить что-нибудь подобное 2 сентября". Тутъ же было рѣшено арестовать лицо, сказавшее въ общемъ собраніи, что „дни 31 мая и 1—2 іюня были самыми прекрасными въ революціи", и высказавшее однажды еще ту мысль, что „всякій священникъ и каждый дворянинъ достойны смерти". Еще недавно для полученія „цертификата цивизма", своего рода свидѣтельства о благонадежности, нужно было указывать на свое положительное отношеніе къ событіямъ, сочувствіе къ которымъ влекло теперь за собою заключеніе въ тюрьму. Исключаемыхъ и арестуемыхъ приравнивали къ извергамъ, и обычною формулою было: „террористы, анархисты и кровопійцы". Тѣхъ, кого брали подъ стражу, сейчасъ же посылали въ Комитетъ общественной безопасности. Особенно было много взято людей, дурно отзывавшихся о Конвентѣ. Одинъ гражданинъ дрожалъ отъ ярости, когда кричали: „да здравствуетъ Конвентъ!". Другого обвиняли въ томъ, что онъ назвалъ 700 депутатовъ злодѣями, которыхъ слѣдовало бы объявить внѣ закона, и т. п.

Эта общественная реакція, очень ярко проявившаяся въ первые дни преріаля, не исключала, впрочемъ, и оправдательныхъ приговоровъ секцій, а главное—призывовъ къ пре-

кращенію гражданской войны. Напримѣръ, секція Мельничнаго Холма приняла адресъ къ остальнымъ 47 секціямъ съ приглашеніемъ ко всѣмъ гражданамъ „даровать миръ и братство заблудшимъ и объявить вѣчную войну ворамъ, инквизиторамъ, убійцамъ, гарантировать свободу мнѣній и культовъ и взять на себя защиту собственности и личности“. „Снисходительность къ заблудшимъ гражданамъ“, эта тема встрѣчается въ заявленіяхъ секцій и въ дальнѣйшемъ.

31 мая 1793 г. секціи были противъ Конвента, 9 термидора и послѣ 1 преріаля онѣ были съ нимъ солидарны, но менѣе, нежели черезъ полгода, между Конвентомъ и секціями возникла распря, разрѣшившаяся только силою оружія. Дѣло идетъ о движеніи 13 вандемьера (5 октября 1795 г.), перешедшемъ въ исторію съ отмѣткою, что это былъ роялистическій заговоръ, отъ котораго республику спасла энергія Конвента.

Передъ тѣмъ, какъ разойтись, Конвентъ выработалъ для Франціи новую конституцію, которая подъ именемъ конституціи III года (или директоріальной, какъ ее тоже иногда называютъ) дѣйствовала до насильственнаго низверженія ея генераломъ Бонапартомъ въ 1799 г. Вводя новую конституцію,—которая, впрочемъ, должна была получить и народное утвержденіе въ первичныхъ собраніяхъ, — члены Конвента вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли навязать себя странѣ, какъ членовъ и будущаго законодательнаго корпуса изъ 750 депутатовъ, раздѣлявшагося на Совѣтъ Пятисотъ и Совѣтъ Старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи Конвентъ поступилъ совершенно противоположно Учредительному Собранію, которое, расходясь, сдѣлало постановленіе, чтобы никто изъ его участниковъ не могъ быть выбранъ въ законодательное собраніе, установленное конституціей 1791 г., тогда какъ Конвентъ декретами 5 и 13 фрюктидора обязывалъ націю переизбрать его членовъ въ количествѣ двухъ третей будущаго законодательнаго корпуса въ обѣ новыя палаты, прибавивъ къ этому указаніе, какъ быть, если бы выборы не дали требуемаго числа, т.-е. 500 депутатовъ: именно, тѣ изъ членовъ Конвента, которые были бы переизбраны, уже сами дополнили бы путемъ кооптаціи изъ неизбранныхъ товарищей своихъ требуемую цифру. Члены Конвента, желая остаться у власти и боясь, что ихъ не станутъ выбирать, вотъ и сочинили эти декреты.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обязательное переизбраніе членовъ Конвента въ новый законодательный корпусъ представляло собою вопіющее посягательство на народное верховенство и на свободу націи, положенныя въ

основу конституціи III года. Противъ этихъ-то двухъ декретовъ и началась агитація въ секціонныхъ собраніяхъ передъ принятіемъ конституціи, дополненной фрюктидорскими декретами. Лозунгомъ этой агитаціи сдѣлалось нарушеніе Конвентомъ правъ народа.

Былъ и еще одинъ поводъ для неудовольствія тогдашнихъ господъ положенія въ секціяхъ. Послѣ 1 преріаля, вмѣстѣ съ участниками бывшаго въ этотъ день возстанія, подверглись преслѣдованіямъ дѣятели и болѣе раннихъ революціонныхъ выступленій. Многіе изъ нихъ самими же секціями были устранены отъ возможности принимать дальнѣйшее участіе въ политической дѣятельности и сидѣли по тюрьмамъ. Конвентъ, который самъ подалъ сигналъ къ подобной самоочисткѣ секцій, испуганный начавшимся въ секціяхъ противъ него самого движеніемъ, теперь готовъ былъ опереться на людей, еще такъ недавно имъ аттестовывавшихся, какъ „кровопійцы, анархисты и террористы“, и особая коммиссія, выбранная Комитетами спасенія и безопасности, выпустила ихъ изъ тюремъ. Тогда въ секціяхъ заговорили о возможности возвращенія террора, объ опасности, представлявшейся для Парижа и для всей Франціи отъ появленія на сценѣ людей, поддерживавшихъ тиранническій режимъ, павшій 9 термидора.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это событіе входитъ въ число явленій реакціи, начавшейся послѣ 9 термидора, но, читая протоколы секціонныхъ собраній за дни, предшествовавшіе движенію, и заявленія, дѣлавшіяся въ собраніяхъ делегатами отъ другихъ секцій, мы въ правѣ сказать, что это была лишь реакція противъ якобинскаго режима съ его необезпеченностью личной неприкосновенности, съ его произвольными арестами, съ его безпрерывными гильотинированіями. Сигналъ движенію дала секція Лепелетье, составившая такъ называемый „Актъ гарантіи“, который сдѣлался образцомъ для цѣлаго ряда подобныхъ заявленій и въ другихъ секціяхъ. Въ немъ переживавшееся положеніе опредѣлялось, какъ моментъ, когда „народъ снова входитъ въ обладаніе правами верховной власти, которыхъ онъ былъ лишенъ долговременною тираніей“. Актъ приглашалъ всѣхъ гражданъ Парижа „гарантировать другъ другу, всѣми своими моральными и физическими силами, не подлежащее отмѣнѣ за давностью и ненарушимое право самой безусловной свободы мнѣній“, ибо „народъ, собравшись для обсужденія своихъ законовъ и для управленія собою, не можетъ и не долженъ находиться подъ вліяніемъ какой бы то ни было власти“. Полномочія всѣхъ властей прекращаются въ при-

сутствіи собравшагося народа, а „нападеніе, когда бы то ни было, хоть на одного гражданина изъ-за его мнѣній равносильно покушенію на верховную власть народа". Составители акта указывали еще, что если тираны, управлявшіе Франціей въ эпоху террора, и могли „такъ безстыдно играть честью, свободой и жизнью гражданъ", то виною этому была „дряблость управляемыхъ" при томъ „уединеніи, въ которое удалился каждый въ обманчивой надеждѣ избѣжать удара, поражавшаго его сосѣда". Въ виду необходимости полной свободы голосованія конституціи, актъ и приглашалъ гражданъ объединиться, исходя изъ того принципа, что „первая потребность каждаго человѣка въ обществѣ заключается въ безопасности его личности".

Итакъ, народное верховенство и личная неприкосновенность,—вотъ въ чемъ заключались наиболѣе популярные лозунги движенія. Нельзя, однако, сказать, чтобы сами секціи, примкнувшія къ этимъ лозунгамъ, осуществляли на практикѣ требованія, отсюда вытекавшія, ибо сами же онѣ незадолго передъ тѣмъ сурово карали за политическія мнѣнія, высказывавшіяся въ предыдущую эпоху, да и теперь исключали изъ числа избирателей—всѣхъ гражданъ, которые были засажены по тюрьмамъ за жерминальское и преріальское возстанія и только-что были выпущены на свободу Конвентомъ. Но это относится уже къ числу обычныхъ непослѣдовательностей въ эпоху французской революціи, въ которыхъ были болѣе или менѣе повинны всѣ партіи.

Конфликтъ между секціями и Конвентомъ продолжался нѣсколько дней. Когда Конвентъ объявилъ, что конституція принята 914.853 голосами противъ 95.373, а съ нею-де и декреты 5 и 13 фрюктидора, секціи, обвинявшія Конвентъ въ подтасовкѣ цифръ, отказали этому результату голосованія въ признаніи. Конвентъ объявилъ секціонныя собранія распущенными, пригрозивъ за неповиновеніе обвиненіемъ въ покушеніи на народное верховенство. Тогда обычнымъ порядкомъ организовался инсуррекціонный комитетъ секцій, и произошло возстаніе. Это и было „тринадцатое вандемьера".

Во главѣ движенія стояла секція Лепелетье, сумѣвшая объединить и другія. Конвентъ для того, чтобы справиться съ этимъ движеніемъ, избралъ пятичленную исполнительную комиссію, въ составъ которой входилъ одинъ изъ героевъ побѣды Конвента—Баррасъ.

Это былъ человѣкъ, уже давно участвовавшій въ революціи. Происходя изъ дворянской фамиліи и нося даже титулъ виконта, онъ въ молодости служилъ въ военной службѣ, но

вышелъ рано въ отставку и прожигалъ жизнь, расточая свое наслѣдственное состояніе. Въ 1789 году онъ участвовалъ въ возстаніи 14-го іюля и давалъ показанія на слѣдствіи о событіи 5—6 октября. Попавъ въ Конвентъ, Баррасъ занялъ мѣсто въ Равнинѣ, одинаково сторонясь и жирондистовъ и монтаньяровъ, голосуя съ тѣми, кто въ данный моментъ представлялся сильнѣе,—очень характерная черта для Равнины. Вмѣстѣ съ другими онъ голосовалъ и за казнь короля и за изгнаніе жирондистовъ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ конвентскимъ комиссаромъ на югъ, гдѣ подавилъ контръ-революціонную вспышку въ Марселѣ, арестовалъ въ Ниццѣ генерала Брюна, въ которомъ видѣли виновника сдачи Тулона англичанамъ, а потомъ взялъ Тулонъ, благодаря искусству молодого артиллерійскаго офицера Наполеона Бонапарта (тогда еще „Буонапарте"). Въ событіи 9 термидора онъ проявилъ особую распорядительность: это онъ разогналъ національную гвардію, угрожавшую Конвенту, и произвелъ арестъ Робеспьера. За это его потомъ и назначили на отвѣтственный постъ начальствующаго военной силой 12 жерминаля и 1 преріаля. Такъ было и теперь, и онъ первымъ дѣломъ выпустилъ изъ тюремъ патріотовъ, посаженныхъ туда термидоріанской реакціей, однимъ изъ дѣятелей которой самъ же былъ.

Баррасъ самъ писалъ потомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нему стали стекаться остатки революціонныхъ комитетовъ, сентябрьскіе убійцы, преріальскіе мятежники и т. п. Всполошившаяся секція Лепелетье 12-го вандемьера пригласила другія секціи вооружаться. Комиссія пяти послала противъ нея генерала Мену съ военнымъ отрядомъ, но онъ ничего серьезнаго не предпринялъ, а на другой день весь Парижъ былъ охваченъ возстаніемъ. Тогда Баррасъ вспомнилъ о Бонапартѣ, въ то время опальномъ генералѣ по случаю близкихъ его связей съ робеспьеристами. Бонапартъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, поручилъ молодому сорви-головѣ Мюрату (будущему королю Неаполитанскому), самому якобинскому офицеру въ кавалеріи, привезти пушки, не давъ завладѣть ими секціямъ, и окружилъ ими рано утромъ Тюильерійскій дворецъ. Когда инсургенты начали осаду дворца, въ нихъ полетѣла въ громадномъ количествѣ картечь. Инсургенты дрогнули, и началась общая расправа съ ними. Секція Лепелетье должна была сдаться, а 14 числа весь Парижъ былъ во власти военной силы.

Конвентъ обнаружилъ умѣренность послѣ столь блестящей побѣды. Казненныхъ было мало, отпущенныхъ съ миромъ,

наоборотъ, много. Повидимому, Конвентъ боялся гораздо больше своихъ вчерашнихъ союзниковъ, выпущенныхъ имъ изъ тюремъ, чѣмъ побѣжденныхъ. Героями дня были Баррасъ и молодой Бонапартъ, котораго онъ скоро сдѣлалъ главнокомандующимъ внутренней арміей, уступивъ ему эту должность, которую временно занималъ самъ.

Конвенту было представлено о событіи два доклада: одинъ членомъ обоихъ комитетовъ Мерленомъ, другой—самимъ Баррасомъ. Оба докладчика, точно сговорившись, представили дѣло, какъ роялистскій заговоръ, причемъ будто бы раздавались крики: „да здравствуетъ король!". Но вспомнимъ, что и Робеспьера 9 термидора обвиняли въ роялизмѣ. У насъ есть полицейскія донесенія за дни, предшествовавшіе движенію, и протоколы секціонныхъ собраній, гдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на роялистическій характеръ движенія. Лозунги его были чисто-республиканскіе: защита свободы мнѣній и избирательныхъ правъ націи. Вандемьерцы были умѣренными республиканцами, къ которымъ могли примазываться и роялисты, но не послѣдніе провозгласили лозунги, вели агитацію и организовали движеніе. Сами же докладчики говорили еще, что въ возстаніи участвовали люди, желавшіе провозгласить верховную власть однѣхъ парижскихъ секцій. Это опять была неправда, потому что такого якобинскаго лозунга не могло быть у умѣренныхъ республиканцевъ, какими выступали участники секціонныхъ собраній, протестовавшихъ противъ фрюктидорскихъ декретовъ. Мало того, въ бумагахъ секцій этого времени мы находимъ осужденіе не только террористовъ и анархистовъ, но и роялистовъ. Наконецъ, мы знаемъ, что при голосованіи конституціи 1795 года, предшествовавшемъ вандемьерскому движенію, за возстановленіе монархіи высказалось очень мало голосовъ: въ секціи Пантеона десять, въ секціи Рынковъ восемь, въ Люксембургской шесть, въ секціи Ботаническаго Сада три и т. п.

Роялистическій характеръ возстанія 13 вандемьера есть всецѣло сочиненіе Барраса, хотя бы отдѣльные роялисты и ловили при этомъ рыбу въ мутной водѣ. Между тѣмъ такая легенда стала повторяться историками и до сихъ поръ принимается авторами книгъ о французской революціи *).

Въ своей фрюктидорской и вандемьерской борьбѣ 1795 года парижскія секціи проявили реакцію, съ одной стороны, про-

---

*) См. мою работу: „Борьба парижскихъ секцій противъ декретовъ 5 и 13 фрюктидора III года" (1915), написанную по архивному матеріалу, мною опубликованному.

тивъ диктатуры конвента, съ другой—противъ нападеній на свободу слова и печати.

Талліенъ и его сторонники сдѣлали-было предложеніе признать недѣйствительными всѣ выборы, которые были признаны реакціонными, но Конвентъ на это не пошелъ: съ него было довольно, что пятьсотъ его членовъ будутъ засѣдать въ новомъ законодательномъ собраніи. Опираясь на военную силу, главные дѣятели всегда могли достигнуть того, чего хотѣли, и они уже подбирали, кто будутъ первые директоры, какъ по новой конституціи назывались пять членовъ исполнительнаго комитета республики. Баррасъ попалъ въ ихъ число, а также и Карно, замѣнившій Сьейеса, который сначала отказался.

2 брюмера, за два дня до окончанія засѣданій Конвента, ему сдѣлано было предложеніе возстановить законъ о максимумѣ и по этому случаю было наговорено много такихъ вещей, что одинъ депутатъ воскликнулъ: „неужели мы здѣсь организуемъ контръ-революцію?“. Конвентъ, дѣйствительно, какъ бы отрекался отъ прошлаго, символомъ чего было переименованіе имъ площади Революціи въ площадь Согласія (плясъ-де-ля-Конкордъ). Здѣсь, въ центрѣ площади, стоялъ эшафотъ съ гильотиной; его убрали, и на площади оставлена была только статуя Свободы. Названіе площади, теперь одной изъ красивѣйшихъ въ мірѣ, за нею сохранилось, но на ней красуется теперь великолѣпный египетскій обелискъ, воздвигнутый уже въ XIX вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ было пролито столько крови.

Въ послѣднемъ засѣданіи Конвента 4 брюмера III года (26 октября 1795 г.) предсѣдательствовалъ малоизвѣстный Женисьё. Ничего торжественнаго въ этомъ засѣданіи не было. Предсѣдатель ограничился словами: „Объявляю засѣданіе закрытымъ. Единеніе, дружба, согласіе между всѣми французами—это единственное средство спасти республику“.—„Скажи, по крайней мѣрѣ,—крикнули ему,—что Конвентъ исполнилъ свою миссію“. Женисьё опять ограничился фразой: „Національный Конвентъ объявляетъ, что исполнилъ свою миссію, и что сессія его окончена“. Вышло какъ-то прозаично и буднично, но и настроеніе было таково. Сами депутаты признавались, что эти годы исчерпали ихъ физическія и моральныя силы, и что пора было оставить свои мѣста. А одинъ наблюдательный современникъ-иностранецъ писалъ тогда же (въ августѣ): „я продолжаю быть убѣжденнымъ, что они попадутъ подъ господство одного деспота“.

Реакція, наступившая во Франціи послѣ 9 термидора, была какъ бы наклонною плоскостью, по которой страна докатилась

въ четыре года до государственнаго переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года). Здѣсь умѣстно будетъ бросить общій взглядъ на происхожденіе этой реакціи.

Главными реакціонными классами были, конечно, бывшіе привилегированные, т.-е. дворянство и духовенство въ своей массѣ, хотя отдѣльные члены обоихъ сословій и принимали участіе въ самомъ революціонномъ движеніи. Но играть активную роль въ политикѣ съ цѣлью вернуть если не всю старину, то самое въ ней главное, эти классы не могли и думать. Масса ихъ была въ эмиграціи, а оставшіеся на родинѣ всячески стѣснялись и преслѣдовались, хотя по временамъ и выступали въ такихъ движеніяхъ, какъ возстанія многихъ департаментовъ въ 1793 году. Роялизмъ не умиралъ, но не могъ обнаруживаться сколько-нибудь замѣтно, а эмигранты во всѣхъ своихъ попыткахъ извнѣ овладѣть Франціей терпѣли неудачу. Въ одной только Вандеѣ роялисты держались, да и здѣсь были, въ концѣ концовъ, разбиты. Настоящее время для представителей старой, дореволюціонной Франціи наступило только послѣ пораженія Наполеона, въ 1814—1815 годахъ, когда во Францію вернулись Бурбоны, въ лицѣ братьевъ Людовика XVI, „ничего не позабывшіе и ничему не научившіеся". Революція была совершена буржуазіей, крестьянами и рабочими. Термидоріанская реакція могла возникнуть только въ этой средѣ. Не нужно думать, что реакціи рождаются только среди тѣхъ, которые хотятъ вернуть все старое. Онѣ возможны и въ нѣдрахъ самаго движенія, когда одни не желаютъ итти такъ далеко, какъ того хотятъ другіе, съ одной стороны, и когда эти другіе, увлекшись въ своемъ движеніи впередъ болѣе или менѣе далеко, начинаютъ разочаровываться, не получивъ того, на что надѣялись, съ другой. Первое случилось именно съ буржуазіей, второе — уже съ рабочими. Крестьяне отстали отъ движенія, когда революція удовлетворила всѣ ихъ желанія. Всѣ три категоріи, однако, не желали возвращенія стараго порядка, на чемъ и могли держаться всѣ режимы эпохи, т.-е. революціонная диктатура Дантона или Робеспьера, и республика по конституціи 1795 года, и консульство генерала Бонапарта, и имперія Наполеона I.

Объяснять возникновеніе реакціи одними классовыми мотивами, конечно, нельзя никоимъ образомъ. Необезпеченность личной неприкосновенности и самой жизни, всѣ эти аресты и казни, терроръ, возведенный въ систему, не могли не вызывать противъ себя протеста во всѣхъ классахъ населенія и не содѣйствовать повороту направо. Равнымъ образомъ дѣйствовала и необезпеченность собственности, не въ смыслѣ поку-

шеній па ея отмѣну, а въ самомъ житейскомъ, обывательскомъ смыслѣ, когда люди, стоявшіе въ очереди передъ хлѣбной лавкой, бросали свои мѣста для того, чтобы изловить какого-нибудь воришку, утащившаго у гражданина или гражданки почти пустой кошелекъ.

Но были и классовые мотивы реакціи.

Послѣ паденія стараго сословнаго строя верхнюю ступень общественной лѣстницы заняла зажиточная буржуазія: она не хотѣла уступать своего мѣста, одинаково боясь и возвращенія привилегированныхъ и вытѣсненія демократіей. Буржуазія и матеріально обогащалась отъ покупки національныхъ имуществъ, отъ торговыхъ оборотовъ, отъ поставокъ въ армію и пр. и пр., но въ то же время на нее падали принудительные займы и реквизиціи, приносили ей ущербъ паденіе многихъ производствъ, разгромы и т. д. Весьма естественно, что она желала порядка и обезпеченія имущественной неприкосновенности.

Обогащеніе нѣкоторыхъ людей шло во-всю, и въ народѣ много говорили о покупщикахъ національныхъ имуществъ, спекулянтахъ, ажіотёрахъ, барышникахъ и т. д. Нарождалась новая плутократія, которая съ 1795 года стала выставлять на показъ свою роскошь, веселиться, сорить деньгами, играть въ карты. Заводятся фешенебельные салоны въ родѣ того, который былъ у госпожи Талліенъ. Появляется на сценѣ раззолоченная молодежь, разгоняющая клубъ якобинцевъ, разбивающая бюсты Марата, нападающая на патріотовъ, все бóльшіе франты и кутилы, всячески подчеркивавшіе, что съ черныо у нихъ нѣтъ ничего общаго, „мюскадены“, какъ ихъ прозывали, или „инкруайябли“ (невѣроятные), какъ ихъ обозначали въ эпоху Директоріи за ихъ причудливую прическу съ начесами на уши, за колоссальные галстуки, за необычный покрой платья, за странный говоръ, искусственно картавый, за жеманныя манеры и т. п. Они были антиреволюціонерами, придумавшими особый бальный „танецъ жертвъ“, при которомъ быстрымъ наклономъ головы изображали, какъ падали головы подъ рѣзцомъ гильотины. Но къ буржуазіи росла и ненависть низшихъ классовъ общества, спасенія отъ которой имущіе стали искать въ крѣпкой, только не якобинской власти.

Въ крестьянахъ тоже погасъ революціонный духъ. Конвентъ освободилъ ихъ безвозмездно отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, а распродажа національныхъ имуществъ дозволила многимъ прикупить себѣ землицы и прикупать еще и еще. Крестьяне не желали возвращенія стараго порядка и возстановленія королевской власти, съ которою вернулись бы

и привилегированные, но они и не были сторонниками новаго порядка. Крестьян пугали городскіе толки об аграрном законѣ, о желаніи неимущих учинить раздѣл земель, а к тому же еще они всѣ были католики и хотѣли, чтобы священники попрежнему служили обѣдню, тогда как этих священников арестовывали и изгоняли, мѣшали им служить в церкви, даже закрывали послѣднія. Крестьянская масса отнюдь не была республиканской, но она не была и роялистической, а довольно-таки индифферентной к формѣ правленія, лишь бы не возвращался старый режим.

Еще менѣе можно было бы говорить о роялизмѣ в массах городского населенія, среди мелкой буржуазіи и рабочих, но и они были недовольны существующим, все болѣе и болѣе разочаровались в революціи, чувствовали себя усталыми и, в концѣ концов, побѣжденными. Они в Парижѣ „сдѣлали“ и 14 іюля 1789 года, и 10 августа 1792 года, и 31 мая — 2 іюня 1793 года, и от их же поведенія зависѣл неуспѣх Робеспьера 9 термидора; но вот 12 жерминаля и 1 преріаля их побѣдили, обезоружили, лишили прежней свободы, послѣ чего у них опустились руки, началась пора горькаго раздумья.

Жерминальское и преріальское возстанія были вызваны отчаяніем голода и озлобленностью на Конвент. Масса все на кого-нибудь и на что-нибудь надѣялась. В октябрѣ 1789 года населеніе Парижа привѣтствовало в лицѣ короля „хлѣбопека“, который даст дешевый хлѣб. В маѣ 1793 г. думали, что вся вина в жирондистах, которые против закона о максимумѣ. Был издан этот закон, но и он не оправдал надежд, тѣм болѣе, что им низко таксировалась заработная плата. Народные безпорядки возникали, как бунты „пустых желудков“, были движеніями против „богачей“, не заключая в себѣ ничего такого, впрочем, что̀ напоминало бы соціалистическія теоріи XIX вѣка.

Цѣнность бумажных денег падала с начала 1795 года с головокружительною быстротою. В январѣ луидор (24 ливра золотом) на ассигнаты стоил 130 ливров, т.-е. в пять с половиною раз дороже, в мартѣ — уже 227, т.-е. в девять раз дороже, в іюнѣ — 750 (в 31¼ раз), в сентябрѣ—1200 (в 50 раз), а в момент окончанія Конвентом своих работ — даже 2500 ливров, или в сто четыре раза дороже. В это время фунт хлѣба продавался за 25 ливров, фунт сала за 560, фунт баранины за 1248 ливров; чашка кофе стоила десять ливров. „Если бы богачи,—роптал бѣдный люд,—питались,

какъ мы, давно бы уже не было Конвента". Въ эпоху Директоріи полиція сообщала правительству толки, которые подслушивала среди рабочихъ: „Французы созданы не для республики. Стоило ли отправить на тотъ свѣтъ одного короля, чтобы посадить себѣ на шею пятерыхъ? Лучше ужъ пусть будетъ король, чѣмъ умирать отъ голода".

Изъ провинціи Директоріи доносили такія же вещи. „Наши богатые земледѣльцы, наиболѣе выигравшіе отъ революціи, оказываются самыми заклятыми врагами ея формъ. Если какой-либо человѣкъ, хотя бы въ самой малости отъ нихъ зависящій, станетъ называть ихъ „гражданинъ", его тотчасъ же выгонятъ вонъ изъ дома. Это—позоръ цѣлаго класса".

Такъ создавалось отрицательное отношеніе къ революціи, и тѣмъ не менѣе возврата къ старому порядку не хотѣли. Одинъ изъ эмигрировавшихъ въ Англію членовъ Учредительнаго Собранія, графъ Монлозье, писалъ: „Насъ убѣждаютъ, что всѣ проклинаютъ революцію, и я этому вѣрю. Но проклинать революцію и желать возстановленія стараго порядка, конечно, — двѣ вещи разныя. Все, чего желаетъ Франція, это — сохранить теперешнія общественныя отношенія и пріобрѣсти покой. Генералы не хотятъ снова сдѣлаться солдатами, мэры и предсѣдатели — земледѣльцами и ремесленниками, судьи—приставами, покупщики нашихъ имѣній не хотятъ ихъ отдать назадъ".

ГЛАВА XXI.

Законодательство Національнаго Конвента.

Изложивъ въ своемъ мѣстѣ исторію Учредительнаго Собранія, мы познакомили читателя съ тѣмъ законодательствомъ, которое имъ было выработано, а теперь, разсмотрѣвъ событія временъ Національнаго Конвента, сдѣлаемъ то же самое и по отношенію къ его законодательной работѣ. Историки революціи часто „принципамъ 1789 года" противополагаютъ „принципы 1793 года", и въ извѣстныхъ отношеніяхъ это противоположеніе имѣетъ смыслъ. Принципы 1795 года уже были чѣмъ-то отличнымъ отъ провозглашавшихся въ 1793 году: они были возвращеніемъ къ идеямъ 1789 года, въ чемъ и сказалось вліяніе реакціи.

Въ Конвентѣ возникло три конституціи: жирондистскій проектъ, такъ и оставшійся только проектомъ, якобинская конституція 1793 г., принятая народомъ, но не дѣйствовавшая, и конституція термидоріанская, по которой Франція

управлялась четыре года. Офиціальнымъ ея названіемъ было — конституція 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 г.).

Съ первыми двумя мы познакомились, разсматривая исторію жирондистовъ и якобинцевъ, и возвращаться къ нимъ не будемъ. Новое настроеніе Конвента отразилось, прежде всего, на декларацін, предпосланной конституціи III года.

А именно изъ правъ человѣка и гражданина было исключено право сопротивленія, и въ декларацію, кромѣ правъ, были включены еще и обязанности. Естественными правами объявлялись попрежнему свобода, равенство, безопасность и собственность, причемъ личная неприкосновенность обезпечивалась уже цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ попрежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли, а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ, но уже съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховную власть, и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность“. Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти назывались необходимыми условіями общественной гарантіи. Изложеніе обязанностей гражданина имѣло характеръ преимущественно моральный; особенно, впрочемъ, выдвигались требованія подчиненія законамъ и законнымъ властямъ и поддержанія собственности, какъ основы всего общественнаго порядка.

Изъ декларацін правъ III года выпущено было право сопротивленія, такъ какъ составители не хотѣли дѣлать изъ нея „арсеналъ для бунтовщиковъ“. Опытъ прошлаго сильно подѣйствовалъ на составителей конституціи. Буасси-д'Англа, докладывавшій проектъ новаго государственнаго устройства, ссылался прямо не только на чужой историческій опытъ, но и на опытъ свой, французскій. Между прочимъ, онъ особенно настаивалъ на опасности одного собранія безъ плотины, которая бы его сдерживала, т.-е. безъ раздѣленія представительства на двѣ палаты, дабы одна, подлежа контролю другой, была осмотрительнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, а другая имѣла возможность предупреждать ошибки первой. „Всѣ власти, — прибавлялъ къ этому докладчикъ, — происходятъ отъ народа, но, такъ какъ онъ не можетъ самъ ими пользоваться, ему необходимо делегировать ихъ такимъ образомъ, чтобы ни одна власть не могла его угнетать“.

Вопросъ о двухпалатной системѣ представительства ставился еще въ Учредительномъ Собраніи, но верхняя палата была тогда отвергнута даже Мирабо, думавшимъ, что деста-

точно будетъ королевскаго „вето“ противъ злоупотребленій властью со стороны Собранія. То, чего опасался Мирабо, однако, случилось, и единое собраніе (Конвентъ) сдѣлалось, дѣйствительно, деспотическимъ. Авторы конституціи III года во избѣжаніе повторенія тиранніи со стороны національнаго представительства нашли нужнымъ раздѣлить его на двѣ палаты или „совѣта“—Совѣтъ Пятисотъ и Совѣтъ Старѣйшинъ изъ 250 членовъ: первый „предлагалъ“ законы, второй ихъ „одобрялъ“. Этой конституціей, далѣе, исполнительная власть поручалась пяти директорамъ, составлявшимъ Директорію, причемъ ея составъ обновлялся ежегодно выходомъ сначала по жребію, потомъ по очереди одного изъ ея членовъ и замѣщеніемъ вакансіи Совѣтомъ Старѣйшинъ по списку десяти кандидатовъ, представлявшемуся Совѣтомъ Пятисотъ. Директорія назначала министровъ, посланниковъ, генераловъ и всѣхъ чиновниковъ, которые не были выборными. Раздѣленіе властей было полное: депутаты не могли быть министрами; Директоріи не было дано ни малѣйшаго участія въ законодательствѣ; какъ она не имѣла права распустить или отсрочить Совѣты, такъ и послѣдніе не были въ правѣ отставлять директоровъ. Двѣ власти ставились рядомъ, но безъ всякой связи между собою; въ случаѣ столкновенія между ними не существовало средства разрѣшить кризисъ (напримѣръ, роспускомъ Совѣтовъ и назначеніемъ выборовъ или выходомъ въ отставку директоровъ), что̀ повело впослѣдствіи къ ряду государственныхъ переворотовъ. Раздѣленіе исполнительной власти между пятью директорами вело также къ конфликтамъ и между ними, легальнаго выхода изъ которыхъ тоже не было. Все это дѣлало конституцію III года весьма неустойчивою, и низверженіе ея Наполеономъ Бонапартомъ было лишь завершеніемъ тѣхъ ея нарушеній, которыя начаты были самыми конституціонными властями. Наконецъ, въ принципѣ конституція III года удерживала всеобщую подачу голосовъ на выборахъ, но съ сохраненіемъ двухстепенной системы выборовъ. Что̀ касается до администраціи, то въ конституціи III года замѣтно было уже нѣкоторое стремленіе подчинить мѣстныя власти центральному правительству. Это выразилось въ дарованіи послѣднему права временно отрѣшать отъ должности или смѣщать эти власти (выборныя департаментскія и муниципальныя директоріи) и въ учрежденіи при нихъ особыхъ правительственныхъ комиссаровъ въ роли контролеровъ, наблюдающихъ за исполненіемъ законовъ.

Переходимъ къ дѣламъ церковнымъ. Конвентъ весьма

строго преслѣдовалъ неконституціонныхъ духовныхъ (декретъ 12 жерминаля грозилъ смертною казнью всякому, кто принялъ бы неприсяжнаго священника). Одно время декретомъ Конвента отмѣнялось само христіанство, а потомъ имъ вводился культъ Верховнаго Существа, когда церкви запирались по приказанію муниципалитетовъ и запрещался всякій культъ, кромѣ гражданскаго. Робеспьеръ старался отмѣнить антирелигіозный терроръ, исходившій не столько отъ Конвента, сколько отъ муниципальныхъ властей. Самъ Конвентъ провозгласилъ потомъ свободу культовъ. Въ сентябрѣ 1794 г. было объявлено вмѣстѣ съ тѣмъ, что республика не оплачиваетъ никакихъ служителей религіи. Декретъ 21 февраля 1795 г. запрещалъ нарушать свободу культовъ, но не дозволялъ никакого внѣшняго ихъ оказательства (процессій на улицахъ, колокольнаго звона, религіозныхъ знаковъ на зданіяхъ, особаго духовнаго костюма). Декретъ 30 мая возвратилъ церкви ея зданія, которыя не были еще отчуждены, но декретъ 29 сентября подтвердилъ еще разъ запрещеніе внѣшнихъ знаковъ. Такъ какъ декретъ 21 февраля 1795 г. не дѣлалъ никакого различія между присяжными и неприсяжными священниками, то въ разныхъ мѣстахъ его толковали различнымъ образомъ, да и самъ Конвентъ въ 1795 г. то возобновлялъ, то ослаблялъ прежнія мѣры (напримѣръ, согласившись въ маѣ на то, чтобы священники давали только простое обѣщаніе подчиняться законамъ). Въ это время образовалось во Франціи два культа — присяжный и неприсяжный, но правительство, относясь довольно терпимо ко второму, не оплачивало и перваго. Это было своего рода отдѣленіемъ церкви отъ государства. Во всякомъ случаѣ, съ паденіемъ террора свобода совѣсти снова стала вступать въ свои нарушенныя права. Въ самомъ присяжномъ духовенствѣ возникъ также расколъ: нѣкоторые епископы женились и дозволили бракъ своимъ подчиненнымъ, тогда какъ другіе были противъ этого.

Въ эпоху террора не могло быть ни свободы собраній и сообществъ, ни свободы печати, если только дѣло не касалось клубовъ, сборищъ и изданій самихъ якобинцевъ. Роялистическіе или даже умѣренно-республиканскіе клубы и сходки разгонялись подобно тому, какъ послѣ 9 термидора начались репрессіи противъ якобинцевъ, и дѣло дошло до закрытія ихъ клуба. Законъ 25 вандемьера IV года (16 октября 1795 г.) даже прямо запрещалъ какія бы то ни было сношенія между отдѣльными обществами, какъ нѣчто антиправительственное и противное единству республики. Свободы прессы вообще не

существовало съ 10 августа 1792 г. для роялистовъ, какъ „отравителей общественнаго мнѣнія“, по выраженію парижскаго генеральнаго совѣта. Де-Розу, редакторъ „Парижской Газеты“, былъ даже приговоренъ къ смертной казни, а типографія „Друга Короля“ была отдана жирондистскому публицисту Горсà, издававшему „Департаментскій Курьеръ“, но въ мартѣ 1793 г. его типографія была разгромлена сторонниками якобинцевъ. Та же печальная судьба запрещеній и преслѣдованій постигла послѣ 31 мая 1793 г. вообще всѣ газеты жирондистскаго направленія, а затѣмъ и „Старый Кордельеръ“ Демулена или „Журналь де Пари“ поэта Андрея Шенье. Наконецъ, послѣ 9 термидора и якобинскія газеты подверглись подобной же участи. Сначала все это дѣлалось безъ какого бы то ни было закона, но 29 марта 1793 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь за призывъ къ убійству, къ нарушенію правъ собственности и къ возстановленію монархіи. Конституціи 1793 г. и III года провозгласили свободу печати, но истиннымъ выразителемъ мнѣній тогдашняго общества по этому вопросу были не составители декларацій правъ, а бывшій капуцинъ Шабо, который говорилъ, что свобода печати была нужна лишь для установленія свободы, но что затѣмъ роль ея кончилась, потому что свобода печати могла бы, пожалуй, повредить самой свободѣ. Не было также при террорѣ и свободы мѣстной жизни, несмотря на полную децентрализацію, введенную Учредительнымъ Собраніемъ и въ принципѣ поддержанную Конвентомъ. Противъ деспотизма Парижа совершались возстанія въ другихъ городахъ и департаментахъ, но самое простое стремленіе къ пользованію мѣстною свободою разсматривалось въ центрѣ, какъ „федерализмъ“, за который, какъ извѣстно, жестоко пострадали жирондисты.

Переходя къ законодательному творчеству Конвента въ разныхъ областяхъ экономической и культурной жизни, нужно предварительно замѣтить, что въ числѣ его членовъ было немало людей, которые, не покладая рукъ, плодотворно работали не только надъ удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ, но и надъ общей организаціей жизни, приходившей въ такое разстройство. Имена этихъ лицъ, кромѣ дѣльнаго Карно, обновившаго весь военный бытъ Франціи, и Кондорсе, автора жирондистскаго проекта конституціи, совсѣмъ почти не встрѣчаются въ исторіи борьбы партій, столько занимавшей Конвентъ. Въ дѣлѣ снабженія арміи и флота особенно много потрудились Пріёръ и Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре, въ работахъ по народному продовольствію Ленде, въ упорядоченіи

разстроенныхъ финансовъ Камбонъ, въ подготовкѣ будущаго кодекса гражданскихъ законовъ Камбасересъ, въ организаціи народнаго просвѣщенія Кондорсе и Лаканаль и т. п. Многое ими, правда, было только начато, но многое и совершено.

Если мы примемъ въ расчетъ, что за три съ небольшимъ года Конвентъ издалъ 8370 декретовъ, то, конечно, поймемъ, что онъ не могъ произвести эту колоссальную законодательную работу безъ массы трудоспособныхъ работниковъ, безъ подготовки проектовъ въ постоянныхъ комитетахъ и во временныхъ комиссіяхъ, какъ это было и въ двухъ предыдущихъ собраніяхъ. Одинъ изъ враговъ революціи, публицистъ Малле-дю-Панъ, отдалъ дань справедливости этой работѣ, сказавъ: „что̀ касается до лицъ, Конвентъ состоялъ изъ пигмеевъ, но каждый разъ, когда эти пигмеи дѣйствовали въ массѣ, у нихъ была сила Геркулеса, сила настоящей горячки“.

Учредительное Собраніе оставило Законодательному, которое не просуществовало и полнаго года, и Конвенту цѣлый рядъ вопросовъ, которые не были имъ рѣшены или которые приходилось перерѣшать.

Во Франціи, какъ мы знаемъ, не было общаго кодекса законовъ, а дѣйствовало множество мѣстныхъ правъ (кутюмъ). Уже наказы 1789 года требовали юридическаго объединенія націи, вопросъ о чемъ былъ поставленъ на очередь и Учредительнымъ Собраніемъ, но это была не такая работа, которая могла бы быть произведена быстро. Франція получила общій гражданскій кодексъ уже при Наполеонѣ, но начало дѣлу было положено еще Конвентомъ, въ которомъ уже въ августѣ 1793 года общій планъ кодекса (равно какъ и уголовнаго потомъ) былъ доложенъ Камбасересомъ.

Намъ еще придется встрѣтиться съ этимъ именемъ въ исторіи переворота 18 брюмера, а потому я укажу уже здѣсь, что это былъ замѣчательный юристъ, успѣвшій прославиться еще до революціи, и что онъ продолжалъ работать надъ кодификаціей гражданскаго права и въ эпоху Директоріи. Эта же работа была поручена ему и Бонапартомъ, когда тотъ сдѣлался первымъ консуломъ, назначивъ его вторымъ; окончилъ онъ ее только въ 1804 году.

Другимъ дѣломъ, которое уже при Конвентѣ было двинуто впередъ, явилось народное просвѣщеніе. Уже наказы 1789 года по этому вопросу высказывали извѣстныя пожеланія, но ни Учредительное ни Законодательное Собранія ничего существеннаго не успѣли сдѣлать. Конвентъ, члены котораго ставили заботу о народномъ образованіи въ число обязанностей государства въ жирондистской и въ якобинской деклараціяхъ

правъ, весьма много занимался народнымъ просвѣщеніемъ. По этому вопросу ему было представлено нѣсколько проектовъ, и дѣло здѣсь не обошлось безъ колебаній, тѣмъ болѣе, что сразу и было трудно выполнить великую задачу. Сначала въ силу декретовъ 30 вандемьера и 29 фримера II года (21 октября и 19 декабря 1793 г.) принятъ былъ принципъ для всѣхъ обязательнаго и дарового обученія, но декретомъ 3 брюмера IV года (25 октября 1795 г.) Конвентъ отмѣнилъ это свое распоряженіе. По общему плану въ каждомъ департаментѣ должна была существовать средняя школа, въ которой отводилось широкое мѣсто математикѣ, естествознанію, исторіи и философіи. Для высшаго образованія, для науки и искусства Конвентъ сдѣлалъ очень много. Онъ создалъ Нормальную школу (9 брюмера III года, 30 октября 1794 г.) для приготовленія преподавателей, и въ ней заняли каѳедры крупные ученые (Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ, Гаюи, Бертолле) и литераторы (Вольней, Бернарденъ де-С.-Пьеръ, Лагарпъ). Онъ основалъ, далѣе, Центральную школу публичныхъ работъ (позднѣе Политехническая школа), спеціальную школу восточныхъ языковъ, Бюро долготъ, Консерваторію искусствъ и ремеслъ, Луврскій музей, Національную библіотеку, Національные архивы, Музей французскихъ древностей, Національную консерваторію музыки, Артиллерійскій музей, художественныя выставки и т. д. Во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій былъ поставленъ Національный институтъ, въ которомъ были слиты воедино реорганизованныя Конвентомъ старыя академіи, бывшія раньше, по выраженію Мирабо, „школами сервилизма и лжи". Конвентъ поэтому напрасно обвиняли въ революціонномъ вандализмѣ: создавая Музей національныхъ древностей, онъ даже прямо запретилъ портить памятники старины подъ предлогомъ уничтоженія знаковъ феодализма и королевской власти. Если среди якобинцевъ и были люди, думавшіе, что „республикѣ не нужно ученыхъ", то, въ общемъ, Конвентъ держался мнѣнія Лаканаля, одного изъ своихъ членовъ, сдѣлавшагося предсѣдателемъ комитета народнаго просвѣщенія: „невѣжественный народъ не можетъ быть свободнымъ".

Въ составѣ этого комитета былъ и Кондорсе, дѣло котораго послѣ его смерти продолжалъ упомянутый Лаканаль. Когда-то духовное лицо, онъ въ Конвентѣ примкнулъ къ монтаньярамъ и подавалъ голосъ за казнь Людовика XVI. Главною своею задачею онъ ставилъ всячески работать надъ подъемомъ культурнаго уровня націи: кромѣ Кондорсе, никто такъ много не сдѣлалъ въ этой области въ эпоху ре-

волюціи. Помимо созданія новыхъ учрежденій, онъ немало сдѣлалъ и для реформы старыхъ. Дѣятельность его продолжалась и при Директоріи, но съ началомъ владычества Наполеона Лаканаль отошелъ отъ политики, предавшись педагогической практикѣ. Какъ его могли цѣнить за его знанія и организаторскія способности, видно изъ того, что изгнанный изъ Франціи, какъ „цареубійца", въ эпоху реставраціи Бурбоновъ, онъ сдѣлался ректоромъ Нью-Орлеанскаго университета въ Америкѣ.

Отъ прежнихъ Собраній остались въ наслѣдство Конвенту еще вопросы объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, о продажѣ національныхъ имуществъ и о раздѣлѣ общинныхъ угодій.

По первому вопросу здѣсь остается только напомнить о томъ, что уже было сказано въ главѣ XIII. Мы видѣли, что законодательство Учредительнаго Собранія по отмѣнѣ феодальныхъ правъ оказалось очень неудовлетворительнымъ, что Законодательное Собраніе внесло въ него нѣкоторыя поправки, и что окончательно вопросъ былъ рѣшенъ уничтоженіемъ всѣхъ феодальныхъ правъ безъ выкупа конвентскимъ декретомъ 17 іюля 1793 года. Это была одна изъ тактическихъ мѣръ Конвента послѣ разгрома жирондистовъ, возстанія провинцій, усиленія террора. Конвенту нужно было имѣть за себя деревенскую Францію, гдѣ все еще происходили волненія изъ-за феодальныхъ правъ. Притомъ же повинности, налагавшіяся ими на собственниковъ земель, крестьянъ-чиншевиковъ, шли дворянамъ, бывшимъ въ эмиграціи или заподозрѣннымъ во враждебныхъ козняхъ противъ якобинской диктатуры. Однимъ словомъ, Конвентъ сразу разрубилъ гордіевъ узелъ феодальнаго вопроса болѣе радикально, чѣмъ первыя два Собранія. Въ общемъ, три года безъ нѣсколькихъ дней тянулся этотъ вопросъ, особенно задѣвавшій крестьянскую массу.

Въ вопросѣ о распродажѣ національныхъ имуществъ Конвентъ былъ гораздо менѣе радикаленъ и, въ сущности, продолжалъ линію, принятую предыдущими Собраніями. На громадный земельный фондъ, образовавшійся въ рукахъ націи, можно было смотрѣть двояко, т.-е. либо использовать его въ интересахъ казны, либо воспользоваться имъ для надѣленія землею безземельныхъ или малоземельныхъ поселянъ. Въ нѣкоторыхъ брошюрахъ, изданныхъ по вопросу, и въ рѣчахъ, произносившихся въ Конвентѣ, высказывалась мысль, что свобода непрочна, пока можно поднимать несчастныхъ противъ нея, что ее нужно обосновать на общемъ благосостояніи, что народъ пока не извлекъ выгодъ для себя отъ образованія

націопальныхъ имуществъ, и что нужно содѣйствовать образованію мелкой собственности, помогать крестьянамъ въ покупкѣ ся маленькими участками. Другіе на это возражали, указывая на то, что тогда не будетъ рабочихъ рукъ для обработки болѣе крупныхъ хозяйствъ, что, разъ каждый будетъ имѣть свое поле, свой виноградникъ, погибнутъ ремесла, промышленность и торговля, а третьи говорили, что, конечно, надѣленіе землею гражданъ — дѣло хорошее, но прежде нужно, чтобы нація расплатилась со своими долгами и поправила свои финансы. Среди самихъ якобинцевъ было немало покупщиковъ національныхъ имуществъ, а въ одномъ памфлетѣ было прямо сказано, что революція принесла выгоду только якобинцамъ, которые ставятъ народъ ни во что. Вообще покупщики національныхъ имуществъ были сторонниками якобинцевъ и охотно записывались въ „народныя общества". Тѣ, которымъ не удавалось что-либо купить, были недовольны. Кромѣ того, между покупщиками и крестьянами, бравшими у нихъ землю въ аренду, происходили часто конфликты, и на этой почвѣ совершались аграрныя преступленія, но Конвентъ продолжалъ прежнюю линію поведенія центральной власти въ этомъ дѣлѣ.

При Конвентѣ, можно сказать, фискальныя соображенія, т.-е. выгоды казны на первомъ мѣстѣ получили даже перевѣсъ. Закономъ 24 апрѣля 1793 года, изъ опасенія развитія дешевыхъ цѣнъ на покупки, было подъ угрозою уголовныхъ наказаній запрещено мѣшать свободному подъему цѣнъ на торгахъ путемъ, напримѣръ, стачекъ, т.-е. посредствомъ образованія крестьянскихъ сообществъ для борьбы съ крупными покупщиками. Изданный-было законъ о разбивкѣ продаваемыхъ земель на мелкія доли цѣною не дороже 500 ливровъ былъ скоро же и отмѣненъ. Много затруднили покупку небольшими участками и такія распоряженія, какъ перенесеніе торговъ изъ дистриктовъ (уѣздовъ) въ департаменты (губерніи) и требованіе уплатъ за купленную землю въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Когда-то думали, что современная мелкая собственность Франціи создана была революціонною распродажею національныхъ имуществъ, составившихся изъ земель духовенства и дворянства. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что это было не такъ. Мелкая крестьянская собственность существовала и до революціи; только она была несвободная (чиншевая), обремененная феодальными повинностями, и революція лишь сдѣлала этотъ видъ владѣнія крестьянскою землею совсѣмъ свободнымъ. Въ составъ національныхъ имуществъ вошло, вѣ-

роятно, менѣе одной трети всей поземельной собственности въ странѣ. Сначала историки думали, что это все было раскуплено крестьянами, но потомъ оказалось, что это было не такъ: составилось даже мнѣніе, что распродаваемыя земли покупались чуть не исключительно буржуазіей. Новѣйшія изслѣдованія вопроса показываютъ, что было и такъ и сякъ, въ разныхъ мѣстахъ различно, и что, напримѣръ, поближе къ городамъ земли покупались буржуазіей, подальше отъ городовъ крестьянами, но, конечно, такими, которые были позажиточнѣе, такъ что этимъ путемъ только усиливался классъ буржуазныхъ владѣльцевъ земли приливомъ въ него обогатившихся крестьянъ. Такихъ, конечно, было меньшинство, громадное же большинство малоземельныхъ и безземельныхъ осталось въ прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторое перемѣщеніе поземельной собственности изъ рукъ въ руки, аграрный строй, существовавшій до революціи, мало измѣнился: крупная собственность не исчезла; даже образовались путемъ покупокъ изъ національныхъ имуществъ новыя крупныя имѣнія. Число мелкихъ собственниковъ увеличилось, но попрежнему крестьянская масса дѣлилась на болѣе зажиточную съ достаточнымъ количествомъ земли и малоземельную или безземельную, которая вынуждена была арендовать чужую землю или работать въ чужихъ хозяйствахъ. Во всякомъ случаѣ, Конвентъ далеко не содѣйствовалъ демократизаціи поземельной собственности во Франціи.

Еще меньшимъ источникомъ для увеличенія площади мелкаго землевладѣнія во Франціи могъ быть раздѣлъ общинныхъ угодій въ родѣ пустырей, пастбищъ и т. п. Ими крестьяне пользовались сообща или въ нѣсколькихъ деревняхъ сразу, или отдѣльными деревнями, или же особыми группами населенія (напримѣръ, имѣвшими скотъ). Противъ этого вида землевладѣнія давно начался походъ, и уже Законодательное Собраніе послѣ переворота 10 августа постановило обязательный раздѣлъ общинныхъ земель, кромѣ лѣсовъ. Конвентъ послѣ изгнанія жирондистовъ тоже издалъ (10 іюня 1793 г.) декретъ о раздѣлѣ, но не объ обязательномъ, а лишь факультативномъ, по рѣшенію хотя бы одной трети голосовъ всѣхъ граждапъ общины обоего пола, достигшихъ 21-лѣтняго возраста. Раздѣлъ такой предполагался поголовнымъ и безповоротнымъ, но можно было и продолжать пользоваться общими угодьями сообща, отдавать въ аренду, даже продавать съ поголовнымъ дѣлежомъ выручаемыхъ денегъ. На дѣлѣ эта мѣра не имѣла значенія. Дѣлежъ шелъ медленно, продажа туго, ибо самая мѣра имѣла больше политическое значеніе: якобинцы хотѣли

показать, какъ они заботятся о крестьянахъ. Но среди нихъ были и такіе, которые требовали безъ разговоровъ включить общинныя земли въ національную собственность, т.-е. экспропріировать крестьянъ. Изъ законовъ Конвента, имѣвшихъ экономическое значеніе, напомнимъ еще законъ о максимумѣ, о которомъ уже достаточно было сказано выше. Введенный въ сентябрѣ 1793 года, онъ былъ отмѣненъ въ декабрѣ 1794 года, просуществовавъ пятнадцать мѣсяцевъ. Онъ былъ изданъ по требованію парижскихъ секцій; жирондисты, мы знаемъ, были противъ него, не за него и монтаньяры, но потомъ они за него ухватились, какъ за популярную въ массѣ мѣру. Однако установленіе максимальной заработной платы очень раздражало рабочихъ.

Въ качествѣ мѣръ временнаго характера, предписывавшихся чрезвычайными обстоятельствами, Конвентъ могъ декретировать и реквизиціи, и принудительные займы, и вообще всякія принужденія, но теоретически большинство его членовъ стояло на сторонѣ свободныхъ договоровъ въ экономической жизни. Законъ Ле-Шапелье, запрещавшій стачки и коалиціи, продолжалъ дѣйствовать и при Конвентѣ, который попрежнему находилъ, что частныя соединенія гражданъ противорѣчатъ общему благу. Названный законъ до такой степени укрѣпился въ жизни, что отмѣна его произошла только въ 1864 году. Если въ области политики „принципы 1793 года“ очень отличались отъ „принциповъ 1789 года“, къ которымъ конституція 1795 года, однако, опять вернула Францію, то въ соціальномъ законодательствѣ Конвентъ существеннымъ образомъ не отличался отъ Учредительнаго Собранія, за исключеніемъ только болѣе радикальной позиціи въ вопросѣ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ; между тѣмъ нѣкоторые историки, какъ изъ одобрявшихъ, такъ и порицавшихъ законодательство Конвента, готовы были приписывать этому законодательству особенно соціальный характеръ. На дѣлѣ этого не было.

Отношеніе Конвента къ праву собственности было не инымъ, чѣмъ у Учредительнаго Собранія. Мы видѣли, что, открывая свои засѣданія, онъ первымъ дѣломъ провозгласилъ нерушимость собственности. Его деклараціи правъ—и жирондистская, и якобинская, и термидоріанская — стояли на той же самой точкѣ зрѣнія. Конвентъ даже декретировалъ смертную казнь за предложеніе „аграрнаго закона“, какъ тогда называли всякую мысль объ имущественномъ равенствѣ или раздѣлѣ собственности, вообще соціальный переворотъ. Право собственности на проданныя національныя имущества даже спе-

ціально подтверждалось, чтобы покупщики чувствовали прочнѣе свое положеніе.

Заявленія отдѣльныхъ членовъ Конвента дѣлались въ томъ же духѣ. У Робеспьера былъ свой проектъ деклараціи правъ, въ которой признавалось гарантированное закономъ право собственности, ограничивавшееся, какъ и всякія другія права, обязанностью уважать чужое право. Упразднять собственность онъ отнюдь не собирался и допускалъ только одну возможность пользоваться достатками богатыхъ для содержанія бѣдныхъ. Маратъ въ своемъ „Проектѣ уголовнаго законодательства" говорилъ, что въ обществѣ не должно было бы быть людей, лишенныхъ необходимаго, и что потому бѣднымъ нужно помогать, впрочемъ, не кормя даромъ бездѣльниковъ, а устраивая для неимущихъ національныя мастерскія, главное же—это то, что нужно смягчить уголовные законы противъ кражи,—точка зрѣнія, на которой стоялъ и Бриссо въ своихъ „Изслѣдованіяхъ права собственности и кражи". Если даже нѣкоторые теоретически нападали на право собственности, то имѣли въ виду возможность ея отсутствія только въ естественномъ состояніи, а никакъ не въ гражданскомъ обществѣ.

Конвентъ даже создалъ новый видъ частной собственности, именно литературной и художественной, или, какъ ее называютъ теперь, „авторское право". Авторы и издатели ихъ произведеній раньше боролись съ перепечатками только путемъ огражденія своихъ правъ испрашиваніемъ „королевской привилегіи". Запрещалось раньше перепечатывать чужія произведенія не потому, что у авторовъ на нихъ было исключительное право, какъ ихъ творцовъ, а потому, что имъ давалась королемъ привилегія, теперь же признано было за самимъ авторомъ его право собственности.

Тѣ историки, которые хотятъ видѣть въ конвентномъ законодательствѣ нарочито-соціальный характеръ, указываютъ на провозглашеніе имъ принципа обязанности общества приходить на помощь своимъ членамъ, впавшимъ въ нужду или болѣзнь, и помогать безработнымъ находить себѣ работу. Въ „Деклараціи правъ человѣка и гражданина" 1789—1791 гг., дѣйствительно, не было такого заявленія, которое появляется лишь въ жирондистской и якобинской деклараціяхъ 1793 года, но, въ сущности, то, что здѣсь предлагалось отнюдь не было какою бы то ни было новостью: не только разные писатели XVIII вѣка стояли на этой точкѣ зрѣнія, но и прежнее монархическое правительство, и предыдущія Собранія, Учредительное и Законодательное, шли по тому же самому пути. Такъ называемое „общественное призрѣніе" представляетъ

собою одно изъ учрежденій стараго порядка, равно какъ и устройство общественныхъ работъ. Въ Англіи на этотъ счетъ существовало очень разработанное законодательство, возникшее еще во второй половинѣ XVI вѣка, и то, что̀ предлагалось во Франціи нѣкоторыми писателями XVIII вѣка и осуществлялось революціей, было не чѣмъ инымъ, какъ своего рода подражаніемъ англійскимъ законамъ о бѣдныхъ (паупсрахъ).

Монтескьё, конечно, знавшій англійскую систему помощи бѣднымъ при посредствѣ особаго налога въ ихъ пользу, а также устройства рабочихъ домовъ, писалъ, что это необходимо нуждающимся, не имѣющимъ работы, для предупрежденія бѣдности и народныхъ возстаній. Тюрго заводилъ общественныя работы, а въ эдиктѣ объ отмѣнѣ цеховъ называлъ „право трудиться" самою „священною и самою неотъемлемою собственностью изъ всѣхъ ея видовъ" и требовалъ, чтобы государство приходило на помощь людямъ, нуждающимся въ трудѣ. Подобнаго рода предложенія мы находимъ и въ наказахъ 1789 года и въ брошюрахъ того времени. Бонсерфъ, авторъ уже называвшагося нами трактата „О неудобствѣ феодальныхъ правъ", въ другой брошюрѣ „О необходимости и способахъ съ выгодою занимать всѣхъ рабочихъ" проводилъ такую мысль: каждый имѣетъ право на существованіе, соединенное съ обязанностью трудиться, поэтому общество должно помогать своимъ членамъ пользоваться этимъ правомъ и исполнять эту обязанность, разъ тѣ или другіе члены общества лишены возможности это дѣлать. Въ сущности, и Маратъ имѣлъ въ виду не что-либо иное.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ установленіи Конвентомъ во Франціи единства мѣръ и вѣса.

Въ общемъ обзорѣ состоянія Франціи передъ революціей было упомянуто, что въ ней не было одинаковыхъ мѣръ и вѣса, а при изложеніи требованій, заключавшихся въ наказахъ 1789 года, было отмѣчено, что они настаивали на введеніи во всей странѣ метрическаго единообразія. Конвентъ удовлетворилъ этому общему желанію.

Именно, Конвенту принадлежитъ заслуга введенія во Франціи метрической системы, которая въ XIX вѣкѣ распространилась и по другимъ странамъ. Еще Учредительное Собраніе въ 1791 году постановило положить въ основу будущей системы мѣръ нѣкоторую естественную величину, длину земного меридіана, а во второй половинѣ 1792 года измѣреніемъ его начала заниматься цѣлая комиссія ученыхъ. Конвентъ декретомъ 1 авг. 1793 года предписалъ установить единообразіе

мѣръ и вѣса, а 22 октября того же года декретировалъ изготовленіе изъ платины образцовъ новыхъ единицъ (метровъ, литровъ, граммовъ), система которыхъ была дѣломъ ученаго Пріёра, бывшаго членомъ Конвента. Специальнымъ декретомъ 18 жерминаля III года (7 апрѣля 1795 года) былъ назначенъ срокъ для замѣны всѣхъ старыхъ мѣръ новыми, каковая и началась съ Парижа 1 нивоза IV года (22 декабря 1795 года), уже при Директоріи. Однако введеніе новыхъ мѣръ и вѣса не обошлось безъ сопротивленія нѣкоторыхъ секцій и департаментскихъ дикстриктовъ. Въ ноябрѣ 1796 года Директоріи еще пришлось обратиться ко всѣмъ французамъ съ посланіемъ о превосходствѣ новыхъ мѣръ.

ГЛАВА XXII.

Бытовыя черты революціонной эпохи.

Мы не перейдемъ еще теперь же къ обзору эпохи Директоріи, дабы еще нѣсколько остановиться на главныхъ годахъ революціи, т.-е. на 1789—1794 или 1795 годахъ. Намъ нужно еще познакомиться съ бытовою стороною революціи, съ нравами и обычаями эпохи, со всею внѣшностью проявленій революціоннаго настроенія, насколько послѣднее имѣло мѣсто въ празднествахъ, въ пѣсняхъ, въ эмблемахъ, въ лозунгахъ, въ обычной фразеологіи и пр. и пр. Все это было обычнымъ дѣломъ и придавало революціи особый колоритъ. Безъ знакомства съ этою стороною знаніе эпохи было бы недостаточно полно.

Начнемъ съ чисто-внѣшнихъ вещей. Въ XVIII вѣкѣ во французской арміи былъ обычай носить на шляпахъ особые значки въ видѣ розетокъ изъ бумаги или какой-либо матеріи, такъ называемыя кокарды. Послѣ своей рѣчи въ Пале-Роялѣ въ іюлѣ 1789 года Камиллъ Демуленъ сорвалъ съ дерева листъ и прикрѣпилъ къ своей шляпѣ въ видѣ кокарды, а бывшая при этомъ толпа послѣдовала его примѣру. Утромъ 14 іюля тогдашній городской голова Парижа, Флессель, сталъ раздавать народу, собравшемуся передъ ратушей, кокарды краснаго и синяго цвѣтовъ, бывшихъ цвѣтами герба города Парижа. Это нововведеніе быстро распространилось, но защитники стараго порядка демонстративно носили бывшія прежде въ ходу бѣлыя кокарды, цвѣта королевскаго знамени. Въ своемъ мѣстѣ у насъ было сказано, какъ офицеры гвардіи 1 октября топтали цвѣтныя кокарды и надѣвали бѣлыя. Скоро, однако, національная кокарда сдѣлалась трехцвѣтною, символически сочетавъ цвѣта королевскаго знамени съ цвѣтами Парижа, бѣлый съ краснымъ и синимъ. Когда Людовикъ XVI въ

октябрѣ пріѣхалъ въ Парижъ, ему была поднесена національная кокарда, которую онъ и надѣлъ. Въ виду того, что многіе продолжали носить бѣлыя кокарды и изъ-за этого происходили на улицахъ столкновенія, въ маѣ 1790 года всякія иныя кокарды, кромѣ трехцвѣтныхъ, были запрещены. Впослѣдствіи Конвентъ сдѣлалъ ношеніе кокарды обязательнымъ, между прочимъ, и для женщинъ, предписавъ арестовывать всѣхъ, кто не носилъ кокарды, и предавать суду всякаго, кто попытался бы сорвать кокарду съ другого. Секціонныя власти въ Парижѣ зорко слѣдили за исполненіемъ этого. То же было и по всей Франціи.

Эти три цвѣта въ порядкѣ краснаго, бѣлаго и синяго, расположенныхъ перпендикулярно, сдѣлались и цвѣтами военныхъ знаменъ. Вообще они стали національными цвѣтами. Трехцвѣтное знамя сохранилось и при Наполеонѣ. Въ эпоху реставраціи Бурбоновъ оно было замѣнено бѣлымъ, но революція 1830 года вернула Франціи трехцвѣтное знамя, каковымъ оно остается и теперь. Что̀ касается до краснаго знамени, то оно по октябрьскому декрету 1789 года должно было служить знакомъ того, что происходятъ безпорядки, и выкидывается при трехкратномъ предупрежденіи толпы, что ее будутъ разгонять силой; такъ это было, напримѣръ, во время печальнаго событія на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 года, когда Байльи и Лафайетъ явились увѣщевать собравшуюся у алтаря отечества толпу. Впослѣдствіи красное знамя развѣвалось еще надъ входомъ въ зданіе Конвента.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ кокарда, вошла въ моду шапка свободы въ формѣ фригійскаго колпака краснаго цвѣта. Начало этого относится къ серединѣ 1791 года, но особенно эта мода стала распространяться въ эпоху республики. Однимъ изъ первыхъ этому содѣйствовавшихъ былъ Бриссо, писавшій о шапкѣ свободы въ своей газетѣ „Французскій Патріотъ“ и самъ надѣвшій такой головной уборъ. Примѣру его послѣдовали жирондисты, и богатые патріоты изображали такой „боннэружъ“ (красный колпакъ) на дверцахъ своихъ экипажей. Изъ разсказа о событіи 20 іюня 1791 года мы видѣли, что этотъ головной уборъ мятежная толпа заставила надѣть на свою голову Людовика XVI. Въ 1793 г. многіе постоянно носили фригійскую шапку, а Маратъ засѣдалъ въ ней въ самомъ Конвентѣ. Одна изъ секцій Парижа изъ секціи Краснаго Креста переименовалась въ секцію Красной Шапки. Была и газета съ тѣмъ же названіемъ. Нѣкоторыя общества его также принимали. Въ 1794 году парижская Коммуна офиціально постановила, чтобы ея члены и чиновники въ извѣстныхъ слу-

чаяхъ носили этотъ головной уборъ. Многіе надѣвали его на улицѣ, чтобы ихъ не принимали за контръ-революціонеровъ. Въ массѣ случаевъ красный фригійскій колпакъ изображался, какъ эмблема революціи, и вошло въ обычай носить его, какъ своего рода знамя, надѣтымъ на пику. Послѣ 9 термидора раззолоченная молодежь стала сбивать эти колпаки съ головъ „патріотовъ" въ театрахъ, на улицахъ и т. п. Съ 1795 года эта эмблема республиканской свободы стала выходить изъ употребленія, послѣ же переворота 1799 года и совсѣмъ перестала встрѣчаться. Можно по употребленію этого символа слѣдить за тѣмъ, какъ революція сначала нарастала, а потомъ пошла на убыль.

Среди наиболѣе ревностныхъ революціонеровъ съ августа 1792 года была въ ходу еще такъ называемая карманьола, верхнее платье стараго южнаго покроя, въ какомъ въ Парижѣ явились марсельскіе федераты. Между прочимъ, Маратъ заказалъ себѣ такой костюмъ и засѣдалъ въ немъ въ Конвентѣ. Болѣе, однако, извѣстна подъ названіемъ карманьолы одна изъ революціонныхъ пѣсенъ, сопровождавшаяся танцемъ того же названія. Въ ней на первомъ планѣ были еще Людовикъ XVI и Марія-Антуанета подъ названіемъ господина и госпожи „Вето". Это указываетъ на время возникновенія пѣсни, когда король налагалъ свое „вето" на декреты Законодательнаго Собранія. Въ пѣснѣ провозглашались также виваты марсельцамъ.

Кромѣ изображенія красной шапки, на знаменахъ и флагахъ, на плакатахъ и билетахъ, на произведеніяхъ печати (вплоть до игральныхъ картъ) встрѣчаются другія эмблемы, въ родѣ римскихъ фасцій (пучковъ прутьевъ) съ воткнутыми въ нихъ сѣкирами, пикъ, лавровыхъ и дубовыхъ вѣнковъ, разбитыхъ цѣпей, вложенныхъ одна въ другую рукъ, геніевъ свободы, гильотинъ и пр. и пр. (всего не перечесть), и были еще въ ходу разные популярные девизы, которыхъ тоже всѣхъ не перечесть. Остановимся на наиболѣе извѣстныхъ.

Формула: „Нація, король и законъ" была популярна въ первый періодъ революціи, когда во Франціи устанавливалась конституціонная монархія. Этотъ девизъ, конечно, пересталъ существовать послѣ 10 августа 1792 года, когда началось истребленіе всего, что напоминало королевскую власть,—ея гербовъ, ея эмблемъ, ея девизовъ. Конвенту пришлось даже останавливать народъ отъ разрушенія многихъ историческихъ и художественныхъ памятниковъ, повинныхъ только въ томъ, что на нихъ были какіе-либо роялистическіе знаки. Каждый, у кого были какія-нибудь вещи подобнаго рода, ихъ припря-

тывалъ, а если у кого находили что-либо со стилизованнымъ знакомъ лилій, бывшихъ династическимъ гербомъ Бурбоновъ, то такое лицо становилось подозрительнымъ или прямо привлекалось къ отвѣтственности.

Вмѣсто монархической формулы въ республиканскій періодъ была особенно популярна другая: „Свобода, равенство и братство". Ее мы встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ только можно было написать эти три слова. Нерѣдко въ этомъ девизѣ мы находимъ нѣкоторую прибавку, благодаря которой формула превращалась въ такую: „Свобода, равенство и братство или смерть!". При этомъ толковали, кому какъ было угодно, смыслъ формулы: нужно ли было лучше умереть самому, кто не хочетъ жить безъ свободы, равенства и братства, или смерть обѣщалась тому, кто не хотѣлъ бы признать этой формулы. Многіе понимали ее именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: будь моимъ братомъ или умри. Братство соотвѣтствовало тому братанію, которое началось во Франціи на праздникахъ федераціи.

Обращеніе къ другимъ, какъ къ „братьямъ", было обычно въ эпоху революціи. Въ какой-либо секціи рѣшали обратиться не къ гражданамъ, а къ „братьямъ" другой или другихъ секцій. „Наши братья такой-то секціи",—говорили члены революціоннаго комитета одной секціи о таковыхъ же другой. Изъявленіе „братскихъ чувствъ", „братскія объятія", „братскія рукопожатія", „братскіе поцѣлуи" были тоже въ большомъ ходу. Въ эпоху революціи вырабатывалась своя фразеологія и терминологія. Мы уже видѣли, какъ вошло въ обычай называть другъ друга „гражданинъ" или „гражданка", вмѣсто стараго „господинъ" или „госпожа". Это хотѣли даже сдѣлать закономъ, который все-таки предписалъ такое титулованіе въ офиціальныхъ сношеніяхъ: „гражданинъ министръ", „гражданинъ законодатель", „гражданинъ комиссаръ" и т. п.

Названію „братья" соотвѣтствовалъ третій членъ формулы: „Свобода, равенство, братство", названію „гражданинъ" первыя два слова. Со времени установленія во Франціи свободы и равенства считали года, причемъ различали между годами свободы (съ 1789) и равенства (съ 1792), а потому говорили и писали: въ такомъ-то году свободы, въ такомъ-то равенства. Даты принимались не всегда одинаково, но офиціально было принято считать время съ провозглашенія республики, какъ она постоянно обозначалась, „единой и нераздѣльной" (тоже одна изъ самыхъ употребительныхъ формулъ).

Мы уже знаемъ, какъ во Франціи Конвентомъ былъ введенъ новый календарь, причемъ счетъ годовъ начинался съ

22 сентября 1793 года. Годъ, начинавшійся съ осенняго равноденствія, дѣлился на 12 мѣсяцевъ по тридцати дней въ каждомъ, съ пятью дополнительными днями въ концѣ (въ высокосномъ году съ шестью), которые носили названіе „санкюлотидъ“ въ честь санкюлотовъ. Для обозначенія мѣсяцевъ были придуманы звучныя названія поэтомъ Фабръ-д'Эглантиномъ. Вотъ ихъ объясненія.

Имена осеннихъ мѣсяцевъ оканчивались на „еръ“: вандемьеръ, т.-е. мѣсяцъ сбора винограда, брюмеръ—мѣсяцъ тумановъ, фримеръ—мѣсяцъ заморозковъ.

Зимніе мѣсяцы оканчивались на „озъ“: нивозъ—снѣжный, плювіозъ—дождливый, вантозъ—вѣтреный.

Весенними мѣсяцами на „аль“ были: жерминаль, когда показываются почки и ростки, флореаль — цвѣточный (какъ славянскій „цвѣтень“), преріаль—луговой.

Наконецъ, для лѣта были придуманы названія, кончающіяся на „доръ“, а именно: мессидоръ, т.-е. жатвенный, термидоръ, теплый или жаркій, и фрюктидоръ, мѣсяцъ плодовъ (фруктовъ).

Каждый мѣсяцъ дѣлился на десятидневныя части, „декады“, съ обозначеніемъ дней: „примиди“, „дюоди“, „триди“ (т.-е. первый день, второй день и т. д.), причемъ послѣдній назывался „декадй“ и считался праздничнымъ. Каждый день мѣсяца обозначался сверхъ того по имени растеній, плодовъ, овощей, животныхъ и пр. и пр. Этотъ календарь просуществовалъ до 1 января 1806 года, когда Наполеонъ, въ то время уже императоръ, велѣлъ замѣнить его старымъ католическимъ календаремъ, такъ что и самое возведеніе его на престолъ еще датировалось по республиканскому календарю XII годомъ республики. Нѣкоторыя радикальныя французскія газеты до сихъ поръ проставляютъ еще даты рядомъ съ обычными числами и по революціонному календарю.

О республиканскомъ лѣтосчисленіи у насъ зашла рѣчь по поводу обычая считать по годамъ свободы и годамъ равенства, и о послѣднемъ по поводу знаменитаго девиза: „Свобода, равенство, братство“. Такихъ лозунговъ, хотя бы и бывшихъ менѣе распространенными, въ эпоху революціи было много, равно какъ и разныхъ крылатыхъ словъ, кѣмъ-нибудь произнесенныхъ и потомъ повторявшихся другими, въ родѣ: „террора въ порядкѣ дня“, республики, которой „не нужны ученые“, и т. п., хотя иныя изъ такихъ изреченій, можетъ-быть, являются только легендарными. Вообще событія революціи породили массу легендъ и анекдотовъ, которые хранились въ памяти и передавались изъ устъ въ уста или попадали въ печать.

Многое появилось и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ современниковъ революціи. Нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ очень забавны, характеризуя, напримѣръ, невѣжественную наивность темныхъ массъ. Одинъ крестьянинъ объясняетъ другому королевское „вето“: „знаешь ты, что̀ это такое?“—Нѣтъ.—„Ну, такъ вотъ что̀: у тебя въ мискѣ супъ, а король тебѣ говоритъ: вылей его на полъ, а ты и долженъ его вылить“. Иные такіе анекдоты, конечно, были злостнаго сочиненія, какъ, можетъ-быть, и этотъ.

Насмѣшекъ надъ революціей сочинялось и публиковалось много роялистами, когда во Франціи существовала еще свобода печати, т.-е. въ первые мѣсяцы. Карикатуры и шаржи на Мирабо въ видѣ быка, на Байльи въ видѣ пѣтуха и на другихъ дѣятелей, изображавшихся то оленями, то свиньями, то собаками, были очень распространены. Сторонники новыхъ идей и порядковъ не оставались въ долгу, и была масса то добродушныхъ, то злыхъ карикатуръ на короля, королеву, королевскихъ братьевъ и т. п. Съ развитіемъ революціи карикатура могла сдѣлаться орудіемъ только революціонеровъ, причемъ въ рисункахъ все чаще и полнѣе отражался терроръ. Здѣсь постоянно фигурировала гильотина, отрубленныя головы и вообще сюжеты, отличавшіеся грубостью. Предметомъ карикатуръ дѣлались и жирондисты и дантонисты, а послѣ 9 термидора и Робеспьеръ и всѣ якобинцы вообще стали подвергаться насмѣшкамъ. Большое развитіе получила политическая карикатура и при дѣйствіи конституціи III года, но послѣ низверженія ея Наполеономъ такіе рисунки стали появляться все рѣже и рѣже, пока и совсѣмъ не исчезли.

Нечего говорить, что во время революціи рисовалось и гравировалось множество портретовъ наиболѣе выдающихся дѣятелей или наиболѣе замѣчательныхъ сценъ. Изъ художниковъ эпохи особенно прославился Жакъ-Луи Давидъ, сдѣлавшійся членомъ Конвента, благодаря протекціи Робеспьера. Когда началась революція, онъ уже былъ знаменитостью. Сначала Давидъ бралъ сюжеты для своихъ картинъ изъ античнаго міра, но послѣ картины „Прибытіе Людовика XVI въ засѣданіе парламента“ сталъ заниматься современностью. Названную картину онъ подарилъ Національному Собранію, которое заказало ему написать большую картину: „Присяга въ Жё-де-помъ 20 іюня 1789 года“, но онъ оставилъ ее неоконченною. Въ Конвентѣ онъ подалъ голосъ за казнь короля и занимался сочиненіемъ проектовъ и организаціей народныхъ празднествъ. Послѣ 9 термидора онъ подвергся аресту за близость къ Робеспьеру, но его спасла только слава великаго

художника. Впослѣдствіи онъ сдѣлался большимъ поклонникомъ Наполеона, котораго изображалъ героемъ въ такихъ своихъ картинахъ, какъ „Переходъ черезъ Сенъ-Бернардъ“, „Коронація въ соборѣ Парижской Богоматери“ и „Раздача орловъ (знаменъ) арміи“.

Въ общемъ, революція не благопріятствовала литературному творчеству. Поэтъ Мари-Андре Шенье болѣе прославился своей печальной судьбой, сложивъ голову на плахѣ, какъ подозрительный, потому что былъ секретаремъ защитника Людовика XVI, Мальзерба, и самъ писалъ статьи въ „Журналѣ де Пари“, показавшіяся слишкомъ „модерантистскими“. Болѣе сдѣлалъ его братъ Мари-Жозефъ, авторъ нѣсколькихъ трагедій, одна изъ которыхъ по приказанію Комитета общественнаго спасенія была схвачена и предана сожженію со всѣми копіями за неблагопріятные для Робеспьера намеки. Шенье самъ былъ членомъ Конвента, гдѣ много заботился о народномъ образованіи. Его можно назвать главнымъ поэтомъ революціи по написаннымъ имъ гимнамъ: въ честь 10-го августа, въ честь Разума, въ честь Верховнаго Существа, въ честь 9 термидора и т. п., но самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ была „Пѣснь выступленія“ (т.-е. арміи на войну), игравшая почти такую же роль, какъ знаменитая Марсельеза.

Духъ французской революціи и ея патріотическій порывъ лучше всего выразились въ этихъ двухъ произведеніяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ большого распространенія и популярности достигли и такія пѣсенки, какъ „Са ирà“ (Ça ira), Карманьола и др.

Первая пѣсенка съ припѣвомъ, означающимъ: „это пойдетъ“, пѣлась въ первый разъ въ первую годовщину взятія Бастиліи на Марсовомъ полѣ. Она состояла изъ ряда четверостишій (въ родѣ частушекъ), которыя то отсѣкались, то прибавлялись и отражали на себѣ всѣ перипетіи революціи. Сначала очень веселая и насмѣшливая (подъ нее даже танцовали), она впослѣдствіи принимала болѣе трагическій характеръ, когда приглашала вѣшать „аристократовъ на фонаряхъ“ (одинъ изъ обычныхъ лозунговъ того времени). Карманьола была написана послѣ 10-го августа. Начиналась она такими словами: „Госпожа Вето (т.-е. королева) обѣщала перерѣзать весь Парижъ, но это ей не удалось, благодаря нашимъ пушкарямъ. Будемъ плясать карманьолу. Да здравствуетъ звукъ (пушки)! Да здравствуетъ звукъ! Будемъ плясать карманьолу. Да здравствуетъ звукъ пушки!—Господинъ Вето (король) обѣщалъ быть вѣрнымъ своему отечеству, но

онъ не сдержалъ своего слова, не будемъ давать ему пощады. Будемъ плясать карманьолу“ и т. д. въ такомъ же родѣ. Въ пѣсенкѣ говорится и о марсельцахъ, и о санкюлотахъ и т. п.

„Пѣснь выступленія“ М.-Ж. Шенье была написана въ 1793 году и представляетъ собою длинное произведеніе изъ семи строфъ съ припѣвомъ, положенное Меюлемъ на музыку, которая исполнялась всѣми военными оркестрами. Въ ней выступаютъ воины (соло и хоръ), матери семействъ (тоже), старики, дѣти и т. д. Напримѣръ, воинъ запѣваетъ: „Пѣсня побѣды намъ открываетъ путь, свобода руководитъ нашими шагами, и отъ сѣвера до юга военная труба возвѣстила часъ битвъ. Трепещите, враги Франціи, короли, опьяненные кровью и гордыней! Грядетъ державный народъ: тираны, идите въ могилы!“ Припѣвъ воиновъ (затѣмъ повторяющійся и матерями, и старцами и т. д.) былъ такой: „Республика насъ зоветъ. Сумѣемъ побѣдить или погибнуть: французъ долженъ жить для нея; ради нея французъ долженъ умереть“. Въ одной изъ строфъ этого гимна говорится, что „французы дадутъ міру и миръ и свободу“.

Главнымъ національнымъ гимномъ Франціи осталась, однако, Марсельеза, о происхожденіи которой въ своемъ мѣстѣ было уже сказано. Въ ней замѣчательна музыка, бодрая, возбуждающая, до сихъ поръ играющая роль марша, но текстъ не блещетъ большими поэтическими достоинствами, хотя и отражаетъ на себѣ патріотическій порывъ воиновъ 1792 года. Даемъ здѣсь возможно точный стихотворный переводъ *).

О, дѣти родины, впередъ!
Насталъ день нашей славы;
На насъ тирановъ рать идетъ,
Поднявши стягъ кровавый! (Дважды).
Вамъ слышны ли среди полей
Солдатъ свирѣпыхъ эти крики?
Они сулятъ, *зловѣще дики*,
Убійства женщинъ и дѣтей.
Къ оружью, граждане! смыкайтеся въ ряды вы!
Пусть крови вражеской **) напьются наши нивы!

Что нужно ей, ордѣ рабовъ,
И этихъ королей союзу?
Готовятъ стыдъ своихъ оковъ
Они давно уже французу!
Да, то для насъ! Какой позоръ! (Дважды).
Великій гнѣвъ въ сердцахъ пылаетъ:

*) Неизбѣжныя въ стихотворныхъ произведеніяхъ отступленія отмѣчаемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ съ буквальнымъ переводомъ этихъ мѣстъ. Прибавки отмѣчены курсивомъ.

**) Ихъ нечистой крови.

Кто это заводить дерзаетъ
О нашемъ рабствѣ разговоръ?
Къ оружью, граждане! и т. д.

Какъ! Намъ предписывать законъ
Хотятъ когорты иностранцевъ,
И изъ домовъ погнать насъ вонъ *)
Толпы наемныхъ *оборванцевъ!* (Дважды).
Великій Богъ! Насъ заковать!
Ярмо намъ наложить на выи **),
Чтобъ деспоты, *тираны злые*,
Намъ впредь могли повелѣвать!
Къ оружью, граждане! и т. д.

Трепещетъ каждый пусть тиранъ
Съ позорною своей толпою! ***)
Пусть замыслы коварныхъ *странъ*
Оплатятся своей цѣною! (Дважды).
Солдатомъ каждый сталъ у насъ:
Погибнутъ юные герои,
Земля родитъ ихъ новыхъ *вдвое*,
Дабы разить оружьемъ васъ!
Къ оружью, граждане! и т. д.

Французы! вашъ высокій духъ
У васъ потребуетъ пощады
Для тѣхъ, *о комъ есть вѣрный слухъ*,
Что сами воевать не рады ****)! (Дважды).
Не то—кровавый деспотъ сей,
Буйлье °) сообщники прямые,
Не люди эти, тигры злые,
Что матери рвутъ грудь своей...
Къ оружью, граждане! и т. д.

Святая къ родинѣ любовь,
Веди насъ по дорогѣ мщенья °°).
Свобода! Пусть за нашу кровь
И за тебя имъ нѣтъ прощенья °°°)! (Дважды).
И пусть на твой могучій зовъ
Къ знаменамъ прилетитъ Побѣда,
И взоръ надменнаго *сосѣда*
Увидитъ Славы къ намъ любовь °°°°).
Къ оружью, граждане! и т. д.

На тотъ же путь и мы пойдемъ,
Какъ старшихъ ужъ въ живыхъ не будетъ.

---

*) Буквально: поразить нашихъ гордыхъ воиновъ.
**) Буквально: подъ игомъ наморщатся наши лбы!
***) Буквально: поношеніе всѣхъ партій.
****) Буквально: щадите эти печальныя жертвы, съ прискорбіемъ воюющія противъ насъ.
°) Французскій генералъ, эмигрантъ.
°°) Веди насъ, укрѣпи наши мстящія руки.
°°°) Свобода, дорогая свобода! Сражайся на ряду со своими защитниками.
°°°°) Твое торжество и нашу славу.

Ихъ прахъ мы на пути найдемъ:
Никто ихъ доблесть не забудетъ *) (Дважды).
Намъ лучше, чѣмъ ихъ пережить,
За ними вслѣдъ сойти въ могилы.
Всѣ напряжемъ мы наши силы **)
Хоть умереть да отомстить!
Къ оружью, граждане! и т. д.

Какъ видимъ, въ Марсельезѣ отразилась не столько революціонность эпохи, сколько ея патріотизмъ. Національное чувство во Франціи было тогда чрезвычайно приподнято. Монархія пала потому, что короля, королеву, дворъ обвиняли въ измѣнѣ. Внутренніе враги—это были не только тѣ, которые были противъ новыхъ порядковъ, но и тѣ, кого подозрѣвали въ измѣнѣ, въ томъ, что они подкуплены золотомъ „Питта и Кобурга“, какъ обыкновенно говорили, имѣя въ виду англійскаго министра и австрійскаго главнокомандующаго. Главными мотивами выступленій парижскихъ секцій были или голодъ, или патріотическая тревога за родину. Но войнѣ приписывалась не одна только цѣль—отраженіе врага, а также освобожденіе народовъ отъ „тирановъ“. „Война королямъ и миръ хижинамъ“ было тоже однимъ изъ популярныхъ лозунговъ: съ пламеннымъ патріотизмомъ французы соединяли широкія космополитическія мечтанія.

Въ послѣднемъ отношеніи знаменательна манифестація въ Законодательномъ Собраніи 26 августа 1792 года, когда оно во имя общечеловѣческаго братства дало права французскаго гражданства знаменитымъ иностранцамъ, оказавшимъ услуги дѣлу свободы. Въ числѣ ихъ были Вашингтонъ, первый президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, филантропы Вильберфоръ и Кларксонъ, ведшіе агитацію противъ рабства негровъ, англійскій юристъ и публицистъ Бентамъ, швейцарскій педагогъ Песталоцци, нѣмецкій поэтъ Шиллеръ, даже имя котораго, превращенное въ „гражданина Жилля“, было во Франціи плохо извѣстно. Въ числѣ этихъ новыхъ гражданъ былъ и нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ, „ораторъ человѣческаго рода“, какъ онъ себя называлъ, проповѣдникъ всемірной республики, ставившій на своихъ письмахъ: „Парижъ, столица земного шара“. Несмотря на это и на то, что, по собственному его выраженію, у него „сердце было французское, а душа санкюлотская“, онъ былъ потомъ казненъ съ другими эбертистами.

„Человѣчность“ и „всемірное гражданство“ (гуманитаризмъ

*) (Найдемъ) и слѣдъ ихъ доблестей.
**) Высшей гордостью нашей будетъ.

и космополитизмъ) не сходили съ языка у многихъ людей того времени, какъ ни противорѣчили факты этимъ лозунгамъ. Даже Робеспьеръ пользовался такими словами и говорилъ о любви къ человѣчеству, о добродѣтели и т. п., за что, собственно, нашъ Пушкинъ и могъ назвать его „сентиментальнымъ тигромъ“. Подобныя слова и соотвѣтственныя фразы были тогда въ модѣ. Давно замѣчено, что въ эту эпоху французы охотнѣе говорили не о французахъ, а о людяхъ вообще, о человѣкѣ, обо всемъ человѣчествѣ, и тѣмъ придавали своимъ идеямъ характеръ чего-то общаго, пригоднаго всѣмъ людямъ, всѣмъ народамъ. Въ этой модѣ былъ нѣкоторый налетъ сентиментализма, столь мало бывшій къ лицу столь суровой эпохѣ. Люди и на самомъ дѣлѣ легко проявляли чувствительность, могли проливать слезы, приходить въ растроганное настроеніе, въ чемъ немало было неврастеничности и истеричности. Тяжелая дѣйствительность не могла не оказывать вліянія на расположеніе духа и на нервы. Не безъ вліянія былъ и литературный сентиментализмъ Руссо: посмертное вліяніе „женевскаго гражданина“ проявлялось не въ одной области политики и не черезъ одинъ „Общественный Договоръ“.

Атеизмъ Эбера, Шометта, Клотца и ихъ поклоненіе Разуму не имѣли никакихъ корней въ обществѣ, хотя за него и высказывались многіе члены Коммуны и конвентскіе комиссары въ провинціи. Ни Робеспьеръ ни Дантонъ, какъ мы видѣли, этому не сочувствовали, а Робеспьеръ спеціально преслѣдовалъ атеизмъ, находя его противообщественнымъ ученіемъ и обвиняя его пропагандистовъ въ томъ, что вся ихъ задача, людей, подкупленныхъ непріятелемъ, заключалась въ сѣяніи раздора въ народѣ и возбужденіи недовѣрія къ республикѣ. Фанатики атеизма, однако, закрывали церкви, выносили изъ нихъ распятія и статуи святыхъ, замѣняя ихъ бюстами Марата и Лепелетье де-Сенъ-Фаржо, члена Конвента, убитаго за то, что подавалъ голосъ за казнь короля. Въ народной массѣ „дехристіанизація“, т.-е. расхристіаненіе Франціи встрѣтило враждебное отношеніе, и скоро все это прошло. Да и робеспьеровскій культъ Верховнаго Существа, сентиментальный, но отвлеченный деизмъ Руссо, разумѣется, не могъ сдѣлаться народной вѣрой. Новые культы возникали по желанію небольшихъ кучекъ и падали вмѣстѣ со своими инціаторами, больше привлекая къ себѣ вниманіе своею театральностью и собирая толпу, падкую на зрѣлища, какъ это было съ робеспьеровскимъ праздникомъ Верховнаго Существа.

Для примѣра революціонныхъ праздниковъ-зрѣлищъ мы

остановимся на этомъ торжествѣ, но прежде упомянемъ объ одномъ религіозномъ теченіи эпохи революціи, тоже, однако, бывшемъ только интеллигентскимъ, не затронувшимъ народной массы.

Это были „теофилантропы", т.-е. друзья Бога и людей, секта, существовавшая въ 1796—1802 году въ Парижѣ и въ провинціи и пользовавшаяся католическими храмами для своего богослуженія. Ей покровительствовалъ одинъ изъ членовъ Директоріи, Ларевельеръ-Лепо. Весь культъ этой секты состоялъ изъ произнесенія проповѣдей и пѣнія гимновъ. Каждый могъ проповѣдывать, причемъ надѣвалъ бѣлое облаченіе и препоясывался трехцвѣтной лентой. Заповѣди секты были такія: „Мы вѣримъ въ бытіе Божіе и въ безсмертіе души; почитайте Бога, любите своихъ ближнихъ, будьте полезны отечеству. Дѣти! чтите отца и мать, повинуйтесь имъ съ любовью, покойте ихъ старость. Отцы и матери! обучайте дѣтей своихъ. Жены! смотрите на мужей вашихъ, какъ на главъ семействъ, и да дѣлаете вы взаимно друга друга счастливыми". Въ этомъ духѣ издавалось нѣсколько листковъ.

Что̀ касается вообще до торжествъ, устраивавшихся во время революціи, то они были весьма многочисленны. Первымъ изъ нихъ былъ праздникъ федераціи на Марсовомъ полѣ 14 іюля 1790 года, о чемъ была рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Празднованіе дня взятія Бастиліи происходило и въ слѣдующіе годы. Въ 1794 году, по предложенію Робеспьера, кромѣ этого дня, Конвентъ установилъ, какъ національные праздники, еще 10 августа 1792 и 21 января и 31 мая 1793 года, т.-е. дни крушенія монархіи, казни Людовика XVI и паденія жирондистовъ. Тогда же всѣ декади, т.-е. послѣдніе дни декадъ, были посвящены празднованію въ честь Верховнаго Существа, націи, человѣческаго рода, французскаго народа, благодѣтелей человѣчества, мучениковъ свободы и пр. и пр. въ этомъ родѣ. Въ концѣ своихъ засѣданій Конвентъ установилъ еще нѣсколько праздничныхъ дней и между ними въ честь свободы, 9 и 10 термидора, т.-е. дни паденія и казни Робеспьера. Послѣдняя санкюлотида (изъ пяти добавочныхъ дней) была также объявлена праздникомъ „для скрѣпленія узъ братства между гражданами и прославленія побѣдъ республики". Сами торжества состояли въ пѣніи патріотическихъ гимновъ, въ рѣчахъ на моральныя и „цивическія" (гражданскія) темы, въ братскихъ трапезахъ, въ разнаго рода играхъ, въ раздачахъ наградъ за добродѣтель, за заслуги и т. д., причемъ устраивались и разныя зрѣлища, привлекавшія стеченіе публики.

Однимъ изъ самымъ грандіознымъ образомъ обставленныхъ зрѣлищъ .былъ праздникъ Верховнаго Существа.

Послѣ провозглашенія Конвентомъ, что „французскій народъ признаётъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души“, было устроено Конвентомъ большое празднество, программа котораго была въ подробности разработана живописцемъ Давидомъ. 20 преріаля наступленіе праздника было возвѣщено пушечными выстрѣлами. Мѣстомъ торжества былъ Тюйлерійскій садъ, богато декорированный. Туда и направилось церемоніальное шествіе членовъ Конвента съ предсѣдателемъ Робеспьеромъ во главѣ, который шелъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди всѣхъ. Ихъ сопровождали группы дѣтей съ фіалками, юношей въ миртовыхъ вѣнкахъ, мужчинъ въ вѣнкахъ изъ дубовыхъ листьевъ, стариковъ въ вѣнкахъ оливковыхъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣвочекъ съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ. Музыка играла религіозные гимны, послѣ чего Робеспьеръ произнесъ напыщенную рѣчь въ честь Верховнаго Существа. Потомъ онъ взялъ въ руку факелъ и поджегъ три громадныя изображенія Атеизма, Раздора и Эгоизма, за которыми должна была показаться статуя Мудрости, къ общему сожалѣнію, при этомъ закоптившаяся. Затѣмъ шествіе направилось на Марсово поле, гдѣ была сооружена высокая гора съ деревомъ посерединѣ, подъ которымъ размѣстились члены Конвента. Хоръ въ 2500 голосовъ пропѣлъ гимнъ въ честь Верховнаго Существа, сочиненія Шенье, и происходили разныя сцены въ родѣ поднятія матерями своихъ маленькихъ дѣтей къ небу. Шествіе членовъ Конвента направилось обратно, но на Марсовомъ полѣ продолжались музыка, пѣніе и т. п. День окончился „гражданскими трапезами“ всѣхъ семействъ на улицахъ, перекресткахъ, площадяхъ, у пороговъ домовъ. Нужно прибавить, что Робеспьера встрѣчали не одними рукоплесканіями. Кое-гдѣ роптали: „Что это? Онъ хочетъ разыгрывать Бога? Не воображаетъ ли онъ себя первосвященникомъ Верховнаго Существа?“ Одинъ членъ Конвента сказалъ: „не забывай, что Тарпейская скала около Капитолія“. Эту Тарпейскую скалу, съ которой въ Римѣ свергали преступниковъ, вообще довольно часто вспоминали во время революціи: нами были въ свое время приведены слова Мирабо и Дантона, гдѣ была эта самая скала. Еще кто-то напомнилъ Робеспьеру, что существуютъ и Бруты.

Кстати, здѣсь нельзя не отмѣтить, что образы, воспоминанія, изреченія, эпизоды изъ античнаго міра были очень часты въ рѣчахъ и въ литературныхъ и художественныхъ произведеніяхъ эпохи. Французы хорошо знали греческихъ и римскихъ

классиковъ, хотя бы часто лишь въ переводахъ, и заимствовали оттуда нерѣдко свои политическія идеи. Мода эта до того усилилась, что въ самомъ государственномъ устройствѣ Франціи явились консулы, трибуны и т. п. Особенно, какъ мы не разъ уже могли это видѣть, большое вліяніе на политическое міросозерцаніе дѣятелей революціи имѣлъ Плутархъ, авторъ біографій античныхъ историческихъ героевъ, которымъ многіе думали подражать въ серьёзъ.

Отъ вопроса праздничныхъ зрѣлищъ эпохи революціи перейдемъ къ другой, болѣе мрачной темѣ. Казни во время террора сдѣлались „бытовымъ явленіемъ", какъ и то, что онѣ производились публично и потому были особымъ видомъ публичныхъ зрѣлищъ. Гильотина стояла въ Парижѣ на Площади Революціи, бывшей Людовика XV, потомъ, какъ мы видѣли, переименованной въ Площадь Согласія. Эта машина для совершенія казней получила названіе по имени изобрѣтателя, доктора Гильотена, который пріобрѣлъ въ Парижѣ большую популярность передъ революціей требованіемъ удвоенія числа депутатовъ отъ третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ. Онъ былъ членомъ Учредительнаго Собранія, которое по его предложенію и приняло совершеніе казней при помощи изобрѣтеннаго имъ инструмента. Самъ онъ былъ человѣкъ добрый и думалъ своимъ изобрѣтеніемъ избавить казнимыхъ отъ лишнихъ мученій, но потомъ всю жизнь (умеръ въ 1814 году) скорбѣлъ по поводу того, что̀ сдѣлали изъ его гильотины. Впослѣдствіи Гильотенъ былъ основателемъ и президентомъ медицинской академіи въ Парижѣ.

Сама гильотина состояла изъ двухъ вертикально поставленныхъ брусьевъ съ перекладиной наверху (въ видѣ буквы П), въ рейкахъ которыхъ сверху внизъ ходилъ тяжелый, срѣзанный внизу наискось топоръ, или рѣзецъ (въ формѣ трапеціи), своимъ паденіемъ сразу отсѣкавшій голову. Въ первый разъ изъ гильотины сдѣлано было употребленіе въ апрѣлѣ 1792 г. для одного уголовнаго преступника на Гревской площади передъ ратушей. Какъ орудіемъ политическихъ казней, машиной стали пользоваться въ августѣ того же года, послѣ переворота 10 числа этого мѣсяца. Въ 1793 и слѣдующихъ годахъ она стояла на площади Революціи, а при Директоріи почти перестала дѣйствовать, потому что отъ своихъ политическихъ противниковъ стали теперь отдѣлываться ссылками.

Казни совершались публично, пріучая толпу къ кровавымъ зрѣлищамъ. Уже когда обреченныхъ везли на эшафотъ, на улицахъ толпился народъ, провожавшій несчастныя жертвы террора свистками, бранью, криками, на площади же иногда

плясали карманьолу. Обыкновенно палачъ показывалъ народу отрубленную гильотиной голову. Говорятъ, что Дантонъ самъ просилъ показать его голову народу, такъ какъ, сказалъ онъ, „она этого стòитъ“. Вообще о послѣднихъ минутахъ нѣкоторыхъ казненныхъ ходили всякіе достовѣрные и недостовѣрные разсказы. Дантону, напримѣръ, приписывался возгласъ: „Молчать, неблагодарный народъ! Ты видишь смерть настоящаго республиканца!“. Камиллъ Демуленъ сказалъ: „вотъ награда первому апостолу свободы“. А бывшій епископъ Гобель воскликнулъ: „да здравствуетъ Іисусъ Христосъ!“. Съ 1792 года палачи начали называться „экзекуторами“ (исполнителями). Въ Парижѣ эта должность принадлежала нѣкоему Самсону.

Ходили и повторялись, а также вспоминались впослѣдствіи и разные разсказы о послѣднихъ дняхъ осужденныхъ, томившихся въ тюрьмахъ. Число тюремъ въ одномъ Парижѣ выросло до-нельзя, причемъ въ мѣста заключенія были превращены нѣкоторыя зданія, служившія прежде другимъ цѣлямъ. Главными были: Аббатство (Абэй), Консьержери, гдѣ томилась Марія-Антуанета, Люксембургъ, куда были посажены Дантонъ, Камиллъ Демуленъ и др., Лафорсъ, Бисетръ и пр. Многіе заключены были не за индивидуальныя дѣянія, а за участіе (часто мнимое) въ заговорахъ, иногда не существовавшихъ. Такихъ „конспирацій“ было множество: жирондисты, эбертисты, дантонисты и т. п., все это были „заговорщики“.

Особенно характеренъ такъ называемый „тюремный заговоръ“. Послѣ ареста Дантона и Демулена, жена второго изъ нихъ подкупила одного тюремщика и вступила въ сношенія съ кое-какими заключенными, но полиціей это было открыто, о чемъ и было объявлено во время суда надъ Дантономъ и его товарищами. Потомъ къ дѣлу припутали разныхъ заключенныхъ, которые не были ни душой ни тѣломъ виноваты ни въ какомъ подобномъ заговорѣ. Это было въ самый разгаръ террора, когда робеспьеристы говорили, что „безъ террора добродѣтель безсильна, какъ и терроръ гибеленъ безъ добродѣтели“, а Фукье-Тенвиль радовался, что „головы падаютъ, какъ черепицы съ крышъ“. Люди, незнакомые другъ съ другомъ, привлечены были къ суду за злой умыселъ на жизнь Робеспьера. Тогда погибли на эшафотѣ вдовы Эбера и Демулена, апостолъ атеизма Шометтъ, посаженный въ Люксембургскую тюрьму еще по соглашенію между Дантономъ и Робеспьеромъ, Гобель, бывшій первымъ конституціоннымъ епископомъ Парижа, потомъ отрекшійся передъ Конвентомъ отъ католицизма и сложившій въ его присутствіи принадлежности своего сана, и др.

Многіе во время террора арестовывались и предавались суду лишь въ силу объявленія „внѣ закона“ (hors la loi), которое считалось правомъ только Конвента и его комиссаровъ въ провинціяхъ. Такъ, въ концѣ 1792 года объявлены были внѣ закона всѣ люди, носившіе бѣлыя кокарды, потомъ Дюмурье, жирондисты, Робеспьеръ и его „сообщники“ и т. п. Такіе люди уже не судились въ революціонномъ судѣ, который долженъ былъ только удостовѣрять ихъ самоличность и безъ дальнѣйшей процедуры отдавать ихъ въ распоряженіе „экзекутора“. При Директоріи эта ужасная мѣра должна была примѣняться только въ случаяхъ покушенія противъ свободы законодательнаго корпуса и его отдѣльныхъ членовъ. Извѣстно, что крики: „внѣ закона!“ раздавались противъ генерала Бонапарта, когда онъ совершалъ свой государственный переворотъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть еще о зловѣщемъ крикѣ: „на фонарь!“, нерѣдко раздававшемся въ толпѣ, когда она грозила кому-либо самосудомъ или даже прямо его совершала. Уличные фонари висѣли на горизонтальныхъ брусьяхъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ домовъ, и были снабжены веревками, что̀ до-нельзя облегчало повѣшеніе несчастнаго, съ которымъ происходила дикая расправа. Однимъ изъ первыхъ такимъ образомъ пострадавшихъ былъ реакціонный совѣтникъ Людовика XVI, Фулонъ (22 іюля 1789 года). Разсказываютъ, что однажды враждебная толпа преслѣдовала на улицѣ праваго депутата аббата Мори крикомъ: „на фонарь его!“, и что аббата спасло отъ смерти только шутливое возраженіе съ его стороны: „хорошо, а развѣ отъ этого будетъ свѣтлѣе?“

Хотя казни совершались и до 31 мая 1793 года и послѣ 27 іюля 1794 года (9 термидора), однако въ болѣе тѣсномъ смыслѣ эпохою террора называются именно эти четырнадцать мѣсяцевъ. Главнымъ его вдохновителемъ былъ Робеспьеръ, находившій, что „законъ дѣйствуетъ не особенно быстро, дабы наказывать людей серьезно виновныхъ“. Террористы начали истреблять другъ друга: „стали страшиться,—говорилъ Демуленъ,—какъ бы самый страхъ не сдѣлалъ людей виновными“. Въ это время возникло самое понятіе террора и такія слова, какъ „террористъ“, „терроризмъ“, „терроризировать“. Въ концѣ концовъ, чаша терпѣнія нетеррористическаго большинства переполнилась, и терроръ исчезъ изъ „порядка дня“. Казнено также было въ это время немало женщинъ.

Женщины вообще играли большую роль въ революціи, хотя и не имѣли избирательныхъ правъ, вопросъ о которыхъ даже казался дикимъ всѣмъ политическимъ партіямъ. Въ нѣкото-

рыхъ народныхъ движеніяхъ онѣ принимали особенно видное участіе, какъ, напримѣръ, въ походѣ Парижа на Версаль въ октябрѣ 1789 года или въ преріальскомъ бунтѣ. Были даже особыя категоріи революціонныхъ женщинъ, заставлявшія о себѣ говорить. Таковы были знаменитыя „рыночныя дамы“, среди которыхъ началось движеніе на Версаль. Ихъ патріотизмъ выражался въ томъ, что тогда онѣ ежедневно посылали Лафайету и Байльи лакомства и цвѣты. До революціи у нихъ были цеховая организація подъ покровительствомъ Св. Дѣвы и кое-какое корпоративное имущество, въ родѣ стариннаго серебра, которое онѣ потомъ пожертвовали отечеству. Но, съ другой стороны, онѣ ни за что не хотѣли замѣнить свои традиціонные чепчики красными колпаками, къ чему ихъ пытались въ октябрѣ 1793 года силою принудить другія женщины. Дѣло дошло до настоящей драки и разбирательства у мирового судьи. Другую такую же категорію составляли такъ называемыя „вязальщицы“ (трикотёзы), женщины изъ простонародья, одѣтыя въ короткія юбки, съ волосами, ниспадавшими до плечъ, часто вооруженныя пикой, саблей, ружьемъ. Онѣ наполняли трибуны Конвента и залы клубовъ и секціонныхъ собраній, появлялись на національныхъ праздникахъ, нерѣдко верхомъ на пушкахъ, присутствовали во время казней, стараясь быть поближе къ эшафоту, и т. п. Онѣ получили свое названіе вслѣдствіе того, что даже во время своихъ выступленій являлись часто съ чулочнымъ вязаніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ прославились индивидуально, въ родѣ Розы Лакомбъ, Аспазіи Карлемиджелли и др. Многія изъ этакихъ женщинъ получили спеціальное названіе „робеспьеровскихъ трикотёзъ“. Своимъ аггрессивнымъ поведеніемъ онѣ вызывали неудовольствіе въ народѣ, такъ что послѣ 9 термидора ихъ стали преслѣдовать, арестовывать и публично сѣчь. Аспазія была даже казнена. Ругательски ихъ называли гильотинными фуріями, лизательницами крови и т. п.

Болѣе замѣтными на политической сценѣ были такія женщины, которыя могли играть крупную роль въ событіяхъ. Одною изъ нихъ была знаменитая госпожа Роланъ, вдохновительница жирондистовъ, такъ трагически погибшая съ другими членами этой партіи. У нея былъ свой политическій салонъ, гостиная, гдѣ собирались ея единомышленники. Въ свое время подобные салоны были у жены Неккера (до 10 августа 1792 года), гдѣ уже появилась ихъ дочь, извѣстная въ замужествѣ, какъ госпожа Сталь. Послѣ 9 термидора она завела свой собственный салонъ, игравшій нѣкоторую поли-

тическую роль. Въ салонѣ г-жи Кондорсе собирались знатные иностранцы, бывшіе приверженцами революціи. Былъ салонъ еще у г-жи Жозефины Богарнэ, жены генерала, казненнаго за проявленную имъ, по мнѣнію якобинцевъ, бездѣятельность подъ Майнцемъ. Креолка, родомъ съ острова Мартиники, она пріѣхала во Францію шестнадцати лѣтъ, за десять лѣтъ до революціи, и была принята при дворѣ. Во время террора ей самой грозила опасность, но переворотъ 9 термидора ее спасъ. Потомъ, въ 1796 году, она вышла замужъ за генерала Бонапарта, благодаря чему сдѣлалась впослѣдствіи императрицей. Она была дружна съ госпожой Талліенъ, о салонѣ которой уже была рѣчь, какъ о салонѣ уже реакціоннаго характера

Изъ „женщинъ революціи“ заслуживаетъ еще вниманія молодая и красивая Теруань-де-Мерикуръ, имѣвшая свой салонъ въ Парижѣ и заслужившая среди своихъ поклонниковъ названіе „первой амазонки свободы“. Она ходила въ засѣданія Учредительнаго Собранія и въ клубы, привлекая къ себѣ взоры своею наружностью и костюмами. Отличаясь смѣлостью, она принимала участіе и въ іюльскомъ движеніи 1789 года, а за поведеніе свое 10 августа 1792 года получила отъ федератовъ гражданскій („цивическій“) вѣнокъ. Но потомъ она подверглась большой непріятности за свое „бриссотинство“, т.-е. за сочувствіе жирондистамъ, когда вздумала сдерживать одну толпу женщинъ, публично отхлеставшихъ ее плеткой. Послѣ того она даже психически заболѣла.

Играла роль въ самомъ началѣ республиканской партіи еще жена адвоката г-жа Роберъ, одна изъ первыхъ по времени республиканокъ Франціи, когда, въ 1790 году, всѣ ея единомышленники могли, какъ говорится, усѣсться на одномъ диванѣ. Можно даже сказать, что въ ея салонѣ образовалось первое зерно будущей республиканской партіи. Г-жа Роланъ, не любившая ее, называетъ ее, однако, „умной, ловкой и тонкой“. Она особенно хлопотала о распространеніи образованія среди женщинъ и участвовала въ „братскихъ обществахъ обоихъ половъ“, въ которыхъ женское движеніе принимало болѣе культурныя формы, нежели у „рыночныхъ дамъ“ и у „трикотёзъ“.

Рядомъ съ этою первою республиканкою слѣдуетъ поставить еще Олимпію де-Гужъ (по мужу Обри), автора нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ и публицистическихъ произведеній въ защиту революціи. Большая поклонница Неккера и Мирабо, она одно время склонялась къ партіи герцога Орлеанскаго, а во время процесса Людовика XVI собиралась его

защищать. За это, уже въ іюлѣ 1793 г., ее арестовали, а революціонный судъ приговорилъ ее къ казни. Она одно время тоже работала надъ образованіемъ женскихъ обществъ и защищала политическія права своего пола.

Къ числу знаменитыхъ женщинъ французской революціи принадлежитъ и Шарлотта Корде, убившая Марата. Исторія революціи знаетъ еще нѣсколько случаевъ политическихъ убійствъ и покушеній. Въ 1792 году нѣкто Жанъ Дебри, членъ Законодательнаго Собранія и Конвента и обоихъ его главныхъ комитетовъ, задумалъ даже основать особое „общество тираноубійцъ". Античные примѣры аѳинянъ Гармодія и Аристогитона или цезарева убійцы Брута указывались, какъ достойные подражанія. Впрочемъ, конечно, это бывало дѣломъ политической мести и безъ классическихъ воспоминаній. Такъ погибъ, напримѣръ, членъ Конвента Лепеллетье де-Сенъ-Фаржо. Наканунѣ казни Людовика XVI онъ обѣдалъ въ одномъ изъ ресторановъ Пале-Рояля, когда къ нему подошелъ солдатъ конституціонной гвардіи короля, по имени Пари, и сказалъ: „это ты, злодѣй Лепеллетье, подалъ голосъ за смерть короля!" — „Да,—отвѣчалъ тотъ,—но я не злодѣй, а подавалъ голосъ по совѣсти". Пари выхватилъ тогда саблю и ею убилъ депутата, успѣвши самъ скрыться. Впослѣдствіи при своемъ арестѣ онъ застрѣлился. Въ 1794 году прахъ Лепеллетье былъ перенесенъ въ Пантеонъ.

Кстати о Пантеонѣ, о которомъ не разъ приходится говорить въ исторіи революціи. Это была церковь во имя покровительницы Парижа, св. Женевьевы, начатая постройкою въ концѣ царствованія Людовика XV по плану архитектора Суффло. Учредительное Собраніе опредѣлило быть этому грандіозному храму усыпальницей великихъ людей, прославившихся талантами, добродѣтелями и заслугами. Первымъ тамъ, въ подвальной части храма, былъ похороненъ Мирабо, и въ томъ же году былъ перенесенъ туда прахъ Вольтера. Затѣмъ тамъ же были положены останки Лепеллетье и Марата, но при погребеніи его гробница Мирабо была удалена. Въ 1794 году былъ туда перенесенъ и прахъ Руссо, а въ слѣдующемъ году Конвентъ постановилъ не оказывать никому такой почести раньше истеченія десяти лѣтъ послѣ кончины. Самое названіе взято отъ римскаго Пантеона, храма въ честь „всѣхъ боговъ". Сосѣдняя секція, носившая прежде имя „Сентъ-Женевьевъ", была тоже переименована въ Пантеонскую. Существовалъ около храма и Пантеонскій клубъ крайняго демократическаго направленія, закрытый въ 1796 г.

Вотъ и эти переименованія разнаго рода были однимъ изъ

обычныхъ явленій революціи. Когда рѣчь шла въ своемъ мѣстѣ о парижскихъ секціяхъ, было указано, какъ нѣкоторыя изъ нихъ мѣняли свои названія. Переименовывались также улицы, площади, отдѣльныя зданія. Случалось, что цѣлыя населенныя мѣста назывались по-новому, то по своему почину, то по приказу. За свое возстаніе Ліонъ былъ лишенъ прежняго имени и долженъ былъ называться „Коммюнъ-Аффранши“ (т.-е. Освобожденная Община). Было даже постановлено разрушить городъ и на его мѣстѣ поставить колонну съ надписью: „Ліонъ возсталъ противъ свободы, и Ліона не стало“. Дѣло, однако, кончилось только символическимъ ударомъ молоткомъ по одному изъ домовъ, причемъ было сказано: „я тебѣ наношу ударъ“. Комедію эту продѣлалъ Кутонъ.

Было въ обычаѣ мѣнять фамиліи и имена. Дворяне и священники дѣлали это для того, чтобы избѣгать преслѣдованій, легче скрываться за границу и т. п., вслѣдствіе чего Конвентомъ это было строжайшимъ образомъ запрещено: можно было только называться по фамиліи отца и по имени, полученному при крещеніи. Тѣмъ не менѣе было много случаевъ переименованій. Такъ, Клотцъ и въ исторію перешелъ „Анахарсисомъ“, по имени скиѳа, за 6 вѣковъ до Р. Х. учившагося въ Греціи. Или еще организаторъ коммунистическаго заговора Франсуа-Ноэль Бабёфъ, о которомъ будетъ еще рѣчь въ слѣдующей главѣ, назвался Гракхомъ по имени знаменитаго римскаго трибуна Кая Гракха.

Гораздо чаще бывали случаи, когда родители при рожденіи давали своимъ дѣтямъ разныя революціонныя имена, не исключая собственныхъ, въ родѣ Марата, Робеспьера и т. п., хотя здѣсь часто дѣйствовалъ произволъ муниципальныхъ властей. Законъ 20-го сентября 1792 года предписалъ вести записи о рожденіяхъ, вступленіяхъ въ бракъ и кончинахъ не у приходскихъ священниковъ, а у муниципальныхъ чиновниковъ, но, когда послѣдніе въ эпоху террора начали навязывать младенцамъ разныя неподходящія имена, родители стали избѣгать регистраціи новорожденныхъ въ мэріяхъ (управахъ), какъ потомъ (въ 1797 году) и объясняли такое свое поведеніе властямъ.

Въ связи съ указаннымъ способомъ регистраціи рожденій нужно упомянуть, что и бракъ однимъ конвентскимъ закономъ былъ объявленъ чисто-гражданскимъ установленіемъ, какъ обѣщаніе мужчины и женщины, съ дозволенія и подъ охраною закона, сдѣлаться супругами и воспитывать дѣтей отъ этого брака. Слѣдуетъ прибавить, что съ 1792 года начали же-

ниться многіе католическіе священники и даже епископы, оставаясь въ духовномъ санѣ, несмотря на запрещеніе церковью духовнымъ лицамъ вступать въ бракъ. Когда впослѣдствіи Наполеонъ заключалъ конкордатъ съ папою Піемъ VII (1801), послѣднему пришлось допустить браки болѣе 15 тысячъ священниковъ, переженившихся во время революціи, причемъ для будущаго времени это уже не допускалось. Тогда же было разрѣшено жениться и Талейрану. Были, конечно, и такіе духовные, которые слагали съ себя санъ, но другіе, принимая участіе въ революціи, оставались служителями алтаря. Нѣкоторые изъ нихъ проявили большое мужество въ тѣ мѣсяцы, когда крайніе революціонеры подняли гоненіе на христіанство. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, извѣстный намъ Грегуаръ, въ которомъ, по словамъ его недруговъ, „революціонеръ рычалъ отъ встрѣчи въ немъ же самомъ съ клерикаломъ“. Иную фигуру представлялъ собою парижскій епископъ Гобель, отрекшійся отъ католицизма и потомъ самъ казненный за атеизмъ.

На этомъ мы и закончимъ нашъ очеркъ бытовой стороны революціи, чтобы перейти къ обзору дальнѣйшихъ событій.

ГЛАВА XXIV.

Эпоха Директоріи.

Четырехлѣтній періодъ, когда во Франціи дѣйствовала конституція III года и страною правила Директорія, можетъ быть названъ временемъ внутренняго безсилія и, наоборотъ, внѣшнихъ побѣдъ. То и другое мы разсмотримъ отдѣльно, связавъ вторую сторону эпохи съ вопросомъ о вліяніи французской революціи на Европу.

Конституція III года вступила въ дѣйствіе 27-го октября 1795 года, когда собрались Совѣтъ Пятисотъ въ Тюйлерійскомъ манежѣ (потомъ онъ засѣдалъ въ Бурбонскомъ дворцѣ) и Совѣтъ Старѣйшинъ въ бывшемъ Тюйлерійскомъ помѣщеніи Конвента. Совсѣмъ новыхъ членовъ обоихъ Совѣтовъ законодательнаго корпуса была одна только треть. Это были либерально настроенные люди, желавшіе республики, но не сектантской и безъ сомнительныхъ въ нравственномъ отношеніи элементовъ. Большинство принадлежало не имъ, а „цареубійцамъ“, которые выбрали пять директоровъ изъ своихъ. Это были Баррасъ, Рёбель, Сьейесъ, Летурнёръ и Ларевельеръ-Лепо, но Сьейесъ отказался, и его мѣсто занялъ Карно.

Съ Сьейесомъ мы знакомы по 1789 году, и съ нимъ намъ придется еще встрѣтиться. О Баррасѣ и о Карно у насъ

тоже шла рѣчь по ихъ дѣятельности въ Конвентѣ. Одинъ былъ безпринципный искатель власти, вліянія и удовольствій, приспособлявшійся къ обстоятельствамъ, но и самъ ихъ приспособлявшій къ своимъ личнымъ цѣлямъ, другой—человѣкъ цѣльный, строгій къ себѣ, важный и гордый, нѣсколько прямолинейный, но котораго легко было обмануть красивыми словами. Три остальные директора были лицами новыми.

Ларевельеръ былъ еще членомъ Учредительнаго Собранія, потомъ Конвента, гдѣ подалъ голосъ за казнь короля безъ апелляціи къ народу и безъ отсрочки, но защищалъ жирондистовъ. Объявленный тогда внѣ закона, онъ спасся бѣгствомъ и вернулся въ Конвентъ только послѣ 9-го термидора, послѣ чего принялъ участіе въ выработкѣ конституціи III года. Въ сущности, онъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ своихъ товарищей, которые подшучивали надъ его страхомъ передъ вліяніемъ духовенства. Ларевельеру хотѣлось противопоставить католицизму новую религію, и онъ, какъ мы видѣли, оказывалъ покровительство безцвѣтной и прѣсной „теофилантропіи“. Въ общемъ, это была личность малозначительная.

Летурнёръ, бывшій членъ Законодательнаго Собранія и Конвента, былъ также не Богъ вѣсть какимъ политикомъ. Онъ былъ близокъ къ жирондистамъ, но не скомпрометировалъ себя ихъ защитой, а главное — онъ былъ большимъ поклонникомъ Карно, глазами котораго смотрѣлъ на все.

Эльзасецъ Рёбелль (или Ревбелль) уже въ Учредительномъ Собраніи былъ однимъ изъ наиболѣе лѣвыхъ, рано примкнулъ къ якобинцамъ, но во время террора стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ монтаньяровъ Конвента, послѣ же 9 термидора потребовалъ закрытія знаменитаго клуба. Это былъ человѣкъ надменный, но себѣ на умѣ и склонный къ насилію, однажды (уже въ IV году) сказавшій, что всѣхъ бы контръ-революціонныхъ депутатовъ въ мѣшокъ да въ воду. Честность его находилась подъ сомнѣніемъ.

Директорія устроилась въ Люксембургскомъ дворцѣ, члены одѣлись въ великолѣпные костюмы изъ атласа, съ плащами временъ Франциска I (т.-е. первой половины XVI вѣка), съ головными уборами изъ страусовыхъ перьевъ, все съ кружевами и галунами, — цѣлый „люксембургскій маскарадъ“, какъ обозначали это злые языки. Нравы и обычаи временъ Директоріи были уже не тѣ, что̀ при Конвентѣ.

Партіи распредѣлились такъ. Лѣвую сторону заняли террористы, нѣсколько воспрянувшіе духомъ послѣ 13 вандемьера и сосредоточившіеся въ Пантеонскомъ клубѣ, гдѣ проповѣдовались наиболѣе крайнія теоріи. Они, которыхъ на

зывали еще анархистами, находили благоволеніе къ себѣ у обоихъ якобинцевъ Директоріи, т.-е. у Барраса и Рёбелля, боявшихся возрожденія роялизма, хотя сколько-нибудь организованной партіи у роялистовъ не было. Правую сторону составляли умѣренные республиканцы, желавшіе сохранить пріобрѣтенія 1789 года, смягчить слишкомъ боевую политику, возстановить католическій культъ. Между обѣими сторонами были переходныя ступени. У Директоріи своей партіи не было, но къ ней примыкали или отъ нея отходили болѣе или менѣе всѣ, смотря по обстоятельствамъ, какъ это было и въ конвентской „Равнинѣ“. Чтобы быть „хорошимъ республиканцемъ“, нужно было, по словамъ одного изъ старѣйшинъ, только выйти на трибуну и заявить, что будь-де я членомъ Конвента, непремѣнно подалъ бы голосъ за казнь Людовика XVI. Ни правители ни законодательные совѣты въ націи уваженіемъ не пользовались: симпатіи отъ политиковъ переходили къ воинамъ. А между тѣмъ задача новаго правительства была огромная, трудная при недовольствѣ народныхъ массъ настоящимъ и при разстройствѣ финансовъ, всего хозяйства и администраціи. Достаточно указать, что одинъ луидоръ (24 ливра) стоилъ бумажными деньгами 3.400 ливровъ, къ концу года 4.000, а черезъ полгода послѣ водворенія Директоріи уже 12.000, т.-е. въ пятьсотъ разъ дороже! Цѣна хлѣба доходила до 60 ливровъ за фунтъ. Какъ признакъ новаго духа въ націи, важное значеніе получила религіозная реакція. Отдѣленіе церкви отъ государства, произведенное Конвентомъ, положило конецъ гражданскому устройству духовенства, принятому Учредительнымъ Собраніемъ, и сталъ возрождаться старый, правовѣрный католицизмъ неприсяжныхъ священниковъ. Въ Люксембургскомъ дворцѣ этимъ были очень встревожены, Директорія, особенно же Ларевельеръ-Лепо стали принимать мѣры противъ этого явленія, но это только подливало масла въ огонь неудовольствія. Тогда-то и выдвинута была „теофилантропическая религія“.

Внутренняя политика Франціи въ эти годы, можно сказать, постоянно колебалась между реакціей и возвращеніемъ къ террору, смотря по тому, откуда, по мнѣнію правящихъ круговъ, грозила опасность, т.-е. слѣва ли, отъ непримиримыхъ якобинцевъ, или справа, отъ роялистовъ. Въ обществѣ продолжалась реакція, начавшаяся послѣ 9-го термидора: это пугало правителей Франціи, но они не хотѣли и возвращенія террора, къ которому, однако, всегда готовы были прибѣгать для борьбы съ реакціей, въ то же время заботясь о томъ, чтобы

крайнія мѣры противъ реакціи не возводились въ постоянную систему. Нація также не хотѣла, чтобы реакція дошла до возстановленія стараго порядка, ибо это погубило бы всѣ пріобрѣтенія революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась и возобновленія якобинской диктатуры.

Въ это время сдѣлалась очень популярной въ нѣкоторыхъ кругахъ новая пѣсня, которою многіе не прочь были замѣнить Марсельезу. Называлась она „Пробужденіе народа“ и заключала въ себѣ, напримѣръ, такія слова, направленныя противъ якобинцевъ: „Народъ французскій! народъ братьевъ! неужели ты можешь смотрѣть, не содрогаясь отъ ужаса, какъ преступленіе поднимаетъ знамя рѣзни и террора? Потерпишь ли ты, чтобы лютая орда убійцъ и разбойниковъ оскверняла своимъ свирѣпымъ дыханіемъ землю живыхъ людей?.. Да, мы клянемся на вашей могилѣ именемъ нашей несчастной страны, что теперь устроимъ гекатомбу изъ этихъ ужасныхъ людоѣдовъ!“ Особыя надежды возлагали умѣренные на молодое поколѣніе. Одинъ изъ ея дѣятелей, Фреронъ, написалъ такое воззваніе къ французской молодежи: „Доколѣ тѣ, которые обладаютъ знаніями и богатствами, будутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы оглашать воздухъ одними безполезными жалобами? Доколѣ будутъ они свободѣ и общественной безопасности платить дань одними напрасными вздохами, да жалостливыми слезами? Или вы годны лишь на то, чтобы наслаждаться удовольствіями жизни, предаваться изнѣженности, говорить только о достоинствахъ актеровъ и поваровъ, о преимуществахъ такого-то пѣвца, такого-то портного? Или для васъ тяжело оружіе?.. Неужели вы дозволите перебить себя, какъ барановъ? Неужели вы допустите, чтобы удавили вашихъ отцовъ, вашихъ женъ, вашихъ дѣтей? Нѣтъ, вы не стерпите, чтобы восторжествовала ненавистная партія! Вы закрыли клубъ якобинцевъ. Вы сдѣлаете больше: вы должны ихъ уничтожить!“ На почвѣ этой реакціи умѣренные обнаруживали готовность даже соединяться съ тѣми изъ роялистовъ, которые казались посговорчивѣе.

Причину этого явленія хорошо вообще объясняетъ начинавшій въ это время свою карьеру политическій дѣятель слѣдующаго періода, Бенжаменъ Констанъ въ своемъ сочиненіи „О политическихъ реакціяхъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1797 году. „Французская революція,—писалъ онъ,—разрушивъ сначала привилегіи, направилась затѣмъ противъ собственности и этимъ самымъ вышла за предѣлы господствовавшихъ понятій. Противъ нея ополчились заинтересованные общественные классы и въ своемъ испугѣ уже не доволь-

ствовались противодѣйствіемъ увлеченіямъ и крайностямъ; они попятились еще дальше и стали во враждебное отношеніе ко всему кругу воззрѣній, связанныхъ съ революціей. Такія реакціи порождаются естественною склонностью человѣка распространять свое сожалѣніе на всю обстановку тѣхъ предметовъ, о которыхъ, собственно, онъ сожалѣетъ... Напуганные событіями, — говоритъ онъ нѣсколько далѣе, — люди предполагаютъ, что для того, чтобы успокоиться и стать на ноги, они должны поднять все то, что̀ въ прежнее время ихъ окружало, и даже то, что̀ надъ ними тяготѣло: давленіе сверху считается залогомъ безопасности. И вотъ, куда ни взглянешь, повсюду воскресаютъ старые предразсудки, которые, казалось, давно уже были уничтожены. Ихъ поддерживаютъ, приплетая къ нимъ мотивы: обсуждая вопросы законодательства, напоминаютъ увлеченія анархіи; нападаютъ на извѣстный законъ изъ-за его автора или изъ-за времени его изданія; обвиняютъ отвлеченныя теоріи, ссылаясь на злодѣянія, которыя не имѣютъ съ ними ничего общаго, кромѣ единовременности; откапываютъ давно забытые софизмы въ защиту старинныхъ заблужденій. Скептики и атеисты, въ былое время щеголявшіе вольнодумствомъ и снискавшіе себѣ нѣкогда популярность своимъ дерзкимъ отрицаніемъ, ударились теперь въ католическую мистику и съ азартомъ проповѣдуютъ религіозную нетерпимость".

Весьма показательно и то, что̀ особенно читалось въ эти годы. Самою популярною газетою сдѣлался „Журналь-де-Деба" („Газета Преній"), въ которомъ печатались, напримѣръ, такія вещи: „Революціонные разбойники были особенно пропитаны моралью и правилами Вольтера; это былъ ихъ глава, ихъ апостолъ; они были его министры; они исполняли самое дорогое и самое пламенное его желаніе. Извѣстно, что всѣ чудовища, которыя безчестили и раздирали Францію, ставили себѣ въ заслугу быть философами и учениками Вольтера".—„Подъ философіей XVIII вѣка, говорится въ другой статьѣ, я разумѣю все, что̀ ложно въ морали, въ политикѣ, въ законодательствѣ". Или вотъ что̀ было сказано въ той же газетѣ объ одномъ тогдашнемъ писателѣ: „Во всѣхъ пунктахъ онъ выбралъ точку зрѣнія противоположную взглядамъ новѣйшей философіи, и, по нашему мнѣнію, это—довольно вѣрное средство не ошибиться въ заключеніяхъ". Въ другой газетѣ, „Меркуріи", которая также была очень распространена въ публикѣ, мы встрѣчаемъ даже идеализацію стараго порядка. „Въ смутныя времена въ Англіи прекращается дѣй-

ствіе габеасъ-корпуса *), и личная свобода преклоняется предъ общимъ интересомъ. А во Франціи, кромѣ только нашихъ безпокойныхъ временъ, развѣ личная свобода подвергалась какой-либо опасности?“ Написавшій эти строки какъ бы совсѣмъ забылъ о „летръ-де-каше“ и о Бастиліи. По поводу выхода въ свѣтъ одной книги тотъ же „Меркурій“ писалъ: „Появись эта книжка лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, ея авторъ пріобрѣлъ бы себѣ извѣстность: она была бы сожжена по приказанію парламента, о ней говорило бы все общество, и къ довершенію ея успѣха, пожалуй, автора засадили бы въ Бастилію; теперь подобныя воззрѣнія потеряли интересъ, общество остается равнодушнымъ къ автору и его сочиненію“.

Классическій республиканизмъ сталъ тоже терять кредитъ въ публикѣ. „Чѣмъ болѣе,—писалъ Вольней, извѣстный писатель, бывшій членъ Учредительнаго Собранія, освобожденный изъ тюрьмы послѣ 9-го термидора,—чѣмъ болѣе я изучалъ древность и ея хваленыя государственныя формы, тѣмъ болѣе убѣждался, что правительства египетскихъ мамелюковъ и алжирскаго бея не отличались существенно отъ спартанскаго и римскаго, и что для столь прославленныхъ грековъ и римлянъ недостаетъ только имени гунновъ и вандаловъ, чтобы во всемъ остальномъ намъ ихъ напоминать“.

Замѣчателенъ въ литературѣ второй половины девяностыхъ годовъ XVIII в. и поворотъ къ религіозности, за которую хватались теперь, какъ за политическое средство, полагая, что религія необходима для поддержанія порядка. Когда нѣкто Дидье издалъ книгу подъ заглавіемъ: „О возвращеніи къ религіи“, о ней писали въ газетахъ: „Гражданинъ Дидье разсматриваетъ религію лишь съ точки зрѣнія полезности ея для общества“. О книгѣ Жоффре „Объ общественномъ богопочитаніи“ тоже писали въ газетахъ такимъ образомъ: „Авторъ увидѣлъ, что не въ качествѣ богослова нужно было говорить съ націей мало религіозной, что людямъ, сильно потрясеннымъ политическими переворотами, нужно было показать, что спокойствіе государствъ и здоровая политика покоятся на религіозныхъ идеяхъ, какъ на самой твердой опорѣ“.

При всемъ этомъ, однако, нація не могла пойти за роялистами, такъ какъ главную силу послѣднихъ составляли эмигранты. „Общественное мнѣніе,—писалъ Бенжаменъ Констанъ,—представляетъ себѣ принцевъ и эмигрантовъ, какъ завзятыхъ и непримиримыхъ враговъ, отъ которыхъ, какъ отъ Ро-

*) Habeas-corpus-act, законъ, ограждающій личную неприкосновенность.

беспьера, нечего ждать ни свободы, ни безопасности, ни пощады. Ежедневныя писанія, издающіяся за границей, какъ нельзя болѣе утвердили этотъ взглядъ въ обществѣ. Нужно было самое громкое опроверженіе всѣхъ этихъ зажигательныхъ писакъ, всѣхъ этихъ неистовыхъ разрушителей, которые въ арміи Кондэ, въ кабакахъ, въ клубахъ говорятъ, какъ не говорилъ Чингисханъ во главѣ двухсотъ тысячъ своихъ татаръ“. Припомнимъ и приведенныя уже въ своемъ мѣстѣ слова въ этомъ же смыслѣ виднаго эмигранта Монлозье. Припомнимъ также приводившіяся выше полицейскія донесенія о настроеніи крестьянъ и рабочихъ, которые даже не прочь были и отъ возвращенія короля.

Всеобщее утомленіе и разочарованіе вообще болѣе всего характеризуютъ общественное настроеніе эпохи Директоріи. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо одного изъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, Порталиса, къ консервативному публицисту Малле-дю-Пану, написанное за нѣсколько недѣль до паденія Директоріи: „Нація слишкомъ утомлена, чтобы дать себѣ самой государя; освободитель Франціи долженъ прійти съ готовымъ планомъ, который въ первое же мгновеніе былъ бы подходящимъ къ усталости, въ какой находится масса, потому что во второе мгновеніе тотчасъ выдвигаются на первый планъ честолюбцы“. Такимъ человѣкомъ „съ готовымъ планомъ“ и оказался генералъ Бонапартъ. Вотъ что̀ писала позднѣе г-жа Сталь, дочь Неккера, въ своихъ „Размышленіяхъ о французской революціи“: „Какъ разъ 18-го брюмера я возвращалась изъ Швейцаріи въ Парижъ, и когда я въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города мѣняла лошадей, мнѣ сказали, что только-что проѣхалъ директоръ Баррасъ въ свое имѣніе, сопровождаемый жандармами. Почтари разсказывали новости дня, которымъ много жизни придавалъ народный способъ изложенія. Въ первый разъ со времени революціи на устахъ всѣхъ было собственное имя. До того времени говорили: Учредительное Собраніе сдѣлало то-то, народъ—то-то, Конвентъ—то-то, теперь только говорили о томъ человѣкѣ, который долженъ былъ занять мѣсто всѣхъ, лишивъ родъ человѣческій его имени, захвативъ всю славу для себя одного и мѣшая пріобрѣтать ее всякому живому существу“. Это было не совсѣмъ вѣрно, потому что и раньше такимъ собственнымъ именемъ, какимъ сдѣлалось имя Наполеона Бонапарта, было, напримѣръ, имя Робеспьера, диктатура котораго до извѣстной степени подготовила диктатуру этого счастливаго полководца.

О переворотѣ 18 брюмера рѣчь еще впереди, но о немъ и

здѣсь нельзя не вспомнить въ виду того, что сама Директорія жила только нарушеніями конституціи путемъ переворотовъ. Одинъ изъ такихъ переворотовъ былъ совершенъ въ 1797 году и носитъ названіе „восемнадцатаго фрюктидора", другой— въ 1798 и называется „двадцать вторымъ флореаля", третій— въ 1799 и извѣстенъ подъ именемъ „тридцатаго преріаля". Хуже всего было то, что эти перевороты совершались самими же конституціонными властями, т.-е. директорами и членами законодательныхъ совѣтовъ.

Прежде всего, не придерживаясь въ изложеніи строго-хронологическаго порядка, мы и познакомимся съ этими нарушеніями конституціи III года.

Составъ законодательнаго корпуса долженъ былъ обновляться ежегодно по частямъ. Въ жерминалѣ V года (мартѣ-апрѣлѣ 1797 года) были выборы, во время которыхъ населеніе не спрашивало у кандидатовъ, кто они: республиканцы или роялисты, а только хотѣло знать, будутъ ли они за то, чтобы можно было безпрепятственно звонить въ церковные колокола и свободно молиться Богу въ церквахъ. Просто-напросто желали выбирать, какъ тогда говорилось, порядочныхъ и честныхъ людей. Подъ этимъ флагомъ на выборахъ могли проскочить въ депутаты кое-какіе роялисты, но они были исключеніями изъ подавляющаго большинства умѣренныхъ республиканцевъ, настроенныхъ неблагопріятно къ Директоріи. Этого правителямъ было довольно, чтобы отнестись къ новоизбраннымъ депутатамъ враждебно, особенно когда они проявили свои католическія чувства, приверженность къ „вѣрѣ отцовъ". Баррасъ, уже 13 вандемьера сыгравшій на роялистической опасности, и Рёбелль, старый якобинецъ, задумали отдѣлаться отъ новыхъ членовъ законодательныхъ совѣтовъ, къ нимъ присоединился и Ларевельеръ, котораго напугало возвращеніе „римскаго суевѣрія", какъ онъ называлъ католицизмъ. Новый тріумвиратъ рѣшилъ для этого призвать военную силу, которая и явилась. Въ то время Бонапартъ, разстрѣлявшій умѣренныхъ республиканцевъ 13 вандемьера, былъ уже главнокомандующимъ въ Италіи, гдѣ шла война, и къ нему, какъ къ республиканскому генералу, обратились заговорщики. Будущій владыка Франціи зналъ, что умѣренные его не любятъ, и это нерасположеніе къ нему подогрѣвалось восхвалявшими его якобинскими газетами. Въ республикански настроенныя арміи дано было знать, будто новые члены обоихъ совѣтовъ были роялистами, и вездѣ явилось желаніе выкинуть въ окно „королевскихъ депутатовъ". Генералъ Бонапартъ особенно постарался, чтобы на своихъ собра-

ніяхъ и въ своихъ резолюціяхъ, адресахъ и т. п. его войска высказались противъ этихъ роялистовъ. Однако директоры ошиблись, думая, что Бонапартъ пріѣдетъ лично помочь имъ отдѣлаться отъ непріятныхъ людей. Онъ только послалъ въ Парижъ одного изъ подручныхъ генераловъ, Ожеро, который грубо заявилъ, что пріѣхалъ „убивать роялистовъ“.

Совѣты для своей защиты думали организовать силы національной гвардіи, но „тріумвиры“ (т.-е. Баррасъ, Рёбелль и Ларевельеръ) приравняли это къ желанію совершить государственный переворотъ, парижская же буржуазія проявила полное безволіе. Мало того, въ народѣ стали распространять слухи, что роялисты замышляютъ варѳоломеевскую ночь, что они хотятъ отнять все у покупщиковъ національныхъ имуществъ, что ихъ намѣреніе — возстановить ненавистные налоги стараго порядка. Ожеро былъ назначенъ главнокомандующимъ парижскаго гарнизона. 17 фрюктидора тріумвиратъ собрался въ засѣданіе и постановилъ, въ виду намѣренія „королевскихъ заговорщиковъ умертвить членовъ Директоріи“, превратить свое засѣданіе въ непрерывное. Карно и пятаго директора, — а имъ былъ тогда нѣкто Бартелеми, — рѣшено было арестовать, но Карно успѣлъ бѣжать, Бартелеми же забрали ночью въ его постели. Между тѣмъ зданіе, гдѣ засѣдали совѣты, было захвачено и окружено военною силою подъ начальствомъ Ожеро. Депутатовъ на другой день, 18 фрюктидора, пропустили въ залы, а затѣмъ надъ ними было совершено грубое насиліе. Когда раздались протесты противъ попранія закона, одинъ офицеръ воскликнулъ: „законъ—это сабля!“.

Директорія объяснила все въ своей деклараціи борьбою съ опаснымъ заговоромъ, котораго на дѣлѣ не было. Послушные ей депутаты собрались и вынесли постановленіе о комиссіи, которая приняла бы мѣры для „спасенія конституціи“. Они возвращались къ практикѣ Конвента послѣ 31 мая 1793 года, когда толпа потребовала исключенія жирондистовъ. Теперь опять остатки якобинцевъ забирали силу; одинъ изъ нихъ, очень грубый генералъ Марбо, прямо говорилъ, что нѣтъ надобности въ доказательствахъ роялистическаго заговора. Кучка депутатовъ 19 фрюктидора объявила отмѣненными выборы въ 49 департаментахъ съ 154 депутатами и приговорила къ ссылкѣ 165 гражданъ, среди которыхъ было два директора и 53 депутата. Вмѣстѣ съ этимъ было отнято избирательное право у родственниковъ эмигрантовъ и предписана была присяга въ вѣчной ненависти къ королевской власти. Администраціи при этомъ дозволялось ссылать священниковъ,

которые оказались бы опасными для общественнаго порядка. Учрежденныя повсюду военныя комиссіи приговорили къ смерти 160 человѣкъ, къ ссылкѣ въ Гвіану 329. Между тѣмъ Ларевельеръ объявилъ, что переворотъ обошелся безъ капли крови. Періодическая печать была почти уничтожена.

Побѣду Баррасу и теперь, какъ 13 вандемьера, доставила военная сила, которую все болѣе и болѣе вмѣшивали въ политику, причемъ нельзя не отмѣтить, что какъ тринадцатое вандемьера, такъ и восемнадцатое фрюктидора оказались связанными съ именемъ Наполеона Бонапарта. Побѣда надъ мнимыми роялистами снова усиливала лѣвыхъ, и передъ Франціей снова открывалась возможность возобновленія террора. Опять начались гоненія на духовенство, такъ что въ теченіе года было сослано 1448 священниковъ, несмотря на то, что населеніе всячески помогало скрываться гонимымъ пастырямъ.

Внутри страны общее положеніе дѣлъ ухудшалось, да и не могло, конечно, улучшиться послѣ того, какъ было объявлено, что по государственнымъ долгамъ будетъ уплачиваться только треть процентовъ. Зато на войнѣ дѣла шли блестяще. Мы еще будемъ говорить (въ слѣдующей главѣ) о побѣдахъ Франціи, о заключеніи мира, о громадной популярности, какую пріобрѣлъ главный виновникъ всѣхъ этихъ успѣховъ, генералъ Бонапартъ, который, однако, при этомъ велъ войну и заключалъ миръ, совершенно не спрашивая у Директоріи согласія на свои шаги. У кого въ рукахъ была сила, тотъ совсѣмъ не считался съ этимъ слабымъ правительствомъ. Директорія стала теперь Бонапарта сильно побаиваться.

Въ обоихъ Совѣтахъ (500 и Старѣйшинъ) большинство было настроено противъ Директоріи, особенно послѣ новыхъ выборовъ. Въ кругахъ, близкихъ къ директорамъ, опять поднялись толки о необходимости „чистки", и 22 флореаля VI года (11 мая 1798 г.) были снова признаны недѣйствительными выборы во многихъ департаментахъ и опорочены индивидуально выборы ряда депутатовъ, но только на сей разъ эта мѣра была принята противъ лѣвыхъ: одного депутата устранили за то, что онъ былъ слишкомъ рѣзкимъ, другого за то, что онъ терроризировалъ, и т. п. Всего было устранено 52 депутата, да около сотни, въ случаяхъ бывшихъ спорными, замѣнено соперниками ихъ на выборахъ. Конституція вторично, значитъ, была нарушена тѣми, которые должны были ее оберегать.

Въ ненависти къ такому правительству объединялись и правые (католики) и лѣвые (террористы). Особенно были недовольны главными заправилами Директоріи, Баррасомъ и

Рёбеллемъ, но не терпѣли и „ханжу“ Ларевельера и двухъ новыхъ директоровъ (Мерлена и Трейльяра). Католики были сердиты на Ларевельера за то, что онъ отнялъ у нихъ пятнадцать церквей для теофилантропическаго культа (между прочимъ, соборъ Парижской Богоматери, какъ „Храмъ Верховнаго Существа“), грозилъ чиновникамъ, не посѣщавшимъ новой службы, стоялъ за празднованіе „декадъ“ по республиканскому календарю, вмѣсто воскресенья, запрещалъ нести крестъ передъ покойникомъ во время похоронъ, приказывалъ выносить распятія изъ школъ и т. п. Притомъ и внѣшнія дѣла пошли хуже, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Среди депутатовъ было теперь двѣ дѣятельныя группы: одна состояла изъ крайнихъ лѣвыхъ, стремившихся къ возстановленію Комитета общественнаго спасенія и возобновленію террористическихъ законовъ, другіе ограничивались намѣреніемъ только обновить составъ Директоріи. Баррасу, искусному въ интригахъ, удалось отвратить отъ себя ударъ. Директоры должны были смѣняться по жребію, пока не установилась бы правильная очередь, и вотъ, когда настало время жеребьевки, не безъ согласія, кажется, самого Рёбелля, жребій палъ на него, за что онъ былъ щедро вознагражденъ деньгами изъ секретнаго фонда. Его мѣсто заступилъ Сьейесъ, герой 1789 года, не разъ уже бывшій на очереди сдѣлаться директоромъ, но не хотѣвшій сидѣть за однимъ столомъ съ Рёбеллемъ. Потомъ Баррасъ отдѣлался и отъ Трейльяра, вспомнивъ, что тотъ былъ избранъ въ директоры, когда оба Совѣта послѣ „чистки“ были не въ полномъ составѣ. Ради „возстановленія конституціи“ Трейльяръ согласился уйти. Совѣты замѣнили его нѣкіимъ Гойе, когда-то бывшимъ министромъ юстиціи, человѣкомъ совершенно ничтожнымъ. Эта компанія Барраса, Сьейеса и Гойе и могла сдѣлать то, чего хотѣли Совѣты: устранить остальныхъ двухъ директоровъ, т.-е. Ларевельера и Мерлена. Такъ какъ тѣ уходить не хотѣли, то Совѣты потребовали у нихъ, чтобы они подали въ отставку, подъ угрозою ареста. Ларевельеръ нѣсколько поломался, протестовалъ, даже всплакнулъ, но повиновался, а Мерленъ сразу согласился. Они были замѣнены мировымъ судьей Роже-Дюко и никому неизвѣстнымъ Муленомъ. Первый былъ членомъ Конвента, подавшимъ голосъ и за казнь короля и за исключеніе жирондистовъ, потомъ предсѣдателемъ Совѣта Пятисотъ 18 фрюктидора, теперь же сдѣлался совершеннымъ рабомъ Сьейеса. Муленъ былъ тоже самый рядовой генералъ.

Это третье нарушеніе конституціи и называется переворотомъ 30 преріаля VII года (18 іюля 1799 г.). Черезъ четыре

мѣсяца послѣдовало и низверженіе Директоріи вмѣстѣ съ самою конституціей III года.

Къ этому времени опредѣлился и общій духъ эпохи. Порядкомъ дня, какъ выразился одинъ современникъ, сдѣлались удовольствія. Это было время процвѣтанія свѣтскихъ баловъ, театральныхъ новинокъ, роскошныхъ модъ, всякихъ большихъ странностей въ костюмахъ, о чемъ уже пришлось упомянуть выше. Острили, что послѣ царства безкюлотниковъ началось царство безрубашницъ: до такой степени дамы общества обнажались. Иностранцы поражались общею распущенностью нравовъ, частыми разводами, массою эфемерныхъ связей, количествомъ подкидышей.

Я уже называлъ въ одномъ мѣстѣ тогдашнюю законодательницу модъ, г-жу Терезу Талліенъ. Ее приблизилъ къ себѣ Баррасъ, и она, „Тереза I", какъ ее называли, царила въ своемъ салонѣ въ Люксембургскомъ дворцѣ. Баррасъ разыгрывалъ здѣсь роль хозяина, и здѣсь же обдѣлывались разныя дѣла. Общество тутъ собиралось смѣшанное, мужское и женское, жены эмигрантовъ и „цареубійцъ", знатныя иностранки и парижскія актрисы, генералы и депутаты, поставщики въ армію и разнаго рода дѣльцы. Въ этомъ же кругу блистала красотой г-жа Богарнэ, вдова казненнаго генерала, вышедшая въ 1796 году за другого генерала—Наполеона Бонапарта. Ее тоже, какъ и другихъ дамъ, подозрѣвали въ интимной близости къ Баррасу.

Эта погоня за удовольствіями, за роскошью, за „красотою" не могла не быть вмѣстѣ съ тѣмъ погонею за деньгами, за легкою наживою. Поставщики въ армію и всякіе спекулянты шли въ гору. На этой почвѣ создались громадныя состоянія и прославились многія имена. Даже дамы общества принимали участіе въ дѣлахъ съ колоніальными товарами или съ національными имуществами и съ бумажными деньгами. Торговля шла рука-объ-руку съ политикой, которая сама принимала видъ торговли. Безъ денежныхъ средствъ, конечно, нельзя было произвести ни одного переворота, но особенно много ихъ потребовалось для 18 брюмера.

Съ другой стороны, въ массахъ царили нужда и голодъ. Демократическая агитація продолжалась. Однимъ изъ ея центровъ былъ въ Парижѣ Пантеонскій клубъ. Здѣсь видную роль игралъ бывшій когда-то землемѣромъ „Гракхъ" Бабёфъ. Еще съ 1789 года онъ издавалъ брошюры и печаталъ статьи въ своихъ газетахъ, одна изъ которыхъ называлась „Народный Трибунъ" (въ 1795—1796 гг.), гдѣ проповѣдывалось, что недостаточно одной политической революціи,

но что нуженъ еще „аграрный законъ“, который устранилъ бы имущественное неравенство путемъ равномѣрнаго распредѣленія земли въ народѣ. Въ эпоху термидоріанской реакціи Бабёфъ былъ арестованъ и болѣе полугода (въ 1795 году) просидѣлъ въ тюрьмѣ. Послѣ своего освобожденія онъ основалъ названный клубъ и сталъ произносить на его собраніяхъ коммунистическія рѣчи, на которыя сходилось много народа. Директорія велѣла закрыть клубъ, что̀ и было исполнено генераломъ Бонапартомъ, но тогда же для равновѣсія закрыли и одинъ театръ съ „роялистическимъ“ направленіемъ. Тогда бабувисты, какъ стали называть послѣдователей Бабёфа, образовали вмѣстѣ съ нимъ „тайную директорію общественнаго спасенія“ съ цѣлью организовать возстаніе для насильственнаго захвата власти и писать воззванія къ народу въ формѣ брошюръ: „Нужно ли повиноваться конституціи 1795 года?“, „Манифестъ равныхъ“ (Марешаля, не вполнѣ вѣрно передававшій идеи Бабёфа) и „Ученіе Гракха Бабёфа“.

„Равные“, какъ себя называли Бабёфъ и его друзья, стояли за возстановленіе конституціи 1793 года и за продолженіе революціи, въ смыслѣ достиженія болѣе равномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ благъ между людьми. Здѣсь мы встрѣчаемъ идеи „естественнаго права“, примѣненныя къ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Именно, указывалось на то, что „природа“ всѣмъ людямъ дала одинаковое право на пользованіе ея дарами, и что потому цѣль общества заключается въ защитѣ этого права отъ всякаго на него посягательства. Далѣе, установлялось, что „природа“ на всѣхъ возложила одинаковую обязанность труда, пользованіе плодами котораго должно принадлежать всѣмъ; не признающіе этого объявлялись „врагами народа“. Что̀ касается до революціи, то она провозглашалась еще незаконченной до достиженія ею главной ея цѣли—всеобщаго счастья, которое и есть цѣль „природы“. Для того, чтобы это было осуществлено, нужна была, по мнѣнію „равныхъ“, передача дѣйствительной власти народу, возможная только путемъ упомянутаго приведенія въ дѣйствіе конституціи 1793 года. Въ общихъ исторіяхъ коммунизма на попытку Бабёфа указывается, какъ на первую послѣ аналогичныхъ религіозныхъ сектъ XV—XVII вѣковъ попытку практическаго осуществленія коммунистическаго строя.

Баррасъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ самого Бабёфа, когда его клубъ былъ закрытъ, а низшіе полицейскіе агенты говорили рабочимъ, распропагандированнымъ бабувистами, что имъ бояться нечего, что солдаты противъ нихъ

не будутъ. Между тѣмъ чистые якобинцы, вовсе не бывшіе „коммунистами“, искали союзниковъ въ замышлявшейся ими попыткѣ захвата власти. Разсчитывая склонить солдатъ на свою сторону, ихъ вожаки проговорились одному военному Гризелю, считая его за своего, а тотъ донесъ Карно, который, не дожидаясь Барраса, бывшаго въ отсутствіи и не пользовавшагося довѣріемъ товарищей, распорядился арестовать и бабувистовъ и террористовъ. Бабёфъ былъ схваченъ въ то время, какъ писалъ новое воззваніе къ народу. Судъ приговорилъ его и одного изъ его сообщниковъ (Дарсе) къ смертной казни, другихъ, въ томъ числѣ Буонаротти, впослѣдствіи историка „заговора равныхъ“, къ изгнанію. Это было въ маѣ 1797 года, въ то самое время, какъ тогда любимый еще Директоріей генералъ Бонапартъ уже началъ одерживать свои блестящія побѣды въ Италіи.

Открытіе бабувистской агитаціи было дѣломъ „министерства общей полиціи“, созданнаго закономъ 13 нивоза IV года (3 января 1796 г.) подъ начальствомъ сначала Мерлена, потомъ Кошона, бывшаго членомъ Учредительнаго Собранія, Конвента и Совѣта Старѣйшинъ, раскаявшагося якобинца, который, однако, послѣ 18 фрюктидора поплатился ссылкой. Однимъ изъ его преемниковъ, уже послѣ 30 преріаля (именно съ 1 авг. 1799 г.), на посту министра полиціи сдѣлался Фуше.

Занявъ эту должность въ концѣ Директоріи, Фуше сохранялъ ее и при Наполеонѣ и даже въ началѣ реставраціи Бурбоновъ. Это было настоящее воплощеніе типа якобинца-карьериста, какихъ оказалось немало послѣ 1799 года. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ ораторовъ якобинскаго клуба, вотировалъ въ Конвентѣ за казнь короля безъ отсрочки, а въ качествѣ конвентскаго комиссара прибѣгалъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ, но потомъ самъ выступилъ обвинителемъ Робеспьера. По жалобѣ жителей той мѣстности, гдѣ онъ свирѣпствовалъ, Конвентъ его арестовалъ, но потомъ Фуше получилъ амнистію. Какъ министръ полиціи, онъ закрывалъ демократическіе клубы и газеты, арестовывалъ журналистовъ и вообще проявлялъ большое усердіе въ борьбѣ съ крайними. Впослѣдствіи онъ сумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ и самому Наполеону. Въ якобинизмѣ былъ всегда вкусъ къ власти. Фуше въ этомъ отношеніи — одинъ изъ самыхъ показательныхъ примѣровъ.

Въ концѣ Директоріи созданіе сильной власти было, такъ сказать, общимъ устремленіемъ. Думалъ объ этомъ и Сьейесъ. Сначала онъ находилъ, что можно будетъ управлять съ Совѣтами: „депутаты, — говорилъ онъ, — бываютъ хорошими или

дурными, смотря по тому, какъ ими умѣютъ пользоваться“; но потомъ, послѣ опыта съ Совѣтами, онъ находилъ, что „Франціи нужны двѣ вещи: хорошая голова и сильная рука“. Первой ему нечего было искать, а руку онъ думалъ найти въ молодомъ генералѣ Жуберѣ, но тотъ погибъ въ битвѣ при Нови въ Италіи (2‵ августа 1799 г.). Салоны, кулуары Совѣтовъ, городскіе жители, крестьяне и т. п. въ это время называли уже совсѣмъ другое имя.

Уже давно люди съ даромъ предвидѣнія говорили и писали, что Франція получитъ господина. Еще въ 1790 году консервативный писатель Ривароль высказывался въ такомъ смыслѣ: „Или у короля будетъ армія, или у арміи будетъ король. Революціи въ концѣ всегда приводятъ къ саблѣ“. Или вотъ и въ слѣдующемъ году нѣкто Поллакъ предсказывалъ: „Такъ какъ теперешняя династія не внушаетъ къ себѣ довѣрія, то предпочтутъ власть какого-либо счастливаго солдата“. Въ 1793 году американецъ Моррисъ писалъ Вашингтону: „по всей видимости, Франція скоро будетъ управляться однимъ деспотомъ, диктаторомъ, поставленнымъ революціей, или республиканскимъ генераломъ“.

Въ 1799 году уже и называлось имя будущаго владыки. Новое настроеніе было концомъ революціи.

ГЛАВА XXV.

Французская революція и Европа.

Выше, въ общей характеристикѣ эпохи Директоріи, было сказано, что если внутри Франціи это было время безсилія, то, наоборотъ, во внѣшней политикѣ на это время падаютъ блестящія побѣды французскаго оружія и дипломатіи. Въ настоящей главѣ мы не ограничимся, однако, только 1795—1799 годами, но коснемся и болѣе ранняго времени, такъ какъ война Франціи съ европейскими державами началась еще въ 1792 году. Впрочемъ, оговариваюсь, цѣлью настоящей главы вовсе не является разсказъ о самихъ революціонныхъ войнахъ, т.-е. обо всѣхъ этихъ кампаніяхъ и сраженіяхъ, о полководцахъ съ той и съ другой стороны, о дипломатическихъ переговорахъ и т. д., что̀ потребовало бы много мѣста. Главная задача главы — дать въ сжатомъ очеркѣ исторію вліянія французской революціи на другія страны и взаимныхъ отношеній Франціи и Европы въ эту эпоху.

Остановимся, первымъ дѣломъ, на томъ впечатлѣніи, какое революція произвела въ другихъ странахъ.

Не характерно ли, что на взятіе Бастиліи, какъ мы ви-

цѣли въ своемъ мѣстѣ, писались оды—Альфіери въ Италіи или Эбелингомъ въ Германіи, что въ Англіи по этому случаю устраивались общественныя празднованія, а въ Кэмбриджскомъ университетѣ это событіе было сдѣлано конкурсною темою для студенческихъ сочиненій? Сочувственные отголоски событія не миновали и Россіи.

По одному современному извѣстію, — которое, впрочемъ, нельзя не заподозрѣть въ нѣкоторомъ сгущеніи красокъ,—въ тотъ день, когда въ Петербургѣ узнали о взятіи Бастиліи, „на улицахъ города и французы, и русскіе, и датчане, и нѣмцы, и англичане, и голландцы поздравляли другъ друга и обнимались, какъ будто только-что освободившись отъ слишкомъ тяжелой цѣпи, которою были скованы“. Маленькая дочь Соймонова, секретаря Екатерины II, наслушавшись, очевидно, разговоровъ взрослыхъ, вздумала даже, въ отсутствіе своего отца, устроить у себя иллюминацію, объяснивъ потомъ возвратившемуся отцу, что это праздникъ по случаю освобожденія бѣдныхъ французскихъ узниковъ. Можно было бы собрать еще немалое количество подобнаго рода примѣровъ, свидѣтельствующихъ вообще о сочувственномъ отношеніи, какое встрѣтила вѣсть о паденіи старой „цитадели деспотизма“ въ разныхъ мѣстахъ Европы. Чѣмъ болѣе опредѣлялся характеръ французскихъ событій, какъ полнаго переустройства государства и общества на новыхъ началахъ, тѣмъ все болѣе и болѣе возрасталъ энтузіазмъ къ революціи, пока ея крайности не вызывали по отношенію къ ней реакціи. Въ Германіи привѣтствовали новую Францію многія историческія знаменитости, какъ, напр., великій философъ Кантъ, видные писатели Клопштокъ, Гердеръ, или Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ.

Дѣло не ограничивалось однимъ сочувствіемъ, но рѣчь заходила и о подражаніи. Тамъ, гдѣ не было общественной самодѣятельности, о преобразованіяхъ въ духѣ порядковъ перваго періода французской революціи могли подумывать только отдѣльныя лица или небольшіе кружки въ родѣ тѣхъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые уже въ началѣ XIX в. проводили въ Пруссіи разныя либеральныя реформы. Въ Англіи, съ ея болѣе развитою общественною жизнью, желаніе слѣдовать примѣру французовъ проявилось въ болѣе яркихъ формахъ. Здѣсь подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ сосѣдней странѣ, необычайно оживилось политическое движеніе прогрессивной части общества, ставившее своею цѣлью реформу парламента въ демократическомъ направленіи. Въ эти годы въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ образова-

лись особыя общества, агитировавшія въ пользу преобразованія выборовъ и посылавшія привѣтственные адресы Учредительному Собранію, Конвенту, якобинскому клубу. Среди политическихъ дѣятелей Англіи также были люди, благопріятно относившіеся къ тому, что̀ дѣлалось во Франціи въ началѣ революціи, и желавшіе своей родинѣ либеральныхъ реформъ (Фоксъ, Шериданъ, Стэнгопъ, Лэнсдоунъ и др.), а когда противъ революціи знаменитый Бёркъ выступилъ со своими „Размышленіями", тотчасъ же у нея явилось нѣсколько литературныхъ защитниковъ (Томасъ Пэнъ, Маклинтошъ, Пристлей, Прайсъ).

Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно говорить не только о сочувствіи или желаніи подражать французамъ, но и о надеждахъ, какія ими возбуждались въ другихъ націяхъ. Незадолго до начала революціи въ Варшавѣ, столицѣ тогдашней Польши, начались засѣданія такъ называемаго четырехлѣтняго сейма, который поставилъ своею задачею возрожденіе страны прогрессивными реформами и дѣйствовалъ подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей, а въ 1791 г. своею „конституціей 3 мая" даже предупредилъ изданіе Учредительнымъ Собраніемъ первой французской конституціи. Встрѣтивъ противодѣйствіе этимъ планамъ со стороны сосѣднихъ державъ, за два десятилѣтія передъ тѣмъ подѣлившихъ между собою часть владѣній Польши, польскіе патріоты стали возлагать всѣ свои упованія на побѣду французской революціи въ ея борьбѣ съ общими врагами и Франціи и Польши. Не меньшія надежды связаны были съ французской революціей и въ Ирландіи, находившейся въ угнетеніи у англичанъ: въ этой странѣ уже прежде существовавшее патріотическое общество „Соединенныхъ ирландцевъ" теперь стало мечтать объ отложеніи отъ Англіи для образованія, въ союзѣ съ Франціей, самостоятельной республики; въ 1794—1795 г. произошли въ Ирландіи народные мятежи, которые разрослись въ 1798 г. въ цѣлое возстаніе, дѣйствительно, получившее нѣкоторую помощь отъ Франціи, хотя и окончившееся полною неудачею.

Иначе отнеслись къ французской революціи европейскія правительства.

Внутреннія смуты и раньше французской революціи происходили въ разныхъ государствахъ, и отдѣльныя правительства привыкли относиться къ смутамъ у сосѣдей, смотря по тому, были ли онѣ выгодны или невыгодны для того или другого изъ этихъ правительствъ: нерѣдко внутренніе раздоры и волненія даже прямо возбуждались или поддерживались ино-

странными правительствами, когда имъ нужно было ослабить какую-либо страну, разъ она принадлежала къ враждебному лагерю. Сначала государи и министры не иначе относились и къ французской революціи, поскольку тому или другому правительству казалось, напримѣръ, выгоднымъ ослабленіе Франціи, но мало-по-малу при европейскихъ дворахъ поняли, что французская революція имѣла не исключительно мѣстное значеніе, что примѣръ неповиновенія властямъ, поданный французами, можетъ оказаться заразительнымъ, и что революція угрожаетъ порядку и въ другихъ странахъ. Эти опасенія правительствъ создали крестовый походъ монарховъ противъ революціонной Франціи, тѣмъ болѣе, что и въ самой Франціи, какъ мы видѣли, возникло стремленіе придать революціи характеръ повсемѣстной борьбы противъ „стараго порядка".

Не одни правительства были встревожены событіями, происходившими во Франціи. Революція направила свое дѣйствіе не только противъ абсолютной монархіи, но и противъ сословныхъ привилегій, феодальныхъ правъ, крѣпостной зависимости крестьянъ и т. п., что задѣвало интересы высшихъ классовъ общества во всѣхъ странахъ. Духовенство и дворянство повсемѣстно стали относиться къ революціи враждебно, и если въ эпоху такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма" монархія не вездѣ была въ ладахъ съ привилегированными сословіями, то французская революція, грозившая одинаково и государямъ и дворянству съ духовенствомъ, могла только содѣйствовать заключенію между ними тѣснаго союза на защиту угрожаемаго стараго порядка.

Демократическій характеръ революціи напугалъ, между прочимъ, и правящіе классы въ Англіи. Не только консервативная партія, торіи, но и либеральная—виги, за нѣкоторыми исключеніями, стали во враждебное отношеніе къ революціи во Франціи. Очень видные дѣятели, думавшіе и дѣйствовавшіе прежде въ болѣе или менѣе либеральномъ духѣ, круто повернули въ сторону реакціи. Таковъ былъ министръ Питтъ; къ числу тѣхъ же людей нужно отнести и замѣчательнаго парламентскаго оратора и политическаго писателя Бёрка, въ своихъ „Размышленіяхъ о революціи во Франціи" (1790) разгромившаго французовъ и ихъ новые порядки. Хотя на защиту революціи и выступили въ Англіи нѣкоторые тоже видные писатели, но именно книга Бёрка опредѣлила надолго отношеніе большинства англійскаго общества къ французской революціи. И въ другихъ странахъ, гдѣ еще буржуазіи не приходилось бояться за потерю своего положенія въ обществѣ и государствѣ, такъ какъ она была при-

нижена и могла бы только выиграть отъ революціи, позднѣйшіе ея ужасы, особенно время террора, значительно ослабили прежнее сочувствіе и заставили въ ней разочароваться.

Антикатолическія, а потомъ и вообще антихристіанскія проявленія французской революціи дали врагамъ ея сильное оружіе для враждебной французамъ и ихъ новымъ порядкамъ агитаціи въ народныхъ массахъ. Напримѣръ, одна изъ причинъ яркой національной ненависти англичанъ къ французамъ въ концѣ XVIII в. заключалась въ томъ, что̀ въ Англіи называлось „безбожіемъ“ этой націи.

Итакъ, первое впечатлѣніе, произведенное французской революціей на образованные классы общества, было большею частью благопріятнымъ: ей высказывалось сочувствіе, иногда обнаруживалось стремленіе подражать ея преобразованіямъ, въ иныхъ случаяхъ на нее возлагались даже надежды цѣлыхъ націй. По мѣрѣ того, однако, какъ революція все болѣе и болѣе принимала кровавый и антирелигіозный характеръ, положительное къ ней отношеніе тѣхъ, кто могъ ей сочувствовать, падало, въ народныхъ же массахъ прямо дѣлалось враждебнымъ и часто не менѣе даже враждебнымъ, нежели отношеніе къ ней, почти съ самаго же ея начала, тѣхъ, чьи интересы она наиболѣе задѣвала, т.-е. правительственныхъ сферъ, привилегированныхъ сословій, правящихъ классовъ.

20 апрѣля 1792 г. Франція, какъ уже было разсказано въ главѣ XIII, объявила войну Австріи, съ которою скоро соединилась Пруссія. Со стороны обѣихъ этихъ державъ война была защитою монархическаго принципа противъ революціи, потому что сами французы говорили, что это — борьба противъ королей во имя попранныхъ правъ народовъ. Права народовъ, говорили еще французы, должны оставаться ненарушимыми и со стороны самой Франціи: они обѣщали не дѣлать никакихъ завоеваній для себя и такимъ образомъ не посягать на свободу другихъ націй, которымъ, наоборотъ, предлагали свою помощь въ дѣлѣ завоеванія свободы. Съ самаго начала, слѣдовательно, война революціонной Франціи съ монархическою Европою получила для Франціи характеръ революціонной пропаганды, а для ея враговъ — характеръ крестоваго похода противъ революціи. Правда, съ теченіемъ времени революціонная пропаганда превратилась въ войну съ завоевательными цѣлями, а крестовый походъ во имя монархическаго принципа — въ погоню за разными частными выгодами въ видѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но безъ революціи не было бы ни этихъ монархическихъ коалицій противъ Франціи, ни этихъ революціонныхъ войнъ, которыя,

начавшись въ 1792 г., перешли потомъ въ войны Наполеона I.

Въ войнѣ съ Австріей и Пруссіей французы первоначально терпѣли неудачи, но какъ разъ накапунѣ перваго собранія въ Парижѣ Національнаго Конвента они имѣли первую удачу при Вальми. Сопровождавшій прусскую армію великій нѣмецкій поэтъ Гёте, сначала не приписывавшій большого значенія французскимъ событіямъ, сказалъ, что „на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемірной исторіи". Вскорѣ послѣ этого французы могли уже перейти въ наступленіе, которое тѣмъ болѣе облегчалось, что въ ближайшихъ къ Франціи областяхъ уже очень многіе съ нетерпѣніемъ ожидали прихода освободителей отъ ненавистныхъ порядковъ.

Еще до перехода черезъ границу французскіе генералы принимали иностранныхъ подданныхъ, звавшихъ къ себѣ французскія войска для борьбы съ „тираніей". Осенью 1792 г. въ рукахъ французовъ были уже Савойя, лѣвый берегъ Рейна и Бельгія. Въ Савойѣ, входившей въ составъ Сардинскаго королевства, до прихода французовъ во второй половинѣ сентября 1792 г. шла дѣятельная революціонная агитація. „Шествіе моей арміи, — доносилъ генералъ Монтескью, — это рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ навстрѣчу. Мнѣ кажется, что умы здѣсь расположены къ революціи, подобной нашей". „Перешедши границу, — писали конвентскіе комиссары,—мы и не замѣтили того, что вступили въ чужой край". На лѣвомъ берегу Рейна происходило то же самое, и генералъ Кюстинъ самъ удивлялся той легкости, съ какою въ короткое время онъ занялъ германскіе города Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ. „Города,—говоритъ одинъ тогдашній дипломатъ, — сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію трубы Іисуса Навина".

Какое настроеніе господствовало среди прирейнскихъ нѣмцевъ, когда къ нимъ пришли французы, можно видѣть изъ одного мѣста поэмы Гёте „Германъ и Доротея":

„Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
„Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе
„Въ ту минуту, какъ засвѣтилось новое солнце,
„Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
„О вдохновенной свободѣ и о равенствѣ также похвальномъ!
„Всякій въ то время надѣялся жить для себя, и, казалось,
„Всѣ оковы въ рукахъ эгоизма и лѣни, такъ долго
„Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались".

Такой же пріемъ встрѣтили французы и въ Бельгіи, которую они освободили отъ Австріи, только-что успѣвшей пода-

вить въ этой странѣ національное возстаніе. И въ пограничной области Сардинскаго королевства, и въ западной, зарейнской части Германіи, и въ австрійскихъ Нидерландахъ, какъ называлась Бельгія, проявились по отношенію къ французской революціи не только платоническое сочувствіе, не только теоретическое желаніе послѣдовать примѣру французовъ, не только, наконецъ, простая надежда на ихъ помощь, но прямое содѣйствіе французской революціи; французовъ сюда призывали, здѣсь приготовлялись къ ихъ пріему и организовались для того, чтобы и у себя вводить новые порядки по французскому образцу. Еще большее значеніе получило это содѣйствіе революціи со стороны населенія пограничныхъ съ Франціей земель отъ того, что послѣ попытокъ организоваться въ республики и Савойя, и лѣвый берегъ Рейна, и Бельгія прямо рѣшили присоединиться къ Франціи: простое содѣйствіе превращалось въ полное отожествленіе своего дѣла съ дѣломъ французовъ, на что, конечно, не пошли бы ни Ирландія ни Польша, которыя тоже хотѣли дѣйствовать заодно съ Франціей въ великой борьбѣ, начавшейся въ 1792 г. въ Европѣ.

Французскіе успѣхи конца 1792 г. и вызовъ, брошенный Конвентомъ всѣмъ монархамъ казнью Людовика XVI, повели къ образованію, въ началѣ 1793 г., большой коалиціи изъ Австріи, Пруссіи, Англіи, Голландіи, Испаніи, Сардиніи и государствъ, составлявшихъ тогдашнюю Священную Римскую имперію германской націи. Въ манифестѣ, съ которымъ Національный Конвентъ обратился къ революціонной арміи, онъ придалъ войнѣ съ этою коалиціей значеніе борьбы между свободой и тиранніей во имя братства народовъ и возрожденія всего міра для новой, лучшей жизни на началахъ свободы и равенства. Исторія этой коалиціи показываетъ, что государи, ополчившіеся противъ революціи, не очень-то были во всемъ солидарны между собою и что свои частныя выгоды они, во всякомъ случаѣ, готовы были предпочесть защитѣ принципа. Первымъ вышелъ изъ коалиціи, вступивъ въ сдѣлку съ революціей (въ 1795 г.), прусскій король, показавъ этимъ дорогу и для другихъ государей, которые потомъ, особенно въ эпоху Наполеона I, заключали подобныя же сдѣлки съ Франціей ради достиженія тѣхъ или другихъ частныхъ выгодъ. Не только пламенный патріотизмъ и революціонный энтузіазмъ французовъ, отстаивавшихъ цѣлость и независимость своей родины и пріобрѣтенія революціи, и не только содѣйствіе со стороны самихъ же подданныхъ тѣхъ государей, съ которыми они вели войну, но и внутренній разладъ, царившій среди членовъ коалиціи, обезпечивали побѣду французовъ.

Францiя, послѣ ряда неудачъ и очень опасныхъ для нея моментовъ, съ успѣхомъ отразила непрiятельское нашествiе, удержала, въ концѣ концовъ, свои прiобрѣтенiя 1792 г., достигнувъ Альпъ и Рейна, какъ „естественныхъ границъ", и тѣмъ осуществивъ мечту своихъ прежнихъ королей, а въ довершенiе всего овладѣла въ 1795—1799 гг. цѣлымъ рядомъ новыхъ странъ, въ которыхъ провозгласила „права человѣка и гражданина" и основала по образу и подобiю своему нѣсколько „дочернихъ республикъ", въ тѣсномъ союзѣ съ республикою-матерью. Имена этихъ революцiонныхъ созданiй Францiи были: республики Батавская, образованная изъ прежнихъ Нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ (Голландiи); Цизальпинская, составившаяся изъ Ломбардiи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей; Лигурiйская, въ которую была превращена Генуя; Римская на мѣстѣ Папской области; Гельветическая, замѣнившая собою старый Швейцарскiй союзъ, и Партенопейская, занявшая материковую часть королевства Обѣихъ Сицилiй, — шесть республикъ-дочерей, какъ и республика-мать, Францiя, демократическихъ, единыхъ и нераздѣльныхъ. Если бы не перемѣна въ политикѣ Францiи, начавшей также вступать, въ ущербъ своимъ новымъ принципамъ, въ сдѣлки съ представителями „стараго порядка", къ этимъ республикамъ, созданнымъ французскою революцiей, могла бы прибавиться еще одна—Венецiанская, въ которой тоже произошелъ демократическiй переворотъ, но которая, какъ увидимъ послѣ, была отдана Австрiи съ переходомъ части владѣнiй Венецiи къ республикѣ Цизальпинской. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ включить и Венецiанскую область въ число странъ, непосредственно испытавшихъ на себѣ влiянiе французской революцiи въ эпоху образованiя республикъ-дочерей. Организоваться въ такую же республику дѣлали еще попытку нѣмцы на лѣвомъ берегу Рейна. Къ этой же эпохѣ относится и возстанiе въ Ирландiи, имѣвшее своею цѣлью образованiе изъ нея также союзной съ Францiей республики.

Каждое изъ этихъ событiй, т.-е. каждое основанiе новой республики было новымъ успѣхомъ французской революцiи въ одномъ и томъ же направленiи—пропаганды новыхъ идей и учрежденiй, которыми жила сама Францiя съ 1789 и особенно съ 1792 г. Было бы, однако, ошибочнымъ думать, будто и голландцы, и швейцарцы, и итальянцы разныхъ областей играли въ дѣлѣ основанiя новыхъ республикъ чисто-пассивную роль побѣжденныхъ, которыми Францiя распоряжалась совершенно произвольно (какъ это, впрочемъ, случилось по отно-

шенію къ населенію Венеціанской республики). Безъ содѣйствія мѣстнаго населенія, конечно, революціонныя арміи Франціи сдѣлать ничего не могли бы. Какъ это было и въ Савойѣ, и на лѣвомъ берегу Рейна, и въ Бельгіи, совершенно такъ же и въ тѣхъ странахъ, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, существовали цѣлыя группы людей, сочувствовавшихъ французамъ, бывшихъ готовыми послѣдовать ихъ примѣру, надѣявшихся на ихъ помощь, а главное—содѣйствовавшихъ имъ въ благопріятную минуту.

Если соединенію Бельгіи съ Франціей предшествовало возстаніе бельгійцевъ противъ Австріи, бывшее тоже революціей въ защиту свободы, то и въ Голландіи незадолго до французской революціи начиналась внутренняя распря, прерванная прусскимъ вмѣшательствомъ въ пользу наслѣдственнаго штатгальтера противъ „патріотовъ", бывшихъ республиканцами-демократами. Многіе изъ послѣднихъ бѣжали отъ преслѣдованій во Францію, откуда они вели агитацію среди голландцевъ о необходимости свергнуть владычество штатгальтерскаго Оранскаго дома. Въ самой странѣ, также съ этою цѣлью, возникли республиканско-демократическія общества. Во французской арміи, дѣйствовавшей въ Бельгіи, которую ей пришлось отвоевывать, былъ особый голландскій или „батавскій" отрядъ, тогда какъ въ Голландіи штатгальтерское правительство тщетно призывало добровольцевъ для защиты страны отъ французскаго нашествія. Патріоты въ благопріятную минуту соединились съ французами, результатомъ чего и было образованіе Батавской республики. Правда, Голландія и раньше была республикой, но сословною, федеративною и съ наслѣдственнымъ президентомъ во главѣ, теперь же она преобразовалась по французскому образцу. Основаніе республикъ Лигурійской и Гельветической, равно какъ демократическій переворотъ въ Венеціи были, равнымъ образомъ, обязаны мѣстнымъ демократическимъ силамъ, дѣйствовавшимъ подъ вліяніемъ французскихъ идей и съ помощью французовъ.

Столица маленькой, но очень богатой купеческой республики, городъ Генуя сдѣлался центромъ значительнаго революціоннаго движенія, въ которомъ принимали участіе многочисленные выходцы и бѣглецы изъ Пьемонта, Ломбардіи, Рима и Неаполя. Когда здѣсь образовался демократическій клубъ и правительство арестовало нѣкоторыхъ его членовъ, остальные подняли возстаніе, окончившееся полною побѣдою послѣ того, какъ на помощь пришли французы. И въ Венеціанской области было много недовольныхъ, которые время отъ времени волновались противъ правящей олигархіи. Когда началась фран-

цузская революція, мѣстные демократы также начали основывать революціонные клубы, а съ весны 1797 г. въ одномъ городѣ за другимъ стали происходить народныя возстанія, пока одинъ изъ клубовъ, дѣйствовавшій въ столицѣ республики, Венеціи, не добился перехода власти въ свои руки, пользуясь французскою поддержкою. (Интересно, что и въ Генуѣ и въ Венеціи крестьяне выступили врагами мѣстныхъ демократовъ, какъ союзниковъ „безбожныхъ французовъ"). Венеціи, повторяемъ, не удалось остаться демократическою республикою, но въ этомъ была вина Франціи, отдавшей значительную часть ея территоріи съ ея главнымъ городомъ Габсбургамъ.

Швейцарскій союзъ, превратившійся въ демократическую и унитарную республику Гельветическую, имѣлъ раньше устройство, которое создало массу недовольныхъ: между отдѣльными кантонами не было равноправія,—одни были даже подчинены другимъ, — равно какъ между городами и ихъ округами, въ городахъ же господствовали немногочисленныя патриціанскія фамиліи. Въ населеніи Швейцаріи общественное броженіе съ демократическимъ характеромъ возникло еще задолго до революціи во Франціи, но власти и правящіе классы всячески подавляли всѣ проявленія недовольства. Особенно сильно было демократическое движеніе (и въ частности вліяніе французскихъ политическихъ идей) въ такихъ городахъ французской Швейцаріи, какъ Женева и Лозанна, но и въ нѣмецкой Швейцаріи были пункты, гдѣ также сосредоточивались главныя силы недовольныхъ, какъ, напримѣръ, Базель. Образовывавшіеся въ этихъ городахъ по французскому образцу клубы начали агитировать въ пользу коренного преобразованія всего союза на началахъ свободы и равноправія. Потомъ произошли въ нѣкоторыхъ кантонахъ революціи, изъ которыхъ первая была въ кантонѣ Во (или Ваадтъ), превратившемся въ Леманскую республику, пока въ дѣло не вмѣшались французы и не преобразовали всю Швейцарію въ „единую и нераздѣльную" Гельветическую республику съ чисто-демократическимъ устройствомъ.

Въ Голландіи, въ Венеціи, въ Генуѣ и въ Швейцаріи мѣстная демократія при помощи французовъ низвергала старыя олигархическія правленія, тогда какъ въ Ломбардіи, въ Папской области и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, превратившихся въ республики Цизальпинскую, Римскую и Партенопейскую, революція была направлена противъ власти абсолютныхъ монарховъ въ лицѣ династіи Габсбурговъ, римскаго первосвященника и короля Обѣихъ Сицилій, но и здѣсь,

какъ и въ старыхъ аристократическихъ республикахъ, у французовъ были сообщники и сторонники, безъ которыхъ, конечно, они не могли бы имѣть такого быстраго успѣха. Основаніе трехъ названныхъ республикъ въ Италіи было результатомъ мѣстныхъ революцій, и если бы сардинскій король не поспѣшилъ заключить миръ съ Франціей, то революція вспыхнула бы и въ его столицѣ Туринѣ, подобно тому, какъ это произошло въ другихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи вступленіе французовъ, послѣ ихъ побѣдъ надъ австрійцами, привѣтствовалось населеніемъ, какъ появленіе избавителей отъ чужеземнаго ига или отъ своихъ же деспотовъ. Такъ было, напримѣръ, при въѣздѣ генерала Бонапарта въ Миланъ, бывшій столицей Ломбардіи, или въ принадлежавшую папѣ Болонью. Вскорѣ послѣ этого въ Римѣ и въ другихъ городахъ Папской области начались уличныя демонстраціи съ республиканскимъ характеромъ. Во время одной такой манифестаціи въ самомъ Римѣ былъ убитъ французскій генералъ, что повлекло за собой занятіе Рима французами и демократическую революцію. Неаполитанскій король сдѣлалъ-было попытку контръ-революціи въ Папской области, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ, въ виду наступленія французовъ, бѣжать изъ своей столицы, гдѣ была провозглашена Партенопейская республика, встрѣченная, впрочемъ, враждебно простонародьемъ. Вскорѣ, однако, всѣ созданія французской революціи въ Италіи были, какъ извѣстно, разрушены новой коалиціей противъ Франціи, въ которой на этотъ разъ участвовала и Россія. Какъ бы то ни было, въ Италіи все-таки образовалось четыре республики, да и въ двухъ еще областяхъ произошли, кромѣ того, перевороты. Власть сардинскаго короля, заключившаго миръ съ Франціей съ отреченіемъ въ ея пользу отъ Савойи и Ниццы, поддерживалась только французскими гарнизонами, занявшими страну въ виду войны съ новой коалиціей, но дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ государь добровольно удалился на островъ Сардинію, оставивъ Пьемонтъ въ рукахъ французовъ. Уѣхать изъ своего владѣнія вслѣдствіе народныхъ волненій пришлось также и великому герцогу тосканскому изъ династіи Габсбурговъ.

Основаніе французами новыхъ республикъ приходится, какъ уже было сказано выше, на 1795—1799 годы, когда внутри самой Франціи происходила—послѣ 9 термидора—реакція, постепенно приведшая къ перевороту 18 брюмера, къ захвату власти счастливымъ и популярнымъ полководцемъ. Сокрушивъ революцію въ самой Франціи, этотъ полководецъ, въ качествѣ сначала перваго консула французской республики, потомъ

императора французовъ, продолжалъ революцію въ Европѣ. Италія снова была завоевана французами, но уже для того, чтобы частью же быть непосредственно присоединенною къ Франціи, частью образовать особое королевство самого императора французовъ, частью составить владѣніе сначала его брата, потомъ зятя. Въ числѣ государей, вторично лишившихся своихъ престоловъ, оказался впослѣдствіи и папа.

Отторженіе отъ Германіи французами лѣваго берега Рейна было началомъ разрушенія средневѣковой Священной Римской имперіи нѣмецкой націи, завершеннаго новымъ владыкой Франціи. Послѣ мира Пруссіи съ Франціей, заключеннаго въ Базелѣ въ 1795 г., отъ европейской коалиціи противъ революціи стали отпадать одинъ за другимъ второстепенныя германскія государства, а въ 1797 г. и Австрія заключила миръ съ Французской республикой, отказавшись при этомъ отъ Бельгіи и Ломбардіи и согласившись на уступку въ пользу Франціи лѣваго берега Рейна. Всѣ сколько-нибудь значительныя германскія государства съ Австріей и Пруссіей должны были вмѣстѣ съ тѣмъ, съ согласія Французской республики, получить разныя вознагражденія, причемъ на роль жертвъ алчности нѣмецкихъ государей были обречены духовные князья, изъ свѣтскихъ тѣ, которые были помельче, да такъ называемые имперскіе города. На конгрессѣ, собравшемся въ Раштатѣ въ 1797 г., начались переговоры насчетъ вознагражденій, которыми Французская республика купила у имперіи уступку лѣваго берега Рейна. Возобновленіе Австріей войны съ Франціей въ составѣ новой коалиціи прервало засѣданія раштатскаго конгресса, но новыя побѣды, одержанныя французами въ 1800 г., заставили Австрію опять заключить миръ съ республикою на прежнихъ основаніяхъ. Очень скоро затѣмъ началось въ Германіи уничтоженіе великаго множества духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ и имперскихъ городовъ, присоединившихся къ владѣніямъ князей, которые такъ или иначе умѣли угодить Франціи, а потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ и сама Священная Римская имперія прекратила свое тысячелѣтнее существованіе, почти въ одно время съ крушеніемъ свѣтской власти папы въ Римѣ. И то и другое произошло, впрочемъ, когда Франція сама уже перестала быть республикой.

Наполеоновскія войны начала XIX в., бывшія продолженіемъ революціонныхъ войнъ конца XVIII столѣтія, окончились только въ 1814 или даже въ 1815 г. Отъ начала французской революціи до паденія Наполеона прошла цѣлая четверть вѣка, въ теченіе которой и сама Франція и почти вся Европа

подъ вліяніемъ великой революціи пережили цѣлый рядъ событій, значительно измѣнившихъ самый строй жизни Европы. Вся наполеоновская эпоха представляетъ собою для Европы не что̀ иное, какъ продолженіе революціи, хотя и не въ тѣхъ формахъ, какія она имѣла до 1799 г. Но конецъ самой революціи далеко не былъ концомъ ея вліянія на дальнѣйшее историческое развитіе Европы. Изъ того, что̀ французами или при содѣйствіи французовъ было сдѣлано въ тѣхъ или другихъ странахъ Европы, не все могло быть уничтожено реакціей, начавшейся послѣ 1814 г.: осталась память о революціи, о томъ, что̀ она сдѣлала и къ чему стремилась, и сохранились въ памяти ея принципы, ея примѣры. Одни, конечно, относились къ этому недавнему прошлому съ осужденіемъ и проклятіями, напрягая всѣ свои силы, чтобы это прошлое не возвратилось, тогда какъ другіе, наоборотъ, обо многомъ въ этомъ недавнемъ прошломъ вспоминали съ сочувствіемъ, съ надеждою, что идеи свободы и равенства, принципы декларацiи правъ человѣка и гражданина еще воспрянутъ и обновятъ жизнь, и съ болѣе или менѣе сильнымъ желаніемъ содѣйствовать торжеству этихъ началъ въ жизни. Въ бурномъ 1848 году и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи многіе жили воспоминаніями изъ временъ французской революціи и дѣйствовали, сообразуясь съ поданными ею примѣрами. Такъ часто бываетъ: и умеръ давно человѣкъ, сказавшій какое-либо новое слово или совершившій какое-либо важное дѣло, а мысль его все еще живетъ въ обществѣ, а примѣръ, имъ поданный, продолжаетъ находить подражателей. Къ сожалѣнію, не всегда умѣютъ подражать только тому, чему слѣдуетъ подражать, и изъ прошлаго извлекать уроки для будущаго.

Я нарочно далъ этотъ бѣглый очеркъ вліянія французской революціи на Европу въ 1789—1799 годахъ, не загромоздивъ свое изложеніе подробностями, даже хронологическими*), чтобы взоръ читателя могъ сразу охватить весь этотъ, довольно-таки сложный предметъ.

Какъ мы видимъ, исторію отношеній между Франціей и сосѣдними странами можно раздѣлить на два періода. Въ первомъ періодѣ, охватывающемъ время отчасти Законодательнаго Собранія, но главнымъ образомъ Конвента, Франція дважды подвергалась опасности нашествія, именно сначала передъ началомъ Конвента, потомъ въ концѣ 1793 и началѣ 1794 года. Въ это время французы сразу продвинули-было свои границы до Альпъ и до Рейна, но потомъ вынуждены были отступать и

*) Точную хронологію см. въ приложеніяхъ.

потерянное возвращать впослѣдствіи обратно. Во второмъ періодѣ, совпадающемъ съ эпохой Директоріи, Франція уже не присоединяетъ новыхъ земель къ своимъ владѣніямъ, а организуетъ въ завоеванныхъ странахъ рядъ новыхъ республикъ, которыя должны были образовать какъ бы защитный барьеръ противъ Европы, который самъ находился бы подъ покровительствомъ республики-матери.

Французская революція, провозгласивъ народное верховенство, тѣмъ самымъ признала за каждою націей право располагать своей собственной судьбой и потому высказалась въ смыслѣ осужденія завоеваній, но потомъ она сошла съ этой принципіальной точки зрѣнія, и во обладала теорія „естественныхъ границъ“, какія должна была имѣть Франція, естественными же ея границами считались Рейнъ и Альпы, какъ у цезаревской Галліи. Внѣшняя политика старой монархіи опредѣлялась стремленіемъ къ этимъ естественнымъ границамъ, такъ что рѣшеніе этой задачи революціей было унаслѣдовано еще отъ старой монархіи.

Интересно, что на точку зрѣнія естественныхъ границъ стали наиболѣе крайніе революціонеры, тогда какъ умѣренные политическіе дѣятели на такомъ расширеніи предѣловъ Франціи не настаивали. Дантонъ, который сначала колебался принять лозунгъ естественныхъ границъ, потомъ крѣпко на немъ утвердился и проводилъ его въ своей внѣшней политикѣ. Вопросы внутренней и внѣшней политики постоянно переплетались въ сознаніи партій, причемъ отказываться отъ естественныхъ границъ было такимъ же признакомъ инцивизма, какъ разныя другія явленія во внутренней жизни, обсуждавшіяся патріотами.

По мнѣнію дѣятелей революціи, Франція должна была не только пріобрѣсти естественныя границы, но и содѣйствовать освобожденію другихъ народовъ, что̀ и характеризуетъ второй періодъ. Мы видѣли временный успѣхъ ея въ этомъ дѣлѣ. Теперь возникаетъ вопросъ, какъ Европа позволила себя побѣдить.

На этотъ вопросъ современная историческая наука отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что Европы, какъ организованнаго цѣлаго, не существовало. Монархи XVIII вѣка думали только объ округленіяхъ границъ, о завоеваніяхъ, о дѣлежахъ. Война за испанское наслѣдство въ началѣ XVIII в. была предпринята изъ-за дѣлежа монархіи старшей линіи Габсбурговъ, и въ то же время Великая Сѣверная война поставила своею цѣлью подѣлить нѣкоторыя области Швеціи между Россіей, Польшей и Даніей. Потомъ были двѣ войны за австрійское

наслѣдство, во время которой хотѣли подѣлить и владѣнія прусскаго короля. Были и три раздѣла Польши, и былъ планъ дѣлежа Турецкой имперіи. Францію спасало взаимное недовѣріе державъ, въ частности боязнь Австріи и Пруссіи двинуть всѣ войска на западъ, когда предстоялъ окончательный раздѣлъ Польши.

Между Австріей и Пруссіей могла даже вспыхнуть война. Какъ непрочна была европейская коалиція противъ Франціи, можно видѣть изъ того, что Пруссія и Испанія запросили мира. Это было еще при Конвентѣ, и въ началѣ 1795 года между республикой и Пруссіей открылись мирные переговоры.

Между тѣмъ Конвентъ не очень-то хотѣлъ мира, желая занять армію съ обозначившимися въ ней выдающимися генералами, ибо не зналъ, что̀ съ нею дѣлать по окончаніи войны. Уже начинали обозначать арміи по генераламъ: „солдаты Гоша“, „солдаты Моро“ и т. п., а вожди и офицеры говорили, что, какъ окончится война, они расправятся съ „адвокатами“. Вотъ почему въ переговорахъ о мирѣ Конвентъ былъ очень неуступчивъ.

Тѣмъ не менѣе 5-го апрѣля и 22-го іюля 1795 года въ швейцарскомъ городѣ Базелѣ были заключены мирные договоры съ Пруссіей и съ Испаніей. Пруссія уступила Франціи свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна до заключенія общаго мира, въ случаѣ же утвержденія этого берега за Франціей Пруссія должна была получить вознагражденіе на правомъ берегу. Начиналась новая полоса политики раздѣловъ на цѣлыя двадцать лѣтъ. По договору съ Испаніей Франція уступала кое-какія занятыя ею территоріи къ югу отъ Пиренейскихъ горъ, а сама получила испанскую часть острова Санъ-Доминго. Кромѣ того, Испанія выговорила освобожденіе дочери Людовика XVI, маленькаго сына котораго уже не было тогда въ живыхъ. Война съ Австріей и съ Англіей продолжалась.

Это было въ 1795 году, когда началось и основаніе новыхъ республикъ. Въ 1796 году, уже при Директоріи, внѣшняя и внутренняя политика Франціи осложнилась началомъ самостоятельной роли въ ней того самаго Наполеона Бонапарта, который прежде исполнялъ пока только порученія Барраса— отогнать англійскій флотъ отъ Тулона, отразить яко бы роялистическія секціи Парижа, закрыть Пантеонскій клубъ, а нѣсколько позднѣе (18 фрюктидора) помочь Директоріи расправиться съ яко бы роялистическими депутатами. Съ 1796 года, такимъ образомъ, начинается самостоятельная политическая роль человѣка, тоже вышедшаго изъ революціи, но сокрушившаго ее во Франціи, чтобы, однако, по-своему революціонировать потомъ Европу.

Біографія этого человѣка до того момента, когда онъ сталъ владыкой Франціи, составитъ содержаніе слѣдующей главы въ связи съ исторіей Франціи при Директоріи.

ГЛАВА XXVI.

Возвышеніе Бонапарта и переворотъ 18-го брюмера.

Событія 1796—1799 годовъ не могутъ быть разсказаны безъ упоминанія имени „генерала Бонапарта", а эпоха, наступившая въ 1799 году и закончившаяся только черезъ пятнадцать лѣтъ, прямо носитъ въ исторіи названіе наполеоновской. Прежде, нежели мы въ этой главѣ будемъ говорить о самомъ человѣкѣ, нужно сказать о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту новую эпоху, пришедшую на смѣну революціи.

И современники Наполеона и люди позднѣйшихъ поколѣній давали разнорѣчивые отвѣты на вопросъ объ отношеніи наполеоновской эпохи къ эпохѣ революціи: была ли, именно, наполеоновская эпоха реакціей противъ революціи или, наоборотъ, ея продолженіемъ? Разные отвѣты получались, смотря по тому, откуда, изъ какой общественной среды шли эти отвѣты, какая сторона революціи, политическая или соціальная, имѣлась преимущественно въ виду, и шла ли рѣчь при этомъ о Франціи только или и объ остальной Европѣ.

У самого Наполеона можно найти заявленія въ обоихъ смыслахъ. Офиціально онъ любилъ ссылаться на принципы 1789 г., выставлять себя воплощенной революціей, ея продолжателемъ или спасителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ онъ говорилъ, что онъ прикончилъ революцію и болѣе не допуститъ ея возвращенія. Во взглядѣ на Наполеона, какъ на сокрушителя революціи, сошлись между собою и русскій самодержецъ Павелъ I, предлагавшій ему тѣсный союзъ, и либеральная писательница г-жа Сталь, ненавидѣвшая Наполеона и послѣ его паденія назвавшая его „первымъ изъ контръ-революціонеровъ". Наоборотъ, легитимисты, т.-е. сторонники династіи Бурбоновъ и вообще законныхъ династій, клерикалы и феодалы всѣхъ странъ охотно видѣли въ Наполеонѣ „исчадіе революціи", революціоннаго узурпатора, который былъ ничѣмъ не лучше Робеспьера. Но и въ противоположномъ лагерѣ послѣ того, какъ дала себя знать клерикально-феодальная реакція эпохи реставраціи, въ Наполеонѣ готовы были видѣть человѣка новыхъ идей, выполнявшаго миссію, которая была завѣщана революціей. Вспомнимъ еще поэтическій культъ Наполеона, въ большей или меньшей степени, у Беранже, у Гейне, у Виктора Гюго, у Байрона, у Лермонтова.

Такимъ образомъ по отношенію къ Наполеону образовались очень противорѣчивые взгляды, причемъ его собственное отрицательное или положительное отношеніе къ революціи одинаково принимались—съ разныхъ только точекъ зрѣнія—и тѣми, которые революцію проклинали, и тѣми, которые ей сочувствовали.

Двойственность была, собственно, въ отношеніи самого Наполеона къ революціи. Безъ революціи онъ не могъ бы достигнуть власти, но для упроченія своей власти онъ не могъ допустить возвращенія революціи, какъ не могъ бы допустить и возстановленія стараго порядка. У революціи въ самой Франціи были двѣ стороны: политическая и соціальная, вытекавшія одна—изъ стремленія къ политической свободѣ, другая—къ гражданскому равноправію. Первая, несомнѣнно, была сокрушена деспотическою властью Наполеона, но соціальныя пріобрѣтенія революціи, т.-е. уничтоженіе сословныхъ привилегій, отмѣна феодальныхъ правъ, распродажа національныхъ имуществъ и т. п., были обезпечены Наполеономъ противъ возможности ихъ потери отъ возвращенія стараго порядка.

Если въ самой Франціи Наполеонъ былъ и сокрушителемъ революціи въ ея политической сторонѣ и ея охранителемъ въ ея сторонѣ соціальной, то для другихъ странъ, на которыя распространялись его власть и вліяніе, онъ являлся преимущественно продолжателемъ революціи. Въ этихъ странахъ Наполеонъ свергалъ законныя династіи съ ихъ престоловъ и лишилъ свѣтской власти самого главу католической церкви, уничтожалъ крѣпостное состояніе, вводилъ гражданское равноправіе и пр., вообще осуществлялъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній ту программу, которая была общею до извѣстной степени у революціи и у просвѣщеннаго абсолютизма. Повсемѣстная реакція противъ наполеоновскаго режима послѣ 1815 года была, въ сущности, и реакціей противъ всего, что̀ роднило французскую революцію и просвѣщенный абсолютизмъ.

Политика Наполеона диктовалась ему его положеніемъ, какъ „сына революціи“ и какъ „перваго изъ контръ-революціонеровъ“, смотря по тому, гдѣ и какъ ему было болѣе возможно, болѣе удобно и болѣе выгодно дѣйствовать. Здѣсь также была своя дипломатическая игра, принимавшая въ расчетъ не однихъ только государей, ихъ дворы и правительства, но и различіе условій, какія существовали въ тѣхъ или другихъ странахъ. Лишь по мѣрѣ того, какъ стала все больше отдаляться отъ насъ наполеоновская эпоха, а историческая наука начала все болѣе входить въ пониманіе внутреннихъ состоя-

ній отдѣльныхъ обществъ, сдѣлалось возможнымъ и болѣе точно опредѣлить мѣсто интересующей насъ эпохи въ исторіи. Многія сближенія, которыя мы теперь дѣлаемъ, и въ голову не могли приходить болѣе раннимъ историкамъ Наполеона, а многое изъ того, что̀ они готовы были объяснить однимъ его личнымъ произволомъ, намъ представляется вытекающимъ съ полною необходимостью изъ данныхъ условій. Наконецъ, архивные поиски дали такой новый матеріалъ, какого раньше не было въ рукахъ историковъ эпохи. Сообразно со всѣмъ только-что сказаннымъ, въ этомъ своемъ очеркѣ жизни Наполеона до 1799 года мы будемъ имѣть въ виду преимущественно то, что̀ касается отношенія Наполеона, тогда еще просто Бонапарта или даже Буонапарте, къ революціи.

Семья, въ которой родился будущій владыка Франціи и половины Европы, была итальянскаго происхожденія и жила на островѣ Корсикѣ, который только за годъ до его рожденія (1769) былъ уступленъ Генуэзской республикой Франціи. Увезенъ онъ былъ во Францію для обученія въ военной школѣ на королевскій счетъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, но оставался пламеннымъ корсиканскимъ патріотомъ, мечтавшимъ объ освобожденіи родного острова отъ иноземнаго ига, до 1793 г. Окончивъ въ 1785 году курсъ, молодой подпоручикъ Бонапарте (и даже Буона-Парте, какъ писалось его имя) занялся писательствомъ и даже предпринялъ исторію Корсики, съ прославленіемъ мѣстнаго патріота Паоли, боровшагося за независимость острова. При первой возможности онъ даже уѣхалъ въ родной свой городъ Аяччьо. Въ это время онъ былъ поклонникомъ Руссо, „Общественнымъ Договоромъ“ котораго зачитывался, и особенно Рэйналя, автора „Философской исторіи обѣихъ Индій“. Осенью 1788 года онъ набросалъ планъ сочиненія о королевской власти, гдѣ указывалъ, что ей благопріятствуетъ военное управленіе, но что вообще существуетъ мало королей, которые не заслуживали бы низложенія.

Когда началась революція, молодому офицеру шелъ только двадцатый годъ. Онъ сталъ на сторону новаго движенія и, чувствуя себя нехорошо въ обществѣ товарищей-дворянъ, началъ сближаться съ штатскими, съ адвокатами, чиновниками и вообще людьми изъ третьяго сословія. Впрочемъ, тогда онъ думалъ лишь о томъ, чтобы воспользоваться революціей въ интересахъ Корсики, куда снова уѣхалъ и гдѣ принялъ участіе въ борьбѣ съ мѣстными властями, закрывшими революціонный клубъ и распустившими національную гвардію. По этому случаю былъ написанъ для отсылки въ Національное Собраніе горячій протестъ, подъ которымъ первою стояла

подпись „Буонапарте, артиллерійскаго офицера“. Въ 1790 г. онъ написалъ страстное „Письмо г. Буонапарте къ г. Маттео Буттафуоко, депутату отъ Корсики въ Національномъ Собраніи“, гдѣ протестовалъ противъ поведенія этого корсиканскаго депутата.

Въ 1791 — 1792 годахъ корсиканскій патріотъ еще разъ побывалъ на родинѣ и заставилъ себя избрать въ батальонные командиры національной гвардіи въ Аяччьо. Для надзора за выборами изъ Парижа пріѣхалъ комиссаръ Мурати, остановившійся въ домѣ кандидата на это мѣсто, Перальди Однажды, когда семья послѣдняго сидѣла со своимъ гостемъ за вечерней трапезой, въ комнату ворвались вооруженные люди, захватили Мурати и отвели его къ Буонапарте, встрѣтившему его объясненіемъ, что въ домѣ Перальди онъ „не былъ бы вполнѣ свободенъ“. На другой день произошли выборы, и избраннымъ оказался не Перальди. Въ это время молодой артиллеристъ все еще мечталъ объ отдѣленіи Корсики.

Живя (въ чинѣ поручика) въ провинціальномъ городкѣ на югѣ Франціи, Валансѣ, онъ былъ секретаремъ общества „друзей конституціи“, находившихся въ сношеніяхъ съ парижскими якобинцами, и отъ имени этого общества составилъ адресъ Національному Собранію. Въ то же время онъ пописывалъ и составилъ брошюру въ защиту присяги, требовавшейся отъ священниковъ. Въ 1792 году онъ попалъ въ Парижъ, гдѣ ему пришлось видѣть вторженіе толпы въ королевскій дворецъ 20 іюня. Тогда въ немъ, солдатѣ, заговорила военная жилка: когда дворецъ былъ взятъ, онъ сказалъ одному своему товарищу, что, пусти въ толпу хорошій выстрѣлъ изъ пушки, вся эта „сволочь“ разбѣжалась бы. То же чувство овладѣло имъ и при взятіи дворца народомъ 10 августа 1792 года. „Въ этотъ день,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—я чувствовалъ, что, если бы меня позвали, я сталъ бы защищать короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые основывали республику при помощи народа, а потомъ еще я съ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ люди въ штатскомъ платьѣ нападали на людей въ военной формѣ“.

Осенью 1792 года, уже въ чинѣ капитана, Буонапарте опять уѣхалъ на родину и прожилъ тамъ девять мѣсяцевъ. Когда-то идолъ его, Паоли, былъ сторонникомъ конституціонной монархіи, а Буонапарте—республиканцемъ. Весною 1793 г. они окончательно разошлись, а второму изъ нихъ скоро пришлось невольно покинуть островъ послѣ неудачной попытки овладѣть цитаделью въ Аяччьо. Вся его семья, объявленная „вра-

гами народа“, вынуждена была тоже бѣжать. Лѣтомъ 1793 г. періодъ корсиканскаго патріотизма окончился, и Буонапарте скоро превратился въ Бонапарта.

Это было время возстаній въ провинціяхъ противъ Конвента, причемъ молодому капитану пришлось участвовать въ подавленіи провансальскаго возстанія, центромъ котораго былъ Авиньонъ. Но въ это время онъ удосужился еще написать брошюру „Ужинъ въ Бокэрѣ“, представлявшую собою защиту политики Конвента и якобинцевъ противъ жирондистовъ. Брошюра доставила ему извѣстность въ Парижѣ. Но особенно онъ прославился, когда по предложенію конвентскаго комиссара Барраса онъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, заставилъ артиллерійскимъ огнемъ англійскую эскадру отойти отъ Тулона (въ декабрѣ 1793 г.), за что былъ произведенъ въ бригадные генералы.

Въ 1793 и началѣ 1794 года двадцатипятилѣтній генералъ былъ весьма близокъ къ якобинцамъ и особенно дружилъ съ младшимъ братомъ Робеспьера, бывшимъ конвентскимъ комиссаромъ при арміи, гдѣ находился и Бонапартъ. Въ это время молодой генералъ разработалъ планъ завоеванія сѣверной Италіи и даже ѣздилъ по этому случаю въ Генуую для переговоровъ съ тамошнимъ правительствомъ. Но произошло 9-е термидора, и хотя генералъ постарался всячески отмежеваться отъ Робеспьера, котораго-де онъ самъ закололъ бы кинжаломъ, если бы замѣтилъ его стремленіе къ тиранніи, всетаки его лишили должности и чина и посадили въ крѣпость, откуда, впрочемъ, его скоро выпустили, возвративъ ему и чинъ

Послѣ этого, хотя и назначенный въ другую армію, онъ проживалъ безъ дѣла въ Парижѣ. Неудача возстанія 1-го преріаля (20 мая 1795 г.) заставила его окончательно порвать съ якобинизмомъ и сблизиться съ умѣренными. Особенно въ это время ему покровительствовалъ Баррасъ, свидѣтель его подвига подъ Тулономъ. Такъ какъ генералъ не ѣхалъ на мѣсто своего назначенія, Комитетъ общественнаго спасенія исключилъ его изъ списковъ арміи, и Бонапарту пришлось страшно бѣдствовать. Между тѣмъ подоспѣло извѣстное возстаніе 13-го вандемьера (5-го октября 1795 г.), когда вызвавшійся защищать Конвентъ Баррасъ поручилъ это дѣло Бонапарту, а тотъ, какъ мы видѣли, расправился съ наступающими секціями картечью. За это черезъ три недѣли побѣдитель былъ награжденъ должностью столичнаго главнокомандующаго.

Къ этому времени относится начало знакомства генерала

со вдовою Жозефиной Богарнэ, пользовавшейся покровительствомъ Барраса, который былъ послѣ введенія конституціи III года однимъ изъ директоровъ республики. Бонапартъ страстно въ нее влюбился, Баррасъ сыгралъ роль посредника, и обольстительная вдова согласилась выйти замужъ, когда ея будущему мужу было дано блестящее повышеніе. Именно 2 марта 1796 г. былъ подписанъ декретъ о назначеніи Бонапарта главнокомандующимъ арміи, которая должна была воевать въ Италіи; черезъ недѣлю состоялся его бракъ съ Жозефиною, а 12-го числа онъ уже уѣхалъ къ мѣсту своего назначенія.

Планъ итальянской кампаніи у него существовалъ еще до паденія Робеспьера, да и потомъ онъ говорилъ о немъ Баррасу. Когда Директорія, принявъ наконецъ этотъ планъ, послала его тогдашнему главнокомандующему на юго-западномъ фронтѣ Шереру, тотъ возвратилъ его назадъ съ заявленіемъ, что только сумасшедшій могъ его сочинить и взялся бы за его осуществленіе. Тогда исполненіе плана и было возложено на Бонапарта. Планъ былъ, дѣйствительно, до дерзости смѣлый: нужно было черезъ Альпы вторгнуться въ Пьемонтъ, заставить сардинскаго короля разорвать союзъ съ Австріей и, отказавшись отъ Савойи и Ниццы въ пользу Франціи, получить вознагражденіе съ Ломбардіи, послѣ чего была бы завоевана и эта область, а оттуда черезъ Тироль, тоже очень горную страну, французы двинулись бы на Вѣну, куда черезъ южную Германію пошла бы и другая французская армія.

Планъ этотъ сталъ быстро приводиться въ исполненіе. Когда главнокомандующій, которому едва только шелъ двадцать седьмой годъ, пріѣхалъ въ армію, бывшіе старше его годами генералы были недовольны такимъ назначеніемъ, но лишь только онъ посвятилъ ихъ въ свои намѣренія, какъ настроеніе перемѣнилось. „У насъ теперь есть господинъ", сказалъ одинъ изъ этихъ генераловъ другому, выходя изъ перваго же засѣданія военнаго совѣта

Итальянскій походъ 1796 года отличался необычайной быстротой. Уже 28-го апрѣля сардинскій король вынужденъ былъ заключить перемиріе, доставлявшее Бонапарту нѣсколько городовъ и свободный переходъ черезъ рѣку По, черезъ которую онъ переправился 7-го мая, скоро очистивъ отъ австрійцевъ весь сѣверъ Италіи. Герцоги пармскій и моденскій купили у Бонапарта перемиріе за большую сумму денегъ. Была взята контрибуція и съ Милана, куда побѣдитель вступилъ 15-го мая. Неаполитанскій король и папа должны были также просить перемирія, причемъ послѣдній заплатилъ контрибуцію деньгами и произведеніями искусства. Новыя

австрійскія войска, посылавшіяся противъ французовъ, терпѣли пораженія и послѣ битвы при Риволи были отброшены въ Тироль. Въ началѣ 1797 года сдалась крѣпость Мантуя, остававшаяся послѣднимъ пунктомъ, гдѣ еще держались австрійцы. Папа, нарушившій договоръ, поплатился нѣсколькими городами и новой денежной контрибуціей. Въ мартѣ Бонапартъ двинулся на сѣверъ и скоро былъ уже только въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Вѣны. Тогда Австрія запросила перемирія, которое и было заключено въ Леобенѣ. Немедленно послѣ этого Бонапартъ объявилъ войну Венеціанской республикѣ за нарушеніе нейтралитета и умерщвленіе множества французовъ. 16-го мая Венеція была занята его войсками, а 6-го іюня подпала подъ французское владычество и Генуэзская республика, переименованная въ Лигурійскую. Въ концѣ того же мѣсяца была объявлена независимость Цизальпинской республики, составившейся изъ Ломбардіи, Модены и нѣкоторыхъ еще смежныхъ земель. Наконецъ 17-го октября въ Кампо-Форміо былъ заключенъ миръ, по которому Австрія отказалась отъ Бельгіи и признала лѣвый берегъ Рейна границей Франціи, а за это получила часть Венеціанской республики (съ Венеціей), тогда какъ другая часть ея территоріи увеличила собою Цизальпинскую республику. Такимъ образомъ Бонапартъ вступилъ на путь политики раздѣловъ, благодаря чему старая Венеціанская республика окончила свое существованіе. Населеніе при этомъ не думали спрашивать, чего оно само желало бы.

Изъ Италіи Бонапартъ посылалъ милліоны за милліонами контрибуціи, которые поправляли французскіе финансы. Во Франціи было общее ликованіе; имя молодого генерала было у всѣхъ на языкѣ. Но Директорія была недовольна, потому что онъ совсѣмъ не сообразовался съ ея желаніями. Изъ Пьемонта она хотѣла образовать республику, а Бонапартъ заключилъ съ сардинскимъ королемъ, которому принадлежалъ Пьемонтъ, перемиріе. Противъ воли Директоріи былъ заключенъ и миръ съ папою Піемъ VI. Условія леобенскаго перемирія, подтвержденнаго кампо-формійскимъ миромъ, были выработаны лично Бонапартомъ; Директоріи пришлось примириться съ уничтоженіемъ Венеціанской республики. Кстати, маленькая подробность, какъ умѣлъ дѣйствовать Бонапартъ: во время переговоровъ съ австрійскимъ уполномоченнымъ онъ разыгралъ роль человѣка, разгнѣваннаго до послѣдней степени, и, треснувъ объ полъ дорогой сервизъ, закричалъ, что такъ онъ поступитъ и со всей монархіей Габсбурговъ если сейчасъ же не согласятся на его

условія; едва сдерживая смѣхъ при видѣ оторопѣвшаго дипломата, Бонапартъ выскочилъ въ сосѣднюю комнату, но цѣль была достигнута

Директорія не только была недовольна главнокомандующимъ итальянской арміей, но и начинала побаиваться его, чувствуя въ немъ нужду. Мы видѣли, какую помощь онъ оказалъ Директоріи въ дѣлѣ устраненія изъ Совѣтовъ наиболѣе оппозиціонныхъ членовъ, расположивъ въ пользу этого свою армію и пославъ въ Парижъ на помощь директорамъ-заговорщикамъ генерала Ожеро.

Въ концѣ 1797 года побѣдитель Италіи возвратился въ Парижъ, заѣхавъ на нѣсколько дней въ германскій городъ Раштатъ, куда онъ былъ назначенъ для переговоровъ о мирѣ съ Германской имперіей. Въ столицѣ Франціи ему былъ оказанъ восторженный пріемъ. На праздникѣ, устроенномъ въ честь его Директоріей, „гражданинъ Бонапартъ“ произнесъ рѣчь, въ которой увѣрялъ въ своей „преданности революціи, республикѣ и конституціи III года“. Въ Парижѣ онъ провелъ зиму съ 1797 на 1798 годъ, въ теченіе которой Директорія дѣйствовала въ полномъ съ нимъ согласіи: это было время образованія республики въ Римѣ и преобразованій федеральныхъ республикъ Голландской и Швейцарской въ единыя и нераздѣльныя Батавскую и Гельветическую. Директорія, однако, начала тяготиться своимъ знаменитымъ генераломъ и воспользовалась еще однимъ его планомъ для того, чтобы удалить его не только изъ Парижа, но даже изъ Европы.

Англія продолжала еще войну, и вотъ Бонапартъ предложилъ Директоріи завоевать Египетъ, чтобы отрѣзать Англію отъ сообщенія съ ея владѣніями въ Индіи. Директорія согласилась, и тогда произошла знаменитая египетская экспедиція, во главѣ которой былъ поставленъ Бонапартъ. Пребываніе его въ Египтѣ продолжалось около четырнадцати мѣсяцевъ, съ начала іюля 1798 по конецъ августа 1799 года *). Въ эти мѣсяцы внутреннія и внѣшнія дѣла Франціи шли плохо. Директорія держалась только нарушеніями конституціи, а съ Европою началась новая война. Противъ Франціи образовалась новая коалиція изъ Англіи, Австріи и Россіи, причемъ къ ней потомъ примкнули Турція, Неаполитанское королевство и нѣкоторые итальянскіе и германскіе владѣтельные князья. Русскимъ войскамъ подъ начальствомъ Суворова удалось раз-

*) Изъ Франціи онъ уѣхалъ 19 мая 1798 г., возвратился во Францію 9 октября 1799 г., такъ что все отсутствіе его продолжалось одинъ годъ четыре мѣсяца и три недѣли.

рушить созданія Бонапарта въ Италіи, да и вообще положеніе дѣлъ было трудное. Въ народѣ были недовольны, что завистливая Директорія услала такъ далеко самаго способнаго военачальника, и сама она, еще въ маѣ 1799 года, послала Бонапарту приглашеніе вернуться. Письмо до него не дошло, но онъ самъ рѣшилъ возвратиться, когда изъ англійскихъ газетъ узналъ о томъ, что̀ дѣлалось во Франціи. Тайно онъ покинулъ Египетъ и съ большими затрудненіями и опасностями прибылъ въ Европу, высадившись на югѣ Франціи 9-го октября. По всей дорогѣ его встрѣчали съ восторгомъ, какъ возможнаго спасителя въ трудную минуту.

Въ это время у Бонапарта уже были очень опредѣленныя идеи о революціи, какъ о „желаніи возвыситься“, и о республикѣ, какъ о „химерѣ“. Послѣ леобенскаго перемирія онъ говорилъ въ одной откровенной бесѣдѣ: „Неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ Директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я все это дѣлаю для основанія республики? Что̀ за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это — химера, которою французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетвореніе ихъ тщеславія, а что̀ касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ“. И къ этимъ словамъ онъ добавилъ, что если оставитъ Италію, то лишь съ цѣлью „играть и во Франціи такую же роль, какъ въ Италіи“. „Время для этого,—оговорился онъ, — еще не настало, груша еще не поспѣла, чтобы ее можно было сорвать“. Послѣ 18-го фрюктидора онъ говорилъ еще, что не только онъ самъ не сыграетъ, но и другимъ не дастъ сыграть роль генерала Монка, который возстановилъ въ Англіи династію Стюартовъ. „Я,—признался онъ при этомъ,—я не могу болѣе повиноваться: я попробовалъ власти и уже не въ состояніи былъ бы отъ нея отказаться“.

Уже въ это время онъ подготовлялъ свой военный деспотизмъ, пріучая армію смотрѣть на себя, какъ на нѣчто самодовлѣющее. По поводу переворота 18-го фрюктидора, бывшаго вопіющимъ нарушеніемъ конституціи, онъ обратился къ солдатамъ съ такою прокламаціей: „Въ то время, какъ вы находились далеко отъ родины и побѣждали Европу, для васъ ковались цѣпи. Вы узнали объ этомъ, вы заговорили, народъ пробудился, указалъ на измѣнниковъ, и они уже въ оковахъ. Вы узнаете изъ манифеста Директоріи, какія вещи замышляли враги отечества, особенные враги солдатъ и, въ частности.

итальянской арміи. Это предпочтеніе доставляетъ намъ почетъ. Ненависть измѣнниковъ, тирановъ—лучшій для насъ патентъ на славу и безсмертіе въ исторіи". Народное представительство объявлялось скопищемъ враговъ итальянской арміи, а мѣста свободы, равенства и братства, о которыхъ говорилось въ прежнихъ революціонныхъ прокламаціяхъ войскамъ, заняли слава и добыча, какъ мы это находимъ въ другихъ прокламаціяхъ новаго полководца республики.

Организуя Цизальпинскую республику, Бонапартъ писалъ Талейрану, прося передать то же и Сьейесу, что устроеніе и французской націи только-что начато. „Несмотря на наше высокомѣріе, несмотря на тысячу и одну наши брошюры, на наши безконечныя и болтливыя рѣчи, мы довольно-таки невѣжественны въ политической наукѣ. Мы еще хорошенько не опредѣлили, что̀ разумѣется подъ властью законодательною, исполнительною и судебною. Монтескьё далъ намъ невѣрныя опредѣленія". И вотъ Бонапартъ излагаетъ свою систему: „истинный представитель націи есть правительство", а законодательное собраніе нужно такое, чтобы „безъ положенія въ республикѣ, безъ глазъ и ушей для окружающаго, оно не имѣло честолюбія и не заваливало правительство тысячью законовъ, вызванныхъ потребностями минуты". Эти соображенія Бонапартъ обозначилъ, какъ „полный кодексъ политики". Данное письмо объясняетъ, что̀ разумѣлъ онъ, когда въ своей рѣчи на праздникѣ, устроенномъ въ его честь Директоріей въ декабрѣ 1797 года, говорилъ о „лучшихъ органическихъ законахъ, на какихъ будетъ покоиться счастье французскаго народа". Въ это же время въ Италіи онъ началъ льстить католическому духовенству, хотя потомъ въ прокламаціяхъ къ магометанскому населенію Египта чуть не выдавалъ самого себя за магометанина.

Послѣ переворота 30 преріаля Директорія состояла изъ трехъ умѣренныхъ членовъ (Барраса, Сьейеса и Роже-Дюко) и двухъ радикаловъ (Гойе и Мулена). Въ это время снова открылся якобинскій клубъ, но Сьейесъ его закрылъ при помощи министра полиціи Фуше. Однако Сьейесъ вовсе не думалъ объ упроченіи конституціи III года. Будучи членомъ комитетовъ Учредительнаго Собранія и Конвента, вырабатывавшихъ проекты конституцій, онъ любилъ сочинять планы государственнаго устройства; теперь у него былъ свой проектъ новой конституціи, который онъ и задумалъ, какъ-никакъ, провести въ жизнь. Онъ сталъ склонять въ пользу своихъ идей многихъ членовъ обоихъ Совѣтовъ, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ изъ братьевъ Бонапарта, Луціанъ. Сьейесу только

нужна была „рука“ какого-нибудь генерала, который ему помогъ бы. Сначала онъ думалъ о Жуберѣ, но тотъ былъ убитъ на войнѣ, потомъ о Моро, но этотъ отказался, а тутъ какъ-разъ совершенно неожиданно возвратился Бонапартъ, сдѣлавшійся настоящимъ идоломъ массъ.

Бонапартъ самъ въ это время думалъ о способѣ попасть въ правительство и даже имѣлъ объ этомъ разговоръ съ Гойе, который указалъ ему, однако, что по конституціи директоры должны быть не моложе сорока лѣтъ, генералу же было только тридцать. О себѣ самомъ Бонапартъ признавался, что велъ въ эту пору ловкую игру: „я видался съ Сьейесомъ и обѣщалъ ему привести въ исполненіе его проектъ конституціи; я принималъ вождей якобинцевъ и агентовъ Бурбоновъ; я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но никому не давалъ ихъ иначе, какъ въ интересѣ своихъ собственныхъ плановъ, и, когда я сдѣлался главою государства, во Франціи не было партіи, которая не соединяла бы съ моимъ успѣхомъ какой-либо надежды“.

Директора и генерала свелъ братъ послѣдняго Луціанъ, членъ Совѣта Пятисотъ. Планъ обоихъ былъ такой: нужно было перевести засѣданія Совѣтовъ Пятисотъ и Старѣйшинъ въ другой городъ, что̀ разрѣшалось конституціей, настоять на пересмотрѣ конституціи, для чего была бы выбрана особая комиссія, а временно назначить правителями Франціи гражданъ Бонапарта, Сьейеса и Роже-Дюко. Сьейесъ хотѣлъ продѣлать операцію нѣсколько иначе, сразу же предложивъ свой проектъ Совѣтамъ, но долженъ былъ уступить Бонапарту, на это не соглашавшемуся. Вскорѣ въ разговорѣ, стоя съ двумя лицами, посвященными въ планъ, Сьейесъ сказалъ: „я пойду съ генераломъ Бонапартомъ, хотя я знаю, что̀ меня ожидаетъ, потому что послѣ успѣха генералъ, оставивъ позади двухъ своихъ товарищей, вотъ что̀ сдѣлаетъ съ ними“, — и тутъ же оттолкнулъ обоихъ своихъ собесѣдниковъ въ разныя стороны и вышелъ одинъ на середину комнаты.

Далѣе, Совѣтъ Старѣйшинъ долженъ былъ вотировать перенесеніе засѣданій обѣихъ палатъ въ городокъ Сенъ-Клу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа, утвердить Бонапарта главнокомандующимъ и назначить его и новыхъ директоровъ временными консулами, послѣ чего оба Совѣта выбрали бы комиссію для пересмотра конституціи и отсрочили бы свои засѣданія на три мѣсяца. Содѣйствіемъ части арміи заручились, а Сьейесъ распустилъ слухъ о существованіи опаснаго якобинскаго заговора, постаравшись вдобавокъ, чтобы члены Совѣта Старѣйшинъ, на которыхъ онъ не разсчитывалъ и которыхъ боялся, во̀-время не попали на засѣданіе.

18 брюмера (9 ноября) старѣйшины были собраны въ 7 часовъ утра и въ виду опаснаго заговора декретировали перенесеніе засѣданій обѣихъ палатъ въ Сенъ-Клу, гдѣ должны были собраться на другой день не ранѣе полудня. Исполненіе декрета возлагалось на генерала Бонапарта, который для этого облекался широкими полномочіями ради безопасности республики и ставился во главѣ всѣхъ мѣстныхъ вооруженныхъ силъ. Къ народу была выпущена прокламація, гдѣ чрезвычайныя мѣры объяснялись необходимостью борьбы съ насильниками, которые угрожаютъ національному представительству. Генералъ потомъ самъ явился въ засѣданіе старѣйшинъ, но, вмѣсто принесенія присяги, какъ это было нужно, произнесъ коротенькую рѣчь, въ которой поклялся, что у Франціи будетъ „республика, основанная на истинной гражданской свободѣ".

Все было кончено, когда собрались члены другого Совѣта и узнали отъ своего предсѣдателя Луціана Бонапарта о декретѣ старѣйшинъ. Засѣданіе было отложено до другого дня.

Между тѣмъ Бонапартъ и его товарищи по заговору приняли свои мѣры. Главнокомандующій произвелъ смотръ войску и обратился къ нему еще съ прокламаціей: „Два года уже республика плохо управляется. Вы возложили надежды на то, что мое возвращеніе положитъ конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, и это обязываетъ меня исполнить то, что̀ я исполняю. Свобода, побѣда и миръ возвратятъ Французской республикѣ то мѣсто, которое она занимала въ Европѣ и котораго могли ее лишить развѣ только неспособность или измѣна". Съ своей стороны Сьейесъ и Роже-Дюко подали въ отставку, а Баррасу Бонапартъ написалъ, чтобы и тотъ сдѣлалъ то же. Баррасъ не сопротивлялся, а его посланному Бонапартъ сказалъ въ присутствіи постороннихъ: „Что̀ сдѣлали вы изъ той Франціи, которую я вамъ оставилъ въ столь блестящемъ положеніи? Я оставилъ вамъ миръ, а по возвращеніи нашелъ войну. Я оставилъ вамъ побѣды и нашелъ пораженія. Я оставилъ вамъ итальянскіе милліоны и вездѣ нашелъ хищенія и нищету. Такой порядокъ вещей продолжаться не можетъ: въ два-три года онъ привелъ бы насъ къ деспотизму. Но мы желаемъ республики, основанной на равенствѣ, на морали, на гражданской свободѣ и на политической терпимости". Два остальные директора, Гойе и Муленъ, пытавшіеся протестовать, были арестованы.

На другой день, т.-е. 19 брюмера (10 ноября), оба Совѣта собрались въ Сенъ-Клу, старѣйшины во дворцѣ, „500" — въ оранжереѣ. Члены обоихъ Совѣтовъ были въ смущеніи и тре-

вогѣ. Въ Совѣтѣ Пятисотъ хотѣли поголовно возобновить присягу конституціи. Узнавъ объ этомъ, Бонапартъ рѣшилъ дѣйствовать. Онъ явился къ старѣйшинамъ и началъ какую-то спутанную рѣчь, но, когда его перебили напоминаніемъ о конституціи, онъ закричалъ: „Конституція! Но вы сами нарушили ее 18 фрюктидора, нарушили 22 флореаля, нарушили 30 преріаля. Конституція! На нее ссылаются всѣ партіи, но всѣми она презирается. Она насъ спасти не можетъ“. Затѣмъ онъ сталъ разсказывать, будто Баррасъ и Муленъ составили заговоръ, дабы низвергнуть всѣхъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, что есть подкупленные ораторы, которые, пожалуй, захотятъ объявить его внѣ закона, но что его защитятъ солдаты: „помните, что я шествую, сопровождаемый богомъ счастья и богомъ войны!“

Члены Совѣта Пятисотъ между тѣмъ успѣли, каждый съ трибуны, принести присягу конституціи. Тогда въ оранжерею явился Бонапартъ въ сопровожденіи четырехъ гренадеровъ; депутаты повскакали со своихъ мѣстъ и стали выталкивать генерала вонъ подъ крики: „внѣ закона!“ *). Съ разорваннымъ платьемъ онъ былъ почти вынесенъ на рукахъ гренадерами. Луціанъ Бонапартъ оказалъ сопротивленіе требованію голосовать объявленіе его брата внѣ закона. Около оранжереи Сьейесъ и Роже-Дюко ожидали исхода, сидя въ экипажѣ, чтобы сейчасъ же уѣхать въ случаѣ неудачи. Посланные въ оранжерею солдаты вызволили Луціана Бонапарта, который тотчасъ же обратился къ находившемуся вблизи оранжереи отряду съ рѣчью о необходимости разогнать подкупленныхъ англійскимъ золотомъ депутатовъ, угрожающихъ смертью своимъ товарищамъ. Когда онъ увидѣлъ, что гренадеры все-таки колеблются это сдѣлать, то, направивъ шпагу въ грудь брата, поклялся убить его, если онъ сдѣлаетъ покушеніе на свободу. По данному генераломъ знаку, подъ барабанный бой солдаты ворвались въ оранжерею и очистили ее отъ депутатовъ, спасавшихся отъ насилій черезъ окна.

Старѣйшины исполнили всѣ требованія, назначивъ временное правительство и комиссію для выработки новой конституціи. Въ ночь съ 19 на 20 брюмера Луціанъ Бонапартъ собралъ нѣсколько десятковъ членовъ другого Совѣта, которые приняли тѣ же самыя рѣшенія. Онъ поздравилъ собравшихся съ радостнымъ событіемъ и даже рѣшился сказать, что „если свобода родилась въ Жё-де-помъ въ Версалѣ, то упрочена она была въ оранжереѣ въ Сенъ-Клу“.

*) Нападеніе депутатовъ на Бонапарта съ кинжалами относится къ числу легендъ

Въ Парижѣ оба дня прошли спокойно. Апатія была всеобщая. Дѣло приписано было одному Бонапарту, на котораго возлагались всѣ надежды безъ особаго разсмотрѣнія, какимъ способомъ ему досталась власть. Онъ тотчасъ же составилъ новое министерство, въ которомъ встрѣчаемъ уже знакомыхъ намъ Талейрана (иностранныя дѣла), Камбасереса (юстиція), Фуше (полиція), все дѣятелей революціи. Нѣсколько позднѣе въ министерство по военнымъ дѣламъ вступилъ и Карно. Даже представители либеральнаго теченія, какъ Лафайетъ или Бенжаменъ Констанъ, отнеслись къ перевороту не безъ сочувствія.

Проектъ новой конституціи принадлежалъ Сьейесу, но въ обсужденіи его дѣятельное участіе принималъ самъ Бонапартъ, внесшій въ конституцію очень существенныя измѣненія и сосредоточившій всю власть въ рукахъ „перваго консула", какъ названъ былъ глава государства. Въ нашъ планъ не входитъ излагать эту конституцію, получившую названіе конституціи VIII года, но данную черту нужно отмѣтить: если конституція 1791 года по формѣ была монархической, а по существу республиканской, то здѣсь было наоборотъ: форма была республиканская, сущность — монархическая. Впрочемъ, само это консульство было только переходною ступенью къ имперіи, которая во Франціи и была провозглашена въ 1804 году. По конституціи VIII года народное представительство превращалось въ простую декорацію.

Первымъ консуломъ былъ, конечно, сдѣланъ Бонапартъ. Иначе и быть не могло, но и тутъ проявился его характеръ. Въ комиссіи стали выбирать главу государства записочками, но, когда онѣ были всѣ положены въ одно мѣсто, генералъ сгребъ ихъ рукою и бросилъ въ каминъ, какъ что-то въ данномъ случаѣ лишнее. Боялся ли онъ, что не его имя будетъ имѣть за себя большинство?

Имена перваго консула и двухъ его товарищей, второго и третьяго консуловъ, Камбасереса и Лебрена, скорѣе сдѣлавшихся его адъютантами, были внесены прямо въ конституцію. Сама она была „предложена на принятіе" французскимъ народомъ, который ее и вотировалъ. За нее было подано 3.011.007 голосовъ, противъ—только 1.562 голоса

Во Франціи образовалась новая власть, которая положила конецъ революціи, уничтоживъ свободу, и безъ того колебавшуюся между анархіей и диктатурой, и обезпечивъ новый порядокъ противъ возвращенія стараго порядка и повторенія безпорядка. Франція продолжала называться республикой даже тогда, когда въ 1804 году въ добавленіи къ конституціи VIII года было сказано что упра-

вленіе республикой ввѣряется императору, да и на монетахъ еще нѣкоторое время ставились надписи: на одной сторонѣ— „Французская республика", на другой — „императоръ Наполеонъ". Самъ новый владыка Франціи заявлялъ, что онъ продолжатель революціи. Принимая императорскій титулъ, онъ сказалъ депутаціи, подносившей ему этотъ титулъ: „Вы нашли нужнымъ установить наслѣдственность высшей магистратуры, чтобы поставить французскій народъ внѣ опасности отъ заговоровъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, какія могли бы произойти отъ честолюбиваго соперничества, и чтобы навѣки обезпечить торжество равенства и свободы. Я хочу, чтобы 14 іюля въ этомъ году мы могли сказать французскому народу: пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ порывѣ чувствъ, вы взялись за оружіе, вы пріобрѣли свободу, равенство, славу; нынѣ эти первыя блага народовъ, упроченныя за вами навѣки, находятся внѣ всякихъ бурь; они сохранены для васъ и для дѣтей вашихъ".

Таковъ былъ офиціальный взглядъ Наполеона на революцію. Въ интимныхъ разговорахъ онъ высказывался иначе. „Французы,—говорилъ онъ, напримѣръ,—серьезно ничего не умѣютъ желать, за исключеніемъ развѣ одного равенства. Да и отъ него, пожалуй, каждый отказался бы, если бы только могъ себя представить первымъ. Нужно каждому позволять надѣяться на повышеніе. Нужно всегда держать въ напряженіи тщеславіе. Суровость республиканскаго режима наскучила бы до тошноты. Что̀ произвело революцію? Тщеславіе. Что̀ полагаетъ ей конецъ? Тщеславіе. Свобода — одинъ предлогъ". Съ такимъ взглядомъ на революцію, на республику, на свободу возможно было только царство силы, само же оно было вызвано анархіей, въ какую выродилась свобода. Не нужно забывать еще, что если владычество Наполеона являлось военной диктатурой, то она была подготовлена революціонной диктатурой Робеспьера. Ко всему этому вели какъ обстоятельства времени, такъ и привычки, въ какихъ французскую націю воспитывала старая монархія. Вотъ почему при Наполеонѣ такъ легко возрождались и старые пріемы управленія, и пассивность общества, утомленнаго, вдобавокъ, бурями революціи. Но и здѣсь опять путь уже былъ намѣченъ и расчищенъ якобинскою диктатурой, также дѣйствовавшей, какъ мы видѣли, многими пріемами старой власти.

Историки революціи въ своихъ изложеніяхъ ея событій останавливаются на разныхъ моментахъ: на девятомъ термидора, т.-е. на 1794 годѣ, на восемнадцатомъ брюмера, т.-е. на 1799 годѣ, на установленіи имперіи въ 1804 году и даже

на ея паденіи въ 1814 году, когда во Францію вернулись Бурбоны и эмигранты. Я изъ этихъ датъ выбралъ вторую. 1794 годъ еще не былъ концомъ революціи, а лишь поворотомъ ея въ сторону реакціи, давшей свои плоды только въ 1799 году, причислять же къ революціи годы консульства Бонапарта не приходится, потому что съ десятилѣтіемъ имперіи они составляютъ одно цѣлое, „наполеоновскую эпоху", слишкомъ отличную отъ десятилѣтія революціи. Въ 1799 году кончились начатыя въ 1789 году попытки создать во Франціи свободное государство въ формѣ ли конституціонной монархіи или республики. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1789 — 1792) въ странѣ была конституціонная монархія, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1795 — 1799) дѣйствовала республиканская конституція, а въ промежуткѣ управляло революціонное правительство, которое было само диктатурою, вырывавшеюся одними изъ рукъ другихъ. Въ 1799 году произошло возобновленіе этой диктатуры, но она очутилась въ рукахъ не какого-нибудь вождя политической партіи, а полководца, обоготворяемаго арміей. Эту послѣднюю силу выдвинули войны, сдѣлавшіяся для революціонной Франціи побѣдными при гнилости стараго порядка въ монархической Европѣ.

Но, считая себя продолжателемъ революціи, Наполеонъ былъ правъ, когда имѣлъ въ виду не свободу, имъ, наоборотъ, обузданную, а равенство, понимая подъ нимъ отмѣну сословныхъ правъ и преимуществъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, освобожденіе сельскаго населенія отъ феодальныхъ повинностей и т. п.,—то равноправіе, которое было закрѣплено и новымъ гражданскимъ кодексомъ революціоннаго происхожденія. Обезпечили владычество Наполеона также и новые собственники, т.-е. покупщики національныхъ имуществъ. Въ 1799 году Франція была уже совершенно иною, нежели въ 1789 году. Въ эти десять лѣтъ совершился ея переходъ въ новую форму бытія, который сопровождался, къ сожалѣнію, столькими ужасами, а въ нихъ повинны были какъ сопротивлявшіеся этому превращенію, такъ и хотѣвшіе насиловать естественный ходъ жизни. То, что̀ не удалось въ свое время ни Мирабо ни Дантону — организовать Францію, выпало на долю Бонапарту, но уже безъ той свободы, которая была общимъ лозунгомъ 1789 года.

Лозунгами революціи были „свобода, равенство и братство". Послѣднее не нужно понимать исключительно въ моральномъ смыслѣ: у „братства" было и политическое значеніе—общенаціональное братство французовъ, бывшихъ дотолѣ раздѣленными между отдѣльными провинціями съ ихъ мѣстными

„народами“. Оно возникло въ эпоху федерацій, или братаній между отдѣльными общинами и областями, завершившихся праздникомъ на Марсовомъ полѣ 14 іюля 1790 года. Революція впервые создала единую націю, единое отечество, какъ общую мать, дѣти которой—братья по отношенію другъ къ другу. Революція сковала французское единство и этимъ завершила дѣло старой монархіи: „собиранія Франціи“, ея объединенія, ея централизаціи. Этимъ самымъ она установила равноправіе областей, которое шло рука объ руку съ установленіемъ гражданскаго равенства, т.-е. съ превращеніемъ стараго сословнаго общества въ безсословное гражданство. Однимъ словомъ, революція устранила изъ жизни Франціи провинціальныя и сословныя перегородки, въ чемъ и выразилось осуществленіе ею равенства. Но революціи не удалось осуществить свободу, ставившуюся впереди и равенства и братства. Революція кончилась установленіемъ одного изъ самыхъ деспотическихъ режимовъ, который притомъ во внѣшней политикѣ также принялъ характеръ порабощенія другихъ странъ, но сама же революція и подготовила наступленіе этого режима развившимися въ странѣ анархіей, гражданскою войною, насиліями и терроромъ, которые находились въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи съ принципами свободы, равенства и братства. Консульство было возстановленіемъ внутренняго мира и порядка, личной и имущественной безопасности, но не при помощи свободы и самодѣятельности націи, а путемъ неограниченной принудительной власти военнаго владыки.

Приложенія.

I. Хронологія событій французской революціи *).

Учредительное Собраніе.

1789 годъ.

5 мая	первое засѣданіе генеральныхъ штатовъ (132).
12—15 іюня	провѣрка полномочій депутатовъ (133).
17 „	провозглашеніе Національнаго Собранія (134).
20 „	клятва депутатовъ въ Жё-де-помъ (134).
23 „	королевское засѣданіе (135).
27 „	окончательное присоединеніе духовныхъ и дворянскихъ депутатовъ къ Національному Собранію (136).
11 іюля	отставка Неккера (138).
12 „	возстаніе въ Парижѣ (139).
14 „	взятіе Бастиліи (139).
29 „	возвращеніе Неккера (159).
4 августа	„ночное засѣданіе" и паденіе феодализма (143).
1 октября	банкетъ гвардіи въ Версалѣ (144).
5 „	походъ парижанъ на Версаль (145).
6 „	переѣздъ Людовика XVI въ Парижъ (145).
16 „	переселеніе въ Парижъ Національнаго Собранія (160).
2 ноября	секуляризація церковной собственности (172).
19 декабря	декретъ о продажѣ церковныхъ имуществъ (207).

1790 годъ.

15 марта	первый декретъ о выкупѣ феодальныхъ правъ (205).
3 мая	второй декретъ о томъ же (205).
21 „	раздѣленіе Парижа на 48 секцій (160).
12 іюля	гражданское устройство духовенства (208).
14 „	праздникъ федераціи (179—180).
27 ноября	декретъ о присягѣ духовныхъ лицъ гражданскому устройству духовенства (209).

1791 годъ.

2 апрѣля	смерть Мирабо (178).
18 „	первая попытка Людовика XVI уѣхать изъ Парижа (182).

*) Цифры въ скобкахъ относятся къ страницамъ книги.

14 іюня законъ Ле-Шапелье (186).
19 „ отмѣна дворянскихъ титуловъ (202).
20 „ неудачное бѣгство Людовика XVI (183).
17 іюля бойня на Марсовомъ полѣ (183).
18 августа пильницкій манифестъ (189).
3 сентября представленіе Людовику XVI конституціи (188).
10 „ манифестъ французскихъ принцевъ (189).
14 „ принятіе королемъ конституціи (188).

Законодательное Собраніе.

1791 годъ.

1 октября первое засѣданіе Законодательнаго Собранія (220).
19 ноября декретъ объ эмигрантахъ (221).
29 „ декретъ противъ неприсяжнаго духовенства (221).

1792 годъ.

24 марта жирондистское министерство (223).
20 апрѣля объявленіе войны Австріи (225).
20 мая учрежденіе Комитета общей безопасности (299).
23 „ обвиненіе двора въ организаціи „австрійскаго комитета" (226).
23 „ отставка жирондистскаго министерства (227).
18 іюня третій декретъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ (206).
20 „ нападеніе народа на королевскій дворецъ (228).
11 іюля провозглашеніе отечества въ опасности (229).
25 „ декретъ о непрерывности собраній секцій (233).
31 „ петиція секціи Моконсейль о низложеніи короля (235).
10 августа паденіе монархіи (236)
14 „ декретъ о продажѣ имуществъ эмигрантовъ (210).
25 „ четвертый декретъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ (206).
2 сентября „сентябрьскія убійства" (242).
20 „ битва при Вальми (245).

Національный Конвентъ.

1792 годъ.

12 сентября открытіе засѣданій Конвента (245).
30 „ занятіе Шпейера (266 и 392).
4 октября занятіе Вормса (266 и 392).
19 „ оксерская петиція о преданіи Людовика XVI суду (263).
21 „ присоединеніе Савойи (266).
6 ноября побѣда при Жеммапѣ (266).
19 „ декретъ о поддержкѣ націй, стремящихся къ свободѣ (266).
2 декабря завоеваніе Бельгіи (266 и 392).
11 „ допросъ Людовика XVI (264).
15 „ декретъ о революціонной пропагандѣ за границей (266).

1793 годъ

15—19 января голосованіе по дѣлу Людовика XVI (264—265).
21 „ казнь Людовика XVI (265).
31 „ занятіе Ниццы (266 и 392).
1 февраля объявленіе войны Конвентомъ Англіи и Голландіи (266).
7 марта объявленіе войны Испаніи (266).

10 марта учрежденіе революціоннаго трибунала (268)
12 „ пораженіе Дюмурье при Неервинденѣ (267).
21 „ учрежденіе революціонныхъ комитетовъ (299).
22 „ объявленіе германскимъ имперскимъ сеймомъ войны Франціи (266).
1 апрѣля лишеніе депутатовъ неприкосновенности (275).
6—10 „ начало Комитета общественнаго спасенія (268 и 299).
14 „ требованіе Коммуны объ исключеніи изъ Конвента 22 жирондистовъ (275).
24 „ оправданіе Марата революціоннымъ трибуналомъ (275).
29 „ возстаніе Ліона (276).
31 мая—2 іюня возстаніе парижскихъ секцій и паденіе жирондистовъ (276).
10 іюня декретъ о раздѣлѣ общинныхъ угодій (349).
23 „ петиція Жака Ру и секціи Гравилье (293—294).
24 „ принятіе Конвентомъ конституціи 1793 года (278).
13 іюля убіеніе Марата (279—280).
17 „ окончательная отмѣна феодальныхъ правъ (206).
1 августа декретъ объ единообразіи мѣръ и вѣса (352).
27 „ сдача Тулона англійскому флоту (277).
8 сентября побѣда при Гондшооте (278).
13 „ (и 22 октября) побѣды при Мененѣ (278).
17 „ законъ о подозрительныхъ (302).
29 „ законъ о максимумѣ (297).
5 октября введеніе революціоннаго календаря (282).
10 „ декретъ о революціонномъ правительствѣ (291).
16 „ казнь Маріи-Антуанеты (281) и побѣда при Ваттиньи (278).
31 „ казнь жирондистовъ (281).
6 ноября казнь герцога Орлеанскаго (281).
10 „ культъ Разума въ Парижѣ (283).
23 „ распоряженіе Коммуны о закрытіи церквей въ Парижѣ (283).
4 декабря (14 фримера II года) передача всей власти Комитету общественнаго спасенія (299).
17 19 „ (27—29 фримера II года) удаленіе Бонапартомъ англійскаго флота отъ Тулона (277).

1794 годъ.

5 февраля (17 плювіоза II года) обвиненіе Робеспьеромъ крайнихъ и умѣренныхъ (285).
26 марта (5 жерминаля II года) казнь эбертистовъ (285).
30 „ (9 жерминаля II года) приказъ объ арестѣ Дантона (286).
5 апрѣля (16 жерминаля II года) казнь Дантона и Демулена (288).
7 мая (18 флореаля II года) декретъ о признаніи Верховнаго Существа (290).
8 іюня (20 преріаля II года) праздникъ Верховнаго Существа (290).
26 „ (8 мессидора II года) побѣда при Флерюсѣ (325).
27 іюля переворотъ „девятаго термидора“ II года (315).
28 „ (10 термидора II года) казнь Робеспьера (320).
24 августа (7 фрюктидора II года) упраздненіе прежнихъ революціонныхъ комитетовъ (324).
12 ноября (22 брюмера III года) закрытіе клуба якобинцевъ (324).
8 декабря (18 фримера III года) возвращеніе въ Конвентъ находившихся въ изгнаніи жирондистовъ (324).
24 „ (4 нивоза III года) отмѣна закона о максимумѣ (297).

1795 годъ.

1 апрѣля возстаніе „двѣнадцатаго жерминаля" III года (327—328).
5 „ (16 жерминаля III года) базельскій миръ съ Пруссіей (401).
20 мая возстаніе „перваго преріаля" (327—328).
31 „ (12 преріаля III года) отмѣна революціоннаго суда.
8 іюня (22 плювіоза III года) смерть дофина (401).
22 іюля (4 термидора III года) мирный договоръ съ Испаніей (401).
22 августа конституція „5 фрюктидора" III года (331—341).
30 „ декретъ „тринадцатаго фрюктидора" (331).
5 октября возстаніе „тринадцатаго вандемьера" IV года (333—334).
26 (4 брюмера IV года) послѣднее засѣданіе Конвента (336).

Директорія.

1795 годъ.

27 октября (5 брюмера IV года) первое собраніе Совѣтовъ Пятисотъ и Старѣйшинъ (373).

1796 годъ.

3 января (13 нивоза IV года) учрежденіе министерства общей полиціи (386).
12 марта (22 вантоза IV года) отъѣздъ генерала Бонапарта въ итальянскую армію (407).
28 апрѣля (9 флореаля IV года) перемиріе съ сардинскимъ королемъ (407).
15 мая (26 флореаля IV года) вступленіе французовъ въ Миланъ (407).

1797 годъ.

14 января (25 нивоза V года) побѣда Бонапарта при Риволи (408).
18 апрѣля (29 жерминаля V года) леобенское перемиріе (408).
16 мая (27 флореаля V года) занятіе Венеціи французами (396).
27 „ казнь Гракха Бабёфа (386).
6 іюня (18 преріаля V года) превращеніе Генуи въ Лигурійскую республику (395).
29 „ (11 мессидора V года) провозглашеніе Цизальпинской республики (408).
4 сентября переворотъ „восемнадцатаго фрюктидора" V года (381).
17 октября (26 вандемьера VI года) миръ съ Австріей въ Кампо-Форміо (408).
9 декабря (19 фримера VI года) начало раштатскаго конгресса (398).
10 „ (20 фримера VI года) чествованіе Директоріей генерала Бонапарта (409).

1798 годъ.

10 февраля (22 плювіоза VI года) занятіе Рима (397).
15 „ (27 плювіоза VI года) провозглашеніе Римской республики (397).
22 апрѣля (3 флореаля VI года) первое засѣданіе Національнаго Собранія Гельветической республики (396).
11 мая переворотъ „двадцать второго флореаля" VI года (382).
19 „ (30 флореаля VI года) отъѣздъ Бонапарта въ Египетъ (409).

1799 годъ.

23	января	(4 плювіоза VII года) завоеваніе Неаполя и начало Партенопейской республики (397).
15	мая	(26 флореаля VII года) конецъ Партенопейской республики (397).
18	іюля	переворотъ „тридцатаго преріаля“ VII года (383).
25	„	(7 термидора VII года) побѣда Бонапарта при Абукирѣ.
28	августа	(11 фрюктидора VII года) пораженіе французовъ при Нови Суворовымъ (387).
9	октября	(17 вандемьера VIII года) возвращеніе генерала Бонапарта во Францію (410).
9	ноября	переворотъ „восемнадцатаго брюмера“ VIII года (413).
10	„	разгонъ Совѣта Пятисотъ генераломъ Бонапартомъ (414).

2. Соотвѣтствіе мѣсяцевъ революціоннаго календаря мѣсяцамъ календаря грегоріанскаго *).

Вандемьеръ:	22 (23)—30 сентября—1—21 (22) октября.
Брюмеръ:	22 (23)—31 октября—1—20 (21) ноября.
Фримеръ:	21 (22)—30 ноября—1—20 (21) декабря.
Нивозъ:	21 (22)—31 декабря—1—19 (20) января.
Плювіозъ:	20 (21)—31 января—1—18 (19) февраля.
Вантозъ:	19 (20)—28 (29) февраля—1—20 марта.
Жерминаль:	21—31 марта—1—19 апрѣля.
Флореаль:	20—30 апрѣля—1—19 мая.
Преріаль:	20—31 мая—1—18 іюня.
Мессидоръ:	19—30 іюня—1—18 іюля.
Термидоръ:	19—31 іюля—1—17 августа.
Фрюктидоръ:	18—31 августа—1—16 сентября
Дополнит. дни:	17—21 (22) сентября.

3. Библіографія французской революціи.

Литература по исторіи французской революціи, особенно на французскомъ языкѣ, очень обширна. Многія общія ея исторіи переведены по-русски, хотя нѣкоторыя изъ нихъ устарѣли. Приводимъ имена авторовъ съ указаніями на годы выхода въ свѣтъ самихъ сочиненій (не переводовъ) и на ихъ размѣры по русскимъ переводамъ.

I. Французскіе труды.

Тьеръ. 1823—1827. Два тома.

Минье. 1824. Два тома.

Ламартинъ. Исторія жирондистовъ. 1847.

Луи Бланъ. 1847—1862. Двѣнадцать томовъ.

Токвиль. Старый порядокъ и революція. 1856. Около 350 страницъ.

Кинэ. 1866. Два тома.

Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. 1876 и слѣд. Четыре тома.

Сорель. Европа и французская революція. 1885 и слѣд. Восемь томовъ.

Шере. Паденіе стараго порядка. 1884 и слѣд. Два тома въ 4 выпускахъ.

Де-Брокъ. Французская революція по показаніямъ современниковъ и мемуаровъ (1892). Около 600 страницъ.

---

*) Въ скобкахъ обозначенъ високосный (1796) годъ, причемъ лишній день былъ вставленъ 22-го сентября предыдущаго (1795) года, а не въ концѣ февраля 1796 г.

Оларъ. 1901. Около 950 страницъ.
Жоресъ. 1900 и слѣд. Переведенъ только первый томъ (около 570 стр.)
Вандаль. Возвышеніе Бонапарта. 1905. Около 600 стр.
Сверхъ того, есть переведенные съ французскаго языка болѣе краткія изложенія Карно (1870; ок. 350 стр.), Рамбо (1883 г.), Олара (стр. 350) и разныхъ авторовъ подъ ред. Лависса и Рамбо (около 350 стр.).

II. Нѣмецкіе труды.

Зибель. 1853 и слѣд. Четыре тома.
Гейсеръ. 1868. Около 450 страницъ.
Блосъ, 1889. Два тома.

III. Англійскій трудъ.

Карлейль. 1837. Три тома.

IV. Русскіе труды.

На русскомъ языкѣ самымъ большимъ трудомъ является „Происхожденіе современной демократіи“ (1895—1899) М. М. Ковалевскаго, въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ первый въ двухъ частяхъ. Революціи посвящены томы II и III (эпоха Учредительнаго Собранія). Есть еще изложеніе томовъ II—VIII труда Сореля въ одной книгѣ въ полторы сотни стр., сдѣланное Т. А. Богдановичъ, подъ заглавіемъ: „Франція и Европа на грани XIX вѣка“.

Кромѣ того, проф. В. И. Герье издалъ въ 1911 году иллюстрированную книгу „Французская революція 1789—1795 года въ освѣщеніи И. Тэна“, заключающую въ себѣ около 500 страницъ. Наконецъ, на русскомъ языкѣ появилась въ заграничномъ изданіи книга П. А. Кропоткина, вышедшая одновременно на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ 1910 г.

Всѣ эти труды имѣютъ разный характеръ: одни—исключительно повѣствовательный, другіе представляютъ собою скорѣе разсужденія (Токвиль, Кинэ и др.), въ третьихъ преобладаютъ описанія учрежденій, законодательства, нравовъ и т. п. (Тэнъ, Ковалевскій и др.). Внѣшней (дипломатической и военной) исторіи отводится далеко не одинаковое мѣсто (больше всего у Сореля). Предѣлы эпохи берутся разные (у Шере 1787—1789 гг., у Ковалевскаго 1789—1791 гг., въ другихъ изложеніе доводится до 1794—95 г., до 1799, до 1804 и даже до 1815 г.), причемъ старый порядокъ разсматривается не вездѣ подробно (больше всего у Токвиля, у Тэна, у Сореля, у Ковалевскаго). По своему характеру нѣкоторые изъ этихъ трудовъ являются апологіями французской революціи, нѣкоторые, наоборотъ, заключаютъ въ себѣ острую ея критику (особенно Тэнъ, де-Брокъ), нѣкоторые же задуманы и написаны въ болѣе объективномъ духѣ. Съ соціалистической точки зрѣнія французская революція разсматривается въ произведеніяхъ Луи Блана, Жореса и Блоса, а съ точки зрѣнія теоретическаго анархизма—въ книгѣ Кропоткина (см. ниже, на стр. VIII, № 16).

Укажемъ еще на нѣкоторыя, имѣющіяся на русскомъ языкѣ біографіи и характеристики писателей XVIII вѣка и дѣятелей революціи. О Вольтерѣ есть книги Шахова, Штрауса и Морлея, о Монтескьё—Сореля, о Руссо—Морлея, Грехема, Гефдинга, Каролина, Южакова, о Дидро—Морлея. О Мирабо, кромѣ переводной книжки Мезьеръ, имѣются небольшія

очерки проф. Э. Д. Гримма и Г. Е. Аѳанасьева, о Лафайетѣ—книга В. Я. Богучарскаго, о г-жѣ Роланъ—З. С. Мировичъ; кромѣ того, есть и переводъ ея Мемуаровъ.

Въ коллекціи Павленкова „Жизнь замѣчательныхъ людей" имѣются біографіи Вольтера, Монтескьё, Руссо, Мирабо, Бомарше. Что касается до другихъ писателей и дѣятелей эпохи, то въ разныхъ журналахъ въ разное время былъ рядъ статей о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, отмѣчу наиболѣе извѣстные историческіе романы изъ эпохи французской революціи.

А. Дюма. Ожерелье королевы.
Жоржъ Сандъ. Мопрà.
Чарльзъ Диккенсъ. Исторія двухъ городовъ.
Викторъ Гюго. Девяносто третій годъ.
Эрнестъ Додэ. Журданъ-Головорѣзъ.
А. Дюма. Кавалеръ Краснаго зàмка.
Эркманъ-Шатріанъ. Исторія крестьянина.
Феликсъ Гра. Марсельцы.—Терроръ.
Анатоль Франсъ. Боги жаждутъ (см. ниже, на стр. IX, № 48).
М. Загуляевъ. Русскій якобинецъ. Странная исторія.

4. Къ портретамъ и иллюстраціямъ.

Портретовъ дѣятелей революціи и изображеній отдѣльныхъ ея сценъ вообще существуетъ великое множество, равно какъ и ихъ воспроизведеній въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Одинъ большой иконографическій альбомъ революціи Армана Дайо (Dayot) почти въ 500 страницъ большого формата содержитъ въ себѣ портреты болѣе, нежели двухсотъ лицъ, причемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ дано по два, по три, по четыре и даже больше портретовъ, такъ что общее число всѣхъ портретовъ въ этомъ альбомѣ превышаетъ цифру 300. Какъ портреты, такъ и изображенія отдѣльныхъ событій, помѣщенные въ названномъ альбомѣ или въ иллюстрированныхъ изданіяхъ исторіи революціи, современны самой эпохѣ, что придаетъ имъ гораздо бòльшую цѣнность, нежели представляютъ рисунки позднѣйшихъ иллюстраторовъ, часто не имѣющіе колорита эпохи. Въ нашемъ изданіи помѣщены исключительно современные портреты, но для разныхъ событій мы позволили себѣ дать также снимки съ знаменитыхъ картинъ, написанныхъ позднѣе. Альбомъ Дайо содержитъ еще воспроизведенія тогдашнихъ аллегорическихъ рисунковъ, карикатуръ, эмблемъ и т. п., равно какъ изображенія нѣкоторыхъ предметовъ, какъ-то: медалей и медальоновъ, значковъ, билетовъ, пропусковъ, бумажныхъ денегъ (ассигнатовъ), оружія, отдѣльныхъ принадлежностей тогдашняго костюма (напр., краснаго колпака), разныхъ другихъ характерныхъ вещей эпохи въ родѣ тарелокъ, бомбоньерокъ, вѣеровъ и т. п. съ революціонными изображеніями и надписями. Имѣется въ альбомѣ и очень большое количество снимковъ съ рукописей, подписей и т. д. Прибавимъ, что во Франціи издаются также открытки съ воспроизведеніемъ портретовъ дѣятелей революціи, отдѣльныхъ сценъ изъ ея исторіи и разныхъ документовъ. Изъ всего этого матеріала пришлось для нашего изданія выбрать только наиболѣе важное и характерное.

Что касается до прилагаемаго схематическаго плана Парижа, то на немъ отмѣчены, во-первыхъ, раздѣленіе города на сорокъ восемь секцій, во-вторыхъ, нѣкоторыя площади и улицы, въ-третьихъ, зданія, упоминаемыя въ текстѣ. Обозначенная на планѣ линія бульваровъ отдѣляла „городъ" отъ „предмѣстій" (фобуровъ). См. въ текстѣ, стр. 45.

5. Того же автора книги, брошюры, статьи и замѣтки по эпохѣ французской революціи *).

*1. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. 1879.

2. Новый историкъ французскаго крестьянства. О книгѣ Бабо „Le village sous l'ancien régime" (Крит. Обозр., 1879).

*3. Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 года. 1881.

4. О книгѣ Г. Е. Аѳанасьева „Главные моменты политической дѣятельности Тюрго" (Юрид. Вѣстн., 1885).

5. Новѣйшія работы по исторіи французской революціи. По поводу столѣтія революціи (Истор. Обозр., 1890).

6. Новая біографія Мирабо. О книгѣ А. Штерна „Mirabeau" (Рус. Мысль, 1891).

*7. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ III. Восемнадцатый вѣкъ и французская революція. 1893.

*8. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. 1894. Главы 2 и 3.

9. La Révolution Française dans la science historique russe (La Rév. Franç., 1902). Ср. № 11.

10. Французская революція. Статья въ полутомѣ 72 „Энц. Слов." Брокгауза-Ефрона, 1902. (Съ исторіографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ).

*11. Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи (Извѣст. Политехн. Инст. и отдѣльно, 1904).

*12. Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи (тамъ же и отдѣльно, 1907).

13. Замѣтка о книгѣ P. Boissonnade „Les études relatives à l'histoire économique de la révolution française" (тамъ же, 1907).

14. Тэнъ передъ судомъ Олара (Рус. Богат., 1908).

*15. Происхожденіе современнаго народно-правового государства. 1908. Главы VIII—XI.

16. Новая книга по исторіи французской революціи. P. Kropotkine. „La Révolution" (тамъ же, 1910).

*17. Отзывъ о соч. П. Н. Ардашева „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка" (Отч. о XIII присужденіи Ак. Наукъ премій митр. Макарія и отдѣльно, 1910).

18. Нѣсколько новѣйшихъ книгъ по французской революціи (Вѣстн. Евр., 1910).

*19. Парижскія секціи временъ французской революціи (Ист. Обозр. и отдѣльно, 1911).

*20. Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г.? (Извѣст. Политехн. Инст. и отдѣльно, 1911).

21. Русская книга по исторіи личной свободы во Франціи. О книгѣ А. А. Борового (Ист. Обозр., 1911).

22. Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху великой революціи. О книгѣ проф. Е. В. Тарле (Рус. Богат., 1911).

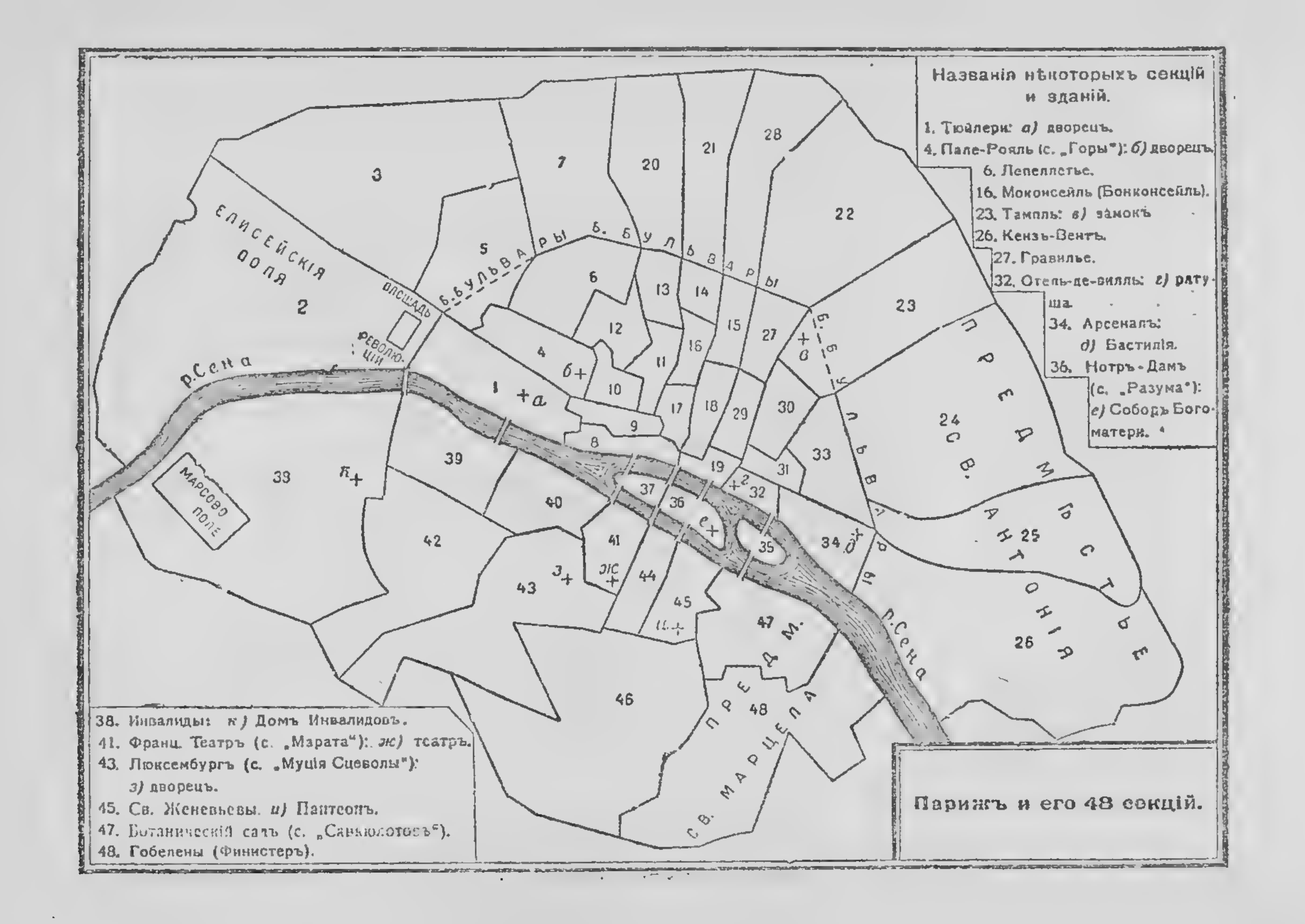
23. Догма государственнаго права дореволюціонной Франціи. О книгѣ проф. Ѳ. В. Тарановскаго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1911).

24. Изъ новѣйшей литературы по исторіи французской революціи (Вѣстн. Евр., 1911).

---

*) Звѣздочкой отмѣчены книги и брошюры.

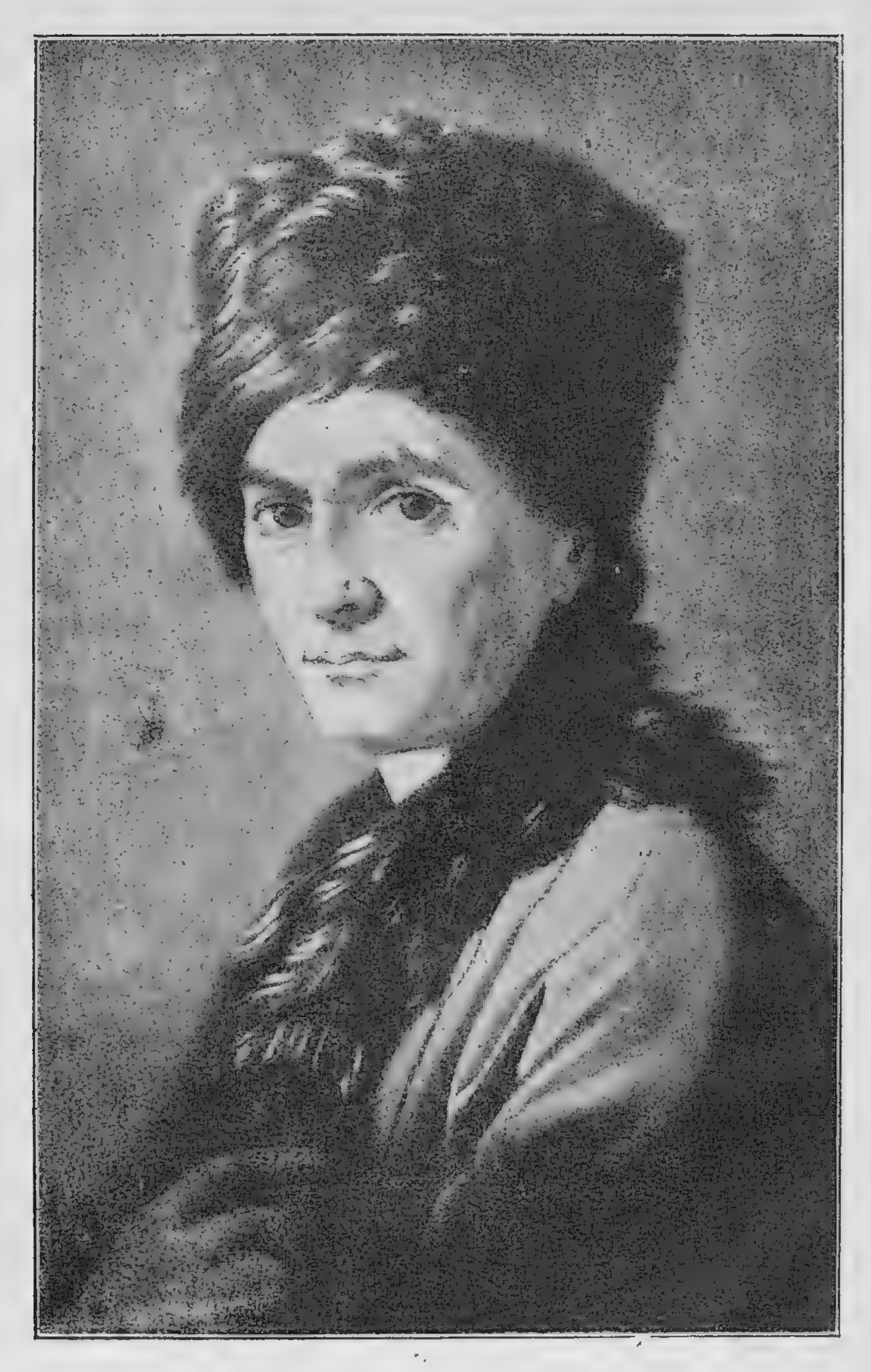
25. Послѣднія работы русскихъ ученыхъ о французской революціи (тамъ же, 1911).
26. Еще о новыхъ русскихъ работахъ по французской революціи (тамъ же, 1911).
*27. Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ, 1902—1911 (Истор. Обозр. и отдѣльно, 1912).
*28. Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій (Зап. Ак. Наукъ и отдѣльно, 1912).
29. Политическія выступленія парижскихъ секцій во время великой революціи (Рус. Богат., 1912).
30. Изъ новѣйшей литературы по исторіи французской революціи (Вѣстн. Евр., 1912).
31. Книга И. В. Лучицкаго о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи передъ революціей (тамъ же, 1912).
32. Вліяніе французской революціи на другія страны (въ III т. „Книги для чтенія по исторіи новаго времени". 1912),
*33. La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution. 1912.
34. Les travaux russes sur l'époque de la révolution française depuis dix ans (Bul. de la société d'histoire moderne, 1912). Ср. № 27.
35. Un nouveau livre russe sur l'histoire des ouvriers français pendant la révolution (La Rév. Franç., 1912). Ср. № 22.
*36. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Два выпуска. (Изв. Полит. Инст. и отдѣльно, 1913 и 1915).
*37. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (тамъ же и отдѣльно, 1913).
38. Deux opinions contraires sur l'histoire agraire de la France à l'époque de la révolution (La Rév. Franç., 1913).
*39. Неизданные протоколы парижскихъ секцій 9 термидора II года (Зап. Ак. Наукъ и отдѣльно, 1914).
*40. Роль парижскихъ секцій въ переворотѣ 9 термидора. 1914.
*41. Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера роялистическимъ? 1914 (Сборн. въ честь проф. В. П. Бузескула и отдѣльно).
*42. Борьба парижскихъ секцій противъ декретовъ 5 и 13 фрюктидора (Журн. Мин. Нар. Просв. и отдѣльно, 1915).
43. Жоржъ-Жакъ Дантонъ (Вѣстн. Евр., 1915).
44. „Коммунистическая" петиція Жака Ру и секціи Гравилье (Рус. Записки, 1916).
45. Реакція въ парижскихъ секціяхъ послѣ 1 преріаля III года (Истор. Извѣстія, 1916).
46. Психологія якобинца въ изображеніи романиста-эпикурейца (Вѣстн. Евр., 1916). О романѣ Анатоля Франса „Боги жаждутъ".
47. М. М. Ковалевскій, какъ историкъ французской революціи (тамъ же, 1917).
48. Исторія французской революціи въ средней школѣ (Вопр. препод. ист. въ ср. и низш. школѣ, вып. II, 1917).
49. Патріотизмъ французской революціи (Нашъ Вѣкъ, 1918, № 22).
50. Французскій революціонный трибуналъ 1793—1795 годовъ (Вѣстникъ культуры и политики, 1918, № 3).



Парижъ и его 48 секцій.

Шарль-Луи Монтескьё (1689—1755). Стр. 53

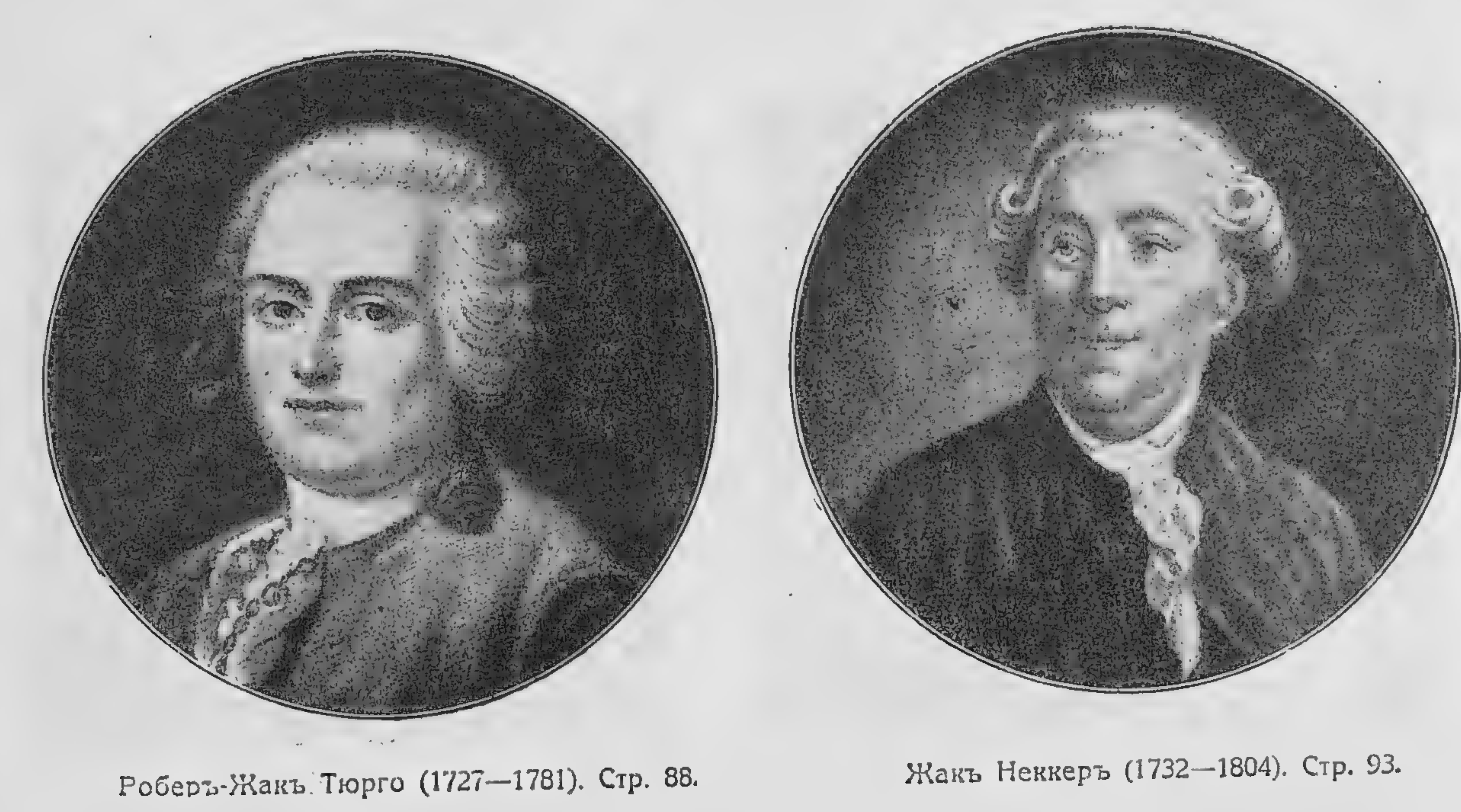
Франсуа-Мари Вольтеръ (1694—1778). Стр. 51.



Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778). Стр. 55.

Марія-Антуанета (род. въ 1755 г., казн. въ 1793). Стр. 86.

Людовикъ XVI (род. въ 1754 г., казн. въ 1793). Стр. 81.



Роберъ-Жакъ Тюрго (1727—1781). Стр. 88.

Жакъ Неккеръ (1732—1804). Стр. 93.

Габріэль-Онорэ де-Рикетти графъ Мирабо (1749—1791).
Стр. 108.

Эммануэль-Жозефъ Сьейесъ (1748—1836). Стр. 105.

Мари-Жильберъ маркизъ де-Лафайетъ (1757—1834). Стр. 104.

Камилло Демуленъ (род. въ 1760 г., казн. въ 1794). Стр. 139.

Максимиліанъ Робеспьеръ (род. въ 1758 г., казн. въ 1794).
Стр. 156.

Шарлотта Кордэ (род. въ 1768 г., казн. въ 1793). Стр. 279.

Жанъ-Поль Маратъ (род. въ 1744 г., убитъ въ 1793). Стр. 158.

Жоржъ-Жакъ Дантонъ (род. въ 1759 г., казн. въ 1794).
Стр. 167.

Бриссо де-Варвиль (род. въ 1754 г., казн. въ 1793). Стр. 217.

Маркизъ Мари-Жанъ де-Кондорсэ (род. въ 1744 г., убилъ себя въ 1794). Стр. 218.

Пьеръ-Виктюрніенъ Верньо (род. въ 1753 г. казн. въ 1793). Стр. 217.

Марія-Жанна Роланъ (род. въ 1754 г.,
казн. въ 1793). Стр. 224.

Антуанъ-Луи-Леонъ де-Сенъ-Жюстъ (род. въ 1768 г., казн. въ 1794). Стр. 253.

Жоржъ Кутонъ (род. въ 1755 г., казн. въ 1794). Стр. 219.

Жакъ-Ренэ Эберъ (род. въ 1755 г., казн. въ 1794). Стр. 159.

Антуанъ Фукье-Тенвиль (род. въ 1747 г., казн. въ 1795). Стр. 307.

Аббатъ Анри Грегуаръ (1750—1831)
Стр. 209.

Гракхъ Бабёфъ (род. въ 1764 г., казн. въ 1797). Стр. 384.

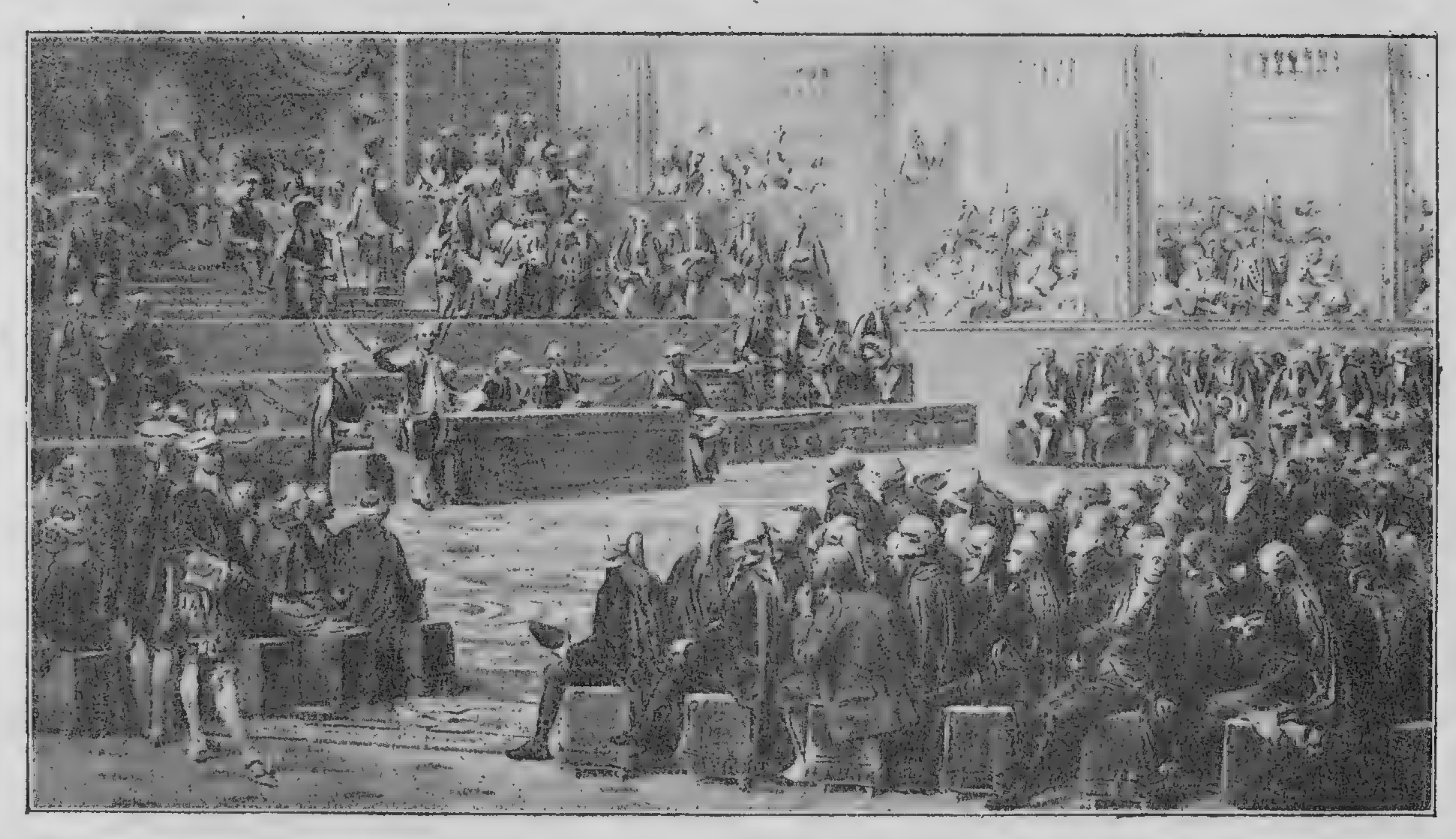
Полъ-Жанъ Баррасъ (1755—1829). Стр. 333.

Лазарь-Николай Карно (1753—1823). Стр. 299.

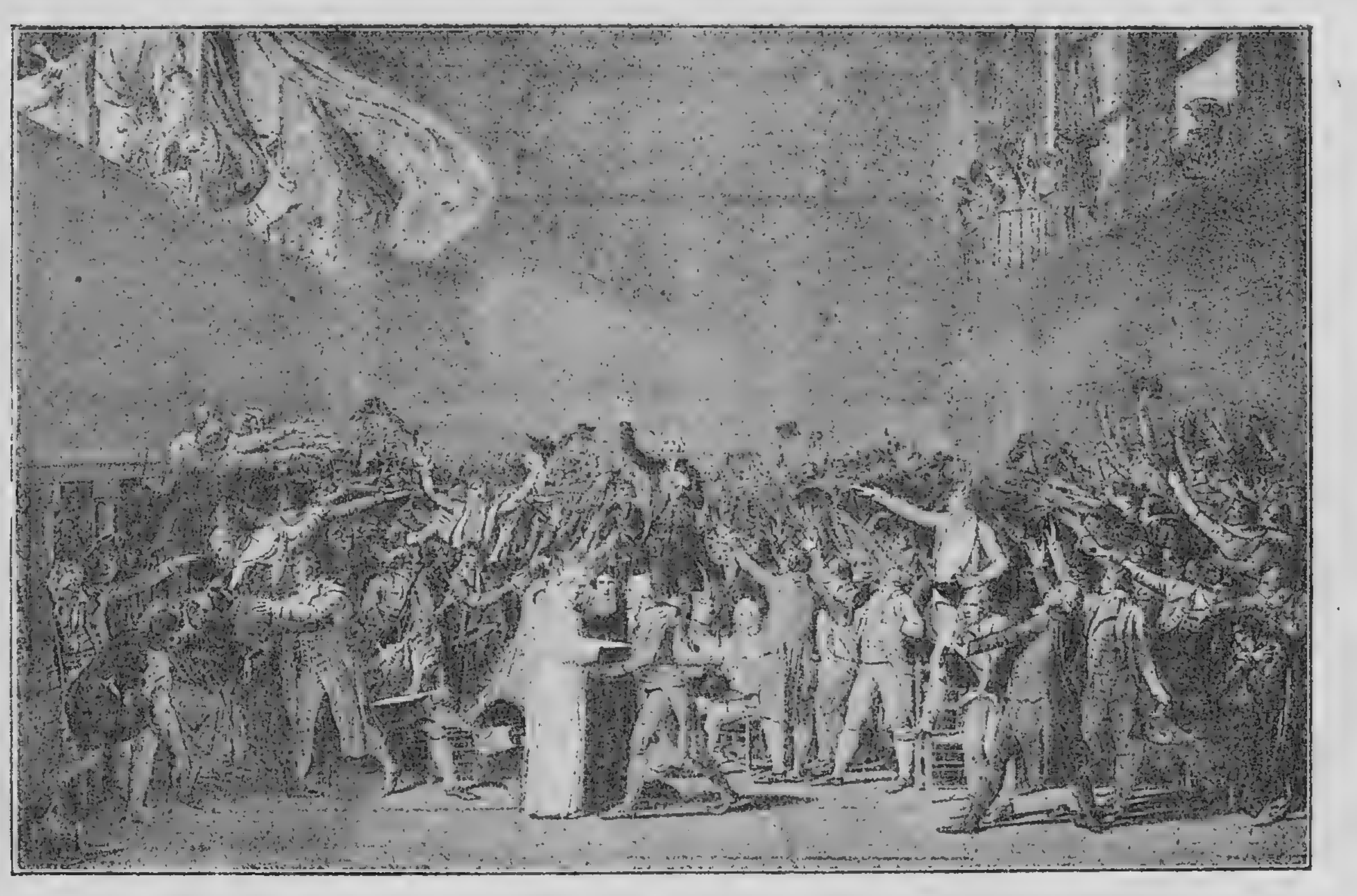
Наполеонъ Бонапартъ (1769—1821).

Главнокомандующій итальянской арміи въ 1796—1797 гг., первый консулъ Французской республики въ 1799—1804 гг., императоръ французовъ въ 1804—1814 гг. и вторично въ 1815 г. Стр. 404.

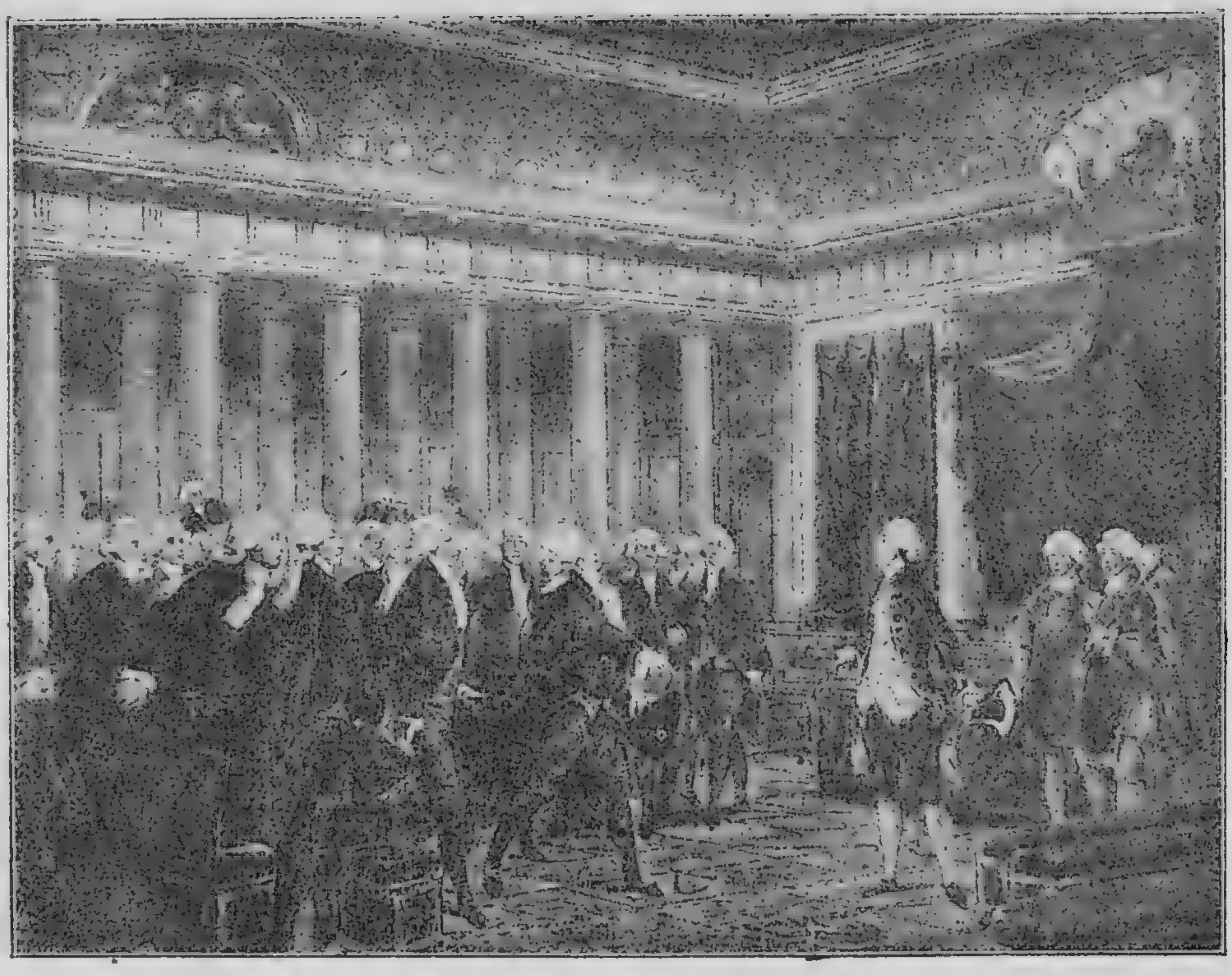
Портретъ относится къ его молодымъ годамъ.



Открытіе Генеральныхъ Штатовъ въ Версалѣ 5 мая 1789 года. Стр. 132.

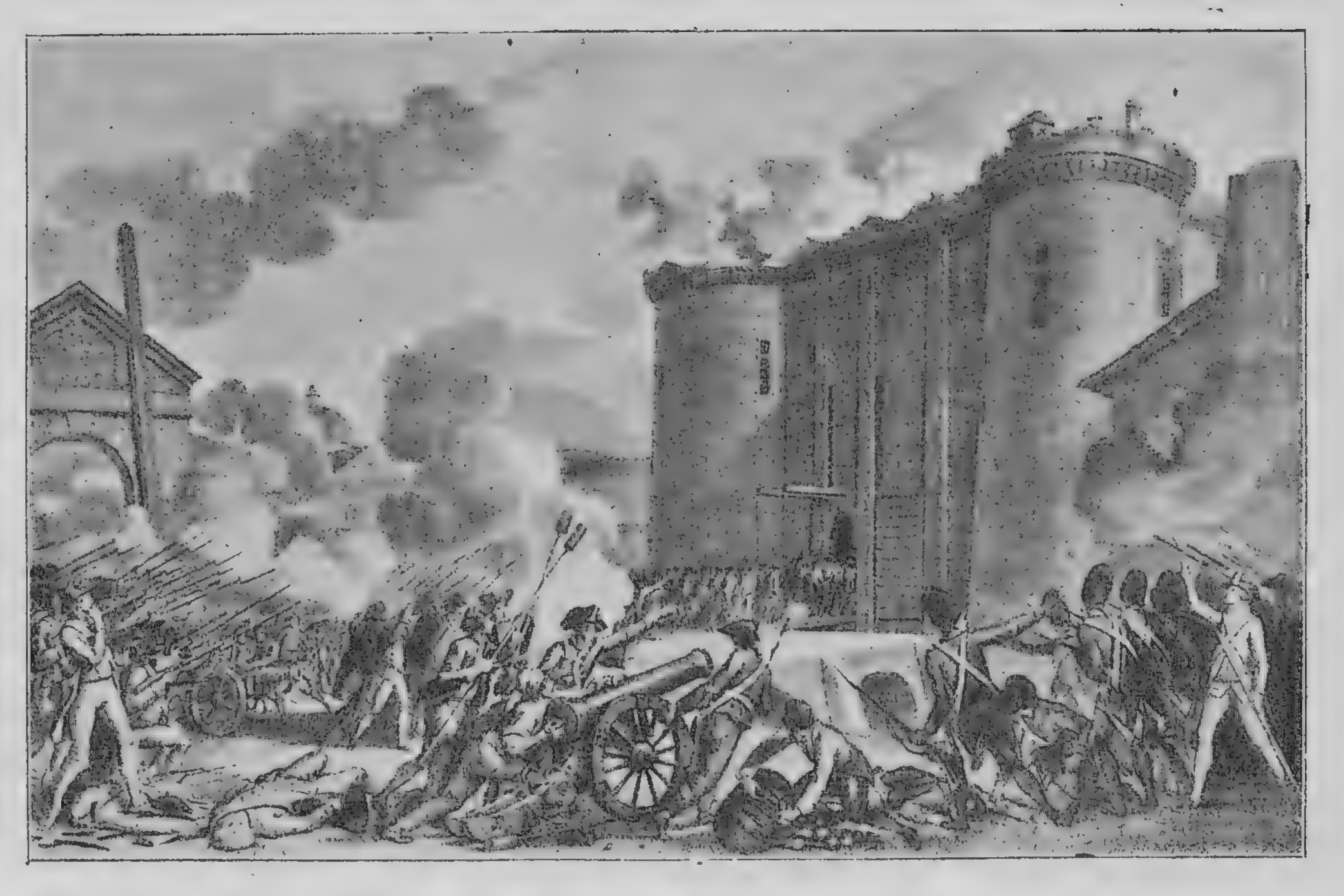


Клятва въ манежѣ Жё-де-помъ 20 іюня 1789 года. Стр. 134.

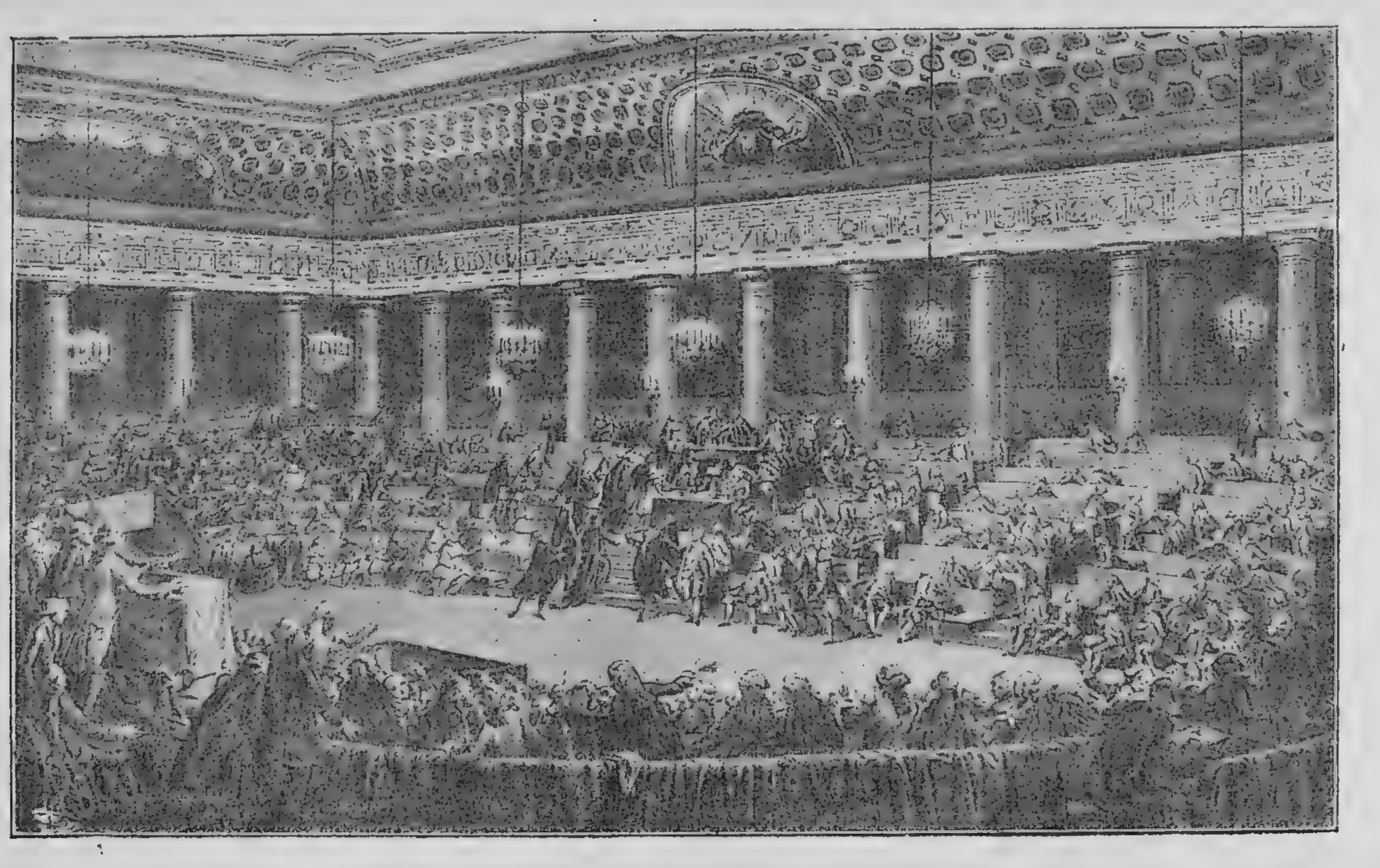


Отвѣтъ Мирабо оберъ-церемоніймейстеру Дрё-Брезэ 23 іюня 1789 года. Стр. 135.

Камиллъ Демуленъ произноситъ рѣчь въ саду Пале-Рояля 12 іюня 1789 года. Стр. 139.

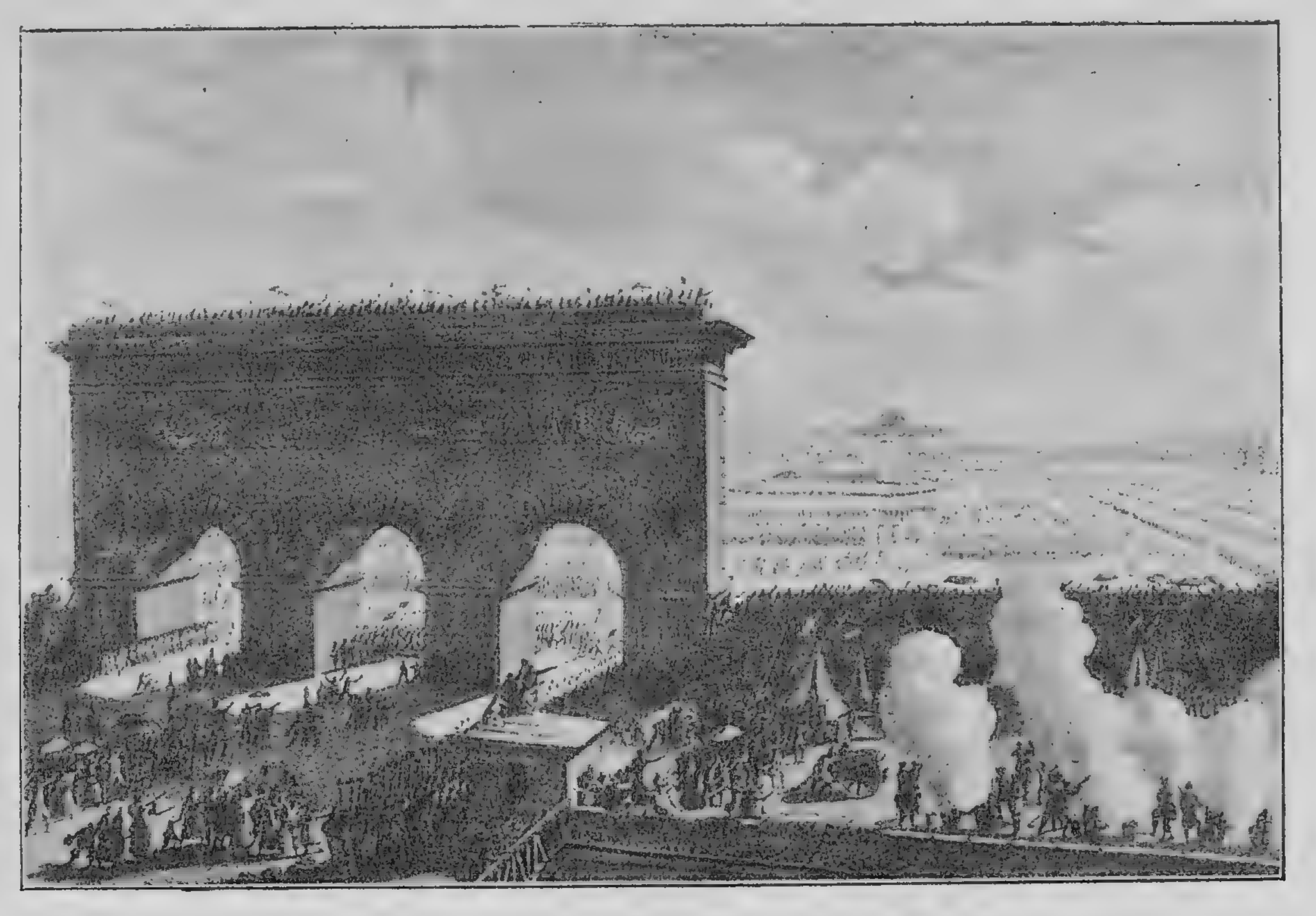


Штурмъ Бастиліи 14 іюля 1789 года. Стр. 139.

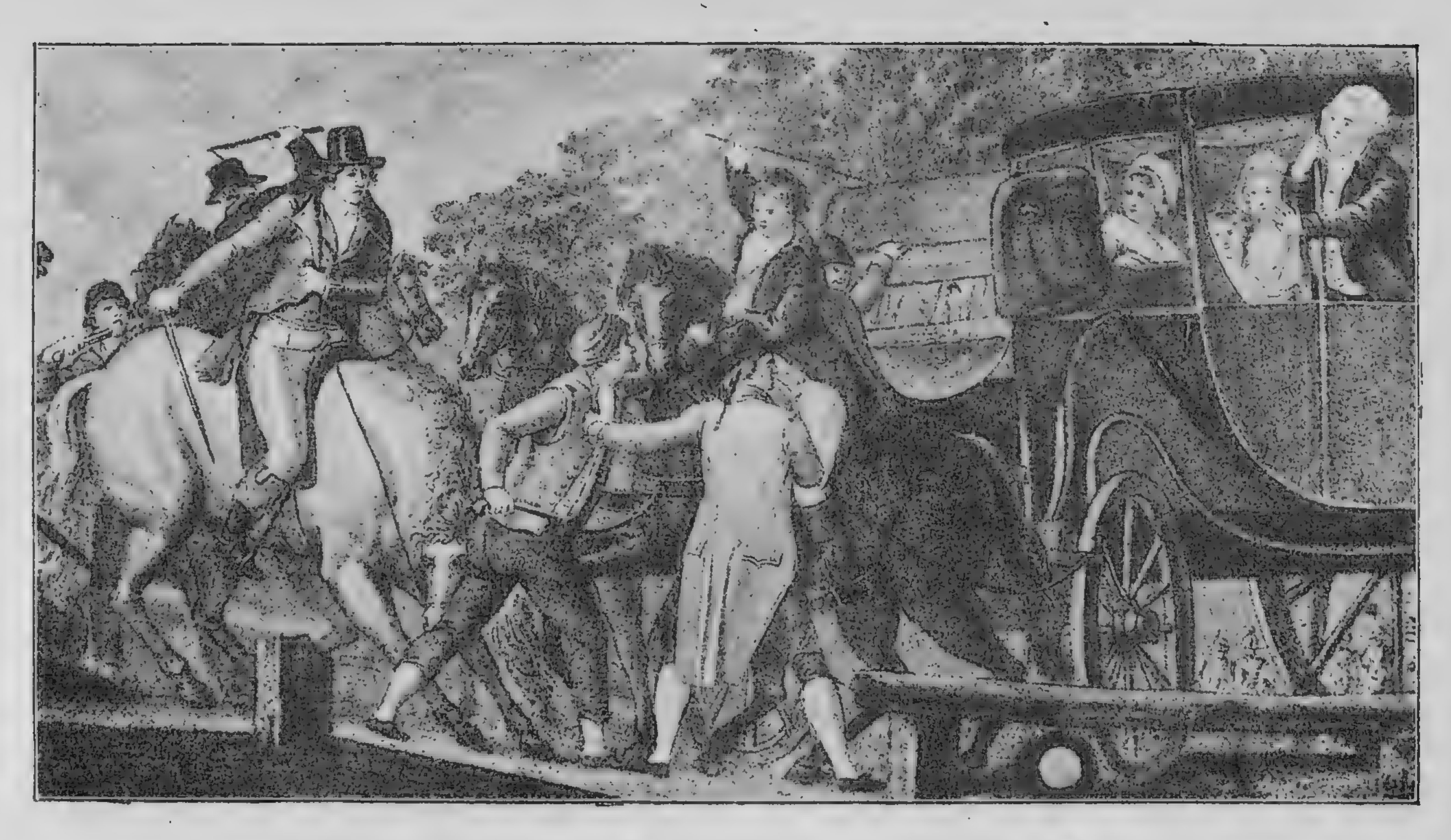


Ночное засѣданіе Національнаго собранія 4 августа 1789 года. Стр. 143.

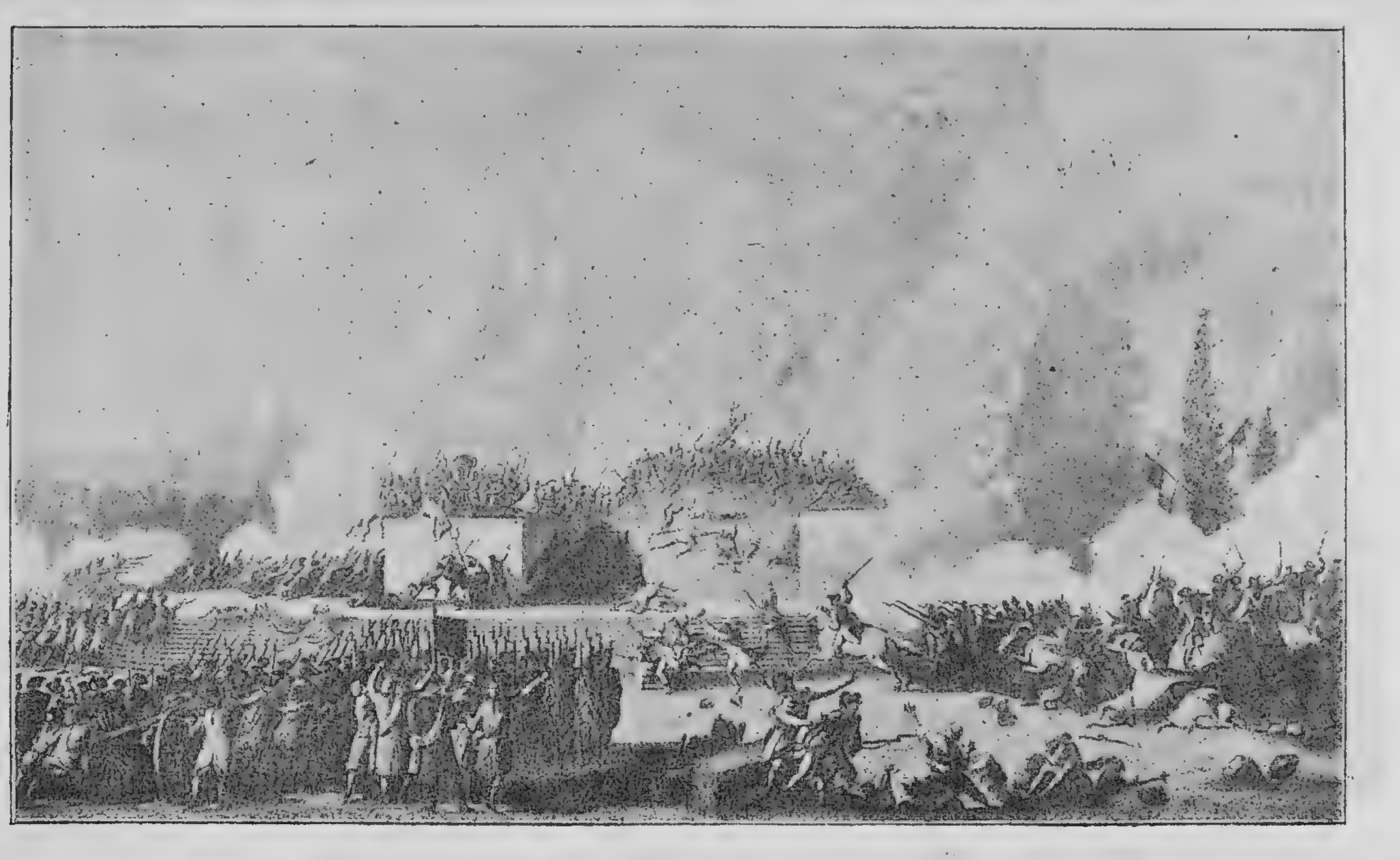
Переѣздъ Людовика XVI на жительство въ Парижъ 6 октября 1789 года. Стр. 145.



Праздникъ федераціи на Марсовомъ полѣ 14 іюля 1790 года. Стр. 179.

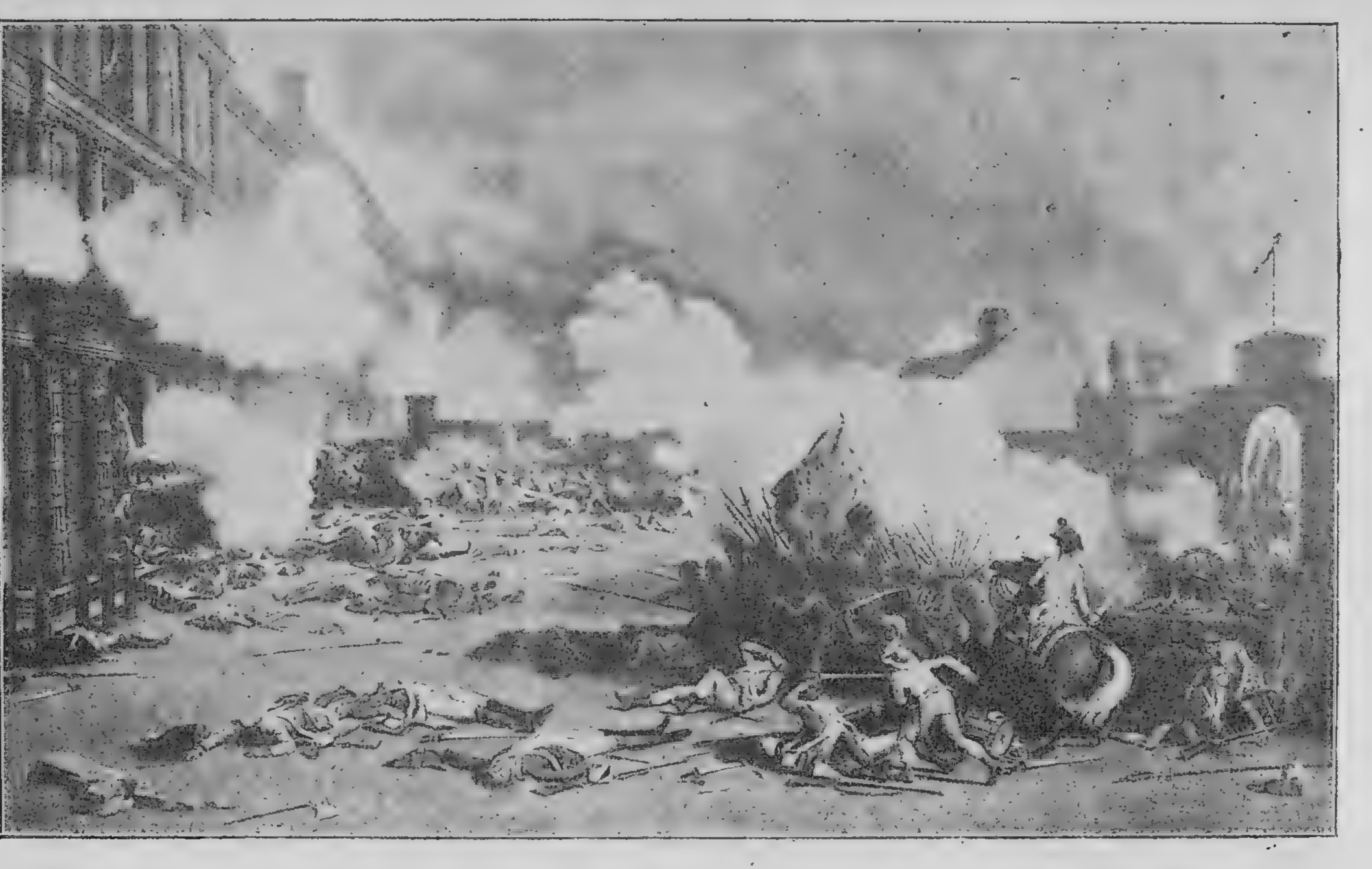


Неудачная попытка бѣгства Людовика XVI 22 іюня 1791 года. Стр. 183.

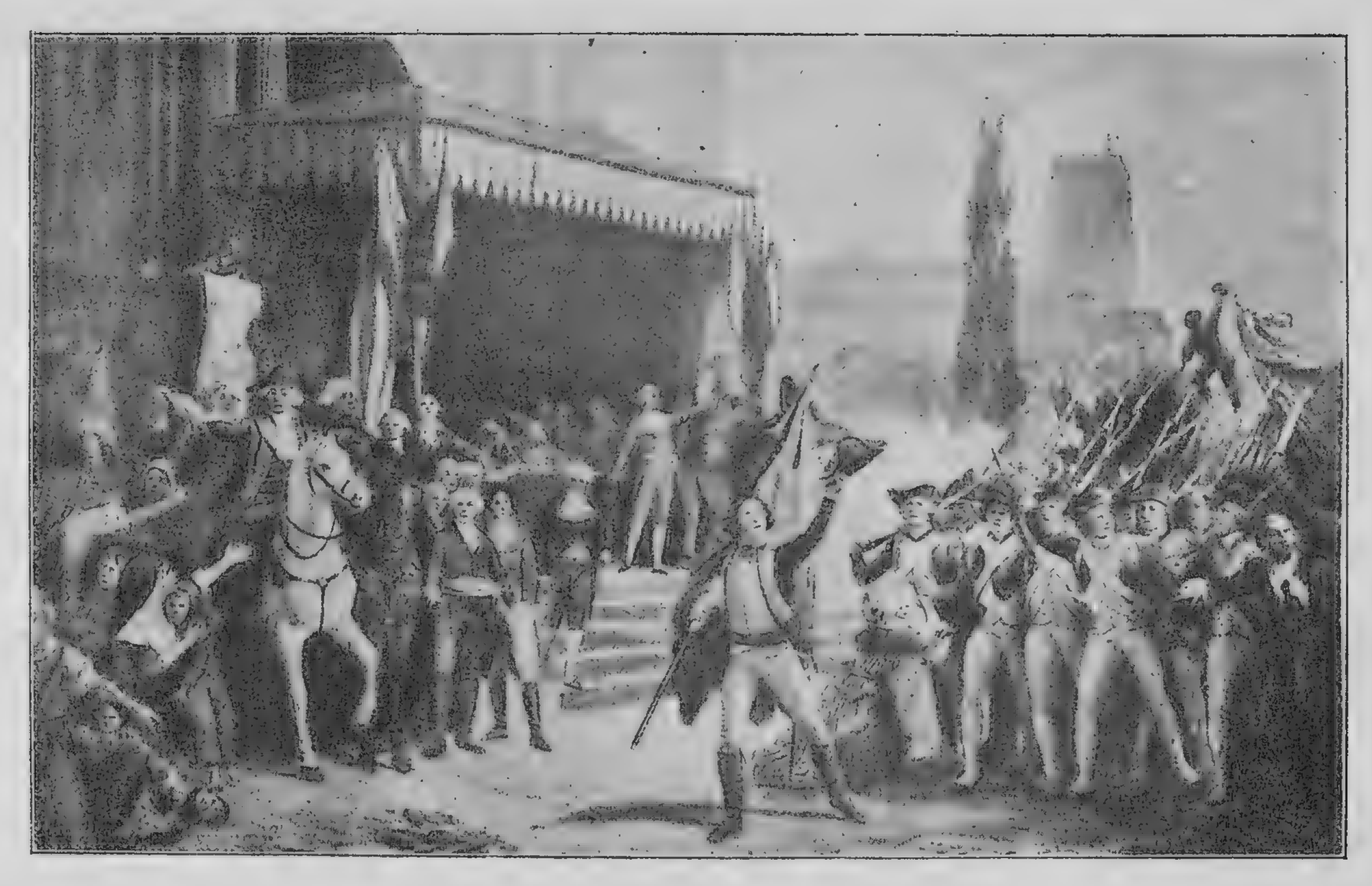


Бойня на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 года. Стр. 183

Нападеніе народа на королевскій дворецъ 20 іюня 1792 года. Стр. 228.



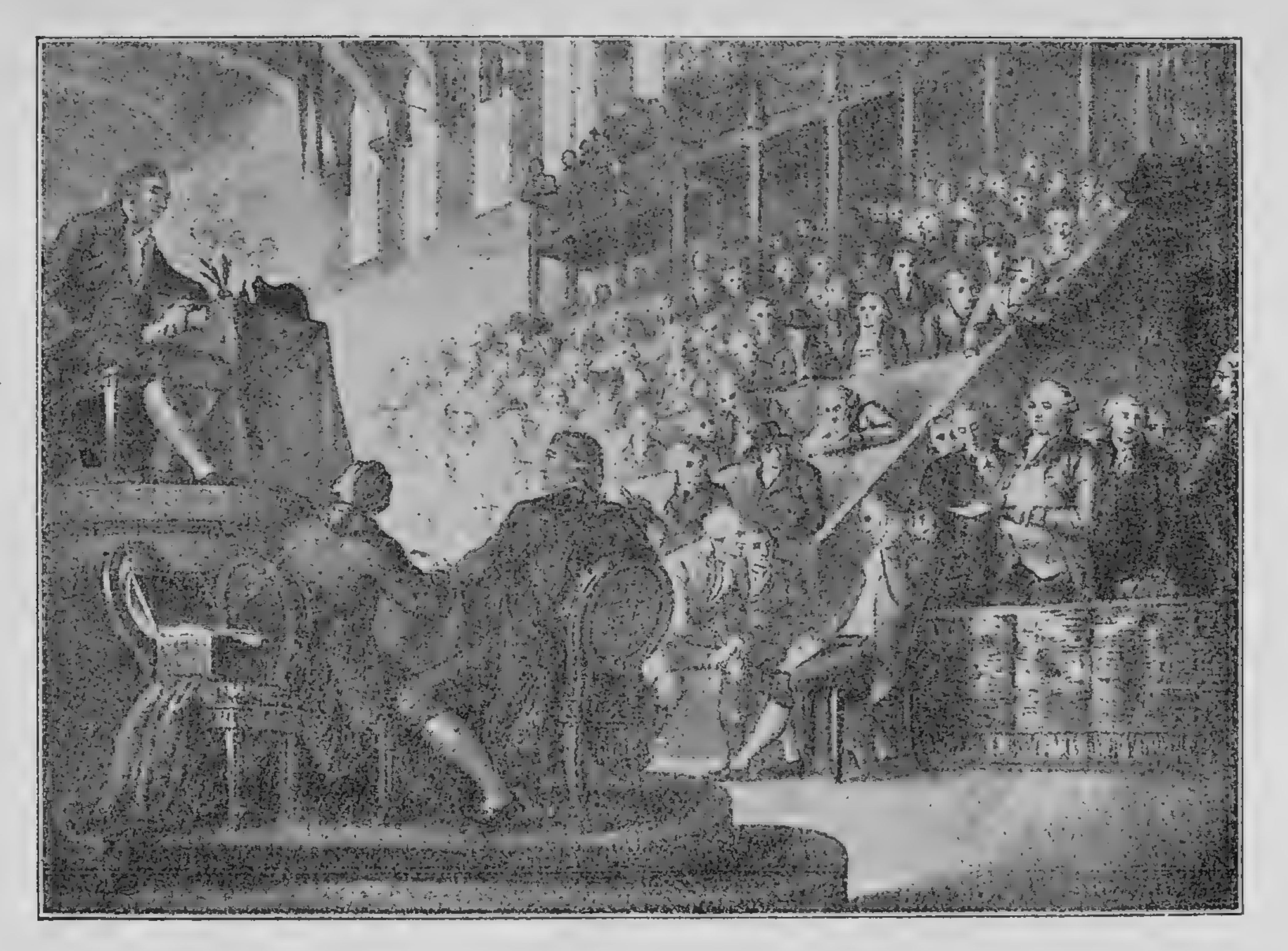
Взятіе народомъ Тюйлерійскаго дворца 10 августа 1792 года. Стр. 236.



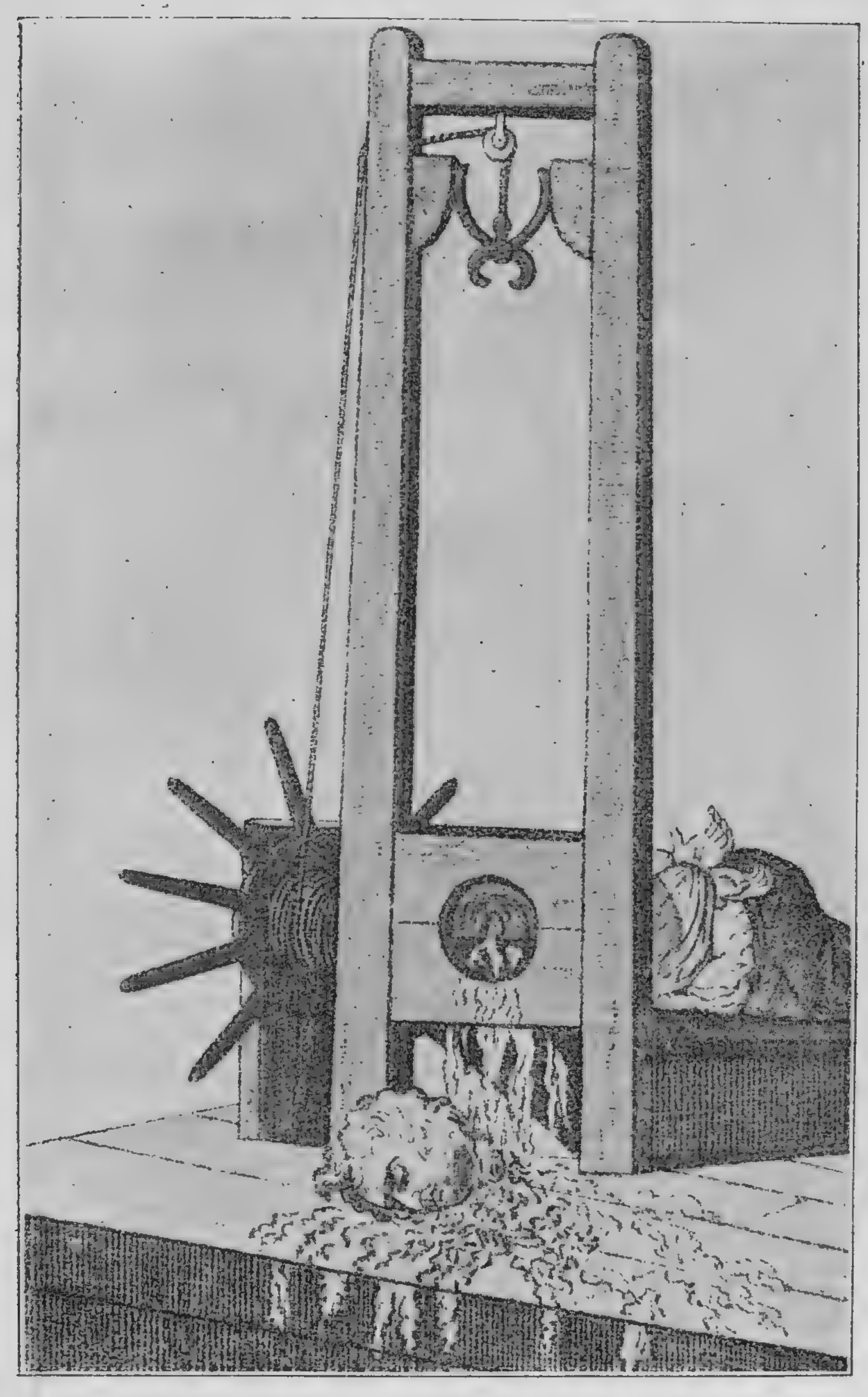
Французскіе добровольцы 1792 года. Стр. 232.

Руже-де-Лиль поетъ Марсельезу. Стр. 225.

Революціонная война (горельефъ на Тріумфальной аркѣ въ Парижѣ). Стр. 225



Допросъ Людовика XVI въ Національномъ Конвентѣ въ декабрѣ 1792 года. Стр. 264.

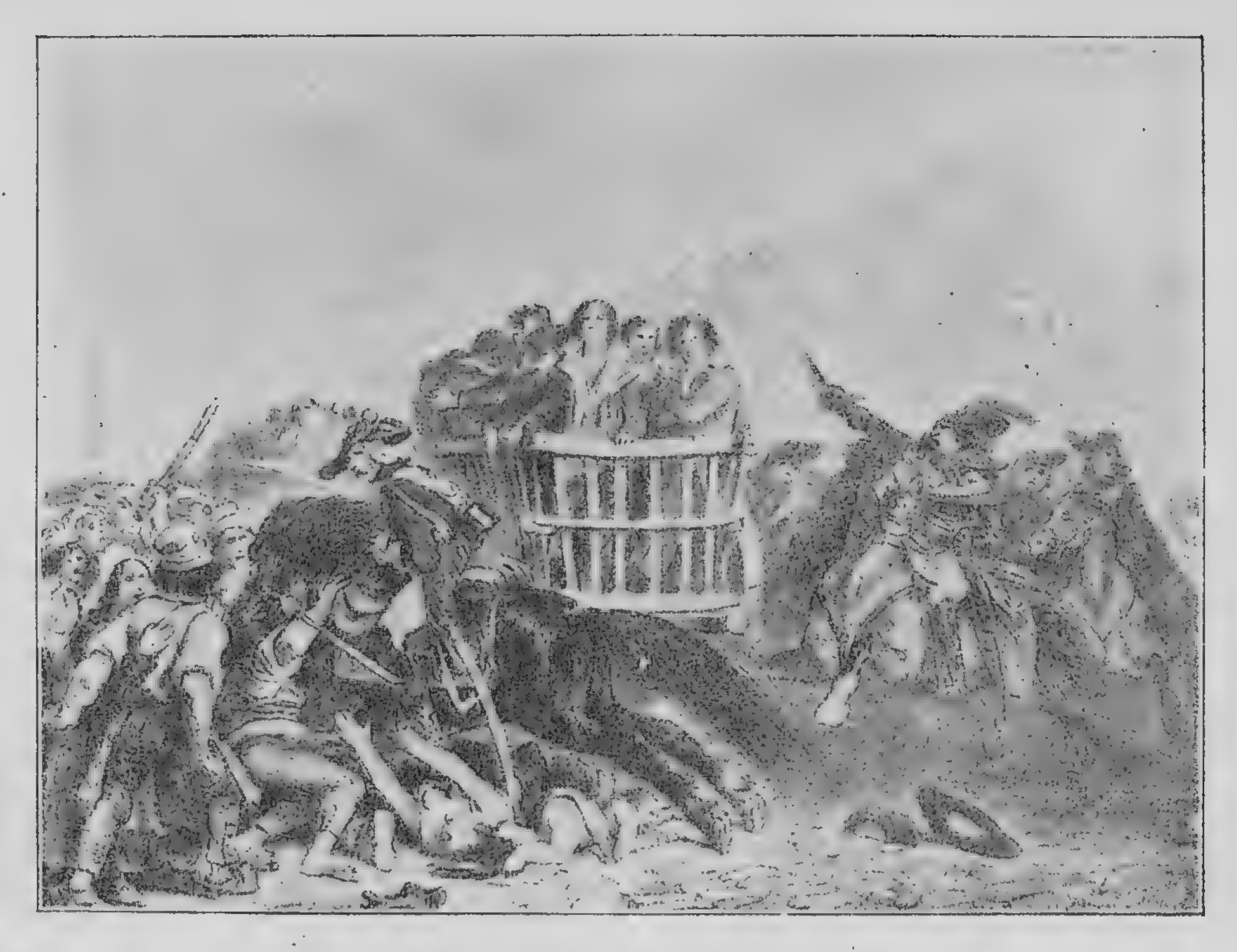


Совершеніе казни гильотиной. Стр. 366.

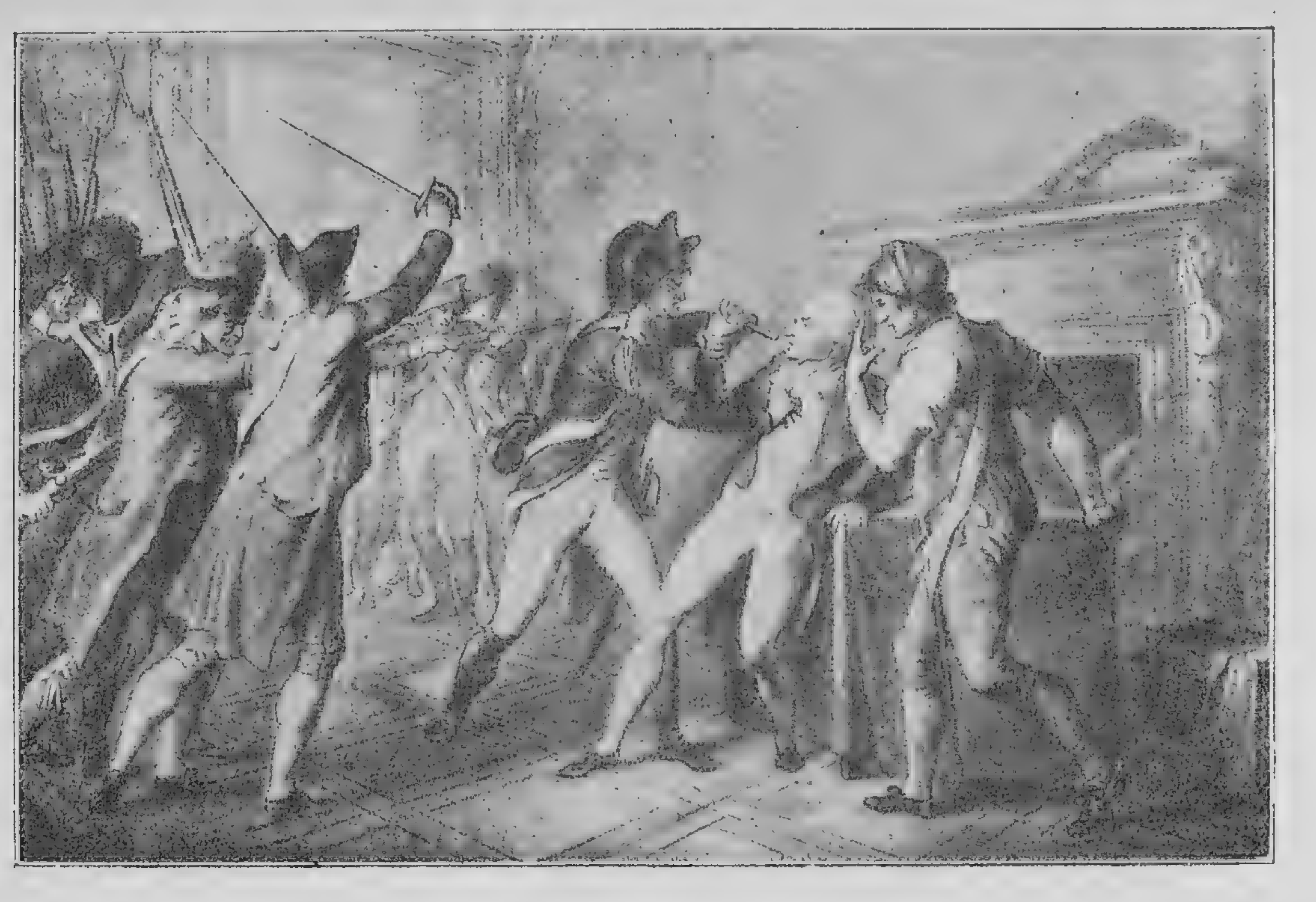
Марія-Антуанета въ тюрьмѣ Консьержери. Стр. 281.

Засѣданіе Якобинскаго клуба. Стр. 164.

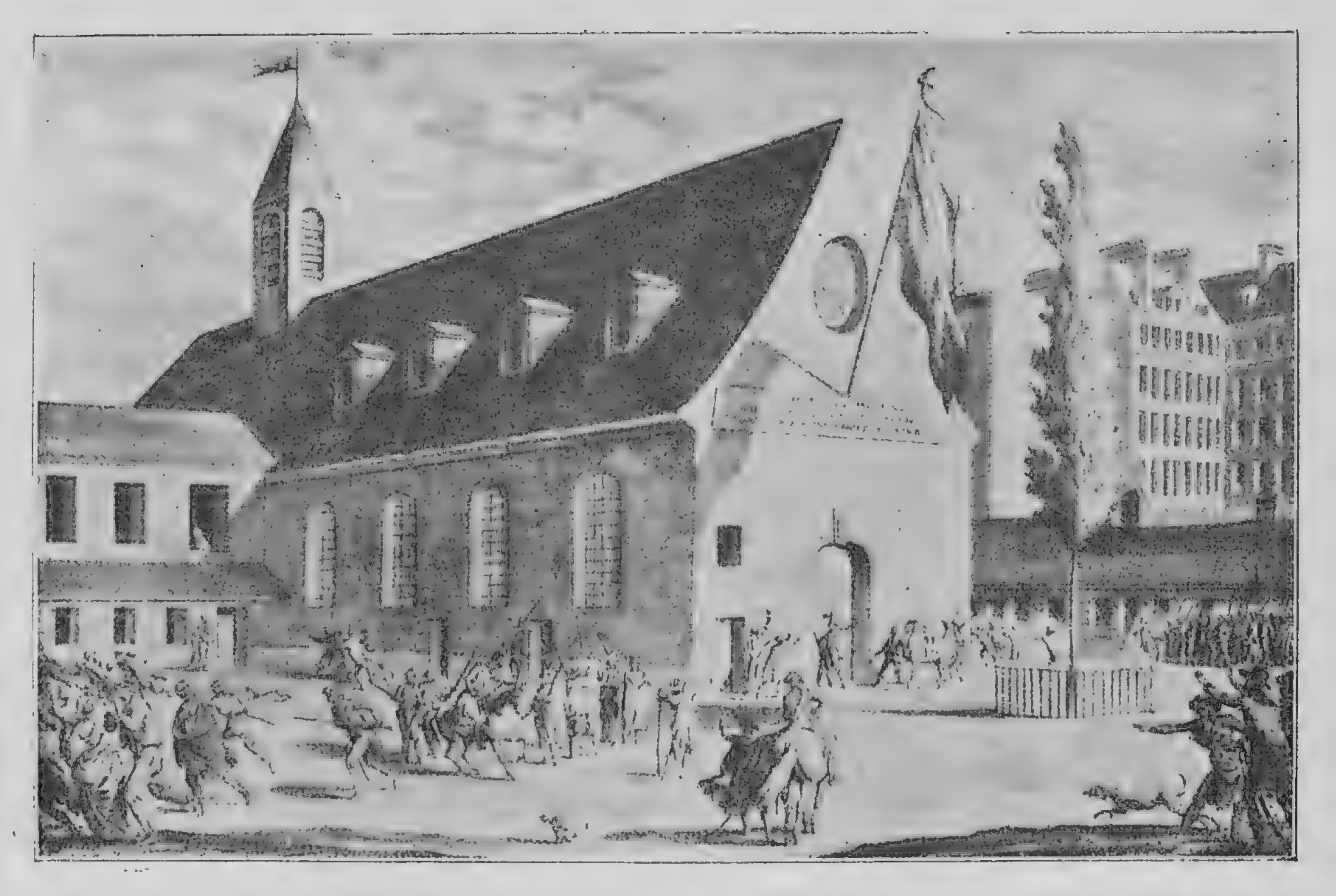
Революціонный комитетъ. Стр. 300.



Послѣднія жертвы террора. Стр. 366.

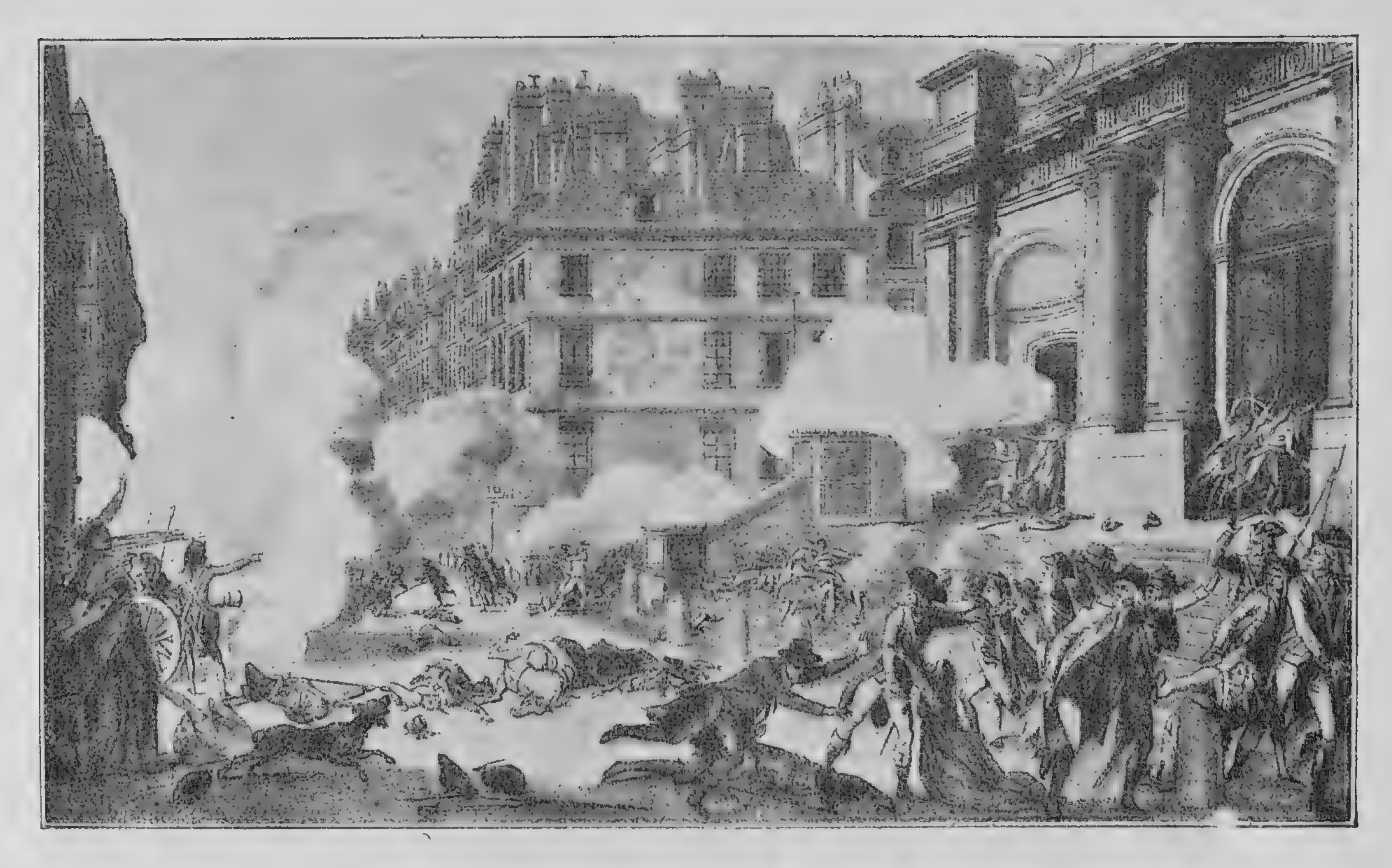


Арестъ Робеспьера 9 термидора II года. Стр. 320.

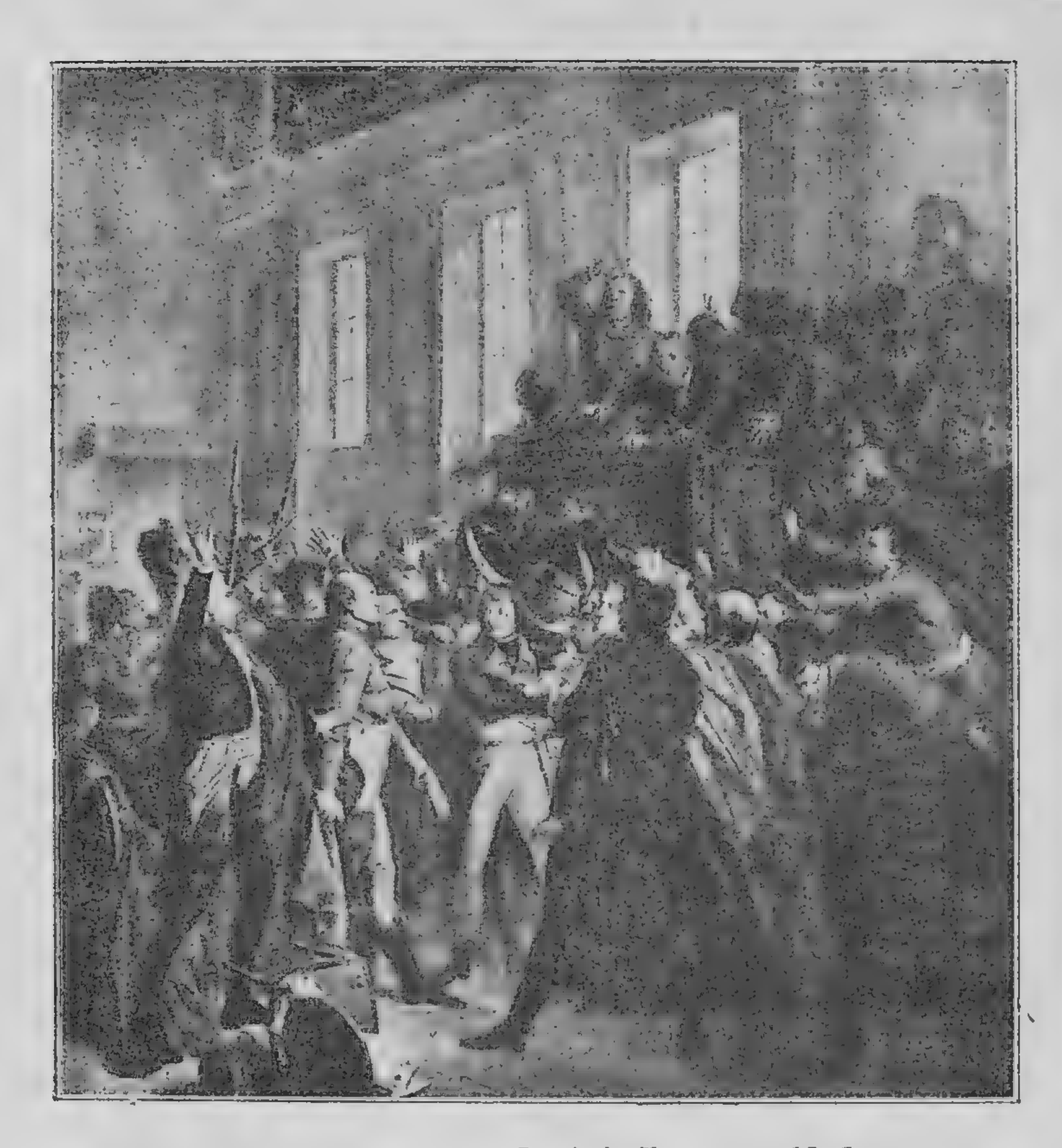


Изгнаніе якобинцевъ изъ ихъ клуба. Стр. 324.

Возстаніе 1 преріала III года. Стр. 328.



Подавленіе возстанія 13 вандемьера III года. Стр. 334



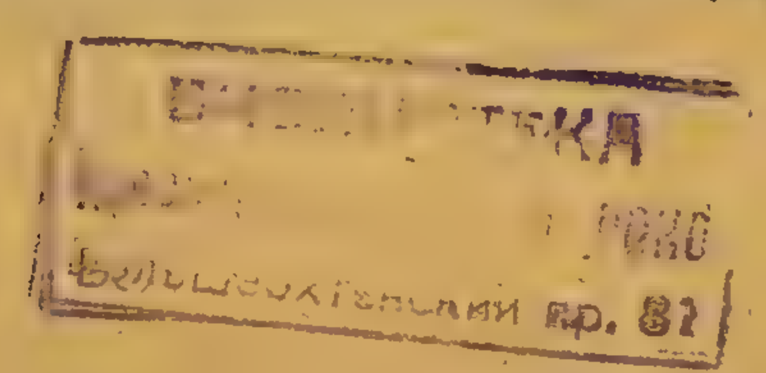
Наполеонъ Бонапартъ въ Совѣтѣ Пятисотъ 19 брюмера VIII года. Стр. 414.

Современный сатирическій эстампъ „Пробужденіе третьяго сословія". Стр. 107.

Современный сатирическій эстампъ, изображающій переѣздъ въ Парижъ „хлѣбопека" съ семьей. Стр. 145.

Современный эстампъ, изображающій бѣгство первыхъ эмигрантовъ. Стр. 140.

Современная аллегорическая гравюра, изображающая попытку королевы поджечь Національное Собраніе. Стр. 136.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія.

55886/10п
10 —
Лавка писателей